This is a digital copy of a book that was preserved for generations on library shelves before it was carefully scanned by Google as part of a project to make the world's books discoverable online.

It has survived long enough for the copyright to expire and the book to enter the public domain. A public domain book is one that was never subject to copyright or whose legal copyright term has expired. Whether a book is in the public domain may vary country to country. Public domain books are our gateways to the past, representing a wealth of history, culture and knowledge that's often difficult to discover.

Marks, notations and other marginalia present in the original volume will appear in this file - a reminder of this book's long journey from the publisher to a library and finally to you.

Usage guidelines

Google is proud to partner with libraries to digitize public domain materials and make them widely accessible. Public domain books belong to the public and we are merely their custodians. Nevertheless, this work is expensive, so in order to keep providing this resource, we have taken steps to prevent abuse by commercial parties, including placing technical restrictions on automated querying.

We also ask that you:

+ *Make non-commercial use of the files* We designed Google Book Search for use by individuals, and we request that you use these files for personal, non-commercial purposes.
+ *Refrain from automated querying* Do not send automated queries of any sort to Google's system: If you are conducting research on machine translation, optical character recognition or other areas where access to a large amount of text is helpful, please contact us. We encourage the use of public domain materials for these purposes and may be able to help.
+ *Maintain attribution* The Google "watermark" you see on each file is essential for informing people about this project and helping them find additional materials through Google Book Search. Please do not remove it.
+ *Keep it legal* Whatever your use, remember that you are responsible for ensuring that what you are doing is legal. Do not assume that just because we believe a book is in the public domain for users in the United States, that the work is also in the public domain for users in other countries. Whether a book is still in copyright varies from country to country, and we can't offer guidance on whether any specific use of any specific book is allowed. Please do not assume that a book's appearance in Google Book Search means it can be used in any manner anywhere in the world. Copyright infringement liability can be quite severe.

About Google Book Search

Google's mission is to organize the world's information and to make it universally accessible and useful. Google Book Search helps readers discover the world's books while helping authors and publishers reach new audiences. You can search through the full text of this book on the web at `http://books.google.com/`

Google

Это цифровая коиия книги, хранящейся для иотомков на библиотечных иолках, ирежде чем ее отсканировали сотрудники комиании Google в рамках ироекта, цель которого - сделать книги со всего мира достуиными через Интернет.

Прошло достаточно много времени для того, чтобы срок действия авторских ирав на эту книгу истек, и она иерешла в свободный достуи. Книга иереходит в свободный достуи, если на нее не были иоданы авторские ирава или срок действия авторских ирав истек. Переход книги в свободный достуи в разных странах осуществляется ио-разному. Книги, иерешедшие в свободный достуи, это наш ключ к ирошлому, к богатствам истории и культуры, а также к знаниям, которые часто трудно найти.

В этом файле сохранятся все иометки, иримечания и другие заииси, существующие в оригинальном издании, как наиоминание о том долгом иути, который книга ирошла от издателя до библиотеки и в конечном итоге до Вас.

Правила использовапия

Комиания Google гордится тем, что сотрудничает с библиотеками, чтобы иеревести книги, иерешедшие в свободный достуи, в цифровой формат и сделать их широкодостуиными. Книги, иерешедшие в свободный достуи, иринадлежат обществу, а мы лишь хранители этого достояния. Тем не менее, эти книги достаточно дорого стоят, иоэтому, чтобы и в дальнейшем иредоставлять этот ресурс, мы иредириняли некоторые действия, иредотвращающие коммерческое исиользование книг, в том числе установив технические ограничения на автоматические заиросы.

Мы также иросим Вас о следующем.

- Не исиользуйте файлы в коммерческих целях.
  Мы разработали ирограмму Поиск книг Google для всех иользователей, иоэтому исиользуйте эти файлы только в личных, некоммерческих целях.

- Не отиравляйте автоматические заиросы.
  Не отиравляйте в систему Google автоматические заиросы любого вида. Если Вы занимаетесь изучением систем машинного иеревода, оитического расиознавания символов или других областей, где достуи к большому количеству текста может оказаться иолезным, свяжитесь с нами. Для этих целей мы рекомендуем исиользовать материалы, иерешедшие в свободный достуи.

- Не удаляйте атрибуты Google.
  В каждом файле есть "водяной знак" Google. Он иозволяет иользователям узнать об этом ироекте и иомогает им найти доиолнительные материалы ири иомощи ирограммы Поиск книг Google. Не удаляйте его.

- Делайте это законно.
  Независимо от того, что Вы исиользуйте, не забудьте ироверить законность своих действий, за которые Вы несете иолную ответственность. Не думайте, что если книга иерешла в свободный достуи в США, то ее на этом основании могут исиользовать читатели из других стран. Условия для иерехода книги в свободный достуи в разных странах различны, иоэтому нет единых иравил, иозволяющих оиределить, можно ли в оиределенном случае исиользовать оиределенную книгу. Не думайте, что если книга иоявилась в Поиске книг Google, то ее можно исиользовать как угодно и где угодно. Наказание за нарушение авторских ирав может быть очень серьезным.

О программе Поиск кпиг Google

Миссия Google состоит в том, чтобы организовать мировую информацию и сделать ее всесторонне достуиной и иолезной. Программа Поиск книг Google иомогает иользователям найти книги со всего мира, а авторам и издателям - новых читателей. Полнотекстовый иоиск ио этой книге можно выиолнить на странице `http://books.google.com/`

A7
Samokvasov, D. IA.
Drevnee russk. pravo.

Bd. Nov. 1936

HARVARD LAW LIBRARY

Received OCT 1 1936

ДРЕВНЕЕ РУССКОЕ ПРАВО.

Лекціи 190²/₃ академическаго года.

Заслуженнаго ординарнаго профессора Московскаго Университета

Д. Я. Самоквасова.

МОСКВА.

Университетская типографія, Страстной бульваръ.

1903.

OCT 1 1936

ОГЛАВЛЕНІЕ СОДЕРЖАНІЯ.

Древнее русское право.

Памятники русскаго права языческой эпохи.

Договоры съ Греками.

Стр.

ГЛАВА I. Происхожденіе и содержаніе договоровъ 907 и 911 г. Давность сношеній Кіева съ Византіей. Свѣдѣнія о договорахъ Руссовъ съ Греками IX вѣка. Завоеваніе Кіева и походъ на Константинополь князя Олега. Переговоры и договоръ Руссовъ съ Греками 907 года. Русское посольство и содержаніе договора съ Греками 911 г. 1

ГЛАВА II. Происхожденіе и содержаніе договоровъ съ Греками 945 и 971 г. Походы на Константинополь князя Игоря, переговоры и содержаніе договора Руссовъ съ Греками 945 г. Завоеваніе Болгаріи, война съ Цимисхіемъ, переговоры съ Греками и содержаніе договора князя Святослава съ Цимисхіемъ 971 г. 12

ГЛАВА III. Подлинность договоровъ кіевскихъ князей съ византійскими императорами X вѣка. Разборъ мнимыхъ доказательствъ Шлецеровской школы о неподлинности договоровъ князей Олега и Игоря съ Греками (мнимыя отсутствіе сношеній Кіевлянъ съ Греками до времени князя Игоря, баснословіе лѣтописца, молчаніе византійскихъ лѣтописей о договорахъ Олега и Игоря, невѣрность хронологіи русской лѣтописи, несоотвѣтствіе содержанія договоровъ духу времени и темнота ихъ текста). Древность языка договоровъ и связь ихъ содержанія 24

ГЛАВА IV. Народность права договоровъ кіевскихъ князей съ византійскими императорами X в. Основанія ученій о германизмѣ и грецизмѣ права договоровъ. Ученіе русскихъ и нѣмецкихъ историковъ XVIII и первой половины XIX ст., С. М. Соловьева, В. И. Сергѣевича и М. Ф. Владимірскаго-

Стр.

Буданова. Доказательства славяно-русской народности права договоровъ 34

Происхожденіе русскаго народа, русскихъ племенныхъ княженій и русскаго права.

ГЛАВА V. Лѣтописное свидѣтельство о происхожденіи русскихъ Славянъ и его комментарій. Содержаніе лѣтописнаго свидѣтельства о разселеніи Славянъ изъ дунайской прародины вслѣдствіе натиска Волоховъ. Итальянская народность Волоховъ и время завоеванія славянской прародины Римлянами по историческимъ даннымъ. Историческія и археологическія доказательства разселенія русскихъ Славянъ изъ дунайской прародины въ эпоху господства Римлянъ въ Дакіи. 46

ГЛАВА VI. Содержаніе лѣтописныхъ свидѣтельствъ о происхожденіи русскихъ племенныхъ княженій—волостей, состоявшихъ изъ центральныхъ городовъ и пригородовъ. Факты образованія племенныхъ земель посредствомъ городской колонизаціи: происхожденіе земель Донской, Вятской, Новгородской, Кіевской, Древлянской и др. Основаніе политической связи колоній—пригородовъ съ митрополіей—старѣйшимъ городомъ въ племенномъ княженіи. Сравненіе теоріи происхожденія городовъ изъ селеній и селеній изъ хуторовъ съ фактами исторіи общежитія осѣдлыхъ народовъ 59

ГЛАВА VII. Содержаніе лѣтописнаго сказанія о происхожденіи обычаевъ и законовъ русскихъ Славянъ и его комментарій. Значеніе словъ рядъ, уставъ, законъ и поконъ въ эпоху договоровъ съ Греками. Источники права божескаго и человѣческаго происхожденія. Религіозный характеръ системы русскаго права языческой эпохи..... ... 72

Содержаніе системы русскаго права языческой эпохи.

Экономическія учрежденія.

ГЛАВА VIII. Связь экономическаго быта съ гражданскимъ. Экономическія учрежденія русскихъ Славянъ эпохи договоровъ съ Греками. Осѣдлость и устройство частныхъ и общественныхъ жилищъ. Промыслы: земледѣліе, скотоводство, пчеловодство, торговля, война и служба въ сосѣднихъ государствахъ. Богатство экономическаго быта русскихъ Славянъ эпохи договоровъ съ Греками..... 83

Религіозныя учрежденія.

Стр.

ГЛАВА IX. Средства познанія языческой религіи русскихъ Славянъ. Степени развитія религіозныхъ воззрѣній. Обожаніе земныхъ предметовъ, душъ предковъ, небесныхъ свѣтилъ и отвлеченнаго творца и владыки неба и земли. Государственные боги и жертвоприношенія Скиѳовъ 94

ГЛАВА X. Религія русскихъ Славянъ языческой эпохи. Государственные боги. Вѣра въ загробную жизнь и обожаніе душъ мертвыхъ. Способы поклоненія богамъ. Народное суевѣріе. Древность христіанства въ Россіи. Отношеніе языческой тройцы государственныхъ боговъ эпохи договоровъ съ Греками къ христіанской Тройцѣ..... 101

Учрежденія публичнаго права.

Государственное право.

ГЛАВА XI. Государство и его основные институты. Понятіе племенного княженія. Организація территоріи племенного княженія. Форма общественныхъ поселеній. Центральные города и пригороды. Количество и территоріальное распредѣленіе городовъ. Фактическое опредѣленіе территоріальныхъ границъ..... 110

ГЛАВА XII. Организація населенія и власти племенного княженія. Жрецы, князья, свободные горожане и рабы. Власть народнаго вѣча, князей и жрецовъ. Городская община, волость и племенная земля. Политическая связь общины съ волостью и волости съ землею 116

Процессуальное право.

ГЛАВА XIII. Теоріи личнаго самосуда, общиннаго суда и государственнаго суда. Организація вѣчевого и княжескаго суда въ центральномъ городѣ и въ пригородахъ русскаго племенного княженія. Организація общиннаго вѣчевого суда по архивнымъ актамъ, открытымъ проф. Иванишевымъ. Судебныя доказательства и значеніе „мести“ въ эпоху договоровъ съ Греками.. 125

Уголовное право.

ГЛАВА XIV. Степени развитія уголовнаго права въ союзахъ общинъ. Терминологія уголовнаго права эпохи договоровъ съ Греками. Содержаніе и комментарій постановленій

Стр.

договоровъ съ Греками объ убійствѣ и тѣлесныхъ ударахъ оружіемъ всякаго рода..... 136

ГЛАВА XV. Содержаніе и комментарій постановленій договоровъ съ Греками о воровствѣ, грабежѣ, розыскѣ похищенныхъ, отнятыхъ и бѣглыхъ рабовъ, убійствѣ противящихся аресту, казни преступниковъ своимъ государствомъ и выдачѣ бѣглыхъ злодѣевъ 146

Учрежденія гражданскаго права.

ГЛАВА XVI. Понятіе гражданскаго общества и гражданскаго права. Гипотеза Аристотеля о догосударственныхъ формахъ человѣческаго общежитія. Теоріи догосударственнаго родового и общиннаго гражданскаго общества русскихъ Славянъ, ихъ основанія и критика..... 155

ГЛАВА XVII. *Брачный союзъ.* Форма брачнаго союза и способы пріобрѣтенія женъ. Брачные обряды и символы. Личныя и имущественныя отношенія мужа къ женѣ въ договорныхъ и насильственныхъ брачныхъ союзахъ. Расторженіе языческаго брака. Объединеніе женъ всѣхъ способовъ пріобрѣтенія въ христіанскомъ бракѣ обрядомъ вѣнчанія 166

ГЛАВА XVIII. *Семейно-родовые союзы.* Организація задруги южныхъ Славянъ—большой семьи русскаго народа. Личныя и имущественныя отношенія въ семейно-родовыхъ союзахъ. Древность большой семьи..... 176

ГЛАВА XIX. *Имущественные союзы.* Происхожденіе и терминологія личной собственности. Поземельная община русскаго народа и ея распространенность и древность. Городская поземельная община русскаго племенного княженія. Порядокъ передачи гражданскихъ правъ..... 186

Памятники и содержаніе системы русскаго права эпохи удѣльныхъ государствъ.

Памятники общаго и мѣстнаго права Русской земли.

ГЛАВА XX. Значеніе системы русскаго права языческой эпохи въ христіанское время. Номоканонъ, его происхожденіе, составъ содержанія и рецепція въ Россіи. Русскія Кормчія книги, ихъ происхожденіе и составъ содержанія 197

ГЛАВА XXI. Органы законодательной власти въ Русской землѣ эпохи удѣльныхъ государствъ. Словесные уставы цер-

Стр.

выхъ князей Рюриковичей. Значеніе народнаго преданія и публичности управленія и суда въ эпоху устнаго законодательства. Законодательные акты удѣльной эпохи въ письменной формѣ и ихъ классификація 206

ГЛАВА XXII. Княжеское законодательство по церковнымъ дѣламъ. Происхожденіе и содержаніе уставовъ по церковнымъ дѣламъ князей Владимира, Ярослава, Всеволода-Гавріила, Святослава и Ростислава..... 213

ГЛАВА XXIII. Княжеское законодательство по мірскимъ дѣламъ. Редакціи списковъ, источники содержанія и доказательства законодательнаго значенія Русской Правды..... 220

ГЛАВА XXIV. Памятники договорнаго законодательства. Происхожденіе договоровъ съ Нѣмцами. Договоры съ Нѣмцами Ярослава Владимировича, Александра Невскаго, Ярослава Ярославича, Мстислава Давидовича и Полоцка съ Рижанами. Договоры междукняжескіе и Новгорода съ князьями. 226

ГЛАВА XXV. Памятники княжескаго внутренняго законодательства. Двинская и Бѣлоозерская уставныя грамоты. Ханскіе ярлыки. Жалованныя, данныя и духовныя княжескія грамоты. Отдѣльные акты и своды вѣчевого законодательства. Новгородская и Псковская судныя грамоты..... 233

Акты дѣлопроизводства государственныхъ учрежденій и юридическіе акты частныхъ лицъ.

ГЛАВА XXVI. Акты удостовѣренія и укрѣпленія правъ, ихъ происхожденіе, значеніе и храненіе. Происхожденіе, исторія и научное значеніе архивовъ. Централизація архивныхъ матеріаловъ въ Западной Европѣ и въ Россіи. Недостатки современной постановки архивнаго дѣла въ Россіи и необходимость архивной реформы. Значеніе архивныхъ актовъ для историка-юриста..... 241

Содержаніе системы русскаго права эпохи удѣльныхъ государствъ.

Государственное право.

ГЛАВА XXVII. *Территорія.* Образованіе понятія единой Русской земли. Территоріальныя дѣленія, ихъ терминологія и значеніе. Административные центры и виды общественныхъ поселеній. Территоріальныя границы, ихъ названія и юридическое опредѣленіе..... 252

Стр.

ГЛАВА XXVIII. *Народонаселеніе.* Организація христіанскаго духовенства. Количество, виды и значеніе монастырей. Организація служилыхъ людей. Князья и бояры. Дружина въ обширномъ и тѣсномъ смыслѣ, старѣйшая и молодшая. Княжескіе слуги вольные и новольные. Происхожденіе и значеніе дворянъ Московскаго государства 261

ГЛАВА XXIX. Происхожденіе и юридическое положеніе податныхъ людей—горожанъ,—смердовъ въ обширномъ смыслѣ. Обложеніе данью князьями Рюриковичами жителей городовъ завоеванныхъ племенныхъ княженій. Военная повинность черныхъ людей. Переходъ права на дань и службу черныхъ людей къ монгольскому хану. Черные крестьяне Московскаго государства, ихъ организація, управленіе и крѣпость тяглой землѣ; обособленіе посадскихъ людей и раздача черныхъ людей въ служилыя помѣстья и вотчины 273

ГЛАВА XXX. Источники рабства и происхожденіе рабскихъ поселеній. Рабство дворовыхъ людей и земледѣльцевъ владѣній церковныхъ, княжескихъ и боярскихъ 285

ГЛАВА XXXI. Происхожденіе и значеніе крестьянъ служилыхъ помѣстій и вотчинъ. Юридическое положеніе рабовъ эпохи Русской Правды. Юридическое положеніе крестьянъ въ Московскомъ государствѣ..... 293

ГЛАВА XXXII. Полувольные и вольные люди. Происхожденіе и юридическое положеніе наймитовъ, закуповъ, изорниковъ, половниковъ, серебрениковъ и перехожихъ крестьянъ. Давность крѣпостного права въ Россіи.... 301

ГЛАВА XXXIII. *Власть.* Значеніе и порядокъ преемства власти князей Рюриковичей до монгольскаго завоеванія Россіи. Теоріи С. М. Соловьева и В. И. Сергѣевича. Сказаніе о призваніи Рюрика. Завоеванія первыхъ Рюриковичей. Значеніе княжеской власти до и по рецепціи христіанства. Порядокъ преемства княжеской власти при первыхъ Рюриковичахъ. Завѣщаніе Ярослава Владимировича и законъ преемства княжеской власти по родовому праву. Дѣленіе Русской земли на удѣльныя государства и его основаніе..... 317

ГЛАВА XXXIV. Значеніе и преемство власти русскихъ князей подъ владычествомъ Монголовъ. Монгольское завоеваніе. Значеніе власти хана и русскихъ князей подъ владычествомъ Монголовъ. Преемство власти русскихъ князей подъ господствомъ Орды. Происхожденіе новаго порядка преемства великокняжеской власти въ Московскомъ государствѣ. Завѣщаніе в. к. Ивана III ..... . 329—341

Процессуальное право.

Стр.

ГЛАВА XXXV. Организація суда и судопроизводство въ удѣльныхъ княжествахъ. Органы суда въ удѣльныхъ княжествахъ по Русской Правдѣ и уставнымъ грамотамъ. Судебныя доказательства по Русской Правдѣ и уставнымъ грамотамъ. Различія процесса по различію правонарушеній: процессъ по дѣламъ объ убійствѣ, воровствѣ и др. 341

ГЛАВА XXXVI. Организація суда и судебный процессъ въ народоправствахъ. Юридическая основа особенностей въ организаціи правительственной и судебной власти народоправствъ. Органы суда и судопроизводство въ народоправствахъ. 350

Уголовное право.

ГЛАВА XXXVII. Понятія преступленія и наказанія по Русской Правдѣ. Виды преступленій и наказаній. Потокъ и разграбленіе, вира, дикая вира и продажа; головничество и уроки. Уголовныя постановленія уставныхъ грамотъ. 360

Гражданское право.

ГЛАВА XXXVIII. Институты семейнаго, вещнаго, обязательственнаго и наслѣдственнаго права по княжескому и вѣчевому законодательству. Постановленія Русской Правды и Псковской судной грамоты о семействѣ, недвижимой и движимой собственности, куплѣ, займѣ, процентахъ, поклажѣ, наймѣ, закупничествѣ, опекѣ и порядкѣ наслѣдованія правъ. Акты удостовѣренія и укрѣпленія правъ. Псковскій архивъ. . 369

Дополненія.

№ I. Уголовная система церковнаго устава князя Ярослава Владимировича 1

№ II. Подлинность церковныхъ уставовъ князей Владимира и Ярослава. 3

№ III. Содержаніе церковныхъ уставовъ удѣльныхъ князей 12

№ IV. Изданія Русской Правды 15

№ V. Литература Русской Правды 16

№ VI. Система содержанія Русской Правды. 19

№ VII. Денежная система Русской Правды. 23

№ VIII. Литература мѣстныхъ законовъ удѣльной эпохи. . 24

№ IX. Содержаніе договоровъ съ Нѣмцами конца XII вѣка и 1229 года 26

№ X. Содержаніе междукняжескихъ договоровъ 28

№ XI. Содержаніе договоровъ Новгорода съ князьями. . 31

Стр.

№ XII. Содержаніе Двинской и Бѣлоозерской уставныхъ грамотъ 32
№ XIII. Содержаніе вѣчевой грамоты на черный боръ... 34
№ XIV. Составъ содержанія Новгородской судной грамоты. 34
№ XV. Составъ содержанія Псковской судной грамоты.. 35
№ XVI. Теорія двоевластія въ древней Руси и ея критика:
1) Содержаніе теоріи двоевластія и ея аргументація.... 36
2) Право избранія и изгнанія князей Новгородцами 41
3) Организація управленія въ народоправствѣ 42
4) Юридическое значеніе вѣча въ княжествахъ и народоправствахъ 48
№ XVII. Основаніе и факты участія народной воли въ преемствѣ великокняжеской власти до времени монгольскаго завоеванія Россіи 50

Отдѣльныя приложенія для практическихъ занятій:

А. „Средства познанія древнѣйшаго русскаго права“ (стр. 1—143). Д. Я. Самоквасова. Москва. 1899.

I. Текстъ отрывка „Исторіи Іоакима“..... 3
II. Тексты извѣстій до рецепціи христіанства „Повѣсти временныхъ лѣтъ Нестора Черноризца Ѳедосьева монастыря Печерскаго“ по древнѣйшимъ спискамъ 11
III. Извѣстія позднѣйшихъ лѣтописныхъ сводовъ, не вошедшія въ составъ содержанія Нестерова свода 55
IV. Тексты Русской Правды по Академическому и Троицкому спискамъ 69
V. Тексты уставовъ по церковнымъ дѣламъ князей Владимира Святославича и Ярослава Владимировича..... 85
VI. Извѣстія восточныхъ писателей: Хордадбе, Табари, Фадлана, Масуди, Даста, Фарси, Хаукаля и Надима 93
VII. Извѣстія Саги Олава, сына Тригвіева 121
VIII. Извѣстія Льва Діакона Калойскаго 127

Б. Родословная таблица рода Рюриковичей, поясняющая порядокъ преемства великокняжеской власти и законъ происхожденія удѣльныхъ государствъ.

Періодъ племенныхъ княженій.

I. Спеціальныя средства познанія системы права русскихъ Славянъ языческой эпохи.

Договоры Русскихъ князей съ византійскими императорами X вѣка [1]).

ГЛАВА I.

Происхожденіе и содержаніе договоровъ 907 и 911 года.

Спеціальныя средства познанія системы права русскихъ Славянъ языческой эпохи составляютъ четыре договора Руссовъ съ Греками X-го вѣка, о происхожденіи которыхъ сохранились въ источникахъ нижеслѣдующія свѣдѣнія.

Лѣтописное преданіе о князѣ Кіѣ, основателѣ города Кіева, *ходившемъ въ Царьградъ*, относитъ начало сношеній Кіева съ Византіей къ глубокой давности [2]). Монеты византійскихъ императоровъ

---

[1]) Литературныя пособія:

Эверса: „Древнѣйшее русское право"; переводъ Платонова; кн. I; отд. VII; стр. 133 и слѣд. Изд. 1835 г.

Срезневскаго: „О договорахъ съ Греками". Извѣстія Импер. Ак. Наукъ; т. I; стр. 309—326; т. III; стр. 259—295.

Н. Лавровскаго: „О византійскомъ элементѣ въ языкѣ договоровъ Русскихъ съ Греками". Спб. 1853.

Мейчика: „Система преступленій и наказаній по договорамъ Олега и Игоря". Юрид. Вѣстникъ за 1875 г. Январь—Мартъ.

Сергѣевича: „Договоры Русскихъ съ Греками". Журналъ Мин. Нар. Просв. 1882 г. Январь. Его же: „Изслѣдованія, замѣчанія и лекціи. Договоры съ Греками"; стр. 99 и слѣд. Изд. 1883 г.

Владимірскаго-Буданова: „Христоматія по исторіи русскаго права"; вып. I; изд. III; 1885 г.; стр. 1—25. Его же: „Обзоръ исторіи русскаго права"; стр. 97 и слѣд. Изд. 1900 г.

[2]) См. „Пособіе для практ. зан. студентовъ" Д. Я. Самоквасова, стр. 13. Изд. 1899 г.

и другіе предметы византійскаго искусства, открытые въ наше время въ бассейнѣ Днѣпра, свидѣтельствуютъ о сношеніяхъ кіевской области съ Византіей со времени основанія до паденія Византіи [1]). Но первое лѣтописное описаніе посѣщенія Константинополя Руссами относится къ седьмому десятилѣтію IX столѣтія: «Въ лѣто 6360 (852), индикта 15, наченшю Михаилу царствовати, начася прозывати Руска земля. О семъ бо увѣдахомъ, яко *при семъ цари приходиша Русь на Царьгородъ*, якоже пишется въ лѣтописаньи гречьстемъ... Въ лѣто 6374 (866) *иде Асколдъ и Диръ на Греки* и придоша въ 14 лѣто Михаила царя» [2]).

О нашествіи при Михаилѣ III Скиѳовъ-Россовъ на Константинополь изъ византійскихъ писателей, современниковъ событія, говорятъ: Патріархъ Фотій, епископъ Никита и лѣтописецъ Георгій

---

[1]) Въ 1876 г., по сообщенію В. Б. Антоновича, въ Кіевѣ былъ найденъ *кладъ монетъ сыновей Константина Великаго*. Въ Днѣпровскихъ порогахъ было найдено нѣсколько сотъ золотыхъ византійскихъ монетъ, изъ которыхъ экземпляры, бывшіе въ рукахъ графа А. С. Уварова, относятся къ VI—X столѣтіямъ. См. Гр. А. С. Уварова: Изслѣдов. о Древ. Южн. Рос.; стр. 16. Въ 1891 году въ Харьковской губерніи, въ Богодуховскомъ уѣздѣ, въ долинѣ р. Мерлы, притока Ворсклы, найденъ *кладъ золотыхъ монетъ*, въ числѣ 201: *Валентиніана II* (371—392 г.) *и Ѳеодосія* (480—450 г.). Въ Александровскомъ уѣздѣ, на правомъ берегу р. Конки, въ 1884 году открыты были восемь могилъ съ остатками сожженныхъ покойниковъ и предметами византійскаго искусства изъ золота, серебра, бронзы и желѣза, украшенными камнями и стекломъ и относящимися къ первымъ столѣтіямъ существованія Константинополя (находки въ курганахъ Александровскаго уѣзда 1884 года хранятся въ скифскомъ отдѣлѣ древностей Спб. Императорскаго Эрмитажа). Въ языческихъ могилахъ Кіевской губерніи, относящихся къ VIII и IX столѣтіямъ, были найдены золотая парча и золотыя шелковыя ткани византійскаго происхожденія. См. изданіе В. А. Прохорова: Матеріалы по Истор. Русск. одеждъ; 1881 г.; таблицы на стр. 40 и 86. Въ Черниговскихъ курганахъ съ остатками трупосожженія (съ кострищами), раскопанныхъ въ 1872 и 1873 годахъ, были найдены золотыя монеты византійскихъ императоровъ второй половины IX и первой половины X столѣтій, вмѣстѣ съ другими предметами византійскаго происхожденія, относящимися къ орнаментикѣ костюма (монеты и другіе предметы изъ черниговскихъ могилъ языческой эпохи хранятся въ Московскомъ Историческомъ Музеѣ, въ коллекціи Д. Я. Самоквасова).

[2]) „Пособіе“, стр. 16.

Амартолъ [1]); а изъ позднѣйшихъ византійскихъ писателей то же событіе описываютъ Левъ Грамматикъ, Симеонъ Логофетъ, Кедринъ и Зонара [2]).

Въ проповѣди патр. Фотія, произнесенной въ виду непріятеля, осадившаго Константинополь, о причинѣ русскаго нашествія при Михаилѣ III говорится: «Зачѣмъ же ты (народъ Константинополя), плачущій теперь, презрѣлъ копье твоихъ союзниковъ и *расторгнулъ союзный договоръ*, какъ безчестный человѣкъ». Во второй проповѣди Фотія, произнесенной по удаленіи непріятеля отъ стѣнъ Царьграда, говорится: «*Россы*, несправедливо обиженные умерщвленіемъ ихъ соплеменниковъ, *справедливо требовали наказанія*, равнаго нашему злодѣянію» [3]).

Подъ 876 годомъ лѣтопись говоритъ о второмъ походѣ Руссовъ на Константинополь, о примиреніи Аскольда и Дира съ Греками, *о договорѣ кіевскихъ князей съ императоромъ Василіемъ-Македоняниномъ* и крещеніи Кіевлянъ [4]). По свидѣтельству Константина Багрянороднаго (въ Житіи и Дѣяніяхъ Василія Македонянина), «императоръ Василій, щедро одаривъ Руссовъ золотомъ, серебромъ и шелковыми тканями, *склонилъ ихъ къ договору*, и даже убѣдилъ сдѣлаться послѣдователями вѣры Христовой и принять къ себѣ архіерея, назначеннаго патріархомъ» [5]). Въ «Окружномъ Посланіи» патр. Фотія. говорится: «не только Болгары перемѣнили прежнее нечестіе на вѣру Христову, но и народъ, превосходящій воинственностью всѣ

---

[1]) Fotii epistolis, ed. Richar. Mont; p. 58. А. П. Успенскаго: Четыре Бесѣды Фотія. 1864 г. Пафлаг. епископъ Никита: Житіе Патр Игнатія. Pagius, ad Baron. Annal. p. 554. „Георгій Амартолъ“ въ прибавл. къ П. С. Р. Л., т. I, стр. 242 (цитата изъ Хронографа Георгія Амартола).

[2]) Strit. Memor. Populorum; t. II; p. 957, 958.

[3]) Епископъ Никита, описывая нашествіе Руссовъ на Константинополь при Михаилѣ III, говоритъ: „κατ' ἐκείνον γὰρ τὸν καιρὸν τὸ μιαιφονώτατον τῶν Σκυθῶν ἔθνος, οἱ λεγόμενοι Ῥῶς διὰ τοῦ Εὐξείνου Πόντου πθοσκεχωρήκοτες τῷ Στενῷ, καὶ πάντα μεν χωρία, πάντα δὲ μόναστήρια διηρπάκοτες, ἔτι δὴ καὶ τῶν τοῦ Βυζαντίου περιοικιδῶν κατέδραμον νησίων, σκενὴ μεν πάντα ληϊζόμενοι καὶ χρήματα, ἀνθρόπους δὲ τοὺς ἅλοντας πάντας ἀποκτείνοντες“. (Pagius: Ad Baron. Annal. ad. A.; p. 554).

[4]) Никонов. Лѣт.; ч. I; с. 21, 22: „О князѣ рустемъ Осколдѣ... *Василій же... сотвори и мирное устроеніе съ прежерѣченными Руссы* и преложи сихъ на христіанство... и просиша архіерея и посла къ нимъ царь... и вся крестишася“. „Пособіе“, стр. 17.

[5]) Scrip. Byzant. post-Theofan; p. 211.

другіе народы, называемый Россами, покорившій окрестные народы и поднявшій руки свои на самую римскую имперію, и этотъ народъ перемѣнилъ нынѣ язычество на чистую и правую христіанскую вѣру, и вмѣсто недавняго враждебнаго къ намъ отношенія нынѣ *заключилъ съ нами дружественный договоръ* и принялъ къ себѣ епископа, пастырей и христіанское богослуженіе» [1]).

Слѣдовательно, *Кіевляне и Греки состояли въ договорныхъ отношеніяхъ уже до 866 года*; *въ 866 году*, въ царствованіе Михаила III, *Руссы опустошили окрестности Константинополя за нарушеніе Греками договорныхъ условій*; *а въ 876 году*, въ царствованіе Василія-Македонянина, *договоръ Руссовъ съ Греками былъ возобновленъ*.

Свидѣтельства лѣтописи о событіяхъ въ Русской землѣ, послѣдовавшихъ за крещеніемъ Кіевлянъ въ 876 году, объясняютъ причину, по которой потерялъ силу договоръ Аскольда съ Васильемъ Македонянином и возобновилось господство язычества въ Кіевѣ. Новгородскіе и кіевскіе князья не жили мирно между собой: кіевскіе князья вели войну съ подвластными новгородскому князю Полочанами; новгородскіе мужи, недовольные своимъ княземъ, бѣжали въ Кіевъ, къ Аскольду и Диру [2]). Князь Олегъ, слыша отъ Кіевлянъ жалобы на Оскольда и позавидовавъ области его, взявъ Игоря, вышелъ изъ Новгорода съ многочисленнымъ войскомъ, приблизился къ горамъ кіевскимъ, приказалъ своему войску сойти съ лодокъ на берегъ и спрятаться до поры до времени, а часть воиновъ спряталъ въ лодкахъ, съ которыми поплылъ далѣе въ Кіевъ. Здѣсь, притворившись больнымъ, Олегъ послалъ къ Аскольду и Диру сказать: я гость, иду въ Грецію отъ Олега князя и Игоря княжича; нынѣ заболѣлъ, а при мнѣ много дорогого бисера и всякаго узорочья, а сверхъ того, имѣю сообщить вамъ нѣчто лично, поспѣшите ко мнѣ. Не подозрѣвая обмана, Аскольдъ и Диръ вошли въ лодку Олега съ небольшою дружиною. Тогда «убиша Аскольда и Дира... И сѣде Олегъ княжа въ Кіевѣ, и рѣче: се буди мати всѣмъ градомъ русскимъ. И обладаша всею землею русскою» [3]).

---

[1]) Fotii epist.; p. 58. Разговоры о правос. между испыт. и увѣр.; изд. 1833 г.; с. 175. О крещеніи Скиѳовъ-Россовъ при Васильѣ Македонянинѣ говорятъ также Симеонъ Логофетъ, Кедринъ, Зонара и др. См. Strit. Memoriae Popul.; t. II, p. 959—965.

[2]) „Въ лѣто 6373 (865) воеваша Аскольдъ и Диръ Полочанъ и много зла сотвориша... Въ лѣто 6375 (867) возвратишася Аскольдъ и Диръ отъ Царьграда... Того же лѣта избѣжаша отъ Рюрика изъ Новгорода въ Кіевъ много новгородскихъ мужей“. „Пособіе“, стр. 57.

[3]) Тамъ же, с. 6, 18.

Завоеваніе Кіева язычниками и перемѣна въ немъ княжеской династіи должны были имѣть своимъ слѣдствіемъ упраздненіе договора Славяноруссовъ съ Греками, заключеннаго въ 876 году Аскольдомъ и Диромъ съ императоромъ Василіемъ-Македоняниномъ. По международному праву среднихъ вѣковъ *перемѣна государственныхъ правителей упраздняла дѣйствіе договоровъ между государствами*, требовала подтвержденія ихъ клятвою новыхъ правителей. По смерти Аскольда и Дира новый кіевскій князь имѣлъ возможность поддержать прежнія отношенія Кіева къ Константинополю только посредствомъ своего личнаго клятвеннаго договора съ византійскимъ императоромъ. Но заключить новый договоръ съ Греками новый языческій князь Кіева имѣлъ возможность только по заявленіи своей силы подъ стѣнами Константинополя. Отсюда, укрѣпившись въ Кіевѣ построеніемъ новыхъ городовъ, покоривъ сосѣднія славяноруссскія племена и обложивъ ихъ данью, князь Олегъ въ 907 году предпринялъ военный походъ противъ Грековъ и подъ стѣнами Царьграда заключилъ прелиминарный договоръ съ греческими царями Львомъ и Александромъ, исторія и содержаніе котораго сохранились въ русской лѣтописи [1]).

---

[1]) Въ греческихъ источникахъ тексты договоровъ Руссовъ съ Греками X вѣка не сохранились; но о договорахъ первой половины X вѣка неоднократно упоминается въ византійской лѣтописи второй половины X вѣка. Напримѣръ, въ рѣчи пословъ Іоанна Цимисхія къ Святославу, приводимой въ исторіи Льва Діакона, говорится слѣдующее: „вѣруя въ Провидѣніе, управляющее вселенною и исполняя христіанскіе законы, *мы не должны разрывать договора, дошедшаго до насъ отъ предковъ нашихъ*: вы разрушите *древній договоръ нашъ*, а не мы... Я думаю, что ты, Святославъ, еще не забылъ отца своего Игоря, который, *презрѣвши клятвенный договоръ*, съ великимъ войскомъ, на многихъ тысячахъ судовъ, подступилъ къ царствующему граду“... Подъ клятвеннымъ договоромъ, нарушеннымъ Игоремъ, и подъ договоромъ предковъ Святослава и Цимисхія византійскій историкъ могъ разумѣть только договоръ Олега. По тексту договора Іоанна Цимисхія со Святославомъ Греки обязуются позволять Русскимъ привозить въ Византію хлѣбъ и посылаемыхъ туда по торговымъ дѣламъ признавать „друзьями по древнему договору“ („κατ' ἐμπορίαν πρὸς τὸ Βυζάντιον στελλομένους, καθάπερ ἀνέκαθεν ἔθιμον ἦν“). Подъ древнимъ договоромъ, опредѣлившимъ признавать друзьями русскихъ гостей въ Константинополѣ, договоръ Іоанна Цимисхія со Святославомъ могъ разумѣть только торговыя постановленія договора Олега 907 года, подтвержденныя договоромъ Игоря 945 года. „Пособіе“, стр. 129, 130, 142.

Въ 907 году, говоритъ лѣтописецъ, идетъ Олегъ на Грековъ, оставивъ Игоря въ Кіевѣ, собравши множество Варяговъ, Славянъ, Чуди, Кривичей, Мерянъ, Полянъ, Сѣверянъ, Древлянъ, Радимичей, Хорватъ, Дулебовъ и Тиверцевъ, какъ сказано, называющихся у Грековъ великою Скиѳіей. Со всѣми этими отправился Олегъ на коняхъ и въ лодкахъ, а лодокъ было числомъ двѣ тысячи. Приблизился Олегъ къ Константинополю, но Греки заперли гавань и крѣпость. Тогда Олегъ сошелъ на берегъ и приказалъ войскамъ своимъ вытащить лодки на сушу и воевать окрестности Царьграда. Многіе Греки были убиты, многіе дома были разрушены, а церкви сожжены; взятыхъ въ плѣнъ рубили, мучили, разстрѣливали, въ море кидали; и много другого зла сотворила Русь Грекамъ по обычаямъ войны (но Греки города не открыли и на битву не вышли).

И приказалъ Олегъ войскамъ своимъ сдѣлать колеса, а на колеса поставить лодки, и при попутномъ вѣтрѣ, натянувшемъ паруса съ поля, пошелъ на крѣпость. Видя это, Греки ужаснулись и чрезъ пословъ своихъ сказали Олегу: не губи города, *мы соглашаемся платить дань, какую ты желаешь.* Олегъ остановилъ своихъ воиновъ. Вынесли ему Греки изъ города явства и вино; но это угощеніе не было принято, такъ какъ было отравлено. Испуганные Греки говорили: это не Олегъ, а самъ Святый Дмитрій, посланный на насъ отъ Бога.

И потребовалъ Олегъ выкупъ съ Грековъ, на двѣ тысячи лодокъ по двѣнадцати гривенъ на человѣка, а въ каждой лодкѣ числилось по 40 человѣкъ. Греки согласились на это условіе, но просили договора, которымъ Олегъ обязался бы не воевать греческой земли. Олегъ же, отступивъ нѣсколько отъ города, началъ переговоры о договорѣ съ греческими царями Львомъ и Александромъ, пославъ къ нимъ въ городъ Карла, Фарлафа, Велимида, Рулава и Стемида съ вопросомъ: «*соглашаетесь ли вы платить мнѣ дань?*» «*Что требуешь, дадимъ тебѣ*», отвѣчали Греки.

И потребовалъ Олегъ, чтобы Греки дали его воинамъ на двѣ тысячи лодокъ по двѣнадцати гривенъ на «ключъ», а потомъ давали «уклады» на русскіе города, сначала на Кіевъ, а потомъ на Черниговъ, Переяславъ, Полоцкъ, Ростовъ, Любечъ и другіе города, въ которыхъ сидѣли князья, состоявшіе подъ властью Олега [1]). Рус-

---

[1]) Какъ увидимъ ниже, подъ „укладами“ текстъ договора Олега разумѣлъ постоянную ежегодную дань Грековъ Руссамъ. Это доказываетъ исторія договоровъ Игоря и Святослава: война съ Греками возобновлялась и прекращалась, глядя по тому, платили или отказывались платить Греки „дань, юже ималъ Олегъ“. Византійскій дворъ содержалъ въ строгой тайнѣ данническія отношенія къ сосѣднимъ

скіе имѣютъ право приходить и пользоваться хлѣбомъ, по мѣрѣ надобности; а русскіе купцы имѣютъ право на полугодичное, помѣсячное содержаніе, состоящее изъ хлѣба, вина, мяса, рыбы и овощей; Русскіе имѣютъ право пользоваться банями, по ихъ желанью; а на обратный путь въ отечество свое получаютъ изъ царской казны съѣстные припасы, якори, веревки и паруса, сколько потребуется для дороги.

Согласились на это Греки, но цари и всѣ ихъ бояры сказали: если прибудутъ Русскіе не для торговли, то не имѣютъ права на мѣсячину; русскій князь обязуется запретить Русскимъ, приходящимъ въ нашу страну, творить вредъ въ селахъ нашихъ; Русскіе обязуются жить у Святаго Мамы (предмѣстье Царьграда), и только послѣ переписи ихъ именъ нашимъ посланцемъ получаютъ мѣсячное содержаніе пришедшіе изъ города Кіева, также изъ Чернигова, Переяславля и другихъ городовъ; Русскіе обязуются входить въ крѣпость Константинополя только чрезъ одни ворота, въ сопровожденіи царскаго чиновника, безъ оружія, и въ количествѣ не болѣе пятидесяти человѣкъ, и тогда только имѣютъ право совершать свободно торговыя сдѣлки, не уплачивая никакихъ пошлинъ.

Заключили договоръ съ Олегомъ цари Левъ и Александръ, *согласившись платить дань*. И поклялись взаимно другъ другу: цари цѣловали крестъ, а Олега и его мужей привели къ присягѣ по русскому закону: клялись оружіемъ своимъ, и Перуномъ, богомъ своимъ, и Волосомъ, скотьимъ богомъ.

И приказалъ Олегъ изготовить для русскихъ лодокъ паруса шелковые, а для славянскихъ ситцевые, что и было сдѣлано. Повѣсивъ щиты свои на вратахъ, въ знакъ побѣды, Олегъ оставилъ Царьградъ. Натянули Руссы паруса шелковые, а Славяне ситцевые, и послѣдніе разодралъ вѣтеръ. И сказали Славяне: обратимся къ своимъ холстинамъ; не пригодны Славянамъ ситцевые паруса. И возвратился Олегъ въ Кіевъ съ золотомъ, шелкомъ, овощами, винами и всякими тканями. Народъ прозвалъ Олега вѣщимъ, по понятіямъ несвѣдущихъ язычниковъ [1]).

За изложеннымъ повѣствованіемъ о походѣ и договорѣ Олега 907 года, въ лѣтописи нѣтъ никакихъ извѣстій до 911 года, подъ которымъ говорится о появленіи кометы на западѣ; а затѣмъ, подъ

скиескимъ племенамъ, а потому количество дани въ текстѣ договора 907 года, какъ актѣ публичномъ, оставлено неопредѣленнымъ. См. въ „Пособіи“ „Исторію Льва Діакона“; кн. IV, гл. 5 и 6.

[1]) Ср. П. С. Р. Л.; I, 12; VII, 272; IX, 18; XV, 37. Лѣт. по Ипат. сп.; стр. 18. Лѣт. по Кен. сп.; стр. 25. „Пособіе“, № II, подъ 907 годомъ.

912 годомъ, слѣдуетъ описаніе посольства кіевскаго князя къ греческимъ императорамъ и изложеніе содержанія договора, заключеннаго въ Сентябрѣ 911 года.

Въ извѣстіи о русскомъ посольствѣ говорится слѣдующее: Послалъ Олегъ мужей своихъ опредѣлить и утвердить договорныя условія между Греками и Руссами. *И послы говорили, какъ было условлено на другомъ совѣщаніи, бывшемъ при тѣхъ же царяхъ Львѣ и Александрѣ*: мы отъ русскаго народа, Карлы... Стемиръ, посланные великимъ княземъ русскимъ и всѣми состоящими подъ его властью свѣтлыми боярами къ вамъ, Льву, Александру и Константину, по милости Божіей, великимъ самодержцамъ и царямъ греческимъ, съ цѣлью выразить и упрочить *бывшій многолѣтній дружественный союзъ* между Христіанами и Русскими. По желанію и по приказанію нашего князя и всѣхъ Русскихъ, состоящихъ подъ его властью, мы, болѣе другихъ желающіе, съ помощію Божіей, выразить и сохранить сказанную дружбу [1]), бывшую между Христіанами и Русскими, *много разъ обсуждали ея условія*, но только словесно, и клялись оружіемъ своимъ условія такой дружбы выразить письменно и утвердить клятвою по вѣрѣ и по закону нашему. Вотъ эти условія взаимной нашей дружбы, принятыя нами подъ клятвою [2]).

---

[1]) Посольство Олега 911-го года было особенно заинтересовано въ вѣрномъ соблюденіи дружественнаго союза съ Греками, потому что въ его составъ входили мужи, заключившіе договоръ 907 года и клявшіеся въ неизмѣнной ему вѣрности.

[2]) П. С. Р. Л; I, 14; Лѣт. по Ипат. сп.; стр. 19. Лѣт. по Кон. сп.; стр. 27. „Пособіе“, № II, подъ 912 годомъ. „Въ лѣто 6420. Посла Олегъ мужи свои построити мира и положити ряды межи Греки и Русью. И посла глаголя равно другаго свѣщанія, бывшаго при тѣхъ же царихъ Льва и Александра: мы отъ рода русскаго... Карлы, Инегелдъ, Фарлафъ, Велемидъ, Рулавъ, Гуды, Руалдъ, Карпъ, Фрелавъ, Рюаръ, Актеву, Труанъ, Лидуль, Фостъ, Стемиръ, иже послани отъ Олга, великаго князя русскаго, и отъ всѣхъ, иже суть подъ рукою его, свѣтлыхъ бояръ, къ вамъ, Львови, и Александру и Костянтину. великимъ о Бозѣ самодержцемъ“. Н. А. Лавровскій, предполагая въ лѣтописномъ текстѣ договора переводъ съ несохранившагося греческаго подлинника, слова „равно другаго свѣщанія, бывшаго при тѣхъ же царихъ Льва и Александра“, переводитъ такъ: „копія другой грамоты, находящейся у царей Льва и Александра“. Но этому переводу противорѣчатъ лѣтописная форма глагола, указывающая на прошедшее. бывшее совѣщаніе, и отсутствіе имени императора Константина, именуемаго въ договорѣ 911-го года. По прямому смыслу лѣтописнаго текста,

За приведеннымъ вступленіемъ въ лѣтописи слѣдуетъ изложеніе содержанія договорныхъ условій: *о вѣчномъ мирѣ*; *о недѣйствительности оправдательной присяги при наличности явныхъ уликъ противъ обвиняемаго*; *о наказаніяхъ за убійство, за удары, за воровство и за грабежъ*; *о выкупѣ плѣнныхъ*; *о выдачѣ бѣжавшихъ рабовъ*; *о храненіи и передачѣ наслѣдникамъ имущества Русскихъ, умершихъ въ Греціи; о выдачѣ бѣлыхъ должниковъ-преступниковъ*; наконецъ, заключеніе, въ которомъ обозначены порядокъ и время санкціи договора. Это заключеніе начинается слѣдующими словами: «на утвержденіе же и неподвиженіе быти межи вами Христьяны и Русью, бывшій міръ сотворихомъ Ивановымъ написаніемъ на двою харатью», то-есть для прочности и вѣрности, *прежній договоръ* мы написали теперь Ивановымъ письмомъ на двухъ бумагахъ или грамотахъ.

Императоръ Левъ, добавляетъ лѣтописецъ, богато одаривъ русскихъ пословъ, приказалъ показать имъ богатство и великолѣпіе христіанскихъ храмовъ и отпустилъ ихъ на родину съ великою честью. По возвращеніи въ Кіевъ русскіе послы сообщили Олегу переговоры съ греческими царями, содержаніе заключеннаго договора между Греціей и Россіей и взаимныя клятвы, его скрѣпившія [1]).

договоръ 911 года только письменно формулировалъ словесное соглашеніе, принятое на предшествовавшемъ совѣщаніи, бывшемъ при тѣхъ же императорахъ Львѣ и Александрѣ, съ которыми Олегъ заключилъ договоръ 907 года, то-есть въ то время, когда Константинъ еще не былъ императоромъ.

[1]) Въ переводѣ на русскій языкъ нашего времени договорныя условія 911 года заключаютъ въ себѣ слѣдующее (ср. Кенигсбергскій сп., стр. 28; Никоновскій, стр. 32. П. С. Р. Л.; I, 14; XV, 39. Лѣт. по Ипат. сп., стр. 19. „Пособіе“, № II, подъ 912 годомъ).

„Всего прежде будемъ мирны съ вами, Греки, будемъ любить другъ друга отъ всей души и, сколько отъ насъ зависитъ, не дадимъ обижать васъ никому изъ состоящихъ подъ властью свѣтлыхъ князей нашихъ, но всѣми силами будемъ стараться сохранить навсегда ненарушимо нашу дружбу, утвержденную письмомъ и клятвою. Также и вы, Греки, храните такую же дружбу, ненарушимую и вѣчную, ко всѣмъ свѣтлымъ русскимъ князьямъ и ко всѣмъ, состоящимъ подъ властью свѣтлаго нашего князя.

А объ условіяхъ, относящихся до преступленій, договоримся такъ:

Если случится несомнѣнное преступленіе и будутъ представлены явныя показанія противъ преступника, а обвиняемый станетъ оправдывать себя клятвою, то на клятву не обращать вниманія, а казнить преступника, глядя по его винѣ.

По тексту русской лѣтописи *въ 907 году кіевскій князь Олегъ заключилъ* съ византійскими императорами Львомъ и Александромъ, *подъ стѣнами Константинополя, мирный предварительный договоръ,*

Въ томъ случаѣ, если кто убьетъ, Христіанина Русинъ или Христіанинъ Русина, то убійца лишается жизни на мѣстѣ совершоннаго убійства. Если убійца убѣжитъ, а будетъ онъ человѣкъ состоятельный, то все принадлежащее ему по закону имущество дѣлается собственностью ближайшаго родственника убитаго; но жена убійцы сохраняетъ имущество, слѣдующее ей по закону. Скрывшійся несостоятельный убійца считается состоящимъ подъ судомъ, пока найдутъ его и казнятъ смертью.

Ударившій кого-либо мечомъ или какимъ-либо сосудомъ обязанъ заплатить 5 литръ серебра по закону русскому; а если виновный не имѣетъ средствъ, то долженъ заплатить сколько можетъ, долженъ снять съ себя и то платье, въ которомъ ходитъ, а сверхъ того, долженъ присягнуть по своей вѣрѣ, что онъ ни откуда не можетъ получить помощи, и тогда только тяжба къ нему обиженнаго прекращается.

Если украдетъ Русскій у Христіанина, а также Христіанинъ у Русскаго, и пойманъ будетъ воръ во время кражи обокраденнымъ хозяиномъ, и станетъ защищаться, и будетъ убитъ, то смерть его не взыскивается ни Христіанами, ни Русскими; а напротивъ, потерявшій свое возвращаетъ погубленное. Если же пойманный воръ отдается въ руки обокраденному безъ сопротивленія, то долженъ быть связанъ и возвращаетъ похищенное въ тройной его цѣнѣ.

Отнятое посредствомъ явнаго насилія Русиномъ у Христіанина или Христіаниномъ у Русина должно возвратить втрое.

Если греческая лодья будетъ выброшена бурею на русскую землю, то Русскіе должны хранить лодью и ея грузъ, отослать ее въ землю христіанскую и проводить до безопаснаго мѣста. Если буря или мели задержатъ греческую лодью на какомъ-либо мѣстѣ, то Русскіе должны помочь гребцамъ и проводить ихъ съ товарами до греческаго берега, если таковой случится по близости; если же такая бѣда приключится греческой лодкѣ вблизи русской земли, то ее должно проводить въ русскую землю, продать тамъ грузъ и лодку, а вырученное, по совѣсти, должно препроводить въ Грецію черезъ отправляющихся туда пословъ или купцовъ русскихъ. Если на такой лодкѣ будетъ совершено Русскими убійство, насиліе, воровство, то виновные подвергаются наказанію, указанному въ предыдущихъ условіяхъ.

Если въ той или другой странѣ, русской или греческой, содержится плѣнникъ, Грекъ или Русскій, проданный въ ту страну, то такой плѣнникъ отпускается на родину, а купившій его получаетъ цѣну, какую самъ заплатилъ, или законную цѣну раба, существующую въ день выкупа. Военно-плѣнные также возвращаются на родину, аплѣнившіе ихъ

опредѣлившій финансовыя обязательства Греціи къ Руси и условія торговыхъ сношеній Руссовъ съ Греками. *Въ послѣдующіе годы*, при тѣхъ же императорахъ Львѣ и Александрѣ, *послѣ многократныхъ словесныхъ совѣщаній, были выработаны и приняты сторонами добавочныя къ договору 907 года условія процессуальнаго, уголовнаго и гражданскаго права*, долженствовавшія упрочить дружественный союзъ Славяноруссовъ съ Греками. Эти добавочныя условія были записаны въ грамоты и формально утверждены 2 Сентября 911 года, въ царствованіе уже трехъ императоровъ Льва, Александра и Константина.

получаютъ сказанную цѣну невольниковъ. Но русскіе плѣнные, получившіе свободу, имѣютъ право остаться на службѣ у греческаго царя, если того пожелаютъ. Русскіе и греческіе плѣнники, приводимые на продажу въ Грецію или въ Русь изъ другихъ странъ, выкупаются по 20 золотыхъ.

Если русскій невольникъ будетъ украденъ, или убѣжитъ, или по принужденію проданъ будетъ, и это будетъ доказано показаніемъ невольника, то по жалобѣ Русскихъ невольникъ возвращается. Гости, теряющіе невольниковъ, заявивши о томъ, имѣютъ право разыскивать ихъ и, нашедши, получитъ обратно; а кто изъ мѣстныхъ жителей станетъ противиться поискамъ, тотъ признается виновнымъ и уплачиваетъ искъ.

О Русскихъ, работающихъ въ Греціи у христіанскаго царя. Если кто умретъ, не оставивъ распоряженія о своемъ имѣніи, а родныхъ при немъ не будетъ, то наслѣдство пересылается въ Русь, ближайшимъ родственникамъ умершаго; когда же умершій оставилъ завѣщаніе, то наслѣдство передается чрезъ приходящихъ въ Грецію тому, кому оно назначено завѣщаніемъ.

О должникахъ. По жалобѣ къ христіанскому царству, преступникъ, бѣжавшій изъ Руси, долженъ быть схваченъ и возвращенъ въ Русь. Также, поступаютъ и Русскіе по отношенію къ Грекамъ.

Для прочности и вѣрности, бывшій договоръ между Христіанами и Русью мы написали теперь Ивановымъ письмомъ на двухъ хартіяхъ, скрѣпили подписями царя вашего и нашими и утвердили клятвою, съ вашей стороны, честнымъ крестомъ и Св. Троицею единаго истиннаго Бога вашего, данною въ нашемъ присутствіи; а мы клялись вашему царю, богомъ поставленному, по закону и по обычаю нашему, исполнить ненарушимо договорныя условія дружбы нашей. Эта грамота, согласная съ словеснымъ договоромъ, утверждена и объявлена 2 Сентября, въ недѣлю 15, въ 6420 году отъ сотворенія міра".

ГЛАВА II.

Происхожденіе и содержаніе договоровъ 945 и 971 года.

За изложеніемъ содержанія договора Олега 911 года въ лѣтописи слѣдуетъ краткій перечень событій въ русской землѣ и въ Греціи по 941 годъ, а затѣмъ, подъ 941 годомъ, помѣщается разсказъ о походѣ князя Игоря на Грековъ, кончившемся сожженіемъ русскаго флота греческимъ огнемъ [1]).

По возвращеніи въ Кіевъ, Игорь сталъ копить новыя войска и въ 943 году снова двинулся противъ Грековъ въ лодьяхъ и на коняхъ. Корсунцы и Болгаре извѣстили императора Романа, что идутъ Русскіе со множествомъ судовъ, покрывшихъ море. Получивъ эту вѣсть, царь послалъ къ Игорю посольство со слѣдующею

---

[1]) „Въ лѣто 6449. Идо Игорь на Греки; яко послаша Болгаре вѣсть ко царю, яко идутъ Русь на Царьградъ, скедій 10 тысящь... Ѳеофанъ же устрѣте я въ лядехъ со огнемъ, и пущати нача трубами огнь на лодьѣ Русскія; и бысть видѣти страшно чюдо. Русь же видящи пламянь, вметахуся въ воду морьскую. хотяще убрести; и тако прочіи възвратишася въ свояси. Тѣмже пришедшимъ въ землю свою, и повѣдаху кождо своимъ о бывшемъ, и о ладьнѣмъ огни, „якоже молонья“, рече: „иже на небесѣхъ, Греци имуть у собе, и сю пущающа жежаху насъ; сего ради не одолѣхомъ имъ“. „Пособіе“, с. 26. Лодочный греческій огонь, которымъ былъ сожженъ флотъ Игоря, называется въ византійскихъ источникахъ мидійскимъ огнемъ, а его приготовленіе содержалось въ Византіи въ глубокой тайнѣ (см. Макушева: Сказанія иностранцевъ; стр. 26). „Я думаю, говорили послы Цимисхія Святославу, ты не забылъ пораженія отца твоего Игоря, который, презрѣвши клятвенный договоръ, дошедшій до насъ отъ предковъ нашихъ, съ безчисленными судами подступилъ къ царственному граду и только съ 10-ью лодками возвратился въ Босфоръ Киммерійскій“. Въ другомъ мѣстѣ Левъ Діаконъ говоритъ: „когда показались на рѣкѣ Дуиаѣ огненосныя римскія лодки, то Римляне, видя ихъ, исполнились чрезвычайной радости, а Скиѳы, боявшіеся текучаго огня, пришли въ ужасъ, такъ какъ они слышали отъ своихъ стариковъ, что Римляне симъ мидійскимъ огнемъ обратили въ пепелъ безчисленный флотъ Игоря, родителя Святослава“. Тамъ же, стр. 130, 137, 138.

просьбою: «остановись, *возьми дань, какую бралъ Олегъ,* прибавлю и еще къ той дани» [1]). Игорь передалъ предложеніе императора своей дружинѣ на обсужденіе и получилъ отъ нея слѣдующее мнѣніе: «если такъ говоритъ царь, *то намъ нѣтъ причины продолжать войну*». Игорь согласился съ мнѣніемъ дружины, взялъ у Грековъ золото и паволоки на всѣхъ своихъ воиновъ и возвратился въ Кіевъ.

Слѣдовательно, *причиною войны Игоря съ Греками былъ отказъ со стороны византійскаго императора отъ финансоваго обязательства, принятаго Греками по договору съ Олегомъ:* Игорь прекратилъ войну, когда византійскій императоръ снова согласился платить дань, «юже ималъ Олегъ».

Возобновленіе мирныхъ отношеній кіевскаго княжества къ византійской имперіи должно было имѣть своимъ слѣдствіемъ *возобновленіе договора Олега 907 года и дополнительныхъ къ нему условій 911 года,* съ тѣми *измѣненіями и дополненіями,* какія могли быть признаны сторонами полезными и необходимыми на основаніи предшествовавшей практики мирныхъ отношеній. Отсюда, непосредственно за приведеннымъ разсказомъ о войнѣ и мирѣ Игоря съ Греками, подъ 945 годомъ, говорится слѣдующее: «прислали Романъ, Константинъ и Стефанъ пословъ къ Игорю *подтвердить прежній договоръ*; Игорь же совѣщался съ ними о договорѣ. Послалъ Игорь мужей своихъ къ Роману; Романъ же созвалъ бояръ и сановниковъ. Привели русскихъ пословъ и приказали сказать и записать на бумагѣ обоюдное соглашеніе, *принятое на предыдущемъ совѣщаніи, бывшемъ при царяхъ Романѣ, Константинѣ и Стефанѣ* христолюбивыхъ владыкахъ: Мы отъ русскаго народа послы и гости, Иворъ, посолъ Игоря, и общіе послы, Вуефастъ... Синко, Боричъ, посланные Игоремъ, великимъ княземъ русскимъ, всякими князьями и всѣми людьми русской земли. Пославшіе поручили намъ *возобновить старый договоръ* и на зло враждолюбцу дьяволу, ненавидящему добро, упрочить *много лѣтъ бывшій дружественный союзъ* между Греками и Руссами» [2]).

Изученіе содержанія договора Игоря и сравненіе его съ договорами 907 и 911 гг. приводятъ къ слѣдующимъ заключеніямъ [3]).

1. Въ договорѣ Игоря *цѣликомъ опущены, то есть оставлены безъ измѣненій,* слѣдующія постановленія договоровъ 907 и 911 годовъ: финансовое обязательство византійскихъ императоровъ къ русскимъ князьямъ (объ укладахъ — дани); процессуальное условіе о недѣй-

---

[1]) Тамъ же, с. 26.

[2]) П. С. Р. Л.; I, 20. Лѣт. по Кен. сп.; стр. 39. Лѣт. по Ипат. сп.; стр. 29.

[3]) Лѣтописн. текстъ договора 945 года см. въ „Пособіи“ стр. 27—31.

ствительности оправдательной присяги при наличности явныхъ доказательствъ виновности обвиняемаго; условіе о сохраненіи права жены убійцы на имущество, принадлежащее ей по закону; условіе о правѣ обкрадываемаго хозяина убить вора, пойманнаго на мѣстѣ преступленія и противящагося аресту; условіе о правѣ русскихъ плѣнниковъ, получившихъ въ Греціи свободу, по ихъ собственному желанію, оставаться на службѣ у греческаго царя; условіе о порядкѣ охраны и передачи наслѣдникамъ въ Русь имущества Русскихъ, умершихъ на службѣ у греческаго царя, и условіе о выдачѣ бѣглыхъ должниковъ-злодѣевъ.

2. Условія договора Олега о торговлѣ Русскихъ въ Византіи *пояснены и дополнены* слѣдующими распоряженіями: «Великій князь русскій и его бояры имѣютъ право, по своему желанію, посылать въ Грецію, къ великимъ царямъ греческимъ лодки съ послами и купцами, «якоже имъ установлено есть» (то есть соотвѣтственно съ постановленіями договора Олега 907 года). До сихъ поръ послы являлись съ золотыми печатями, а купцы съ серебряными; нынѣ же князь согласился посылать съ ними грамоты царству нашему; а потому, посланные послы и купцы должны представлять намъ грамоту, съ обозначеннымъ въ ней количествомъ посланныхъ лодокъ, что и будетъ служить намъ доказательствомъ мирныхъ намѣреній прибывшихъ. Приходящіе же въ Грецію безъ грамоты могутъ быть арестованы и содержимы подъ стражею, до извѣщенія объ нихъ русскаго князя; если арестуемый станетъ противиться и будетъ убитъ, то смерть его не должно взыскивать русскому князю; а если арестуемый убѣжитъ въ Русь, то мы напишемъ о немъ князю русскому, и пусть онъ поступитъ съ нимъ по своему желанію. Только купцы имѣютъ право требовать мѣсячину. Царскій мужъ охраняетъ русскихъ купцовъ и разбираетъ тяжбы между Русскими и Греками. Русскіе не имѣютъ права покупать въ Царьградѣ паволоки выше 50 золотниковъ; каждая купленная паволока должна быть показана царскому мужу, возвращающему ее покупателю запечатанною (пломбированною). Возвращающіеся на родину Русскіе получаютъ отъ насъ, «якоже установлено есть преже» (по договору 907 года), съѣстные припасы на дорогу и все нужное для ихъ лодокъ; возвращающіеся на родину пользуются охраною. Русскіе не имѣютъ права зимовать у Святаго Мамы.

3. Въ договорѣ Игоря *прибавлены*: условіе о военной помощи Грековъ Руссамъ и Руссовъ Грекамъ; условіе объ отказѣ русскаго князя отъ правъ на Корсунскую область; условіе о нейтральномъ характерѣ Бѣлобережья и св. Еферія; условіе объ обязанности русскаго князя не пропускать черныхъ Болгаръ въ Корсунскую область; условіе о судимости и наказуемости греческихъ преступни-

ковъ греческою властью; условіе о платѣ Греками за невольниковъ, скрывшихся на греческой территоріи, и обязанности Русскихъ возвращать Грекамъ бѣжавшихъ къ нимъ рабовъ и похищенное ими.

4. Въ условіяхъ объ убійствѣ, воровствѣ и грабежѣ выкупъ преступленій воровства и грабежа *измѣненъ съ тройной цѣны похищеннаго и пограбленнаго въ двойную и ясно обозначена наказуемость покушенія на грабежъ*: «Аще ли кто покусится взяти что... иже то створить, покажненъ будетъ вельми» (ст. 5).

Лѣтописное изложеніе содержанія договора Игоря оканчивается слѣдующимъ заключеніемъ: этотъ договоръ мы (Греки) написали на двухъ грамотахъ; одна изъ нихъ царства нашего, на ней крестъ и имена наши написаны, а на другой ваши послы и гости. Возвращающіеся съ посломъ нашимъ должны доставить грамоту великому русскому князю Игорю и его людямъ, а тѣ, принимая грамоту, должны присягнуть въ томъ, что въ точности будетъ исполнено все, условленное нами и написанное на сей грамотѣ, скрѣпленной нашими подписями. Мы же (Русь), кто изъ насъ крещенъ, клялись церковью Св. Иліи (кіевскою) въ соборной церкви (цареградской) предлежащимъ крестомъ и этою грамотою исполнить въ точности написанное въ ней; а кто нарушитъ ее изъ нашихъ соотечественниковъ, князь или другой кто, крещенный или некрещенный, тотъ да лишенъ будетъ помощи Божіей, да будетъ рабомъ въ этой и будущей жизни, да погибнетъ отъ собственнаго оружія. А некрещенные, полагая свои щиты, обнаженные мечи, обручи и прочее оружіе, клянутся, что все, написанное въ этой грамотѣ, будетъ исполнено Игоремъ, всѣми боярами и всѣми ихъ соотечественниками; если же кто изъ князей или людей русскихъ, крещенный или некрещенный, нарушитъ этотъ договоръ, тотъ да умретъ отъ своего собственнаго оружія, да будетъ проклятъ Богомъ и Перуномъ, какъ преступникъ своей клятвы. Если это понравится, то великій князь Игорь да хранитъ этотъ союзъ ненарушимо, пока солнце сіяетъ и весь міръ стоитъ, въ нынѣшніе годы и будущіе.

Послы Игоря, продолжаетъ лѣтописецъ, возвратились къ Игорю съ послами греческими и сообщили ему рѣчи царя Романа. Игорь призвалъ пословъ греческихъ и сказалъ имъ: «говорите, что поручилъ вамъ царь?» Отвѣчали царскіе послы: «насъ послалъ царь сказать, что онъ радъ миру; хочетъ имѣть договоръ съ русскимъ княземъ и дружественный союзъ; твои послы привели нашихъ царей къ присягѣ, а мы посланы привести къ присягѣ тебя и твоихъ мужей». Игорь обѣщалъ это исполнить. На другой день позвалъ Игорь пословъ, пришелъ на холмъ, гдѣ стоялъ Перунъ, положилъ оружіе свое, щиты и золото и принялъ присягу съ некрещенными

людьми своими; а христіанъ русскихъ приводили къ присягѣ въ церкви Св. Иліи.

Договоръ Игоря только *подтвердилъ и обновилъ старый договоръ*. Послы византійскихъ императоровъ 945 года явились въ Кіевъ «построити мира перваго»; а послы Игоря явились въ Константинополь «обновити ветхій миръ». Двѣ статьи договора 945 года прямо ссылаются на постановленія договора 907 года, какъ на законъ дѣйствующій. О существенныхъ постановленіяхъ договоровъ Олега договоръ Игоря умалчиваетъ (оставляетъ ихъ безъ измѣненій). Записанныя въ договорѣ Игоря условія представляютъ собою очевидныя дополненія и измѣненія условій договоровъ Олега, принятыя на кіевскомъ соглашеніи Игоря съ послами византійскихъ императоровъ въ 945 г. и въ томъ же году формально санкціонированныя. Слѣдовательно, *договоръ 945 г. не былъ новымъ, отдѣльнымъ, самостоятельнымъ договоромъ, а только подтвердилъ и обновилъ договоръ Олега, остававшійся дѣйствующимъ закономъ въ постановленіяхъ, неизмѣненныхъ дополнительнымъ договоромъ Игоря 945 г.*

Со времени санкціи договора 945 года и до времени приглашенія князя Святослава императоромъ Никифоромъ въ 967 году для войны съ Болгарами въ лѣтописи встрѣчается только одно свидѣтельство, относящееся къ дружественнымъ сношеніямъ Славянорусcовъ съ Греками: описаніе путешествія въ Грецію княгини Ольги, жены Игоря и матери Святослава, и ея крещенія въ Константинополѣ [1]).

Въ 967 году идетъ Святославъ на Дунай, на Болгаръ, приглашенный императоромъ Никифоромъ [2]), по причинѣ частыхъ набѣговъ Болгаръ на Византію. Святославъ вступилъ съ ними въ бой, побѣдилъ ихъ, взялъ по Дунаю 80 городовъ и остался въ городѣ Переяславлѣ, *получая дань отъ Грековъ* (по договорамъ 907 и 945 гг. [3]).

---

[1]) См. Лѣтопись по Ипат. сп.; стр. 38. П. С. Р. Л. I, стр. 25. „Пособіе“, № II, подъ годомъ 955, стр. 34, 35. Торжественный пріемъ княгини Ольги въ Константинополѣ описанъ императоромъ Константиномъ Багрянороднымъ, въ его сочиненіи „De ceremoniis Aulae Byzantinae“; lib. II, cap. XV.

[2]) По договору Игоря: „аще ли хотѣти начнетъ наше царство отъ васъ вои на противящаяся намъ, да пишють къ великому князю вашему, и послетъ къ намъ елико же хочетъ“ (ст. 15).

[3]) „Въ лѣто 6475. Иде Святославъ на Дунай на Болгары, Никифору царю изведшу его на нихъ, многаго ради ихъ воеванія, еже на Царьградъ. И бысть имъ бой со Святославомъ, и одолѣ имъ; и взя по Дунаю 80 градовъ; и во градѣ Переяславцѣ сѣде, емля дань на Гре-

Это событіе въ византійской лѣтописи разсказано подробнѣе [1]). Полководецъ Никифоръ-Фока, воцарившись въ Византіи, съ удивленіемъ узналъ отъ высшаго царедворца о существованіи договора, по которому Греки обязаны платить ежегодную дань сосѣднему народу скиѳскаго происхожденія — Мизамъ - Болгарамъ [2]). Съ цѣлью освободиться отъ этой дани, Никифоръ предпринялъ походъ противъ Мизовъ, но, встрѣтивъ страну гористую и лѣсистую, въ которой всюду «опасность стоитъ на опасности» и гдѣ греческіе отряды часто подвергались совершенной гибели, императоръ возвратился съ войсками своими въ Константинополь. Здѣсь, почтивъ достоинствомъ патриція нѣкоего Калокира, Никифоръ «послалъ его къ Тавроскиѳамъ, обыкновенно называемымъ Россами, съ тѣмъ, чтобы Калокиръ, отдавши имъ тысячу пятьсотъ фунтовъ (15 центенаріевъ) золота, пригласилъ ихъ для войны въ землю Мизовъ» [3]).

Но Калокиръ обманулъ довѣріе императора. Пришедши въ Скиѳію, онъ очаровалъ главнаго начальника Тавроскиѳовъ Святослава лестными рѣчами и корыстными обѣщаніями и убѣдилъ его предпринять походъ противъ Мизовъ «съ тѣмъ условіемъ, чтобы онъ, покоривши Мизовъ, удержалъ ихъ страну въ своей власти, а ему, Калокиру, содѣйствовалъ къ восшествію на престолъ Византіи». Калокиръ обѣщалъ за то Святославу «безчисленныя сокровища изъ казны византійской». Подчинившись этимъ внушеніямъ, Святославъ

цѣхъ". Ср. П. С. Р. Л.; I, 27; Ник. Лѣт. Акад. Изд. I, 52. Лѣт. по Ипат. сп.; с. 42.

[1]) О важности лѣтописи Льва Діакона Калойскаго, какъ источника знаній по вопросу объ отношеніяхъ Славяноруссовъ къ Грекамъ въ X вѣкѣ, см. Corpus Scriptorum Historiae Byxantinae, Bonnae; 1827. Pars XI. Praefatio C. B. Hosii, p. XXI.

[2]) Исторія Льва Діакона; кн. III, гл. 8; кн. IV, гл. 5. Удивленіе имп. Никифора объясняется тѣмъ, что въ публичныхъ международныхъ трактатахъ среднихъ вѣковъ обыкновенно умалчивалось о дани, какую обязывалось платить одно государство другому; количество ежегодной дани составляло тайну царей и царедворцевъ.

[3]) Тамъ же; кн. IV; гл. 6, 15 центенаріевъ золота, по всей вѣроятности, представляли собою количество „укладовъ"—ежегодной дани по договору Олега 907 года. Тысяча пятьсотъ фунтовъ золота была очень умѣренная плата за безопасность Византіи со стороны сѣвера Европы, дававшую византійскимъ императорамъ свободу дѣйствій въ Азіи, откуда они получали безчисленныя сокровища. См. тамъ же; кн. II, гл. 8 и 9; кн. III, гл. 11; кн. IV, гл. 4; кн. V, гл. 1; кн. X, гл. 2 и др.

собралъ шестьдесятъ тысячъ храбраго войска, кромѣ обозныхъ отрядовъ, двинулся на Мизовъ и завоевалъ Болгарію» [1]).

Узнавъ объ измѣнѣ Калокира и успѣхахъ оружія Святослава въ Болгаріи, императоръ Никифоръ сталъ готовиться къ войнѣ: собиралъ, обучалъ и вооружалъ войска, строилъ и ставилъ на городскихъ стѣнахъ метательныя орудія; прикрѣпилъ къ Сотенной башнѣ тяжелую желѣзную цѣпь и по столбамъ протянулъ ее черезъ Босфоръ къ Галатской башнѣ, находящейся на противоположномъ берегу [2]); примирился съ Мизами. Но во время этихъ приготовленій императоръ получилъ предсказаніе, по которому чрезъ три мѣсяца ему суждено оставить этотъ міръ. Съ того времени Никифоръ проводилъ жизнь въ смиреніи, оставивъ военные замыслы; а 10-го декабря 970 года онъ былъ убитъ въ своемъ дворцѣ, на ночномъ ложѣ, Іоанномъ Цимисхіемъ и его сообщниками. Отрядомъ воиновъ 11-го Декабря Іоаннъ Цимисхій былъ провозглашенъ римскимъ императоромъ, вмѣстѣ съ сыновьями царствовавшаго Романа, Василіемъ и Константиномъ [3]).

Новый императоръ всего болѣе тревожился успѣхами русскаго оружія въ Болгаріи, а потому сдѣлалъ попытку посредствомъ переговоровъ «*возобновить договоръ съ Руссами*» и удалить Святослава изъ Болгаріи. Послы Іоанна предложили Святославу «взять обѣщанное Никифоромъ за походъ противъ Мизовъ и оставить Мизію, которая по праву принадлежитъ Грекамъ, какъ древняя часть Македоніи [4]). Святославъ отвѣчалъ, что онъ не оставитъ Мизіи, пока

---

[1]) Тамъ же; кн. V, гл. 1, 2.

[2]) Это свидѣтельство объясняетъ значеніе выраженія „и Греци замкоша Судъ“ въ описаніи похода Олега на Грековъ русскимъ лѣтописцемъ подъ 907 годомъ.

[3]) Тамъ же; кн. V, гл. 2—5; кн. VI, гл. I. Изъ русской лѣтописи видно, что Святославъ, по завоеваніи Болгаріи, въ 968 году былъ вызванъ въ Русь для защиты Кіева отъ Печенѣговъ и тамъ задержанъ былъ болѣзнью матери до ея смерти. Похоронивъ мать, Святославъ, раздѣливъ Русь между своими сыновьями, въ 971 году возвратился въ Болгарію, встрѣтилъ здѣсь новое сопротивленіе Болгаръ и вторично побѣдилъ ихъ. „Въ лѣто 6479. Приде Святославъ въ Переяславецъ, и затворишася Болгаре въ градѣ. И излѣзоша Болгаре на сѣчю противу Святославу, и бысть сѣча велика, и одоляху Болгаре; и рече Святославъ воемъ своимъ: „уже намъ сдѣ пасти; потягнемъ мужьски братья и дружино!“ И къ вечеру одолѣ Святославъ, и взя градъ копьемъ“. П. С. Р. Л. I, 29. Приложенія; стр. 37. Въ это время въ Византіи царствовалъ уже Іоаннъ Цимисхій.

[4]) Левъ Діаконъ; кн. VI, гл. 8.

Греки не заплатятъ ему громадныхъ военныхъ издержекъ и не выкупятъ городовъ и плѣнныхъ, взятыхъ войною. Если императоръ несогласенъ на это, то пусть самъ переселяется въ Азію изъ Европы, ему непринадлежащей, и пусть не мечтаетъ о возобновленіи договора съ Тавроскиѳами» [1]). Получивъ такой отвѣтъ, Іоаннъ снарядилъ новое посольство, долженствовавшее указать Святославу на «*клятвенный договоръ его предковъ*»; сказать, что, оставаясь въ Болгаріи, Святославъ «*нарушитъ сказанный договоръ*»; напомнить Святославу, что его отецъ, *нарушивъ клятвенный договоръ своихъ предковъ*», потерпѣлъ великое бѣдствіе; наконецъ предупредить, что, оставаясь въ Болгаріи, Святославъ вооружитъ противъ себя все римское войско, и тогда не миновать ему бѣдствія, а придется погибнуть со всѣми войсками своими въ занятой странѣ; Святославъ отвѣчалъ: «передать римскому государю, чтобъ онъ не трудился путешествовать къ намъ; мы сами скоро станемъ лагеремъ подъ стѣнами Византіи. Только по невѣжеству своему императоръ считаетъ возможнымъ устрашить насъ своими угрозами, какъ пугаютъ дѣтей пустыми чучелами» [2]).

Получивъ такой отвѣтъ, императоръ торопливо сталъ готовиться къ войнѣ, чтобъ предупредить движеніе Святослава на Константинополь. Несмотря на зимнее время, немедленно были посланы отряды войскъ въ пограничныя области Болгаріи, подъ предводительствомъ лучшихъ полководцевъ; а весною Іоаннъ лично выступилъ противъ Святослава со всѣми военными силами Византіи. Послѣдовалъ рядъ упорныхъ сраженій Грековъ со «Скиѳами-Россами». Сосредоточивъ свои войска у города Преславы, Іоаннъ взялъ его приступомъ. Защитники Преславы, воевода Сфенкелъ и Калокиръ бѣжали къ городу Дористолу, гдѣ стоялъ Святославъ со всѣми своими силами [3]).

По взятіи Преславы Іоаннъ послалъ къ Святославу нѣсколько плѣнныхъ съ предложеніемъ прекратить войну и немедленно оставить Болгарію. Святославъ не отвѣчалъ. Прождавъ нѣсколько дней отвѣта, Іоаннъ со всѣми своими силами двинулся къ Дористолу,

---

[1]) Отвѣтъ Святослава былъ совершенно справедливъ, такъ какъ до завоеванія Святославомъ Болгарія пользовалась независимостью и Греки платили дань за мирныя отношенія къ Болгарамъ. Въ отвѣтъ на неосновательное требованіе Цимисхія, Святославъ почиталъ себя въ правѣ предложить узурпатору власти византійскаго императора переселиться въ завоеванныя его оружіемъ области Азіи и оставить Европу, не принадлежавшую ему по праву рожденія или военной добычи.

[2]) Тамъ же; кн. VI, гл. 10.

[3]) Тамъ же; кн. VI гл. 11—13; кн. VIII, гл. 1—7.

взялъ по пути Плискуву, Диѳею и многіе другіе города, отложившіеся отъ Скиѳовъ и передавшіеся Римлянамъ. Подъ стѣнами Дористола послѣдовалъ рядъ битвъ, въ которыхъ Святославъ потерялъ двадцать тысячъ воиновъ и главнѣйшихъ своихъ воеводъ-богатырей: храбраго исполина Икмора, перваго полководца послѣ Святослава, и сильнаго великана Сфенкела, занимавшаго третье мѣсто послѣ Святослава [1]).

На другой день сраженія, въ которомъ былъ убитъ русскій богатырь Икморъ, Святославъ созвалъ лучшихъ мужей своихъ для обсужденія своего положенія. На совѣтѣ одни предлагали: ночью сѣсть тихо на суда и спасаться бѣгствомъ, такъ какъ, потерявши первыхъ ратоборцевъ, невозможно продолжать войну; другіе совѣтовали: «*возобновить клятвенный договоръ съ Греками*», такъ какъ невозможно сохранить оставшіяся войска тайнымъ бѣгствомъ, въ виду огненосныхъ греческихъ судовъ, стерегущихъ русскія суда. Тогда Святославъ, глубоко вздохнувъ, сказалъ: погибнетъ слава, сопутница русскаго оружія, побѣждавшаго безъ труда сосѣдніе народы и безъ пролитія крови покорявшаго цѣлыя страны [2]), если мы теперь постыдно уступимъ Римлянамъ. Итакъ, съ храбростью предковъ нашихъ и съ тою мыслью, что русская сила была донынѣ непобѣдима, сразимся мужественно за жизнь нашу. У насъ нѣтъ обычая спасаться бѣгствомъ, но или жить побѣдителями, или, совершивши великіе подвиги, умереть со славою. Тавроскиѳы рѣшились отдать свою жизнь опасности и сразиться съ римскою силою [3]).

На другой день войска противниковъ построились къ послѣдней битвѣ. Началось упорное, жестокое сраженіе, долго остававшееся нерѣшеннымъ; но личное вмѣшательство въ битву императора Іоанна и внезапно поднявшаяся буря, засыпавшая пылью глаза Скиѳамъ, рѣшили битву въ пользу Римлянъ. Разбитые Скиѳы бѣжали въ городъ. Самъ Святославъ, раненый и истекавшій кровью, не остался бы живъ, если бы не спасла его наступившая ночь. Говорятъ, что

---

[1]) Тамъ же; кн. VIII, гл. 8—10; кн. IX. гл. 2 и 6.

[2]) Ср. П. Р. С. Л. I, стр. 10, 27.

[3]) Тамъ же; гл. 7 и 8. Ободрительная рѣчь Святослава къ его воинамъ выражается въ русской лѣтописи слѣдующими словами: „и рече Святославъ: „уже намъ нѣкамо ся дѣти, волею и неволею стати противу. Да не посрамимъ земли русской! но ляжемъ костьми, мертвіи бо срама не имутъ; аще ли побѣгнемъ, срамъ имамы убѣжати; но станемъ крѣпко, азъ же предъ вами поиду; аще моя глава ляжетъ, то промыслите собою“. И рѣша вои: „идеже глава твоя, ту и свои главы сложимъ“. „Пособіе“, стр. 37.

въ этомъ сраженіи Святославъ потерялъ 15 тысячъ Скиѳовъ и взято было 20 тысячъ щитовъ и множество мечей [1]).

Всю ночь горевалъ Святославъ о пораженіи своей рати; но, чувствуя, что уже не можетъ продолжать войну, почиталъ своею обязанностью употребить всѣ средства для спасенія уцѣлѣвшихъ его воиновъ. Такимъ образомъ, на другой день послѣдняго сраженія Святославъ шлетъ пословъ къ Іоанну и проситъ мира на слѣдующихъ условіяхъ: «Тавроскиѳы сдаютъ Римлянамъ Дористолъ, отпускаютъ плѣнныхъ, оставляютъ Мизію и возвращаются въ свое отечество; а Римляне должны дозволить имъ безопасно отплыть, не нападая на нихъ съ огненосными судами; должны снабдить ихъ съѣстными припасами и позволить привозить къ себѣ хлѣбъ, а посланныхъ для торговли въ Византію принимать какъ союзниковъ, *по старому установленію*» [2]).

«Императоръ охотно принялъ предложенныя ему условія, утвердилъ ихъ и распорядился дать каждому русскому воину по двѣ мѣры хлѣба. Получившихъ хлѣбъ было только 22 тысячи человѣкъ, оставшихся отъ шестидесятитысячнаго русскаго войска; слѣдовательно, 38 тысячъ пали отъ римскаго меча. По утвержденіи договора Святославъ предложилъ свиданіе съ императоромъ для личныхъ переговоровъ. Императоръ принялъ предложеніе и въ позлащенномъ вооруженіи, верхомъ на конѣ, пріѣхалъ къ берегу Дуная, сопровождаемый большимъ отрядомъ всадниковъ, блиставшихъ доспѣхами. Святославъ переѣхалъ рѣку на морской лодкѣ и, съ весломъ въ рукахъ, гребъ наравнѣ съ прочими, безъ всякаго различія. Наружность его была такова: средняго роста, густыя брови, голубые глаза, ровный носъ, бритая борода, густые и длинные волосы на верхней губѣ; голова голая, только съ одной стороны висѣлъ локонъ волосъ, означавшій знатность рода; шея толстая, плечи широкія; весь станъ очень стройный; казался онъ мрачнымъ и суровымъ; въ одномъ ухѣ висѣла у него золотая серьга съ двумя жемчужинами и рубиномъ посреди ихъ; одежда на немъ была бѣлая, ничѣмъ отъ другихъ неотличная, кромѣ чистоты. Такимъ образомъ, *поговоривъ нѣсколько съ императоромъ о договорѣ*, сидя въ лодкѣ на лавкѣ, онъ переправился назадъ. Такъ кончилась война Римлянъ со Скиѳами» [3]).

Отдавъ по договору плѣнныхъ, Святославъ отплылъ въ свое отечество; но Пацинаки (Печенѣги), многочисленный кочевой народъ, нечаянно напали въ пути на Святослава, убили его и перебили со-

---

[1]) Тамъ же; гл. 8—10.

[2]) Тамъ же; гл. 10.

[3]) Тамъ же; гл. 11.

провождавшихъ его воиновъ, такъ что немногіе изъ нихъ благополучно возвратились подъ родные кровы [1]).

Въ русской лѣтописи исторія войны и договора Святослава съ Цимисхіемъ сохранилась только въ отрывкахъ, не вполнѣ согласныхъ съ исторіей Льва Діакона въ отношеніи порядка событій и частію ихъ содержанія. Излагая лѣтопись княженія Святослава, Несторъ соединилъ переговоры Цимисхія со Святославомъ, предшествовавшіе войнѣ, съ переговорами, слѣдовавшими за послѣднею битвою подъ стѣнами Дористола; а описаніе этой битвы, съ ободрительною рѣчью Святослава, помѣстилъ въ самомъ началѣ войны съ Цимисхіемъ, а не въ концѣ ея [2]). Съ другой стороны, въ русской лѣтописи сохранилась *копія договора* Святослава съ Цимисхіемъ 971 года, приведеннаго въ исторіи Льва Діакона только по предложенію Святослава.

О посольствѣ Святослава, заключившемъ договоръ съ Цимисхіемъ 971 года, и содержаніи этого договора въ русской лѣтописи говорится слѣдующее. Видя малочисленность своей дружины, такъ какъ многіе были перебиты въ битвахъ, Святославъ послалъ сказать царю, бывшему тогда въ Дерестрѣ, что онъ желаетъ заключить съ нимъ прочный миръ и дружественный союзъ. Царь съ радостью принялъ это предложеніе и послалъ Святославу дары больше прежнихъ. Принявъ дары, Святославъ созвалъ свою дружину на совѣтъ и сказалъ ей: «если не заключимъ мирнаго договора съ царемъ, то онъ обступитъ насъ въ городѣ, а насъ мало, Печенѣги въ войнѣ съ нами, никто намъ не поможетъ. *Заключимъ же договоръ съ царемъ; платить дань Греки согласились и это намъ достаточно; а не станетъ царь исправно выплачивать дань, то, умноживши войска, мы снова двинемся на Царьградъ изъ Руси*» [3]). Это предложеніе понравилось дружинѣ. Посланы были мужи къ царю. На другой день царь призвалъ ихъ и сказалъ: «пусть говорятъ русскіе послы». Они же сказали: «такъ говоритъ нашъ князь: хочу имѣть навсегда прочную дружбу съ греческимъ царемъ». Царь же былъ доволенъ и приказалъ писцу записать на бумагѣ всѣ слова Святослава. Посолъ началъ говорить, а писецъ записалъ слѣдующее:

«*Согласно съ предварительнымъ соглашеніемъ*, заключеннымъ при русскомъ князѣ Святославѣ и при Свѣнальдѣ, писаннымъ при Син-

---

[1]) Тамъ же; гл. 12.

[2]) Тамъ же; стр. 35—39.

[3]) „Створимъ миръ со царемъ; се бо ны ся по дань ялъ, и то буди довольно намъ; аще ли почнетъ неуправливати дани, да изнова изъ Руси, совокупивши вои, умноживше, поидемъ къ Царю-граду“.

келѣ Ѳеофилѣ къ Ивану, нарицаемому Цимисхію, царю греческому, въ Дерострѣ, въ мѣсяцѣ Іюлѣ, индикта въ 14, въ лѣто 6479 (971): Я, Святославъ, русскій князь, *что обѣщалъ, то и утверждаю настоящимъ клятвеннымъ договоромъ.* Буду имѣть миръ и полный дружественный союзъ со всякимъ царемъ греческимъ, съ Василіемъ и Константиномъ, боговдохновенными царями, и со всѣми людьми вашими, а равно и всѣ состоящіе подъ моею властью Русскіе, князья, бояры и всѣ Русскіе, до конца вѣка. Никогда не буду посягать на страну вашу, ни собирать войска, ни наводить другой народъ, ни на области, стоящія подъ греческою властью, область Корсунскую, со всѣми ея городами, и область Болгарскую; а если кто другой посягнетъ на страну вашу, то и я буду противникъ его и стану бороться съ нимъ. Соотвѣтственно моей клятвѣ къ греческимъ царямъ и состоящихъ подъ моей властью бояръ и всѣхъ Русскихъ, *мы будемъ исполнять установленные договоры, а если тѣхъ прежнихъ договоровъ не исполнимъ,* я, или состоящіе при мнѣ, или состоящіе подъ моею властью, то да будемъ прокляты Богомъ, въ котораго мы вѣруемъ, Перуномъ и Волосомъ, скотьимъ богомъ, да пожелтѣемъ, какъ золото, и своимъ оружіемъ да изсѣчены будемъ. Вѣрьте совершонному, написанному на этой бумагѣ и нашими печатями запечатанному» [1]).

Слѣдовательно, *договоръ 971 года только возобновилъ дѣйствіе прежнихъ договоровъ* кіевскихъ князей съ византійскими императорами и прибавилъ къ нимъ одно новое условіе: обязательство русскаго князя не посягать на власть надъ Болгаріей. Темныя выраженія русскаго текста: «*да сохранимъ правая совѣщанья;* аще ли отъ тѣхъ самѣхъ прежерѣченныхъ не сохранимъ», совершенно ясно объясняются текстомъ договора византійской лѣтописи, которымъ Греки обязуются «посылаемыхъ въ Византію для торговли признавать друзьями *по древнему установленію*». Подъ древнимъ установленіемъ, опредѣлившимъ признавать друзьями русскихъ купцовъ въ Константинополѣ, Святославъ и Цимисхій могли разумѣть только *постановленія договора Олега 907 года, подтвержденныя договорами 911 и 945 года.* Будучи только подтвержденіемъ старыхъ, прежнихъ договоровъ договоръ 971 года не содержалъ въ себѣ финансовыхъ постановленій и постановленій частнаго международнаго права, относящихся къ порядку торговли, процессуальнымъ, уголовнымъ и гражданскимъ отношеніямъ: сохраняли силу постановленія этого рода, принятыя договорами Олега и Игоря.

---

[1]) П. С. Р. Л., I, 31. Лѣт. по Ипат. сп., стр. 48. Лѣт. по Кениг. сп., стр. 65. Лѣтоп. по Ник. сп., стр. 50. „Пособіе“, стр. 39.

За смертью Святослава и его мужей, перебитыхъ Печенѣгами на возвратномъ пути изъ Болгаріи въ Русь, слѣдуетъ перерывъ въ союзныхъ отношеніяхъ кіевскихъ князей съ византійскими императорами. Въ эпоху кровавыхъ междоусобій между сыновьями Святослава невозможно было думать о возобновленіи договора съ Греками на прежнихъ основаніяхъ. Только съ возстановленіемъ единодержавія въ Руси, Владиміръ Святославичъ предпринялъ новый походъ противъ Грековъ, но на пути въ Грецію встрѣтилъ вѣру Христову, и съ этого момента начинается новая эпоха въ исторіи сношеній Россіи съ Византіей.

ГЛАВА III.

Подлинность договоровъ кіевскихъ князей съ византійскими императорами.

Копіи договоровъ кіевскихъ князей съ византійскими императорами X вѣка, сохранившіяся въ русской лѣтописи, содержатъ въ себѣ систему нормъ международнаго, государственнаго, уголовнаго и процессуальнаго права. По вѣрному замѣчанію Шлецера, если полнѣйшій изъ договоровъ, договоръ Олега съ императорами Львомъ, Александромъ и Константиномъ, былъ дѣйствительно, «то онъ составляетъ одну изъ достопамятностей всего средняго вѣка, что-то единственное во всемъ историческомъ мірѣ», почему, добавляетъ онъ, «прошу русскаго читателя не смѣяться, что я съ такою подробностью разбираю слова и буквы этой рѣдкости» [1]). Но результатъ Шлецеровскаго разбора договоровъ былъ отрицательный; по его мнѣнію, «договоры подложны, занесены въ Несторову лѣтопись позднѣйшимъ переписчикомъ его сочиненія» [2]). Эта доктрина и теперь еще защищается нѣкоторыми учеными въ нѣмецкой и русской историко-юридической литературѣ; одни признаютъ всѣ договоры позднѣйшею вставкою въ Несторову лѣтопись, а другіе почитаютъ таковою только «баснословный» походъ и договоръ Олега 907 года, безъ которыхъ однакоже остальные договоры не имѣютъ смысла [3]).

---

[1]) Шлецеровскій Несторъ; изд. 1816 г.; гл. II; стр. 693.

[2]) Тамъ же; стр. 694 и слѣд. „Всѣ главныя мои сомнѣнія“, говоритъ Шлецеръ, „о подлинности Олегова договора относятся и къ Игореву, а частію еще въ высшей степени. „Да не смѣетъ никто поправлять этого“. Тамъ же; ч. III. стр. 208 и слѣд.; изд. 1809 г.

[3]) С. М. Соловьевъ говоритъ: „Не думаемъ, что грамота (907 г.) была занесена въ лѣтопись самимъ начальнымъ лѣтописцемъ... вставка договоровъ въ лѣтопись ясна“... Исторія Россіи; т. I. прим. 181. Изд.

Историкъ-юристъ нашего времени, приступающій къ изученію исторіи русскаго права, долженъ остановиться на аргументаціи литературныхъ воззрѣній, отрицающихъ подлинность договоровъ Славяноруссовъ съ Греками X вѣка, а слѣдовательно, и годность ихъ въ значеніи средствъ познанія древнѣйшаго русскаго права, долженъ получить твердое убѣжденіе въ ея основательности или ложности. Въ первомъ случаѣ договоры кіевскихъ князей съ византійскими императорами должно исключить изъ ряда источниковъ познанія системы русскаго права языческой эпохи, а во второмъ случаѣ эти памятники должны послужить основаніемъ научнаго зданія исторіи русскаго права, какъ богатое содержаніемъ, древнѣйшее и спеціальное собраніе русскихъ юридическихъ нормъ.

Ученіе о неподлинности договоровъ Руссовъ съ Греками *опирается на* слѣдующія основанія: *отсутствіе сношеній* у Кіевлянъ съ Греками до времени перваго похода князя Игоря на Константинополь, *баснословіе лѣтописца* въ повѣствованіи о походѣ князя Олега на Константинополь, *молчаніе византійскихъ лѣтописей* о договорахъ съ князьями Олегомъ и Игоремъ, *несоотвѣтствіе показаній русской лѣтописи съ показаніями греческихъ историковъ* о времени царствованія императоровъ Льва, Александра и Константина, *несоотвѣтствіе содержанія договоровъ духу времени,* условіямъ быта Славяноруссовъ X вѣка, и *темноту текста договоровъ.*

Доказательству отсутствія сношеній у Кіевлянъ съ Греками до времени князя Игоря Шлецеръ посвятилъ особое разсужденіе, подъ заглавіемъ: «Доказательство, что *Россы, бывшіе около 866 г. подъ Константинополемъ, были совсѣмъ отличный отъ нынѣшнихъ Руссовъ народъ* (?), и слѣдственно, не принадлежатъ къ Русской исторіи» [1]). Въ этомъ «Доказательствѣ» предложена такая путаница фактовъ и соображеній, въ которой ничего разобрать невозможно. Цѣль всего разсужденія и его выводы выражаются въ слѣдующихъ положеніяхъ:

«*Руссовъ узнали Византійцы только съ пораженія Игорева въ 941 году*» [2]).

1866 года. По ученію проф. Сергѣевича: „Въ договорахъ все сомнительно и спорно... ни одинъ изъ нихъ неизвѣстенъ византійскимъ историкамъ... походъ Олега подъ Константинополь описанъ въ русской лѣтописи баснословными красками... только договоръ 971 года представляется совершенно полнымъ и не возбуждаетъ никакихъ недоразумѣній ни по содержанію, ни по формѣ“. Лекціи и Изслѣдованія; стр. 99—110, 113 и слѣд.

[1]) Шлецеровскій Несторъ; изд. 1816 г.; ч. II. стр. 86—116.

[2]) Тамъ же; стр. 92.

«Россы, осаждавшіе въ 866 году Константинополь, никакъ не могутъ быть Осколдовыми Руссами! Первые составляли великій, сильный, завоевательный и давно уже извѣстный народъ, приводившій въ ужасъ всѣ берега Чернаго моря; Осколдъ же и Диръ, хотя бы и не сомнѣвались въ ихъ существованіи, были бѣдные странствующіе рыцари» [1]).

«*Сіи Россы навѣрное не были настоящіе Руссы* (?), почему впередъ никогда не надобно упоминать о нихъ въ Русской исторіи» [2]).

«*Простое сходство въ названіи Росъ и Русъ обмануло почтеннаго Нестора*, ввело его въ заблужденіе, которое повторяли за нимъ 700 лѣтъ сряду безъ всякаго разсмотрѣнія» [3]).

Археологическія находки нашего времени дѣлаютъ излишнею критику приведенныхъ положеній.

Походъ князя Олега на Константинополь признается даже въ литературѣ нашего времени «баснословнымъ» и «легендарнымъ». Основанія этому воззрѣнію были положены также Шлецеромъ. Въ его изданіи «Нестора» говорится, что князь Олегъ, подплывъ на судахъ къ гавани Константинополя, «приказалъ войскамъ своимъ надѣлать колесъ и поставить корабли на колеса. Возсталъ попутный вѣтеръ, подувшій въ паруса, и такимъ образомъ *двинулись по полю въ корабляхъ къ городу*» [4]). Затѣмъ Шлецеръ доказываетъ невозможность «*плаванія по сушѣ въ корабляхъ*», что «это глупое плаваніе по сушѣ выдумано русскимъ лѣтописцемъ», что онъ «стыдится даже говорить объ этой глупости», и т. д. [5]).

Конечно, изготовленіе колесъ и постановка лодокъ на колеса съ цѣлью переплыть поле, отдѣлявшее морской берегъ отъ стѣнъ Константинополя, сказочная безсмыслица. Но *эта безсмыслица принадлежитъ Шлецеру*, а не русскому лѣтописцу. Во всѣхъ спискахъ лѣтописнаго текста говорится одинаково слѣдующее. Когда войско

---

[1]) Тамъ же; стр. 107.

[2]) Тамъ же; стр. 109.

[3]) Тамъ же; стр. 112, 113, 114.

[4]) Тамъ же; стр. 626.

[5]) Тамъ же; стр. 627, 628, 751, 762 и др. Шлецеровское толкованіе лѣтописной исторіи Олегова похода было принято Карамзинымъ (Исторія Государства Россійскаго; т. I, прим. 315), Каченовскимъ и послѣдующими историками и историками-юристами. По словамъ проф. Сергѣевича, „удачный походъ Олега къ Цареграду описанъ въ лѣтописи баснословными красками“. Баснословнымъ кажется автору „побѣдоносное движеніе Олега къ Царьграду на корабляхъ, поставленныхъ на колеса и снабженныхъ парусами“. Лекціи и Изслѣдованія; стр. 99, 101.

Олега въ лодкахъ и на коняхъ приблизилось къ Константинополю, то Греки заперли гавань и крѣпость. Послѣдовавшее затѣмъ опустошеніе окрестностей Константинополя не вызвало Грековъ ни на битву, ни на переговоры. Тогда Олегъ рѣшился взять городъ приступомъ: «И повелѣ Олегъ воямъ своимъ колеса изъдѣлати и вставити корабля на колеса и бывшю покосну вѣтру, успяша прѣ съ поля и *идяше къ городу*» [1]). Слѣдовательно, по точному смыслу лѣтописнаго подлинника, воины Олега шли съ кораблями, поставленными па колеса, а не плыли по сушѣ въ корабляхъ. Далѣе лѣтописецъ говоритъ о страхѣ Грековъ, увидѣвшихъ движеніе воиновъ Олега съ лодками на крѣпость; о просьбѣ ихъ пощадить городъ; о переговорахъ и заключеніи договора, которымъ константинопольскіе цари обязались платить дань кіевскому князю. Движеніе воиновъ Олега на Константинополь съ кораблями на колесахъ и страхъ Грековъ за гибель ихъ города стоятъ у лѣтописца въ непосредственной логической связи: это движеніе имѣло значеніе цѣлесообразнаго средства взять приступомъ Константинопольскую крѣпость. Дѣйствительно, лодки съ парусами, двинутыя на колесахъ къ стѣнамъ Царьграда, должны были защищать осаждавшихъ городъ отъ стрѣлъ осажденныхъ въ немъ; а съ другой стороны, тѣ же лодки, придвинутыя къ стѣнамъ крѣпости, могли послужить матеріаломъ, по которому легко было взобраться на высокія стѣны Константинополя, считавшіяся неприступными. Вотъ почему Греки, допустившіе безнаказанное опустошеніе Русскими окрестностей Царьграда, равнодушно ждавшіе обыкновеннаго приступа непріятеля къ непобѣдимому городу, «убояшася» при видѣ движенія Руссовъ съ кораблями и поспѣшили предложить миръ на условіяхъ Олега. Вотъ почему и князь Олегъ, придумавшій вѣрное средство взять приступомъ Константинополь, казался Грекамъ равнымъ непобѣдимому воину—святому Димитрію Солунскому, а у Русскихъ былъ прозванъ «вѣщимъ»—вѣщуномъ.

Способъ осады крѣпостей посредствомъ подвижного укрѣпленія, устроеннаго на колесахъ, практиковался въ древней Руси до времени введенія въ употребленіе огнестрѣльныхъ снарядовъ. Такое укрѣпленіе называлось въ древней Руси «*гуляй городомъ*» и «*обознымъ градомъ*». Въ одномъ изъ лѣтописныхъ описаній осады города Москвы говорится: «близь же града, яко поприща два, поставиша *градъ, обозъ нарицаемый, иже нѣкоею мудростію на колесницахъ устроенъ и къ бранному ополченію зело удобенъ*» [2]). Въ исторіи са-

---

[1]) См. „Пособіе“; № II, стр. 20.

[2]) О „гуляй городѣ“ или „обозномъ градѣ“. См. Д. Самоквасова: Древніе города Россіи; стр. 33.

мой Византіи былъ и другой примѣръ приступа къ крѣпости Константинополя, подобный приступу Олега. Въ Кантемировой Исторіи Оттоманской Порты приводится извѣстіе (повторенное и въ Риттеровомъ «Описаніи Константинополя»), по которому: «Султанъ Магометъ осуществилъ одинъ изъ отважнѣйшихъ замысловъ, записанныхъ въ исторіи. Видя, что цѣпи, протянутыя предъ входомъ въ гавань Константинополя, невозможно было ни отпереть, ни разорвать, онъ приказалъ посредствомъ нѣкоторыхъ снастей передвинуть въ гавань сухимъ путемъ 80 галеръ съ натянутыми парусами, развивавшимися на сухомъ пути», и такимъ способомъ Магометъ взялъ Константинополь.

Слѣдовательно, въ движеніи Олеговыхъ воиновъ съ лодками, поставленными на колеса, отъ морского берега къ стѣнамъ Константинополя, ничего нѣтъ баснословнаго, невѣроятнаго. Это не безсмысленное плаваніе въ лодкахъ на сушѣ, выдуманное Шлецеромъ, а цѣлесообразный способъ военнаго приступа къ крѣпости. Для осады Константинополя Олегъ употребилъ подвижную крѣпость,— древнерусскій *«обозный градъ» или «гуляй городъ», матеріаломъ для котораго послужили лодки, поставленныя на колеса.*

Другимъ баснословнымъ извѣстіемъ въ лѣтописной исторіи Олегова похода признается Шлецеромъ и его послѣдователями свидѣтельство о парусахъ, сдѣланныхъ Греками по приказанію Олега. Въ лѣтописи говорится такъ: «И рече Олегъ: «исшійте прѣ *паволочиты* Руси, а Словѣномъ *кропинные*». *И вспяша Русь прѣ паволочитые, а Словѣне кропинные*, и раздра я вѣтръ. И ркоша Словѣне: имемся своимъ толстинамъ, не даны суть Словѣномъ прѣ *кропинные*». Въ «Шлецеровскомъ Несторѣ» выраженія «прѣ паволочитые» и «прѣ кропинные» замѣнены выраженіями *«парусы парчевые»* и *«парусы крапивные»*, а въ толкованіи этого мѣста Шлецеръ утверждаетъ, что *«паволоки означаютъ драгоцѣнную ткань, золотую парчу»*, а лѣтописная *«кропина неоспоримо есть крапива»*. Но подлинникъ русской лѣтописи говоритъ не о парчѣ, шитыхъ золотомъ и серебромъ тканяхъ, называвшихся у насъ *узорочьемъ*, а о паволокахъ, означающихъ въ лѣтописи *шелковыя ткани*, называвшіяся у Грековъ бабилонскими тканями. *Лѣтописный подлинникъ говоритъ не о парусахъ изъ крапивы, а о парусахъ изъ кропины — бумажной матеріи* (что объяснилъ еще Татищевъ). Кропиною, кропинкою и кропнымъ полотномъ до сихъ поръ называются въ Малороссіи узорчатыя бумажныя или ситцевыя ткани. Отсюда понятно, почему кропинные паруса славянскихъ лодокъ разодралъ вѣтеръ, и Славяне замѣнили ихъ снова своими холстинами. Что же касается шелковыхъ парусовъ, сдѣланныхъ для кораблей Олега, то *исторія представляетъ многіе примѣры оснащенія въ древности кораблей*

побѣдителя шелкомъ на счетъ побѣжденнаго, начиная съ Алкивіада, возвратившагося изъ побѣжденной Спарты въ Аѳины на кораблѣ, оснащенномъ виссономъ и багряницей, и кончая Кавендышемъ, на счетъ побѣжденныхъ Испанцевъ, оснастившимъ свои корабли шелковыми парусами, и нашимъ Ст. Разинымъ, возвратившимся изъ погрома персидскаго въ Астрахань на корабляхъ, оснащенныхъ шелковыми веревками и парусами.

За объясненіемъ свидѣтельствъ о движеніи воиновъ Олега къ стѣнамъ Царьграда съ кораблями, поставленными на колеса, и о парусахъ изъ паволоки и кропины, *въ лѣтописномъ разсказѣ о походѣ и договорѣ Олега 907 года нѣтъ ничего, имѣющаго характеръ сказочный или легендарный.*

«*Я раскрываю византійскія лѣтописи* и смотрю», говоритъ Шлецеръ, «что случилось въ послѣднюю четверть IX и первую X столѣтій, — *и ни словечка о важномъ русскомъ походѣ 907 года; ни словечка о торжественномъ договорѣ;* это, признаюсь, для меня непонятно, хотя и помню я замѣчаніе, сдѣланное уже Байеромъ, что именно въ этомъ періодѣ, столь важномъ для русскаго историка, находится пустота, перерывъ въ византійской лѣтописи» [1]). Мы видѣли выше, что *отъ второй половины IX вѣка сохранились показанія трехъ византійскихъ историковъ о пребываніи Руссовъ въ Царьградѣ и договорахъ* Руссовъ съ Михаиломъ III и Василіемъ Македоняниномъ [2]). Отъ времени княженія Олега въ Кіевѣ свѣдѣній о сношеніяхъ и договорахъ Руссовъ съ Греками въ византійскихъ лѣтописяхъ не сохранилось, а причина тому, какъ говоритъ и самъ Шлецеръ, указана еще Байеромъ: «пустота, перерывъ въ византійской исторіи этой эпохи» [3]). Греческій лѣтописецъ второй половины X вѣка *Левъ Діаконъ Калойскій говоритъ ясно и неоднократно о договорахъ съ Греками предковъ Святослава и Игоря* [4]).

«*Годовыя числа*», утверждаетъ Шлецеръ, «относящіяся ко времени договоровъ Олега, означенныя въ русской лѣтописи, *явно невѣрны*: здѣсь противорѣчія во времясчисленіи слишкомъ грубы» [5]). Но академикъ Кругъ, написавшій спеціальное сочиненіе, посвященное византійской хронологіи, доказалъ, что соображенія Шлецера, направленныя противъ вѣрности хронологіи русской лѣтописи вообще и относящейся къ договорамъ въ частности, явились резуль-

---

[1]) Шлецеровскій Несторъ; ч. II; стр. 754 и слѣд.

[2]) См. выше; стр. 3.

[3]) Шлецеровскій Несторъ; ч. I, стр. 353; ч. II, стр. 756 и слѣд.

[4]) См. выше; стр. 18, 21.

[5]) Шлец. Несторъ; ч. II, стр. 753.

татомъ *незнанія Шлецеромъ византійской хронологіи: «хронологія русской лѣтописи соотвѣтствуетъ византійской хронологіи»* [1]).

«Есть множество древнихъ бумагъ», говоритъ Шлецеръ, «которыхъ неподлинность неоспоримо можно доказать и по одному ихъ внутреннему содержанію. *Можно начесть цѣлую дюжину такихъ мѣстъ, которыхъ никакъ не могли написать приведенныя въ договорахъ лица»* [2]).

Это положеніе высказано Шлецеромъ безъ примѣровъ, голословно. По мнѣнію Карамзина, напротивъ, «*содержаніе договоровъ Олега и Игоря такъ вѣрно представляетъ намъ взаимныя отношенія Грековъ и Россіанъ X вѣка, такъ сообразно съ обстоятельствами времени, что мы не можемъ усомниться въ ихъ истинѣ»* [3]).

«Когда я», говоритъ Шлецеръ, «занимаясь критическою своею

---

[1]) См. соч. Круга: „Kritische Versuch zur Aufklärung der Byzantischen Chronologie, mit besonderer Rüksicht auf die frühere Geschichte Russlands"; 1810, S. 108 u. s. w. „Когда знаменитый критикъ Шлецеръ, говоритъ Эверсъ, въ первый разъ обратилъ свое вниманіе на договоры Олега и Игоря съ Греками, которые такъ ясно раскрываютъ предъ нами понятія древнихъ Руссовъ о правѣ, то онъ нашелъ ихъ въ высшей степени важными... Но онъ возмущенъ былъ въ своей радости мнимымъ открытіемъ нѣкоторыхъ невѣрностей въ означеніи времени, молчаніемъ Византійцевъ и отчасти даже содержаніемъ... Старецъ, оказавшій безсмертныя заслуги Русской Исторіи своими изысканіями, не дожилъ до того времени, какъ Кругъ съ такою основательностью разсѣялъ его сомнѣнія относительно хронологіи, что послѣ того уже никто не дерзнетъ повторять ихъ, кто только способенъ понимать силу историческаго доказательства. Если бы и самъ Шлецеръ получше разсмотрѣлъ состояніе наполненной промежутками исторической литературы у Византійцевъ въ семъ періодѣ времени, то едва ли бы молчаніе ихъ показалось ему подозрительнымъ". Древнѣйшее русское право; переводъ Платонова. Петербургъ. 1835 г., стр. 133—135. „Знаменитый критикъ", „нѣмецкій старецъ, будто бы оказавшій безсмертныя заслуги русской исторіи своими изысканіями", обвиненный Кругомъ въ искаженіи византійской хронологіи и исторіи, во второмъ изданіи своего „Нестора" оправдывался слѣдующими словами: „Перечитавъ все это (относящееся къ договорамъ) снова, нашелъ я многія разности въ числопоказаніяхъ изъ византійской исторіи. Это не типографскія и не мои ошибки (?). Отъ ученаго человѣка, занимающагося существенною частью исторіи, нельзя требовать, чтобы онъ цѣлые мѣсяцы сидѣлъ надъ повѣркою чиселъ". Шлец. Несторъ; ч. III, стр. 263, 264. Изд. 1809 г.

[2]) Шлецеровскій Несторъ; ч. II, стр. 758.

[3]) Ист. Гос. Рос.; т. I, стр. 94.

работою, дошелъ до сего договора (907 года), то остановился, ибо *не встрѣчалъ еще въ лѣтописяхъ ничего, столь для меня непонятнаго*... Вотъ гдѣ начинается мука для толкователя! Всѣ списки такъ искажены, что здѣсь, а еще болѣе въ слѣдующемъ пространномъ мирномъ договорѣ, на многихъ мѣстахъ совершенно ничего не поймешь» [1]). Дѣйствительно, въ Шлецеровскомъ текстѣ Несторовой лѣтописи многое непонятно. Но *причина этой темноты — самъ Шлецеръ*. Сравнивая списки лѣтописи, Шлецеръ выбиралъ описки изъ позднѣйшихъ списковъ, вставлялъ ихъ въ текстъ древнихъ списковъ и такимъ образомъ составлялъ свой «*непонятный сводный текстъ*», называемый имъ подлинникомъ русской лѣтописи, и эту *свою работу онъ приписывалъ древнему тексту памятника*. Въ древнѣйшихъ спискахъ Несторова свода говорится: «заповѣда Олегъ дати воемъ на 2000 *кораблій*... и потомъ даяти *уклады*... да приходятъ Русь *хлѣбное* емлютъ, елико *хотятъ*; а иже придутъ гостье, *да* емлютъ мѣсячину... поидуть же Русь *домови*, да емлютъ у царя вашего *на путь* брашно»... и т. д. [2]). Ничего непонятнаго здѣсь нѣтъ. Шлецеръ же составилъ изъ описокъ позднѣйшихъ списковъ русской лѣтописи слѣдующій текстъ условій договора 907 года, предложенныхъ Олегомъ: «Заповѣда Олегъ дать воемъ на 2000 *корабль*... а потомъ даяти *уклады*... да приходячи Русь *слюбное* емлютъ, елико *хотячи*. А иже придутъ гости *егда* емлютъ мѣсячину. Поидучи же Русь *за ся*, да емлютъ у царя вашего брашно» и т. д. Въ переводѣ и критикѣ содержанія договоровъ Славяноруссовъ съ Греками Шлецеръ употребилъ тѣ же средства, какія употреблены имъ въ отрицаніи свидѣтельствъ русской лѣтописи о разселеніи Славянъ въ Европѣ, родствѣ Славянъ со Скиѳами, древнихъ сношеніяхъ Кіевлянъ съ Византіей и т. д. [3]).

Но лѣтописныя свидѣтельства о походахъ кіевскихъ князей на Константинополь и содержаніе договоровъ Славяноруссовъ съ Греками, дѣйствительно, менѣе понятны, нежели Несторовы разсказы, составляющіе содержаніе безгоднаго введенія перваго кіевскаго лѣтописнаго свода. Причина этого различія заключается въ томъ, что разсказы Нестора писаны славянорусскимъ языкомъ христіанскаго времени, а *разсказы о походахъ Руссовъ на Царьградъ и договоры съ Греками представляютъ намъ славянорусскій языкъ языческой эпохи*, еще не обновленный рецепціей Священнаго Писанія и другихъ памятниковъ христіанской письменности византійской и южныхъ Сла-

---

[1]) Шлец. Несторъ; II, 642, 694, 696.

[2]) П. С. Р. Л.; I, стр. 13. Приложенія, стр. 21.

[3]) См. Самоквасова: Ист. рус. права; в. II; с. 87, 91—93, 97—106. Изд. 1884 г.

вянъ. Разсказы о походахъ Славяноруссовъ на Царьградъ и договоры съ Греками представляютъ собою копіи записокъ времени княженія Олега, Игоря и Святослава, писанныхъ русскимъ языкомъ X вѣка, лаконическимъ, народнымъ, въ которомъ многое измѣнилось подъ вліяніемъ рецепціи христіанства [1]).

Въ языкѣ договоровъ съ Греками встрѣчается много словъ и выраженій, вышедшихъ изъ употребленія, или измѣнившихъ древнее значеніе, истинный смыслъ которыхъ, не всякому понятный въ наше время, опредѣляется только научными средствами. Къ такимъ словамъ принадлежатъ: *судъ* (гавань-заливъ), *городъ* (крѣпость), *палаты* (дома), *корабль* (лодка), *прѣ* (паруса), *покосны* (попутный), *полоняники* (плѣнные), *ратніи* (военные), *гости* (купцы), *мужъ* (человѣкъ), *погани* (язычники), *невѣголоси* (несвѣдущіе), *вѣщій* (мудрецъ), *миръ створити* (заключить договоръ), *яшася* (приняли), *витать* (жить), *брашно* (борошно-мука), *мѣсячина* (помѣсячное содержаніе), *ужа* (веревки), *мытъ* (пошлина), *рота* (присяга), *паволока* (шелковая ткань), *толстина* (холстъ), *узорочье* (парча), *кропина* (бумажная матерія). Столько словъ въ лѣтописномъ описаніи похода и договора Олега 907 года, вышедшихъ изъ употребленія и измѣнившихъ прежнее значеніе; къ нимъ нужно прибавить «уклады» и «ключъ», значеніе которыхъ и теперь еще неточно опредѣлено наукою. Пониманіе истиннаго смысла такихъ словъ и русскому ученому дается съ трудомъ, а иностранцу они должны казаться совершенно «безсмысленными описками переписчиковъ, непонятною тарабарщиною». Отсюда понятно признаніе Шлецера: «когда я, занимаясь критическою своею работою, дошелъ до сего договора, то остановился, ибо не встрѣчалъ въ лѣтописяхъ еще ничего, столь для меня непонятнаго» [2]).

Однакоже трудность пониманія языка договоровъ X вѣка относительна: многое, что казалось непонятнымъ и безсмысленнымъ

---

[1]) О языкѣ договоровъ съ Греками см. П. А. Лавровскаго: „О византійскомъ элементѣ въ языкѣ договоровъ Русскихъ съ Греками»; Спб. 1853 г. И. И. Срезневскаго: „О договорахъ съ Греками“; въ Изв. Имп. Ак. Наукъ; I, стр. 309—326; III, 259—295.

[2]) Шлецеровскій Несторъ; ч. II, стр. 696. Во всякомъ случаѣ, это было бы полезнѣе для русской, славянской, византійской и германской исторіи, потому что Шлецеровскій переводъ „Несторовой лѣтописи“, съ его „толкованіями“, обманули и до сихъ поръ обманываютъ ученый міръ западной Европы и многихъ русскихъ ученыхъ, изучающихъ русскіе лѣтописные своды не въ подлинникахъ, а въ переводѣ и толкованіяхъ Шлецера.

въ прошедшемъ столѣтіи, понятно въ наше время, благодаря научнымъ изысканіямъ текущаго столѣтія; что кажется еще непонятнымъ въ наше время, то разъяснится наукою будущаго.

Есть и еще причина, затруднявшая пониманіе истиннаго смысла договорныхъ условій кіевскихъ князей съ византійскими императорами X вѣка. Со времени Шлецера въ историко-юридической литературѣ *договоры разсматриваются, какъ отдѣльные, самостоятельные, безъ взаимной связи между ними* и безъ общаго ихъ отношенія къ договору 907 года, самая подлинность котораго отрицается. При такомъ воззрѣніи содержаніе договоровъ представляется отрывочнымъ, безсвязнымъ, непонятнымъ, возбуждающимъ множество литературныхъ сомнѣній [1]). Но факты, отмѣченные нами въ изложеніи исторіи и содержанія договоровъ, кажется, неоспоримо доказываютъ, что *договоры 911, 945 и 971 годовъ представляютъ собою только подтвержденія и дополненія договора 907 года.* Во вступленіи договора 911 года прямо говорится, что онъ заключенъ «согласно съ предыдущимъ договоромъ», бывшимъ при царяхъ Львѣ и Александрѣ, и согласно съ клятвенными условіями и многократными словесными совѣщаніями, слѣдовавшими за договоромъ 907 года. Точно такъ же договоръ 945 года, по точному смыслу его текста, только подтвердилъ и обновилъ ветхій миръ, старый договоръ. Нѣкоторыя статьи этого договора прямо ссылаются на договоръ 907 года, какъ на законъ дѣйствующій. Наконецъ, договоромъ 971 года русскій князь клянется «хранить ненарушимо прежнія совѣщанія»,—прежніе договоры. Разсматривая содержаніе договоровъ кіевскихъ князей съ византійскими императорами во взаимной связи, мы получили возможность объяснить договорныя условія, казавшіяся непонятными изучавшимъ содержаніе договоровъ въ ихъ отдѣльности.

---

[1]) „Наша начальная лѣтопись сохранила содержаніе четырехъ отдѣльныхъ договоровъ... Въ точности всего этого повѣствованія о мирѣ 907 года и теперь есть поводы сомнѣваться... Число договоровъ, ихъ содержаніе, отношеніе этого содержанія къ русскому и греческому праву—все здѣсь сомнительно и спорно“. В. И. Сергѣевичъ: Лекціи и Изслѣд.; стр. 99—101.

ГЛАВА IV.

Народность права договоровъ кіевскихъ князей съ византійскими императорами.

Рѣшеніе въ положительномъ смыслѣ вопроса о подлинности договоровъ Руссовъ съ Греками X вѣка еще не даетъ права признавать эти памятники средствами познанія системы права русскихъ Славянъ, потому что можно предположить, что договоры содержатъ въ себѣ не славянорусское, а греческое право. Если бы такое предположеніе было справедливо, то договоры кіевскихъ князей съ византійскими императорами должны быть исключены изъ ряда источниковъ познанія исторіи русскаго права, какъ памятники, содержащіе въ себѣ право чуждое русскому праву. Отсюда, за рѣшеніемъ вопроса о подлинности договоровъ, наука исторія русскаго права должна рѣшить не менѣе важный вопросъ о народности ихъ содержанія.

Литературная исторія вопроса о народности права договоровъ Славяноруссовъ съ Греками состоитъ въ связи съ исторіей литературныхъ воззрѣній по вопросу о народности Руссовъ, призванныхъ Новгородцами, и степени культурнаго и гражданскаго состоянія въ эпоху призванія призваннаго племени и призвавшихъ.

По вопросу о народности Руссовъ въ исторической литературѣ прошедшаго столѣтія были высказаны два воззрѣнія: по первому, Варяго-Руссы было племя скандинавскаго, нѣмецкаго происхожденія, обитавшее въ землѣ, лежавшей на западъ отъ Балтійскаго моря; по второму, Варяго-Руссы было племя финскаго или литовскаго происхожденія, обитавшее въ землѣ, лежавшей на востокъ отъ Балтійскаго моря, въ сосѣдствѣ съ Славянами Ильменскими.

Основателемъ ученія о скандинавскомъ происхожденіи Варяговъ-Руси былъ нѣмецкій историкъ *Сигфридъ Байеръ*, въ сочиненіяхъ «De Varagis» и «De origine Russorum» высказавшій предположеніе, по которому *Варяго-Руссы*, призванные Ильменскими Славянами, *были народъ германскаго происхожденія*, вышедшій въ новгородскую область *изъ Скандинавіи*. Это предположеніе Байеръ подтверждалъ ссылкою на воинственный характеръ обитателей Скандинавіи («такіе храбрецы не могли оставить въ покоѣ сосѣдній славянскій міръ») и филологическимъ разборомъ древнѣйшей русской номенклатуры, сохранившейся въ Несторовомъ лѣтописномъ сводѣ (германскія имена русскихъ князей, германскія имена пословъ въ договорахъ съ Греками, германскіе звуки въ русскихъ названіяхъ Днѣпровскихъ пороговъ и пр.), по которому «на этимологической дыбѣ слово пищитъ такъ, какъ хочется жестокому словопроизводителю». Но самъ Байеръ

сознавался, что въ Скандинавіи «apud hos piratas inauditum nomen Varagorum» [1]).

Русскіе историки XVIII столѣтія не послѣдовали за ученіемъ Байера. «Если бы Рюрикъ пришелъ къ Славянамъ изъ Скандинавіи», говоритъ *Ломоносовъ*, «то скандинавскіе историки не пропустили бы этого важнаго случая въ своихъ исторіяхъ, въ которыхъ вѣкъ Рюрика съ довольными обстоятельствами описанъ» [2]). По ученію *Татищева*: *Руссы было общее имя племенъ финскаго происхожденія; Руссы-Финны, занимавшіе область за Финскимъ заливомъ, назывались Варягами.* Славяне пришедъ, Руссами овладѣли и свой престолъ въ Гардариккіи утвердя, новое себѣ владѣніе основали, и оные князи славенскіе, окончивъ мужское наслѣдство Гостомысломъ, варяжскихъ князей Рюрика съ братіею избрали. Славяне, овладѣвъ русскимъ государствомъ, усвоили себѣ имя Руссовъ. *Варягоруссы и Славяноруссы*, живучи въ сосѣдствѣ, *имѣли одинаковыя познанія и одно просвѣщеніе* [3]).

Шлецеръ объявилъ дикарями русскихъ Славянъ эпохи призванія Рюрика и призналъ ученіе русскихъ историковъ «сказкою и невѣжествомъ», а *предположеніе Байера* о скандинавскомъ происхожденіи Варяговъ-Руссовъ—«истинною исторіей и *безспорнымъ ученымъ доказательствомъ*» [4]). За Шлецеромъ послѣдовали всѣ Нѣмцы, перепол-

---

[1]) Очеркъ литературныхъ воззрѣній по вопросу о народности Варяговъ-Руси см. въ Журналѣ Минист. Народн. Просв. за 1869 г. Ноябрь. Статья Д. Самоквасова: „Замѣтки по исторіи русскаго государственнаго устройства и управленія“.

[2]) Древняя Рос. Исторія отъ начала рос. народа до кончины В. К. Ярослава I, соч. Мих. Ломоносова, стр. 55 и 56.

[3]) См. Д. Самоквасова: „Ист. Рус. Права“; в. I, с. 3—6. Изд. 1878 г. Ср. И. *Болтина*: „Имя Руссовъ издревле и гораздо прежде пришествія Славянъ было извѣстно. Руссы же жили не индѣ гдѣ, какъ токмо около Ильменя, по Волхову... Когда Славяне, пришедъ изъ Вандаліи, поселилися между Руссовъ, тогда стало быть извѣстно и ихъ имя въ здѣшнемъ краю, но по времени и сами, отъ имени обладаннаго ими предѣла, стали Руссами называться“. „Примѣчанія на исторію Россіи. Г. Леклерка“; т. I, с. 76; т. II, с. 47, 110, 306—310. Изд. 1788 г.

[4]) „Скандинавы или Норманны“, говоритъ Шлецеръ, „основали русскую державу, въ этомъ никто не сомнѣвается, ни одинъ ученый историкъ въ этомъ не сомнѣвается; но какъ между всѣми Русскими, писавшими до сихъ поръ русскую исторію, нѣтъ ни одного ученаго историка, то не удивительно, что всѣ они, Татищевъ, Ломоносовъ, Щербатовъ, также новѣйшій сочинитель краткой исторіи, все еще выдаютъ Варяговъ за Славянъ, Пруссовъ или Финновъ, что однакоже 60 лѣтъ тому назадъ

нившіе собою въ концѣ прошедшаго и въ началѣ текущаго столѣтія русскую Академію Наукъ и русскіе университеты.

Въ сочиненіи академика *Круга:* «Критическій опытъ объясненія византійской хронологіи, съ особеннымъ взглядомъ на древнѣйшую исторію Россіи» [1]), Шлецеръ объявляется «геніальнымъ германскимъ ученымъ» и признаются доказанными его теоріи норманства Руссовъ и дикости Славянъ въ эпоху призванія Рюрика. Но «знаменитый мужъ, показавшій, какъ должно разрабатывать русскую исторію, занимаясь великими вопросами германской исторіи, не имѣлъ достаточно свободнаго времени, чтобы надлежащимъ образомъ сличить византійскую хронологію съ русскою, а потому неосновательно заподозрилъ подлинность договоровъ Руссовъ съ Греками». Кругъ исправляетъ это «недоразумѣніе», доказывая, что Руссы дѣйствительно ходили въ Константинополь и дѣйствительно заключили съ Греками записанные въ русской лѣтописи договоры; но въ то же время признается доказаннымъ германское происхожденіе Руссовъ, а слѣдовательно, что «*договоры содержатъ въ себѣ германское право, а не славянское*».

Байеръ такъ опровергъ, что никто, могущій понять ученое историческое доказательство, не будетъ болѣе въ томъ сомнѣваться". „Несторъ"; изд. 1809 г., I, 325. Но принимая предположеніе Байера о скандинавскомъ происхожденіи Варяговъ-Руси за научно доказанный фактъ, Шлецеръ въ то же время даетъ слѣдующіе приговоры о методѣ доказательствъ Байера и его познаніяхъ въ русской исторіи: „если какое-либо слово не имѣетъ съ другимъ словомъ нужной созвучности, то его поднимаютъ на этимологическую дыбу и мучатъ до тѣхъ поръ, пока оно, какъ будто отъ боли, не закричитъ и не дастъ такого звука, какого хочется жестокому словопроизводителю... Непонятно, какъ этотъ великій изслѣдователь языковъ, столь много потѣвшій надъ китайскимъ, не учился по-русски, почему и зависѣлъ всегда отъ неискусныхъ переводчиковъ и надѣлалъ важныхъ ошибокъ". Шлецеровскій Несторъ; I, стр. 419; II, 144; III, 252. Съ „неучеными" русскими историками Шлецеръ говорилъ слѣдующимъ языкомъ: „всѣ главныя мои сомнѣнія о подлинности Олегова договора относятся и къ Игореву, а частію еще въ высшей степени. Да не смѣетъ никто поправлять этого". Шлец. Несторъ; III, 208—210. Изд. 1809 г. Это приказаніе имѣло реальный смыслъ, потому что въ концѣ прошедшаго и въ началѣ текущаго столѣтій цензура сочиненій по русской исторіи была сосредоточена въ рукахъ Нѣмцевъ Русской Академіи, состоявшихъ подъ главенствомъ Шлецера.

[1]) St. Petersburg. 1810 г.

Татищевъ, Ломоносовъ, Щербатовъ, Болтинъ снесли ихъ убѣжденія въ могилу; а въ молодомъ поколѣніи русскихъ историковъ XIX вѣка теоріи Байера, Шлецера и Круга получили значеніе обязательной науки. Въ Петербургской Академіи и русскихъ университетахъ установилась доктрина, по которой «только Шлецеръ положилъ русской исторіи надежное основаніе и показалъ, какъ должно критически обрабатывать и употреблять русскія лѣтописи». Были составлены учебники русской исторіи, въ которыхъ предположенія Байера и Шлецера излагались, какъ доказанныя наукою истины, и такіе учебники сдѣланы обязательными въ университетскомъ и гимназическомъ преподаваніи. Авторитетъ Шлецера получилъ въ Россіи такую силу, что даже Карамзинъ, писавшій русскую исторію подъ особеннымъ покровительствомъ Императора Александра I, долженъ былъ послать первый томъ своей «Исторіи Государства Россійскаго» въ Геттингенъ, на разсмотрѣніе Шлецера [1]).

Подъ цензурою Шлецера *Карамзинъ* повторилъ слѣдующія положенія ученія нѣмецкой школы: «Древляне имѣли обычаи дикіе, подобно звѣрямъ, съ коими они жили среди лѣсовъ темныхъ, питаясь всякою нечистотою. Сѣверяне, Родимичи и Вятичи уподоблялись нравами Древлянамъ... [2]). Варяги были первыми чиновниками, знаменитѣйшими воинами и гражданами нашими... Варяги принесли съ собою общіе гражданскіе законы въ Россію, извѣстные намъ по договорамъ великихъ князей съ Греками и *во всемъ согласные съ древними законами скандинавскими*»... [3]).

Появляется сочиненіе *Эверса* «О древнѣйшемъ правѣ Руссовъ», пользовавшееся у современниковъ такою же «знаменитостью», какъ «Несторъ» Шлецера, «Хронологія» Круга и «Исторія государства Россійскаго» Карамзина. Во введеніи къ этому своему сочиненію Эверсъ высказываетъ, что исторія каждаго народа становится интересною въ научномъ отношеніи только съ того времени, когда *первоначальный-родовой-младенческій бытъ народа смѣняется государственнымъ бытомъ*, а такимъ моментомъ въ Россіи было событіе призванія германскаго племени Руссовъ Славянами. Этимъ событіемъ Эверсъ и начинаетъ исторію русскаго права: Руссы созидаютъ города, назначаютъ изъ своей среды областныхъ правителей, издаютъ законы, предпринимаютъ походы въ Грецію, заключаютъ договоры, однимъ словомъ, созидаютъ русское государство, русское

---

[1]) См. „Ист. рус. права“ Д. Самоквасова; в. I; стр. 87 и слѣд. съ соотвѣт. тексту примѣчаніями. Изд. 1878 г.

[2]) Ист. Гос. Рос.; т. I, стр. 38. Изд. 1842 г.

[3]) Тамъ же; стр. 143, 144.

право, русскую цивилизацію, и въ этомъ твореніи нигдѣ не видно участія Славянъ. Въ основаніи всѣхъ разсужденій Эверса о русскомъ государствѣ и русскомъ правѣ лежитъ только «Лѣтопись Нестора», въ переводѣ и толкованіяхъ «знаменитаго, геніальнаго старца Шлецера». Въ трактатѣ о содержаніи договоровъ Руссовъ съ Греками (седьмое отдѣленіе), занимающемъ сто страницъ, только разъ упоминается о славянскомъ правѣ: «правило о тройномъ вознагражденіи за насильственное завладѣніе чужою собственностью, по его примитивности, можетъ принадлежать *какъ русскому исключительно, такъ и древнему славянскому праву*» [1]). Всѣ остальныя постановленія договоровъ Руссовъ съ Греками, по ученію Эверса, заключаютъ въ себѣ «*исключительно русское и частію византійское право*»: «древность постановленія о смертоубійствѣ очевидна: его начало германское, скандинавское, русское, только въ приложеніи и въ побочныхъ обстоятельствахъ измѣненное на основаніи греческаго, болѣе образованнаго права; наказаніе за раны и побои, очевидно, заимствовано изъ русскаго права; постановленіе объ убійствѣ вора подходитъ ближе къ русскому, нежели къ греческому праву», и т. д. [2]). Сходство содержанія договоровъ съ «*русскимъ-скандинавскимъ-германскимъ*» правомъ доказывается содержаніемъ Русской Правды, по ученію Эверса, представляющей собою древнѣйшій кодексъ германскаго права, перенесенный къ Славянамъ Руссами-Германцами [3]).

Неограниченное господство ученія о германизмѣ права договоровъ Руссовъ съ Греками X вѣка продолжалось въ нашей историко-юридической литературѣ до второй половины нашего столѣтія. Погодинъ въ своей лекціи 1846 года слѣдующими словами характеризовалъ свое ученіе и своихъ предшественниковъ: «*Варяги до 1054 года были отдѣльнымъ племенемъ отъ Славянъ, имѣли свою особую исторію или, лучше сказать, одни составляли ее*... Я начиналъ обыкновенно лекціи свои о русской исторіи съ 862 года, то-есть съ прибытія князей варяго-русскихъ въ Новгородъ. О народѣ, къ которому пришли братья, я довольствовался изложеніемъ словъ Нестора. Самъ первый лѣтописатель нашъ представляетъ *славянскія племена еще въ состояніи младенчества, до котораго ничего опредѣлить нельзя, да и не нужно*. Такъ разсуждали и всѣ наши ученые историки—Стриттеръ, Карамзинъ, Эверсъ, вслѣдъ за законо-

---

[1]) Древн. Русское право. Изд. 1835 г., стр. 175.

[2]) Тамъ же; стр. 159, 165, 170 и др.

[3]) Тамъ же; стр. 299. „Kritische Vorarb. zur Gesch. der Russen. Dorpat. 1814; I, S. 103.

положникомъ исторической критики Шлецеромъ»[1]). Содержаніе договоровъ Руссовъ съ Греками, согласно съ ученіемъ Эверса, Погодинъ признавалъ норманскимъ-варяжскимъ-германскимъ.

Новое направленіе въ воззрѣніяхъ по интересующимъ насъ вопросамъ начинается изслѣдованіями *С. М. Соловьева* и вызванною ими полемикой между послѣдователями теорій родового и общиннаго быта русскихъ Славянъ въ эпоху призванія Рюрика [2]). Въ ученіи о бытѣ русскихъ Славянъ въ эпоху призванія Рюрика Соловьевъ является послѣдователемъ своихъ предшественниковъ, развиваетъ и дополняетъ теорію родового быта Славянъ, предложенную Эверсомъ. Но въ ученіи о значеніи Варяговъ въ исторіи культуры и гражданственности русскихъ Славянъ Соловьевъ рѣзко отличается отъ своихъ предшественниковъ. Обзоръ исторіи Россіи при первыхъ Рюриковичахъ Соловьевъ оканчиваетъ выводами, направленными противъ основного положенія ученія Шлецеро-Карамзинской школы, выраженнаго Погодинымъ слѣдующими словами: «Варяги до 1054 года были отдѣльнымъ племенемъ отъ Славянъ, имѣли свою особую исторію или, лучше сказать, одни составляли ее». По ученію Соловьева: «*И въ событіяхъ внѣшнихъ*, походахъ, завоеваніяхъ, *и въ жизни внутренней Славяне составляютъ свою исторію, въ которой Варяги являются только пособниками, служебниками.*—Варяги не составляли господствующаго народонаселенія относительно Славянъ, приходили въ Русь безъ женъ, женились на Славянкахъ; дѣти ихъ были уже только полу-Варягами, а внуки совершенно Славянами.—Варяги не стояли выше Славянъ по степени развитія общественной жизни; *бытъ Варяговъ имѣлъ сходство съ бытомъ Славянъ*, а потому горсть Варяговъ, поселившаяся среди Славянъ, легко слилась съ большинствомъ. Въ русскомъ языкѣ находится не болѣе десятка словъ происхожденія сомнительнаго или дѣйствительно германскаго... Послѣ того какъ Русская Правда была сличена съ законодательными памятниками другихъ славянскихъ народовъ, *не можетъ быть рѣчи не только о томъ, что Русская Правда есть скандинавскій законъ, но даже о сильномъ вліяніи на нее скандинавскаго элемента*» [3]). Соловьевъ и послѣдующіе русскіе историки *снова стали употреблять въ историко-юридической лите-*

---

[1]) „Изслѣдованія, зам. и лекціи о рус. ист.“; т. II. Изд. 1846 г., стр. 321—385, 391, 392. Его же: „Древняя рус. исторія“. Изд. 1878 года. Перепечатка Изслѣдованій, зам. и лекцій.

[2]) См. „Ист. рус. права“, Д. Самоквасова. Изд. 1896 г., стр. 53.

[3]) „Исторія Россіи съ древнѣйшихъ временъ“; т. I, изд. 1866 г., стр. 307, 308 и прим. 487.

ратурѣ слово «русскій» въ значеніи «славянскій», а не «германскій», въ значеніи ученыхъ школы Татищева, а не Шлецера [1]).

Какъ же примирить теорію естественнаго родового быта Славянъ и Варяговъ, свойственнаго дикимъ и полудикимъ народамъ, съ содержаніемъ договоровъ кіевскихъ князей съ византійскими императорами, выражающимъ понятія и отношенія государственнаго быта, не имѣющія ничего общаго съ бытомъ племенъ, живущихъ только родовыми союзами?

На этотъ вопросъ отвѣчаетъ намъ ученіе, по которому договоры Руссовъ съ Греками X вѣка *заключаютъ въ себѣ не русское-славянское и не германское, а греческое право*. Наиболѣе послѣдовательно это воззрѣніе развито въ «Лекціяхъ и Изслѣдованіяхъ по исторіи русскаго права» проф. *В. И. Сергѣевича*, по ученію котораго «на составителяхъ договоровъ лежала обязанность обезопасить Константинополь и его окрестности отъ русскихъ гостей, обычаи которыхъ угрожали безопасности греческихъ подданныхъ. Не требуя отъ Русскихъ прямого отказа отъ своихъ обычаевъ, составители договоровъ должны были примирить примитивные способы возстановленія нарушеннаго права съ правомъ народа цивилизованнаго» [2]). Эту задачу составители договоровъ исполнили такъ, что всѣ статьи договоровъ явились содержащими въ себѣ цивилизованное право Грековъ, а не примитивное право Русскихъ. Статья объ убійствѣ—«чисто римское постановленіе», а въ постановленіяхъ «объ убійствѣ въ случаѣ необходимой обороны» мы имѣемъ дѣло съ греческимъ вліяніемъ, стѣсняющимъ русскіе нравы [3]). «Статья о побояхъ, какъ и статья объ убійствѣ, не только ничего не прибавляетъ къ нашимъ свѣдѣніямъ о русскихъ обычаяхъ, но есть существенное ихъ измѣненіе... Заключеніе статьи также новое и вовсе не въ духѣ русскихъ обычаевъ [4]). Опредѣленіе денежныхъ пеней за кражу въ размѣрѣ двойной или тройной цѣны украденнаго опять не русское, а чисто греческое» [5]). «Догадка (проф. Цитовича) о томъ, что статья о наслѣдствѣ есть буквальный переводъ римскаго текста: Si intestato moritur cui suus heres nec escit, agnatus proximus familiam habeto, представляется чрезвычайно вѣ-

---

[1]) Тамъ же; стр. 307—309 и др. „Одновременно съ русскимъ образуется другое славянское государство—польское“, „въ русскомъ языкѣ находится не болѣе десятка словъ происхожденія германскаго“ и т. д.

[2]) „Лекціи и Изслѣдованія“; изд. 1883 г., стр. 111—114.

[3]) Тамъ же; стр. 115, 121.

[4]) Тамъ же; стр. 122.

[5]) Тамъ же; стр. 123.

роятною» [1]). «Въ процессуальной статьѣ если и есть русское, то опять не все русское, а только то изъ него, что подходило и къ греческимъ понятіямъ» [2]). «Установленіе выкупа плѣнныхъ, какъ обязанности, есть мысль греческая» [3]). Результатъ анализа содержанія договоровъ, предложеннаго г. Сергѣевичемъ, выражается въ слѣдующей оцѣнкѣ достоинства этихъ памятниковъ, какъ источниковъ древняго русскаго права: «предки наши, нападая на Грецію, обогащались не однимъ только золотомъ, паволоками, овощами и виномъ; они обогащались и новыми правовыми идеями, выработанными гораздо болѣе развитою жизнью, чѣмъ та, которую они знали у себя дома... Статьи договоровъ съ Греками, относящіяся къ частному и публичному международному праву, *даютъ новое право*... Договоры сами по себѣ *ничего не прибавляютъ къ тому, что мы знаемъ уже о нашихъ древнихъ обычаяхъ на основаніи другихъ болѣе чистыхъ источниковъ*» [4]).

Исключивъ, такимъ образомъ, договоры Славяноруссовъ съ Греками изъ ряда средствъ познанія славянорусскаго права, проф. Сергѣевичъ уже не обращается къ нимъ въ изложеніи исторіи древнѣйшаго русскаго права, а излагаетъ теорію «исключительно семейнаго и родового быта» русскихъ славянъ до X вѣка «сравнительно», на основаніи «догадокъ и наблюденія условій быта дикихъ народовъ нашего времени» [5]).

Проф. *М. Ф. Владимірскій-Будановъ*, въ примѣчаніяхъ къ его «Христоматіи по исторіи русскаго права», останавливается на со-

---

[1]) Тамъ же; стр. 126.

[2]) Тамъ же; стр. 128.

[3]) Тамъ же; стр. 130.

[4]) Тамъ же; стр. 110, 130, 131.

[5]) „Для исторіи русскаго права время историческое не восходитъ далѣе X, много IX вѣка. Историческому времени предшествуетъ доисторическое время. Относительно этого предшествовавшаго времени въ наукѣ есть только догадки. Высшую степень вѣроятности имѣетъ догадка объ исключительно семейномъ и родовомъ бытѣ, какъ предшествующей историческому времени стадіи развитія... Изложеніе древнѣйшаго состоянія человѣка я буду вести по возможности сравнительно, то-есть буду имѣть въ виду не исключительно нашъ доисторическій бытъ, о которомъ, если взять его отдѣльно, очень немного намъ извѣстно, а буду говорить и о другихъ индоевропейскихъ народахъ, и кромѣ того, для сравненія, остановлюсь на фактахъ изъ быта современныхъ дикихъ народовъ... На низшей ступени развитія всѣ племена и народы имѣютъ тѣ же признаки. У дикарей мы замѣчаемъ также черты патріархальнаго семейнаго быта...“ Тамъ же; стр. 53—55, 61, 67.

ображеніяхъ г. Сергѣевича о греческомъ содержаніи договоровъ и доказываетъ, что многіе изъ нихъ *не оправдываются содержаніемъ Русской Правды и другихъ древнѣйшихъ памятниковъ русскаго права* [1]). Сравненіе юридическихъ правилъ, выраженныхъ въ договорахъ Славяноруссовъ съ Греками, съ правилами другихъ древнѣйшихъ памятниковъ русскаго права привели проф. Владимірскаго-Буданова къ слѣдующему заключенію: «право, выраженное въ договорахъ, *не есть ни право византійское, ни чисто русское*: оно составлено искусственно договаривающимися сторонами для соглашенія русскаго обычнаго права съ столь отличнымъ отъ него культурнымъ византійскимъ правомъ. Однако *въ договорахъ гораздо болѣе*

---

[1]) Напримѣръ, въ отношеніи постановленій договоровъ объ убійствѣ, проф. Владимірскій-Будановъ говоритъ: „В. И. Сергѣевичъ полагаетъ, что здѣсь „Греки назначили за убійство смертную казнь, вовсе не соображаясь съ русскими народными обычаями (т.-е. местью). Убійцу казнили по приговору суда на мѣстѣ совершенія имъ преступленія“. Такимъ образомъ онъ совершенно отвергаетъ допущеніе мести въ договорахъ съ Греками и спрашиваетъ: „кто же осуществляетъ послѣ судебную месть?“ Текстъ договора отвѣчаетъ: „да убьютъ и родственники убитаго“. В. И. Сергѣевичъ говоритъ: „по русскому праву допускается безусловное убійство вора, убійство вора переходитъ у насъ въ месть вору; по греческому условное, это не месть... здѣсь опять мы имѣемъ дѣло съ греческимъ вліяніемъ, стѣсняющимъ русскіе нравы“. Но въ Русской Правдѣ говорится слѣдующее: „аще убьютъ татя на своемъ дворѣ, любо у клѣти, любо у хлѣва, то той убитъ; аще ли до свѣта держатъ, то вести его на дворъ княжъ; а оже ли убьютъ, а люди будутъ видѣли связанъ, то платити въ немъ“. Месть по древнѣйшей Русской Правдѣ допускалась послѣ суда“. („Христоматія по ист. русск. права“. Изд. 1885 года; вып. I; стр. 5, прим. 10; стр. 17, пр. 27; стр. 19, пр. 29; стр. 32, пр. 16). По поводу разсужденія проф. Сергѣевича о греческомъ правѣ въ содержаніи договорныхъ постановленій, относящихся къ воровству и грабежу, проф. В.-Будановъ говоритъ слѣдующее: „В. И. Сергѣевичъ двойное вознагражденіе не признаетъ закономъ русскимъ... Что двойное вознагражденіе могло быть въ обычаѣ у Русскихъ, это доказывается литовско-русскимъ правомъ, по которому кромѣ „лица“ (украденной вещи) изъ имущества вора уплачивается цѣна вещи... В. И. Сергѣевичъ не усматриваетъ въ 5-й статьѣ договора Игоря ни наказанія за покушеніе, ни понятія грабежа, и совершенно отождествляетъ ея содержаніе съ содержаніемъ статьи 6-й о кражѣ, но не объясняетъ, зачѣмъ понадобилось договаривающимся говорить объ одномъ и томъ же предметѣ два раза и оба раза назначать наказаніе“... (Тамъ же; стр. 15, пр. 18 и 19).

слѣдовъ русскаго права, чѣмъ византійскаго (не потому, что Русскіе взяли перевѣсъ надъ Греками, а потому, что культурному человѣку легче приспособиться къ младенческому состоянію, чѣмъ наоборотъ» [1]).

Съ другой стороны, проф. Сергѣевичъ, называя право договоровъ новымъ правомъ и утверждая, что договоры ничего не прибавляютъ къ чистымъ источникамъ познанія нашихъ древнихъ обычаевъ, противорѣчитъ своему же ученію о недостаткѣ средствъ познанія системы славянорусскаго права языческой эпохи, называемой авторомъ доисторическою. Откуда можно знать, что договоры представляютъ собою новое право, если теорія родового быта Славяноруссовъ въ эпоху призванія Рюрика представляетъ собою «только догадку», только «вѣроятное предположеніе», не имѣющее опоры въ древнѣйшихъ памятникахъ русскаго права, каковыхъ, по ученію автора, и не существуетъ [2]).

Теоріи германизма и грецизма права договоровъ кіевскихъ князей съ византійскими императорами стоятъ въ генетической связи съ ученіемъ Шлецера и его послѣдователей о дикомъ, примитивномъ состояніи культуры и гражданственности Славянъ въ эпоху призванія Варяго-Руссовъ. Послѣдователямъ этого ученія казалось невозможнымъ примирить понятія о дикости Славянъ съ содержаніемъ договоровъ иначе, какъ предположеніемъ, что эти памятники заключаютъ въ себѣ не право Славянъ, а право народа высшей цивилизаціи сравнительно съ славянскою, каковымъ, по одной теоріи, были Германцы, а по другой—Греки. Но теорія германизма разрушена изслѣдованіями новѣйшаго времени, доказавшими, что *Варягоруссы, жившіе въ Кіевѣ въ эпоху договоровъ, составляли одинъ этнографическій типъ съ Славянами*, говорили славянскимъ языкомъ, поклонялись славянскимъ богамъ и подчинялись славянскому праву, выраженному въ древнѣйшихъ юридическихъ памятникахъ славянскихъ народовъ. Слѣдовательно, кто бы ни были Варягоруссы по ихъ происхожденію (Славяне, Литовцы, Финны, Германцы), во всякомъ случаѣ, *въ настоящее время о германской народности права договоровъ не можетъ быть ученой рѣчи.* Смѣнившая теорію германизма, *теорія грецизма* права договоровъ *по-*

---

[1]) „Обзоръ ист. русск. права"; изд. 1886 г.; вып. I, стр. 66. „Христ."; вып. I, стр. 19, прим. 29.

[2]) „Мы не имѣемъ никакого сборника древнихъ обычаевъ, такъ что нужно ихъ еще разыскивать; это слабая сторона исторіи, по отношенію къ которой еще мало сдѣлано"... „Лекціи и Изслѣд.", стр. 98.

строена на соображеніяхъ, несогласныхъ съ содержаніемъ договоровъ и другихъ памятниковъ древнѣйшаго русскаго права.

Въ эпоху договоровъ кіевскихъ князей съ византійскими императорами, какъ у Евреевъ эпохи Моисея, *славянское право было тождественно съ религіей*, нормы права были и религіозными догмами, а *воля законодателя не могла измѣнять дѣйствовавшую систему священнаго права.* Въ виду отождествленія религіи съ правомъ, *содержаніе договоровъ* съ Греками *не могло противорѣчить славяно-русскому праву*, не могло быть «новымъ правомъ» для Славяноруссовъ X вѣка. Для предковъ нашихъ новое право равнялось бы новой религіи, а принятіе новаго права означало бы измѣну своей религіи, своимъ богамъ и предкамъ. Отсюда договоры Славяноруссовъ съ Греками могли состояться только подъ условіемъ полнаго согласія ихъ содержанія съ религіозною системою права Славяноруссовъ, и о такомъ ихъ тождествѣ съ священнымъ русскимъ правомъ прямо заявляется въ заключеніи договора Олега, гдѣ этотъ *договоръ, въ цѣломъ его составѣ, называется «твореніемъ Бога, основаннымъ на законѣ и поконѣ русскаго народа»* [1]). Допуская пребываніе Русскихъ на своей территоріи, Греки должны были допустить на ней и дѣйствіе русскаго права, потому что Славяноруссы, по своей религіи, не могли подчинить себя дѣйствію чуждаго имъ греческаго права. Вотъ почему договоры ни слова не говорятъ объ отношеніяхъ Руссовъ къ Руссамъ на греческой территоріи: отношенія въ русской колоніи у Св. Мамы опредѣлялись исключительно русскимъ правомъ. Въ опредѣленіи уголовныхъ и гражданскихъ отношеній между Руссами и Греками составители договоровъ должны были рѣшить трудную задачу согласованія языческаго права Славяноруссовъ съ христіанскимъ правомъ Грековъ. Рѣшеніе этой задачи длилось долго, съ 907 по 911 годъ, пока, послѣ многократныхъ переговоровъ, былъ выработанъ Руссами рядъ условій, принятыхъ Греками въ 911 году и дополненныхъ въ 945 году, основанныхъ *«на уставѣ и законѣ русскомъ»*.

Результатъ разработки вопросовъ о происхожденіи, содержаніи, подлинности и народности права договоровъ кіевскихъ князей съ византійскими императорами X вѣка можно выразить въ слѣдующихъ положеніяхъ.

1. Договорныя отношенія между Кіевомъ и Константинополемъ несомнѣнно существовали уже въ IX вѣкѣ.

---

[1]) „Мы же кляхомся къ царю вашему, иже отъ Бога суще, яко Божіе зданіе по закону и покону языка нашего, не преступать ни намъ, ни иному отъ страны нашея, отъ уставленныхъ главъ мира и любве“.

2. Договоры князей Олега, Игоря и Святослава съ Греками находятся во всѣхъ древнѣйшихъ спискахъ Несторова лѣтописнаго свода, а слѣдовательно, были занесены въ Начальный кіевскій лѣтописный сводъ первымъ его составителемъ.

3. Въ лѣтописной исторіи и въ содержаніи договоровъ ничего нѣтъ невѣроятнаго, баснословнаго и легендарнаго, что давало бы право отрицать древность и подлинность ихъ содержанія.

4. Исторія и содержаніе договоровъ вполнѣ соотвѣтствуетъ отношеніямъ Славяноруссовъ къ Грекамъ въ X вѣкѣ, записаннымъ въ русскихъ лѣтописяхъ и въ исторіи византійской.

5. Языкъ договоровъ древнѣе, а потому темнѣе языка Нестора; но содержаніе договоровъ вполнѣ понятно, за исключеніемъ немногихъ мертвыхъ словъ, не препятствующихъ пониманію общаго смысла договорныхъ условій, въ которыхъ встрѣчаются такія слова.

6. Литературныя теоріи германизма и грецизма содержанія договоровъ противорѣчатъ содержанію древнѣйшихъ памятниковъ славянскаго права и прямымъ указаніямъ самихъ договоровъ, по которымъ они содержатъ въ себѣ священный русскій законъ и поконъ.

7. Договоры кіевскихъ князей съ византійскими императорами X вѣка содержатъ въ себѣ систему религіознаго права Славяноруссовъ языческой эпохи, которую историкъ - юристъ нашего времени долженъ положить въ основу научнаго знанія начальнаго періода исторіи русскаго права.

Для научнаго объясненія и дополненія этой системы древнѣйшаго русскаго права наука нашего времени располагаетъ множествомъ фактовъ, сообщенныхъ русскими лѣтописями и иноземными писателями, открытыхъ въ могилахъ, городищахъ и кладахъ нашихъ предковъ, добытыхъ сравненіемъ славянскихъ языковъ, сохранившихся въ позднѣйшемъ правѣ Славянъ и Славяноруссовъ и выраженныхъ выводами сравнительной соціологіи и этнологіи. На основаніи фактовъ этого рода и содержанія договоровъ съ Греками X вѣка въ наше время вполнѣ возможно научное построеніе начальнаго періода исторіи русскаго права,—фактическое познаніе условій происхожденія и содержанія основныхъ институтовъ системы права русскихъ Славянъ языческой эпохи: экономическихъ, религіозныхъ, государственныхъ, процессуальныхъ, уголовныхъ, гражданскихъ и международныхъ.

II. Происхожденіе русскихъ Славянъ, русскихъ племенныхъ княженій и русскаго права.

ГЛАВА V.

Лѣтописное свидѣтельство о происхожденіи русскихъ Славянъ и его комментарій.

На вопросъ о времени происхожденія русскихъ Славянъ, а слѣдовательно, и русскаго права, какъ одной изъ національныхъ особенностей, отвѣчаетъ лѣтописное сказаніе о разселеніи Славянъ изъ древней дунайской Скиѳіи въ эпоху господства тамъ Волоховъ. По свидѣтельству русской лѣтописи: «Поселились Славяне по Дунаю, гдѣ нынѣ земли Венгерская и Болгарская. Отъ тѣхъ Славянъ разошлись Славяне по землѣ и назвались разными именами въ разныхъ мѣстахъ: поселившіеся на рѣкѣ Моравѣ назвались Моравами, а другіе назвались Чехами; тѣ же Славяне Бѣлые Хорваты и Сербы и Хорутане. *Когда же Волохи покорили Славянъ дунайскихъ*, поселились между ними и стали притѣснять ихъ, то часть Славянъ выселилась на Вислу и прозвалась тамъ Ляхами; а отъ этихъ Ляховъ одни прозвались Полянами, другіе Лутичами, иные Мазовшанами, иные Поморянами. Такіе же Славяне пришли и поселились по Днѣпру и назвались одни Полянами, а другіе Древлянами, потому что поселились въ лѣсахъ; а другіе поселились между Припетью и Двиною и назвались Дреговичами; иные поселились на Двинѣ и назвались Полочанами, именемъ рѣки Полоти, впадающей въ Двину; Славяне же, поселившіеся около озера Ильменя, сохранили свое имя, сдѣлали городъ и назвали его Новгородомъ; а другіе поселились по Деснѣ, по Сейму, по Сулѣ и назвались Сѣверянами. *Такъ разошелся славянскій народъ*... Уличи и Тиверци сидѣли по Бугу и по Днѣпру и до Дуная; ихъ было множество; ихъ города существуютъ и въ настоящее время. *Эти зовутся у Грековъ Великою Скиѳіей* [1]). Слѣдовательно, Несторъ различалъ двѣ эпохи славянской колонизаціи въ Европѣ: праславянскую, древнѣйшую, до нашествія Волоховъ, и позднѣйшую, когда праславяне, тѣснимые Волохами, выдвинули свои колоніи въ центральныя области Европы, гдѣ они, по различію областей, назвались разными именами и образовали въ восточныхъ областяхъ центральной Европы народность славяно-русскую, а въ западныхъ славяно-ляшскую.

---

[1]) „Пособіе“, стр. 11, 12, 14.

Кто же были Волохи, завоевавшіе славянскую прародину и принудившіе нашихъ предковъ оставить придунайскія области и колонизировать побережья Вислы, Днѣпра, Десны, Сулы и другихъ рѣкъ центральной Европы? Отъ рѣшенія этого вопроса зависитъ опредѣленіе времени, въ которое, по свѣдѣніямъ древнѣйшаго славянскаго лѣтописца, послѣдовало географическое и политическое разобщеніе праславянъ и образованіе народностей славяно-русской и славяно-ляшской.

Несомнѣнно нашъ лѣтописецъ подъ Волохами разумѣлъ Итальянцевъ: въ перечисленіи европейскихъ народовъ *онъ называетъ Италію землею волошьскою;* а въ разсказѣ о движеніи Угровъ въ придунайскія страны говоритъ: «Почаша воевати на *жущая ту Волохи и Словѣни;* сѣдяху бо ту преже Словѣни, и *Волъхове пріяша землю славѣньску*; посемъ же Угри прогнаша Волохи, и наслѣдиша землю, и сѣдоша съ Словѣны» [1]). *Славяне называли въ эпоху Нестора и называютъ до настоящаго времени Волохами Итальянцевъ-Римлянъ* [2]).

Къ какому же времени должно отнести лѣтописный фактъ завоеванія дунайскихъ Славянъ Итальянцами? *Историки*, оставившіе описаніе борьбы Римлянъ съ Гетами и обращенія царства Гетовъ въ римскую провинцію Дакію, *свидѣтельствуютъ, что «многія дакійскія племена, убѣгая отъ римскаго рабства, оставили свою родину и выселились за Карпаты»* [3]). Это свидѣтельство соотвѣтствуетъ сви-

---

[1]) Тамъ же, стр. 18.

[2]) Болгаринъ Святый Климентъ, въ „Житіи Меѳодія", по харатейному списку XII вѣка, называетъ Влахами Итальянцевъ - Римлянъ: „Суть въ ны вышли учителе мнози крестьяни *изъ Влахъ*, изъ Грекъ и изъ Нѣмецъ". Чтен. Имп. Общ. Ист. и Др. Рос. 1865 г., кн. 1, отд. 3, стр. 5. Въ „Полинодіи" З. Копыстенскаго „Италія называется влошскою землею и въ то же время Римъ и Влохи являются такими же однозначащими географическими единицами, какъ и у Нестора" (см. Труды Кіевской Духовной Академіи, 1885 годъ, февраль, № 2; ст. В. Завитневича, стр. 281—283). И теперь еще западные и южные Славяне называютъ Итальянцевъ Влохами и Влахами (у Поляковъ — Влохъ, у Чеховъ—Влахъ). *Продукты Италіи и теперь еще называются у русскихъ и польскихъ Славянъ волошскими* (волошскіе орѣхи, волошскія яблоки, волошская капуста и пр.). Жители славянскихъ селеній въ южной Италіи, на вопросъ: какъ обращаются съ ними Итальянцы? отвѣчаютъ: *„Власи су добра челядь"* (см. Макушева: О Славянахъ молизскаго графства, стр. 7 и 8).

[3]) См. Д. Я. Самоквасова: Происхожденіе Славянъ, стр. 84.

дѣтельству русской лѣтописи о завоеваніи Славянъ Волохами на Дунаѣ; а другого завоеванія дунайскихъ областей Итальянцами не знаетъ исторія славянской прародины. Но въ такомъ случаѣ Гетовъ (греческое имя) или Даковъ (латинское имя) древней Скиѳіи должно признать предками русскихъ и польскихъ Славянъ. Это признаніе оправдывается нижеслѣдующими фактами.

Левъ Діаконъ Калойскій, описывая погребеніе воиновъ русскаго князя Святослава, убитыхъ подъ Дористоломъ въ войнѣ съ Іоанномъ Цимисхіемъ, *называетъ Замолксиса древнимъ учителемъ Руссовъ,* научившимъ своихъ соотечественниковъ эллинскимъ таинствамъ, соблюдаемымъ при погребеніи [1]); а Замолксисъ былъ Гетъ—мудрецъ—*учитель Гетовъ* [2]).

Ѳеофилактъ Симоката часто употребляетъ имена Гетовъ и Славянъ, какъ названія одного народа, и даже прямо утверждаетъ, что *названіе Геты есть древнѣйшее имя Славянъ* [3]).

Прискъ Панійскій, членъ посольства императора Ѳеодосія II къ Аттилѣ, царю Гунновъ, проѣзжалъ области по Дунаю, составлявшія древнюю *Гетику или Дакію.* Онъ встрѣтилъ здѣсь населеніе, говорившее *скиѳскимъ языкомъ,* отличнымъ отъ языковъ греческаго, римскаго и нѣмецкаго. Сохранились только два слова этого языка времени Приска Панійскаго: «*медосъ*»—названіе напитка, замѣнявшаго вино, и «кавосъ»—названіе напитка, приготовлявшагося изъ ячменя. «Эти слова до сихъ поръ существуютъ въ славянскихъ нарѣчіяхъ и не оставляютъ сомнѣнія въ томъ, что *языкъ Гетики или Дакіи половины V вѣка,* называемый Прискомъ скиѳскимъ языкомъ, *былъ языкъ славянскій*» [4]).

Въ славянскомъ язычествѣ важное значеніе имѣлъ *праздникъ календа—коляда,* одинаково почитаемый у Славянъ южныхъ, западныхъ и восточныхъ. *Этотъ праздникъ и его названіе заимствованы Славянами отъ римскихъ calendae,* въ чемъ удостовѣряютъ этимологическое сходство славянскаго и римскаго названія и прямыя историческія свидѣтельства [5]). Но римскій праздникъ и римское его

---

[1]) Левъ Діаконъ Калойскій, кн. IX, гл. 6.

[2]) Географія Страбона, кн. VII гл. VII, § 5. Іорнандъ, De Gethorum origine, гл. V.

[3]) Ѳеофилактъ, Исторія; кн. III, гл. IV; кн. VI, гл. VI; кн. VII, гл. II.

[4]) Дриновъ, Заселеніе Балканскаго полуострова Славянами, стр. 68, 69, изд. 1873. Деступисъ, Сказанія Приска Панійскаго, стр. 46—50.

[5]) Шестой вселенскій соборъ 1691 года строго запретилъ христіанамъ отправлять языческіе праздники латинскаго происхожденія: воту и „сице глаголемыя коляды“ (см. Буслаева: Ист. церк.-слав. и русскаго языка; стр. 381). Въ толкованіи на шестидесятое постановленіе

названіе могли быть заимствованы русскими и польскими Славянами только *въ эпоху географическаго и политическаго единенія всѣхъ Славянъ въ дунайской прародинѣ и общаго ихъ столкновенія съ римскимъ вліяніемъ*; а такимъ моментомъ въ славянской исторіи была только эпоха господства въ Дакіи императора Траяна и его преемниковъ.

Имя царя Траяна играетъ важную роль въ преданіяхъ южныхъ, западныхъ и восточныхъ Славянъ. «Откровеніе св. апостолъ», изданное по рукописи XIV вѣка, называетъ Траяна въ числѣ древнеславянскихъ боговъ: «*имяше боги мнози*: Перуна и Хорса, Дыя, *и Трояна*, и иныи мнози»; а далѣе поясняется, что «*Троянъ бяше царь въ Римѣ*» [1]). Въ «хожденіи Богородицы по мукамъ», изд. по рукописи XII вѣка, рядомъ съ Хорсомъ, Велесомъ и Перуномъ, также именуется *богъ Троянъ* [2]). Въ «Словѣ о полку Игоревѣ» упоминаются: *тропа Трояна, земля Трояна, седьмой вѣкъ Трояна* и «*вѣчи Трояна*», относимые сказаніемъ къ древнѣйшему періоду исторіи Славянъ, отъ которыхъ оно ведетъ свое лѣтосчисленіе [3]). Древнеболгарская пѣсня воспѣваетъ царя Траяна, какъ владѣтеля несмѣтныхъ сокровищъ; древне-сербская сказка смѣется надъ царемъ Трояномъ и т. д. [4]). Какой же это царь Траянъ, извѣстный сказаніямъ всѣхъ новѣйшихъ славянскихъ народностей, восточныхъ, западныхъ и южныхъ? *Славянская исторія не знаетъ другого царя Траяна, кромѣ римскаго царя, покорившаго царство Гетовъ или Даковъ* и вытѣснившаго, по свидѣтельствамъ Діона Кассія, Евтропія и Флоріана, многія придунайскія племена въ закарпатскія страны.

шестого собора, въ которомъ заключается сказанное запрещеніе, говорится слѣдующее: „калянди суть первіи въ каждомъ мѣсяци дни, въ нихъ же обычаи бѣ Еллиномъ творити жертвы“ (тамъ же, стр. 383). Особенною честью пользовались у Римлянъ календы январскія, относительно которыхъ соборомъ постановлено спеціальное запрещеніе: „аще кто въ первый день Енваря на каляду идетъ, якоже первое поганыя творяху“... (См. Словарь Миклошича, подъ словомъ „коляда“).

[1]) Лѣтоп. русск. литер. и древн.; кн. V, отд. матер. стр. 5. Востокова: Словарь церк.-слав. яз., т. II, стр. 282.

[2]) Тихонравовъ: Памятники отреч. лит., 1863 г.; 11, с. 23. Срезневскій: Древ. памят. русск. яз. и письма; 1863 г.; с. 205.

[3]) Слово о полку Игоревѣ, изд. Пушкина; стр. 6, 14, 19, 35. Изд. Тихонр.; стр. 2, 4, 5 и 10.

[4]) См. Болгар. народ. пѣсни, собр. отъ брат. Милодиновци; стр. 38—41. Чолакова: Болг. народн. сборникъ; 1872 г., стр. 115. Словарь сербск. яз. Караджича; подъ словомъ Троянъ.

Единство Волоховъ съ Римлянами, а Славянъ съ Скиѳами—Гетами—Даками времени императора Траяна подтверждаетъ нижеслѣдующій фактъ русской археологіи.

Земля польскихъ и русскихъ Славянъ сохранила множество монетъ и другихъ предметовъ римскаго искусства времени владычества Римлянъ въ Дакіи. Новѣйшіе историки *пытались объяснить этотъ фактъ предположеніемъ торговыхъ сношеній у древнихъ Римлянъ съ обитателями Балтійскаго побережья* ради торговли янтаремъ. Это предположеніе опирается на извѣстіе Плинія Младшаго, по которому императоръ Неронъ командировалъ римскаго всадника разузнать, гдѣ находится страна, въ которой добывался янтарь, приходившій въ римскую имперію чрезъ посредство Венетовъ? Командированный всадникъ нашелъ эту страну и привезъ въ Римъ много янтаря, употребленнаго на украшеніе цирка, построеннаго Нерономъ [1]). Слѣдовательно, заключаетъ теорія, Римляне посѣщали «янтарное Балтійское побережье», открытое всадникомъ Нерона, и вымѣнивали у мѣстныхъ варваровъ янтарь на предметы римскаго искусства вообще и въ частности на римскія монеты. Гдѣ встрѣчаются римскія монеты и другіе предметы римскаго искусства, тамъ были Римляне, торговавшіе балтійскимъ янтаремъ [2]).

Но по смыслу свидѣтельства Плинія посѣщеніе римскимъ всадникомъ при Неронѣ страны янтаря было фактомъ исключительнымъ, единичнымъ; эта страна и всѣ области центральной Европы, лежавшія между Эльбою и Днѣпромъ, оставались до Нерона и послѣ него внѣ непосредственныхъ торговыхъ, военныхъ и какихъ бы то ни было римскихъ сношеній. Это прямо и единогласно свидѣтельствуютъ историки-современники: Юлій Цезарь, Страбонъ и Тацитъ; а другихъ историческихъ источниковъ отъ этого времени не имѣется.

По свидѣтельству *Юлія Цезаря* въ его время *всѣ области на востокъ отъ Эльбы, простиравшіяся на шестьсотъ миль, представляли собою безлюдную пустыню,* потому что, объясняетъ историкъ, южнѣе обиталъ многолюдный и сильный народъ Свевы, а сильные

---

[1]) „Arboris succum esse prisci nostri credidere, ob id succinum adpellantes... et inde Veneti primum, quos Graeci Enetos vocabant, famam rei fecere proximae Pannoniae, id accipientes circa mare Adriaticum... Sexcentis fere M pass a Carnunto. Pannoniae abest litus id Germaniae, ex que invenitur, per cognitum nuper. Vidit enim Eques Romanus, missus ab id comparandum a Juliano curvante gladiotorium manus Neronis Principis, qui haec commercia et litora peragravit“. C. Plinii Secundi: Historia Naturalis; L. XXXVII, C. XI.

[2]) Drogi hand. Grec. u Rzym. przez porzécza Odry, Wisly, Dniepra i Niemana do wybrz. morza Balt. W Krakowie 1876 г.

варварскіе народы не дозволяютъ жить вблизи своихъ владѣній другимъ народамъ и окружаютъ свои границы обширными пустынями [1]).

По свидѣтельствамъ *Страбона* Римлянамъ была извѣстна только Германія, лежавшая между рѣками Рейномъ и Эльбою, съ которой Римляне познакомились въ эпоху походовъ Юлія Цезаря. Всѣ *страны, лежавшія за Эльбою* и простиравшіяся по Балтійскому побережью и далѣе, *оставались Римлянамъ совершенно неизвѣстными; «никто изъ Римлянъ не заходилъ въ мѣстности за Эльбою ни водою, ни сухимъ путемъ»* [2]).

По свидѣтельствамъ *Тацита* въ его время, во II в. по Р. Х., *области Европы, лежавшія на востокъ отъ Эльбы, и сама Эльба были извѣстны Римлянамъ только по слуху.* Римляне имѣли непосред-

---

[1]) Publice maximam putant esse laudem, quam latissime a suis finibus vacare agros: hac re signiticari, magnum numerum civitatum suam vim sustinire non passe. Itaque una ex parte a Suevis circiter millia passunt DC agri vacare dicuntur. Ad alteram partem, succedunt Ubii, quorum fuit civitas ampla atque florens, ut est captus Germanorum, et paulo, quam sunt ejusdem generis, etiam ceteris humaniores, propterea, quod Renum attingunt, multumque ad cos mercatores ventitant, et ipsi propter propinquitatem Gallicis sunt moribus assuefacti. Hosquum Suevi, multis saepe bellis experti, propter amlitudinem gravitatem que civitatis, finibus expellere non potuissent, tamen vectigales sibi facerunt, ac multo humiliores infirmiores que redegerunt. De bello Gallico, lib. IV, cap. III.

[2]) „За жителями прирейнскими слѣдуютъ прочія племена, которыя обитаютъ между Рейномъ и р. Альбіемъ; эта послѣдняя протекаетъ почти параллельно Рейну по направленію къ океану, перерѣзывая страну по величинѣ такую же, какую прорѣзываетъ и Рейнъ“. (Географія, кн. VII, гл. I, п. 3. Переводъ Мищенка; изд. 1879 г.). „Эти германскія племена сдѣлались извѣстными съ тѣхъ поръ, какъ стали воевать съ Римлянами, когда они то покорялись имъ, то снова поднимались, то оставляли прежнія мѣста жительства. Еще и многія другія изъ нихъ сдѣлались бы извѣстными, если бы Августъ позволилъ своимъ полководцамъ перейти Альбію“ (тамъ же, п. 4). „Что касается Германцевъ, то, какъ я сказалъ, сѣверные изъ нихъ простираются вдоль океана. Впрочемъ, извѣстны изъ нихъ только тѣ, которые обитаютъ между устьями Рейна и Альбіемъ. Наиболѣе извѣстные — Сугамбры и Кимбры. Все, что за Альбіей до океана, совершенно намъ неизвѣстно. Мы не знаемъ, чтобы кто-либо изъ предшественниковъ плавалъ вдоль этого берега... Римляне никогда не заходили въ тѣ мѣстности, которыя лежатъ за Альбіей, равнымъ образомъ, никто не совершалъ туда путешествія и сухимъ путемъ“ (тамъ же, гл. II, п. 4).

ственныя торговыя сношенія только съ народами Германіи, обитавшими вблизи границъ Римской имперіи. *Народы сѣверной Германіи*, удаленные отъ границъ Римской имперіи, *«не цѣнили ни золота, ни серебра и не принимали римской монеты*, а торговыя сдѣлки между собою совершали способомъ обмѣна товара на товаръ. *Сосѣдніе римской имперіи германскіе народы*, производившіе торговыя сношенія съ Римлянами, предпочитали старую монету новой и серебряную золотой, потому что мелкая серебряная монета была для нихъ удобнѣе при ихъ недорогихъ покупкахъ» [1]).

Слѣдовательно, *теорія непосредственныхъ торговыхъ сношеній Римлянъ съ «янтарнымъ Балтійскимъ побережьемъ»* въ эпоху Юлія Цезаря, Страбона, Плинія и Тацита *противорѣчитъ свидѣтельствамъ современныхъ историковъ*, по которымъ страны Европы, лежавшія на востокъ отъ рѣки Эльбы и на сѣверъ отъ Карпатовъ, оставались Римлянамъ императорской эпохи совершенно неизвѣстными: «никто изъ Римлянъ не ѣздилъ и не ходилъ туда ни водою, ни сухимъ путемъ».

Съ другой стороны, *аргументація разбираемой теоріи, въ приложеніи къ фактамъ русской археологіи, ведетъ къ явно невѣрнымъ выводамъ*. По этой теоріи, находка римской монеты въ данной области служитъ доказательствомъ, что эта область была посѣщаема Римлянами, ходившими на Балтійское побережье за янтаремъ. «Монеты Веспасіана, говоритъ Садовскій, найденныя въ Устьи и въ окрест-

---

[1]) Cornellii Taciti: De origine situ moribus ac populis Germaniae; cap. I: „Germania omnisa Gallis Raetisque et Pannoniis Rheno et Danuvio fluminibus, a Sarmatis Dacisque mutuo metu aut montibus separatur: cetera Oceanus ambit, latos sinus et insularum immensa spatia complectens, nuper cognitis quibusdam gentibus ac regibus, quos bellum aperuit“... Cap. V: „Argentum et aurum propitiine an irati di negaverint dubito nec tamen adfirmaverim nullam Germaniae venam argentum aurumve gignere; quis enim scrutatus est? possessione et usu haud perinde adficiuntur; est videre apud illos argentea vasa, legatis et principibus eorum muneri data, non in alia vilitate quam quae humo finguntur; quamquam proximi ob usum commerciorum aurum et argentum in pretio habent formaseque quasdam nostrae pecuniae adgnoscunt atque eligunt; interiores simbicius et antiquius permutatione mercium utuntur. Pecuniam probant veterem et diu notam, serratos bigatosque. Argentum quoque magis quam aurum sequuntur, nulla adfectione animi, sed quia numerus argenteorum facilior usui est promisca ac vilia mercantibus“. Cap. XLI: „in Hermunduris Albis oritur, flumen inclutum et notum olim; nunc tantum auditur“.

ностяхъ Вьенцбурга, доказываютъ, что въ его время ходили Римляне къ берегамъ гданскимъ... Заглядывали въ его время и до копей нурскихъ, такъ какъ и въ Лежайскѣ найдена монета Веспасіана... Начатый при Веспасіанѣ торгъ янтаремъ не прерывался и при его наслѣдникахъ, что доказываютъ монеты Домиціана, разбросанныя въ Силезіи, Великой Польшѣ, Царствѣ Польскомъ и Пруссіи. Судя по особенно значительному количеству монетъ Траяна, находимыхъ на всѣхъ порѣчьяхъ нашихъ, должно признать, что при этомъ императорѣ торговое движеніе отличалось здѣсь бо́льшимъ оживленіемъ, чѣмъ въ какомъ бы то ни было другомъ округѣ янтарнаго торга»; и т. д. [1]). Но разсуждая такъ, на основаніи кладовъ римскихъ монетъ, найденныхъ въ предѣлахъ земли русскихъ Славянъ, мы должны будемъ придти къ заключеніямъ, по которымъ римскіе купцы ходили *за янтаремъ* въ Могилевскую губернію, гдѣ въ 1804 году, близъ города Климовичи, былъ найденъ кладъ, состоявшій изъ 1815 серебряныхъ монетъ первыхъ римскихъ императоровъ; въ Черниговскую губ., гдѣ въ 1873 г., въ пяти верстахъ отъ г. Нѣжина, былъ найденъ кладъ серебряныхъ римскихъ монетъ, изъ которыхъ въ Имп. Арх. Комиссію было доставлено 1312 экземпляровъ, принадлежавшихъ римскимъ императорамъ отъ Нерона до Септимія Севера; въ Курскую губ., гдѣ въ 1880 г., въ Обоянскомъ уѣздѣ, у села Луневки, былъ найденъ глиняный сосудъ серебряныхъ римскихъ монетъ отъ Траяна до Септимія Севера; въ Калужскую губ., гдѣ въ 1854 г. былъ найденъ кладъ римскихъ серебряныхъ монетъ, изъ котораго 50 экземпляровъ, пересланныхъ мѣстнымъ губернаторомъ министру Удѣловъ, принадлежали императорамъ отъ Веспасіана до Коммода; въ Пензенскую губернію, гдѣ въ 1875 г., въ Саранскомъ уѣздѣ, былъ открытъ кладъ римской серебряной монеты отъ Траяна до Луциллы; въ Нижегородскую губ., гдѣ въ самомъ Нижнемъ-Новгородѣ, у Сергіевской церкви, былъ открытъ стеклянный сосудъ съ римскими монетами, изъ которыхъ 24, высланныя въ Имп. Арх. Комиссію, принадлежатъ времени отъ имп. Нервы до имп. Коммода; и т. д.

Приведенные факты дѣлаютъ невѣроятною теорію Байера, принятую Крузе, Момзеномъ, Гильдебрандтомъ, Вибергомъ, Крашевскимъ, Садовскимъ и другими новѣйшими учеными, объяснявшими причину появленія кладовъ римскихъ монетъ въ предѣлахъ центральной Европы торговыми сношеніями Римлянъ съ Балтійскимъ побережьемъ ради торговли янтаремъ. Какимъ же способомъ былъ доставляемъ балтійскій янтарь въ Италію, если сами Римляне не посѣщали странъ прибалтійскихъ?

---

[1]) „Drogi Handlowe“, стр. 77, 78.

По свидѣтельству Тацита янтарь собирали Эсты, безъ всякой обдѣлки продавали его и съ удивленіемъ получали плату [1]). Историкъ не сообщилъ, кому именно Эсты продавали янтарь, отъ кого и какую получали за него плату; но во всякомъ случаѣ не отъ Римлянъ и не римскія деньги, потому что, по вышеприведеннымъ свидѣтельствамъ Юлія Цезаря, Страбона и Тацита, области юго-восточнаго Балтійскаго побережья были Римлянамъ неизвѣстны, а по свидѣтельству Тацита, обитатели этой страны, удаленные отъ границъ Римской имперіи, не цѣнили золота и серебра, не принимали римской монеты, а торговыя сдѣлки между собою совершали посредствомъ мѣны товара на товаръ. По свидѣтельству Плинія, современника Тацита: «Adfertur (succinum) a Germanis in Pannoniam maxime et inde Veneti primum, quos Enetos Graeci vocaverunt, famam rei fecere proximique Pannoniae et agentes circa mare Hadriaticum» [2]). Геродотъ, перечисливъ сѣверныхъ сосѣдей европейской Скиѳіи, Невровъ, Андрофаговъ, Меланхленовъ и др., свидѣтельствуетъ: «о сихъ народахъ многое извѣстно, такъ какъ посѣщаютъ ихъ Скиѳы, отъ коихъ не трудно получить о нихъ свѣдѣнія, а также и нѣкоторые Греки изъ торжища Борисфенитянъ (Ольвіи) и другихъ торжищъ понтійскихъ. Скиѳы, посѣщающіе перечисленные народы, производятъ съ ними дѣла посредствомъ переводчиковъ» [3]). Отсюда *можно предположить, что римскія монеты занесены въ области бассейновъ рѣкъ центральной Европы народами—посредниками въ торговыхъ сношеніяхъ* классическаго міра съ міромъ варварскимъ центральной Европы. *Но и это предположеніе нельзя принять въ наукѣ нашего времени:* во-первыхъ, оно стоитъ въ противорѣчіи съ извѣстіемъ Тацита о *неупотребленіи монетъ варварскими народами въ торговыхъ сдѣлкахъ*; а во-вторыхъ, оно противорѣчитъ составу кладовъ римскихъ монетъ, открытыхъ въ центральныхъ областяхъ Европы и заключающихъ въ себѣ *исключительно римскую монету*, тогда какъ въ денежныхъ кладахъ торговаго происхожденія всегда встрѣчаются монеты разныхъ государствъ.

Причину и время появленія кладовъ римскихъ монетъ въ предѣлахъ земли русскихъ и польскихъ Славянъ опредѣляютъ вышеизложенные факты исторіи и анализъ фактическаго матеріала, относящагося къ кладамъ римскихъ монетъ, открытымъ въ предѣлахъ древнеславянской земли [4]), дающій нижеслѣдующіе выводы.

---

[1]) Germania; cap. XLV.

[2]) Hist. Nat., XXXVII, 42.

[3]) Исторія; IV, 24.

[4]) Обзоръ относящагося сюда матеріала см. въ нашей „Исторіи Рус. права“; в. II, стр. 111—145. Изд. 1884 г.

1. Клады римскихъ монетъ, открытые въ землѣ русскихъ и польскихъ Славянъ, содержатъ въ себѣ *только монеты римскихъ императоровъ I, II и III столѣтій* послѣ Рожд. Хр.; слѣдовательно, самое содержаніе кладовъ римскихъ монетъ древнеславянской земли доказываетъ, что они не торговаго происхожденія [1]).

2. Въ наибольшемъ количествѣ клады монетъ римскихъ императоровъ встрѣчаются въ центральныхъ областяхъ Европы, по сказанію Нестора, *заселенныхъ Славянами, оставившими ихъ придунайскую прародину въ эпоху владычества тамъ Волоховъ*: въ землѣ древнихъ Ляховъ, Дулебовъ, Древлянъ, Полянъ, Сѣверянъ, Дреговичей, Радимичей и Вятичей открыты клады римскихъ монетъ, содержавшіе въ себѣ сотни и тысячи экземпляровъ. Что же касается Скандинавіи, прибалтійскихъ губерній, сѣверныхъ губерній Россіи, заволжскихъ губерній, Земли Войска Донского и Новороссіи, то въ нихъ римскія монеты или совсѣмъ не встрѣчаются или встрѣчаются только единичными экземплярами, а не кладами [2]). Этотъ фактъ объясняютъ намъ свидѣтельства римскихъ историковъ о выселеніи гето-дакійскихъ племенъ за Карпаты въ эпоху владычества надъ ними Римлянъ и свидѣтельство русскаго лѣтописца о колонизаціи Славянъ изъ областей дунайскихъ въ центральныя области Европы въ эпоху господства тамъ Волоховъ: праславянскія или гето-дакійскія племена, оставляя дунайскую родину, принесли съ собою римское серебро

---

[1]) Въ денежныхъ кладахъ торговаго происхожденія постоянно встрѣчаются монеты различныхъ государствъ: греческихъ, римскихъ, фракійскихъ, восточныхъ, нѣмецкихъ и т. д. См. П. С. Савельева: Мухаммеданская нумизматика; стр. 4, 8, 18, 30, 32, 165—167 и др.

[2]) Въ частности на „янтарномъ побережьи“ и вообще въ прибалтійскихъ областяхъ клады римскихъ монетъ не встрѣчаются; нѣтъ указаній на такіе клады у Байера, Крузе, Момзена, Гильдебрандта, Виберга; а Лебедуръ, собравшій множество свѣдѣній о денежныхъ кладахъ, открытыхъ въ прибалтійскихъ областяхъ, говоритъ: „въ осмотрѣнныхъ нами прибалтійскихъ странахъ, богатыхъ кладами съ арабскими деньгами, напротивъ того, римскія монеты принадлежатъ къ числу величайшихъ рѣдкостей“. См. П. С. Савельева: „Мухам. нумизматика“; 1846 г.; с. 79. Въ этомъ послѣднемъ изданіи также не значится ни одного клада римскихъ монетъ, найденнаго въ прибалтійскихъ областяхъ. А между тѣмъ, по теоріи римскихъ торговыхъ сношеній съ балтійскимъ побережьемъ, на этомъ побережьи римскія монеты должны были бы встрѣчаться въ большемъ количествѣ, чѣмъ въ другихъ мѣстахъ, потому что по этой теоріи прибалтійскій янтарь былъ единственнымъ предметомъ, ради котораго Римляне предпринимали торговыя путешествія въ варварскія страны сѣверной Европы.

на берега Вислы, Западнаго Буга, Нѣмана, Припети, средняго и верхняго теченія Днѣпра, Десны, Сейма, Оки и Волги.

3. Монеты римскихъ императоровъ отъ Траяна *до Септимія Севера открыты въ землѣ русскихъ и польскихъ Славянъ кладами, содержащими въ себѣ сотни и тысячи экземпляровъ.* Въ нумизматическихъ коллекціяхъ Россіи и Польши хранится *болѣе 50 такихъ кладовъ* [1]), открытыхъ въ предѣлахъ земли древнихъ Руссовъ и Поляковъ, преимущественно за послѣднее 40-лѣтіе. Но эти клады не исчерпываютъ собою всѣхъ находокъ и за этотъ періодъ времени; многіе клады древнихъ монетъ попадаютъ не въ музеи, а въ плавильные горшки, переливаются въ слитки металла подобно кладу, найденному подъ Калишемъ и содержавшему въ себѣ до двадцати тысячъ серебряныхъ римскихъ монетъ I—III столѣтій. Можно представить себѣ, какая масса этой монеты была открыта и перелита въ слитки металла въ теченіе 1700 лѣтъ, протекшихъ со времени первоначальнаго водворенія славянскихъ колонистовъ въ центральныхъ областяхъ Европы до нашего времени, сколько ихъ еще остается въ землѣ? Должно принять въ соображеніе и то обстоятельство, что не всѣ монеты, вынесенныя Славянами изъ дунайской прародины, были погребены въ землѣ новой родины и остались въ ней; по всей вѣроятности, большая часть вынесенныхъ монетъ была утилизирована владѣльцами, перелита въ слитки, украшенія и пр. Погребеніе въ древнеславянской землѣ такой массы римскаго серебра можно объяснить только тѣмъ, что предки наши, оставляя свою прародину въ эпоху господства тамъ Римлянъ, вынесли въ новую родину свое имущество въ формѣ легко уносимаго металла, подобно тому какъ испанскіе и англійскіе колонисты уносили съ собою европейское серебро въ Америку, и въ наше время крестьяне-колонисты уносятъ съ собою монету изъ европейской Россіи въ азіатскую, обмѣнивая громоздское имущество на металлъ.

4. Римскія монеты *со времени Септимія Севера до времени паденія западной Римской Имперіи встрѣчаются въ землѣ русскихъ и польскихъ Славянъ очень рѣдко* и только отдѣльными экземплярами, а не кладами [2]). Этотъ фактъ говоритъ намъ, что въ эпоху Септимія

---

[1]) Серебрянной монеты; исключеніе составляетъ только кладъ, найденный въ Могилевской губерніи, близъ города Климовича, заключавшій въ себѣ 1815 серебряныхъ *и мѣдныхъ* римскихъ монетъ. Дѣло Импер. Эрмитажа за 1804 г.

[2]) По наблюденію Г. Шанявскаго, „въ Люблинской и Сѣдлецкой губерніяхъ особенно часто встрѣчаются только монеты Траяна, Адріана и Антониновъ“. По сообщенію Г. Будзинскаго, „въ Ломжинской и Гродненской губерніяхъ встрѣчается очень много римскихъ монетъ, изъ

Севера прекратилось выселеніе нашихъ предковъ изъ областей дунайскихъ въ центральныя области Европы.

5. Римскія монеты *до императора Траяна встрѣчаются въ кладахъ древнеславянской земли рѣдкими экземплярами*, а монеты со времени Траяна до Септимія Севера содержатся въ нихъ сотнями и тысячами. Этотъ фактъ говоритъ намъ, что выселеніе нашихъ предковъ въ центральныя области Европы началось эпохою римскаго императора Траяна.

Такимъ образомъ, содержаніе кладовъ римскихъ монетъ, открытыхъ въ предѣлахъ земли русскихъ и польскихъ Славянъ, ограничиваетъ время колонизаціи нашихъ предковъ съ одной стороны эпохою Траяна, а съ другой—эпохою Септимія Севера. Присутствіе же въ кладахъ монетъ римскихъ императоровъ до Траяна естественно объясняется тѣмъ, что въ эпоху выселенія гето-дакійскихъ племенъ еще обращались въ римской имперіи монеты предшествующихъ императоровъ, подобно тому какъ въ наше время еще находятся въ обращеніи монеты императоровъ Александра II и Николая I, а въ ларяхъ бережливыхъ и зажиточныхъ людей можно встрѣтить и монеты Александра I, даже Павла I и Екатерины II [1]).

которыхъ древнѣйшія Нервы, а новѣйшія Марка Аврелія". В. Б. Антоновичу, много поработавшему надъ изученіемъ древностей славянской земли, „не приходилось видѣть монетъ новѣе Септимія Севера, найденныхъ въ нашихъ краяхъ, не случилось ему и слышать о находкахъ такихъ монетъ". Изъ двадцати девяти кладовъ, о содержаніи которыхъ собраны точныя свѣдѣнія, только одинъ кладъ, найденный въ Ковенской губерніи, у г. Россіены, заключалъ въ себѣ монеты до Каракаллы (по сообщенію Ю. Б. Иверсена), а остальные содержали монеты римскихъ императоровъ до Септимія Севера; а именно, два клада оканчиваются монетами Траяна, два—Адріана, одинъ—Фаустины младшей, одинъ—Фаустины старшей, два—Антонина-Пія, одинъ—Криспины, три—Марка Аврелія, шесть—Коммода, два—Пертинакса, одинъ—Клодія Альбина и семь—Септимія Севера.

[1]) За публикаціей въ 1884 году свѣдѣній о кладахъ римскихъ монетъ, открытыхъ въ предѣлахъ Россіи и Польши, былъ полученъ рядъ новыхъ свѣдѣній, а въ ихъ числѣ и письмо краковскаго академика Адама Киркора, въ которомъ, по отношенію къ кладамъ римскихъ монетъ, говорится: „Получивъ второй выпускъ вашей „Исторіи Русскаго Права", съ приложенными къ оному вопросами, спѣшу сообщить все, что мнѣ извѣстно по предмету, васъ интересующему, въ отношеніи моихъ археологическихъ изысканій въ Галиціи. Вы упоминаете о валѣ Траяна въ Подольской губерніи. По всему протяженію этого вала и въ окрестностяхъ онаго, во всемъ Барщовскомъ уѣздѣ, съ давнихъ временъ и постоянно, находятъ въ землѣ, при ея обработкѣ, римскія монеты. Вы

Слѣдовательно, *разселеніе во II в. по Р. Х. племенъ Гетики или Дакіи* изъ областей древней Скиѳіи въ центральныя области Европы, *подъ натискомъ Римлянъ Волоховъ*, связанное съ разрывомъ нашихъ предковъ политическимъ и географическимъ, *имѣло своимъ слѣдствіемъ происхожденіе* новыхъ славянскихъ колоній-государствъ, а въ нихъ этнографическое образованіе новѣйшихъ славянскихъ народностей, а между ними и *народности славянорусской*.

не встрѣтите почти ни одной дѣвушки въ деревняхъ и мѣстечкахъ, у которой на шеѣ, между монистами, не висѣли бы одна или нѣсколько римскихъ серебряныхъ монетъ; попадаются и золотыя, но рѣдко; онѣ очень дорожатъ ими, какъ завѣтнымъ наслѣдствомъ послѣ бабушекъ и прабабушекъ. Во время разъѣздовъ въ Подоліи мнѣ удалось добыть болѣе 40 римскихъ монетъ для музея Академіи; всѣ онѣ найдены по одиночкѣ и почти всѣ Траяна, Адріана и Антонина; я слышалъ и о находкѣ клада въ окрестностяхъ вала Траяна; такія же монеты находятъ очень часто, тоже по одиночкѣ, какъ на югъ отъ вала, по теченію Днѣстра, на Покутьи и въ Буковинѣ, такъ и на сѣверъ, въ Тарнопольскомъ и Злочовскомъ уѣздахъ, на побережьяхъ Серета, Гнѣзны, Гнилой, Цыганки, Дупы, Суриты, а равно всего теченія Збруча, отъ Подволочиска до Окоповъ св. Троицы, гдѣ Збручъ впадаетъ въ Днѣстръ. Въ 1882 году я привезъ изъ Тарнополя въ Академію 6 римскихъ серебряныхъ монетъ, найденныхъ въ разныхъ мѣстахъ уѣзда и принадлежащихъ императорамъ Нерону, Антонину Пію, Фаустинѣ, Адріану, Коммоду и Криспинѣ: римскія бронзовыя издѣлія, находимыя тоже въ окрестностяхъ вала Траяна, легко отличить по превосходной отдѣлкѣ, ихъ и по орнаментовкѣ отъ обыкновенно находимыхъ въ гробахъ Подоліи и Покутья, состоящихъ преимущественно изъ колецъ, серегъ и тому под., большею частью неуклюжей работы, и что замѣчательно, совершенно такихъ же, какъ и въ кострищахъ на побережьи Вислы. Особенно замѣчательныя римскія бронзы найдены вблизи Траянова вала. Рисунокъ большихъ римскихъ зеркалъ изъ могилъ въ Сапоговѣ вы найдете въ „Klosach“ за 1877 годъ, № 622, стр. 356. Любопытно то, что рисунокъ осьмиконечной звѣзды, изображенной на зеркальномъ медальонѣ, и до сихъ поръ ежегодно повторяется, конечно безсознательно, на такъ называемыхъ писанкахъ, заготовляемыхъ народомъ къ Свѣтлому Христову Воскресенію. Римскія бронзовыя издѣлія были находимы мною и другими и въ мѣстностяхъ болѣе отдаленныхъ отъ вала Траяна, напримѣръ, въ Глубочкѣ Великомъ, близъ Тарнополя, на берегахъ Днѣстра и Стрыни, въ Беремянахъ, Жнибродахъ и Дуплискахъ,— въ курганахъ. Что касается до вашей теоріи, я вполнѣ съ вами согласенъ и признаю высокое научное значеніе находимыхъ римскихъ монетъ“.

ГЛАВА VI.

Лѣтописныя свидѣтельства о происхожденіи племенныхъ княженій русскихъ Славянъ и ихъ комментарій.

На вопросъ о способѣ колонизаціи и формѣ государства, основаннаго русскими Славянами въ новой ихъ родинѣ, отвѣчаютъ лѣтописныя сказанія о построеніи городовъ первыми славянскими поселенцами на рѣчныхъ побережьяхъ центральныхъ областей Европы и образованіи здѣсь племенныхъ княженій. По свидѣтельству Нестора первые Поляне, братья Кій, Щекъ и Хоривъ, построили городъ, названный именемъ старшаго брата Кіевъ; а по смерти сихъ братьевъ «держати почаша родъ ихъ *княженье въ Поляхъ; въ Деревляхъ свое, а Дреговичи свое, а Словѣни свое въ Новѣгородѣ, а другое на Полотѣ*, иже Полочане; отъ нихъ же *Кривичи*, иже сѣдятъ наверхъ Волги и наверхъ Двины и наверхъ Днѣпра, *ихъ же градъ есть Смоленскъ; таже Сѣверъ* отъ нихъ». По лѣтописи русскія княженія «изначала» представляли собою автократическія «волости» — государства, изъ которыхъ каждое состояло изъ старѣйшаго города и младшихъ городовъ, связанныхъ общимъ подчиненіемъ власти старѣйшаго города: «Новгородци бо *изначала*, и Смолняне, и Кыяне, и Полочане, *и вся власти якоже на душу на вѣча сходятся, на что же старѣйшіи сдумаютъ, на томъ и пригороды станутъ*» [1]).

Средствомъ объясненія приведенныхъ лѣтописныхъ свидѣтельствъ о происхожденіи и формѣ русскихъ племенныхъ княженій служатъ факты образованія посредствомъ колонизаціи и организація русскихъ земель позднѣйшаго времени, а именно земель Донской и Вятской.

Земля Донская возникла въ эпоху Московскаго государства при слѣдующихъ условіяхъ.

Партія *русскихъ «бѣглецовъ»*, оставивъ родину, отправилась на востокъ, въ землю татарскую, *встрѣтила на Дону татарскій городъ Ахасъ и, завоевавъ этотъ городъ*, переименовала его въ Черкаскъ и поселилась въ немъ [2]). *Такъ возникла первая колонія*, старѣйшій,

---

[1]) „Пособіе“, стр. 13. П. С. Р. Л.; I, стр. 160.

[2]) См. Карамзина: Ист. Гос. Рос.; т. VII, стр. 86. Въ рукописяхъ XVI вѣка, относящихся къ сношеніямъ Москвы съ Ногаемъ, Ногайскій мурза Белекъ, жалуясь московскому князю на „Донскихъ Казаковъ или Черкасовъ“, говоритъ: „Бѣлаво (русскаго) Князя Черкасы бѣглые холопы были“... Царь Иванъ Васильевичъ, отвѣчая Крымскому

главный городъ, политическій центръ земли *Донскихъ Казаковъ*. Народонаселеніе новаго русскаго города Черкаска быстро разрасталось, такъ какъ первая община колонистовъ радушно принимала новыхъ бѣглецовъ изъ русскихъ областей. Скоро укрѣпленія Черкаска не могли вмѣстить въ себѣ населеніе общины, и *явилась необходимость въ построеніи новыхъ городовъ*. Одинъ за другимъ были построены еще 4 города, а вмѣстѣ съ тѣмъ *возникъ союзъ городовъ* и расширились предѣлы территоріи Земли Донскихъ Казаковъ [1]). Съ дальнѣйшимъ расширеніемъ народонаселенія земли увеличивалось количество городовъ, и въ концѣ XVII вѣка мы встрѣчаемъ *52 городка, лежавшихъ на побережьяхъ рѣки Дона* [2]), *такъ близко одинъ*

хану на его жалобу на Донскихъ Казаковъ, говоритъ: „нашихъ Козаковъ на Дону нѣтъ никого; а живутъ на Дону изъ нашего государства бѣглые люди". Тамъ же; прим. 251.

[1]) Въ 1549 году князь ногайскій Юсуфъ, жалуясь на Донскихъ Казаковъ, писалъ къ московскому государю: „холопи твои, нѣкто Сарыазманъ словетъ, на Дону въ трехъ и четырехъ мѣстѣхъ городы подѣлали". Тамъ же; прим. 254.

[2]) См. дорожный дневникъ или „Записная Тетрадь" московскихъ пѣвчихъ дьяковъ, сопровождавшихъ Петра Великаго въ путешествіи подъ Азовъ въ 1694 году. Въ рукописи говорится: „Маія въ шестой день поутру приплыли въ *первый* козачій *городокъ Донецкій*, а сидитъ онъ на острову Дона рѣки, и были тутъ до обѣда; а послѣ обѣда приплыли во *2-й городокъ Казанка*, къ ночи проплыли *3-й городокъ Мигулинъ*, *4-й городокъ Ишанка*. Поутру проплыли *5-й городокъ Ришетовъ*, а послѣ обѣда проплыли *6-й городокъ Вешки*, а въ ночи проплыли *7-й городокъ Хоперъ*. Маія въ восьмой день поутру проплыли *8-й городокъ Медвѣдицкой*, того жъ числа послѣ обѣда проплыли *9-й городокъ Роспопинъ*, *10-й Клецкой*, а въ ночи проплыли *11-й Перекопской*, *12-й Кремянной*. Маія въ девятый день проплыли *13-й городокъ Пердуновъ*, *14-й Григорьевской*, *15-й Сиротинъ*, *16-й Илавка*, а въ ночи проплыли *17-й городокъ Качаринъ*. Маія въ десятый день проплыли *18-й городокъ Панкинъ* и въ немъ не стояли, а стояли ниже ево. Маія въ одинадцатый день проплыли *19-й городокъ Голубые*, послѣ обѣда *20-й городокъ Пять Избъ*, и въ ту ночь проплыли *21-й городокъ Верхній Чиръ*, *22-й городокъ Нижній Чиръ*. Маія въ двѣнадцатый день проплыли *23-й городокъ Кобыльникъ*, а ввечеру проплыли *24-й городокъ Есаулы*. Маія въ тринадцатый день проплыли *25-й городокъ Зимовейки*, *26-й городокъ Курманъ Яръ*, а въ ночи *27-й городокъ Нагавки*. Маія въ четырнадцатый день проплыли *28-й городокъ Курманъ Яръ Нижній*, а послѣ обѣда проплыли *29-й городокъ Нагавкинъ Нижній*, *30-й городокъ Терновыя*, *31-й городокъ Цымла*. Маія въ пятнадцатый день поутру проплыли *32-й городокъ Кумшикъ*, а

отъ другого, что въ одинъ день возможно было проплыть мимо 5 и даже мимо 8 городковъ [1]).

Съ распространеніемъ власти русской державы на территорію Донскихъ Казаковъ и завоеваніемъ Россіей сѣвернаго Кавказа и Крыма, въ области Дона *возникла возможность безопасной жизни въ сельскихъ, открытыхъ поселеніяхъ.* Общественныя поселенія казаковъ передвинулись съ возвышенностей на равнины, поближе къ водѣ, и растянулись вдоль побережій, по образцу селъ и деревень центральныхъ областей Россіи. Древняя община, скученная въ городѣ, постоянно вооруженная, получила возможность оставить укрѣпленіе, разоружиться, занять равнины и междурѣчья, построить на нихъ растянутыя и разбросанныя поселенія, въ которыхъ каждая семья владѣетъ своимъ домомъ, дворомъ, огородомъ и полевымъ участкомъ. Взамѣнъ древнихъ казацкихъ городковъ былъ построенъ русскимъ правительствомъ городъ Новочеркаскъ, какъ центръ управленія и военной обороны области Донскихъ Казаковъ. Всѣ *древніе города Донской земли превратились въ неукрѣпленныя станицы,* въ селенія, *а ихъ укрѣпленія существуютъ и понынѣ,* въ видѣ кругообразныхъ и квадратныхъ площадей, обведенныхъ валами и рвами, извѣстныхъ въ народѣ *подъ названіемъ городищъ* [2]).

послѣ обѣда проплыли *33-й городокъ Романовскій, 34-й городокъ Коргола Верхній, 35-й городокъ Комышниковъ, 36-й городокъ Быстрянскъ.* Маія въ шестнадцатый день поутру проплыли *37-й городокъ Коргола Нижній, 38-й городокъ Михалевъ Верхній, 39-й городокъ Михалевъ Нижній,* а послѣ обѣда проплыли *40-й городокъ Троклинъ, 41-й Кичальникъ,* въ немъ зимовалъ Стенка Разинъ, *42-й городокъ Ведерниковъ, 43-й городокъ Бабинъ, 44-й городокъ Золотой.* Маія въ семнадцатый день проплыли *45-й городокъ Кочетовъ, 46-й городокъ Семи Корокорой,* а послѣ обѣда проплыли *47-й городокъ Раздоры.* Маія въ восемнадцатый день поутру проплыли *48-й городокъ Милеховъ, 49-й городокъ Безсергневъ,* а послѣ обѣда проплыли *50-й городокъ Богай, 51-й городокъ Миничъ.* Маія въ девятнадцатый день послѣ обѣда прошли *52-й городокъ Черкасской...*" См. Воронежскіе Акты, изд. Александ. и Дольник.; кн. I; N; XVI; стр. 47—50.

[1]) Напримѣръ, 8, 9 и 16 Мая.

[2]) По статистическимъ свѣдѣніямъ 1873 года, нами собраннымъ, въ области Войска Донского сохранилось 74 городища, изъ которыхъ 18 были нами осмотрѣны въ 1881 и 1882 годахъ: мѣстоположеніе, форма и устройство городищъ области Дона совершенно сходны съ мѣстоположеніемъ, формою и устройствомъ городищъ, сохранившихся на побережьяхъ Днѣпра, Роси, Сулы, Десны, Сейма, Оки, Волги и другихъ рѣкъ Россіи. Подобно городищамъ центральныхъ областей Россіи, донскія городища покрыты слоемъ мусора, состоящимъ изъ перегноя

Въ эпоху удѣльныхъ государствъ возникла Вятская земля: *населеніе Новгорода*, тѣснимое возраставшимъ многолюдствомъ и борьбою партій, *выдѣлило изъ себя колонію выходцевъ*, отправившихся искать новой земли для своего поселенія. Доплывъ Волгою до устья р. Камы, новгородскіе выходцы вышли на берегъ, *построили городокъ* и рѣшили въ немъ поселиться. Но здѣсь они узнали, что далѣе на востокъ лежитъ земля болѣе привольная и богатая. Тогда Новгородцы раздѣлились на двѣ партіи; одна изъ нихъ осталась въ новопостроенномъ городкѣ, а другая поплыла далѣе по рѣкѣ Камѣ. Доплывъ по Камѣ до устья р. Осы, Новгородцы перетащили свои лодки сухимъ путемъ на р. Чепцу, притокъ р. Вятки. На побе-

---

растительныхъ веществъ, черепковъ битой посуды, костей, угля и пр., и обведены такими же валами и рвами. Въ нѣкоторыхъ станицахъ еще живутъ старики, помнящіе разсказы своихъ отцовъ и дѣдовъ о томъ времени, когда „народъ не смѣлъ жить въ открытыхъ поселеніяхъ, а всѣ жили въ городахъ, называемыхъ нынѣ городищами“, оставленными народомъ уже подъ русскою властью. Въ донесеніи Митякинскаго станичнаго правленія говорится слѣдующее: „городище, лежащее на берегу рѣки Донца, въ разстояніи $1^1/_2$ версты отъ станицы Митякинской; изъ преданій извѣстно, что *городокъ служилъ предкамъ жителей Митякинской станицы средствомъ защиты* отъ набѣговъ Татаръ, разорявшихъ здѣшнюю Украйну“. Въ донесеніи Усть-Бузулуцкаго станичнаго правленія говорится: „въ разстояніи отъ станицы на $1^1/_2$ версты сохранилась мѣстность, окруженная валомъ и рвомъ, называемая старымъ городкомъ. Старожилы говорятъ, что ихъ *дѣды, а нѣкоторыхъ прадѣды жили въ этомъ городкѣ*, что въ немъ была станица, такъ какъ на болѣе удобномъ мѣстѣ въ то время жить было нельзя, вслѣдствіе нападенія разбойниковъ“. По донесенію Добрынскаго станичнаго правленія, „въ юртѣ станицы сохранились 2 старыхъ городища, лежащія на берегу рѣки Хопра, называемыхъ Добрынскій городокъ и Адининскій городокъ. На первомъ городищѣ, какъ извѣстно, *жило въ старину населеніе Добрынскаго городка*. До настоящаго времени находятся тамъ ямы, остатки бывшихъ погребовъ и землянокъ, валяется дикій камень, бывшій подкладкою подъ строенія. Изъ найденной въ станичномъ архивѣ древней грамоты видно, что Адинскій городокъ, за пріемъ русскихъ людей, былъ сожженъ въ 1719 году; а *жители городка*, козаки, сосланы ниже Пяти-Избъ и разселены по другимъ станицамъ... *Городища*, сохранившіяся въ юртѣ Добрынской станицы *служили въ давнее время жилищами*, какъ объясняютъ теперешніе жители Добрынской станицы и потомки сосланныхъ на жительство ниже Пяти-Избъ“. По донесенію Малодѣльской станицы, „*городище*, сохранившееся въ разстояніи трехъ верстъ отъ станицы Малодѣльской, въ древнее время *было заселено жи-*

режьяхъ р. Чепца они встрѣтили «*городки Вотяковъ* (Финновъ), обведенные валами и рвами». По р. Чепцу они вошли въ р. Вятку и, проплывъ по ней 5 верстъ, увидѣли *вотяцкій городъ, по имени Болванскій*, обведенный валомъ и рвомъ, на высокой горѣ, въ мѣстности удобной для жительства. Новгородцы рѣшились отнять этотъ городокъ у Вотяковъ и поселиться въ немъ. Послѣ нѣсколькихъ неудачныхъ приступовъ Болванскій городокъ былъ взятъ, а его жители частью разбѣжались, частью были перебиты завоевателями. Поселившись въ Болванскомъ городкѣ, Новгородцы *переименовали его въ городъ Никулицынъ*. Другая партія Новгородцевъ, узнавъ объ успѣхѣ своихъ товарищей, бросила свой городъ, какъ стоявшій при сліяніи двухъ большихъ рѣкъ, въ мѣстности небезопасной, также перебралась на р. Вятку и, встрѣтивъ на пути *городокъ Каршаровъ*, принадлежавшій Черемысамъ (финское племя), взяла его приступомъ, *переименовала въ городъ Котельничъ* и поселилась въ немъ. Но чувствуя себя слабыми въ раздѣльности, обѣ партіи новгородскихъ выходцевъ соединились снова и *построили новый общій городъ* при впаденіи р. Хлыновицы въ р. Вятку, назвавъ его *Хлыновъ или Вятка*. Этотъ городокъ съ сѣверозапада и юга былъ обрытъ глубокимъ рвомъ, а съ востока его ограждалъ крутой берегъ р. Вятки. Вмѣсто городской стѣны служили Хлынову дома его жителей, плотно примыкавшіе другъ къ другу боковыми стѣнами, а задними стѣнами обращенные наружу. Среди площади городка былъ вырытъ колодезь. Такъ *возникъ старѣйшій, центральный городъ будущей Вятской земли*. Населеніе Хлынова быстро возрастало какъ вслѣдствіе естественнаго нарожденія, такъ и наплыва новыхъ выходцевъ изъ русскихъ земель, особенно изъ Устюга и Новгорода. Когда населеніе общины возросло такъ, что не могло помѣститься внутри укрѣпленій Хлынова, то внѣ ихъ образовался посадъ или *предгородье*, обведенное новымъ укрѣпленіемъ, состоявшимъ изъ деревян-

---

телями станицы Малодѣльской". По донесенію Петровскаго станичнаго правленія, 2 *городища*, сохранившіяся на землѣ этой станицы, *служили въ древности поселеніями* станицъ Левикинской и Безплемяновской". По донесенію Аннинскаго станичнаго правленія, „*островокъ былъ заселенъ станицею, а потому называется городокъ*... Есть преданіе, что поселеніе станицы перенесено съ острова на настоящее мѣсто, по желанію самихъ жителей", и т. д. Большинство станицъ нашего времени, лежащихъ на побережьяхъ Дона, у которыхъ по статистическимъ свѣдѣніямъ сохранились городища, носятъ имена городковъ, упоминаемыхъ въ древнемъ путешествіи Петра Великаго, приведенномъ въ предыдущемъ примѣчаніи.

ныхъ стѣнъ съ башнями. Съ дальнѣйшимъ ростомъ населенія Вятки появились *новые колоніи-пригороды-города* Котельничъ, Никулицынъ, Орловъ, Слободской и другіе. До времени завоеванія Вятской земли Москвою, въ ея предѣлахъ не было открытыхъ, неукрѣпленныхъ поселеній; *всѣ русскія поселенія Вятской земли до времени присоединенія къ Москвѣ были* укрѣпленные,—города. Описаніе происхожденія Вятской земли лѣтописецъ заключаетъ слѣдующими словами: «и тако начаша общежительствовати самовластвующе, правими и обладаеми своими жители, и нравы своя отеческія, и законы и обычаи Новгородскія имѣху на лѣта многа, до обладанія Великихъ Князей Русскихъ; и прозвашася Вятчане рѣки ради Вятки... Въ лѣто 6967 (1459) Великій Князь Василій Васильевичъ Московскій Вятскую Землю взялъ и дань положилъ. Были самовластны 278 лѣтъ» [1]).

Со времени завоеванія Вятскаго народоправства московскимъ княземъ и перехода къ Москвѣ военной обороны Вятской земли, *существованіе древнихъ народныхъ городковъ* въ этой землѣ потеряло свое основаніе, *стало ненужнымъ*. Мѣсто городковъ, какъ средства народной обороны отъ непріятеля, заступила сила московскаго воинства. Изъ древнихъ городовъ Вятской земли Москва нѣкоторые расширила, укрѣпила лучше прежняго и дала имъ значеніе центровъ областной администраціи и военной обороны страны. Всѣ прочіе *городки*, помѣщавшіеся на высокихъ побережьяхъ, мало-помалу *обратились въ городища*; населеніе ихъ подвинулось ближе къ водѣ и разселилось въ растянутыхъ селеніяхъ, деревняхъ и хуторахъ, неукрѣпленныхъ поселеніяхъ.

Обращаясь отъ колоніи къ митрополіи, мы встрѣчаемъ въ источникахъ слѣдующіе факты. По словамъ Нестора «*Словѣни сѣдоша около озеря Илмеря*, прозвашася своимъ имянемъ, *и сдѣлаша* городъ». По словамъ Іоакима «Славянъ князь... иде къ полунощи, и градъ великій созда» [2]). Такимъ образомъ, по свидѣтельствамъ Нестора и Якима Славяне построили городъ при первоначальномъ ихъ поселеніи на берегу озера Ильменя. За построеніемъ перваго города послѣдовало построеніе другихъ колоній—городовъ, связанныхъ общимъ подчиненіемъ старѣйшему городу; по словамъ Якима: «по устроеніи великаго града, умре Славенъ князь и бѣ князь Вандалъ... онъ имѣлъ три сына, Избора, Владимира и Столпосвята; *каждому изъ нихъ построи по единому граду*, и въ ихъ имена нарече» [3]).

---

[1]) Рукопись Вятскаго лѣтописца хранится въ С.-Петербургской Публичной Библіотекѣ, подъ № 103.

[2]) См. „Пособіе“, стр. 4, 12.

[3]) Тамъ же, стр. 4.

Описывая далѣе княженіе Рюрика (призваннаго Славянами по смерти послѣдняго князя изъ первой княжеской династіи ильменскихъ Славянъ, безсыновнаго Гостомысла), Якимъ говоритъ слѣдующее: «дабы ему всюду расправа и судъ не оскудѣлъ, *посажа по всѣмъ градомъ князи* отъ Варягъ и Славянъ, самъ же прошеновался князь великій» [1]). Этому извѣстію соотвѣтствуетъ слѣдующее извѣстіе Нестора: «*Рюрикъ раздая мужемъ своимъ грады*, овому Полотескъ, овому Ростовъ, другому Бѣлоозеро...» [2]). Слѣдовательно, *Новгородская земля возникла такимъ же способомъ, какъ земли Вятская и Донская, то-есть была заселена первоначально посредствомъ* укрѣпленныхъ общественныхъ поселеній, *колоній-городовъ, составлявшихъ государство, союзъ городовъ*, высшая власть котораго была сосредоточена въ старѣйшемъ городѣ. *О сельскихъ поселеніяхъ въ Новгородской землѣ не упоминаютъ источники языческой эпохи; а эта земля называется у иноземцевъ гардариккіей*, то-есть царствомъ городовъ [3]).

Подобно Новгородской землѣ возникла *земля Полянъ*. По сказанію Нестора, *родъ князя Кія*, поселившись на горахъ днѣпровскихъ, *основалъ городъ Кіевъ*, названный именемъ старшаго родоначальника [4]). Князь *Кій*, задумавъ возвратиться въ славянскую прародину, *построилъ на Дунаѣ городокъ съ цѣлью жить въ немъ*; но сосѣди не позволили ему укрѣпиться тамъ, и Кій возвратился въ свой городъ Кіевъ на Днѣпрѣ: такъ, по словамъ Нестора, положено было основаніе княженію Полянъ. По смерти Кія и его братьевъ родъ ихъ княжилъ въ землѣ Полянъ до времени водворенія въ Кіевѣ князей Аскольда и Дира [5]). Въ лѣтописныхъ описаніяхъ событій времени княженія Рюриковичей упоминаются многіе города кіевской земли, какъ существовавшіе издавна (Бѣлгородъ, Триполь, Саковъ, Витичовъ, Городецъ, Зарубъ, Воровичъ, Родня и др. [6]). Политическимъ центромъ группы городовъ земли Полянъ былъ городъ Кіевъ: Аскольдъ и Диръ, овладѣвъ Кіевомъ, тѣмъ самымъ овладѣли и

---

[1]) Тамъ же.

[2]) Тамъ же, стр. 17.

[3]) Тамъ же, стр. 122, 123.

[4]) „Кій, Щекъ и Хоривъ створиша градъ, во имя брата своего старѣйшаго, и нарекоша имя ему Кіевъ". „Пособіе", стр. 13.

[5]) „Приде къ Дунаеви, възлюби мѣсто и сруби *градокъ* малъ, хотяше сѣсти съ родомъ своимъ и не даша ему ту близь живущіи; еже и донынѣ наричютъ Дунайцы городище Кіевець". Тамъ же, стр. 13, 17.

[6]) См. Погодина: Изслѣд., Зам. и Лекціи; т. IV, стр. 148—323. Изд. 1850 г.

Полянскою землею. О существованіи сельскихъ поселеній въ предѣлахъ Кіевской земли IX и X столѣтій источники не упоминаютъ.

Съ политическою организаціей земли Древлянъ лѣтопись знакомитъ насъ только въ разсказѣ о смерти Игоря и мщеніи Ольги Древлянамъ; изъ этого разсказа ясно видно, что Древлянская земля, подобно землямъ Новгородской и Кіевской, представляла собою союзъ городовъ. *Древляне*, по этому разсказу, разбитые въ полѣ войсками Ольги и Святослава, «побѣгоша и *затворишася въ градѣхъ своихъ*»; княгиня Ольга «посла ко граду, глаголющи: «что хочете досѣдѣти? а вси *грады ваши* предашася мнѣ, и ялися по дань, и дѣлаютъ нивы своя и землѣ своя» [1]). Лѣтопись знакомитъ насъ съ землею Вятичей только въ разсказахъ подъ 1146 и 1147 годами, при описаніи походовъ въ землѣ Вятичей черниговскаго князя Святослава Ольговича. Благодаря этому описанію, мы узнаемъ, что «*въ землѣ Вятичей было множество городовъ*» [2]). По свидѣтельству Константина Багрянороднаго «русскіе князья, съ приближеніемъ зимы... выступаютъ изъ Кіева и отправляются собирать дань *въ городки* Тиверцевъ, Дреговичей, Кривичей, Сѣверянъ и другихъ Славянъ, зависящихъ отъ Руссовъ» [3]). Повѣствованіе русскаго лѣтописца о первоначальномъ разселеніи Славянъ изъ ихъ дунайской прародины заканчивается словами: ...«Уличи, Тиверци сѣдяху по Бугу и по Днѣпру и присѣдяху къ Дунаеви; и бѣ множество ихъ, сѣдяху бо по Бугу и по Днѣпру оли до моря и суть городи ихъ и досего дне; да то ся зовяху отъ Грѣкъ Великая Скуѳь» [4]).

Изложенные факты приводятъ насъ къ слѣдующему заключенію о способѣ заселенія центральныхъ областей Европы Славянами и происхожденіи славянорусскихъ государствъ—княженій.

Предки наши выселялись изъ дунайской прародины отдѣльными партіями, въ царствованіе разныхъ императоровъ, что доказываетъ содержаніе кладовъ римскихъ монетъ, открытыхъ по настоящее время

---

[1]) Тамъ же; стр. 25.

[2]) См. Записки Имп. русс. географ. общ.; кн. VI, стр. 45.

[3]) „Ἡ δεχειμέριος τῶν αὐτῶν Ῥῶς καὶ σκληρὰ διαγωγή ἐστιν αὕτη· ἡνίκα ὁ Νοέμβριος μὴν εἰσέλθη, εὐθέως οἱ αὐτῶν ἄρχοντες ἐξέρχονται εἰς τὰ πολύδια ἃ λέγεται Γύρα ἤγουν εἰς τὰς Σκλαβινίας τῶν τε Βερβιάνων καὶ τῶν Δρουγουβιτῶν Κριβιτζῶν καὶ τῶν Σερβίων καὶ λοιπῶν Σκλάβων οἵτινές εἰσι πακτιῶται τῶν Ῥῶς δὶ ὅλου δὲ τοῦ χειμῶνος ἐκεῖσε διατρεφόμενοι πάλίν ἀπὸ μηνὸς Ἀπρλλίου διαλουμένου τοῦ πάγους τοῦ Δυνάπρεως ποταμοῦ κατέρχονται πρὸς τὸν Κίαβον“. I. G Stritteri: Memoriae populorum; Изд. 1774 г; т. II, стр. 985. Шафарикъ: Славянскія древности; т. II, кн. III; Приложенія, стр. 75. Изд. 1848 г.

[4]) „Пособіе“, стр. 14.

въ землѣ славянорусской [1]). *Каждая партія колонистовъ, избравъ мѣсто новаго поселенія*, ограждала это мѣсто рвомъ, валомъ и полисадомъ и тѣмъ *превращала его въ городъ*, въ значеніи укрѣпленной общественной селитьбы. Съ дальнѣйшимъ нарастаніемъ членовъ городской общины первоначальные размѣры укрѣпленій города становились недостаточными, тѣсными. Являлась необходимость или увеличить размѣры прежняго укрѣпленія, или рядомъ съ нимъ, при городѣ прежнемъ, старѣйшемъ, построить новое укрѣпленіе, пригородъ стараго города [2]). Но когда мѣстныя условія (островъ, мысъ и пр.) не дозволяли построить пригородъ рядомъ со старымъ городомъ, а также, когда населеніе стараго города возрастало до такой степени, что прилегавшія къ нему поля становились недостаточными для прокормленія разросшагося населенія, то часть жителей выселялась въ мѣстность болѣе или менѣе удаленную отъ митрополіи. *Выходцы изъ стараго города* (если оставляли его не вслѣдствіе борьбы партій) *выбирали новое мѣсто поселенія, какъ можно ближе къ митрополіи*, чтобы, въ случаѣ нужды, найти защиту въ старѣйшемъ, болѣе многолюдномъ и болѣе сильномъ городѣ. *Колонія*, удалившаяся отъ митрополіи хотя бы только на 2—3 версты, *ограждала мѣсто своего поселенія укрѣпленіемъ, превращала его въ городъ*, по отношенію къ старѣйшему городу, называвшійся пригородомъ.

---

[1]) Римскія монеты и другія римскія издѣлія императорской эпохи иногда встрѣчаются *въ самыхъ насыпяхъ* древнеславянскихъ *городищъ*. Къ числу такихъ находокъ принадлежитъ, напримѣръ, кладъ римскихъ монетъ II вѣка, открытый *„въ окопѣ“* городища вблизи Новграда-Волынскаго. См. Фундуклея: „Обозрѣніе могилъ и валовъ и городищъ Кіевской губерніи“, стр. 7.

[2]) Отсюда въ древнѣйшихъ городахъ Россіи мы встрѣчаемъ по два и по три города, какъ ихъ составныя части. Такъ, напримѣръ, въ Новгородѣ—внутренній и внѣшній городъ; въ Кіевѣ—старый Кіевъ и великій Кіевъ, построенный Ярославомъ; въ Черниговѣ — внутренній и внѣшній города; въ Переяславѣ—два города; во Владимірѣ—новый и печерній города; въ Москвѣ — бѣлый городъ, земляной городъ, деревянный городъ и китай городъ; и т. д. П. С. Р. Л. I, 86, 87, 197; III, 144. То же явленіе наблюдается и въ исторіи древнѣйшихъ городовъ другихъ народовъ; напримѣръ, по свидѣтельству Страбона: „въ древности Сиракузы состояли изъ пяти городовъ, на пространствѣ, обнесенномъ стѣною въ 180 стадій“. Географія; кн. VI, гл. II, § 4. Описывая Финикію, Страбонъ говоритъ: „за Ореозіей и Елевѳеромъ слѣдуетъ Триполь, получившій такое названіе отъ того, что онъ состоитъ изъ трехъ городовъ: Тира, Сидона и Арада“. Тамъ же; кн. XVI, гл. II, § 15.

Предгородія или пригороды, лежавшіе вблизи старѣйшаго города, и пригороды, удаленные отъ митрополіи на болѣе или менѣе значительное разстояніе, при общемъ ихъ происхожденіи отъ старѣйшаго города, и общей нуждѣ въ его защитѣ, стояли къ нему въ положеніи младшихъ къ старшему, слабѣйшихъ къ сильнѣйшему, *зависѣли отъ старѣйшаго города въ политическомъ отношеніи*. Эта зависимость выражена лѣтописцемъ слѣдующими словами. «Новгородцы бо изначала, и Смольняне, и Кыяне, и Полочане, и вся власти якоже на думу на вѣча сходятся, на что же старѣйшіи сдумають, на томъ же пригороди станутъ». *Съ расширеніемъ населенія въ пригородѣ, являлась необходимость образованія пригородовъ пригорода или пригородковъ*, подчиненныхъ центральному городу черезъ посредство своей митрополіи. Такъ *возникала группа городовъ, связанныхъ общимъ подчиненіемъ старѣйшему или центральному городу, составлявшихъ племенное государство*; такъ образовались племенныя славянорусскія «княженія», перечисленныя первымъ русскимъ историкомъ въ его повѣствованіи о разселеніи Славянъ въ центральныхъ областяхъ Европы [1]).

Дополненіе.

По изложеннымъ фактамъ нельзя признать соотвѣтствующею исторической дѣйствительности теорію, выражающуюся въ нижеслѣдующихъ цитатахъ.

По ученію Карамзина: «Предки наши строили бѣдныя свои хижины въ мѣстахъ дикихъ, уединенныхъ, среди болотъ непроходимыхъ... хозяинъ господствовалъ въ домѣ: отецъ надъ дѣтьми, мужъ надъ женою, братъ надъ сестрами; *всякій строилъ себѣ хижину особенную, въ нѣкоторомъ отдаленіи отъ прочихъ*, чтобы жить спокойнѣе и безопаснѣе; лѣсъ, ручей, поле составляли его область, въ которую страшились войти слабые и невооруженные; *каждое семейство было маленькою, независимою республикою. Въ теченіе временъ* сія дикая простота нравовъ должна была измѣниться... Славяне почувствовали болѣе нужды другъ въ другѣ, *сблизились жилищами и завели селенія*» [2]).

По ученію Костомарова: «*Въ глубокой древности Славяне жили дворами;* Съ ростомъ семей дворы размножились; ихъ соединяла сначала родовая связь. *Дворы, соединенные между собою, составляли села.* Частыя опасности отъ иноземцевъ вызвали потребность самозащищенія и самосохраненія; это поневолѣ сближало и соединяло

---

[1]) См. „Пособіе“ стр. 13.

[2]) „Исторія Гос. Рос.“; т. I, стр. 38, 43.

жителей отдѣльныхъ селъ; необходимы оказались центры такого соединенія; и вотъ *жители расположенныхъ близко между собою селъ строили укрѣпленныя мѣста*, принадлежавшія всѣмъ имъ вмѣстѣ и для всѣхъ въ равной степени служившія въ случаѣ надобности убѣжищемъ; *такія укрѣпленныя мѣста назывались градами* или, по русскому нарѣчію, городами» [1]).

По ученію Леонтовича: «*Первичное разселеніе Славянъ по русской странѣ проходило 3 ступени: хуторовъ, селъ и погостовъ;* народъ жилъ мелкими родами, разбросанно, въ разбивку и въ одиночку (?). Потомъ отдѣльныя семьи—хуторки, деревни, слагались постепенно въ новые союзы — села, а изъ союза селъ являлись погосты и волостки»... [2]).

По предположенію этой гипотезы «всегда, вездѣ и у всѣхъ осѣдлыхъ народовъ *хутора предшествуютъ селеніямъ, а селенія — городамъ; бытъ семейный предшествуетъ быту сельскому, а бытъ сельскій—городскому*», при чемъ не указываются мѣста, времена и имена земледѣльческихъ народовъ, дѣйствительно подлежавшихъ историческому наблюденію на степени политической разрозненности семействъ въ обособленныхъ домахъ — хижинахъ. Напротивъ, факты исторіи поселеній осѣдлыхъ народовъ Греціи, Италіи, Иберіи, Галліи, Британіи, Германіи, Литвы и Ливоніи, собранные нами въ изслѣдованіи простѣйшихъ формъ соціальной организаціи древнихъ и дикихъ народовъ [3]), доказываютъ, что *общежитіе всѣхъ древнихъ осѣдлыхъ народовъ началось* группою скученныхъ избъ, обведенныхъ общимъ для нихъ укрѣпленіемъ, то-есть *городомъ въ древнемъ смыслѣ этого слова, общиною, а не хуторомъ и семьею.*

Въ этомъ отношеніи исторія общежитія русскихъ Славянъ не представляетъ исключенія изъ общей исторіи древнихъ народовъ осѣдлаго состоянія.

1. На низшей ступени область, занятая земледѣльческимъ племенемъ, является заселенною городскими общинами, городами, въ значеніи укрѣпленныхъ общественныхъ поселеній, *состоящихъ въ полной политической разрозненности. Каждый городокъ съ прилежащимъ къ нему участкомъ земли составляетъ территорію автократической общины*, управляемой общиннымъ собраніемъ и городскимъ начальникомъ, надъ которыми нѣтъ высшей власти. *Сколько городовъ*

---

[1]) Вѣстникъ Европы за 1870 г.; кн. XI, стр. 27.

[2]) См. Сборникъ Гос. Знаній, В. П. Безобразова; т. III, стр. 24 и слѣд. Изд. 1877 г.

[3]) Варш. Унив. Извѣстія за 1887 г. N. N. I, II и III. Статьи Д. Самоквасова: „Общества осѣдлыхъ народовъ“ и „Исторія городского общежитія древнихъ и дикихъ народовъ“.

въ области, занимаемой даннымъ племенемъ, столько и отдѣльныхъ государствъ, стоящихъ другъ къ другу въ полной политической независимости. У народовъ, живущихъ отдѣльными городами, частныя жилища (cabane, aedificium, domus) помѣщаются только внутри городскихъ укрѣпленій. При размноженіи населенія до той степени, когда городское укрѣпленіе становится недостаточнымъ для вмѣщенія въ себѣ разросшагося общества, часть населенія города отдѣляется, выселяется и образуетъ новый городъ, новую общину, новое государство, стоящее внѣ политической связи съ его митрополіей и со всѣми сосѣдними городками [1]).

2. На второй ступени область, занятая даннымъ племенемъ, представляетъ союзы или *группы городовъ*, изъ которыхъ каждая состоитъ изъ бо́льшаго, центральнаго, главнаго города и меньшихъ городовъ (городъ и пригороды). Въ каждомъ городѣ имѣется свой городской начальникъ, а всѣ *начальники меньшихъ городовъ* (principes, князья, старшины) *подчинены власти начальника всего племени*, живущаго въ центральномъ городѣ (rex, царь, великій князь). На этой ступени вновь возникающія колоніи — города не отдѣляются отъ своей митрополіи въ политическомъ отношеніи, а остаются въ зависимости отъ нея, въ связи съ нею. *Младшіе города подчинены старшимъ.* Въ эпоху жизни племени въ союзахъ городовъ частныя жилища

---

[1]) На первой степени городской организаціи стояли въ историческое время многія племена; напримѣръ: „у племени Дахя (занимавшаго во II в. до Р. Хр., къ которому относится свидѣтельство, область нынѣшняго Кабулистана) ведутъ осѣдлую жизнь... не имѣютъ верховнаго государя, а каждый городъ имѣетъ своего правителя“. „Правленіе даньхуаньскаго владѣтеля въ городкѣ Даньхуань: народонаселеніе его состоитъ изъ 27 семействъ, 194 душъ, войска 45 человѣкъ“. „Илэу имѣютъ всѣ пять родовъ хлѣба... Государя не имѣютъ, а каждое поселеніе имѣетъ своего владѣтеля“. „Мохэ лежитъ отъ Гаоли на сѣверъ; въ каждомъ городѣ есть начальникъ, независимый отъ другихъ“. И т. д. (См. Свѣдѣнія о народахъ средней Азіи. Монаха Іакинфа; ч. II. Изд. 1851 года; стр. 114; ч. III, стр. 8, 24, 55, 87 и др.). „Въ древней Финикіи было множество городовъ... Каждый финикійскій городъ управлялся собственнымъ царемъ“ (Географія Страбона; кн. VI, гл. II, § 14). „Кипрійцы дѣлились въ древности на города, изъ которыхъ каждый повиновался особому тирану“ (тамъ же; кн. XIV, гл. VI, § 6). Въ Аттикѣ до времени Кекропса „каждый городъ имѣлъ своего собственнаго царя; сотня мелкихъ обществъ жили такимъ образомъ порознь, не зная между собою ни религіозной, ни политической связи, имѣя каждое свою землю, часто ведя войну съ сосѣдями“. См. Фюстель де Кулянжа: „La cité antique“; кн. III, гл. 3. и т. д.

семействъ помѣщаются частію внутри городскихъ стѣнъ, частію внѣ ихъ, возлѣ укрѣпленія, на участкахъ земли, подлежащихъ обработкѣ семействъ и родовъ, составляющихъ городскую общину; но на этой ступени развитія городского общежитія осѣдлыхъ народовъ *частное жилище* семейства или рода (cabane, aedificium, villa, domus) еще *не имѣетъ самостоятельнаго значенія; его существованіе обусловлено присутствіемъ города;* гдѣ встрѣчаются частныя жилища, тамъ непремѣнно долженъ быть и городъ, въ значеніи укрѣпленнаго центра жизни общины, средства охраны частныхъ жилищъ. При малѣйшей опасности, населеніе общины бросаетъ свои загородныя жилища и укрывается въ городахъ [1]).

3. На третьей ступени *племенные союзы городовъ* соединяются въ одно государство силою завоевателя. Государственное народонаселеніе распадается на *классы: господствующій — военный и подвластный—земледѣльческій.* Спеціальною задачею господствующаго класса военныхъ людей является охрана всей государственной территоріи и всего государственнаго народонаселенія отъ непріятеля. Подъ защитою военнаго класса земледѣльческое народонаселеніе государства получаетъ возможность жить въ поселеніяхъ открытыхъ, неукрѣпленныхъ, изолированныхъ отъ городовъ, вдали отъ нихъ. *Земледѣльческое народонаселеніе государства разсѣивается по его территоріи. Древніе городки* осѣдлыхъ, земледѣльческихъ общинъ становятся ненужными, оставляются населеніемъ, *превращаются въ городища.* Взамѣнъ множества общинныхъ городковъ появляются населенные военными людьми города—крѣпости и множество пограничныхъ военныхъ сторожевыхъ укрѣпленій, дающихъ возможность государственному народонаселенію центральныхъ областей жить въ поселеніяхъ неукрѣпленныхъ, въ селахъ, деревняхъ и хуторахъ, изолированно отъ городовъ. На этой ступени являются всѣ завоевательныя государства осѣдлыхъ народовъ древняго міра и среднихъ вѣковъ [2]).

---

[1]) На второй ступени городского общежитія осѣдлыхъ народовъ стояли Греки и Римляне въ эпоху племенныхъ царей; Иберійцы, Галлы, Бритты и Германцы въ эпоху римскихъ завоеваній; Литовцы и Ливонцы въ эпоху крестоносцевъ; и т. д. Варшав. Унив. Изв. за 1887; кн. I—III.

[2]) Тамъ же.

ГЛАВА VII.

Лѣтописное сказаніе о происхожденіи обычаевъ и законовъ русскихъ Славянъ и его комментарій.

Свои сказанія о разселеніи русскихъ Славянъ и образованіи племенныхъ княженій русскій лѣтописецъ закончилъ слѣдующимъ свидѣтельствомъ. «*Имяху бо обычаи свои, и законъ отецъ своихъ, и преданья, каждо свой нравъ. Поляне бо своихъ отецъ обычай имуть кротокъ и тихъ... А Древляне живяху звѣринскимъ образомъ*, живуще скотьски... И Радимичи, и Вятичи, и Сѣверъ одинъ обычай имяху: живяху въ лѣсѣ, якоже всякій звѣрь, ядуще все нечисто... *Си же творяху обычаи Кривичи, прочіи поганіи, не вѣдуще закона Божья, но творяще сами собѣ законъ... Мы же христіяне, елико земль*, иже вѣрують въ Св. Троицю, въ едино крещенье, въ едину вѣру, *законъ имамы единъ*, елико во Христа крестихомся и во Христа облекохомся» [1]).

Пониманіе истиннаго смысла этого лѣтописнаго свидѣтельства требуетъ знанія терминологіи, означавшей въ эпоху русскаго язычества *правила человѣческаго и божескаго происхожденія*. Обязательная сила человѣческаго права коренилась во взаимной волѣ людей, составлявшихъ общество, и въ волѣ органовъ государственной власти; обязательная сила божескаго права опиралась на волю племенныхъ боговъ и обоготворенныхъ предковъ. Право божескаго происхожденія почиталось важнѣе, священнѣе права человѣческаго происхожденія [2]).

Ясныя указанія на сказанное различіе источниковъ правилъ общежитія, составлявшихъ систему русскаго права языческой эпохи, сохранились *въ договорахъ* кіевскихъ князей съ византійскими императорами, гдѣ *право различныхъ источниковъ называется различными терминами: рядъ, уставъ, законъ и поконъ*. Эти слова не были новыми въ русскомъ языкѣ X столѣтія, принадлежатъ къ терминологіи общеславянской и означали у западныхъ и южныхъ Славянъ тѣ же понятія, какія соотвѣтствуютъ имъ въ договорахъ Руссовъ съ Греками; терминологія русскаго права языческой эпохи была наслѣдована отъ Праславянъ, общаго предка новѣйшихъ славянскихъ народовъ.

Что же означали слова рядъ, уставъ, законъ и поконъ въ эпоху славянорусскаго язычества?

---

[1]) См. „Пособіе“, с. 14–16.

[2]) См. Страбона. Переводъ Мищенка; кн. XVI; гл. II; пар. 38; стр. 778.

Термины *рядъ и уставъ* въ языческую эпоху *означали право человѣческаго происхожденія,* правила общежитія, истекавшія изъ воли общества и воли органовъ государственной власти: слово *рядъ* (rząd) въ договорахъ Руссовъ съ Греками, въ общеславянской терминологіи и въ древнѣйшихъ памятникахъ славянорусской письменности христіанской эпохи *означало правило общежитія, принятое по взаимному соглашенію людей* для опредѣленія ихъ отношеній [1]); слово *уставъ* (ustawa) *означало правило общежитія, изданное государственною властью* [2]). Значеніе законодательства слово *уставъ* имѣетъ въ общеславянской терминологіи въ Русской Правдѣ и въ другихъ древнѣйшихъ памятникахъ славянорусской письменности [3]).

---

[1]) „Посла Олегъ мужи свои построити мира и положити ряды межи Греки и Русью". См. „Пособіе" для практ. занятій студентовъ, стр. 22. Князья Святополкъ и Владиміръ „посласта ко Ольгови глаголюща сица: „поиди къ Кіеву, ать рядъ учинимъ о руськой земли". Лѣт. по Ипат. сп.; стр. 160. Древнѣйшія изъ сохранившихся договоровъ называются „рядными", а въ нихъ говорится, напримѣръ, такъ: „се порядися Тѣшата съ Якимомъ"... Христоматія В.-Буданова; I, стр. 119. Значеніе договора слово рядъ до сихъ поръ сохранило въ производныхъ отъ него словахъ и выраженіяхъ: порядиться, ustanowić rządy и пр.

[2]) „Якоже имъ установлено есть, ношаху сли печати золотые, а гостье сребреные; ныне-же заповѣдалъ есть князь нашъ посылати грамоты ко царству вашему съ тѣми, иже посылаемы бываютъ". „Пособіе", стр. 28. Слово заповѣдь въ древнерусскомъ языкѣ означало не только правило божественнаго происхожденія, какъ въ наше время, но и уставы-законы органовъ государственной власти. Напримѣръ, въ древнемъ переводѣ Номоканона говорится: „отъ Свитка (Codex) новыхъ заповѣдей благочестиваго Іустиніана царя"...; „отъ различныхъ граней Іустиніана царя новыхъ заповѣдей (Novellae) главы избраны"... и т. д. См. Печат. Кормчую Книгу; ч. II, гл. 42. Воръ, продавшій украденное, наказывался „по уставу и по закону русскому"; за раба уплачивалось „якоже уставлено есть преже, двѣ паволоцѣ за челядинъ". „Пособіе", стр. 28, 29.

[3]) Въ польскомъ языкѣ слово ustawa и нынѣ значитъ законъ; ustawnic=законодатель; ustawić=узаконить; ustawy na siemie czynione=узаконенія государственнаго сейма; każde państwo ma pewne i nieodmienne rządu swojego ustawy=всякое государство имѣетъ коренные законы своего правительства; и т. д. Князь Олегъ „устави дани Словѣнамъ, Кривичамъ и Мери". „Пособіе", стр. 18. Князь Владиміръ часто совѣщался съ епископами, „како въ людяхъ сихъ, новопознавшихъ Бога, законъ уставити". Приб. къ Твор. Св. Отцевъ; II, 277. Законы князей

Слова *законъ и поконъ* въ эпоху славянорусскаго язычества *означали право божескаго происхожденія*, религіозныя правила общежитія, догмы народной вѣры, исходившія изъ воли племенныхъ боговъ и обожаемыхъ потомками предковъ [1]).

Со времени рецепціи христіанства понятіе закона переносится на догмы христіанской религіи, а догмы языческой религіи именуются христіанами человѣческимъ творчествомъ, обычаями. Эта перемѣна въ значеніи слова законъ выражается въ Несторовомъ разсказѣ о законахъ и обычаяхъ языческихъ народовъ [2]), имѣвшемъ своею цѣлью сопоставленіемъ разнообразныхъ языческихъ законовъ и обычаевъ съ христіанскими показать, что законъ въ мірѣ только одинъ, данный Христомъ, единымъ истиннымъ Богомъ, а законы языческихъ народовъ не законы, данные Богомъ, а человѣческое творчество, *разные* обычаи предковъ. Въ обширномъ смыслѣ, слѣдуя терминологіи язычниковъ, *Несторъ называетъ закономъ всякую религію*, всякую религіозную систему права, какъ христіанскую, такъ и языческую [3]). *Но такое словоупотребленіе кажется лѣтописцу непра-*

Владиміра и Ярослава по церковнымъ дѣламъ называются въ источникахъ уставами. Законъ, данный Ярославомъ Новгородцамъ, называется въ лѣтописи уставомъ. П. С. Р. Л.; XV, 141. Законы дѣтей Ярослава, вошедшіе въ составъ сборника Рус. Правды, именуются уставомъ: „Правда уставлена русской земли, егда ся совокупилъ Изяславъ, Всеволодъ, Святославъ“. Законъ о процентахъ Владиміра Мономаха также именуется уставомъ: „а се уставилъ великій князь... по Святополцѣ созва дружину свою на Берестовѣмъ... и уставили и до третнаго рѣзу“. „Пособіе“, стр. 70, 77,

[1]) Князь Олегъ и мужи его „по русскому закону кляшася оружьемъ своимъ, „Перуномъ, Богомъ своимъ и Волосомъ, скотьимъ богомъ“. Послы Игоря завѣряли греческаго императора, что составленный ими договоръ не будетъ нарушенъ ни ими, ни кѣмъ бы то ни было изъ русскихъ людей, такъ какъ онъ былъ основанъ на русскомъ законѣ и поконѣ, а потому былъ равенъ праву-закону, исходившему изъ воли русскаго Бога: „мы же кляхомся ко царю вашему, иже отъ Бога суще, яко Божіе зданіе по закону и по покону языка нашего, не переступати ни намъ, ни иному отъ страны нашея отъ уставленныхъ главъ мира и любве“. Отсюда, правило основанное на русской религіозной системѣ права и принятое Греками, называется въ договорахъ правиломъ русскаго закона: „аще ударить мечемъ... да вдасть литръ пять сребра по закону русскому“. Тамъ же, стр. 21, 23, 30.

[2]) Тамъ же, стр. 14, 15.

[3]) Славянорусскія племена, говоритъ онъ, „имяху обычаи свои и законъ отець своихъ... Половци законъ держатъ отецъ своихъ: кровь

вильнымъ и онъ возстаетъ противъ него съ христіанской точки зрѣнія: *по его мнѣнію, Богъ одинъ въ мірѣ, а потому и законъ можетъ быть только одинъ.* Съ этой точки зрѣнія, разнообразіе языческихъ законовъ по племенамъ и народамъ само собою доказываетъ Нестору, что они не божескаго происхожденія, а человѣческаго, не истинная религія, данная Богомъ, а человѣческое творчество, не законъ, а обычай, созданный людьми и наслѣдованный потомками отъ предковъ [1]).

Съ точки зрѣнія своего понятія о законѣ въ тѣсномъ смыслѣ, какъ христіанской религіи, *лѣтописецъ критикуетъ законы языческихъ народовъ,* и что находитъ въ нихъ согласнымъ съ христіанскимъ закономъ, то хвалитъ, а несогласное съ нимъ порицаетъ: единоженство, запрещеніе родственныхъ браковъ, запрещеніе блудодѣянія и употребленія мяса и вина Несторъ признаетъ «благочестивымъ» показаніемъ прародителей языческихъ народовъ; а многоженство, родственные браки, языческія празднества вакханаліи и сожженіе мертвыхъ именуется «животнымъ безбрачіемъ, звѣринскимъ образомъ жизни, питаніемъ всякою нечистотою, беззаконными обычаями предковъ».

Понятіе Нестора о законѣ не народное понятіе. Русскія племена имѣли свои понятія о законѣ, его происхожденіи и нравственномъ значеніи. Лѣтописецъ неоднократно повторяетъ, что язычники обычаи своихъ отцевъ признаютъ закономъ, то есть, *въ глазахъ язычниковъ ихъ право, наслѣдованное отъ предковъ, было такимъ же закономъ божескаго происхожденія, какими въ глазахъ христіанина были догмы христіанской религіи.* По понятіямъ Руссовъ языческой эпохи, какъ и по понятіямъ христіанъ, обычаи творили люди, а законъ исходилъ изъ воли Бога, но не христіанскаго, а языческаго. Отсюда выраженія договоровъ кіевскихъ князей съ византійскими императорами: «по закону и по покону русскому», «по закону и по уставу русскому» означали: по вѣрѣ русской и по рус-

---

проливати, а хвалящеся о сихъ, ядуще мертвечину и всю нечистоту, хомѣки и сусолы"...

[1]) Язычники, говоритъ Несторъ, „имяху *обычаи свои и законъ отецъ своихъ и преданья, кождо* свой нравъ. Поляне бо своихъ отецъ обычай имуть кротокъ и тихъ... А Древляне живяху звѣринскимъ образомъ... Кривичи и прочіи поганіи, *не вѣдуще закона Божьяго, но творяще сами собѣ законъ...* Сиріи *законъ* имуть отецъ своихъ *обычаи...* Половци *законъ* держать *отецъ своихъ... и ины обычаи отецъ своихъ* творять. *Мы же христіане,* елико земль, иже вѣрують въ Св. Тройцю, въ едино крещенье, въ едину вѣру, *законъ имамы единъ,* елико во Христа крестихомся и во Христа облокохомся".

скому обычаю, по русской религіи и по уставу русской государственной власти.

Въ народномъ языкѣ славянскихъ племенъ слово *поконъ и теперь означаетъ обычаи, а со словомъ законъ народъ связываетъ представленіе о вѣрѣ*, религіи, данной Богомъ, а не созданной человѣкомъ. Въ польскомъ языкѣ слово zakon и теперь означаетъ только вѣру, религію, систему религіозныхъ догмъ,—то понятіе, какое соотвѣтствовало этому слову въ славянорусскомъ языкѣ языческой эпохи. Понятіе о законѣ, какъ правилахъ общественной жизни, исходящихъ изъ воли органовъ государственной власти, сложилось только въ Московскомъ царствѣ.

Слѣдовательно, общеславянская древняя терминологія указываетъ *четыре источника правилъ общежитія*, составлявшихъ систему Русскаго права языческой эпохи: *взаимную волю людей*, выражавшуюся въ договорѣ; *волю органовъ государственной власти*, выражавшуюся въ уставѣ; *волю боговъ*, выражавшуюся въ законѣ или догмахъ національной религіи; *волю предковъ*, выражавшуюся въ поконѣ—обычаѣ,—правилахъ жизни, наслѣдованныхъ потомками отъ предковъ. Эти творческія силы являются производителями права не только русскихъ Славянъ языческой эпохи, но и всѣхъ другихъ древнихъ народовъ.

Взаимная воля людей, выражаемая рядомъ—договоромъ, какъ творческая сила права, *дѣйствуетъ въ человѣческихъ обществахъ на всѣхъ ступеняхъ цивилизаціи*. Мацѣйевскій говоритъ, что въ тѣхъ случаяхъ, когда въ правовомъ быту древнихъ Поляковъ возникало новое отношеніе, не находившее себѣ опредѣленія въ системѣ дѣйствующаго права, то польскіе земскіе люди (ziemianie), собравшись и посовѣтовавшись, устанавливали для себя правила взаимныхъ отношеній и давали другъ другу обязательство не нарушать ихъ [1]). Этотъ способъ опредѣленія новыхъ отношеній не составляетъ особенности юридической жизни древнихъ Поляковъ. Дѣйствующая система права всякаго происхожденія и на всѣхъ ступеняхъ цивилизаціи не можетъ предусмотрѣть и опредѣлить всѣ юридическія отношенія между людьми, вызываемыя условіями времени и мѣста, и пробѣлы въ дѣйствующихъ системахъ права пополняются договорными соглашеніями гражданъ. Законодательныя постановленія древнихъ вѣчевыхъ собраній имѣли характеръ договорныхъ правилъ, принятыхъ по взаимному соглашенію членовъ общества, а потому называются въ источникахъ «докончальными» или договорными грамотами [2]).

---

[1]) Hist. Praw. Slaw. I, 216.

[2]) Напримѣръ, въ Договорной Грамотѣ Новгорода съ в. к. Іоанномъ Васильевичемъ о Новгородской Судной грамотѣ, *составленной на вѣчѣ*

Несомнѣнно о такихъ же вѣчевыхъ рѣшеніяхъ—законахъ договорнаго характера говоритъ лѣтопись въ извѣстіи о вѣчахъ, существовавшихъ съ глубокой давности во всѣхъ городахъ—волостяхъ русской земли [1]). Правовая жизнь русской поземельной общины, по отношенію къ ея хозяйству, съ глубокой древности и по настоящее время опредѣлялась и опредѣляется договорными соглашеніями, принятыми въ собраніяхъ лицъ, составляющихъ общины, ихъ взаимною волею.

Но только у дикихъ народовъ коммунальнаго быта низшихъ степеней общежитія, подобныхъ Камчадаламъ эпохи открытія Камчатки, живущихъ въ полной политической разрозненности, гдѣ каждое поселеніе, каждая община представляетъ собою автократическое общество, самостоятельное государство, дѣятельность народнаго вѣча достаточна для охраны установленнаго порядка общежитія, и этотъ порядокъ не нуждается въ постоянно дѣйствующихъ единоличныхъ органахъ государственной власти [2]). *У народовъ же, живущихъ союзами родовъ и союзами городовъ — общинъ, всегда и вездѣ, рядомъ съ народными собраніями — вѣчами, существуютъ единоличные органы власти*, называемые въ источникахъ старѣйшинами, старшинами, князьями, царями и пр. Задача власти такихъ органовъ, получаемой посредствомъ народнаго избранія, наслѣдованія, завоеванія, состоитъ въ охранѣ установленнаго порядка общежитія, отправленіи общественнаго правосудія, организаціи военныхъ силъ и изданіи уставовъ — распоряженій въ границахъ дѣйствовавшей системы національнаго права. Изданіе новыхъ законовъ, несогласныхъ съ дѣйствовавшей системой національнаго права, оставалось за предѣлами функцій единоличныхъ органовъ власти древнихъ народовъ. Всякое правовое нововведеніе требовало согласія народной воли, выражавшейся въ вѣчевомъ рѣшеніи, или санкціи національныхъ боговъ, получаемой посредствомъ признанныхъ народомъ способовъ гаданій и прорицаній. Не только уставы древнихъ князей и царей, но и частная жизнь ихъ должна была строго согласоваться съ дѣйствовавшею системою національнаго

говорится слѣдующее: «а что грамота докончальная въ Новгородѣ прометъ себя о судѣ"... А. А. Э. I, N. 91. Въ самой вѣчевой грамотѣ говорится: „се покончаша... на вѣчѣ на Ярославлѣ Дворѣ". Докончаніе=договоръ.

[1]) „Новгородцы бо изначала, и Смольняне, и Кіяне, и Полочане, и вся власти, якоже на думу, на вѣча сходятся, на что же старѣйшіи сдумаютъ, на томъ и пригороды станутъ". П. С. Р. Л.; I, 160.

[2]) См. Варш. Унив. Изв.; 1886 г. N. 8. „Общества сидячихъ народовъ"; стр. 9, 10.

права; а ея нарушитель, кто бы онъ ни былъ, почитался въ древности недостойнымъ своего отечества, лишеннымъ покровительства національныхъ боговъ и повиннымъ смерти [1]).

Власть вѣча и власть князя (пана, царя) *принадлежатъ къ институтамъ праславянскимъ*, вынесеннымъ новѣйшими славянскими народами, а между ними и Славяноруссами, изъ дунайской прародины. Праславянскій терминъ уставъ, встрѣчаемый въ древнѣйшихъ памятникахъ русскаго права, несомнѣнно доказываетъ, что право законодательной дѣятельности единоличныхъ органовъ власти въ племенныхъ княженіяхъ Руссовъ было наслѣдовано отъ государственнаго устройства Праславянъ. Но *законодательная дѣятельность русскихъ князей* языческой эпохи, какъ у Скиѳовъ и у другихъ древнихъ народовъ, *могла вращаться только въ границахъ дѣйствовавшей системы національнаго права*, наслѣдованной отъ предковъ. Всякое правовое нововведеніе, задуманное княземъ или царемъ, требовало санкціи народной воли, а всякая перемѣна въ дѣйствовавшей системѣ національнаго права требовала санкціи національныхъ боговъ.

Основанія системъ права всѣхъ древнихъ народовъ, по народнымъ вѣрованіямъ, коренились въ волѣ національныхъ боговъ, выражавшейся въ прорицаніяхъ оракуловъ, въ результатахъ гаданій и въ непосредственной передачѣ богами своей воли людямъ чрезъ пророковъ. Народная масса вѣрила въ дѣйствительность сношеній своихъ жрецовъ и пророковъ съ божествами, хранила къ нимъ безграничное уваженіе и часто передавала имъ абсолютную власть надъ собою, какъ лицамъ, имѣвшимъ способность знать волю боговъ и сообщать ее людямъ. Царямъ, опиравшимся въ своемъ правленіи подвластными народами на волю боговъ, люди повиновались безусловно; такіе правители имѣли возможность толковать и измѣнять системы права под-

---

[1]) „*Подобно другимъ народамъ*, говоритъ Геродотъ, Скиѳы ревниво избѣгаютъ заимствованія чужеземныхъ учрежденій... Царствуя надъ Скиѳами, Скила былъ недоволенъ скиѳскимъ образомъ жизни, потому что, вслѣдствіе своего воспитанія, питалъ гораздо большую склонность къ еллинскимъ нравамъ... Однажды скиѳскіе старшины увидѣли Скила отправляющимъ вакхическое празднество въ городѣ Борисфенитовъ. Когда послѣ этого Скила возвратился на родину, то увидѣлъ, что Скиѳы поставили надъ собою царемъ брата его, Октамасаду, и взбунтовались противъ Скилы... Октамасада велѣлъ отрубить голову Скилѣ. Столь ревниво оберегаютъ Скиѳы свои учрежденія“. Исторія Геродота; кн. IV, гл. 76—80. Переводъ Ѳ. Г. Мищенка; стр. 330—334. Царь и мудрецъ скиѳскій Анахарсисъ былъ также убитъ своимъ царемъ Савліемъ за нарушеніе обычаевъ своей родины. Тамъ же.

властныхъ народовъ по своему усмотрѣнію; они почитались равными богамъ и ихъ распоряженіямъ повиновались, какъ заповѣдямъ боговъ. Древніе Греки вѣрили, что законодатель Миносъ чрезъ каждыя девять лѣтъ входилъ въ пещеру Зевса и непосредственно отъ верховнаго бога получалъ законы, которые передавалъ людямъ; такую же способность непосредственныхъ сношеній съ богами, по вѣрованіямъ Грековъ, имѣлъ законодатель Ликургъ; такое же значеніе имѣли и многіе другіе цари, жрецы и пророки, учившіе древніе народы новому праву, какъ заповѣдямъ боговъ: Моисей у Евреевъ, Моде у Монголовъ, Аханкаръ у Босфорцевъ, гимнософисты у Индійцевъ, маги у Персовъ, гороскопы у Этрусковъ, Магометъ у Арабовъ и т. д.

Въ дунайской славянской прародинѣ система права Гетовъ развивалась при посредствѣ воли боговъ: «Какой-то Гетъ, по имени Замолксій, говоритъ Страбонъ, служилъ рабомъ у Пифагора и почерпнулъ отъ философа нѣкоторыя свѣдѣнія изъ астрономіи, пополненныя въ Египтѣ, куда онъ попалъ послѣ долгихъ блужданій. Воротившись въ отечество, Замолксій пользовался большимъ почетомъ у вельможъ и всѣхъ своихъ соотечественниковъ, такъ какъ могъ предсказывать по звѣздамъ, и въ концѣ концовъ достигъ того, что убѣдилъ царя взять его въ соучастники правленія, какъ могущаго возвѣщать волю боговъ. Сначала онъ былъ назначенъ только жрецомъ наиболѣе почитаемаго у нихъ бога; но потомъ самъ былъ принятъ за бога и, удалившись въ недоступную для другихъ мѣстность, проводилъ тамъ въ пещерѣ подвижническую жизнь, рѣдко сообщаясь съ людьми, исключая царя и его слугъ. Царь совѣщался съ нимъ, видя, что народъ повинуется ему теперь гораздо охотнѣе, чѣмъ прежде, какъ человѣку, который составляетъ свои распоряженія по совѣту самихъ боговъ. Этотъ обычай длится до нашего времени, такъ какъ и теперь у Гетовъ всегда есть какой-нибудь совѣтникъ царя, считающійся богомъ. Въ царствованіе Беребисты, на котораго Божественный Кесарь готовился идти войною, исполнялъ обязанности такого бога извѣстный Декеней [1])... Гетъ Беребиста, получивъ царскую власть надъ народомъ, поправилъ его состояніе, много потерпѣвшее отъ частыхъ войнъ. Трудомъ, воздержаніемъ отъ пьянства и повиновеніемъ законамъ страна настолько возвысилась, что въ нѣсколько лѣтъ здѣсь образовалось сильное царство: большая часть сосѣдей признали власть Гетовъ. Даже для Римлянъ Беребиста дѣлался страшнымъ... Чтобы заставить народъ повиноваться, Беребиста прибѣгнулъ къ помощи вѣщуна Декенея,

---

[1]) Страбонъ: Географія; кн. VII; гл. III, пар. 5.

который во время путешествія по Египту научился давать нѣкоторыя прорицанія, выдаваемыя имъ за отвѣты боговъ» [1]).

Изъ дунайской прародины институтъ вѣщуновъ или волхвовъ, религіозныхъ прорицателей былъ перенесенъ нашими предками въ ихъ новую родину, въ центральныя области Европы. Въ Новгородской Степенной книгѣ говорится, что древнѣйшій городъ Ильменскихъ Славянъ былъ основанъ (подобно древнему Риму) «по волхвованію» [2]). По свидѣтельству Исторіи Іоакима князь Гостомыслъ, не имѣвшій сыновей, опираясь на вѣщуновъ и волю боговъ, устранилъ внука отъ старшей дочери въ наслѣдованіи Новгородскаго престола, такъ какъ онъ «не гожъ бѣ», и замѣнилъ его внукомъ отъ младшей дочери— Рюрикомъ [3]).

Сколько бы ни было исторической правды въ приведенныхъ разсказахъ Страбона и русскаго лѣтописца, во всякомъ случаѣ, они вѣрно изображаютъ древній порядокъ изданія княжескихъ распоряженій, основанныхъ на волѣ боговъ.

---

[1]) Тамъ же; пар. 11. О законодательной дѣятельности гето-скиѳскихъ царей, опиравшейся на волю боговъ; см. еще въ Исторіи Гетовъ Іорнанда; гл. XI.

[2]) „Князь Славенъ, отдѣлившись съ родомъ (народомъ) своимъ отъ своей братьи, хождаху по странамъ вселенныя 14 лѣтъ, даже пришедъ ко озеру Ильмерь, и по волхвованію поставиша градъ на рѣкѣ Волховѣ, его же по имени князя своего Славенскъ именовали, и съ того времени Скиѳы стали именоваться Славяне“. См. Исторію Татищева; кн. I, ч. II, стр. 426.

[3]) „Гостомыслъ имѣлъ четыре сына и три дщери; сынове его ово въ войнахъ избіени, ово въ дому измроша, и не остася ни единому имъ сына; а дщери выданы быша сусѣднимъ княземъ въ жены; и бысть Гостомыслу и людемъ его о семъ печаль тяжка. И иде Гостомыслъ въ Холмогардъ (нынѣ Бронницы, въ Новгородскомъ уѣздѣ), вопросити боги о наслѣдіи, и восшедъ на высокая, принесе жертвы многи, и вѣщуны угобзи. Вѣщуны же отвѣщаша ему, яко боги обѣщаютъ дати ему наслѣдіе отъ ложескъ его... Единою спящу ему о полудни, видѣ сонъ, яко изъ чрева среднія дщеры его Умилы произрасте древо велико. Воставъ же отъ сна, призва вѣщуны, да изложатъ ему сонъ сей; они же рѣша: отъ сыновъ ея имать наслѣдити ему землю... и вси радовахуся о семъ, еже не имать наслѣдити сынъ большія дщери, зане не гожъ бѣ. Гостомыслъ же, видя конецъ живота своего, созва вся старѣйшины земли отъ Славянъ, Руси, Чуди, Веси, Мери, Кривичъ и Дряговичъ, яви имъ сновидѣніе. И посла избраннѣйшіе въ Варяги просити князя; и пріидоша по смерти Гостомысла Рюрикъ со двумя браты и роды ею“. См. „Пособіе“, стр. 5.

Система правилъ общежитія, основанныхъ на волѣ боговъ, признанной народомъ, составляла законъ—вѣру—религію народа, систему его религіозныхъ догмъ. Этотъ законъ, какъ воля національныхъ боговъ, былъ строго обязателенъ; никто не имѣлъ права измѣнять религіозную систему права, ни князья, ни вѣча, такъ какъ измѣненіе религіознаго закона означало бы измѣну національной религіи, измѣну богамъ всего отечества. Волю боговъ могла измѣнить только воля боговъ или перемѣна религіи.

Въ тѣсной связи съ закономъ, какъ источникомъ права древнихъ народовъ, состоялъ *поконъ—обычай, означавшій правила практики жизни предковъ, сознанныя потомками.* Сознаніе, что такъ было «изъ поконъ вѣку», такъ жили отцы и дѣды, и теперь опредѣляетъ множество общественныхъ отношеній массы русскаго народа, не знающей дѣйствующей системы законодательства. Въ обычной своей жизни крестьянинъ не входитъ въ критику правилъ жизни своихъ предковъ, не задается вопросомъ, почему отцы и дѣды дѣйствовали такъ при извѣстныхъ обстоятельствахъ, а не иначе; онъ довольствуется сознаніемъ правилъ жизни своихъ предковъ и признаетъ своею обязанностью сообразоваться съ ними. Источникъ обязательности правилъ жизни предковъ для потомковъ коренится въ глубокомъ почитаніи древними народами своихъ предковъ, восходившемъ въ языческую эпоху до ихъ обожанія. Отсюда, *правила жизни предковъ, сознанныя потомками, имѣли для нихъ значеніе правилъ, истекавшихъ изъ воли боговъ,* имѣли значеніе права божескаго происхожденія, а не человѣческаго. Практика жизни предковъ представлялась потомкамъ праведною жизнью боговъ, а уклоненіе отъ такой жизни почиталось неправеднымъ, еретическою измѣною правиламъ жизни, завѣщаннымъ обожаемыми отцами и дѣдами, вызывавшею ихъ замогильный гнѣвъ.

Система правилъ общежитія всѣхъ источниковъ называлась въ языческую эпоху правдою и правомъ. Право всѣхъ источниковъ, по народнымъ вѣрованіямъ, было основано на правдѣ и справедливости. Такой смыслъ слова правда и право имѣютъ, напримѣръ, въ лѣтописномъ сказаніи о цѣли призванія Рюрика: «почаша сами въ собѣ володѣти; и не бѣ въ нихъ правды: вста родъ на родъ, быша въ нихъ усобицѣ, воевати почаша сами на ся. Рѣша сами въ себѣ: поищемъ собѣ князя, иже бы володѣлъ нами и судилъ по праву» [1]), то-есть, по правдѣ и справедливости, на основаніи системы національнаго права всѣхъ источниковъ.

Правила общежитія всѣхъ источниковъ, составлявшія систему славянорусскаго права языческой эпохи, хранились народнымъ пре-

---

[1]) „Пособіе“, стр. 16, 17.

даніемъ. *Въ народномъ преданіи право всѣхъ источниковъ смѣшивается въ одномъ источникѣ закона—покона, наслѣдованнаго потомками отъ предковъ.* У народовъ, владѣющихъ письменными системами права, право человѣческаго происхожденія легко отдѣляется отъ права божескаго происхожденія; но у древнихъ языческихъ народовъ, не знавшихъ письменности, *договоръ*, *уставъ*, *законъ и поконъ*, вошедши въ практику юридической жизни, съ теченіемъ времени *сливаются въ общемъ понятіи закона—вѣры—религіи народа* и одинаково представляются потомкамъ священнымъ завѣтомъ предковъ; что вначалѣ было договоромъ и уставомъ, то съ теченіемъ времени становилось закономъ и покономъ, пріобрѣтало силу религіозныхъ правилъ, человѣческое право превращалось въ божеское.

Будучи народною религіей, *языческая система русскаго права*, подобно религіознымъ системамъ всѣхъ древнихъ народовъ, *была столько же обязательна и консервативна, какъ система религіозныхъ догмъ*: ее могли измѣнить только воля національныхъ боговъ или перемѣна религіи. Понятно отсюда, что содержаніе договоровъ кіевскихъ князей съ византійскими императорами могло заключать въ себѣ только право, основанное на религіи, представляло собою не новое право человѣческаго происхожденія, а «божіе зданіе по закону и по покону русскому». Основы религіозныхъ системъ права древнихъ народовъ, какъ догмы ихъ религій, оставались неизмѣнными въ теченіе столѣтій и тысячелѣтій, пока оставались неизмѣнными ихъ національные боги и связанные съ ними «законы, обычаи и преданья».

III. Экономическія учрежденія.

ГЛАВА VIII.

Осѣдлость, устройство частныхъ и общественныхъ жилищъ, промыслы и имущественное богатство русскихъ Славянъ эпохи племенныхъ княженій.

Государственные и гражданскіе институты каждаго народа стоятъ въ тѣсной связи съ его экономическимъ бытомъ,—его имущественнымъ богатствомъ—матеріальными средствами существованія. Въ обширномъ смыслѣ народное имущественное богатство составляютъ естественные и искусственные предметы страны, принадлежащей данному народу, вся вещественная обстановка его жизни; въ тѣсномъ смыслѣ *народное богатство составляетъ культурная обстановка жизни народа*, то-есть предметы, извлеченные трудомъ человѣка изъ природы и приспособленные къ удовлетворенію его потребностей. Страна можетъ быть очень богата естественными произведеніями, а культурная обстановка экономической жизни народа, занимающаго такую страну, можетъ представлять собою картину бѣдности, простоты и дикости. Народное богатство въ тѣсномъ смыслѣ выражаетъ *степень культуры* народа и *опредѣляетъ институты и отношенія политико-юридической жизни*; чѣмъ проще и бѣднѣе культурная экономическая обстановка быта даннаго народа, тѣмъ ниже стоитъ онъ на ступеняхъ развитія цивилизаціи, тѣмъ проще и бѣднѣе институты и отношенія его государственной и гражданской жизни [1]). Къ главнѣйшимъ предметамъ искусства, составляющимъ экономическую обстановку жизни народовъ и выражающимъ степень ихъ культурнаго состоянія, принадлежатъ: частныя и общественныя жилища, пища и одежда, способы и средства

---

[1]) По вѣрному замѣчанію историка Робертсона, основанному на изученіи фактовъ сравнительной этнологіи: „Dans toutes les recherches concernant l'état de l'homme rassemblé en société, les moyens de subsistance sont le premier objet qui doit fixer l'attention. Comme ces moyens varient, les lois et la police doivent varier également". (Histoire de l'Amérique. Paris 1852. I, p. 278, 279).

добыванія пищи и одежды, орудія самозащиты и нападенія на враговъ и средства передвиженія.

По договорамъ съ Греками *Руссы жили въ домахъ и городахъ* [1]); а слова домъ и городъ — праславянскія, и вмѣстѣ съ праславянскими же словами: дворъ, стѣна, крыша, стрѣха, труба, дверь, окно, указываютъ, что уже въ дунайской прародинѣ наши предки были осѣдлымъ народомъ. Соотвѣтственно тому рядъ историческихъ извѣстій показываетъ, что древнѣйшіе русскіе *дома и города были жилищами неподвижными,—жилищами осѣдлыхъ народовъ.*

Дома были частными жилищами семействъ, составлявшихъ городскія общины; а объ устройствѣ ихъ въ источникахъ встрѣчаемъ два ряда извѣстій. По первому ряду извѣстій предки наши жили въ деревянныхъ домахъ, по ихъ устройству, очень сходныхъ съ избами русскаго народа позднѣйшихъ историческихъ эпохъ и настоящаго времени, представлявшихъ собою *деревянные срубы, крытые тесомъ, съ окнами и дверями, обращенными наружу и во внутрь двора* [2]). По второму

---

[1]) См. „Пособіе", стр. 21, 29.

[2]) На Траяновой колоннѣ сохранились изображенія домовъ дакійскихъ племенъ, завоеванныхъ Траяномъ; эти дома были сложены срубомъ, на сваяхъ или столбахъ, съ окнами и входомъ наружу и со двора; крыты тесомъ. Группа такихъ домовъ или избъ, обведенная рвомъ, валомъ и деревянною оградою, съ перекинутымъ черезъ ровъ подземнымъ мостомъ, составляла общественное поселеніе—городъ. За городской оградой видны высоко поднятыя на кольяхъ человѣческія головы (это древній скиѳскій обычай, о которомъ Геродотъ говоритъ: „съ непріятелями, попавшими въ плѣнъ, они обращаются слѣдующимъ образомъ: каждый отрѣзываетъ непріятелю голову и уноситъ ее съ собой, потомъ натыкаетъ на длинный шестъ очень высоко надъ домомъ, большею частью даже надъ дымовой трубой; по словамъ Тавровъ, это—стражи, поднимающіеся въ воздухѣ надъ цѣлымъ домомъ". Исторія; кн. IV, пар. 103). Съ перваго же взгляда, говоритъ историкъ П. Полевой, на изображеніе дакійскаго селенія или городка, каждому должно броситься въ глаза замѣчательное сходство дакійскаго жилья съ сѣверною славянскою избою. См. П. Полевого: Очерки русской исторіи въ памятникахъ быта; I; с. 114. Изд. 1870 г. Здѣсь же помѣщено изображеніе дакійскаго поселенія, взятое изъ превосходнаго изданія Ротшильда: „La colonne Trojane reproduite en phototypographie". Paris 1872 г. По сказанію Приска Панійскаго, Скиѳы Дакіи времени господства Аттилы жили въ огражденныхъ поселеніяхъ; „внутри оградъ помѣщалось много домовъ, одни изъ которыхъ были сложены изъ до—

ряду извѣстій древніе Славяне жили въ дрянныхъ хижинахъ и шалашахъ, разбросанныхъ, сплетенныхъ изъ хвороста и едва защищавшихъ отъ дождя и непогоды. Сюда принадлежатъ извѣстія Прокопія и Гельмольда [1]). Извѣстія перваго рода относятся къ городскимъ домамъ, представлявшимъ собою постоянныя жилища, въ которыхъ народъ скрывался отъ враговъ и проводилъ зимніе мѣсяцы. Извѣстія второго рода относятся къ временнымъ жилищамъ, построеннымъ внѣ городскихъ стѣнъ, на участкахъ земли, подлежавшихъ обработкѣ семействъ, составлявшихъ городскія общины. Въ нихъ народонаселеніе проводило лѣтнее, рабочее время. «Славяне, говоритъ Гельмольдъ, не заботятся о постройкѣ своихъ жилищъ, а обыкновенно сплетаютъ себѣ хижины изъ хвороста, лишь бы укрыться отъ дождя и непогоды. Едва раздается кликъ военной тревоги, они прячутъ хлѣбъ въ яму, вмѣстѣ съ золотомъ, серебромъ и всѣми находящимися при нихъ вещами, а женъ и дѣтей уводятъ въ надежныя убѣжища, въ укрѣпленія, а то въ лѣса, и не остается на расхищеніе непріятеля ничего, кромѣ однѣхъ хижинъ, о которыхъ они не жалѣютъ нимало» [2]). Къ такимъ же загороднымъ, временнымъ жилищамъ относится и слѣдующее извѣстіе Прокопія: Славяне и Анты «живутъ въ дрянныхъ, разбросанныхъ шалашахъ (διεσκηνημένοι τὴν χώραν οἰκοῦσι)". Свидѣтельства этого рода относятся къ лѣтнимъ будкамъ, баракамъ, подобнымъ тѣмъ, какіе и теперь строятъ себѣ русскіе земледѣльцы, выѣзжающіе на продолжительное время для лѣтнихъ работъ на поляхъ, лугахъ и въ лѣсахъ.

Группа деревянныхъ домовъ или избъ, обведенная рвомъ, валомъ и деревянною оградою, съ перекинутымъ черезъ ровъ мостомъ, *со-*

сокъ, съ рѣзною работою, а другіе изъ тесаныхъ бревенъ, положенныхъ на брусья, поднимавшіеся до нѣкоторой высоты". Сказанія Приска Панійскаго. Переводъ Г. Дестуниса; 1869 г., стр. 46—59. Точно такія же избы и теперь можно встрѣтить повсемѣстно въ лѣсистыхъ областяхъ славянскихъ земель, а особенно въ селахъ, деревняхъ и хуторахъ Великороссіи. Ср. „Пособіе", стр. 33 (дворы въ городѣ Искорости).

[1]) См. Прокопія: De bello Gothico; lib. III, 14, Гельмольда: Chron. slav. lib. II, 13.

[2]) „Sed nec in costruendis aedificiis operosi sunt, quin potius casas de virgultis contexunt, necessitati tantum consulentes adversus tempestates et pluvias. Quotiens bellicus tumultus insonuerit, omnem annonam paleis excussam, aurum atque argentum et praeciosa quaeque fossis abdunt, uxores et parvulos munitionibus vel certe sylvis contutant. Nec quicquam hostili patet direptioni, misi tuguria tantum, quorum amassionem tacillimam indicant". Тамъ же.

ставляла общественное поселеніе, — городъ. Города искони служили средствомъ военной защиты [1]). Въ эпоху племенныхъ княженій и удѣльныхъ государствъ построеніе города выражалось словами: поставить городъ, створить городъ, сдѣлать городъ и срубить городъ [2]). Обстоятельныя извѣстія объ устройствѣ славянорусскихъ городовъ—крѣпостей въ X столѣтіи принадлежатъ Ал-Бекри и русской лѣтописи. По свидѣтельству Ал-Бекри: «Славяне, обозначивъ *круглое или четыреугольное мѣсто*, смотря по формѣ и величинѣ, какія желаютъ дать крѣпости, выкапываютъ *вокругъ этого мѣста ровъ, а выкопанную землю сваливаютъ въ валъ, укрѣпляя его досками и сваями, пока стѣна не дойдетъ до желаемой высоты; тогда назначаются ворота съ какой-либо стороны и устраивается ведущій къ нимъ деревянный мостъ*» [3]). По русской лѣтописи X столѣтія, во время войны малолѣтняго князя Святослава и княгини Ольги съ Древлянами, послѣдніе встрѣтили кіевскія войска въ открытомъ полѣ; но, потерпѣвъ здѣсь пораженіе, «побѣгоша и *затворишася въ градѣхъ своихъ*». Кіевляне подступили къ городу Искоростѣню; осада длилась цѣлый годъ, но безъ успѣха; тогда Ольга предложила осажденнымъ миръ подъ условіемъ легкой дани и потребовала «отъ двора» въ знакъ покорности по три голубя да по 3 воробья. Горожане доставили эту дань въ станъ Ольги. Отпустивъ пословъ, княгиня приказала своимъ воинамъ привязать къ каждой птицѣ трутъ и лоскутъ полотна, а съ наступленіемъ ночи зажечь трутъ и выпустить птицъ; «голуби же и воробьеве полетѣша въ гнѣзда своя, ови въ голубники, врабьеве же подъ стрѣхи; и тако возгарохуся голубьници, ово клѣти, ово вежѣ, ово ли одрины; и не бѣ двора, идѣже не горяше; и не бѣ льзѣ гасити, вси бо дворы

---

[1]) По сказанію Арріана Александръ Македонскій „рѣшился переправиться черезъ Дунай и завладѣть землею Гетовъ; Геты бросились въ городъ, но видя, что непріятель слѣдуетъ за ними, оставили городъ и бѣжали далѣе внутрь страны... Царь вошелъ въ городъ Гетовъ, разрушилъ его и отправилъ добычу въ Македонію". Arrian: Exp. Alex.; I, 2—4. Страбонъ; 141, III, 8. На Траяновой колоннѣ изображены, а Прискомъ Панійскимъ описаны города славянской прародины, по ихъ устройству, совершенно сходные съ городами Руссовъ языческой эпохи. См. выше въ примѣчаніи.

[2]) Князья Кій, Щекъ и Хоривъ „створиша градъ во имя брата своего старѣйшаго, и нарекоша имя ему Кіевъ". Князь Кій „приде къ Дунаеви, возлюби мѣсто и сруби градокъ малъ, хотяше сѣсти съ родомъ (народомъ) своимъ". „Пособіе", стр. 13, 17.

[3]) Хвольсона: Извѣстія Ал-Бекри о Руси и Славянахъ; ч. 1; с. 48. Изд. 1878 г.

возгорѣшася; и побѣгоша людье изъ града; и повелѣ Ольга имати è; тако взя градъ и пожьже ù» [1]). Слѣдовательно, *русскій городъ* языческой эпохи *представлялъ собою*, подобно праславянскимъ городамъ, *деревянную ограду съ башнями (вежи)*, *заключавшую въ себѣ скученную группу дворовъ, клѣтей и одринъ.*

Соотвѣтственно осѣдлому состоянію, искони *главнымъ промысломъ нашихъ предковъ было земледѣліе.* Праславянское земледѣліе выражается въ словахъ общеславянской терминологіи: плугъ, рало, серпъ, снопъ, копа, гумно. По историческимъ свидѣтельствамъ, славянская прародина была обитаема земледѣльцами въ эпоху Геродота и всѣ послѣдующія историческія эпохи [2]). Руссы языческой эпохи представляются источниками преимущественно земледѣльческими народами. Во время осады древлянскаго города Искоростѣня княгиня Ольга «посла ко граду глаголющи: чего хощете досѣдѣти? а вси гради ваши предашася мнѣ, и ялися по дань, и *дѣлаютъ нивы своя и землѣ своя*» [3]). Князь Святославъ «иде на Оку рѣку и на Волгу, и налѣзе Вятичи, и рече Вятичамъ: кому дань даете? Они же рѣша: Козаромъ по щльягу *отъ рала* даемъ» [4]). По тексту договорныхъ

---

[1]) „Пособіе", стр. 33.

[2]) По свидѣтельствамъ Геродота: „Надъ Алазонами живутъ Скиѳы-пахари, сѣющіе хлѣбъ не столько для употребленія его въ пищу, сколько для продажи... Съ переходомъ черезъ Борисѳенъ вступаемъ въ ближайшую отъ моря землю—Гилею; выше ея живутъ Скиѳы-земледѣльцы... Эти Скиѳы-земледѣльцы занимаютъ пространство къ востоку на три дня пути, простираясь до рѣки, называемой Пантикапою, а на сѣверъ вверхъ по теченію Борисфена на одинадцать дней". Исторія; IV, 17, 18. Страбонъ, характеризуя отношеніе номадовъ къ георгамъ въ древней Скиѳіи, говоритъ, что „первые, господствуя надъ послѣдними, предоставляютъ землю ихъ владѣнію и обработкѣ, и за то получаютъ умѣренную плату, а если арендаторы не даютъ имъ условленной платы, то объявляютъ имъ войну". Географія; VII, IV, п. 6. Въ разсказѣ Страбона о царствованіи Беребисты въ Гетикѣ говорится: „доказательствомъ повиновенія Гетовъ своему царю можетъ служить слѣдующее обстоятельство: онъ заставилъ ихъ вырубить виноградъ и жить безъ вина". Тамъ же; гл. III, п. 11. По сказанію Приска Панійскаго: „Скиѳы Дакіи времени Аттилы воздѣлывали просо и ячмень". Сказанія; стр. 36 По свидѣтельству Маврикія, славянская земля изобиловала культурными животными и растеніями, а особенно просомъ и пшеницею. Strategie; XI, V, 275.

[3]) „Пособіе", стр. 33.

[4]) Тамъ же, стр. 35.

условій, предложенныхъ Святославомъ Іоанну Цимисхію, Греки должны были «дозволить привозить къ себѣ *хлѣбъ* и посланныхъ для торговли въ Византію признавать своими друзьями, по прежнему установленію» [1]). Въ могилахъ русскихъ славянъ языческой эпохи открыты серпы и зерна ржи, овса, ячменя и пшеницы.

О скотоводствѣ Руссовъ, какъ спеціальномъ народномъ промыслѣ, въ источникахъ нѣтъ извѣстій; занимая лѣсистыя области, они не могли промышлять скотоводствомъ, какъ спеціальностью, свойственною народамъ пастушескимъ, номаднымъ, занимающимъ открытыя, степныя области; *скотоводство* у Славянъ историческаго времени вообще и у Руссовъ въ частности *было только подспорьемъ, дополненіемъ земледѣльческаго промысла.*

Пчеловодство было стародавнимъ промысломъ нашихъ предковъ. По свидѣтельству Геродота тѣло умершаго царя Скиѳы покрывали *воскомъ* [2]). По свидѣтельству Приска Скиѳы древней Дакіи угощали его туземнымъ напиткомъ—*медомъ* [3]). Князь Святославъ, исчисляя преимущества дунайскаго города Переяславца, говорилъ, что туда сходятся всякія блага изъ разныхъ странъ, а «изъ Руси скора, *воскъ*, *медъ* и челядь» [4]).

О торговлѣ русскихъ Славянъ языческой эпохи сохранилось въ источникахъ множество свидѣтельствъ. Къ главнѣйшимъ изъ нихъ принадлежатъ: множество кладовъ, открываемыхъ въ славянорусской землѣ и состоящихъ изъ монетъ и другихъ предметовъ искусства народовъ восточныхъ, южныхъ и западныхъ [5]); свидѣтельство Ибнъ-Хордадбе (IX вѣка) о торговлѣ русскихъ купцовъ въ Византіи, Хазарской столицѣ, на берегахъ Каспійскаго моря и въ Багдадѣ [6]); свидѣтельство Ибнъ-Фадлана (первой пол. X в.) о торговлѣ Руссовъ въ Булгарѣ [7]); свидѣтельство Нестора о давнихъ водныхъ путяхъ изъ центральныхъ областей славянорусской земли въ моря Каспійское, Черное и Балтійское, а оттуда до Рима и Константинополя [8]); свидѣтельство Константина Багрянороднаго о русскихъ торговыхъ флотахъ, плававшихъ по Днѣпру въ Черное море и Византію [9]). По договорамъ съ Греками, русскіе славяне

---

[1]) Тамъ же, стр. 142.
[2]) Исторія; кн. IV, гл. 68.
[3]) Сказанія Приска Панійскаго; стр. 50.
[4]) „Пособіе“, стр. 37.
[5]) См. выше; стр. 2, 55.
[6]) „Пособіе“, стр. 93.
[7]) Тамъ же, стр. 99.
[8]) Тамъ же, стр. 12.
[9]) Memor. popul.; II, 982.

вели торговыя сношенія съ Византіей въ такихъ размѣрахъ, что Греки сочли нужнымъ отвести русскимъ купцамъ для жительства особое предмѣстье въ окрестностяхъ Константинополя (Св. Мамы) и ограничить одновременный пропускъ русскихъ гостей въ крѣпость Царьграда партіями не болѣе пятидесяти человѣкъ [1]).

Въ связи съ торговымъ промысломъ стоялъ у древнихъ народовъ *промыслъ военный*. Въ древности *война была* не только средствомъ рѣшенія международныхъ тяжбъ, но и *средствомъ наживы, промысломъ*. Каждый народъ смотрѣлъ на сосѣдніе народы, не принадлежавшіе къ одной съ нимъ религіи, къ одному государству, и несостоявшіе съ нимъ въ договорныхъ или данническихъ отношеніяхъ, какъ на своихъ враговъ и какъ на средство собственнаго обогащенія, если чувствовалъ себя достаточно сильнымъ. Отъ того владѣнія сильныхъ народовъ древности были окружены на далекія пространства пустынями. Слабые народы не могли жить въ сосѣдствѣ сильныхъ народовъ, должны были или признать ихъ союзъ и покровительство на извѣстныхъ условіяхъ или, сохраняя свободу, оставить родину, удалиться [2]).

Всякій промыселъ древнихъ народовъ требовалъ соединенія личныхъ силъ. Земледѣліе опиралось на силу городской общины и городского укрѣпленія, а торговля съ иноземными народами могла опереться только на личную силу предпринимателей. Отсюда иноземная торговля производилась въ древности не единичными силами, а общественными, при посредствѣ многолюдныхъ дружинъ, ватагъ, артелей, каравановъ, подъ предводительствомъ выборныхъ начальниковъ, главъ, предводителей, позднѣйшихъ ватамановъ или атамановъ. Такія ватаги имѣли не только торговое, но и военное значеніе; они должны были имѣть силу защищаться, гдѣ нужно, и нападать, гдѣ можно. *По своему устройству, древняя купеческая дружина—ватага—артель не отличалась отъ вооруженнаго военнаго отряда* [3]). Подобно позднѣйшимъ новгородскимъ ушкуйникамъ и

---

[1]) „Пособіе“, стр. 21, 28, 142.

[2]) См. выше; стр. 51.

[3]) Константинъ Багрянородный слѣдующими чертами характеризуетъ славянорусскія купеческія партіи, производившія торговлю съ Византіей: „Русскія лодки приходятъ въ Константинополь изъ Новгорода, Смоленска, Любеча, Чернигова, Вышгорода. Русскіе Славяне, Кривичи, Лучане и другіе рубятъ зимою лѣсъ на своихъ горахъ и строятъ лодки. По вскрытіи Днѣпра Славяне приплываютъ въ Кіевъ и продаютъ лодки. Въ Апрѣлѣ мѣсяцѣ собирается весь русскій флотъ въ городкѣ Витичевѣ, откуда отправляется къ порогамъ. Дошедши до Неясытя, четвертаго и самаго опаснаго, купцы выгружаютъ товары и

казакамъ, промысловыя дружины въ однихъ мѣстахъ занимались мирными промыслами: звѣроловствомъ, рыболовствомъ и торговлею, а въ другихъ—грабежемъ [1]).

Рядомъ съ предпріятіями торгово-военнаго характера, *Руссы часто составляли дружины и предпринимали походы спеціально военнаго характера*, съ цѣлью пріобрѣтенія новыхъ земель, новыхъ данниковъ и обогащенія военною добычею. Во главѣ такихъ предпріятій становились князья, а военныя дружины комплектовались изъ охотниковъ, безъ различія національностей [2]). Съ такими дружинами князья Рюриковичи подчинили своей власти всѣ племена русскихъ Славянъ, обязавъ ихъ платить дань, и предпринимали военные походы въ Хазарію, на Кавказъ, въ Болгарію и Грецію, возвращаясь оттуда съ добычею, представлявшею собою всѣ предметы цивилизаціи того времени [3]). Добыча, по распоряженію князя, дѣлилась равномѣрно между членами дружины, предпри-

---

ведутъ по сушѣ скованныхъ невольниковъ около 6000 шаговъ. За порогами обыкновенно ожидаютъ ихъ Печенѣги, близъ такъ-называемаго Крарійскаго перевоза. Отразивъ сихъ разбойниковъ и доплывъ до острова Св. Григорія, Русскіе приносятъ богамъ своимъ жертву благодарности и уже не встрѣчаютъ опасности до самой рѣки Селины, рукава Дуная; но тамъ, если вѣтеръ прибьетъ ихъ суда къ берегу, то они снова должны сражаться съ Печенѣгами; а миновавъ Конопу, Констанцію и устья болгарскихъ рѣкъ Варны и Дицины, достигаютъ Месимвріи, перваго греческаго города". Memor. popul.; II, 982. Изъ договоровъ съ Греками видно, что русскіе купцы являлись въ Грецію вооруженными; но обязаны были снимать оружіе при входѣ въ Константинополь. Начальникъ русской купеческой партіи, прибывшей въ Булгаръ во время пребыванія тамъ посольства Сулеймана, называется Ибнъ-Фадланомъ, предводителемъ, главою, княземъ, — это позднѣйшій атаманъ. Ср. А. А. Э.; I, N. 1. „Пособіе", стр. 101—104, 107, 108.

[1]) Греки особою статьей договора 907 года обусловили: „да запретитъ князь словомъ своимъ приходящимъ Руси здѣ, да не творятъ пакости въ селѣхъ въ странѣ нашей". Тамъ же, стр. 21.

[2]) Дружину князя Олега составляли: „Варяги, Чюдь, Словѣни, Меря, Весь и Кривичи... Варяги, Словѣни, Чюдь, Кривичи, Меря, Поляне, Сѣверяне, Древляне, Радимичи, Хорваты, Дулебы и Тиверцы". Игорь, приготовляясь къ походу на Грековъ, „совокупивъ вои многи, Варяги, Русь, Поляны, Славѣни, Кривичи, Тиверцы и Печенѣги". Тамъ же, стр. 18, 20, 26.

[3]) „И приде Олегъ къ Кіеву, неся золото, и паволоки, и овощи, и вина, и всяко узорочье". Тамъ же, стр. 21.

нимавшей военный походъ, какъ позже, по распоряженію атамана, дѣлилась военная добыча въ земляхъ казацкихъ [1]).

Важнымъ *промысломъ Славяноруссовъ языческой эпохи была* также *служба въ сосѣднихъ государствахъ.* Какъ войска кіевскихъ князей, такъ и войска сосѣднихъ государей комплектовались изъ воиновъ разныхъ національностей. По договору Олега 911 года русскіе военноплѣнные и купленные Греками рабы русскаго происхожденія, получившіе свободу за условную плату, имѣли право по своей волѣ оставаться въ Греціи на службѣ у византійскаго императора [2]). Это право имѣли и всѣ русскіе люди свободнаго состоянія. По свидѣтельствамъ Константина Багрянороднаго, въ его время на службѣ у византійскаго императора состояло 700 русскихъ гребцовъ; а въ 935 году, при Романѣ Лекапинѣ, въ походѣ противъ Лонгобардовъ участвовало 7 русскихъ кораблей и 415 человѣкъ воиновъ [3]). Наемныя войска за свою службу получали жалованье и участвовали въ раздѣлѣ военной добычи. Жалованье и добыча составляли ихъ личную собственность, въ случаѣ смерти собственника, переходившую по наслѣдству къ его ближайшимъ родственникамъ. Особая статья договора Олега съ Греками опредѣляетъ порядокъ охраны и передачи въ Русь собственности русскихъ людей, умершихъ въ Греціи, на службѣ у византійскаго императора [4]).

Общеславянская терминологія [5]), *вещественные памятники* [6]) *и показанія историковъ - современниковъ согласно свидѣтельствуютъ о богатствѣ экономическаго быта русскихъ Славянъ эпохи договоровъ съ Греками.* Историки-современники сравнивали Русь IX и X столѣтій съ Греціей, называли Кіевъ вторымъ Константинополемъ и признавали славяно-русскую землю изобилующею всѣми благами міра, «omnibus bonis affluentem» [7]). Ибъ-Фадланъ видѣлъ, какъ на

---

[1]) „И заповѣда Олегъ дань даяти на 2000 кораблій, по 12 гривнъ на человѣка, а въ корабли по 40 мужъ". Тамъ же. „И вдаша ему (Святославу) дань; имашетъ же и за убьеныя, глаголя, „яко родъ его возметъ". Тамъ же, стр. 38.

[2]) Тамъ же, стр. 24.

[3]) De Cerem. aulae. B.; c. LXIV.

[4]) „Пособіе", стр. 24.

[5]) См. выше, стр. 93—96.

[6]) Тамъ же, стр. 67—88.

[7]) См. Адамъ Бременскій: Hist. Eccles.; кн. II, гл. 13: „Rusziae, cujus metropolis civitas est Chive (Кіевъ) acmula sceptri Constantinopolitani, clarissimum"... Ср. Дитмара: Chronica; Лейпц. изд.; стр. 426. Стурлезона: Hist. Regum Sept; т. I, стр. 449. Гель-

предводителя купеческой русской ватаги, умершаго въ Булгарѣ, были надѣты принадлежавшіе ему шаравары, носки, сапоги, куртка, кафтанъ изъ дибаджа съ золотыми пуговицами, калансува (шапка) изъ дибаджа съ соболемъ; тѣло его посадили на коверъ и подперли его подушками, а возлѣ тѣла положили горячій напитокъ, плоды, благовонныя растенія, хлѣбъ, мясо, лукъ и оружіе [1]). Каждый русскій имѣлъ при себѣ неразлучно мечъ, ножъ и сѣкиру; а ихъ жены имѣли на шеѣ золотыя и серебряныя цѣпи. Если мужъ пріобрѣталъ 10,000 диргемовъ, то дѣлалъ онъ женѣ цѣпь, а когда 20,000, то двѣ цѣпи и т. д., «на каждые 10,000 диргемовъ прибавлялъ онъ женѣ новую цѣпь, такъ что часто онѣ носятъ на шеѣ много цѣпей [2]). Въ могилахъ русскихъ славянъ языческой эпохи открытъ способъ погребенія описанный Фадланомъ, а также предметы быта, перечисленные имъ, и множество другихъ: шлемы, щиты, мечи, сабли, копья, дротики, стрѣлы [3]), серпы, замки, ключи, роговые кубки, обтянутые серебромъ, костяныя гребенки, разнообразныя ожерелья, серебряныя и золотыя пуговицы, бляхи и т. д. Въ предѣлахъ земли Славяноруссовъ языческой эпохи открыто уже болѣе 260 имущественныхъ кладовъ, заключавшихъ въ себѣ монеты различныхъ государствъ VIII, IX и X столѣтій, часто вмѣстѣ съ разнообразными, серебряными и золотыми предметами, цѣнностью отъ десятковъ до тысячъ рублей [4]). По договорамъ съ Греками,

---

мольда: Chronica; 3, 4. Байера: Georg. Russ. Script. ex Sept. Коммент.; X, 411.

[1]) „Пособіе“, стр. 102.

[2]) Тамъ же, стр. 99.

[3]) Заключая договоръ съ Греками 945 года, Русскіе клялись, „полагая щиты своя и мечѣ своя наги, обручѣ своя и прочая оружья“. „Пособіе“, стр. 30, 31. Кольчужная броня и щитъ спасли Святослава отъ удара Анемаса. Тамъ же, стр. 141. Послѣ сраженія подъ Дористоломъ Греки собрали на полѣ битвы „двадцать тысячъ щитовъ и множество мечей“, принадлежавшихъ Скиѳамъ-воинамъ Святослава. Тамъ же, стр. 142.

[4]) Напримѣръ, въ полуверстѣ отъ города Великихъ Лукъ, вблизи древняго городища, на берегу Ловати, пастухи открыли большой котелъ и стали его откапывать, но такъ неосторожно, что котелъ свалился въ рѣку, отчего разсыпалась часть монетъ; „оставшая въ вытащенномъ изъ воды котлѣ, часть клада серебряныхъ монетъ вѣсила до 7 пудовъ; монеты, его составлявшія, относятся ко времени отъ 942 по 977 годъ; слѣдовательно, это капиталъ, или еще только часть капитала новгородскаго гражданина конца X столѣтія: самое убѣди-

русскіе купцы владѣли денежными капиталами, дававшими возможность покупать предметы роскоши въ такомъ количествѣ, что Греки сочли нужнымъ ограничить продажу дорогихъ шелковыхъ тканей 50 золотыми на одно лицо [1]).

Слѣдовательно, по фактамъ безспорнымъ, подлинность которыхъ и смыслъ не могутъ подлежать никакому сомнѣнію, *Славяноруссы эпохи договоровъ съ Греками были народомъ осѣдлымъ, земледѣльческимъ и производившимъ отдаленныя торговыя, военныя и служебныя сношенія, обогащавшія Русь всѣми предметами цивилизаціи Европы и Азіи IX и X столѣтій. По экономическому богатству Русь IX и X столѣтій стояла не ниже Руси первыхъ столѣтій христіанскаго времени;* а можетъ быть была богаче: послѣдовавшія за рецепціей христіанства почти непрерывныя домашнія войны между удѣльными князьями ослабили русскую землю въ политическомъ отношеніи; прекратились военные походы въ Грецію; прекратилось дѣйствіе договоровъ Руссовъ съ Греками, а съ нимъ и торговыя сношенія Руси съ Византіей. Взамѣнъ пріема русскихъ военныхъ, торговыхъ и служебныхъ партій, вывозившихъ въ Русь греческіе капиталы, Византія высылала къ нимъ христіанское духовенство, обогащавшееся въ Россіи на основаніи новыхъ законовъ о церковной десятинѣ и вывозившее русскіе капиталы въ Грецію. Послѣдующая политико-экономическая исторія Руси еще хуже: Русь, обезсиленная княжескими междоусобіями, должна была признать надъ собою монголо-татарское иго, за которымъ послѣдовало такое же теченіе русскихъ капиталовъ на востокъ, въ Азію, какимъ было въ IX и X столѣтіяхъ теченіе греческихъ и восточныхъ капиталовъ въ Россію. Со времени сверженія монголо-татарскаго ига и объединенія Русской земли подъ монархическою властью московскихъ государей начинается новый періодъ въ исторіи экономическаго быта Россіи.

тельное доказательство, что уже въ X вѣкѣ были капиталисты на Руси". См. П. С. Савельева: Мухамеданская нумизматика, стр. XXIV и 22. Въ Кіевѣ и Черниговѣ было найдено нѣсколько кладовъ съ золотыми и серебряными предметами IX и X столѣтій, цѣнностью въ нѣсколько тысячъ; часть одного изъ нихъ, недавно найденнаго, пріобрѣтена И. А. Комиссіей по цѣнности металла за 3,000 руб. Подъ Калишемъ былъ найденъ кладъ, заключавшій въ себѣ около 20 тысячъ серебряныхъ римскихъ монетъ. Недавно въ Харьковской губерніи былъ найденъ кладъ, заключавшій въ себѣ 200 золотыхъ византійскихъ монетъ; и т. д.

[1]) „Пособіе", стр. 28.

IV. Религіозныя учрежденія.

ГЛАВА IX.

Степени развитія религіозныхъ воззрѣній. Религія Скиѳовъ, Славянъ и Славяноруссовъ. Христіанство въ Россіи до крещенія князя Владиміра Равноапостольнаго [1]).

Свѣдѣнія о языческой религіи нашихъ предковъ, сохранившіяся въ сказаніяхъ греческихъ, арабскихъ и нѣмецкихъ писателей, заключаютъ въ себѣ много неточнаго и невѣрнаго, потому что *иноземцы*, не понимая чужихъ вѣрованій, *часто искажали не только имена славянскихъ боговъ, но и ихъ значеніе.* Свѣдѣнія славяноруссскихъ историковъ отличаются другимъ важнымъ недостаткомъ: *Славянскіе лѣтописцы*, будучи христіанскими монахами, подобно нѣмецкому епископу Дитмару Мерзебургскому (гл. VI), *мало интересовались божествами своихъ предковъ и смотрѣли на языческую религію, какъ на звѣринскій образъ жизни поганыхъ*, о которомъ не должно вспоминать христіанину. Въ видахъ охраны христіанской нравственности народа, Несторъ опустилъ изъ русскихъ лѣтописей IX и X столѣтій почти все, что могло сохранить въ народѣ память о языческихъ богахъ и языческомъ богослуженіи. Только для примѣра указаны Несторомъ нѣсколько обычаевъ языческаго закона, казавшихся ему особенно звѣроподобными, по несогласію съ христіанскою религіей; да по необходимости, въ видахъ сохраненія цѣлости содержанія дипломатическихъ актовъ, оставлены указанія на религію Славяноруссовъ X вѣка, вошедшія въ договоры кіевскихъ князей съ греческими царями. *Поученія христіанскихъ іерарховъ касались языческихъ вѣрованій мимоходомъ*, останавливаясь только на суевѣріяхъ народной массы, черни, съ цѣлью ихъ осужденія. Наконецъ, языческіе обычаи и обряды нашего времени, наблюдаемые въ бытѣ русскаго народа, не имѣютъ уже прежняго смысла, и связать ихъ въ полную систему религіозныхъ вѣрованій нашихъ предковъ невозможно.

---

[1]) Пособія: М. Касторскаго: Начертаніе Славянской миѳологіи. 1841 г. I. Lelewel: Cześć bałwochwalcza Slawian. Н. Костомарова: Славян. миѳол. 1847 г. И. Срезневскаго: Святилища и обряды языческаго богослуженія древнихъ Славянъ. 1847 г. В. Макушева: Сказанія иностранцевъ о бытѣ и нравахъ Славянъ. Часть II. гл. I. Религія. 1861 г. К. Бестужева-Рюмина: Русская Исторія; т. I, гл. I, отд. II. Религія Славянъ. 1872 г. А. Афанасьева: Поэтич. воззрѣнія Славянъ на природу. Три тома. 1865—1869 г.

Такимъ образомъ, по источникамъ, состоящимъ въ распоряженіи науки нашего времени, *невозможно возстановить полную систему языческой религіи нашихъ предковъ*. Но въ знаніи полнаго цикла языческихъ вѣрованій Славяноруссовъ исторія русскаго права и не нуждается. Многобожіе черни, суевѣрія народной массы, почитаніе рѣкъ, озеръ, лѣсовъ, горъ и пр., вѣра въ русалокъ, лѣшихъ, домовыхъ и т. д, не та религія, на которой построено было государственное общежитіе нашихъ предковъ. Для историка-юриста имѣютъ важность не боги, сохранившіеся въ народныхъ суевѣріяхъ отъ глубокой давности и общіе народной черни всѣхъ временъ и націй, а тѣ боги, которымъ поклонялись представители государственной власти и весь народъ, имъ подвластный, важны боги, значеніемъ которыхъ опредѣлялся характеръ древнихъ государственныхъ учрежденій. *Опредѣленіе же государственной религіи нашихъ предковъ вполнѣ возможно* по источникамъ, состоящимъ въ распоряженіи науки нашего времени.

Начальную религію человѣчества составляло одухотвореніе и обожаніе множества физическихъ предметовъ, ближайшихъ къ человѣку въ его земной жизни. Данный народъ, признавая неопредѣленное существо, создавшее міръ, признаетъ также множество духовъ или бѣсовъ, живущихъ въ окружающихъ его предметахъ: въ землѣ, морѣ, рѣкахъ, озерахъ, лѣсахъ, воздухѣ, огнѣ, на горахъ и облакахъ, въ отдѣльныхъ растеніяхъ, животныхъ и камняхъ. Эти духи способны вредить человѣку, а потому требуютъ отъ него жертвъ, состоящихъ въ бросаніи части пищи, потребляемой человѣкомъ. Каждый приноситъ жертву, когда ему угодно, гдѣ угодно и кому угодно. Семейно-родовыхъ боговъ здѣсь еще нѣтъ, какъ нѣтъ и самой семьи. Трупы мертвыхъ погребаются безъ всякихъ обрядовъ, а душамъ мертвыхъ не оказывается никакого почитанія [1]). *У дикарей* бродя-

---

[1]) Такая религія была наблюдаема уже у дикихъ народовъ сидячаго состоянія, жившихъ въ условіяхъ каменной культуры, какъ, напримѣръ, у сидячихъ народовъ Камчатки въ эпоху начальнаго знакомства ихъ съ европейцами. Религія Камчадаловъ обстоятельно описана Стеллеромъ и Крашенинниковымъ. См. Описаніе Камчатки; т. II, гл. 11. Акад. изд. 1786 г. „Всѣ мѣста, по ихъ мнѣнію, опасныя, горы, воды, лѣса и пр. населены у нихъ нѣкоторыми бѣсами, которыхъ они опасаются и почитаютъ... Кромѣ помянутыхъ боговъ своихъ почитаютъ они и разныхъ животныхъ и другую тварь, отъ которой бываетъ опасность. Огню приносятъ они въ жертву норки собольи и лисьи. Котовъ и касатокъ уговариваютъ они словами, когда увидятъ на промыслѣ, ибо они опрокидываютъ ихъ лодки; также медвѣдя и волка...“ (стр. 74—80). „Камчадалы трупы мертвыхъ своихъ вытаскиваютъ изъ юрты и почти на самой

чаго состоянія, *живущихъ въ политической разрозненности родовъ и родовыхъ общинъ, къ богамъ народовъ коммунальнаго быта присоединяется обоготвореніе душъ умершихъ предковъ.* Физическіе и родовые боги признаются еще живущими на землѣ, вблизи человѣка: жилищами физическихъ боговъ служатъ земля, воды, лѣса, горы и пр., а жилищами родовыхъ боговъ являются могилы предковъ. Поклоненіе предкамъ выражается въ погребальныхъ обрядахъ и жертвоприношеніяхъ на могилахъ покойниковъ [1]). Въ дальнѣйшемъ развитіи религіозныхъ вѣрованій, *рядомъ съ поклоненіемъ физическимъ земнымъ богамъ и душамъ предковъ, является поклоненіе богамъ небеснымъ:* небу, солнцу, лунѣ и звѣздамъ. Поклоненіе небеснымъ богамъ выдвигается на первый планъ и получаетъ значеніе государственнаго учрежденія. Небожители, постоянно пребывая на небѣ, спускаются на землю только временно. Временными жилищами небесныхъ боговъ на землѣ служатъ капища, священныя мѣста, куда въ

юртѣ бросаютъ на съѣденіе собакамъ... Младенцевъ хоронятъ въ дуплахъ деревьевъ безъ всякихъ же особливыхъ обрядовъ" (стр. 136, 137). „Всѣ твари до малѣйшей мухи послѣ смерти возстанутъ и подъ землею жить будутъ" (стр. 77).

[1]) На этой степени стояла религія *бродячихъ* народовъ сѣверовосточной Азіи въ эпоху начальнаго знакомства съ ними европейцевъ. „Въ разсужденіи вѣры бродячіе Коряки такіе же невѣжды, какъ Камчадалы, не имѣютъ о богѣ понятія. Дьяволовъ, которыми, по ихъ мнѣнію, населены рѣки и горы, почитаютъ для того, что ихъ боятся. Горамъ и рѣкамъ жертву даютъ тогда, когда случится проходить мимо ихъ... Умершихъ тѣла сожигаютъ съ нижеслѣдующими обрядами. Сперва наряжаютъ ихъ во все лучшее ихъ платье и отвозятъ на мѣсто сожженія на тѣхъ оленяхъ, кои по ихъ суевѣрію умершимъ любы; кладутъ съ ними на костеръ дровъ всю збрую ихъ военную и домашнюю, то-есть, копья, сайдаки, стрѣлы, ножи, топоры, котлы и пр. и зажигаютъ. Между тѣмъ какъ костеръ горитъ, колютъ они оленей, на которыхъ привозятъ мертвыхъ, и съѣдаютъ, а остатки въ огонь бросаютъ. Поминовеніе усопшихъ бываетъ спустя годъ по смерти ихъ. Сродники ихъ берутъ съ собою двухъ каргинъ, то-есть, неѣзжалыхъ оленей, и великое множество оленьихъ роговъ, которые во весь годъ нарочно копятъ, и пришедъ на мѣсто сожженія, или на другое какое высокое мѣсто, когда мѣсто сожженія въ дальнемъ разстояніи, заколаютъ каргины и съѣдаютъ; а рога втыкаютъ въ землю, которые шаманъ во образъ табуна отсылаетъ къ умершему"... (Описаніе Камчатки стр. 157, 158, 166).

извѣстные сроки обязаны съѣзжаться представители государственной власти для жертвоприношеній государственнымъ богамъ [1]).

Дальнѣйшее развитіе религіозныхъ вѣрованій выражается въ завоевательныхъ государствахъ постепеннымъ сокращеніемъ боговъ, закончившимся признаніемъ одного небеснаго Бога, какъ Творца и Владыки вселенной, проявляющагося во всѣхъ предметахъ неба и земли. Этотъ процессъ имѣетъ свои степени развитія и представляетъ много различій у различныхъ народовъ; но сущность его вездѣ была одинакова; небесные, земные и родовые боги сначала приводятся въ систему, основанную на порядкѣ происхожденія однихъ боговъ отъ другихъ и послѣдовательномъ подчиненіи младшихъ боговъ старшимъ; старшими богами признаются небесные боги, съ поклоненіемъ которымъ соединяется поклоненіе душамъ умершихъ представителей государственной власти, ведущимъ свое происхожденіе отъ неба и небесныхъ свѣтилъ; *обожаніемъ небесныхъ боговъ и умершихъ царей и пророковъ ограничивается государственная религія*; только эти боги признаются обязательными для всего государственнаго народонаселенія; обожаніе земныхъ боговъ и душъ мертвыхъ, не принадлежащихъ къ царскому дому, признается государствомъ, но не считается обязательнымъ съ государственной точки зрѣнія; поклоненіе духамъ земли, водъ, лѣсовъ и горъ предоставляется на волю каждаго и мало-по-малу становится достояніемъ черни, переходитъ въ разрядъ суевѣрій; поклоненіе предкамъ частныхъ семействъ и родовъ является дѣломъ ихъ частнаго усмотрѣнія. На этой степени развитія стояли религіозныя вѣрованія всѣхъ народовъ арійскаго происхожденія при первомъ появленіи ихъ въ исторіи: Персовъ, Мидянъ, Скиѳовъ и Фракійцевъ въ эпоху Геродота, Галловъ и Германцевъ, въ эпоху Юлія Цезаря и Тацита [2]).

---

[1]) На этой степени развитія стояла, напримѣръ, религія монгольскаго народа въ III вѣкѣ до Рождества Христова, въ эпоху завоеваній Моде или Огузъ-Хана: „Въ первой лунѣ новаго года, говоритъ китайскій лѣтописецъ, старѣйшины Хунновъ въ небольшомъ числѣ съѣзжаются къ капищу при Шаньюевой ордѣ, а въ пятой лунѣ всѣ собираются въ Лунъ-ченъ для жертвоприношеній своимъ предкамъ, небу, землѣ и духамъ. Шаньюй утромъ выходитъ изъ лагеря, поклоняется восходящему солнцу, а вечеромъ лунѣ... предпринимаютъ всякія дѣла, смотря по положенію звѣздъ и луны“. „Собраніе свѣд. о народахъ средней Азіи въ древнія времена“, мон. Іакинѳа. 1851; ч. I; стр. 15, 16.

[2]) Напримѣръ, религію Персовъ Геродотъ описываетъ слѣдующими чертами: „Ставить статуи, сооружать храмы и алтари у нихъ не дозволяется; тѣхъ, кто поступаетъ вопреки обычаю, они обзываютъ

Особенное развитіе, выразившееся *въ очеловѣченіи* (антропоморфизмѣ) *небесныхъ боговъ*, получила религія у Грековъ, Римлянъ и Кельтовъ. Но *развитіе религіи нашихъ предковъ не пошло этимъ путемъ*, а остановилось на степени обожанія небесныхъ силъ, непосредственно смѣнившихся Единымъ Богомъ христіанской религіи.

По свидѣтельству Геродота, «*общія учрежденія Скиѳовъ* таковы: изъ божествъ чтутъ они только слѣдующихъ: Гистію выше всѣхъ прочихъ боговъ, потомъ Зевса и Землю, при чемъ Землю представляютъ себѣ супругою Зевса, далѣе Аполлона, Афродиту, Уранію, Геракла и Арея. *Эти божества почитаются у всѣхъ Скиѳовъ*, а такъ называемые царственные Скиѳы приносятъ жертвы еще и Посейдону. *Скиѳы не имѣютъ обычая ставить божествамъ кумиры и сооружать храмы, за исключеніемъ Арея*, сооруженія въ честь котораго у нихъ въ обыкновеніи. Способъ жертвоприношеній у всѣхъ Скиѳовъ и для всѣхъ божествъ одинъ и тотъ же, а состоитъ въ слѣдующемъ: ставится жертвенное животное со связанными передними ногами; позади его становится жертвоприноситель и тянетъ къ себѣ конецъ веревки, опрокидывая такимъ образомъ животное на землю. Пока животное падаетъ, жертвоприноситель взываетъ

глупцами, потому, мнѣ кажется, что *они не представляютъ себѣ боговъ человѣкоподобными*, какъ дѣлаютъ это Эллины. У нихъ въ обычаѣ приносить Зевсу жертвы на высокихъ горахъ, а Зевсомъ они называютъ весь небесный сводъ. Приносятъ жертвы они также солнцу, лунѣ, землѣ, огню, водѣ и вѣтрамъ... *Этимъ только божествамъ приносятъ они жертву* искони; кромѣ того, отъ Ассиріянъ и Арабовъ заимствовано почитаніе Ураніи. Ассиріяне называютъ Афродиту Милиттою, Арабы—Алилатъ, Персы—Митрою. Жертвоприношеніе названнымъ божествамъ совершается у Персовъ слѣдующимъ образомъ: для совершенія жертвы они не воздвигаютъ алтарей и не возжигаютъ огня, не дѣлаютъ возліяній, не играютъ на флейтѣ, не употребляютъ ни вѣнковъ, ни ячменя. Кто желаетъ принести жертву какому-нибудь божеству, тотъ, украсивши себя тіарой, наичаще миртовой вѣткой, отводитъ животное на чистое мѣсто и тамъ молится божеству. *Молиться только за себя совершающій жертву не въ правѣ; онъ молится о благополучіи всѣхъ Персовъ и царя*, а въ число всѣхъ Персовъ входитъ и онъ самъ. Затѣмъ онъ разрѣзываетъ на части жертвенное животное, варитъ мясо, подстилаетъ самую мягкую траву, наичаще трилистникъ, и на нее кладетъ все мясо; потомъ присутствующій магъ поетъ священную пѣсню, каковою служитъ у нихъ повѣствованіе о происхожденіи боговъ; *совершать жертву безъ мага у нихъ не въ обычаѣ*. Потомъ жертвоприноситель уноситъ съ собок мясо и употребляетъ его по своему усмотрѣнію". Исторія Геродота; кн. I; гл. 131, 132. Переводъ Ѳ. Г. Мищенка. 1885 г., стр. 70, 71.

къ тому божеству, въ честь котораго совершается жертва; затѣмъ быстро накидываетъ петлю на шею животнаго, поворачиваетъ кругомъ вложенную въ петлю палку и удавливаетъ жертву; огонь при этомъ не возжигается, не бываетъ также предварительныхъ актовъ и возліяній; удавивши жертву и снявши съ нея кожу, жертвоприноситель приступаетъ къ стряпанью... Когда мясо сварено, жертвоприноситель бросаетъ предъ собою посвященные божеству куски мяса и внутренностей. Въ жертву приносятся всякія домашнія животныя, а преимущественно лошади». Такъ Скиѳы поклонялись всѣмъ своимъ богамъ, за исключеніемъ Арея, которому въ волостяхъ (областяхъ) каждаго скиѳскаго царства сооружалось святилище, представлявшее собою курганъ съ четыреугольною площадкой наверху и водруженнымъ на ней старымъ желѣзнымъ мечомъ, представлявшимъ собою кумиръ Арея, бога войны. Этому кумиру ежегодно приносили въ жертву рогатый скотъ, лошадей и сотую часть военноплѣнныхъ, кровь которыхъ, собранная въ сосудъ, изливалась на мечъ [1]).

Скиѳы вѣровали въ загробную жизнь, подобно Фракійцамъ и всѣмъ другимъ древнимъ народамъ арійскаго происхожденія, *почитали души мертвыхъ и приносили имъ жертвы на могилахъ* [2]). *Почитаніе умершихъ царей было возведено на степень государственнаго учрежденія, обязательнаго общенароднаго поклоненія.* По смерти скиѳскаго царя, его тѣло бальзамировали, обливали воскомъ и везли по всѣмъ скиѳскимъ областямъ до страны Герровъ, лежавшей на самой отдаленной границѣ скиѳскихъ владѣній. Каждый народъ, которому привозили тѣло царя, дѣлалъ то же самое, что и царскіе Скиѳы, а именно: отрѣзывали себѣ часть уха, постригали кругомъ волосы, дѣлали у себя на рукахъ порѣзы, расцарапывали лобъ и носъ, а лѣвую руку прокалывали стрѣлами. Въ странѣ Герровъ

---

[1]) Тамъ же, гл. 59—62.

[2]) „Богатыхъ Фракіянъ, говоритъ Геродотъ, хоронятъ слѣдующимъ образомъ: въ теченіе трехъ дней выставляютъ трупъ, предварительно оплакавши его; затѣмъ *приносятъ ему въ жертву* всякаго рода животныхъ и устраиваютъ пиршества; потомъ покойника хоронятъ, или сжигая на огнѣ, или погребая въ землѣ: наконецъ, насыпаютъ курганъ“. Тамъ же; кн. V, гл. 8. Частныя лица у Скиѳовъ погребались такимъ образомъ: „въ случаѣ смерти кого-либо, ближайшіе родственники покойника кладутъ его тѣло на повозку и везутъ къ его друзьямъ. Каждый изъ нихъ устраиваетъ для спутниковъ покойника обильный пиръ, при чемъ отъ всѣхъ угощеній *удѣляется часть и покойнику*. Частныхъ лицъ возятъ такимъ образомъ въ теченіе сорока дней, а потомъ хоронятъ“. Тамъ же; кн. IV, гл. 73.

царя хоронили на царскомъ кладбищѣ, въ большой четыреугольной ямѣ, а въ могилѣ, вокругъ тѣла, втыкали копья и располагали одну изъ его женъ, предварительно задушивши ее, а также виночерпія, повара, конюха, ближайшаго слугу, вѣстника, лошадей, первенцевъ другого скота и золотыя чаши. Потомъ закрывали могилу брусьями и насыпали надъ нею курганъ какъ можно выше. По прошествіи года послѣ погребенія покойному царю приносили жертву, состоявшую изъ 50 лучшихъ скиѳскихъ юношей и лошадей, удавленныхъ и расположенныхъ мертвыми всадниками вокругъ царской могилы [1]).

О земныхъ богахъ скиѳской религіи Геродотъ не упоминаетъ; но это не значитъ, что такихъ боговъ у Скиѳовъ не было. Одухотвореніе и обожаніе предметовъ, окружающихъ человѣка въ его земной жизни, принадлежитъ къ древнѣйшимъ вѣрованіямъ человѣчества, сохраняющимся въ народной массѣ при всякой государственной религіи, даже христіанской. Несмотря на тысячелѣтнія усилія христіанской проповѣди, направленной противъ суевѣрнаго обожанія въ народной массѣ русалокъ, лѣшихъ, домовыхъ и пр., оно живетъ до сихъ поръ въ низшихъ классахъ всѣхъ христіанскихъ народовъ. Но Геродотъ, описывая государственныя учрежденія Скиѳовъ, общенародныхъ боговъ, почиталъ ненужнымъ останавливаться на суевѣрномъ обожаніи народною массою рѣкъ, лѣсовъ, горъ и другихъ предметовъ вещественной природы, окружающихъ человѣка на землѣ.

Въ восточной половинѣ европейской Скиѳіи религіозный бытъ, описанный Геродотомъ, долго оставался неизмѣннымъ. Амміанъ Марцеллинъ характеризовалъ бытъ скиѳо-сарматскихъ племенъ своего времени, занимавшихъ области между Дономъ и Днѣпромъ, такими чертами, какими очертилъ Геродотъ европейскихъ Скиѳовъ своего времени [2]). Но *въ западной части древней Скиѳіи*, въ предѣлахъ славянской прародины, *религія нашихъ предковъ получила дальнѣйшее развитіе подъ вліяніемъ* двухъ факторовъ: *прорицаній пророковъ*, подобныхъ Декенею [3]), *и христіанской проповѣди*, проникшей къ нашимъ предкамъ уже въ первомъ вѣкѣ, при первыхъ апостолахъ христіанства [4]). Послѣдовавшій въ славянской прародинѣ прогрессъ въ религіозныхъ воззрѣніяхъ нашихъ предковъ выражается въ свидѣтельствахъ источниковъ о религіи Славянъ, Антовъ и Славяноруссовъ.

---

[1]) Тамъ же, гл. 71, 72.

[2]) Ammian Marcel; кн. VII. гл. XII.

[3]) См. выше стр. 79. По свидѣтельству Іорнанда. „Декеней привелъ въ порядокъ философію Гетовъ и научилъ ихъ астрономіи и теологіи". De Geth. orig.; cap. XI.

[4]) См. ниже.

ГЛАВА X.

Религія русскихъ Славянъ. Способы поклоненія богамъ. Отношеніе язычества къ христіанству.

Въ содержаніи договоровъ съ Греками сохранились слѣдующія указанія на языческую религію нашихъ предковъ. *Законъ и поконъ*, вошедшій въ составъ содержанія договоровъ, *называется твореніемъ Бога, Божіимъ зданіемъ, и въ этомъ значеніи признается обязательнымъ для всего Русскаго народа* [1]). Въ 907 году князь Олегъ и его мужи «кляшася оружьемъ своимъ, и Перуномъ, богомъ своимъ, и Волосомъ, скотьимъ богомъ» [2]). Языческая клятва Игорева договора всѣхъ некрещенныхъ нарушителей его содержанія лишаетъ помощи *Бога и Перуна* [3]). Князь Святославъ и бывшіе съ нимъ въ Болгаріи клялись за себя и за всю Русь именами *Бога, Перуна и Волоса* [4]). Слѣдовательно, *общенародными государственными богами Славяноруссовъ X столѣтія были Богъ, Перунъ и Волосъ*; этими богами клялись русскіе князья и русскіе послы за всю Русь, за весь некрещенный русскій народъ; именами этихъ боговъ язычники утверждали международные трактаты, какъ христіане утверждали ихъ именемъ Св. Троицы.

Богъ, Перунъ и Волосъ не были новыми богами въ Россіи X столѣтія. Миѳологи сближаютъ славянскія имена: Богъ, Бугъ, Бигъ, Багъ съ индійскимъ именемъ Бага-ватъ, означающимъ вѣчное существо, верховнаго бога, по волѣ котораго Брама создалъ міръ [5]); *слово Богъ праславянское* и во всѣхъ славянскихъ нарѣчіяхъ означало въ древности верховное существо, создавшее духовный и ве-

---

[1]) „Иже отъ Бога суще, яко Божіе зданіе, по закону и по покону языка нашего, не переступати ни намъ, ни иному отъ страны нашея". „Пособіе", стр. 30.

[2]) Тамъ же, стр. 21.

[3]) „Елико ихъ есть не крещено, да не имуть помощи отъ Бога, ни отъ Перуна... аще ли кто отъ князь или отъ людій Русскихъ преступить се... да будетъ клятъ отъ Бога и отъ Перуна, яко преступи свою клятву". Тамъ же, стр. 30.

[4]) „Якоже кляхся ко царемъ гречьскимъ, и со мною боляре и Русь вся, да сохранимъ правая совѣщанія... Аще ли... не сохранимъ, азъ же, и со мною, и подо мною, да имѣемъ клятву отъ Бога, въ его же вѣруемъ, и въ Перуна, и въ Волоса, скотья бога". Тамъ же, стр. 29.

[5]) См. Касторскаго: Начерт. слав. миѳологіи, стр. 36—38.

щественный міръ; въ древнѣйшихъ переводахъ священныхъ книгъ на славянскій языкъ слово Богъ обозначаетъ понятіе Единаго Бога, Творца и Владыки вселенной, и этотъ терминъ былъ взятъ переводчиками изъ языческой терминологіи Славянъ потому, что его значеніе всего ближе подходило къ понятію христіанскаго Бога; въ договорахъ съ Греками Богъ занимаетъ первое мѣсто между языческими божествами, а его творческое значеніе ясно выражается въ понятіи создателя русскаго закона и покона. Слѣдовательно, *Богъ Славяноруссовъ языческой эпохи означалъ существо, создавшее міръ и стоявшее выше всѣхъ другихъ божествъ. Имена боговъ Перуна и Волоса также праславянскія* [1]), а слѣдовательно, божества этихъ именъ принесены Славянами въ центральныя области Европы изъ дунайской прародины. *Перунъ означалъ бога войны*, физической силы, соотвѣтствовавшаго Арею древнихъ Скиѳовъ. Въ христіанскую эпоху языческій образъ Перуна легъ въ основу поэтическихъ образовъ Ильи Муромца и Соловья-Разбойника [2]). *Волосъ былъ божествомъ, одухотворявшимъ вещественную природу, творившимъ жизнь животныхъ и растеній*, а слѣдовательно, и богатство; его идея перенесена въ христіанскую эпоху на образъ святого Власія, какъ покровителя домашнихъ животныхъ и вообще домашняго хозяйства [3]).

Кромѣ Бога, Перуна и Волоса, въ источникахъ упоминаются еще слѣдующіе стихійные боги: Хорсъ, Дажь-богъ, Стри богъ, Симарглъ, Мокошь, Позвиздъ, Ладо, Купало и Коляда; но по сохранившимся

---

[1]) См. Касторскаго; стр. 49 и слѣд., 175 и слѣд.

[2]) См. Бестужева-Рюмина: Русская Исторія, т. I, стр. 6.

[3]) „Волосъ или Велесъ, встрѣчающійся въ лѣтописи съ эпитетомъ скотьяго бога, былъ божествомъ солнечнымъ. Это божество, представляя собою подателя всѣхъ благъ, какимъ для народовъ первоначальныхъ является солнце, обратилось въ божество, покровительствующее стадамъ—главному богатству того времени (скотъ понимается въ смыслѣ денегъ, скотница—сокровищница). Волосъ съ принятіемъ Славянами христіанства перешелъ въ св. Власія. Это обыкновенное явленіе не только у насъ, но и у всѣхъ прочихъ народовъ: понятіе языческое съ принятіемъ христіанства переносится на того или другого христіанскаго святого, смотря по случайному сходству въ имени. Такъ и у насъ скотный богъ—Волосъ превратился въ Власія, покровителя домашнихъ животныхъ. Въ „Словѣ о полку Игоревѣ“ Боянъ вѣщій называется внукомъ Велесовымъ; Велесъ, подобно Фебу-Аполлону, является здѣсь источникомъ вдохновенія. Въ нѣкоторыхъ преданіяхъ Волосъ является покровителемъ земледѣлія: до сихъ поръ во многихъ мѣстахъ завиваютъ колосъ „Волосу на бородку“. Тамъ же, стр. 14, 15.

источникамъ невозможно опредѣлить, въ какомъ отношеніи эти божества стояли къ Богу, Перуну и Волосу, а также признавались ли они государственными, общенародными богами всѣхъ славянорусскихъ племенъ, или почитались только отдѣльными племенами и волостями, наравнѣ съ обожаніемъ мѣстныхъ рѣкъ, озеръ, лѣсовъ и пр.

Подобно другимъ языческимъ народамъ арійскаго происхожденія, *русскіе Славяне поклонялись стихійнымъ богамъ посредствомъ кровныхъ жертвъ, сопровождавшихся молитвословіями.* Общенародныя жертвы приносились *на священныхъ мѣстахъ*, гдѣ помѣщались кумиры, представлявшіе небесныхъ боговъ на землѣ. Въ жертву были приносимы домашнія животныя, а иногда и люди, преимущественно дѣти [1]). Поклоненіе Перуну отличалось тѣмъ, что «ему яко Богу жертву приношаху и огонь неугасающій съ дубового древія непрестанно паляху; аще ли случилося за нерадѣніемъ служащаго іерея когда сему огню угаснути, таковаго іерея безъ милости убиваху» [2]).

Рядомъ съ обожаніемъ физическихъ силъ природы, русскою

---

[1]) По свидѣтельству Іоакима: „иде Гостомыслъ въ Колмогардъ вопросити боги о наслѣдіи, и восшедъ на высокая принесе жертвы многи, и вѣщуны угобзи". По свидѣтельствамъ Нестора: „нача княжити Володимеръ въ Кіевѣ единъ, и постави кумиры на холму внѣ двора теремнаго: Перуна древяна, а главу его сребрену, а усъ златъ, и Хорса, Дажьбога, и Стрибога, и Симарьгла, и Мокошь. Жряху имъ, наричюще и богы, привожаху сыны своя и дщери... Пришедъ Добрына Ноугороду, постави кумира надъ рѣкою Волховомъ, и жряху ему людье Новгородстіи, аки Богу... Володимеръ творяше потребу кумиромъ съ людьми своими; и рѣша старци и боляре: „мечемъ жребій на отрока и дѣвицю,—на него же падеть, того зарѣжемъ богомъ". „Вошедши въ пристань, говоритъ Фадланъ, каждый Русскій, взявъ съ собою хлѣбъ, мясо, молоко, лукъ и горячій напитокъ, отправляется къ высокому столбу, имѣющему лице, похожее на человѣческое, окруженному малыми изображеніями, простирается передъ нимъ и говоритъ: господинъ! я прибылъ изъ далека съ такимъ-то числомъ невольницъ, кораблей, перечисляетъ всѣ привезенные товары, а затѣмъ говоритъ: „этотъ даръ я принесъ тебѣ", и оставляетъ принесенное предъ истуканомъ. Когда же выгодно сбываетъ все съ рукъ, тогда говоритъ: Владыка помогъ мнѣ, теперь я долженъ заплатить ему: убиваетъ нѣсколько быковъ, овецъ, раздаетъ мясо бѣднымъ, кладетъ остатокъ передъ большимъ и маленькими истуканами и вѣшаетъ на первомъ головы убитой скотины, а когда собаки съѣдятъ ночью все мясо, всѣ головы, купецъ говоритъ: „Владыка благоволитъ ко мнѣ, онъ скушалъ даръ мой"! См. „Пособіе", стр. 5, 42, 43, 100, 139.

[2]) См. П. С. Р. Л.; II, стр. 256, 257.

языческою религіею признавалось обожаніе предковъ [1]). *Основаніемъ обожанія предковъ служила вѣра въ будущую загробную жизнь человѣка* и способность умершихъ предковъ вліять на жизнь оставленныхъ ими на землѣ потомковъ. По договору Игоря съ Греками: «иже помыслитъ отъ страны русскія разрушить таку любовь... елико ихъ есть некрещено, да не имутъ помощи отъ Бога, ни отъ Перуна... и да будутъ раби въ сій вѣкъ *и въ будущій*» [2]). По свидѣтельству Льва Діакона воины Святослава никогда не сдаются живыми непріятелю, но въ виду неминуемой опасности убиваютъ сами себя, пронзая животъ мечомъ. Они это дѣлаютъ изъ убѣжденія, что убитые въ сраженіи непріятелемъ по смерти своей и разлуки души съ тѣломъ будутъ слугами своихъ убійцъ *въ загробной жизни* [3]). Вѣра въ загробный рай, какъ жилище мертвыхъ, ясно выражается также въ сказаніи Ибнъ-Фадлана о погребеніи предводителя Руссовъ; женщина, назначенная къ сожженію вмѣстѣ съ покойникомъ, предъ закланіемъ, была поднята троекратно мужчинами на срубъ и, заглядывая въ него, сказала въ первый разъ: «вотъ вижу отца моего и мать мою», во второй разъ: «вотъ вижу сидятъ вмѣстѣ всѣ мои умершіе родственники», а въ третій разъ: «вотъ *вижу моего господина сидящимъ въ саду, а садъ зеленъ, прекрасенъ, ему служатъ взрослые и мальчики, онъ зоветъ меня*, ведите меня къ нему» [4]). Во время сожженія костра Русскій сказалъ Фадланову толмачу: вы, Арабы, глупый народъ: вы погребаете въ землю милѣйшаго и почтеннѣйшаго для васъ человѣка, а тамъ съѣдаютъ его гады и черви; мы же сожигаемъ его на огнѣ и онъ немедленно переходитъ въ рай» [5]).

Поклоненіе мертвымъ выражалось въ погребальныхъ обрядахъ и жертвоприношеніяхъ на могилахъ покойниковъ. По свидѣтельству Льва Діакона, послѣ битвы подъ Дористоломъ, въ которой былъ

---

[1]) Во главѣ родовыхъ боговъ русскихъ Славянъ стояли стихійные боги родъ и рожаницы: „то ти не *Родъ*, сѣдя на воздусѣ, мечетъ на землю груды и въ томъ раждаются дѣти... *Рожаницы*, тако елинстіи звѣздословцы наричютъ седьмъ звѣздъ, глаголемыхъ планисты“. См. Бестужева-Рюмина: Рус. Ист.; I, 24.

[2]) „Пособіе“, стр. 27.

[3]) Тамъ же, с. 140. „Καὶ οὕτως ἑαυτοὺς ἀναιρεῖν. τοῦτο δὲ πράττουσι, δόξαν κεκτημένοι τοιαύτην φασὶ γαρ τοὺς πρὸς τῶν ἐναντίων κατακτεινομένους ἐν τοῖς πολέμοις, μετὰ τὸν μόρον καὶ τὴν ἐκ τῶν σωμάτων διάζευξιν τῶν ψυχῶν ἐν ᾅδου τοῖς αὐθένταις ὑπερετεῖν“. Leo Diaconus: Histor., кн. IX, гл. 8: стр. 152.

[4]) „Пособіе“, стр. 28.

[5]) Тамъ же, стр. 104.

убитъ русскій богатырь Икморъ, «когда наступила ночь и появилась луна на небѣ, то Россы вышли на поле, собрали всѣ трупы убитыхъ къ городской стѣнѣ и сожгли ихъ на кострахъ, заколовъ надъ ними по обычаю своихъ предковъ множество плѣнныхъ, мужчинъ и женщинъ. Совершивъ эту кровавую жертву, они погрузили въ струи рѣки Истра младенцевъ и пѣтуховъ. Уважая еллинскія таинства, которымъ они научились или отъ философовъ своихъ Анахарсиса и Замолксиса или отъ товарищей Ахилла, они всегда совершаютъ жертвы и возліянія» [1]). Свидѣтельство Ибнъ-Фадлана о сожженіи предводителя Руссовъ подъ Булгаромъ и громадныя могильныя сооруженія, раскопанныя въ городѣ Черниговѣ, съ обрядомъ сожженія труповъ, описаннымъ Ибнъ-Фадланомъ, доказываютъ, что погребеніе представителей власти въ русскихъ государствахъ—княженіяхъ языческой эпохи и поклоненіе имъ было дѣломъ общенароднымъ, государственнымъ, какъ у Скиѳовъ эпохи Геродота.

Рядомъ съ государственною религіей, состоявшей въ почитаніи небесныхъ боговъ и душъ мертвыхъ представителей государственной власти, выражавшейся въ общенародныхъ жертвоприношеніяхъ на священныхъ мѣстахъ и могилахъ, *въ массѣ русскаго народа сохранялась вѣра*, состоявшая въ одухотвореніи и обожаніи домашнихъ боговъ (домовыхъ) и предметовъ природы, окружающихъ человѣка въ земной жизни: русалокъ, лѣшихъ и т. д. Эта религія черни, народной массы, долго сохранялась и въ христіанскую эпоху, а частію живетъ и въ настоящее время въ народныхъ представленіяхъ о домовыхъ, русалкахъ, лѣшихъ, вѣдьмахъ, вовкулакахъ, оборотняхъ и пр. Но это *суевѣріе народной черни не имѣло значенія государственной религіи* у русскихъ Славянъ IX и X столѣтій, какъ и у Скиѳовъ времени Геродота [2]).

---

[1]) „Пособіе“, с. 103.

[2]) „*Иные же*, говоритъ лѣтописецъ, *кладяземъ*, *езеромъ*, *рощеніямъ жертвы приношаху*“. П. С. Р. Л., II, 257. По свидѣтельству Прокопія, Славяне и Анты „признаютъ единаго бога... поклоняются также *рѣкамъ и нимфамъ* и нѣкоторымъ другимъ божествамъ; всѣмъ имъ они приносятъ жертвы и при этихъ жертвоприношеніяхъ гадаютъ“. Bell. Goth.; III, XIV. Въ древнеславянскомъ переводѣ Григорія Назіанзина говорится: „овъ *рѣки* богини нарицаетъ, и *звѣрь* живящь въ ней яко Бога нарицая требы творить“. См. Кеппена: Библіогр. листы. N. 7. Срезневскаго: Языч. богослуж. Славянъ, стр. 20. Макушева: Сказанія, стр. 77. По свидѣтельству Гельмольда, въ числѣ „многоразличныхъ суевѣрій“ у Славянъ было обоготвореніе *рощей и источниковъ*. Chron. Slav. I; XLVII. Въ „Словѣ нѣкоего христолюбца“ говорится: „и *Огневи молятся подъ овиномъ*, *и Виламъ*, *и Мокоши*, *и Симарглу*, *и Перуну*, *и Роду*, *и Рожаницамъ*“. Описаніе Румянц. Музея, стр. 229.

Въ IX и X столѣтіяхъ религія Руссовъ не ограничивалась признаніемъ только языческихъ стихійныхъ и родовыхъ боговъ и жертвоприношеніями такимъ богамъ: *рядомъ съ языческою религіей была признана государствомъ христіанская религія.*

Положеніе ученія Шлецера, по которому въ Россіи до 988 года не было ни одного христіанина, за исключеніемъ княгини Ольги, основанное будто бы на свидѣтельствахъ Нестора, столько же невѣрно, какъ и всѣ другія положенія его доктрины о состояніи нашихъ предковъ въ эпоху договоровъ съ Греками [1]).

По свидѣтельствамъ Нестора, выражающимся въ сказаніяхъ объ апостолахъ Андреѣ и Павлѣ и намѣстникѣ Павла Андроникѣ, *христіанская религія была преподана Славянамъ вообще и Славяноруссамъ въ частности уже въ первомъ столѣтіи*, первыми апостолами христіанской религіи [2]). *О крещеніи въ IX вѣкѣ Аскольда* и под-

---

[1]) „Въ X столѣтіи, выключая Ольги, училъ Шлецеръ, не видно ни одного христіанина... въ 988 году, въ которомъ Руссія приняла крещеніе, не сыскалось въ ней ни одного христіанина, кромѣ царицы Елены". Шлец. Несторъ. 1816 г., ч. II, стр. 94, 95.

[2]) См. „Пособіе", с. 12, 20. Въ Густинскомъ спискѣ лѣтописнаго свода говорится: „Лѣтописца Несторъ святый пишетъ: внегда святый апостолъ Андрей... пойде Днѣпромъ горѣ... и люди, иже тамо быша, учи и крести; потомъ же шедъ по Днѣпру горѣ даже до Новгорода Великаго, и тамо такожде многія, научивъ, крести; не туне бо святые апостолы вселенную прохождаху, поучаху и крещаху. Но сіе крещеніе въ Россіи частыхъ ради браней не распространися, якоже и старый учитель римскій Тертуліянъ свидѣтельствуетъ, глаголя: бяше въ Сарматіи вѣра христіанская, но частыми браньми бяше угнетаема и не распространися... Несторъ святый глаголетъ, яко и Павелъ Апостолъ бяше отецъ и учитель Словяномъ, понеже бяше уча въ Мисіи и Иллирику, якоже въ Дѣяніяхъ пишетъ; Мисія же и Иллирикъ славянская земля есть"... П. С. Р. Л., II, стр. 251. „О обрѣтеніи письмене словенска лѣтописци различнѣ повѣдаютъ, не вѣдуще кто и когда и въ кое время изобрѣте грамоту славенскую. Нѣціи глаголютъ, яко еще святый Еронимъ, иже бѣ родомъ Словянинъ, премудръ сый въ писаніихъ и любя свой народъ славенскій не хотяше имъ въ безуміи пребывати, изобрѣте имъ буква и грамоту своимъ ихъ языкомъ состави; иныи же инако глаголютъ". Тамъ же; стр. 237. Подъ славянскою грамотою, изобрѣтенною Св. Іеронимомъ, жившимъ въ V вѣкѣ, предполагаютъ буквицу или глаголицу, употребляемую въ Дальматіи до нашего времени. По этому предположенію, Св. Кириллъ не былъ первымъ изобрѣтателемъ славянской грамоты, а только измѣнилъ неудобныя начертанія буквъ глаголицы, на основаніи греческаго алфавита, и при-

властныхъ ему Кіевлянъ *свидѣтельствуютъ русская лѣтопись и византійскіе историки-современники*, съ патріархомъ Фотіемъ включительно, пославшимъ для крещенія русскаго народа митрополита Михаила [1]). Съ водвореніемъ новой языческой династіи въ Кіевѣ [2]), возобновилось тамъ и господство язычества; но *христіанство не было уничтожено*, а напротивъ, *было признано государствомъ наравнѣ съ языческою религіей*. Договоръ съ Греками 945 года былъ заключенъ посольствомъ отъ русской земли, состоявшимъ *изъ христіанъ и язычниковъ; на равномъ правѣ съ язычниками русскіе христіане клялись въ вѣрности договору* именемъ Бога Вседержителя и честнымъ крестомъ а язычники именами своего Бога и Перуна, при чемъ представители двухъ религій клялись своими богами не только за себя и своихъ единовѣрцевъ, но и *взаимно другъ за друга*, христіане за язычниковъ и язычники за христіанъ [3]). Въ Кіевѣ, въ

бавилъ нѣсколько новыхъ знаковъ: „створи имъ і҃ письменъ и ѿ, ово убо по чину гречьскихъ письменъ, ово же по словеньстѣй рѣчи“.

[1]) См. выше; стр. 3, 4. „Въ лѣто 886: Прійде Михаилъ митрополитъ въ Русь, посланъ отъ Василія Македона царя греческаго и Фотія патріарха, иже увѣряя Русь вверже евангеліе во огнь, и не изгорѣ, и симъ чудомъ ужаси Русь и многія крести“. П. С. Р. Л., II, 239. Къ этому же событію относится слѣдующее воспоминаніе о первыхъ христіанскихъ князьяхъ въ Россіи Устава князя Всеволода о церковныхъ судахъ: „и тыя господа пріяли святое крещеніе отъ греческихъ царей и отъ Фотія патріарха цареградскаго, взяша перваго митрополита Михаила“. См. В.-Буданова: Христоматія; ч. I, стр. 226.

[2]) По свидѣтельству историка Іоакима „Олегъ бѣ мужъ мудрый и воинъ храбрый, слыша отъ Кіевлянъ жалобы на Оскольда, и позавидовавъ области его, вземъ Игоря, иде съ войски ко Кіеву. *Блаженный же Осколдъ, преданъ Кіевляны*, и убіенъ бысть, и погребенъ на горѣ, идеже стояла церьковъ святаго Николы, но Святославъ разруши ю, яко речется“. По свидѣтельству Нестора, церьковь святаго Николы была построена на могилѣ Аскольда какимъ-то Ольмою. См. „Пособіе“, стр. 6, 18.

[3]) „Иже помыслить отъ страны русскія разрушити таку любовь, и елико ихъ крещенье пріяли суть, да пріимуть месть отъ Бога Вседержителя, осуженье на погибель въ сій вѣкъ и въ будущій; и елико ихъ есть не крещено, да не имуть помощи отъ Бога, ни отъ Перуна... и да будуть раби въ сій вѣкъ и въ будущій... Мы же, *елико насъ крестилися есмы, кляхомся церковью святаго Ильѣ въ сборней церкви*, и предлежащимъ честнымъ крестомъ... *иже преступить се отъ страны нашея, ли князь, ли инъ кто, ли крещенъ, ли некрещенъ, да не имуть помощи*

присутствіи греческаго посольства, Игорь и некрещенные русскіе люди клялись у подножія Перунова кумира, а русскіе *христіане клялись въ Кіевской соборной церкви Св. Иліи* [1]). Русская княгиня Ольга отправилась въ Константинополь креститься *въ сопровожденіи многочисленной и пышной свиты*, въ составѣ которой Константинъ Багрянородный, воспреемникъ Ольги, именуетъ племянника Ольги, восемь русскихъ князей, двадцать два посла отъ русскихъ князей, шестнадцать княгинь, восемнадцать фрейлинъ, пять дружинниковъ князя Святослава, священника Григорія, двухъ переводчиковъ и 40 русскихъ купцовъ [2]). Возвратившись въ Русь, княгиня Ольга *исповѣдывала христіанство открыто*, а умирая завѣщала не творить надъ нею языческой тризны, что и было исполнено [3]). Княгиня Ольга открыто склоняла весь русскій народъ къ принятію христіанства, и сынъ ея, князь Святославъ, при жизни матери, *дозволялъ креститься каждому, кто пожелаетъ*. Но самъ Святославъ, думая только о браняхъ и завоеваніяхъ, и слышать не хотѣлъ о перемѣнѣ бога войны, Перуна, покровителя сильныхъ, на бога мира, Христа, покровителя слабыхъ [4]). Самый *фактъ мирнаго крещенія княжескаго двора и всей Кіевской Руси въ 988 году* доказываетъ широкое распространеніе христіанской религіи въ Россіи послѣднихъ столѣтій язычества: самовольно перемѣнить языческую религію на христіанскую могъ только народъ, издавна подготовленный къ воспріятію христіанскихъ понятій о Единомъ Богѣ.

Слѣдовательно, по источникамъ языческая и христіанская религіи Славяноруссовъ эпохи договоровъ съ Греками являются равноправными, одинаково признанными государствомъ: десятое столѣтіе можно отнести къ эпохѣ славянорусскаго язычества только потому, что языческимъ богамъ поклонялись кіевскіе князья; по отношенію же къ кіевскому народу *это время столько языческое, сколько христіанское*.

Равенство предъ русскимъ государствомъ X вѣка языческой и

отъ Бога, и да будетъ рабъ въ сій вѣкъ и въ будущій, и да заколенъ будетъ своимъ оружьемъ. *А некрещеная Русь... кленутся... кто отъ князь или отъ людій русскихъ, ли хрестеянъ, или нехрестеянъ, преступить се*, еже есть писано въ харатье сей, будетъ достоинъ своимъ оружьемъ умрети, и *да будетъ клятъ отъ Бога и отъ Перуна*, яко преступи свою клятву". Тамъ же, стр. 27.

[1]) Тамъ же.

[2]) De ceremoniis aulae Byzantinae; II, XV. „Пособіе", стр. 34, 35.

[3]) Тамъ же, стр. 37.

[4]) „Учашеть и мати креститися, и не брежаше того, ни во уши пріимати; но аще кто хотяше креститися, не браняху". Тамъ же, стр. 27.

христіанской религіи объясняется тѣмъ, что въ эпоху договоровъ съ Греками *понятіе о языческой тройцѣ государственныхъ боговъ, Богѣ, Перунѣ и Волосѣ, не отличалось уже рѣзко отъ понятія о Святой Тройцѣ христіанской религіи.* Вліяніе христіанскихъ понятій о Богѣ на языческія понятія нашихъ предковъ началось еще въ дунайской прародинѣ, перешло отсюда въ центральныя области Европы и съ теченіемъ времени измѣнило представленія нашихъ предковъ о небесныхъ богахъ. По свидѣтельству Прокопія *Славяне и Анты «признаютъ Единаго Бога творцомъ неба и единымъ владыкою всей вселенной»* [1]). По свидѣтельству Гельмольда «Славяне между многими божествами признаютъ *Единаго небеснаго Бога»* [2]).

Слѣдовательно, *уже въ VI вѣкѣ понятіе перваго лица въ языческой тройцѣ славянскихъ государственныхъ боговъ было тождественно съ понятіемъ перваго лица христіанской Тройцы* [3]). *Понятіе третьяго лица* Св. Тройцы, Животворящаго Духа, *соотвѣтствовало понятію языческаго Волоса*, какъ началу жизненному, оживляющему вещество, животворящему—одухотворяющему [4]). Но *въ понятіи о третьемъ лицѣ языческая тройца существенно отличалась отъ христіанской*: *Перунъ*, сынъ Бога язычниковъ, представляя собою начало массы—силы—разрушенія—войны, *требовалъ воинственности отъ народа, битвъ и кровныхъ жертвоприношеній, а Сынъ Бога христіанъ требовалъ мира и любви.* Отсюда Перунъ служилъ главнымъ различіемъ языческой религіи отъ христіанской и главнымъ препятствіемъ къ принятію Руссами — язычниками Св. Тройцы Руссовъ — христіанъ; «давно бяше въ Россіи, говорятъ источники, вѣра христіанская; но частыми браньми бяше угнетаема и не распространися» [5]). Консерватизмъ культа Арея — Перуна объясняется политическими условіями жизни нашихъ предковъ, требовавшими поддержанія воинственности въ народѣ, вслѣдствіе частыхъ войнъ, свойственныхъ народамъ, живущимъ въ политической разрозненности племенныхъ княженій. Но съ политическимъ объединеніемъ славянорусскихъ племенъ подъ властью первыхъ князей Рю-

---

[1]) „Θεὸν μὲν γὰρ ἕνα, τὸν τῆς ἀστραπῆς δημιουργὸν ἁπάντων κύριον μόνον αὐτὸν νομίζουσιν εἶναι. De bello Gothico; lib. III, cap. XIV.

[2]) „Inter multiformia vero deorum non diffitentur unum deum in coelis ceteris imperitantem. Illum praepotentem coelistia tantum curare: hos vero distributis officiis obsequentes de sanquine eius processisse et unumquemque eo prestantiorem quo, proximiorem illi deo deorum“. Chron. Slav.; LXXXIII.

[3]) См. выше стр. 101, 102.

[4]) См. тамъ же.

[5]) П. С. Р. Л., II, 251.

рикова дома, значеніе Перуна, какъ бога войны, сократилось само собою: *объединенная Русь требовала внутренняго устроенія, основаннаго на мирѣ между народами*, вошедшими въ составъ русскаго государства, занявшаго области отъ Балтійскаго моря до Чернаго и отъ Волги до Карпатскихъ горъ. Въ эпоху князя Владиміра военная сила Руси казалась непобѣдимою и безъ помощи бога войны, а внутренняго порядка въ ней не было: подвластныя кіевскому князю племена возставали въ надеждѣ на своего бога войны; а эта война была уже внутреннимъ государственнымъ безпорядкомъ. *Тогда кіевскій князь, его дружина и старѣйшины градскіе пришли къ сознанію необходимости вполнѣ замѣнить языческую тройцу государственныхъ боговъ Святою Тройцею, поставивъ въ первой на мѣсто браннаго Перуна христіанскаго Бога мира и любви.*

V. Учрежденія публичнаго права.

ГЛАВА XI.

Государственное право. Организація территоріи, народонаселенія и власти въ племенныхъ княженіяхъ русскихъ Славянъ. Значеніе города, волости и земли въ племенномъ княженіи [1]).

Государствомъ называется автократная форма общежитія, состоящая изъ трехъ неразрывно связанныхъ институтовъ: *территоріи, народа и верховной власти.* Въ жизни народовъ государство проявляется въ различныхъ формахъ, опредѣляемыхъ различною организаціей институтовъ, составляющихъ понятіе государства. *Форма и порядокъ государственнаго общежитія опредѣляются системою правилъ, составляющихъ государственное право.* Въ исторической жизни народовъ содержаніе государственнаго права такъ же различно, какъ различны формы государственныхъ союзовъ. Опредѣляя форму и порядокъ государственнаго общежитія, государственное право каждаго народа выражается въ организаціи его территоріи, народонаселенія и власти, а потому *знаніе государственнаго права даннаго народа и данной эпохи обусловливается знаніемъ организаціи институтовъ, составляющихъ его государство.*

---

[1]) Содержаніе, взаимное отношеніе, анализъ основаній и литературу по вопросу о формѣ и началахъ политическаго быта русскихъ Славянъ въ эпоху договоровъ съ Греками см. въ соч. Д. Самоквасова: „Изслѣдованія по исторіи русскаго права“; вып. I. Москва. 1896 г.

Какъ же организованы были территорія, народонаселеніе и власть въ славянорусскихъ княженіяхъ эпохи политическаго ихъ объединенія подъ властью князей Рюрикова дома?

По свидѣтельствамъ лѣтописи каждое племя, выселившееся изъ дунайской прародины, заняло въ центральной Европѣ особую область: «Словѣне пришедше и сѣдоша по Днѣпру, и нарекошася Поляне, а друзіи Древляне, зане сѣдоша въ лѣсѣхъ; а другіе сѣдоша межю Припетью и Двиною, и нарекошася Дреговичи; иніи сѣдоша на Двинѣ и нарекошася Полочане... Словени же сѣдоша около озера Ильмера... а другіи сѣдоша по Деснѣ, и по Семи, и по Сулѣ, и нарекошася Сѣверъ... Пришедъша, сѣдоста Радимъ на Съжю, прозвашася Радимичи, а Вятко сѣде съ родомъ (народомъ) своимъ по Оцѣ, отъ него же прозвашася Вятичи» [1]).

Каждое племя, занявъ особую область — территорію, *составило особое княженіе, особое племенное государство:* «Кій княжаше въ родѣ (народѣ) своемъ... и по сихъ братьи (Кія, Щека и Хорива) почаша держати родъ ихъ княженье въ Поляхъ; въ Деревлехъ свое, а Дреговичи свое, а Словѣни свое въ Новьгородѣ; а другое на Полотѣ, иже Полочане... [2]).

Каждое княженіе имѣло свою систему обычаевъ и законовъ: «имяху бо обычаи свои и законъ отець своихъ и преданья кождо свой нравъ» [3]).

Каждое княженіе было независимо отъ другихъ княженій въ политическомъ отношеніи и по своей волѣ становилось къ сосѣдямъ въ мирныя или военныя отношенія: «живяху въ мирѣ Поляне, и Деревляне, и Сѣверъ, и Радимичи, и Вятичи, и Хрвате...»; Поляне «быша обидими Деревляны и инѣми окольными» [4]).

Слѣдовательно, славянорусскій народъ до времени завоеваній Рюрика и Олега дѣлился на племена, каждое изъ которыхъ составляло особое государство, имѣло свое имя, свою территорію, свои органы государственной власти и свою систему права.

Данная область—*территорія называлась «землею»* даннаго племени: земля Польская или земля Полянъ, земля Древлянская, земля Дреговичей, земля Вятичей и т. д. [5]). Племенная *земля дѣлилась на «волости»*, меньшія земли или области, называвшіяся именами глав-

---

[1]) „Пособіе“, стр. 11, 12, 14.

[2]) Тамъ же, стр. 13.

[3]) Тамъ же, стр. 14.

[4]) Тамъ же, стр. 14, 16.

[5]) “Аскольдъ же и Диръ остаста въ градѣ семъ (Кіевѣ) и начаста владѣти Польскою землею... Древляне избраша лучшіе мужи, иже держаху Деревьску землю“... Тамъ же, стр. 17, 32, 33, 9, 24.

нѣйшихъ областныхъ городовъ, служившихъ политическими центрами волостей [1]).

Въ каждой племенной землѣ былъ свой центральный, главный городъ, въ которомъ помѣщался племенной князь (царь по иноземнымъ источникамъ) [2]). Главный городъ земли по отношенію къ младшимъ городамъ назывался «*старѣйшимъ* городомъ», а волостные города по отношенію къ старѣйшимъ назывались «*пригородами*» [3]). Государственная зависимость младшихъ отъ старѣйшаго города земли тѣсно связывала судьбу пригородовъ съ судьбою старѣйшаго города: *завоеваніе старѣйшаго города имѣло своимъ слѣдствіемъ завоеваніе всей племенной земли, всѣхъ ея волостей* [4]).

На племенной территоріи существовалъ только одинъ видъ общественныхъ поселеній, называемый въ источникахъ «городами». По свидѣтельству Ибнъ-Даста (перв. полов. X в.). «Русь не имѣетъ деревень; городовъ у нихъ большое число» [5]). Западные и восточные писатели IX и X столѣтія называли Русь «страною городовъ», а ея обитателей «жителями городовъ» [6]). Источники IX и X столѣтій

---

[1]) „Прія Рюрикъ власть всю одинъ... сѣде ту княжа и раздая мужамъ своимъ волости... Рюрикъ раздая мужамъ своимъ грады... Олегъ Святославичъ перея всю землю Муромску и Ростовьску, и посажа посадникы по городамъ". Тамъ же, стр. 5, 13, 17, 18, 21, 32.

[2]) „Заповѣда Олегъ даяти уклады на Рускіе городы: первое на Кіевъ, тажо и на Черниговъ, и на Переяславъ, и на Полътескъ, и на Ростовъ, и на Любечь, и на прочая городы; по тѣмъ бо городамъ сѣдяху князья подъ Ольгомъ суще". Тамъ же, стр. 21.

[3]) „Новгородци бо изначала. и Смолняне, и Кыяне, и Полочане, и вся власти якоже на думу на вѣча сходятся, на что же старѣйшіе сдумаютъ, на томъ же пригороди станутъ; а здѣ городъ старый Ростовъ и Суждаль, и вси боляре, хотяще свою правду поставити, не хотяху створити правды Божья, но „како намъ любо", рекоша... такоже створимъ, Володимерь есть пригородь нашъ". П. С. Р. Л., стр. 160.

[4]) Аскольдъ и Диръ, овладѣвъ Кіевомъ, „начаста владѣти Польскою землею". Княгиня Ольга, по взятіи Искоростѣня, старѣйшаго города Древлянской земли, предприняла путешествіе по Древлянской землѣ, „уставляющи уставы и уроки". Олегъ Святославичъ, по взятіи городовъ Мурома и Ростова, „перея всю землю Муромску и Ростовску и посажа посадники по городамъ". Тамъ же, стр. 108. Князь Олегъ „приде къ Смоленьску и прія градъ и посади мужь свой; оттуда поиде внизъ и взя Любечь и посади мужъ свой". „Пособіе", стр. 17, 34, 18.

[5]) Тамъ же, стр. 116.

[6]) Тамъ же, стр. 94, 122.

называютъ много городовъ на территоріяхъ русскихъ племенъ и совсѣмъ не упоминаютъ селъ, деревень и хуторовъ [1]). По лѣтописи неукрѣпленныя поселенія, изолированныя отъ городовъ, появляются въ Россіи только въ христіанскую эпоху, не ранѣе конца XI вѣка [2]). Въ эпоху договоровъ съ Греками *количество городовъ соотвѣтствовало количеству общественныхъ поселеній*. По статистическимъ свѣдѣніямъ о городищахъ, собраннымъ въ 1873 году по нашей программѣ вопросовъ, разосланной Центральнымъ Статистическимъ Комитетомъ во всѣ волости Европейской Россіи, только въ 12-ти губерніяхъ, заключающихся въ предѣлахъ земель древнихъ Древлянъ, Дулебовъ, Полянъ, Сѣверянъ, Дреговичей, Радимичей, Вятичей и Кривичей смоленскихъ, сохранилось 1530 городищъ, сопровождаемыхъ кладбищами языческихъ могилъ, слѣдовательно, по времени происхожденія относящихся къ языческой эпохѣ [3]). По географическому отрывку, хранящемуся въ Мюнхенской библіотекѣ, составленному по мнѣнію Гиббона и гр. Бюата, ее открывшаго, въ половинѣ VI вѣка, а по мнѣнію Шафарика въ IX столѣтіи [4]), *въ предѣлахъ земли русскихъ и польскихъ Славянъ существовало около пяти тысячъ городовъ*. Число это соотвѣтствуетъ свидѣтельствамъ древнихъ писателей о количествѣ городовъ у древнихъ осѣдлыхъ народовъ, жившихъ въ племенной разрозненности. Племена такихъ народовъ, подобно племенамъ Славяноруссовъ, владѣли сотнями городовъ [5]).

---

[1]) Свидѣтельство: „браци не бываху въ нихъ, но игрища межю селы“, принадлежитъ Нестору, а не источникамъ IX и X столѣтій, а слово „село“ означаетъ въ немъ поселеніе вообще; имѣется варіантъ приведеннаго свидѣтельства Нестора, гдѣ вмѣсто словъ: „игрища межю селы“, читается: „игрища веселы“.

[2]) См. Самоквасова: Древ. гор. Рос., стр. 74—165.

[3]) По статистическимъ свѣдѣніямъ городищъ, сопровождаемыхъ языческими могилами, сохранилось въ Подольской губерніи 120, Волынской 158, Кіевской 218, Полтавской 202, Черниговской 162, Минской 214, Могилевской 125, Смоленской 57, Тульской 54, Орловской 58, Курской 78, Воронежской 84... Изъ этого числа исключены всѣ сообщенія волостей о городищахъ новой формы (съ бастіонами) и городки, несопровождаемые языческими могилами и представлявшіе собою временныя пограничныя укрѣпленія. См. „Свѣдѣнія о городищахъ и курганахъ“, изд. въ „Трудахъ И. Рус. Арх. Общ.“, подъ ред. А. Спицына.

[4]) См. Гиббона: Hist. of the decl. and fall of Rom. Emp..; т. I, гл. XLI. Гр. Бюата: Histoires de peuples; т. II, стр. 145. Шафарика: Слав. древн.; т. II, кн. I, стр. 215—229, 237; т. II, кн. IV, приложеніе N. XIX, стр. 70.

[5]) По свидѣтельству Геродота, въ Египтѣ времени Амазиса было „двадцать тысячъ населенныхъ городовъ“. Исторія Геродота: кн. II,

Распредѣленіе городовъ на территоріяхъ племенъ было неравномѣрно. Судя по сохранившимся городищамъ, *на высокихъ побережьяхъ* рѣкъ города были расположены въ разстояніи отъ версты до пяти верстъ одно отъ другого, такъ что *съ одного города можно было видѣть два-три сосѣднихъ; низменныя же побережья* рѣкъ на десятки и сотни верстъ *оставались незаселенными* [1]). *Помѣщеніе поселеній*

гл. 177. По свидѣтельствамъ біографовъ Александра Македонскаго, сопровождавшихъ его въ походѣ на Индію, осѣдлые народы этой страны „владѣли такою массою городовъ, что сосчитать ихъ не было возможности". Въ одной странѣ свободныхъ Индусовъ, лежавшей между Гидангомъ и Гипаніей, Македоняне покорили подъ свою власть пять тысячъ городовъ, переданныхъ Александромъ Македонскимъ одному изъ индійскихъ царей Пору, имѣвшему до того времени въ своемъ владѣніи около трехсотъ городовъ. Страбонъ; кн. XV, гл. I, п. 3 и 29. Историкъ Аристобулъ видѣлъ „область, потерявшую около тысячи городовъ", вслѣдствіе измѣненія русла рѣки Инда, оставившаго внѣ орошенія сказанную область. Тамъ же, кн. XV; гл. I, п. 19. По библейскимъ сказаніямъ Израильтяне покорили въ Ханаанской землѣ множество градовъ, изъ которыхъ на долю племени Рувима досталось 60, племени Симеона 90, Іуды 115 и т. д.; Книга Іисуса Навина; гл. XIII, XV, XVIII, XIX и пр. Въ эпоху Гомера на островѣ Критѣ существовало до 100 городовъ, а въ Спартѣ 100 городовъ. Страбонъ; кн. X, гл. IV, п. 15; кн. VIII, гл. IV, п. 11. Въ „Пелопонезской войнѣ" Ѳукидида упоминается до 1000 названій греческихъ городовъ. Карѳагенъ до пунической войны владѣлъ 300 городовъ. Страбонъ; кн. XVII, гл. III, п. 11. Въ древней Иберіи (Испаніи) Римляне разрушили болѣе 1000 городовъ; въ одной области Кельтиберіи Тиверій Гракхъ разрушилъ 300 городовъ, обративъ ихъ въ деревни. Тамъ же; кн. II, гл. IV, п. 13. Павелъ Эмилій, побѣдивши Македонянъ, разрушилъ въ одной области Эпира 70 городовъ. Тамъ же; кн. VI, гл. VII, п. 3. Русскій князь Святославъ, побѣдивъ Болгаръ, взявъ въ одинъ походъ 80 городовъ, лежавшихъ по Дунаю. „Пособіе", стр. 35. По свѣдѣніямъ китайскихъ лѣтописей, относящимся къ осѣдлымъ племенамъ центральной Азіи, „въ Давани находится до 70 большихъ и малыхъ городовъ". (М. Іокинфа Свѣд. о нар. сред. Азіи; ч. III, стр. 4); „у племени Канъ большихъ городовъ считается 30, а малыхъ до 300" (тамъ же, стр. 338); „владѣніе Ань или Бухо заключаетъ въ себѣ большихъ городовъ 40, а малыхъ окоповъ до 1000" (тамъ же. стр. 240); „въ маломъ Кангюйскомъ владѣніи находится 500 городовъ" (тамъ же, стр. 247); и т. д. См. Самоквасова: Формы соціальной организаціи древнихъ осѣдлыхъ народовъ. Варш. Унив. Извѣстія. 1887 г. N. I—III.

[1]) См. карту городищъ Черниговской губерніи, приложенную къ на-

на возвышенностяхъ обусловливалось цѣлью городовъ, *потребностями самообороны:* съ возвышенныхъ пунктовъ легче было слѣдить за движеніями непріятеля и защищаться отъ него.

Волости племенныхъ территорій представляли собою группы городовъ, раздѣленныя одна отъ другой обширными незаселенными пространствами. При такомъ распредѣленіи волостей границы ихъ не нуждались въ искусственномъ обозначеніи. Границами служили рѣки, озера, горы и невоздѣланныя пространства земли. *Поземельное владѣніе каждой общины, начинаясь въ центрѣ общественнаго поселенія, и опредѣлялось въ своемъ протяженіи мѣрою фактическаго владѣнія,*—по древней формулѣ: «куда плугъ, коса и топоръ ходили», до тѣхъ поръ простиралось и владѣніе. Эта формула часто встрѣчается въ древнихъ купчихъ, рядомъ съ другою формулою, что къ такому-то пункту «потягло изъ старины». Въ древнѣйшихъ изъ сохранившихся купчихъ сказанныя формулы уже не имѣютъ самостоятельнаго значенія, часто сопровождаются очень точнымъ обозначеніемъ границъ [1]); но онѣ наслѣдованы отъ того времени, когда были достаточны сами по себѣ, безъ дальнѣйшихъ опредѣленій.

шему изслѣдованію о древнихъ городахъ Россіи. Въ Новгородъ-Сѣверскомъ уѣздѣ Черниговской губерніи, на правомъ возвышенномъ берегу Десны, на протяженіи около 25 верстъ, сохранилось одиннадцать древнихъ городищъ; а затѣмъ на низменныхъ побережьяхъ Десны, между д. Кудлаевкою и с. Мезинымъ, на протяженіи около 10 верстъ, не сохранилось никакихъ признаковъ древнихъ поселеній. Отъ с. Мезина тянется снова возвышенный берегъ Десны на протяженіи около 15 верстъ и здѣсь сохранилось тринадцать городищъ; а далѣе на протяженіи около 100 верстъ, на низменныхъ побережьяхъ Десны, опять не сохранилось никакихъ признаковъ древнихъ поселеній. Въ Глуховскомъ уѣздѣ на возвышенныхъ побережьяхъ рѣкъ Сейма и Клевени съ ихъ притоками, на протяженіи около 60 верстъ, сохранилось до двадцати городищъ; а въ междурѣчьяхъ, раздѣленныхъ рѣками Десною, Сеймомъ и Клевенемъ, въ предѣлахъ Новгородъ-Сѣверскаго, Кролевецкаго и Глуховскаго уѣздовъ. совсѣмъ не сохранилось городищъ. Такое же расположеніе городищъ было наблюдаемо нами въ Кіевской губ., на побережьяхъ Днѣпра, Роси, Россавы, Красной и Унавы, гдѣ на возвышенныхъ берегахъ городища встрѣчаются такъ часто, что обыкновенно съ вершины одного изъ нихъ можно видѣть нѣсколько другихъ. Такъ же расположены городища въ Переяславскомъ и Роменскомъ уѣздахъ Полтавской губ., на берегахъ рѣкъ Днѣпра, Трубежа, Сулы и Ромна; въ Путивльскомъ уѣздѣ Курской губ., на берегахъ рѣкъ Сейма и Рати и во всѣхъ другихъ мѣстностяхъ, гдѣ были произведены изслѣдованія.

[1]) Акты юридическіе, изд. Археограф. ком.; N. 76 и др.

По договору Игоря съ Греками область устья Днѣпровскаго, Бѣлобережья и Св. Ельферья составляла *нейтральное пространство земли*, которымъ могли пользоваться Греки и Русскіе, но только временно, не имѣя права оставаться тамъ на зиму [1]).

ГЛАВА XII.

Составъ населенія племенного княженія. Жрецы - волхвы, князья, свободные люди и рабы. Организація власти въ племенномъ княженіи. Власть вѣча, князя и жрецовъ. Политическая связь городской общины съ волостью и волости съ племенною землею.

Въ составѣ народонаселенія племенныхъ русскихъ территорій различались четыре класса: жрецы-волхвы, князья, свободные люди и рабы.

Жрецы — гадатели — вѣщуны — волхвы — знахари — кудесники составляли классъ лицъ, по народному вѣрованію, обладавшихъ искусствомъ познавать волю боговъ и передавать ее людямъ. Князь Гостомыслъ, желая узнать волю боговъ о своемъ наслѣдникѣ, отправился въ Холмоградъ «вопросити боги о наслѣдіи, и восшедъ на высокая, принесе жертвы многи, и вѣщуны угобзи; вѣщуны же отвѣщаше ему, яко боги обѣщаютъ ему дати наслѣдіе отъ ложескъ его» [2]). Князь Олегъ вопрошалъ «волхвовъ-кудесниковъ: отъ чего ми есть умрети»? [3]). По Густинскому списку лѣтописнаго свода, «аще ли бы случилося за нерадѣніемъ служащаго іерея когда сему огню (Перуна) угаснути, таковаго іерея безъ всякія милости убиваху» [4]). Классъ жрецовъ не имѣлъ у насъ значенія ни касты, ни замкнутаго сословія; *волхвованіе-гаданіе было занятіемъ свободнымъ,* какъ

---

[1]) „Пособіе", стр. 29.

[2]) Тамъ же, стр. 5.

[3]) Тамъ же, стр. 25.

[4]) П. С. Р. Л.; II, стр. 257. См. еще тамъ же; I, стр. 75—78. „Есть у нихъ знахари, изъ коихъ иные повелѣваютъ царю, какъ будто они начальники ихъ (Руссовъ). Случается, что приказываютъ они приносить жертву творцу ихъ, что ни вздумается имъ: женщинъ, мужчинъ и лошадей; а ужъ когда приказываютъ знахари, не исполнить ихъ приказанія нельзя никоимъ образомъ. Взявъ человѣка или животное, знахарь накидываетъ ему петлю на шею, навѣшиваетъ жертву на бревно и ждетъ, пока оно не задохнется, говоря, что это жертва Богу". „Пособіе", стр. 8, 25, 117.

знахарство позднѣйшаго времени, открытымъ для всякаго, кто желалъ ему посвятить себя и изучить искусство волхвованія.

Князья — бояры — старѣйшины, лучшіе мужи были начальники земель, волостей и городовъ. Въ лѣтописномъ разсказѣ о переговорахъ княгини Ольги съ Древлянами лица этого класса называются «лучшими мужами, держащими Древлянскую землю», «нарочитыми мужами», «старѣйшинами» и «князьями, пасущими Древлянскую землю» [1]). Въ договорѣ съ греками 907 года начальники русскихъ городовъ, состоявшіе подъ властью Кіевского князя, называются «князьями» [2]), а въ текстѣ договора 911 года этимъ князьямъ соотвѣтствуютъ «свѣтлые бояре» [3]). Въ текстѣ договора Игоря князья и бояре сопоставляются, какъ выраженія однозначущія [4]). Константинъ Багрянородный, описывая церемоніальный пріемъ княгини Ольги въ Константинополѣ, перечисляетъ пять дружинниковъ князя Святослава, восемь русскихъ князей, двадцать два посла отъ русскихъ князей и восемнадцать русскихъ княгинь, состоявшихъ въ свитѣ княгини Ольги [5]).

Людьми называлось все свободное народонаселеніе городовъ. Въ договорѣ Игоря люди занимаютъ мѣсто послѣ всякаго княжья [6]), а въ лѣтописномъ разсказѣ о плѣненіи княгинею Ольгою народонаселенія города Искоростѣня люди слѣдуютъ за городскими старѣйшинами, какъ масса свободнаго городского населенія [7]). Подобно другимъ

---

[1]) „Послаша Древляне лучьшіе мужи, числомъ 20... Наши князи добры суть, иже распасли суть Деревьску землю... Пришлите мужа нарочиты, да въ велицѣ чти приду за вашъ князь... Древляне избраша лучьшіе мужи, иже дерьжаху Деревьску землю... Старѣйшины же града изъима, и прочая люди овыхъ изби, а другія работѣ предастъ мужемъ своимъ“. Тамъ же, стр. 31—34.

[2]) „И заповѣда Олегъ даяти уклады на Русскіе городы: первое на Кіевъ, таже и на Черниговъ, и на Переяславъ, и на Полтескъ, и на Ростовъ, и на Любечь, и на прочая городы, по тѣмъ бо городамъ сѣдяху князья подъ Ольгомъ суще“. Тамъ же, стр. 21.

[3]) „Послани отъ Ольга великаго князя Русскаго и отъ всѣхъ, иже суть подъ рукою его „свѣтлыхъ боярь“. Тамъ же, стр. 22.

[4]) „Посланіи отъ Игоря великаго князя русскаго, и отъ всякоя княжья, и отъ всѣхъ людій Русскія земли... И великій князь нашъ Игорь, и боляре его, и люде вси Русціи послаша ны“. Тамъ же, стр. 27.

[5]) См. Constantini Porphyrogeneti: De ceremoniis aulae Byzantinae; Lib. II; cap. XV.

[6]) „Пособіе“, стр. 27.

[7]) „*Старѣйшины* же града изъима, а *прочая люди* овыхъ изби, а другія работѣ предасть мужемъ своимъ, а прокъ ихъ остави платити

классамъ народонаселенія племенныхъ княженій, *классъ «городскихъ людей» не имѣлъ кастоваго и сословнаго значенія.* Горожане занимались преимущественно земледѣліемъ: «вси грады ваши, говорили послы Ольги жителямъ Искоростѣня, дѣлають нивы своя и землѣ, своя» [1]); но земледѣльческій промыслъ не исключалъ другихъ промысловъ; глядя по личнымъ способностямъ, имущественнымъ средствамъ и времени года, каждый горожанинъ могъ быть земледѣльцемъ, купцомъ, ремесленникомъ, воиномъ, знахаремъ, а въ случаѣ народнаго избранія, и бояриномъ—княземъ.

Рабы назывались челядью [2]). *Источникомъ рабства былъ военный плѣнъ* [3]). По свидѣтельству Маврикія «Анты и Славяне не держали плѣнниковъ въ вѣчномъ рабствѣ, какъ другіе народы, а только опредѣленный срокъ, по истеченіи котораго плѣннымъ предоставлялось на выборъ: откупившись, вернуться на родину, или оставаться въ качествѣ людей свободныхъ» [4]). При такомъ характерѣ института *классъ рабовъ не былъ многочисленнымъ* въ составѣ народонаселенія племенныхъ княженій.

У древнихъ германскихъ племенъ, по свидѣтельству Юлія Цезаря и Тацита, органами государственной власти были: народныя собранія, выборные начальники и жрецы. Менѣе важныя дѣла рѣшали начальники, а болѣе важныя рѣшались общимъ народнымъ собраніемъ послѣ предварительнаго обсужденія ихъ начальниками. На рѣшеніе общественныхъ дѣлъ важное вліяніе оказывали жрецы, посредствомъ гаданій узнававшіе волю боговъ и сообщавшіе ее людямъ. Никто не имѣлъ права по своему произволу кого бы то ни было подвергать тѣлесному наказанію или лишать свободы. Власть начальниковъ (reges, principes, duces) ограничивалась производствомъ суда и управленія по обычнымъ правиламъ [5]).

По свидѣтельству Прокопія, Маврикія и Константина Багрянороднаго Анты и Славяне управлялись демократически, обсуждая и рѣшая общественныя дѣла въ народныхъ собраніяхъ. Слѣдовательно, цари (reges), князья (principes) и военачальники (duces) древнихъ Антовъ и Славянъ имѣли такую же ограниченную власть, какъ

дань". Тамъ же, стр. 34. Въ 1096 году князья Святополкъ и Владиміръ звали князя Олега въ Кіевъ, чтобы положить рядъ о Русской землѣ „предъ епископы и предъ игумены, и *предъ мужи* отець нашихъ, *и предъ людьми градскими*". П. С. Р. Л.; I, стр. 98.

[1]) „Пособіе", стр. 33.

[2]) Тамъ же, стр. 23, 24, 37.

[3]) Тамъ же, стр. 34.

[4]) Strat.; lib. XI, cap. V.

[5]) См. Тацита: Германія; гл. VII—XII.

цари, князья и военачальники древнихъ Германцевъ. Главнѣйшія общественныя дѣла рѣшались не начальниками, а народными собраніями. Власть начальниковъ ограничивалась судомъ и управленіемъ въ границахъ дѣйствовавшей системы права. Но начальники, какъ лица, занимавшія первое мѣсто въ обществѣ, должны были имѣть важное вліяніе на рѣшенія народныхъ собраній, а отсюда понятно правило Маврикія, по которому «очень полезно въ войнахъ съ Славянами посредствомъ подарковъ склонять на свою сторону часть ихъ начальниковъ, чтобъ помѣшать соединенію племенъ подъ властью одного вождя» [1]).

Власть русскаго народнаго собранія или вѣча (отъ слова вѣчать — вѣщать — свѣщаніе — совѣщаніе) была подобна власти народнаго собранія древнихъ Германцевъ, Антовъ и Славянъ: *вѣче обдумывало, обсуждало и рѣшало государственныя дѣла.* Въ лѣтописномъ разсказѣ о наложеніи дани Козарами на Полянъ говорится: «быша обидимы Древлями, инѣми окольними, и наидоша я Козарѣ;... и рѣша Козари: «платите намъ дань; *съдумавше Поляне* и вдаша отъ дыма мечъ» [2]). Новгородское рѣшеніе призвать Рюрика было принято на совѣщаніи народнаго собранія [3]). Княгиня Ольга вела переговоры съ народомъ Древлянской земли и принимала пословъ отъ Древлянской земли [4]). По поводу распри, возникшей въ Ростовской землѣ, между старѣйшими городами и пригородами, лѣтописецъ бросаетъ взоръ на далекую древность и говоритъ: «Новгородци бо *изначала*, и Славяне, и Кыяне, и Полочане, и вся власти, яко же на думу, *на вѣча сходятся*, на что же старѣйшіе сдумаютъ, на томъ же пригороди станутъ» [5]).

Вѣча существовали во всѣхъ городахъ, въ старѣйшихъ городахъ земель и волостей и отдѣльныхъ городскихъ общинахъ, а власть каждаго вѣча распространялась только на землю, ему принадлежавшую. *Значеніе органа верховной — государственной власти имѣло только вѣче старѣйшаго города племенной земли*, такъ какъ только власть старѣйшаго города земли простиралась на всю территорію племенного княженія. Вѣче старѣйшаго города земли соединяло въ себѣ власть законодательную, правительственную и судебную. Памятниками такой власти вѣча въ христіанскую эпоху является власть вѣча въ народоправствахъ Новгородскомъ и Псковскомъ, развивавшихъ въ эпоху удѣльныхъ государствъ начала соціальной органи-

---

[1]) Strat., 273.

[2]) „Пособіе“, стр. 16.

[3]) Тамъ же, стр. 5, 17.

[4]) Тамъ же, стр. 32.

[5]) П. С. Р. Л.; I, стр. 160.

заціи, лежавшія въ эпоху племенныхъ княженій въ основаніи государственнаго устройства всѣхъ русскихъ княженій. *Компетенція вѣчъ въ пригородахъ ограничивалась дѣлами мѣстнаго управленія и суда*; по дѣламъ, выходившимъ изъ сферы мѣстныхъ потребностей, касавшимся стоявшимъ рядомъ съ ними и надъ ними сферъ общежитія, рѣшенія пригородныхъ вѣчъ должны были сообразоваться съ рѣшеніями вѣчевыхъ собраній въ городахъ старѣйшихъ: «на что же старѣйшіе сдумаютъ, на томъ же пригороды станутъ».

Народъ призывался на совѣщанія только въ опредѣленные сроки и по важнѣйшимъ государственнымъ дѣламъ. *Органами власти, дѣйствовавшими постоянно, были должностныя лица: reges, principes, duces, князья, старѣйшины, старосты, бояры и пр.* Власть должностного лица *истекала изъ народной воли*, опредѣлялась избраніемъ народа. По свидѣтельству Тацита, Германцы избирали своихъ царей (reges) изъ знатныхъ родовъ, по знатности происхожденія, а вождей (duces) выбирали по ихъ мужеству—храбрости [1]). *У древнихъ Славянъ власть гражданская не была отдѣлена отъ власти военной.* Въ древнеславянскомъ обрядѣ настолованія, сопровождавшемъ избраніе князя, соблюдавшемся у Хорутанъ до XIV столѣтія, сохранились формулы, изъ которыхъ видно, какъ древніе Славяне смотрѣли на власть своего князя. Дружина подводила новоизбраннаго князя къ стоявшему среди поля каменному столу, на которомъ сидѣлъ одинъ изъ сельскихъ старостъ земли. «Кого вы ведете?» спрашивалъ староста. Ему отвѣчали: «князя этой земли, и ты долженъ уступить ему столъ». «Не уступлю стола, говорилъ староста, пока не узнаю, достоинъ ли онъ сидѣть на немъ; честный ли онъ и благородный человѣкъ; справедливый ли онъ судья, не дозволяющій отвлекать себя отъ правды ни дружбѣ, ни враждѣ; будетъ ли онъ охранять покой земли, защищать вдовъ и сиротъ, защищать право каждаго?» На всѣ эти вопросы дружина, сопровождавшая князя, давала утвердительные отвѣты, а трое знатныхъ лицъ присягали за князя. Тогда староста уступалъ князю столъ, а князь, ставъ на столъ, приносилъ присягу и махалъ обнаженнымъ мечомъ на всѣ четыре стороны въ знакъ того, что будетъ охранять землю отъ всѣхъ враговъ [2]).

Власть избраннаго князя опиралась на народномъ довѣріи; а главною и постоянною его общественною дѣятельностью было отправленіе правосудія по системѣ дѣйствовавшаго племенного права, можетъ быть, иногда и при посредствѣ жрецовъ, какъ у древнихъ Германцевъ [3]). Если народъ вѣрилъ князю, то отдавался ему вполнѣ, а

---

[1]) Германія; гл. 7.

[2]) Палацкій: Dejny; I, 197—198, пр. 166.

[3]) „Пособіе“, стр. 5, 17.

если терялъ къ нему довѣріе, то лишалъ и власти. Въ видахъ сохраненія народнаго довѣрія князь долженъ былъ избѣгать произвола въ своей правительственной, военной и судебной дѣятельности, долженъ былъ обращаться къ народу и его старѣйшинамъ при всякомъ вопросѣ, выходившемъ за предѣлы ясныхъ указаній дѣйствовавшей системы права. Изъ лѣтописнаго описанія отношеній племенныхъ славянорусскихъ княженій къ первымъ князьямъ Рюрикова дома ясно видно, что власть племенного князя стояла на второмъ планѣ по отношенію къ волѣ народа,—волѣ «земли».

По свидѣтельству Тацита у древнихъ Германцевъ никто не имѣлъ права ни наказывать тѣлесно, ни заключать въ оковы, за исключеніемъ жрецовъ; но и жрецы имѣли его не въ видѣ наказанія и не по власти начальниковъ, а какъ бы по волѣ божества... Воля божества познавалась посредствомъ гаданій... Въ народныхъ собраніяхъ жрецамъ принадлежало право водворять порядокъ и обуздывать своевольныхъ [1]). *Власть жрецовъ опиралась на искусствѣ гаданія-волхвованія, посредствомъ котораго познавалась воля боговъ.* Кому удавалось изучить искусство гаданій въ высшей степени, пріобрѣсти наибольшую ловкость въ волхвованіи—кудесничествѣ, кто пріобрѣталъ славу вѣрнаго прорицателя воли боговъ, тотъ пользовался наибольшимъ значеніемъ, *имѣлъ вліяніе не только на жизнь частныхъ людей, но и на государственную жизнь народа.* По сказанію Іоакима, старѣйшины Новгородской земли рѣшились призвать на княженіе младшаго внука Гостомысла именно потому, что воля боговъ, переданная вѣщунами, указала на Рюрика, какъ наслѣдника Гостомысла [2]). По сказанію Ибнъ-Даста: «есть у Руссовъ знахари, изъ коихъ иные повелѣваютъ царю, какъ будто они начальники ихъ... Когда приказываютъ знахари, то не исполнить ихъ приказанія нельзя никоимъ образомъ [3]). То же самое говорятъ источники о значеніи жрецовъ у западныхъ Славянъ. У Вагровъ былъ жрецъ, имѣвшій одинаковую власть съ княземъ [4]); на островѣ Ранѣ былъ жрецъ, почитавшійся выше царя [5]). Жрецы обязаны были приносить жертвы и молиться за весь

---

[1]) Германія; гл. VII, X и XI.

[2]) „Пособіе“, стр. 5.

[3]) Гаркави: Сказанія мусуль-писателей; стр. 269. Тамъ же, с. 117. Даже при первыхъ христіанскихъ князьяхъ изъ дома Рюрика появлялись иногда волхвы, возбуждавшіе къ себѣ безусловное довѣріе народной массы, возмущавшіе своими волхвованіями и прорицаніями цѣлые города и области. См. П. С. Р. Л.; I, стр. 75—78.

[4]) Гельмольдъ: LXXXIII.

[5]) См. Макушева: Сказ. иностранцевъ о бытѣ и нравахъ Славянъ, стр. 106.

народъ, посредствомъ гаданій узнавать волю боговъ и возвѣщать ее народу, беречь святилища—храмы и заключенные въ нихъ кумиры боговъ и народныя священныя знамена. Только жрецы имѣли право сидѣть въ храмахъ, а всѣ прочіе люди должны были стоять; только жрецы могли распоряжаться сокровищами храма, слагавшимися изъ частныхъ и общественныхъ вкладовъ. По внѣшности жрецы отличались особою одеждою и длинными волосами [1]).

По вышеизложеннымъ фактамъ *племенное славянорусское государство—княженіе заключало въ себѣ три формы общежитія*, автономныя по внутреннимъ своимъ дѣламъ и связанныя послѣдовательною подчиненностью политическому центру государства по внѣшнимъ дѣламъ: *городъ—городскую общину, волость—союзъ городскихъ общинъ и землю—союзъ волостей.*

Городскую общину составлялъ союзъ лицъ и семействъ, жившій въ укрѣпленномъ поселеніи, владѣвшій своимъ участкомъ земли *и управлявшійся своимъ вѣчемъ и своимъ княземъ*—старѣйшиною—старшиною. Каждая *община, по дѣламъ своей внутренней жизни*, касавшимся только ея членовъ, *представляла автономное общество*, имѣвшее свою власть, административную и судебную; а по дѣламъ внѣшнимъ, военнымъ и судебнымъ (въ тяжбахъ между общинами), община является частью волости, подчиненною волостному центру и его властямъ.

Волость составляла группа городскихъ общинъ, имѣвшая свою область, свое вѣче и своего князя. Власть волости помѣщалась въ старѣйшемъ ея городѣ. *Рѣшенія волостной власти были обязательны для всѣхъ городскихъ общинъ*, составлявшихъ волость: «на чемъ старѣйшіи сдумаютъ, на томъ и пригороды станутъ». Волость стояла къ землѣ въ такомъ отношеніи, въ какомъ городская община стояла къ волости.

Землю составляла группа волостей, владѣвшихъ общею территоріею и связанныхъ общимъ подчиненіемъ власти вѣча и князя старѣйшаго города земли. Рѣшенія земской власти были обязательны для всѣхъ волостей, составлявшихъ землю, насколько они касались земской самообороны и отношеній между волостями и общинами.

Основная цѣль земскаго государственнаго союза, проникавшая и связывавшая всѣ его соціальныя формы; *состояла въ соединеніи личныхъ силъ для народной самообороны.* Отсюда рѣшеніе какой бы то ни было власти (земской, волостной, общинной) о войнѣ наступательной не могло имѣть обязательнаго характера для народа; *внѣшнія войны имѣли свободный характеръ*, подобный имущественнымъ предпріятіямъ; князь и всякій гражданинъ имѣли право предпри-

---

[1]) Тамъ же, стр. 102—106.

нять внѣшнюю войну противъ всякаго народа, не связаннаго договоромъ съ ихъ отечествомъ, но военныя силы такого предпріятія составлялись изъ охотниковъ. *Война оборонительная была обязательна для всего государственнаго народонаселенія*, для всѣхъ гражданъ, способныхъ носить оружіе. Въ виду такой войны заранѣе опредѣлялись сигналы военной тревоги и пункты, въ которыхъ должны были собираться по военному сигналу способные защищаться оружіемъ. Въ виду народной самообороны *населеніе волостей*, способное защищаться оружіемъ, *дѣлилось на сотни и тысячи*, состоявшія подъ начальствомъ сотниковъ и тысяцкихъ, упоминаемыхъ въ лѣтописи времени Владиміра Святославича и древнѣйшихъ юридическихъ актахъ, какъ учрежденія старыя, время происхожденія которыхъ неизвѣстно. Народъ, разбитый непріятелемъ въ открытомъ полѣ, бѣжалъ въ города и защищался городскими стѣнами. Въ 945 году «Ольга съ сыномъ своимъ Святославомъ, собра вои многи и храбры, иде на Деревьску землю. Изидоша Деревляне противу; сънемъшемъся обѣма полкома на скупъ... И побѣдиша Деревляны; Деревляне же побѣгоша и затворишася въ градѣхъ своихъ. Ольга же устрямишася съ сыномъ своимъ въ Искоростѣнь градъ»[1]). *Городская община*, не надѣявшаяся на крѣпость своего города, оставляла его и *искала защиты въ старѣйшемъ городѣ своей волости или земли*. Описывая войну князей Изяслава и Ростислава Мстиславичей съ князьями Изяславомъ Давидовичемъ и Святославомъ Ольговичемъ (1147 г.), лѣтописецъ говоритъ: «Изяславъ Мстиславичъ съ братомъ своимъ Ростиславомъ... пришедше ко Всеволожю полкы своими, и взяша Всеволожь градъ на щитъ *и ина въ немъ бяста два города вошла*. Слышавше иніи гради, Уненѣжь, Бѣлавѣжа, Бохмачь, оже Всеволожь взятъ, *и побѣгоша Чернигову* и иніи гради мнози бѣжаша»[2]).

Поясненіемъ военной организаціи древнихъ русскихъ княженій могутъ служить сообщенія наблюдателей о народной самообороне осѣдлыхъ народовъ, живущихъ нынѣ въ племенной соціальной организаціи. Напримѣръ, англичанинъ Бекеръ, въ своемъ сочиненіи «Измаилія», характеризуетъ военную организацію африканскаго земледѣльческаго племени Барійцевъ слѣдующими чертами. Племя владѣетъ опредѣленною областью. Народонаселеніе живетъ въ укрѣпленныхъ поселеніяхъ. Каждое поселеніе имѣетъ своего начальника, шеика (князя), избираемаго изъ членовъ наиболѣе богатой и знатной семьи. Надъ шеиками возвышается власть главнаго шеика (великаго князя), выбираемаго изъ членовъ наиболѣе богатаго и знат-

---

[1]) „Пособіе“, стр. 33.

[2]) Тамъ же, П. С. Р. Л.; II, стр. 36.

наго рода [1]). Ежедневно, раннимъ утромъ, незадолго до восхода солнца, въ каждомъ поселеніи раздается глухой звукъ барабана, принадлежащаго князьку — шейку, извѣстнымъ числомъ ударовъ извѣщающаго населеніе общины, что пора доить коровъ. Когда это дѣло кончено, барабанъ бьетъ снова, извѣщая населеніе, что пора выходить на полевыя работы и выгонять скотъ на пастбище. Вечеромъ такимъ же сигналомъ народонаселеніе и скотъ созываются съ полей въ укрѣпленія поселеній [2]). Каждое поселеніе обнесено крѣпкою оградою изъ свай, тѣсно уставленныхъ одна возлѣ другой, до восьми футовъ вышины; входъ въ ограду только съ одной стороны [3]). Въ случаѣ военной тревоги барабанъ шейка призываетъ народонаселеніе къ оружію настолько характерными звуками, что слышавшій ихъ разъ никогда не забудетъ. Черезъ нѣсколько секундъ такіе звуки барабановъ раздаются во всѣхъ окрестныхъ селеніяхъ и вѣсть о нападеніи непріятеля разносится по всей странѣ почти съ быстротою звука. Народъ спѣшитъ укрыться и укрыть свой скотъ въ поселеніяхъ, укрѣпленія которыхъ запираются, а всѣ способные защищаться оружіемъ собираются въ заранѣе назначенный пунктъ. Встрѣтивъ и поразивъ непріятеля, Барійцы преслѣдуютъ его, по возможности, до окончательнаго истребленія; въ случаѣ же пораженія непріятелемъ въ открытомъ полѣ, народъ разбѣгается по своимъ поселеніямъ и защищается при посредствѣ ихъ укрѣпленій [4]). Мы видимъ здѣсь способъ народной самообороны, совершенно соотвѣтствующій способу племенной самозащиты древнихъ Грековъ, Римлянъ, Кельтовъ, Германцевъ, Литовцевъ, Славянъ и Славяноруссовъ [5]) («disponere diem, valare noctem», «побѣгоша и затворишася въ градѣхъ своихъ»).

---

[1]) См. Бекера Паши: Измаилія, стр. 128, 140, 141. Изд. 1875 г.

[2]) Ср. Тацита о Германцахъ; гл. XXX: „disponere diem, vallare noctem“.

[3]) „Всѣ поселенія Барійцевъ, говоритъ Бекеръ, помѣщаются на возвышенностяхъ и отъ природы сильныхъ позиціяхъ, а сверхъ того укрѣплены искусственно... На этомъ пространствѣ было множество селеній, которыя всѣ были обнесены оградами“. Къ этому мѣсту „Измаиліи“ приложенъ ландшафтъ, съ изображеніемъ пяти барійскихъ поселеній, по ихъ расположенію, устройству и величинѣ совершенно соотвѣтствующихъ нашимъ городищамъ древней формы. Тамъ же, стр. 132, 150, 179.

[4]) Тамъ же, стр. 132 и слѣд.; 150, 179 и слѣд.

[5]) См. Варш. Унив. Извѣстія. 1887 г. №№ 1 и 2. Ст. Д. Самоквасова: Общества осѣдлыхъ народовъ.

ГЛАВА XIII.

Процессуальное право. Теоріи мести. Организація суда и судопроизводство въ племенныхъ княженіяхъ. Исполненіе судебныхъ рѣшеній [1]).

Процессуальнымъ правомъ называется система правилъ, опредѣляющихъ организацію, компетенцію и дѣятельность учрежденій, охраняющихъ порядокъ общежитія, установленный дѣйствующею въ государствѣ системою права. *Задача процессуальныхъ институтовъ состоитъ въ изысканіи, преслѣдованіи и возстановленіи правонарушеній* порядкомъ, опредѣляемымъ процессуальнымъ правомъ. Опредѣляя порядокъ преслѣдованія правонарушеній и возстановленія нарушеннаго права, процессуальные институты *выражаются въ организаціи и дѣятельности судебной власти государства.*

Литературныя воззрѣнія по вопросу объ организаціи судебной власти въ русскихъ племенныхъ княженіяхъ можно свести къ тремъ теоріямъ, стоящимъ въ генетической связи съ теоріями соціальнаго быта нашихъ предковъ въ эпоху призванія Рюрика: *теоріи самоуправства или самосуда, теоріи общиннаго суда и теоріи государственнаго суда.*

---

[1]) Изслѣдованій, спеціально посвященныхъ изученію судоустройства и судопроизводства племенныхъ княженій, въ литературѣ не существуетъ. Литературныя воззрѣнія по этому вопросу высказаны въ изслѣдованіяхъ, относящихся къ русскому уголовному и процессуальному праву христіанской эпохи. Сюда принадлежатъ: А. Куницына: Историческое изображеніе древняго государства въ Россіи. Спб. 1843 г. Палюмбецкаго: О системѣ судебныхъ доказательствъ древняго германскаго права, сравнительно съ Русскою Правдою и позднѣйшими русскими законами. Кіевъ, 1844. К. Троцина: Исторія судебныхъ учрежденій въ Россіи. Спб. 1851. С. Пахмана: О судебныхъ доказательствахъ по древнему русскому праву, преимущественно гражданскому, въ историческомъ ихъ развитіи. Москва, 1851. П. Чоглокова: Объ органахъ судебной власти въ Россіи отъ основанія государства до вступленія на престолъ Алексѣя Михайловича (Юрид. Сборникъ Мейера). Казань, 1855. Н. Дювернуа: Источники права и судъ въ древней Россіи. Москва, 1869. К. Стефановскаго: Разграниченіе гражданскаго и уголовнаго судопроизводства въ исторіи русскаго права (Жур. Мин. Нар. Пр. 1873. Февраль). В. Сергѣевича: Лекціи и Изслѣдованія; ч. I, гл. V. Спб. 1883. М. Владимірскаго-Буданова: Обзоръ ист. рус. пр.; в. II. Исторія русскаго процесса, стр. 248 и слѣд. Кіевъ, 1886.

Теоріи родового и общиннаго быта древнихъ русскихъ Славянъ, отрицая существованіе въ дорюриковскую эпоху государства и государственнаго права, отрицаютъ вмѣстѣ съ тѣмъ и существованіе у предковъ нашихъ процессуальнаго права,—опредѣленнаго порядка судоустройства и судопроизводства. *По теоріи рода и семейной мести* не только въ дорюриковскую эпоху, но и при первыхъ Рюриковичахъ, до Ярослава Владиміровича, власть славянорусскаго князя ограничивалась значеніемъ предводителя на войнѣ, а *возстановленіе нарушеннаго права было дѣломъ частной мести—самоуправства—самосуда*, при которомъ изысканіе и наказаніе преступника вполнѣ *зависѣли отъ частнаго мстителя, отъ воли семействъ и лицъ, непосредственно обиженныхъ преступленіемъ* [1]).

По теоріи общины и общинной мести, русскіе Славяне дорюриковской эпохи *дѣлились на* мелкіе самостоятельные союзы, *автократическія и автономическія общины, изъ которыхъ каждая имѣла свое право, свою власть, свой судъ.* Месть того времени не была безграничнымъ, произвольнымъ правомъ частнаго мстителя, обиженнаго преступленіемъ; *частный мститель только исполнялъ су-*

---

[1]) „Хотя съ самаго начала, говоритъ Эверсъ, общественный глава носитъ титло государя (rex, князь) въ постепенно возникающихъ государствахъ, но онъ тогда не болѣе означаетъ, какъ предводителя на войнѣ... *Семейства* все еще продолжали представлять въ себѣ одно независимое цѣлое, *судились и рядились между собою и взаимно защищались на основаніи самоуправства... Въ древнемъ періодѣ права повсюду еще дѣйствуетъ частная месть.* Это есть уголовная расправа въ древности... Первое постановленіе законной книги Ярослава утверждаетъ и вмѣстѣ ограничиваетъ право мщенія. Россія во времена Ярослава стояла еще на той степени, когда дѣйствуетъ право мести, семейства еще строго соблюдали оное". Древн. рус. право, стр. 2, 56, 317. По ученію Иванишева, *„месть первоначально и въ русскомъ законодательствѣ является безпредѣльною..."* О платѣ за убійство въ др. рус. и др. слав. законодательствахъ, стр. 84. „Когда плата за убійство не имѣла законной силы, тогда единственнымъ судьею преступленія былъ истецъ; его судъ былъ произволенъ, мѣра наказанія неограничена". Тамъ же, стр. 15. *„Возстановленіе правъ было дѣломъ частныхъ лицъ. Этотъ древнѣйшій процессъ является въ формѣ самосуда, то-есть самоуправства*, и самое рѣзкое свое выраженіе получилъ въ правѣ мести. Это явленіе свойственно всѣмъ народамъ на той же первоначальной степени развитія... *Въ періодъ Русской Правды въ судѣ принимаютъ уже участіе князь и его чиновники"*. См. В. Сергѣевича: Лекціи и Изслѣдов., стр. 599, 560.

дебное рѣшеніе общины, преслѣдовалъ и наказывалъ преступника въ границахъ процессуальнаго и уголовнаго права, дѣйствовавшаго въ предѣлахъ общественнаго союза, къ которому принадлежалъ обиженный преступленіемъ. «Месть между членами одного и того же союза была правомъ, осуществлялась въ предѣлахъ справедливости; внутри союзовъ первичнаго общества юридическая народная воля осуществлялась въ матеріальномъ отношеніи точно такъ же, какъ и впослѣдствіи, при господствѣ государственной власти; въ эпоху до призванія варяжскихъ князей зло состояло не въ безграничности мести, не въ господствѣ грубой силы, а въ томъ, что *членъ чужого союза считался безправнымъ*, что если оскорбленіе было нанесено члену чужой общины, то союзъ оскорбителя не видѣлъ въ этомъ дѣйствіи преступленія. *Отношенія между общинами опредѣлялись «правомъ войны»* [1]).

По теоріи государственнаго суда Славяноруссы времени призванія Рюрика дѣлились на государства—волости—земли, во главѣ которыхъ стояла государственная власть вѣча и князя, долженствовавшая охранять права своихъ подданныхъ посредствомъ отправленія правосудія. «Лишь въ доисторическое время быть можетъ возмездіе имѣло совершенно животный характеръ (bellum omnium contra omnes). Но какъ скоро существуютъ союзы семейный, родо-

---

[1]) См. Чебышева-Дмитріева: О преступномъ дѣйствіи; с. 7, 12, 13. Понятіе ограниченной мести впервые высказано въ литературѣ А. Куницынымъ: „Самосудъ по древнимъ нашимъ законамъ то же означаетъ, что у Германцевъ Faida, Fehderecht... *Право личной мести у сихъ народовъ было ограничено...*“ Ист. изобр. др. судопр. въ Россіи; стр. 1. Дальнѣйшее развитіе это понятіе получило въ сочиненіяхъ Власьева, Богдановскаго, Чебышева-Дмитріева и др. „Такъ какъ исключительно родовой бытъ лежитъ за предѣлами исторіи, то и *неопредѣленной мести въ исторіи мы не знаемъ*. Безъ всякаго сомнѣнія, между этою формою возмездія и княжескимъ судомъ существовала посредствующая: *общинное опредѣленіе мести и общинный судъ*“... Власьевъ: О вмѣненіи...; стр. 172. По ученію Чебышева-Дмитріева: „грубо ошибаются тѣ писатели, которые думаютъ, будто месть въ первичный періодъ развитія народа была безграничной... Упускаютъ изъ виду, что въ первичномъ обществѣ роды и общины представляютъ собою самостоятельные автократическіе и автономическіе союзы... Месть между членами одного и того же союза была правомъ со всѣми выходящими отсюда послѣдствіями. Право на месть и на плату обиженный получалъ только тогда, когда представлялъ доказательства нанесенной ему обиды“. О преступномъ дѣйствіи; стр. 7, 12, 18, 34 и др. Ср. А. Сухова: „Общенарод. и княж. наказанія“. Юрид. Вѣстникъ Моск. Юридич. Общ. 1873 г. Іюль; стр. 45.

вой и общинный, личная обида, нанесенная одному члену союза, чувствуется всѣмъ союзомъ... Въ союзѣ государственномъ личный элементъ мести не исчезаетъ, но уходитъ на второй планъ. *Такъ какъ исторія застаетъ Славянъ въ союзѣ государственномъ (земскомъ), то въ историческое время мы не находимъ уже безграничной мести не только личной, но и родовой и общинной: месть регулирована властію и закономъ;* дѣятельность мстителя обращена въ орудіе интересовъ общественныхъ» [1]).

Высшимъ органомъ судебной власти въ племенномъ княженіи было народное вѣче старѣйшаго города. Въ Новгородѣ судное вѣче сохранялось до времени присоединенія новгородской земли къ Московскому государству. Судебную компетенцію новгородскаго вѣча Неволинъ характеризуетъ слѣдующими словами: «*разсмотрѣнію и рѣшенію народнаго собранія подлежали всѣ дѣла, касавшіяся цѣлаго общества*: обвиненія гражданъ въ измѣнѣ, соглашеніи съ непріятелями и иностранцами, въ преступленіи послами полномочія при переговорахъ, нарушеніи должности высшими чиновниками, противозаконномъ угнетеніи простолюдиновъ вельможами и другія преступленія были разсматриваемы въ семъ собраніи, которое вообще было верховнымъ судьею для Новгородцевъ по дѣламъ уголовнымъ и блюстителемъ законной государственной власти. Иноземцамъ вѣче казалось народнымъ собраніемъ, имѣвшимъ цѣлью судъ и казнь преступниковъ» [2]). Мѣховскій оставилъ слѣдующее описаніе суднаго новгородскаго вѣча (въ соч. De duabus Sarmatiis Asiana et Europiana etc. 1517 г.): «захваченный на мѣстѣ преступленія, или обвиняемый въ воровствѣ, либо разбоѣ, представлялся въ преторію, въ которой засѣдало сто сенаторовъ въ званіи судей, съ длинными, по обычаю страны, бородами. Потомъ ударяли въ вѣчевой колоколъ, по первому звуку котораго стекались въ преторію граждане, а также и сыновья ихъ, имѣя въ каждой рукѣ по камню. Когда вина приведеннаго въ судъ признавалась сенаторами и приговоръ былъ произнесенъ, тогда присутствовавшіе граждане бросали принесенные ими камни въ преступника и такимъ образомъ умерщвляли его тутъ же въ судилищѣ, послѣ чего толпою отправлялись въ домъ убитаго и расхищали все его имущество; домъ же виновнаго продавался впослѣдствіи съ публичнаго торга, а деньги, вырученныя отъ продажи, поступали въ казну» [3]). По исторіи Олава сына Тригвіева «въ Новгородѣ такъ строго наблюдалось всеобщее спокойствіе, что каждый, убившій другого человѣка безъ суда, на-

---

[1]) Владимірскій-Будановъ: Обзоръ ист. рус. права, в. II; стр. 3 и 4.

[2]) Сочиненія; т. VI; стр. 113.

[3]) Отечеств. Записки. 1854 г. Декабрь. Библіограф. отрывки; стр. 145.

казывался смертію. Теперь *сбѣжался народъ, по обычаю и законамъ ихъ, искать Олава, гдѣ онъ скрылся, и хотѣлъ лишить его жизни, какъ повелѣвалъ законъ»* [1]).

Рядомъ съ судебною властью вѣча въ старѣйшемъ городѣ земли стояла судебная власть племенного князя. Въ исторіи Іоакима сохранилось слѣдующее извѣстіе о судебной дѣятельности славяно-русскаго князя дорюриковской эпохи: «Гостомыслъ бѣ мужъ елико храбръ, толико мудръ, всѣмъ сосѣдомъ своимъ страшенъ, а людемъ его любимъ, расправы ради и правосудія; сего ради вси окольни чтяху его, и дары и дани дающе, купуя миръ отъ него; многи же князи отъ далекихъ странъ прихождаху моремъ и землею послушати его мудрости и видѣти судъ его» [2]). По сказанію лѣтописца Нестора, Рюрикъ былъ призванъ Новгородцами, «иже бы володѣлъ и судилъ по праву» [3]). По сказанію Ибнъ-Даста: «если кто изъ Руссовъ имѣетъ дѣло противъ другаго, то зоветъ его на судъ къ царю, предъ которымъ и препираются; когда царь произнесетъ приговоръ, исполняется то, что онъ велитъ» [4]).

Въ волостяхъ и общинахъ, составлявшихъ племенное княженіе, судебная власть принадлежала мѣстнымъ вѣчамъ и мѣстнымъ князьямъ-старѣйшинамъ.

До времени открытія проф. Иванишевымъ въ актовыхъ книгахъ Кіевскаго центральнаго архива судебныхъ дѣлъ, раскрывшихъ устройство и судебную дѣятельность древнерусскихъ общинно-вѣчевыхъ судовъ, организація судебной власти въ общинахъ и волостяхъ древней Руси оставалась неизвѣстною. Договоры съ Греками и уставы первыхъ князей Рюриковичей, вошедшіе въ составъ Русской Правды, опредѣляя преимущественно наказаніе за преступленія, частное вознагражденіе и судебныя пошлины, о процессуальныхъ институтахъ упоминаютъ мимоходомъ, отрывочно, предполагаютъ судоустройство и судопроизводство извѣстными. Отсюда процессуальное право древней Руси, выраженное въ княжескихъ уставахъ, является неполнымъ и неяснымъ. Открытіе Иванишева пролило новый свѣтъ на организацію судебной власти въ общинахъ и волостяхъ древнерусскихъ княженій.

---

[1]) „Пособіе“, стр. 123. Примѣры вѣчевого суда см. въ Акт. Ист.; т. I, N. 17. П. С. Р. Л.; т. IV. 1447 г.: „выведе Сакира посадникъ ливца и вѣсца серебряного Ѳедора Жеребца на вѣче; напоивъ его, нача сочити: на кого еси лилъ рубли? онъ же оговори 18 человѣкъ; и по его рѣчемъ иныхъ съ мосту сметаша, а иныхъ домы разграбиша“.

[2]) „Пособіе“, стр. 4, 5.

[3]) Тамъ же, стр. 17.

[4]) Тамъ же, стр. 116.

По результатамъ изслѣдованій Иванишева *судебныя дѣла XV и XVI столѣтій*, сохранившіяся въ Кіевскомъ центральномъ архивѣ, *изображаютъ намъ устройство и судебную дѣятельность вѣчевыхъ собраній, «существовавшихъ на Руси съ незапамятнаго времени*, возникшихъ въ то время, когда славянскія племена еще не были соединены государственнымъ союзомъ подъ верховною властію государей» [1]).

Общину могло составлять одно многолюдное селеніе; но обыкновенно ее составляли отъ четырехъ до десяти селеній (волость), между которыми одно служило центромъ, гдѣ собирались члены общины на вѣче [2]). Границы земли каждаго селенія были точно опредѣлены, а ихъ совокупность составляла округъ общины (околицу). *Личный элементъ общины составляли крестьяне, имѣвшіе постоянную осѣдлость въ ея округѣ* [3]).

«*Главная цѣль соединенія селеній въ общину состояла въ томъ, чтобы предупреждать нарушеніе законовъ, открывать и преслѣдовать преступниковъ, судить и наказывать ихъ, присуждать обиженному вознагражденіе.* Каждое селеніе порознь и вся община вмѣстѣ отвѣчали за проступки всѣхъ своихъ членовъ. Въ предѣлахъ своего округа община ручалась за безопасность жизни и имущества своихъ собственныхъ членовъ и пришельцевъ» [4]).

Органомъ судебной власти общины было народное собраніе, называемое въ актахъ вѣчемъ, копою и громадою. Судебное народное собраніе составляли *домохозяева*, имѣвшіе постоянную осѣдлость въ предѣлахъ земли общины и называемые въ актахъ «сходатаи, обчіе мужи, копные судьи и околичные сосѣди». Братья и сыновья сходатаевъ, не имѣвшіе отдѣльныхъ хозяйствъ, и женщины приглашались въ народное собраніе только для свидѣтельскихъ показаній.

---

[1]) См. Н. Иванишева: О древнихъ сельскихъ общинахъ въ юго-западной Россіи. Кіевъ. 1863 г.; с. 1, 23—24. „Эти судебныя дѣла, говоритъ авторъ, такъ же важны для исторіи русскаго и другихъ славянскихъ законодательствъ, какъ для исторіи нѣмецкаго права акты древнихъ германскихъ общинъ, называемые Ordeel и Weisthumer. Открытіе и изслѣдованіе этихъ актовъ послужило нѣмецкимъ юристамъ главнымъ источникомъ для возстановленія германской общины, съ ея законами и юридическими обычаями. Судебныя дѣла сельскихъ народныхъ собраній юго-западной Россіи также точно изображаютъ составъ общинъ, устройство народныхъ собраній, порядокъ судопроизводства и юридическіе обычаи, по которымъ рѣшались дѣла“.

[2]) Тамъ же, стр. 3, 4.

[3]) Тамъ же, стр. 5, 6.

[4]) Тамъ же, стр. 7.

Сверхъ сходатаевъ въ народное собраніе приглашались жители сосѣднихъ селеній, по одному или по два отъ селенія, въ значеніи *«сторонних людей»*, не участвовавшихъ въ обсужденіи и рѣшеніи дѣлъ, а слѣдившихъ за ходомъ судопроизводства, чтобы засвидѣтельствовать объ немъ въ случаѣ перенесенія дѣла въ коронный судъ.

Постояннымъ мѣстомъ судебной дѣятельности вѣча было центральное селеніе общины, называемое въ актахъ «копицемъ» и «коповищемъ». Обсужденіе и рѣшеніе дѣлъ производилось подъ открытымъ небомъ. Въ частности, для изслѣдованія и рѣшенія уголовныхъ дѣлъ вѣче нерѣдко собиралось на мѣстѣ преступленія, или на мѣстѣ, гдѣ находили трупъ убитаго; для рѣшенія споровъ о поземельной собственности вѣче собиралось на спорной землѣ. Въ виду обнаруженнаго преступленія судное вѣче собиралось по требованію начальника общины и *въ порядкѣ дѣлопроизводства руководствовалось не писаннымъ закономъ, а древнимъ вѣчевымъ правомъ* («копнымъ правомъ», «водлугъ давнаго звычая», «водлугъ стародавной звыклости»). Особеннымъ уваженіемъ въ общинныхъ судахъ пользовалось мнѣніе «старцевъ», указывавшихъ на давнюю судебную практику. Число *«копныхъ судей» по каждому дѣлу восходило до 100 и даже до 150 человѣкъ* [1]).

По сохранившимся актамъ общинно-вѣчевого суда и постановленіямъ Литовскаго Статута, относящимся къ копному суду, судебная власть вѣчевыхъ собраній, какъ остатокъ глубокой древности, сохранялась на всемъ пространствѣ Руси до времени поглощенія автономіи древнерусскихъ общинъ властью коронныхъ чиновниковъ и помѣщиковъ [2]).

Дѣятельность органовъ судебной власти въ племенныхъ княженіяхъ *вращалась въ предѣлахъ процессуальнаго права*, опредѣлявшаго судебныя доказательства, относительную ихъ силу и порядокъ судопроизводства.

Процессуальная статья, предшествующая въ договорѣ Олега 911 года перечню преступленій и наказаній, говоритъ: «иже ся ключитъ проказа, *да елико явѣ будеть показаніи явлеными, да имѣють вѣрное о тацѣхъ явленіи*, а ему же начнуть не яти вѣры, да не клянется часть та, иже ищеть неятью вѣры; да егда клянется по вѣрѣ своей, *будетъ казнь, якоже явится согрѣшеніе*» [3]); то есть, если случится правонарушеніе и будетъ оно явно доказано, и будутъ имѣть вѣрное доказательство противъ преступниковъ, а это станутъ отрицать, то пусть не клянется отрицающая сторона; если

---

[1]) Тамъ же, стр. 7—13, 56—61.

[2]) Тамъ же, стр. 6, 23—34.

[3]) „Пособіе“, стр. 22.

она и будетъ клясться по вѣрѣ своей, казнь должна совершиться по мѣрѣ доказаннаго преступленія.

Въ эпоху отождествленія нормъ права съ догмами религіи клятва играла важную роль въ ряду судебныхъ доказательствъ, какую она и теперь играетъ у азіатскихъ языческихъ народовъ и слѣды которой сохранились въ Русской Правдѣ, Псковской Судной Грамотѣ и другихъ памятникахъ русскаго права эпохи Рюриковичей [1]). Въ тяжбахъ между лицами разныхъ національностей и религій, между Руссами и Греками, клятва естественно не могла имѣть той силы въ ряду судебныхъ доказательствъ, какую она имѣла въ процессуальномъ правѣ Руссовъ языческой эпохи, и это было обусловлено договоромъ 911 года, постановившимъ наказывать преступника по мѣрѣ вины, доказанной несомнѣнными уликами, несмотря на его клятву.

Подъ выраженіями: «явленныя показанія» и «вѣрныя явленія» договоръ Олега разумѣлъ явныя улики, судебныя доказательства, на основаніи которыхъ судъ произноситъ обвинительный или оправдательный приговоръ. Такими доказательствами у всѣхъ народовъ древности были: *показанія свидѣтелей, поличное, очная ставка владѣющаго поличнымъ съ передавшими его (сводъ), сознаніе обвиняемаго и всякаго рода слѣды преступленія*, доказывавшіе участіе даннаго лица въ данномъ правонарушеніи. Въ ряду судебныхъ доказательствъ славянорусскаго права издавна занималъ важное мѣсто *судебный поединокъ* [2]).

---

[1]) По свидѣтельству Гельмольда, подвластные Нѣмцамъ Славяне, по древнему своему праву, желали очищать себя отъ подозрѣнія въ преступленіи клятвою при деревьяхъ, источникахъ и скалахъ, а Нѣмцы требовали испытанія раскаленнымъ желѣзомъ. „Et votavit Comes Ducis Saxoniae, ne Sclavi de caetero jurarent in arboribus, fontibus, et lapidibus, sed offerent criminibus pulsatos sacerdoti ferro et vomeribus examinandos“. Helm., I, 26. Ср. Сборникъ обыч. права сиб. инород., изд. Д. Самоквасова, стр. 16, 69—71.

[2]) По свидѣтельству Геродота, „Скиѳы, обтянувъ черепъ кожей, употребляютъ его вмѣсто чаши... Такъ поступаютъ Скиѳы съ черепами тѣхъ своихъ одноплеменниковъ, если обвинитель передъ лицомъ царя одержитъ верхъ надъ обвиняемымъ“. Исторія, IV, 65. По свидѣтельству Льва Діакона, „Скиѳы-россы обыкновенно рѣшаютъ свои тяжбы убійствомъ и кровію“. По свидѣтельству Ибнъ-Даста, „если обѣ стороны тяжущихся (Руссовъ) приговоромъ царя недовольны, то, по его приговору, должны предоставить окончательное рѣшеніе дѣла оружію: чей мечъ острѣе, тотъ и одержитъ верхъ. На эту борьбу родственники обѣ-

Обвиненіе и защита передъ судомъ, собираніе судебныхъ доказательствъ и исполненіе судебныхъ рѣшеній составляли право и обязанность тяжущихся сторонъ, потому что въ племенныхъ государствахъ судебной полиціи и публичныхъ обвинителей не существовало.

По началамъ процесса Русской Правды и вѣчевыхъ-копныхъ судовъ, наслѣдовавшихъ свое процессуальное право отъ системы славянорусскаго права языческой эпохи, *инициатива процесса по данному правонарушенію зависѣла отъ воли лица, обиженнаго правонарушеніемъ*, за исключеніемъ преступленій, по которымъ судопроизводства не требовалось, а пойманные преступники немедленно предавались смерти на основаніи закона.

Потерпѣвшій отъ преступленія имѣлъ право простить преступника, кончить съ нимъ дѣло добровольнымъ соглашеніемъ и требовать суда и наказанія по закону [1]). Въ послѣднемъ случаѣ *обиженный правонарушеніемъ сначала самолично производилъ «обыскъ»,— предварительное слѣдствіе*, разспрашивалъ людей, сопричастныхъ къ дѣлу, заручался свидѣтелями и собиралъ всякаго рода улики противъ своего «шкодника». Если на основаніи обыска являлось подозрѣніе, что преступникъ находится въ предѣлахъ данной общины, то истецъ обращался къ начальнику общины съ требованіемъ собрать вѣче общины. Вѣче собиралось въ назначенный срокъ, на извѣстномъ мѣстѣ. *Предъ собравшимся народомъ истецъ излагалъ свою жалобу и результаты произведеннаго имъ обыска*, прося сходатаевъ разобрать дѣло и рѣшить его по народному праву. По выслушаніи жалобы *вѣче обсуждало доказательства виновности обвиняемаго*, если истецъ указывалъ его, *и рѣшало дѣло на ихъ основаніи*. Если же истецъ доказывалъ преступленіе, но не указывалъ преступника, то вѣче обязано было принять мѣры къ открытію виновнаго. Если истецъ указывалъ на слѣдъ, оставленный преступникомъ въ извѣстномъ направленіи, то вѣче обязано было «гнать слѣдъ», то есть прослѣдить его отъ начала до конца. Когда слѣдъ приводилъ къ какому-либо селенію, то жители его обязаны были вывести слѣдъ изъ своей земли, а въ противномъ случаѣ вѣче присуждало все селеніе къ удовлетворенію истца, а село получало право отыскивать виновнаго и вознаграждать себя на его счетъ. Если вѣчевое разслѣдованіе приводило къ заключенію о виновности жителя даннаго селенія, то *вѣче присуждало выдачу виноватаго*

ихъ тяжущихся сторонъ приходятъ вооруженными. Соперники вступаютъ въ бой, и кто одолѣетъ противника, тотъ выигрываетъ дѣло по своему требованію". „Пособіе", стр. 116, 139.

[1]) См. Иванишева: О древнихъ общинахъ, стр. 22.

истцу для полнаго расчета съ нимъ по обязательству, вытекавшему изъ преступленія [1]).

Законъ древнихъ народовъ вообще и законъ Славяноруссовъ языческой эпохи въ частности *давалъ право обиженному преступленіемъ въ нѣкоторыхъ случаяхъ умертвить преступника безъ суда. Такими преступниками были: явные убійцы,* совершившіе убійство при свидѣтеляхъ, *воры, пойманные на мѣстѣ преступленія* и *неповинующіеся распоряженіямъ общественной власти.* Выше приведено было свидѣтельство исторіи Олава о новгородскомъ законѣ, по которому каждый, убившій другого человѣка безъ суда, подлежалъ немедленному убіенію народомъ. Въ договорѣ Олега съ Греками этотъ законъ выражается слѣдующимъ постановленіемъ: «аще кто убіетъ... да умреть, идѣже аще створитъ убійство» [2]). По тому же договору можно было убить вора, пойманнаго на мѣстѣ преступленія и противящагося аресту [3]). Договоръ Игоря дозволяетъ убить безъ суда каждаго Русскаго, являющагося въ Грецію безъ княжеской проѣзжей грамоты и противящагося аресту [4]). По свидѣтельству Ибнъ-Фадлана: «когда Русскіе поймаютъ вора, или разбойника, то приводятъ его къ высокому толстому дереву, привязываютъ ему на шею крѣпкую веревку, привѣшиваютъ его за нее, и онъ остается висящимъ, пока не распадается на куски отъ вѣтровъ и дождей» [5]).

Наказаніе всякаго убійцы смертью для всѣхъ гражданъ было правомъ, а для родственниковъ убитаго обязанностью. Это начало выражается въ слѣдующемъ постановленіи Игорева договора съ Греками: «аще убьеть хрестеянинъ русина, или русинъ хрестеянина, да держимъ будеть створивый убійство, *отъ ближнихъ убьенаго да убьютъ и*» [6]). По уставу Ярослава Владимировича: «убьетъ мужъ мужа, то *мстить брату брата*, или сынови отца, любо отцу сына, или брату чаду, любо сестрину сынови; *аще не будетъ кто мьстя, то 40 гривенъ за голову*» [7]). Обязанность ближайшихъ родственниковъ убитаго мстить за убійство смертью убійцы была отмѣнена только законодательствомъ сыновей Ярослава, на второмъ съѣздѣ своемъ замѣнившихъ смертную казнь убійцы денежнымъ

---

[1]) Тамъ же, стр. 15—21. Ср. Древній Монголо-Калмыцкій или Ойратскій Уставъ взысканій. Изд. Ѳ. И. Леонтовича. Одесса. 1879 г., стр. 122, ст. 113.

[2]) „Пособіе", стр. 22.

[3]) Тамъ же, стр. 23.

[4]) Тамъ же, стр. 28.

[5]) Тамъ же, стр. 101.

[6]) Тамъ же, стр. 29.

[7]) Тамъ же, стр. 69.

штрафомъ [1]). «*Месть*» за убійство *не была произволомъ родственниковъ убитаго, а исполненіемъ закона*. Въ случаяхъ правонарушеній, требовавшихъ опредѣленія мѣры участія обвиняемаго въ данномъ правонарушеніи, месть (наказаніе) слѣдовала за рѣшеніемъ суда, основаннымъ на законныхъ судебныхъ доказательствахъ [2]). Такое значеніе слово месть имѣетъ во второй статьѣ Правды Ярослава, гдѣ говорится: «будетъ кровавъ или синь надъраженъ, то не искати ему видока человѣку тому; аще ли не будетъ на немъ знаменія никотораго же, толи придетъ видокъ; аще ли не можетъ, ту тому конецъ; оже ли себе не можетъ мстити, то взяти ему за обиду 3 гривнѣ, а лѣтцю мзда» [3]): судъ предваряетъ месть; месть является послѣдствіемъ суда,—исполненіемъ судебнаго приговора. «Изъ этой статьи видно, что право на месть и на плату обиженный получалъ только тогда, когда представлялъ доказательство нанесенной ему обиды, безъ чего «ту тому конецъ» [4]). Точно также въ древнеславянскомъ переводѣ Библіи слово мщеніе означаетъ исполненіе судебнаго рѣшенія, наказаніе по суду; напримѣръ: «аще же кто ударитъ раба своего или рабу свою жезломъ, и умретъ отъ руки его, судомъ да отмстится; аще же преживетъ день или два, да не мстится: сребро бо его есть» [5]).

По древнему праву, *обвинительный приговоръ суда передавалъ осужденнаго «головою» въ распоряженіе потерпѣвшей отъ правонарушенія стороны* до тѣхъ поръ, пока онъ не исполнялъ обязательства, вытекавшаго изъ судебнаго приговора и въ его границахъ. Если же обвиняемый и обвиненный скрывался отъ суда и исполненія судебнаго приговора, то *сторона, потерпѣвшая правонарушеніе, получала право на жизнь бѣглеца*, какъ на лишеннаго покровительства закона, за невозможностью другимъ способомъ возстановить нарушенное право [6]).

---

[1]) „По Ярославѣ же пакы совокупившеся сынове его... и отложиша убіеніе за голову, но кунами ся выкупати“. Тамъ же, стр. 72. По отношенію къ наказанію убійцы славянорусское право языческой эпохи является сходнымъ съ древнимъ закономъ Моисея, по которому „аще кого кто ударитъ, и умретъ, смертію да умретъ и той... *ужикъ крове, сей да убіетъ убившаго, егда усрящетъ его, и не очистится земля отъ крове,— токмо кровію проливающаго*“. Исходъ, гл. 21, с. 14. Книга Числъ, гл. 35, с. 20, 30—34.

[2]) Въ слѣдующемъ выраженіи Игорева договора съ Греками слово месть имѣетъ значеніе наказанія вообще: „иже помыслитъ отъ страны Рускія разрушити таку любовь... да пріимутъ месть отъ Бога Вседержителя“. „Пособіе“, с. 27.

[3]) Тамъ же, стр. 69.

[4]) Чебышевъ-Дмитріевъ, О преступномъ дѣяніи, с. 12.

[5]) Исходъ, гл. 21, с. 20.

[6]) См. „Пособіе“, стр. 22, 29.

ГЛАВА XIV.

Уголовное право. Степени развитія уголовнаго права. Убійство и тѣлесные удары по русскому праву эпохи договоровъ съ Греками [1]).

Уголовнымъ правомъ называется система карательныхъ правилъ, направленная къ охранѣ порядка общежитія, установленнаго государственнымъ правомъ, и *обязательная для суда, опредѣляющаго мѣру наказанія преступника. Уголовные институты составляютъ опредѣленныя правомъ преступленія* (сознательныя дѣйствія, нарушающія установленныя права) *и наказанія* (послѣдствія преступленій, невыгодныя для преступниковъ).

Въ практикѣ общественной жизни уголовное право выражается въ карательныхъ мѣрахъ, направленныхъ противъ лицъ, признанныхъ судомъ преступными.

У племенъ, живущихъ политически разрозненными общинами и родами, содержаніе уголовнаго права выражается въ карательной системѣ, представляющей господство личныхъ наказаній, а дѣйствіе уголовнаго права ограничивается лицами, составляющими общину

---

[1]) Литература: Н. Иванишева: О платѣ за убійство въ древнемъ русскомъ и другихъ славянскихъ законодательствахъ въ сравненіи съ германскою вирою. Кіевъ. 1839 г. E. Tobien: Die Blut-Rache nach dem alten Russischen Rechte verglichen mit der Blut-Rache der Israeliten und Araber, der Griechen und Römer, und Germanen. Dorp. 1840. А. Попова: Русская Правда въ отношеніи къ уголовному праву. Москва. 1841. Ф. Деппа: О наказаніяхъ, существовавшихъ въ Россіи до царя Алексѣя Михайловича. Спб. 1849 г. П. Богдановскаго: Развитіе понятій о преступленіи и наказаніи въ русскомъ правѣ до Петра Великаго. Москва, 1850. Н. Власьева: О вмѣненіи по началамъ теоріи и древняго русскаго права. Москва. 1860. Ланге: Изслѣдованіе объ уголовномъ правѣ Русской Правды. Москва. 1860. (Архивъ Н. Колачова. 1859. N. I, III, V, VI). А. Чебышева-Дмитріева: О преступномъ дѣйствіи по русскому до-Петровскому праву. Казань. 1862. Губе: Historya prawa karnego russkiego. Warszawa. 1870. А. Сухова: Обычно-народныя и княжескія наказанія по древнерусскому уголовному праву. (Юридическій Вѣстникъ М. Ю. Общества. 1873. Іюль—Августъ). Д. Мейчика: Система преступленій и наказаній по договорамъ Олега и Игоря и Правдѣ Ярослава. (Юр. Вѣст. М. Юр. Об. 1875. Январь—Мартъ). В. Сергѣевича: Лекціи и изслѣдованія. Часть V, гл. III. 1883 г. М. Владимірскаго-Буданова: Обзоръ исторіи русскаго права. Вып. II. Кіевъ. 1886 г.

или родъ, такъ какъ здѣсь нѣтъ судебной власти, стоящей надъ сосѣдними общественными союзами, изъ которыхъ каждый составляетъ автократическое общество [1]).

Съ образованіемъ союза общинъ, центральная власть, стоящая надъ общинами, стремится уничтожить господство самосуда въ отношеніяхъ между подвластными ей общинами и поставить ихъ къ себѣ въ такое положеніе, въ какомъ стояли лица и семейства, составлявшія автократическія общины къ ихъ властямъ до соединенія. Въ союзахъ общинъ самосудъ между общинами постепенно замѣняется судебною дѣятельностью органовъ власти, стоящихъ надъ общинами и опредѣляющихъ способъ и мѣру наказанія обиженнымъ обидчика, принадлежащаго къ другой общинѣ. Въ историческомъ развитіи этого процесса различаются три степени.

На первой степени судебная автономія общинъ, составляющихъ государство, сохраняется по отношенію къ преступленіямъ внутри общинъ. Каждая община судитъ и наказываетъ своихъ преступниковъ по своему уголовному праву. *Судебная дѣятельность центральной государственной власти въ союзѣ общинъ ограничивается рѣшеніемъ тяжбъ между общинами*, выдачею обиженной общинѣ преступника, принадлежащаго къ другой общинѣ, и преслѣдованіемъ преступниковъ противъ государства (измѣнниковъ, не повинующихся власти и промышляющихъ разбоемъ, грабежомъ и воровствомъ въ предѣлахъ своего государства). Уголовное право этого періода проявляется въ обычаяхъ и законахъ народовъ, дозволяющихъ каждому члену общества убить безнаказанно явнаго вора, убійцу и разбойника, и предписывающихъ судить преступниковъ по обычаямъ мѣстныхъ общинъ, а осужденныхъ преступниковъ выдавать для наказанія обиженнымъ правонарушеніемъ и ихъ родственникамъ, имѣющимъ право опредѣлить мѣру наказанія по своему произволу [2]).

---

[1]) См. Robertson: Histoire de l'Amérique. Paris. 1852; p. 289, 300. Ch. Comte: Traité de législation. Paris. 1855, t. II; p. 404, 405. Кукъ: Trois. Voy.; I, p. 257.

[2]) Напримѣръ, по обычному праву Киргизовъ: „кто вора, или разбойника, или убійцу самовольно убьетъ, такому въ грѣхъ сего не поставляется, и дозволяется вора, разбойника и убійцу истребить безъ всякаго взысканія и нареканія". Сбор. обыч. пр. сиб. инородцевъ, Д. Я. Самоквасова; Варшава. 1876 г., стр. 260. По законамъ царя Вахтанга: „древніе и мѣстные обычаи должны быть соблюдаемы, какъ самые законы, письменные ли они, или изустные... если въ какомъ-либо городѣ не имѣется мѣстныхъ узаконеній (письменнаго сборника права), то слѣдуетъ руководствоваться въ управленіи городомъ свѣдѣніями, заимствованными отъ начальника, управлявшаго долгое время онымъ

На второй степени произволъ общины, обиженной преступленіемъ, въ назначеніи мѣры наказанія преступника, принадлежащаго къ другой общинѣ, ограничивается закономъ, опредѣляющимъ maximum наказанія осужденнаго. Центральная власть, разрѣшая тяжбы между общинами, составляющими государство, и признавая одну сторону виновною, принуждаетъ обиженную сторону въ возстановленіи нарушеннаго права довольствоваться опредѣленнымъ тѣлеснымъ наказаніемъ или имущественнымъ штрафомъ. *Рядомъ съ карательными системами автономныхъ общинъ,* составляющихъ государство, *появляется общая для нихъ карательная система,* опредѣляющая уголовныя отношенія между общинами. Осужденный выдается обиженному для наказанія въ опредѣленной закономъ мѣрѣ, а превысившій законную мѣру наказанія самъ признается преступникомъ [1].

городомъ; но если и онъ такихъ свѣдѣній не доставитъ, то соображаться съ постановленіями и законами, существующими въ другомъ ближайшемъ къ оному городѣ, и по онымъ производить судъ; буде же и тамъ не сыщется постановленій о судѣ, то созвать мѣстныхъ старѣйшинъ и по совѣщанію съ ними производить судъ". Юрид. Обозрѣніе за 1886 г. N. 287. Тифлисъ. Законы царя Вахтанга; ст. 209 и 196. У Персовъ, Абиссинцевъ и другихъ народовъ убійца, обвиненный судомъ, выдается для наказанія родственникамъ убитаго, имѣющимъ право умертвить преступника, продать его въ рабство или отпустить на свободу за вознагражденіе, потребованное обиженнымъ. Древніе Греки не имѣли органовъ общественной власти, предназначенныхъ для исполненія судебныхъ рѣшеній, для наказанія преступниковъ, а потому еще Платонъ основалъ свою систему уголовныхъ законовъ на правѣ наказанія преступниковъ, признанныхъ судомъ, потерпѣвшими отъ преступленія. См. „Всеобщую энциклопедію наукъ и искусствъ" И. С. Ерша и И. Г. Грубера; т. XI. Статья о родственной мести; стр. 89—93.

[1]) По обычному праву сибирскихъ Киргизовъ, всякое преступленіе противъ лицъ чужой общины, не исключая убійства, можетъ быть искуплено опредѣленнымъ имущественнымъ вознагражденіемъ потерпѣвшаго отъ преступленія, если на то согласна обиженная сторона. При недостаткѣ у осужденнаго имущества въ томъ количествѣ, какое имѣетъ право требовать обиженный преступленіемъ, преступникъ, смотря по винѣ, или лишается жизни, или обращается въ рабство, или подвергается тѣлеснымъ и членовредительнымъ наказаніямъ по началу возмездія: „кто кому умышленно отсѣчетъ руку или ногу или другой какой важный вредъ учинитъ, тому должно сдѣлать то же самое, или обязанъ заплатить половинный кунъ. Повредившій же невредно, пользуетъ больного на свой счетъ и платитъ штрафъ, одну лошадь и халатъ".

На третьей степени уголовная автономія общинъ, составляющихъ государство, остается дѣйствующею попрежнему; органы государственной власти не вмѣшиваются въ судъ преступленій, совершаемыхъ внутри общинъ, судимыхъ мѣстными общинными властями и наказуемыхъ по мѣстному общинному уголовному праву. Но уголовное право, опредѣляющее наказуемость преступленій между общинами, измѣняется и усложняется. Личныя и имущественныя правонарушенія, восходящія на судъ органовъ государственной власти, признаются дѣйствіями, влекущими за собою двоякій вредъ

Сб. об. сиб. инор.; стр. 262. „Полный кунъ. по киргизскому обыкновенію (какъ они же присутствовавшіе въ комитетѣ депутаты показываютъ), вообще составляютъ: 100 лошадей большихъ и малыхъ, двѣ слуги, одинъ мужескаго, а другой женскаго пола; если слугъ нѣтъ, то платитъ за мущину 20, а за женщину 15 кобылъ, большихъ и малыхъ; два панцыря и два верблюда; по неимѣнію же тѣхъ и другихъ, взыскивается за одинъ панцырь 20, а за другой 15 кобылъ, а за верблюдовъ, за каждаго, по 5 кобылъ; сверхъ того, одинъ верблюдъ, на которомъ полагается тѣло убитаго, покрытое ковромъ, и дѣвка одна въ траурномъ платьѣ, на вороной лошади, ведущая того верблюда, отдаются родственникамъ убитаго. Если же сего штрафа въ томъ родѣ или волости, въ которой находится убійца, не заплатятъ, то претензія сія остается навсегда неоконченною, даже до правнуковъ и далѣе, и обиженные имѣютъ на оную всегдашнее право“. Тамъ же, стр. 248, 249. Кунъ взыскивается въ пользу всей волости обиженнаго, а выплачивается кунъ всей волостью обидчика. Если община отказывается платить за убійцу кунъ, то должна выдать его для наказанія смертью. Въ случаяхъ квалифицированнаго убійства кунъ увеличивается, а при неуплатѣ его предаются смерти не только самъ убійца, но и его ближайшіе родственники. „Кто судью убьетъ до смерти, платитъ полный кунъ, а сверхъ того взыскиваетя съ виновнаго или съ его волости восемь скотинъ и одинъ калмыкъ мужескаго пола... Если кто хожу убьетъ до смерти, тотъ и вся волость платятъ родственникамъ убитаго штрафъ такой, какъ платится за убійство простыхъ семи человѣкъ; буде же не заплатятъ. то ближайшихъ изъ той волости убійцы родственниковъ семь человѣкъ повѣсить, въ томъ числѣ и убійцу“. Тамъ же, стр. 249, 255. Имущественныя правонарушенія между общинами, по обычному праву сибирскихъ инородцевъ, также наказываются опредѣленными выкупами въ пользу обиженнаго преступленіемъ, равнялющимися двойной. тройной и т. д. цѣнѣ похищеннаго или поврежденнаго имущества. Тамъ же, стр. 95, 152, 227, 267 и др. На такихъ же началахъ было основано уголовное законодательство Моисея. См. Исходъ; гл. XXII. Второзаконіе; гл XIX. Кн. Числъ; гл. XXXV.

въ обществѣ: нарушеніе государственнаго закона и нарушеніе права частнаго лица. Соотвѣтственно такому понятію о преступленіи, появляется система наказанія преступниковъ, по которой *обвиненный въ правонарушеніи обязуется вознаградить государство за нарушеніе закона и потерпѣвшаго* отъ преступленія за нарушеніе его права. Выкупъ преступленія, признаннаго судомъ, обусловливается уплатою опредѣленныхъ закономъ публичнаго штрафа и частнаго вознагражденія обиженному. На этой степени развитія встрѣчаетъ исторія уголовное право древнѣйшихъ сборниковъ обычаевъ и законовъ германскихъ и славянскихъ народовъ. Плата за преступленіе въ пользу государства и обиженнаго преступленіемъ здѣсь точно опредѣлена закономъ, или опредѣляется приговоромъ суда; но обиженный преступленіемъ имѣетъ право простить виновнаго или уменьшить свою долю штрафа по соглашенію съ преступникомъ. Несостоятельный преступникъ подлежалъ тѣлесному наказанію, смертной казни и продажѣ въ рабство. Если совершившій преступленіе скрывался, не уплативъ выкупа, то его объявляли нарушителемъ мира и лишеннымъ защиты права. Бѣглый преступникъ разсматривался какъ вредное и безправное животное (волкъ), которое могъ уничтожить каждый безнаказанно; никто не имѣлъ права имѣть какое бы то ни было общеніе съ нарушителемъ мира, укрывать его, давать ему пищу, одежду и оказывать ему какую бы то ни было помощь [1]).

Дальнѣйшее развитіе уголовнаго права выражается въ постепенномъ уничтоженіи мѣстнаго уголовнаго права общинъ и соотвѣтствующемъ ему распространеніи общаго уголовнаго права государства на уголовныя отношенія въ каждой общинѣ, въ постепенномъ расширеніи публичнаго элемента въ наказаніи и соотвѣтствующемъ ему уменьшеніи частнаго вознагражденія до размѣра иму-

---

[1]) См. Иванишева: О платѣ за убійство въ древ. слав. закон. въ сравн. съ герм. вирою; стр. 38 и слѣд. По свидѣтельству Тацита: „передъ народнымъ собраніемъ возможно обвинять и производить уголовное преслѣдованіе. Различіе наказаній обусловливается различіемъ преступленій: измѣнниковъ и бѣглецовъ вѣшаютъ на деревьяхъ; трусовъ на войнѣ и тѣломъ опозоренныхъ топятъ въ грязи и болотахъ.... За менѣе важныя преступленія разныя же степени наказанія. Осужденные штрафуются опредѣленнымъ количествомъ лошадей и другого скота; часть штрафа поступаетъ царю или государству (regi vel civitati), а часть обиженному преступленіемъ или его родственникамъ... Даже за убійство человѣка полагается плата крупнымъ и мелкимъ скотомъ въ опредѣленномъ количествѣ, а вознагражденіе получаетъ весь домъ (domus) обиженнаго преступленіемъ“. Germania; 12, 21.

щественной потери потерпѣвшаго отъ преступленія и въ постепенной замѣнѣ публичныхъ имущественныхъ штрафовъ личными наказаніями, равными для всѣхъ гражданъ государства.

Праславянскія слова: законъ, судъ, судья, справа, грѣхъ, вина, злодѣй, кара, казнь и др., неоспоримо доказываютъ, что *уже Праславяне имѣли систему уголовнаго права*, опредѣлявшую мѣру наказанія преступниковъ по закону и приговору суда.

Въ договорахъ съ Греками преступленіе именуется *проказою и согрѣшеніемъ*, преступникъ—*татемъ и злодѣемъ*, а наказаніе—*местью, казнью и епитиміею.*

Слово проказа значило несчастіе вообще [1]) и преступленіе въ частности [2]).

Согрѣшеніе было спеціальнымъ названіемъ дѣянія преступнаго и подлежавшаго наказанію по закону [3]). Смыслъ этого названія соотвѣтствуетъ религіозному характеру славянорусскаго права языческой эпохи по которому нарушеніе права было тождественно съ нарушеніемъ религіи [4]).

Татями и злодѣями назывались явные преступники, обличенные несомнѣнными доказательствами и долженствовавшіе понести наказаніе по закону и приговору суда [5]).

---

[1]) Договоръ Олега 911 г., ст. 8

[2]) Тамъ же, ст. 3: „ а о головахъ, иже ея ключитъ проказа, урядимся сице". Договоръ 945 г., с. 12: „аще ли ключится проказа нѣкака отъ Грекъ... да пріиметъ, якоже будетъ створилъ". Въ славянскомъ переводѣ Прохирона читаемъ: „проказу творящему въ житѣ (ворующему зерновой хлѣбъ), и помогающимъ ему, руки да отсѣкутся; села же того правитель, внемъ же бысть проказа, аще ратай, аще же рабъ, аще домовникъ, или торговникъ помоглъ будетъ въ таковое согрѣшеніе, и тому руцѣ да отсѣкутъ". Печат. Корм. Книга. Закона Градскаго грань 39; п. 13.

[3]) Договоръ 911 г., ст. 3: „будетъ казнь, якоже явится согрѣшеніе". Договоръ 945 г.; ст. 14: „аще ударитъ мечемъ... да того дѣля грѣха заплатитъ"...

[4]) Такое же значеніе имѣло преступленіе въ древнѣйшемъ еврейскомъ правѣ и имѣетъ въ наше время у народовъ, отождествляющихъ право съ религіей. См. Сборникъ обыч. права сиб. инородцевъ; стр. 260: „кто вора, или разбойника, или убійцу самовольно убьетъ, таковому въ грѣхъ сего не поставляется".

[5]) „Елико явѣ будеть показаніи явлеными, да имѣють вѣрное о тацѣхъ явленіи... будеть казнь, якоже явится съгрѣшеніе"; „аще злодѣй възвратится... ятъ будеть таковый и възвращенъ будеть не хотяй". Договоръ 911 г., ст. 3 и 14.

Слово месть означало возмездіе, наказаніе всякаго рода, божеское и человѣческое [1]).

Слова казнь и епитимія означали наказанія преступленій по закону и по суду [2]). Въ христіанскую эпоху, съ отдѣленіемъ права отъ религіи, слово казнь стало означать свѣтское наказаніе, а епитимія—церковное [3]).

Въ уголовныхъ постановленіяхъ договоровъ съ Греками опредѣляется наказуемость по закону и по суду слѣдующихъ преступленій: убійства, тѣлесныхъ ударовъ, кражи, покушенія на грабежъ, совершоннаго грабежа и неисполненія распоряженія власти.

По отношенію къ наказуемости убійцы, схваченнаго на мѣстѣ преступленія, въ договорѣ 911 года постановлено слѣдующее: «аще кто убьеть, или христіанина русинъ, или христіанинъ русина, да *умреть, идѣже аще створить убійство*». Въ договорѣ 945 года добавлено: «аще убьеть христіанинъ русина, или русинъ христіанина, да держимъ будеть сотворивый убійство *отъ ближнихъ убьенаго*, да убьють его [4]).

Это древній общечеловѣческій законъ, по которому убійца, схваченный на мѣстѣ преступленія, подлежалъ смерти отъ рукъ родственниковъ, друзей и соотечественниковъ убитаго. При наличности трупа убитаго и убійцы, совершившаго преступленіе при свидѣтеляхъ, преступленіе признавалось безъ судебнаго разбирательства, и законъ давалъ право ближнимъ убитаго умертвить убійцу безъ суда [5]).

---

[1]) „Да пріимутъ месть отъ Бога". Договоръ 945 г., ст. 1. Въ славянскомъ переводѣ Библіи читаемъ: „аще же кто ударитъ раба своего или рабу свою жезломъ, и умретъ отъ руки его, судомъ да отмстится; аще же преживетъ день или два, да не мстится: сребро бо его есть". Исходъ, гл. 21, с. 20.

[2]) „Будеть казнь, якоже явится съгрѣшеніе"; „повиньни будуть то створшіи преждереченою епитимьею". Договоръ 911 г., ст. 3 и 8.

[3]) См. Уставъ Ярослава о церк. судахъ, ст. 11, 12, 13 и др. „Аже кто съ сестрою согрѣшитъ, епископу сто гривенъ, а въ епитимьи и въ казни по закону".

[4]) Лѣт. по кёнигсб. сп., стр. 28 и 43. П. С. Р. Л. т. I, стр. 14 и 22.

[5]) По древнему еврейскому праву, „всякаго убившаго душу предъ свидѣтельми, да убьеши убившаго... и не очистится земля отъ крове, проліянныя на ней, но токмо кровію проливающаго". Книга Числъ, гл. 35. Второзаконіе, гл. 19. Исходъ, гл. 21. У Персовъ, Абиссинцевъ и другихъ народовъ арестованный и осужденный судомъ убійца выдается родственникамъ убитаго, имѣющимъ право умертвить убійцу или взять съ него опредѣленный выкупъ. См. Chardin: Voyages, t. VI, p. 294; Lobo: Relation historique d'Abyssinie, 1728, p. 124; Ritterhaus: De jure asyli, cap. 4.

По Исторіи Олава «въ Холмгардѣ такъ строго наблюдалось всеобщее спокойствіе, что каждый, убившій другого человѣка безъ суда, наказывался смертью. Теперь сбѣжался народъ, по обычаю и законамъ ихъ, искать Олава (совершившаго убійство на новгородской площади), гдѣ онъ скрылся, и хотѣлъ лишить его жизни, какъ повелѣвалъ законъ» [1]).

Бѣжавшій убійца, не пойманный на мѣстѣ преступленія, *освобождался отъ смертной казни только въ случаѣ, когда оставлялъ имущество, достаточное для удовлетворенія родственниковъ убитаго;* если же имущество бѣжавшаго убійцы казалось родственникамъ убитаго недостаточнымъ для выкупа преступленія, то бѣжавшій убійца признавался состоящимъ подъ судомъ и, въ случаѣ поимки, подлежащимъ смерти [2]). Въ этомъ постановленіи право договоровъ отличается отъ закона Моисея, запрещавшаго брать искупъ за душу отъ убившаго, и отъ греко-римскаго права, также запрещавшаго выкупъ убійства и опредѣлявшаго за это преступленіе разныя наказанія, глядя по различію лицъ убитыхъ и условій убійства; но сходно съ правами древнихъ Германцевъ, Славянъ, Персовъ и многихъ другихъ народовъ, дозволявшими родственникамъ убитаго примириться съ бѣжавшимъ убійцею за имущественное вознагражденіе, опредѣленное закономъ или взаимнымъ соглашеніемъ [3]).

Въ связи съ постановленіями о наказаніи убійцы стоитъ въ договорахъ *постановленіе объ ударахъ* мечомъ, копьемъ, кацѣмъ, сосудомъ и всякаго рода оружіемъ [4]).

---

[1]) „Пособіе“, стр. 123.

[2]) Тамъ же, стр. 22, 29. См. выше, стр. 10.

[3]) По закону Моисея, только неумышленное убійство не подлежало смертной казни, да и то подъ условіями: немедленнаго бѣгства убійцы въ одинъ изъ шести убѣжищныхъ священныхъ градовъ, судебнаго оправданія убійцы и неотлучнаго пребыванія убійцы въ убѣжищномъ градѣ, „дондеже умретъ жрецъ великій, его же помазаше елеемъ“. Умышленное убійство во всякомъ случаѣ наказывалось смертью преступника. Кн. Числъ, гл. 35. Въ византійскомъ правѣ различалось убійство умышленное и неумышленное (волею и неволею), а наказывалось убійство повѣшеніемъ, отсѣченіемъ головы, отсѣченіемъ руки и заточеніемъ, глядя по различію условій убійства. См. Прохиронъ, Законъ о казняхъ. Печатная Кормчая книга, Градскаго закона грань 39. Книги законныя, содержащія въ себѣ въ древне-русскомъ переводѣ византійскіе законы; изд. А. Павлова. С.-Пб. 1885 г. Законъ о казнѣхъ, стр. 63 и слѣд.

[4]) Договоръ 911 г., ст. 5; Договоръ 945 г., ст. 14. См. выше, стр. 10.

По закону Моисея, если на судѣ показанія двухъ свидѣтелей утверждали, что убійца нанесъ ударъ убитому какимъ-либо желѣзнымъ орудіемъ, или камнемъ, или сосудомъ, или рукою, сознательно направленными противъ человѣка, хотя бы безъ желанія убить, то ничто не могло спасти убійцу: его должно было передать ближайшимъ родственникамъ убитаго, а послѣднимъ вмѣнялось въ непремѣнную обязанность убить его. Если же ударъ, направленный противъ человѣка, имѣлъ послѣдствіемъ тѣлесное поврежденіе, а не смерть, то законъ Моисея предписывалъ наказать преступника по системѣ возмездія: подвергнуть его тому, что́ онъ совершилъ,— «да не пощадитъ его око твое: душу за душу, око за око, зубъ за зубъ, руку за руку, ногу за ногу, якоже аще кто дастъ порокъ на ближняго своего, сице воздастся ему» [1]).

Подобно древнему еврейскому праву, византійское право наказывало смертью сознательный ударъ оружіемъ, имѣвшій послѣдствіемъ смерть. Ударъ оружіемъ, имѣвшій послѣдствіемъ только язву—рану, наказывался отсѣченіемъ руки. Если въ распрѣ одинъ наносилъ ударъ другому, имѣвшій послѣдствіемъ смерть, то судъ обязанъ былъ выслушать свидѣтелей и осмотрѣть орудіе, причинившее смерть; если смерть послѣдовала отъ толчка (пханія), удара деревомъ и большимъ камнемъ, то ударившему отсѣкали руку [2]).

---

[1]) „Аще же каменемъ изъ руки убіетъ его, аще же орудіемъ древянымъ изъ руки, аще же вражды ради ринетъ его, и вержетъ на него всякъ сосудъ по навѣту, или отъ ненависти поразитъ его рукою, и умретъ, убійца есть: смертію да умретъ убійца; ужикъ крове да убістъ убійцу, егда срѣтится съ нимъ. Аще же внезапу, не вражды ради ринетъ его или вержетъ на него всякъ сосудъ не по навѣту, или всякимъ каменемъ, имже вержетъ не вѣдый, и падетъ на него, и умретъ, онъ же врагъ его не бѣ, ниже ищяй зла ему творити, и да судитъ сонмъ между убившимъ и между ужикомъ крове, по судьбамъ симъ; и избавитъ сонмъ убившаго отъ ужика крове, и да возвратитъ его сонмъ во градъ убѣжища его, въ онь же убѣжа“. Книга Числъ; гл. 35. Второз.; гл. 119.

[2]) „Иже мечемъ ударитъ нѣкого, аще умретъ удареный, мечемъ пріиметъ муку. Аще уязвленый не умретъ, давшему язву да усѣчется рука, понеже отнюдь посѣщи мечемъ дерзнулъ есть“. Законъ градскій, грань 39, п. 80—85. „Аще распри между нѣкими бывающи, и приключится смерть пріяти, да разсудя послуси, и да хранятъ, имъ же смерть содѣяна бысть. И аще обрящутъ древомъ или каменіемъ великимъ, или пханіемъ смерть бысть, то рупѣ ему да усѣкуть“. Эклога Леона царя и Константина, гл. 49, п. 4—8.

Въ договорахъ Руссовъ съ Греками постановленія объ ударахъ мечомъ, копьемъ, кацѣмъ, сосудомъ и всякимъ оружіемъ находятся въ такой же связи съ постановленіями объ убійствѣ, какъ въ законѣ Моисея и византійскомъ правѣ. Непосредственно за изложеніемъ условія о наказаніи за убійство говорится: «аще ударить мечемъ, или убьеть кацѣмъ, любо съсудомъ, да того дѣля грѣха заплатить сребра литръ пять по закону русскому. Аще ли будеть неимовитъ тако створивый, да како можеть, втолько же проданъ будеть, яко да и порты, въ нихъ же ходять, да и то съ него сняти, а опроцѣ да на роту ходить по своей вѣрѣ, яко не имѣя ничтоже, ти тако пущенъ будеть» [1]). Очевидная логическая связь этого закона съ предшествующимъ ему закономъ объ убійствѣ и аналогія съ соотвѣтствующими правилами древняго еврейскаго и греческаго права показываютъ, что, подобно древнему еврейскому и греческому праву, право договоровъ съ Греками разумѣло подъ ударами мечомъ, копьемъ, кацѣмъ, сосудомъ и всякимъ оружіемъ не оскорбленіе личности (ср. В. И. Сергѣевича, Лекціи и Изслѣдованія, стр. 122), а *тѣлесные удары смертоносными орудіями, сознательно направленные противъ человѣка*, но имѣвшіе своимъ слѣдствіемъ не смерть, а тѣлесное поврежденіе. Въ договорахъ законъ объ ударахъ прямо называется русскимъ закономъ; дѣйствительно, по греческому праву тѣлесный ударъ наказывался не имущественнымъ штрафомъ, а отсѣченіемъ руки и заточеніемъ, глядя по различію условій преступленія [2]).

---

[1]) Договоръ 911 г., ст. 5; Договоръ 945 г., ст. 14.

[2]) См. Эклогу, гл. 49. По русскому закону, въ пользу удареннаго взыскивалось пять литръ серебра. Греческая литра серебра въ X вѣкѣ равнялась одному фунту серебра. По Русской Правдѣ, тѣлесный ударъ мечомъ въ ножнахъ, его рукояткою, батогомъ, жердью, пястью, чашею, рогомъ и тылисницею наказывался 12-гривенною продажею. Кіевская серебряная гривна X в. вѣситъ болѣе полфунта; слѣдовательно 5 литръ серебра соотвѣтствовали 12-гривенной продажѣ Русской Правды.

ГЛАВА XV.

Имущественныя преступленія и ихъ наказуемость по договорамъ съ Греками.

За постановленіями о преступленіяхъ противъ личности слѣдуютъ въ договорахъ съ Греками постановленія о противозаконныхъ посягательствахъ на чужое имущество, о воровствѣ и грабежѣ, вызвавшія въ литературѣ наибольшее количество произвольныхъ толкованій [1]).

Истинный смыслъ постановленій этого рода выясняетъ сравненіе съ однородными уголовными правилами другихъ народовъ.

Въ обычномъ правѣ сибирскихъ инородцевъ преступное нападеніе на чужую собственность называется вообще воровствомъ-злодѣйствомъ, а по наказуемости различаются: воровство-разбой, воровство-грабежъ, воровство-мошенничество и воровство кража [2]).

Воровствомъ-разбоемъ называется явное нападеніе на чужую собственность, соединенное съ убійствомъ или тѣлеснымъ поврежденіемъ ограбленнаго; наказуется разбой по мѣрѣ послѣдствій преступленія: соединенный съ убійствомъ—по правиламъ объ убійствѣ, а соединенный съ тѣлеснымъ поврежденіемъ—по правиламъ о тѣлесныхъ поврежденіяхъ съ прибавленіемъ опредѣленнаго штрафа или тѣлеснаго наказанія за грабежъ [3]).

---

[1]) По ученію Шлецера, „эта часть договоровъ безсмысленна". Особенно безсмысленнымъ казалось Шлецеру отождествленіе въ договорахъ кражи и грабежа по наказуемости: „въ этой статьѣ, говоритъ онъ, совсѣмъ нѣтъ смысла, ибо неужели насиліе не должно наказывать жесточе"? Шлец., Несторъ, II, стр. 721. По ученію Эверса, правило договоровъ о взысканіи съ вора тройной цѣны покраденнаго „сомнительно, находится только въ одномъ испорченномъ спискѣ, содержащемъ въ себѣ множество новѣйшихъ вставокъ". Др.-Русское право, стр. 171. Названіе этого испорченнаго списка авторъ не указалъ; но въ дѣйствительности сказанное правило находится во всѣхъ спискахъ, какъ древнѣйшихъ такъ и новѣйшихъ. По ученію г. Сергѣевича, „денежныя пени за кражу одинаково извѣстны какъ русскому, такъ и греческому праву; но опредѣленіе ихъ въ размѣрѣ двойной или тройной цѣны украденнаго опять не русское, а чисто греческое; Эклога и Градскіе законы опредѣляютъ именно двойную цѣну". Лекціи и Изслѣдованія, стр. 123.

[2]) См. Сборн. об. права сиб. инород., Д. Самоквасова; стр. 89, 227, 228.

[3]) По праву Киргизовъ, „кто кого на пути ограбитъ вооруженною рукою, то ограбленное возвращаетъ сполна, а сверхъ того платитъ въ

Воровствомъ-грабежомъ въ тѣсномъ смыслѣ называется явное отнятіе чужой собственности, безъ поврежденія личности ограбленнаго, а воровствомъ-мошенничествомъ—завладѣніе чужой собственностью посредствомъ обмана; наказываются грабежъ и мошенничество слабѣйшими имущественными штрафами и тѣлесными наказаніями, нежели кража [1]).

Воровствомъ-кражей называется тайное похищеніе чужой собственности; а наказуется кража взысканіемъ въ пользу обокраденнаго двойной, тройной и четверной цѣны украденнаго, глядя по предметамъ кражи и ея условіямъ [2]). Имущественное взысканіе

штрафъ лошадь и халатъ; но буде притомъ побьетъ и поранитъ, то обиженный пользуется отъ ранъ на счетъ виновнаго, и сей платитъ еще въ штрафъ лошадь и халатъ, или обиженный въ правѣ сдѣлать ему такія же раны, какія имъ сдѣланы были, или же платитъ за обѣ вины девять скотинъ, большихъ и малыхъ... Буде же при томъ грабежѣ, на пути или въ домѣ, кого убьетъ, платитъ въ два съ половиною раза противъ полнаго куна: первый за убійство, второй за грабежъ, а половина куна полагается за оставленіе мертваго тѣла на степи; но если убитое тѣло остается въ домѣ, то платитъ кунъ только въ полтора раза". Тамъ же, стр. 267; ср. тамъ же, стр. 17, 18. У другихъ народовъ Сибири, подвластныхъ Россіи, вооруженный грабежъ, соединенный съ убійствомъ и тѣлеснымъ поврежденіемъ ограбленнаго, „судится по общимъ государственнымъ законамъ въ присутственныхъ мѣстахъ". Тамъ же, стр. 227.

[1]) По праву Киргизовъ, „буде кто слугу отниметъ, то платитъ за онаго скотомъ ту сумму, чего слуга стоитъ. Кто чужого человѣка украдетъ и продастъ, то платитъ виновный обиженному полныхъ полтора куна... Если кто безъ оружія ограбитъ, то, удовлетворивъ сполна искъ, виновный обязанъ заплатить въ штрафъ лошадь и халатъ. За обманъ чѣмъ-либо для своей или чужой корысти виновный наказывается плетьми до знаковъ на тѣлѣ". Тамъ же, стр. 266, 267, 272. По праву Якутовъ, „за отнятіе чего-либо невооруженною рукою, безъ насилія и личнаго вреда обиженному, обличенный точными и ясными доказательствами, или сознавшійся самъ, наказывается тѣлесно лозами и возвращаетъ отнятое съ убыткомъ, какой отъ насилія его послѣдуетъ... За воровство-мошенничество поступается такимъ же образомъ, какъ и за воровство-кражу, съ тою разницею, что за скотъ, взятый мошенничествомъ, платится за каждую штуку по одной, а не вчетверо". Тамъ же, стр. 227, 228.

[2]) По праву Киргизовъ, „кто у кого имѣніе выкрадетъ и пойманъ будетъ, платитъ за всякую вещь втрое, а если кража была изъ жи-

часто осложняется тѣлеснымъ наказаніемъ. По праву Бурятъ Верхоленскаго вѣдомства, обличенные въ воровствѣ «платятъ за одну три головы таковыхъ же, соотвѣтственныхъ украденной, а если самая похищенная скотина окажется живою, то обращается истцу въ томъ же числѣ, ибо надбавляется только двѣ, ей сверстныя; присовокупляется къ тому же и приговариваемое ему за сей поступокъ, въ страхъ другимъ родовичамъ, тѣлесное наказаніе, при инородной сходкѣ, налагаемое по мѣрѣ вины» [1]). По праву Якутовъ, «кто учинитъ воровство-кражу, платитъ за одну штуку украденную четыре таковыя по лѣтамъ, добротѣ и цѣнѣ, а если украденная скотина найдется въ живности, то сверхъ оной платитъ три и, независимо отъ сего, отдаетъ и понесенные просителемъ убытки» [2]).

Слѣдовательно, по обычному праву сибирскихъ инородцевъ, грабежъ наказывается легче кражи. Съ понятіемъ грабежа соединяется только явное, открытое посягательство на чужое имущество, въ противоположность тайному посягательству или кражѣ. Преступное нападеніе на личность, соединяемое правомъ новѣйшихъ европейскихъ народовъ съ понятіемъ грабежа, у сибирскихъ народовъ является отдѣльнымъ отъ него и опредѣляется уголовными взысканіями за убійство, удары, побои, раны и всякаго рода тѣлесныя поврежденія. Безъ преступнаго нападенія на личность ограбленнаго, грабежъ является менѣе опаснымъ преступленіемъ, нежели кража. Отнятое имущество легче отыскать и возвратить при посредствѣ общественной власти, нежели похищенное имущество, а потому грабежъ наказывается слабѣе кражи.

Кража наказывается взысканіемъ двойной, тройной, четверной цѣны украденнаго въ пользу собственника украденной вещи. Основаніе происхожденія этого правила объясняется слѣдующимъ показаніемъ Якутовъ, дополняющимъ правило о наказуемости кражи: «въ долговременныхъ разысканіяхъ (воровъ), по отдаленному и разсѣянному жительству Якутовъ, употребляется не малое число людей, которымъ на пищу даются цѣлыя штуки скота, а другимъ изъ нихъ, которые искусны слѣдить и отыскивать воровъ по разнымъ, извѣстнымъ имъ признакамъ, производится и плата» [3]). Система имущественныхъ взысканій за преступленія въ пользу потерпѣвшихъ отъ преступленій соотвѣтствуетъ времени слабости обще-

---

вотныхъ, то, по присужденію общества, полагаютъ за одну лошадь трижды девять, то есть 27 штукъ разнаго скота". Тамъ же, стр. 268; см. еще стр. 72, 95, 227.

[1]) Тамъ же, стр. 72; ср. стр. 129.

[2]) Тамъ же, стр. 227.

[3]) Тамъ же, стр. 227.

ственной полиціи, когда изысканіе и поимка преступниковъ, требовавшія имущественныхъ затратъ, производились личными средствами непосредственно потерпѣвшихъ отъ преступленія.

По древнему еврейскому праву всякое поврежденіе человѣческаго тѣла наказывалось по закону возмездія [1]); а всякое похищеніе чужой собственности, если украденное сохранялось въ рукахъ пойманнаго вора, наказывалось взысканіемъ двойной цѣны похищеннаго [2]). Но если воръ умерщвлялъ или продавалъ похищенное животное, то взысканіе увеличивалось. Убійство вора, пойманнаго на мѣстѣ преступленія ночью, не признавалось наказуемымъ; но убійство вора, пойманнаго ночью и задержаннаго до восхода солнца, наказывалось смертью [3]).

По древнему уголовному праву германскихъ народовъ, имущественныя преступленія наказывались имущественными взысканіями, часть которыхъ поступала въ общественную казну, а часть въ пользу потерпѣвшаго отъ преступленія. Подобно уголовному праву сибирскихъ инородцевъ, древнѣйшіе сборники уголовнаго права германскихъ народовъ содержатъ въ себѣ таксу, опредѣляющую размѣры взысканій за убійство, тѣлесныя поврежденія и имущественныя похищенія. Вора на мѣстѣ преступленія дозволяется убить безнаказанно; а воръ неубитый наказывался взысканіемъ тройной цѣны похищеннаго въ пользу обокраденнаго, а сверхъ того—взысканіемъ опредѣленнаго общественнаго штрафа [4]).

---

[1]) „Душу за душу, око за око, зубъ за зубъ, рука за руку, ногу за ногу, жженіе за жженіе, язву за язву, вредъ за вредъ". Исходъ, гл. 21.

[2]) „Аще же ятъ будетъ, и обрящется въ руцѣ его украденное, отъ осляте до овцы живо, сугубо да отдастъ я... По всей реченной неправдѣ, о теляти и о осляти, и о овцѣ, и о рицѣ, и о всей гибели нанесенней, что убо ни было бы, предъ Богомъ да пріидетъ судъ обоихъ, и обвиненный Богомъ да отдастъ сугубо ближнему». Тамъ же, гл. 22.

[3]) „Аще же кто украдетъ тельца или овцу и заколетъ или продастъ, пять тельцовъ да воздастъ за тельца и четыре овцы за овцу. Аще же въ подкопаніи обрящется тать, и язвенъ умретъ, нѣсть ему убойство; аще же взыдетъ солнце надъ нимъ, повиненъ есть, умретъ за него. Аще же не имать имѣнія, да продается за татьбу". Тамъ же.

[4]) Тацитъ, „Германія", гл. 12: „Sed et levioribus delictis pro modo poena: equorum pecorumque numero convicti multantur pars multae regi vel civitati, pars ipsi que vindicatur vel propinquis eius exsolvitur". Lex Anglorum et Verinorum, hoc est Thuringorum, tit VII. De furtis: „qui gregem equorum in parco furatus fuerit, in triplum componat; si autem foris gregem commovit, quod equae fuerunt, tot capita in com-

Византійское право наказывало грабежъ взысканіемъ взятаго грабежомъ и цѣны его [1]); а за кражу опредѣляло тѣлесныя и имущественныя наказанія, глядя по различію предметовъ и условій кражи, времени поимки преступниковъ и повторенію преступленія [2]). Разбойника дозволялось убить каждому безнаказанно, а равно и вора, пойманнаго ночью на мѣстѣ преступленія [3]).

Сопоставленіе изложенныхъ законовъ дѣлаетъ ясными нижеслѣдующія постановленія договоровъ Руссовъ съ Греками.

По договору Олега, если украдетъ что-либо Русскій у христіанина, а также христіанинъ у Русскаго, и пойманъ будетъ совершившій кражу обокраденнымъ, а *воръ станетъ сопротивляться и будетъ убитъ, то смерть его не взыскивается* ни христіанами, ни

---

motionis mulctam componat, et quod abstulit, tot triplum componat. Hoc de cerno, bove, vacca, ove, porco iudicatum est. Qui ornamenta muliebra, quod rhedo dicunt, furto abstuleret; in triplum componat; delaturam XII sol. et in freda similiter".

[1]) „Аще кромѣ судьина отреченія отниметъ кто нѣкую вещь, аще убо свое ему есть, да отпадетъ господство его; аще ли чужде, да вдастъ господину его то истое и цѣну его". Печ. Кормчая кн.; Градскій законъ, грань 39, пар. 49.

[2]) „Проказу творящему въ житѣ и помогающимъ ему руки да отсѣкутся. На восхитившемъ нѣкую вещь имѣнія отъ пожара, или отъ труса, или паденія домовъ, или отъ истопленія корабля, до скончанія лѣта того воспомянувшу предъ судьями господину его, четверицею да возьмется; по лѣтѣ же томъ да возьмется сугубицею. Восхищаяй землю чюжю, или прелагая ей предѣлы, сугубо восхищенное воздаетъ. Иже во станахъ и въ полкахъ на войнахъ крадущіе, или убо оружія украдетъ, сурово повелѣваемъ бити его; аще же подъяремника, рѣкше коня, или мща, или осля, таковымъ руцѣ усѣчены бываютъ. Иже въ коемъ-либо градѣ крадущимъ, едино убо се сотворшимъ, повелѣваемъ, аще богати и свободни суть, да возвративше украденное, и сугубицею толикожде да вдадятъ татьбу потерпѣвшему; аще ли убози суть сіе сотворшіи, біемы да изженутся. Аще не единою, но многащи въ татьбѣ яти будутъ, руки имъ да отсѣкутъ. Чужая стада отгонящіи и единою убо се сотворшіи, біени да будутъ; второе же содѣлавше отъ предѣлъ да изженутся; аще же и третицею обрящутся на таковое дерзнувше, да отсѣкутъ имъ руцѣ". Тамъ же, законъ о казняхъ.

[3]) „Аще въ нощи крадущего убьетъ нѣкто, тогда безъ муки бываетъ, понеже не можеше безъ бѣды пощадити его. Нарочитые разбойници на мѣстѣхъ, на нихъ же разбой творяху, повѣшени да будутъ. Разбойника лѣть есть комуждо убивати безбѣдно". Тамъ же, пар. 3, 15 и 16.

Русскими, а обокраденный возвращаетъ свою собственность. А если пойманный воръ отдаетъ себя въ руки обокраденному безъ сопротивленія, то должно его связать (арестовать), и *воръ долженъ возвратить похищенное и заплатить тройную его цѣну*. Договоръ Игоря дополняетъ и измѣняетъ это постановленіе въ томъ смыслѣ, что если воръ сохранитъ украденную вещь въ цѣлости, то долженъ возвратить украденное, *съ прибавленіемъ его стоимости;* а если похищенная вещь была продана воромъ, то онъ долженъ заплатить *двойную цѣну похищеннаго*, и такимъ образомъ пойманный воръ наказывается по закону греческому и по уставу и закону русскому. По договору Олега, отнятое посредствомъ явнаго насилія Русиномъ у христіанина и христіаниномъ у Русина должно возвратить *втрое*. Договоръ Игоря дополняетъ и измѣняетъ это постановленіе. *Дополненіе состоитъ въ требованіи наказанія за покушеніе на грабежъ, а измѣненіе — въ уменьшеніи взысканія* за совершонный грабежъ *съ тройнойцѣны отнятаго на двойную*: если кто изъ Русскихъ покусится отнять что-либо у Грековъ, то будетъ за такое дѣло наказанъ «вельми»; а если отыметъ, то платитъ двойную цѣну отнятаго; такой же казни подлежитъ и Грекъ за то же преступленіе противъ Русскаго [1]). Эти постановленія не заключаютъ въ себѣ ничего безсмысленнаго, непонятнаго и противнаго уголовному праву другихъ древнихъ народовъ.

Восьмая статья договора Олега и девятая статья договора Игоря распространяютъ дѣйствіе общаго уголовнаго закона на преступленія при кораблекрушеніяхъ. По договору Олега, «аще ли ключится кому отъ тоя ладья (потерпѣвшей крушеніе) въ ней убьену быти, или бьену быти отъ насъ Руси, или взяти что-любо, да повиньни будуть то створшіи *прежереченою епетемьею»;* по договору Игоря, «аще обрящутъ Русь кубару (χάραβος—корабль) гречьскую въвержену въ коемь-любо мѣстѣ, да не пріобидять ея; аще ли отъ нея возьметъ кто что, ли человѣка поработить, или убьетъ, да будетъ повиненъ закону руску и гречьску», то есть повиненъ понести наказаніе по правиламъ, установленнымъ договорными условіями о наказуемости убійства, ударовъ, кражи и грабежа.

Двѣнадцатая статья договора Олега и третья и четвертая статьи договора Игоря опредѣляютъ порядокъ возвращенія хозяиномъ раба украденнаго, отнятаго, бѣжавшаго и по принужденію проданнаго. По договору Олега, «аще украденъ будетъ челядинъ рускый, или въскочитъ, или по нужи проданъ будетъ, и жаловати начнуть Русь, да покажеться таковое отъ челядина, *да имуть и въ Русь;* но и гостье, погубиша челядинъ, и жалують, да ищуть, и обрѣтаемое да

---

[1]) „Пособіе“, стр. 23, 28, 29.

имуть е; аще ли кто искушенія сего не дасть створити, мѣстникъ да погубить правду свою». Договоръ Игоря дополнилъ это постановленіе двумя условіями: установилъ *отвѣтственность государства* за бѣглыхъ рабовъ, неотысканныхъ на его территоріи (двѣ павалоцѣ за челядинъ), и опредѣлилъ *награду за переёмъ бѣглаго раба* и похищеннаго имъ [1]). Жалоба истца, потерявшаго раба, соотвѣтствуетъ «заповѣди» Русской Правды [2]), объявленію о пропажѣ раба на торгу, и давала право искать раба, производить обыскъ, а если найденный рабъ подтверждалъ жалобу, то и взять его, безъ дальнѣйшаго судебнаго разбирательства, а въ случаѣ кражи и грабежа, получить и штрафъ, опредѣленный общими условіями договора о кражѣ и грабежѣ. Слово «мѣстникъ» въ приведенной статьѣ означаетъ мѣстнаго жителя, туземца, въ противоположность русскому «гостю», а не родового «мстителя», какъ утверждалъ Эверсъ, совершенно произвольно и невѣрно истолковавшій эту статью [3]).

Къ уголовному праву относится еще статья договора Игоря, дозволяющая убить неисполнившаго княжескаго распоряженія и противящагося аресту, по которой: «увѣдѣлъ есть князь вашъ (русскій) посылати грамоты ко царству нашему... Аще ли безъ грамоты придуть, и предани будуть намъ, да держимъ и хранимъ, дондеже взвѣстимъ князю вашему; *аще ли руку не дадять и противятся, да убьени будуть*, да не изищется смерть ихъ отъ князя вашего [4]).

Въ связи съ уголовными правилами договоровъ стоятъ три дополнительныя постановленія, содержаніе которыхъ очень важно для пониманія точнаго смысла уголовнаго права договоровъ.

Первое изъ нихъ заключаетъ въ себѣ слѣдующее: «аще ли ключится проказа нѣкака отъ Грекъ, сущихъ подъ властью царства нашего, да не имате власти казнити я, но *повелѣньемъ царства нашего да пріиметь, якоже будетъ створилъ*» [5]). Вѣрное толкованіе проф. Владимірскаго-Буданова усматриваетъ въ этой статьѣ «общее правило всѣхъ старинныхъ законодательствъ: преступленіе подле-

---

[1]) „Пособіе“, стр. 24, 28.

[2]) Тамъ же, стр. 84.

[3]) „Местникъ, говоритъ Эверсъ, есть, очевидно, ближайшій родственникъ, который долженъ былъ мстить за обиду... Здѣсь, въ случаѣ сопротивленія обыску, позволено еще было самоуправство всякаго рода“ (?). „Древнее русское право“, стр. 179, 180. Въ договорѣ сказано: „местникъ да погубитъ правду свою“; правда же и самоуправство—несовмѣстимыя понятія.

[4]) Договоръ Игоря, ст. 2.

[5]) Тамъ же, ст. 12.

житъ суду той власти, которой подчиненъ отвѣтчикъ. Договоръ Олега умалчиваетъ объ этомъ, но безъ сомнѣнія подразумѣваетъ то же» [1]). Для Русскихъ право было религіей, преступленіе—грѣхомъ, а наказаніе — искупленіемъ грѣха; но искупленіе грѣха возможно было только по началамъ своей религіи, своего процессуальнаго и уголовнаго права. Отсюда Русскіе никоимъ образомъ не могли подчинить себя суду чужой власти и по чужому праву. Этимъ объясняется, почему договоры, опредѣляя размѣръ частнаго вознагражденія за преступленія, умалчиваютъ о размѣрахъ публичнаго элемента въ наказаніи (виры и продажи). Задача уголовнаго права древнихъ международныхъ трактатовъ состояла только въ опредѣленіи вознагражденія частныхъ лицъ, обиженныхъ преступленіемъ; размѣръ же публичнаго элемента въ наказаніи преступленій, совершонныхъ противъ гражданъ чужого государства, былъ дѣломъ сторонъ, судившихъ своихъ преступниковъ: «аще ли безъ грамоты придуть, говорится въ договорѣ Игоря, и предани будуть намъ, да держимъ и хранимъ, дондеже възвѣстимъ князю вашему... аще ли убѣжавше въ Русь придуть, мы напишемъ ко князю вашему, яко имъ любо, тако створять» [2]). Греческій чиновникъ (мужъ), о которомъ упоминаетъ та же статья договора Игоря, долженствовавшій переписывать русскихъ пословъ и гостей, приходившихъ въ предмѣстье св. Мамы, сопровождать ихъ на пути въ крѣпость Константинополя и охранять Русскихъ отъ Грековъ и Грековъ отъ Русскихъ, имѣлъ полицейскую власть, но не судебную [3]).

Вторая дополнительная статья заключаетъ въ себѣ слѣдующее: «аще злодѣй возвратится изъ Руси (по Кенигсбергскому списку; въ Лаврентьевскомъ спискѣ очевидная описка: «возвратится въ Русь»), да жалуютъ Русь христьянскому царству, и ятъ будетъ таковый, и *возвращенъ будетъ нехотя въ Русь*» [4]). Эта статья, подобно предыдущей, подверглась въ литературѣ произвольнымъ объясненіямъ, предполагающимъ въ ней то выдачу обвиняемыхъ въ какомъ бы то ни было преступленіи, то выдачу политическихъ преступниковъ, то отсутствіе всякаго смысла [5]). Въ дѣй-

---

[1]) Христом., стр. 17.

[2]) „Пособіе“, стр. 28.

[3]) Ср. Сергѣевича: Лекціи и Изслѣд., стр. 118.

[4]) Лѣт. по Кёнигсб. сп., акад. изд., стр. 31.

[5]) Родоначальникомъ безсмысленныхъ переводовъ и толкованій сказанной статьи былъ Шлецеръ, который перевелъ ее по испорченному тексту слѣдующими словами: „если преступникъ возвратится въ Русь, и Руссы потребуютъ его у христьянскаго царства, да задержится онъ и противъ воли возвратится въ Русь“; а въ примѣчаніи Шлецеръ

ствительности, статья говоритъ о выдачѣ злодѣевъ, осужденныхъ преступниковъ, выданныхъ обиженнымъ по несостоятельности и бѣжавшихъ на родину до исполненія обязательства, вытекавшаго изъ преступленія. Это правило представляетъ собою необходимое слѣдствіе древней системы выкупа преступленій. Смыслъ статьи слѣдующій: если злодѣй (признанный судомъ преступникъ) убѣжитъ изъ Руси въ Грецію (до полнаго расчета съ обиженнымъ), а Русскіе потребуютъ его выдачи, то греческая власть обязана схватить злодѣя и возвратить въ Русь. По древнему праву всѣхъ народовъ, преступникъ долженъ былъ удовлетворить обиженнаго имущественнымъ вознагражденіемъ, а въ случаѣ несостоятельности выдавался обиженному головою, дѣлался его рабомъ. «Если договоры съ Греками требовали выдачи бѣглыхъ рабовъ, то четырнадцатая статья договора Олега есть только частное примѣненіе этого правила» [1]).

Третье дополнительное условіе договоровъ *всѣ постановленія*, въ которыхъ говорится только о Русскихъ, *распространяетъ на обѣ стороны:* «си же вся да творять Русь Грекомъ, идѣже аще ключится таково» [2]).

прибавилъ: „такъ во всѣхъ спискахъ, не выключая ни одного". См. Шлецера: Несторъ, ч. II, стр. 347. Археографическая Комиссія, издавая текстъ договоровъ по Лаврентьевскому списку и слѣдуя за толкованіями Шлецера, не признала нужнымъ оговорить, что есть древнѣйшіе тексты интересующей насъ статьи, содержаніе которыхъ не возбуждаетъ никакихъ недоразумѣній. См. П. С. Р. Л.; I, 15. Результатъ тотъ, что новѣйшіе толкователи этой статьи, пользуясь Лаврентьевскимъ спискомъ, даютъ ей произвольныя толкованія. Эверсъ перевелъ ее такъ: „ежели кто злодѣйски будетъ ратовать противъ Руси, то Русскіе пусть жалуются на то христьянскому царю, и такой злодѣй да будетъ взятъ и противу воли возвращенъ въ Русскую землю". Др. русское право, стр. 190. По мнѣнію Срезневскаго и Соловьева, эту статью должно переводить такъ: „если взявшійся доставить это имѣніе (упоминаемое въ предыдущей статьѣ о завѣщаніи) утаитъ его и не возвратится съ нимъ въ Русь, то, по жалобѣ Русскихъ, возвращается насильно въ отечество". Исторія Россіи, т. I, стр. 129. По мнѣнію проф. Сергѣевича, „нѣкоторыя статьи, напримѣръ, седьмая и четырнадцатая, до такой степени повреждены переписчиками, что настоящій ихъ смыслъ и возстановленъ быть не можетъ". Лекціи и Изслѣд., стр. 108.

[1]) См. Христоматію Владимірскаго-Буданова, вып. I, стр. 8, прим. 15. Ср. Сборникъ об. права сиб. инор., стр. 152, 229.

[2]) Договоръ Олега, ст. 15.

Сказанное выше объ уголовной системѣ Русскаго права языческой эпохи можно выразить въ слѣдующихъ положеніяхъ:

Подобно уголовному праву Евреевъ времени Моисея и другихъ древнихъ народовъ, уголовное право Руссовъ эпохи призванія Рюрика имѣло религіозный характеръ, не отличало преступленія отъ грѣха, а наказаніе преступника почитало священною обязанностью общества, исполненіе которой лежало всего прежде на обиженномъ преступленіемъ, его родственникахъ и сосѣдяхъ.

Пойманный убійца подлежалъ смерти отъ рукъ ближняго убитаго; но если убійца бѣжалъ, а родственникъ убитаго овладѣвалъ его имуществомъ по закону, то терялъ право на жизнь убійцы.

Ударъ орудіемъ, отъ котораго возможно было ожидать смерти, наказывался имущественнымъ взысканіемъ въ размѣрѣ 5 фунтовъ серебра.

Убійство разбойника, вора, противящагося аресту и неповинующагося княжескому распоряженію, не признавалось преступленіемъ, а дозволялось закономъ каждому безнаказанно.

Пойманный воръ, дозволившій арестовать себя, наказывался взысканіемъ двойной и тройной цѣны похищеннаго.

Покушеніе на грабежъ наказывалось по рѣшенію суда, на основаніи конкретныхъ условій преступленія; совершонный грабежъ наказывался взысканіемъ двойной цѣны пограбленнаго.

Судъ и казнь преступника опредѣлялись процессуальнымъ и уголовнымъ правомъ государства, которому принадлежалъ преступникъ.

Осужденные преступники въ случаяхъ имущественной ихъ несостоятельности выдавались головою обиженному преступленіемъ, а въ случаяхъ бѣгства до исполненія обязательства возвращались обиженному при посредствѣ общественной власти.

VI. Учрежденія гражданскаго права.

ГЛАВА XVI.

Гражданское право. Теорія догосударственнаго гражданскаго общества русскихъ Славянъ и критика этой теоріи.

Въ отличіе отъ системы публичнаго права, опредѣляющей права и обязанности гражданъ по отношенію къ государству, *система правилъ, опредѣляющихъ частныя личныя и имущественныя отношенія* между физическими и юридическими лицами, составляющими государственное народонаселеніе, *именуется системою гражданскаго или частнаго права.* Гражданское право составляютъ правила, опре-

дѣляющія происхожденіе, объемъ и потерю правоспособности и дѣеспособности гражданина въ союзахъ, возникающихъ изъ воли частныхъ лицъ,—въ союзахъ семейно-родовыхъ и имущественныхъ.

Многіе цивилисты, слѣдуя за римскимъ юристомъ Ульпіаномъ, отличаютъ публичное право отъ гражданскаго различіемъ интересовъ государственныхъ и частныхъ и признаютъ послѣднее системою нормъ, опредѣляющихъ частныя права каждаго лица *«въ гражданскомъ обществѣ»* [1]). Но интересы частныхъ физическихъ гражданъ такъ тѣсно связаны съ интересами государства, что нѣтъ возможности провести рѣзкую границу между сферами блага государственнаго и гражданскаго. Нѣкоторые цивилисты, принимая во вниманіе, что «многія правоотношенія въ государствѣ имѣютъ смѣшанный характеръ и легко получаютъ то публичное, то частное значеніе, а сферы дѣйствія публичнаго и гражданскаго права различны у разныхъ народовъ и въ разныя историческія эпохи у одного и того же народа», находятъ невозможнымъ разграниченіе публичнаго и частнаго права [2]).

Средствомъ отличія нормъ публичнаго и частнаго права можетъ служить различіе качества власти, ими учреждаемой. Всякая правовая норма даетъ публичному учрежденію или частному лицу власть надъ другими учрежденіями, лицами и вещами. *Власть публичнаго права отличается обязательнымъ характеромъ*, является не только правомъ, но и обязанностью предъ государствомъ: кто по публичному праву имѣетъ власть управлять, судить, наказывать, взыскивать долги, вступать въ обязательства, тотъ обязанъ осуществить свое право, подъ угрозою наказанія за неисполненіе своей правовой должности, своего публичнаго правоотношенія. *Власть гражданскаго права отличается свободнымъ характеромъ*: кто по гражданскому праву имѣетъ власть управлять имѣніемъ, судить и наказывать живущихъ въ немъ, взыскивать долги, вступать въ обязательства, получать наслѣдства, тотъ можетъ и не пользоваться своимъ правомъ безъ отвѣтственности передъ государствомъ *по публичному праву*. Отсюда правовые институты государства, опредѣляющіе правоотношенія съ властью обязательнаго характера, составляютъ институты публичнаго права,—таковы институты права

---

[1]) Ср. К. Малышева: Курсъ общаго гражданскаго права Россіи; т. I, стр. 1. Спб. 1878 г. П. Цитовича: Гражданское право, стр. 1. По Ульпіану „publicum jus est, quod ad statum rei Romanae spectat, privatum, quod ad singulorum utilitatem: sunt enim quaedam publice utilia, quaedam privatim“.

[2]) См. ст. К. Кавелина въ Журн. Гражд. и Уголов. Права за 1882 г кн. 8. Ср. ст. Пахмана тамъ же; 1884 г.; кн. 7, стр. 186 и слѣд.

государственнаго, процессуальнаго и уголовнаго; а институты государства, опредѣляющіе правоотношенія съ властью свободнаго характера, составляютъ институты гражданскаго права,—*таковы институты права семейственнаго, вещнаго, обязательственнаго и наслѣдственнаго.*

Цѣль публичнаго и частнаго права состоитъ въ установленіи и охранѣ порядка общежитія. Установленный порядокъ публичныхъ и частныхъ правоотношеній во всякомъ обществѣ предполагаетъ существованіе общественной власти, охраняющей этотъ порядокъ; а потому внѣ государства и безъ государственной власти не можетъ существовать ни публичнаго, ни гражданскаго права; подобно институтамъ права государственнаго, *институты гражданскаго права зарождаются и развиваются въ государствѣ и одновременно съ нимъ.*

Частная юридическая жизнь гражданъ проявляется въ разныхъ видахъ семейныхъ и имущественныхъ союзовъ, возникающихъ по волѣ частныхъ лицъ: супружескихъ, семейныхъ, родовыхъ и имущественныхъ.

По вопросу о происхожденіи семейныхъ союзовъ и ихъ отношеніи къ государству въ историко-юридической литературѣ первой половины XIX столѣтія господствовало ученіе Аристотеля, принятое и развитое въ новое время послѣдователями «исторической школы».

Ученіе Аристотеля о происхожденіи семейнаго союза, какъ первоначальной формы общежитія людей, выражается въ слѣдующихъ положеніяхъ: прежде всего и необходимо соединяется между собою то, что не можетъ существовать одно безъ другого. Женщина соединяется съ мужчиною съ цѣлью рожденія, и это соединеніе происходитъ не по расчету разума: въ человѣкѣ, какъ и въ другихъ животныхъ и растеніяхъ, есть природное влеченіе оставить послѣ себя особь себѣ подобную. Господинъ и рабъ также естественно соединяются между собою въ интересѣ взаимнаго благополучія, взаимной пользы. *Изъ соединеній мужа съ женою и господина съ рабомъ образуется семейство, первая естественная форма общежитія. Изъ семейства образуется* другая форма общежитія,—*селеніе, состоящее изъ нѣсколькихъ семействъ.* Какъ семействомъ управляетъ старѣйшій родственникъ, такъ и *селеніе,—дальнѣйшее расширеніе семейства*,—вслѣдствіе родства его членовъ, находится также подъ управленіемъ одного главы; наконецъ, *изъ селеній образуется городъ — государство*, — совершеннѣйшая форма общежитія, — такая форма, въ которой общественная жизнь достигаетъ во всѣхъ отношеніяхъ высшей степени благосостоянія; слѣдовательно, вслѣдствіе

общежитія людей между собою, *сперва образуется семейство, а потомъ государство* [1]).

По ученію послѣдователей исторической школы, *общежитіе всѣхъ народовъ начиналось семейнымъ союзомъ*, состоявшимъ изъ кровныхъ родственниковъ, подъ главенствомъ старшаго изъ нихъ. По этой теоріи первое и естественное основаніе общительности между людьми заключается въ физической природѣ человѣка, въ его инстинктахъ полового побужденія и сохраненія своего рода, представляющихъ собою всеобщій фактъ физической организаціи животныхъ. У разныхъ породъ животныхъ *семейный союзъ бываетъ тѣмъ продолжительнѣе и прочнѣе, чѣмъ долѣе длится періодъ дѣтскаго возраста*, требующій соединенныхъ трудовъ отца и матери для воспитанія дѣтей до того возраста, когда они получаютъ возможность существовать безъ помощи своихъ родителей. По этому закону супружескій союзъ между женщиной и мужчиной долженъ быть прочнѣе и продолжительнѣе супружескаго союза всѣхъ другихъ животныхъ, потому что у людей дѣти остаются долѣе безпомощными, чѣмъ у какихъ бы то ни было другихъ животныхъ породъ; а повторяющіяся половыя побужденія влекутъ за собою новыя рожденія, и этотъ порядокъ длится до старости. Слѣдовательно, *по природному закону супружескій союзъ у людей долженъ быть пожизненнымъ*. Продолжительность дѣтскаго возраста въ родѣ человѣческомъ обусловливаетъ собою и прочность союза между дѣтьми и родителями: оставаясь долго безсильными, немощными въ изысканіи средствъ къ поддержанію своего существованія, *дѣти не могутъ оставить своихъ родителей, не подвергаясь опасности стать добычею смерти. Отсюда семейство, т. е. союзъ мужа-отца, жены-матери и дѣтей является первоначальною естественною формою человѣческаго общежитія*. Въ семейномъ состояніи людей не можетъ быть рѣчи о гражданскомъ и государственномъ правѣ, потому что *въ семьѣ ея глава господствуетъ неограниченно. Съ теченіемъ времени семья разрастается въ родъ*, представляющій собою только разросшееся семейство съ главенствомъ старшаго родственника, по отношенію къ которому всѣ члены рода являются безправными. Родовыя отношенія, какъ и семейныя, основаны на принципѣ родства между сочленами родового союза и полновластномъ главенствѣ старшихъ родичей надъ младшими. *Съ теченіемъ времени количество членовъ рода множится;* братья ближайшихъ и дальнѣйшихъ степеней и вообще потомки родоначальника ближайшихъ и дальнѣйшихъ степеней образуютъ

---

[1]) Политика Аристотеля, гл. I. Рус. перев. Скворцова, Москва. 1865 г.

свои семейства, разрастающіяся въ роды; *новыя семейства и роды сохраняютъ связь съ родомъ старѣйшимъ*, являющимся естественнымъ связующимъ ихъ центромъ: *образуется союзъ многихъ родовъ, союзъ народный или племенной*. Племя въ организаціи своей, въ отношеніяхъ правящихъ къ управляемымъ и управляемыхъ между собою, отражаетъ черты организаціи семейства и рода. *Въ дальнѣйшемъ развитіи общежитія ослабѣваетъ родовая связь* между членами общества, а надъ родами *образуется союзъ родовъ, связанный началомъ территоріальнымъ*, сожительствомъ родовъ на общей землѣ. Преобразованіе родового союза въ территоріальный является процессомъ превращенія рода въ государство, въ которомъ роды сохраняются, но получаютъ уже значеніе гражданскаго общества, частныхъ союзовъ, сравнительно съ стоящимъ надъ родами союзомъ государственнымъ, власть котораго своими законами опредѣляетъ правовыя отношенія между родами и ихъ отношенія къ государству въ виду общаго блага.

Сравненіе относительной прочности супружескаго союза у разныхъ породъ животныхъ, соотвѣтствующей болѣе или менѣе продолжительному періоду дѣтскаго возраста, казалось, давало исходнымъ положеніямъ ученію исторической школы значеніе безспорныхъ аксіомъ: «безъ первоначальнаго патріархальнаго семейства было бы невозможно существованіе и размноженіе человѣческаго рода на землѣ» [1]).

---

[1]) L'état domestique est la première et la plus simple forme des associations humaines. L'union des deux sexes entre diéffrents animaux a toujours une durée proportionnée aux moyens et aux difficultés d'élever leurs petits. Il ne se forme aucune union permanente parmi les espèces où la durée de l'enfance est très courte, et où l'animal acquiert rapidement la vigeur et l'agilité. La nature y confie à la mère seule le soin d'élever les petits, et sa tendresse suffit à ce devoir sans aucune autre assistance; mais dans les espèces où l'enfance est très-longue et très-faible, où les secours reunis du père et de la mère sont nécessaires pour le soutien des petits, il se forme des unions plus intimes, qui continuent jusqu'à ce que l'objet de la nature soit accompli et que la nouvelle race soit parvenue à l'âge de la force. Comme l'enfance de l'homme est beaucoup plus faible et a plus besoin de secours que celle de tous les autres animaux; comme il dépend beaucoup plus aussi des soins et de la prévoyance de ses parents, l'union de l'homme et de la femme doit être considérée comme un contrat non seulement solennel, mais même permanent. Cet état de nature où toutes les femmes appartiennent à tous les hommes et tous les hommes à toutes les femmes n'a jamais existé que dans l'imagination des poëtes. Dans l'origine des sociétés, quand

Понятія о догосударственныхъ семейно-родовыхъ союзахъ философской теоріи, именующей себя исторической школой, въ первой половинѣ XIX вѣка были приложены русскими историками-юристами *къ объясненію быта русскихъ Славянъ до времени завоевательнаго ихъ объединенія подъ властью князей Рюрикова рода*. Въ этомъ направленіи высказались сначала историки Шлецеръ и Карамзинъ и историкъ-юристъ Эверсъ, а за ними послѣдовали и многіе другіе историки и историки-юристы, отрицавшіе существованіе государства у русскихъ Славянъ эпохи призванія Рюрика и именовавшихъ русскую соціальную организацію того времени «*гражданскимъ обществомъ*».

По ученію Шлецера, до призванія Рюрика «Славяне управлялись сами собою *въ гражданскомъ только своемъ обществѣ*... Полудикіе еще люди *жили подъ демократическимъ, или лучше ни подъ какимъ правленіемъ*, и съ ближайшими даже сосѣдями своими не входили ни въ какія связи... Надобно не давать почтенныхъ названій царствъ и царей *небольшимъ отдѣльнымъ ордамъ, кои управляются только начальниками семействъ, кациками, деревенскими старостами и атаманами*» [1]).

По ученію Карамзина, «*предки наши*, подобно всѣмъ другимъ народамъ, въ началѣ гражданскаго бытія своего *не знали выгодъ правленія благоустроеннаго... Хозяинъ господствовалъ въ домѣ: отецъ надъ дѣтьми, мужъ надъ женою, братъ надъ сестрами... Каждое семейство было маленькою, независимою республикою*. Въ теченіе временъ сія дикая простота нравовъ должна была измѣниться... Славяне почувствовали болѣе нужды другъ въ другѣ, сблизились жилищами и завели селенія» [2]).

По ученію Эверса, «въ грубомъ естественномъ состояніи, до образованія благоустроенныхъ обществъ, несчастенъ тотъ, кто находится внѣ семейственнаго союза: онъ лишенъ всякой опоры. *Государства*, которыя потомъ начинаютъ развиваться, — *второй шагъ въ постепенномъ образованіи человѣческаго рода,— суть не что иное, какъ соединеніе отдѣльныхъ, бывшихъ дотолѣ совершенно свободными*,

---

l'homme sans art et sans industrie mène une vie dure et precaire, l'éducation des enfants exige les soins et les efforts du père et de la mère. Leur race ne pourrait se conserver si leur union n'était formée et continuée dans cette vie. W. Robertson, «Histoire de l'Amérique». 1852, t. I, p. 272.

[1]) Шлецеръ, Несторъ, II, 51—53; III, 252. Ср. еще I, 214, 216, 305, 357, 419, 420; II, 168, 148—180 и др.

[2]) Ист. Гос. Рос., I, 43. Изд. 1842 г.

родовъ или большихъ семействъ подъ владычество одного общественнаго главы. Многіе слѣды такого состоянія родовъ находятся и въ русской исторіи, которая такъ изображаетъ намъ времена до прибытія Рюрика: «Полянамъ же, живущимъ особѣ, и владѣющимъ роды своими, яже и до сея братья бяху Поляне, и живяху кождо съ родомъ своимъ, на своихъ мѣстахъ» [1]).

По ученію С. М. Соловьева, «что касается быта славянскихъ восточныхъ племенъ, то начальный лѣтописецъ оставилъ намъ слѣдующее извѣстіе: *каждый жилъ съ своимъ родомъ, отдѣльно, на своихъ мѣстахъ, каждый владѣлъ родомъ своимъ*... Единство рода поддерживалось единымъ родоначальникомъ; *въ бытѣ родовомъ отецъ семейства есть вмѣстѣ и правитель, надъ которымъ нѣтъ высшей власти*» [2]).

По ученію В. И. Сергѣевича, «стадія, предшествовавшая первому періоду русской исторіи, можетъ быть названа *патріархальною. Древность имѣла дѣло съ отдѣльными семьями. Первоначально семьи и роды жили, не соединяясь ни въ какіе высшіе союзы.* Въ родѣ или семействѣ власть сосредоточивалась въ рукахъ отца семейства, которому принадлежали всевозможныя права» [3]).

Такимъ образомъ Шлецеровскія «небольшія, отдѣльныя орды полудикихъ догосударственныхъ народовъ, кои управлялись только начальниками семействъ», ученіемъ Карамзина, Эверса, Соловьева и другихъ послѣдователей *родовой теоріи* превращены въ догосударственный родовой бытъ, будто бы представлявшій собою у всѣхъ народовъ вообще и у русскихъ Славянъ въ частности *множество автократическихъ родовыхъ союзовъ*, состоявшихъ изъ кровныхъ родственниковъ, управляемыхъ отцами семействъ или родоначальниками, надъ которыми не было никакой высшей власти.

Съ другой стороны Шлецеровскія «небольшія, отдѣльныя орды догосударственныхъ народовъ, управляемыя деревенскими старостами», ученіемъ Лешкова, Бѣляева, Аксакова и ихъ послѣдователей превращены въ теорію *общиннаго быта*, въ которомъ будто бы появляются въ исторіи всѣ народы и русскіе Славяне эпохи призванія Рюрика, представлявшіе собою дѣленіе народа на *множество автократическихъ общинъ*, вервей, задругъ, управляемыхъ выборными старшинами, чуждыхъ другъ другу и не признававшихъ никакихъ взаимныхъ правъ.

По ученію В. Н. Лешкова, «во времена, предшествовавшія

---

[1]) Древн. право Руссовъ, стр. 2, 3.

[2]) Ист. Рос., I, 62, 63. Изд. 1866 г.

[3]) Лекціи и Изслѣдованія; стр. 61 и слѣд.

призванію князей, *внѣ вервн не было права*... обычное право древней Руси было результатомъ законодательной власти общины» [1]).

По ученію А. А. Чебышева-Дмитріева, «въ первичномъ обществѣ *роды и общины представляютъ собою самостоятельные, автократическіе и автономическіе союзы*... Въ періодъ Русской Правды мы встрѣчаемъ вервь, на которой лежитъ яркій отпечатокъ прежняго тѣснаго, почти кровнаго, изолированнаго, *автократическаго и автономическаго союза*» [2]).

По ученію Ф. И. Леонтовича, «политическая роль общины выражается въ томъ, что она выясняетъ понятіе о народной территоріи, безъ которой немыслимо *позднѣйшее образованіе государства*. Основною общественною клѣточкою въ общинную эпоху является семейная община, вервь, задруга... Задруги, соединенныя пространственно, сводились общими бытовыми интересами въ болѣе обширные союзы — *общины чисто территоріальныя, представляющія по своему устройству не больше, какъ разросшіяся задруги*» [3]).

Фактическимъ основаніемъ теоріи автократическихъ родовъ дорюриковской эпохи служитъ лѣтописное сказаніе о Полянскихъ родахъ, приводимое послѣдователями родовой теоріи внѣ связи съ послѣдующимъ лѣтописнымъ повѣствованіемъ, а потому получающее не тотъ смыслъ, какой оно имѣетъ въ лѣтописномъ подлинникѣ, гдѣ говорится: «Поляномъ же живущимъ особѣ и володѣющимъ роды своими, иже и до сее братьѣ бяху Поляне; и живяху кождо съ своимъ родомъ и на своихъ мѣстѣхъ, владѣюще кождо родомъ своимъ: быша 3 братья, единому имя Кій, а другому Щекъ, а третьему Хоривъ, сестра ихъ Лыбедь; сѣдяще Кій на горѣ, гдѣ же нынѣ увозъ Боричевъ, а Щекъ сѣдяще на горѣ, гдѣ нынѣ зовется Щековица, а Хоривъ на третьей горѣ, отъ него же прозвася Хоревица; и створиша градъ, во имя брата своего старѣйшаго, и нарекоша имя ему Кіевъ»... *Это сказаніе не имѣетъ значенія историческаго факта;* самъ лѣтописецъ относитъ его къ области народныхъ преданій такой давности, о которой въ XI вѣкѣ уже невозможно было имѣть положительныхъ свѣдѣній: «Ини же несвѣдуще рекоша, яко Кій есть перевозникъ былъ... Аще бо бы перевозникъ Кій, то не бы ходилъ Царюгороду; но се Кій княжаше въ родѣ своемъ; приходившю ему ко царю, якоже сказаютъ, яко велику честь пріялъ отъ царя, при которомъ приходивъ цари». *Сказаніе объ особной жизни Кія и его братьевъ заканчивается указаніемъ не на автократическіе роды и общины, а на княженія*, какъ на форму

---

[1]) Рус. народъ и государство. стр. 119. Изд. 1858 г.

[2]) О преступ. дѣйствіи по др. рус. праву, стр. 7, 43. Изд. 1862 г.

[3]) Жур. Мин. Нар. Пр. за 1874 г., Іюль, стр. 147 и слѣд.

государственнаго быта всѣхъ племенъ русскихъ Славянъ дорюриковской эпохи: «И по сихъ братьи держати почаше родъ ихъ *княженье въ Поляхъ, въ Деревляхъ свое, а Дреговичи свое, а Словени свое въ Новгородѣ, а другое на Полотѣ*»... [1]). Это свидѣтельство показываетъ ясно, что *по понятіямъ лѣтописца въ эпоху призванія Рюрика каждое славянорусское племя составляло княженіе — государство, въ которомъ роды были составными элементами, а не автократическими союзами.*

Эверсъ, Соловьевъ и ихъ послѣдователи утверждаютъ, что «*ясно и точно* лѣтописецъ опредѣляетъ бытъ осѣдлаго славянскаго народонаселенія восточной равнины Европы: жилъ каждый со своимъ родомъ на своихъ мѣстахъ, владѣя каждый родомъ своимъ... При описаніи междоусобій, предшествовавшихъ призванію князей, лѣтописецъ говоритъ, что всталъ родъ на родъ; изъ этого *ясно видно*, что до призванія князей общественное состояніе русскихъ Славянъ не переходило еще родовой грани» [2]); «короткія слова лѣтописца представляютъ *столько полноты, точности и обстоятельности*, что древнѣйшія основы нашего быта выступаютъ въ нихъ самыми выпуклыми чертами: каждый жилъ особо со своимъ родомъ, на своихъ мѣстахъ, каждый владѣлъ родомъ своимъ особо» [3]).

Но если бы свидѣтельства лѣтописца о родахъ дѣйствительно заключали въ себѣ ясный, точный, полный и обстоятельный смыслъ, то они всѣми были бы одинаково понимаемы. Но въ дѣйствительности *каждый изслѣдователь понимаетъ ихъ по-своему:* С. М. Соловьевъ усматриваетъ въ нихъ «*естественный союзъ кровныхъ родственниковъ, съ главенствомъ старѣйшаго изъ нихъ*», построенный на принципѣ естественнаго неравенства старшихъ родственниковъ по отношенію къ младшимъ [4]); К. Д. Кавелинъ — «*родовую общину, съ главенствомъ вѣча*», состоящаго изъ представителей семействъ и родовъ [5]); И. Е. Забѣлинъ — «*союзъ братскій, основанный на принципѣ братскаго равенства*», управляемый старшимъ колѣномъ братьевъ [6]); А. И. Никитскій — «*искусственный родъ* или фиктивный родовой союзъ, *основанный на явномъ или тайномъ договорѣ* между фиктивными родственниками», управляемый фиктивнымъ родоначальникомъ [7]) и т. д. Соотвѣтственно различнымъ толкованіямъ значенія

---

[1]) См. „Пособіе“, стр. 13.

[2]) Сбор. Госуд. Зн., изд. Безобразова, т. IV, стр. 7. Ст. С. М. Соловьева.

[3]) И. Е. Забѣлинъ: Ист. Рус. жизни, т. 1, стр. 511.

[4]) Ист. Россіи, т. 1, стр. 63 и слѣд.

[5]) Сочиненія, ч. 1, стр. 323 и слѣд.

[6]) Ист. Рус. жизни, 1, стр. 511 и слѣд.

[7]) Вн. Исторія Пскова, стр. 7 и слѣд.

слова «родъ» въ лѣтописныхъ свидѣтельствахъ, послѣдователи родовой теоріи различно объясняютъ значеніе славянорусскихъ городовъ, князей, вѣчевыхъ собраній и всѣхъ другихъ политико-юридическихъ учрежденій [1]).

Различіе содержанія ученій послѣдователей родовой теоріи само по себѣ доказываетъ неясность лѣтописныхъ свидѣтельствъ о родахъ, послужившихъ фактическимъ основаніемъ этой теоріи [2]).

Доктрина автократической договорно-территоріальной общины признаетъ лѣтописныя свидѣтельства о городахъ и вѣчахъ ясными доказательствами общиннаго быта нашихъ предковъ. Но *города,* въ значеніи укрѣпленныхъ общественныхъ поселеній, *и вѣча,* въ значеніи народныхъ собраній, *существуютъ* у народовъ, живущихъ въ совершенно различныхъ соціальныхъ формахъ; а потому существованіе у русскихъ племенъ дорюриковской эпохи укрѣпленныхъ поселеній и народныхъ собраній само по себѣ еще не доказываетъ исключительнаго господства въ ихъ соціальномъ бытѣ территоріальной общины, основанной на общемъ владѣніи землею съ періодическимъ предѣломъ общинной земли, равенствѣ всѣхъ членовъ

---

[1]) Славянорусскій князь, по ученію Соловьева, — „отецъ семейства, родоначальникъ“ (Ист. Рос., I, стр. 62 и пр. 52); по ученію Кавелина, — „старѣйшина племени, состоявшаго изъ родовыхъ общинъ одного происхожденія“ (Сочиненія, ч. I, стр. 326); по ученію Забѣлина, — „начальникъ братской дружины“ (Ист. рус. жизни, ч. I, стр. 552); по ученію Никитскаго,—„фиктивный, выборный родоначальникъ“ (Вн. И. Пскова, стр. 8, 30—32). Славянорусскій городъ, по мнѣнію Соловьева,—„огороженное жилище рода“ (Ист. Рос., I, 67); по мнѣнію Кавелина,—„укрѣпленное поселеніе родовой общины“ (Сочиненія, I, 325); по мнѣнію Никитскаго, — „огражденное пустое пространство, служившее убѣжищемъ родамъ въ военное время“ (Вн. И. Пскова, стр. 28); по мнѣнію Забѣлина,—„должно различать понятія городка и города: городокъ былъ укрѣпленнымъ обиталищемъ рода и политическимъ центромъ родовой общины, а городъ былъ обиталищемъ дружинной общины и ея политическимъ центромъ“ (Ист. рус. жизни, стр. 540 и слѣд.). Славянорусское вѣче, по мнѣнію Соловьева,—„собраніе старѣйшинъ, родоначальниковъ“. (Ист. Рос., стр. 76); по мнѣнію Кавелина,—„сходбище семействъ для общаго совѣщанія“ (Сочиненія, I, 323 и слѣд.); по мнѣнію Забѣлина,—„братскій совѣтъ всѣхъ родичей, способныхъ держать родовое братство“. (Ист. рус. жизни, I, стр. 525 и слѣд.); по мнѣнію Никитскаго, — „первобытное народное собраніе, основанное на личномъ участіи всѣхъ членовъ патріархальнаго общества“ (Вн. И. Пскова, стр. 40—43).

[2]) См. ниже, гл. о семейно-родовыхъ союзахъ.

общины и господствѣ выборнаго начальника общины. *Указаніе на статьи Русской Правды о верви*, какъ на доказательства существованія автократическихъ общинъ у русскихъ Славянъ эпохи призванія Рюрика, также неосновательно. Въ Русской Правдѣ *вервь является составною частью мѣстнаго союза въ государствѣ*, общиною, обязанною отыскать виновника преступленія, совершоннаго на вервной землѣ, уплачивать князю виру за неотысканнаго убійцу и помогать въ уплатѣ виры своему сочлену за неумышленное убійство [1]). *Въ постановленіяхъ о верви Русской Правды нѣтъ никакихъ основаній, оправдывающихъ ученіе* В. Н. Лешкова, А. А. Чебышева-Дмитріева, Ф. И. Леонтовича и другихъ послѣдователей *общинной теоріи объ автократическомъ значеніи верви въ дорюриковскую эпоху*.

По выводамъ сравнительной этнологіи *вездѣ и на всѣхъ ступеняхъ развитія человѣческія общества построены на одновременномъ дѣйствіи многихъ соціальныхъ началъ*. Понятіе о семействѣ, какъ формѣ первоначальнаго человѣческаго общежитія, основанной на одномъ только кровномъ началѣ, взятое изъ философской метаполитики и приложенное къ познанію древнѣйшаго соціальнаго быта всѣхъ народовъ и русскихъ Славянъ въ частности, представляетъ собою такое же апріорное понятіе, какъ и предположенія догосударственнаго быта и возможности изучать этотъ бытъ у всѣхъ народовъ посредствомъ наблюденія отношеній въ любомъ семействѣ нашего времени. Члены семейства связуются въ общество не однимъ только кровнымъ началомъ, но также началами общаго владѣнія и пользованія семейнымъ имуществомъ, соединенія единичныхъ силъ для самообороны и добыванія средствъ существованія, общностью семейнаго преданія. Кровная связь сама по себѣ, безъ содѣйствія другихъ началъ, не въ силахъ удержать взрослыхъ дѣтей въ союзѣ съ ихъ родителями. *Формы семейныхъ союзовъ разнообразны* по юридическому характеру личныхъ и имущественныхъ отношеній: наблюдаются семейства многоженныя и единоженныя, семейства съ главенствомъ мужа и главенствомъ жены, съ главенствомъ старшаго по рожденію родственника и главенствомъ родственника по выбору, семейства, состоящія только изъ отца, матери и малолѣтнихъ дѣтей, и семейства, состоящія изъ родителей и дѣтей малолѣтнихъ и взрослыхъ, даже женатыхъ и имѣющихъ собственныхъ дѣтей, семейства, состоящія изъ братьевъ съ ихъ нисходящими, семейства, возникшія изъ брака по договору между женихомъ и невѣстою, и семейства, въ которыхъ жена была пріобрѣтена посредствомъ похищенія, купли, плѣна. Это различіе происхожденія

---

[1]) Рус. Правда; спис. Карамз., ст. 4, 5 и 80.

и организаціи семейства обусловливаетъ собою и различіе семейныхъ личныхъ и имущественныхъ отношеній. Насколько разнообразны организація и формы семейныхъ союзовъ, настолько же *разнообразны организація и формы родовъ и гражданскихъ общинъ, куда разныя формы семействъ входятъ, какъ составные элементы,* опредѣляя собою форму и юридическій характеръ даннаго рода и данной общины. Семейства, роды и общины разнаго происхожденія и разной организаціи, входя въ составъ общественныхъ союзовъ высшихъ порядковъ, въ свою очередь, опредѣляютъ собою различную организацію послѣднихъ.

Задача науки состоитъ въ фактическомъ познаніи различныхъ формъ гражданскаго быта, одновременно существовавшихъ въ данныя историческія эпохи. Философія или метаполитика не въ силахъ разрѣшить эту задачу, требующую не разсужденій философской логики, а наблюденія и сравненія соціальной организаціи народовъ, стоящихъ на различныхъ ступеняхъ цивилизаціи и живущихъ при различныхъ условіяхъ, географическихъ, климатическихъ и культурныхъ, опредѣляющихъ собою происхожденіе и развитіе формъ человѣческаго общежитія. Задача древнѣйшаго періода науки исторіи русскаго права точно также состоитъ въ познаніи мѣстныхъ условій и причинъ, опредѣлившихъ собою происхожденіе и формы гражданскихъ институтовъ, составлявшихъ племенное русское княженіе, въ которомъ *разныя формы семействъ, родовъ и общинъ проявляли юридическую жизнь не въ значеніи автократическихъ союзовъ, а въ значеніи составныхъ элементовъ государства-княженія.*

ГЛАВА XVII.

Происхожденіе, формы, личныя и имущественныя отношенія и расторженіе супружескаго союза.

Русское право языческой эпохи дозволяло многоженство; можно было имѣть двѣ и три жены [1]). Князь Святославъ имѣлъ двухъ женъ [2]); князь Ярополкъ, женатый на Гречанкѣ, сватался еще за Рогнѣду [3]); князь Владиміръ имѣлъ пять женъ, называемыхъ въ лѣтописи «водимыми» (и 800 наложницъ: 300 содержались въ Вышгородѣ, 300 въ Бѣлгородѣ и 200 въ сельцѣ Берестовомъ [4]).

---

[1]) „Пособіе, стр. 15.
[2]) Тамъ же, стр. 87.
[3]) Тамъ же, стр. 40.
[4]) Тамъ же, стр. 42.

Жены пріобрѣтались различными способами: насильственнымъ похищеніемъ, похищеніемъ съ согласія похищаемой, военнымъ плѣномъ, куплею и соглашеніемъ жениха съ невѣстою и ея родителями.

По свидѣтельству лѣтописца Нестора: «Деревляни живяху звѣрьскимъ образомъ... *умыкаху у воды дѣвица*» [1]). Позднѣйшій лѣтописецъ передаетъ это извѣстіе въ слѣдующей формѣ: «Брака у Древлянъ нѣтъ; *воровски* подъѣзжаютъ къ чужимъ жилищамъ, и гдѣ увидятъ у воды дѣвицъ или женъ молодыхъ, то оныхъ *увозятъ къ себѣ и живутъ съ ними*». По церковному уставу Ярослава «аже кто *умчитъ дѣвку*... а на умычницѣхъ по гривне серебра епископу [2]). Церковный уставъ Ростислава въ числѣ дѣлъ, подсудныхъ церкви, упоминаетъ «уволочскую, ажъ кто *уволочетъ дѣвку*» [3]). Несмотря на преслѣдованія церкви, *обычай похищенія женщинъ долго практиковался и въ христіанскую эпоху* [4]), а память о немъ донынѣ сохранилась въ свадебныхъ обрядахъ нѣкоторыхъ мѣстностей, напримѣръ, въ Тверской губерніи, гдѣ «наряженнаго жениха ставятъ обѣими ногами на сковородку (плоскій желѣзный сосудъ, на которомъ пекутъ блины), а сопутники жениха въ поѣздкѣ за невѣстою, въ числѣ не менѣе 6 человѣкъ, должны поставить правыя ноги на ту же сковороду, при чемъ всѣ стоящіе на сковородѣ цѣлуютъ образъ, а шаферъ - дружко произноситъ слѣдующія слова: «ну, цѣлуйте Божье милосердіе, чтобъ стоять намъ другъ за друга, братъ за брата, до единой капли крови». Въ свадебныхъ народныхъ пѣсняхъ женихъ часто называется чужаниномъ или чужбининомъ, окруженъ недругами невѣсты; чтобы достать невѣсту, онъ долженъ пускать стрѣлы, ломать стѣны и замки и проч.» [5]).

---

[1]) Тамъ же, стр. 14.

[2]) Тамъ же, стр. 88.

[3]) Христоматія Владимірскаго-Буданова, I, стр. 246.

[4]) Бопланъ въ своемъ описаніи Украйны сообщаетъ о существовавшемъ еще въ XVI вѣкѣ въ Малороссіи обычаѣ похищать невѣстъ: „похитившій дѣвушку, говоритъ онъ, долженъ былъ бѣжать со своею добычею въ лѣсъ и скрываться тамъ не менѣе сутокъ; если же его открывали ранѣе этого срока, то лишали жизни; по истеченіи трехъ сутокъ послѣ похищенія, похищенной предоставлялось право объявить свое согласіе на вступленіе въ бракъ съ похитителемъ; если давалось такое согласіе, то похититель, подъ страхомъ смерти, не могъ отказаться отъ брака съ похищенною; если же похищенная не давала согласія на бракъ съ похитителемъ, то они расходились“.

[5]) См. Шпилевскаго: „Семейныя власти у древнихъ Славянъ и Германцевъ“; 1869 г., стр. 24, 30 и 31. Обычай похищенія женщинъ долго сохранялся въ христіанскую эпоху и у другихъ Славянъ (см. Сербскій

«Радимичи, и Вятичи, и Севера одинъ обычай имяху», говоритъ лѣтописецъ Несторъ, «браци не бываху въ нихъ, но игрища межю селы (вар. но игрища веселы); схожахуся на игрища, на плясанья и на вся бѣсовьскыя пѣсни, и *ту умыкаху жены собѣ, съ нею же кто свѣщевашеся*... Си же обычаи творяху Кривичи и прочии погании» [1]). Позднѣйшій лѣтописецъ передаетъ это извѣстіе въ слѣдующей формѣ: «Радимичи, и Вятичи, и Севера... браци не возлюбиша, но игрища межи селъ; и ту слѣтахуся рищюще на плясаніа, и отъ плясаніа познаваху, которая жена или дѣвица до младыхъ похотѣніе имать... иныхъ поимающе, а другыхъ, поругавше, метаху на посмѣяніе до смерти» [2]). *Похищеніе женщинъ, обусловленное согласіемъ похищаемой, долго практиковалось въ Россіи* даже христіанской эпохи, въ тѣхъ случаяхъ, когда родители не давали своего согласія на бракъ, хотя церковь не разрѣшала и преслѣдовала такіе браки [3]).

Словарь Вука Караджича, подъ словомъ „отмица"). Распространенность этого обычая въ Сербіи побудила Георгія Чернаго издать законъ, повелѣвавшій казнить смертью всякаго человѣка, для котораго была похищена дѣвушка, растригать священника, вѣнчавшаго жениха съ похищенною женщиною и наказывать розгами и батогами пособниковъ похищенія. По древнему земскому праву Чеховъ, отецъ имѣлъ право отрубить голову похитителю его дочери и самой дочери, если она заявляла на судѣ, что была согласна на похищеніе; а если дочь заявляла о насиліи, то ей самой предоставлялось право отрубить голову похитителю. Городовое право Чеховъ было болѣе снисходительно, дозволяя дочери оставаться у похитителя, если она того пожелаетъ. Древнее законодательство Поляковъ предоставляло родителямъ и родственникамъ похищенной право гнаться за похитителемъ, настичь и убить его. Конституція варшавскаго сейма 1631 года, заявляя объ усиленіи обычая похищать женщинъ, предоставляетъ родственникамъ похищенной искъ противъ похитителей, а для прекращенія зла отмѣняетъ статутъ 1532 года, освобождавшій похитителя отъ наказанія, если похищеніе сдѣлано съ согласія похищенной.

[1]) „Пособіе", стр. 15.

[2]) Вр. Общ. Ист. и Древ. 1851 г., кн. 9, стр. 3, 4.

[3]) Только со времени Петра Великаго свѣтское законодательство разрѣшаетъ вступленіе въ бракъ помимо воли родителей. Древнія законодательства другихъ славянскихъ народовъ различно относились къ похищенію женщины съ ея согласія: одни давали право родителямъ умертвить похитителя и похищенную, другіе давали имъ право только на жизнь похитителя, третьи воспрещали убивать похитителя и похищенную. См. выше въ примѣчаніи.

Лѣтопись не упоминаетъ объ обычаѣ купли-продажи невѣсты; но въ его существованіи въ эпоху племенныхъ княженій едва ли можно сомнѣваться, потому что купля-продажа невѣстъ практиковалась и практикуется у всѣхъ народовъ, жившихъ и живущихъ въ племенной соціальной организаціи [1]). Въ *русскихъ народныхъ свадебныхъ пѣсняхъ и обрядахъ сохранились ясные слѣды обычая купли-продажи невѣстъ*: въ свадебныхъ пѣсняхъ женихъ называется купцомъ, а невѣста товаромъ; обрядъ передачи невѣсты жениху ея отцомъ или братомъ или дядей сходенъ съ древнимъ обрядомъ передачи покупателю проданной вещи; на этотъ же обычай указываютъ обряды выкупа женихомъ у родныхъ невѣсты ея косы и постели, обязательные подарки со стороны жениха роднымъ невѣсты и др. Въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ Россіи и нынѣ покупаютъ невѣсту за деньги; напримѣръ, «въ городѣ Нерехтѣ не только бѣдные, но и богатые поселяне почитаютъ за безчестіе себѣ отдать въ замужество дочь безденежно; чѣмъ выше цѣна, тѣмъ болѣе чести для невѣсты» (Терещенко) [2]).

Въ древности женщины, взятыя въ плѣнъ, разсматривались, какъ всякая другая военная добыча, по раздѣлу между побѣдителями, поступавшая въ полную ихъ собственность. *Побѣдитель имѣлъ право продать свою плѣнницу, подарить, отпустить на свободу и обратить въ свою жену, любовницу, работницу.* По свидѣтельству Нестора, князь Владиміръ, посватавъ Рогнѣду, дочь Полоцкаго князя Рогволода, и получивъ отказъ, объявилъ войну Полоцкому князю «и приде на Полотескъ, и *уби Рогволода и сына его два, а*

---

[1]) См. Д. Самоквасова, „Обычное Право сибирскихъ инородцевъ". Супружескіе и семейные союзы у Бурятъ разныхъ вѣдомствъ, Якутовъ и др.

[2]) Въ Обычномъ правѣ другихъ славянскихъ народовъ указанія на древнюю куплю-продажу невѣстъ не менѣе многочисленны. Напримѣръ, въ болгарской свадебной пѣснѣ невѣста проситъ своего брата спрятать ее отъ жениха; а братъ отвѣчаетъ, что онъ не можетъ этого сдѣлать, потому что она уже продана юнаку передъ кумами и сватами. Въ чешской свадебной пѣснѣ дружкò жениха говоритъ: „выдайте мнѣ невѣсту, я хорошо заплачу вамъ; на то я и посланъ, чтобы выплатить за невѣсту полновѣсными талерами". Вукъ Караджичъ говоритъ о Сербіи: „здѣсь не получаютъ съ невѣстою, а за нее платятъ". Еще въ концѣ прошедшаго столѣтія въ Сербіи невѣста цѣнилась такъ дорого, что бѣдный человѣкъ не имѣлъ возможности жениться, а потому Георгій Черный издалъ указъ, воспретившій брать за невѣсту болѣе одного дуката.

дочерь его поя женѣ» [1]). Жениться на плѣнницахъ не воспрещало и Русское право христіанскаго времени.

Наконецъ, жены у русскихъ Славянъ эпохи племенныхъ княженій пріобрѣтались посредствомъ соглашенія между женихомъ, невѣстою и ихъ родителями: «Поляне брачныи обычаи имяху: *не хожаше женихъ по невѣсту, но привожаху вечеръ, а заутра приношаху, что на ней вдадуче* (варіантъ: по ней что дадутъ)» [2]). Этимъ извѣстіемъ лѣтописецъ не говоритъ, что у другихъ племенъ русскихъ Славянъ языческой эпохи не было брачныхъ союзовъ, основанныхъ на соглашеніи брачущихся и ихъ родителей; онъ говоритъ только, что у Полянъ былъ обычай *привода* невѣсты къ жениху вечеромъ, казавшійся Нестору, родомъ Полянину, необходимымъ при заключеніи правильнаго супружескаго союза.

Свидѣтельство Нестора, по которому «Деревляни живяху звѣрьскимъ образомъ... *браченья у нихъ не быша*... Радимичи, и Вятичи, и Северъ одинъ обычай имяху... *браци не бываху въ нихъ»*, нельзя понимать въ томъ смыслѣ, что у русскихъ Славянъ языческой эпохи не было супружескихъ союзовъ, а существовали коммунальныя общины, какія были наблюдаемы у народовъ низшихъ степеней культуры и гражданственности [3]). Въ томъ же извѣстіи лѣтописецъ говоритъ, что Древляне, Радимичи, Вятичи, Северяне, Кривичи и всѣ другія племена русскихъ Славянъ *«имяхуть по двѣ и по три жены»* [4]), а слѣдовательно, у всѣхъ племенъ существовалъ супружескій союзъ, основанный на обрядахъ и символахъ, превращавшихъ фактическое сожительство мужчины съ женщиною въ юри-

---

[1]) П. С. Р. Л., т. 1, стр. 32.

[2]) Пособіе, стр. 14. Обстоятельный комментарій этого лѣтописнаго свидѣтельства см. въ соч. Ланге: „О правахъ собственности супруговъ по др.-рус. праву".

[3]) По словамъ В. Ф. Миллера, „въ послѣднее время совершенно измѣнился взглядъ науки на такъ-называемый патріархальный бытъ. Семья не составляетъ первой, самой ранней ступени культуры, а одно изъ позднихъ ея завоеваній; образованію семьи предшествовалъ періодъ, когда люди еще не пришли къ идеѣ индивидуальнаго брака, когда женщины составляли общее достояніе всего рода, когда отцы не знали своихъ дѣтей и *когда, по выраженію Нестора, „люди живяху звѣриньскимъ образомъ, живуще скотьски и брака у нихъ не бываше"*. Очерки Арійской миѳологіи въ связи съ др. культурой, стр. 2 и 3. Изд. 1876 г. Ср. М. Ковалевскаго, „Первобытное право", в. I—Родъ, в. II—Семья. Изд. 1886 г.

[4]) „Пособіе", стр. 15.

дическій союзъ; но эти символы и обряды казались дикими монаху —лѣтописцу.

У Полянъ существо брачнаго обряда состояло въ торжественномъ приведеніи невѣсты въ домъ жениха, въ томъ обрядѣ, какой, по словамъ Караджича, соблюдается у нѣкоторыхъ славянскихъ племенъ и въ настоящее время: «Въ Сербіи, говоритъ онъ, вѣнчаютъ невѣсту въ домѣ жениха, куда приводятъ ее торжественно; во время церемоніальнаго шествія невѣсты въ домъ жениха всѣ сваты послѣдняго сопровождаютъ ее съ оружіемъ въ рукахъ и знаменемъ, какъ воины». Несторъ, отличая наложницъ князя Владиміра отъ его пяти женъ, называетъ послѣднихъ «*водимыми*», и только дѣтей отъ водимыхъ женъ именуетъ сыновьями этого князя, а о его дѣтяхъ отъ наложницъ въ лѣтописи даже не упоминается. *У Полочанъ-Кривичей существо брачнаго обряда состояло въ снятіи обуви съ ногъ жениха невѣстою*, на что указываетъ отвѣтъ Рогнѣды на сватовство князя Владиміра: «*не хочю розути сына Робинича*». Въ христіанскихъ поученіяхъ, обличавшихъ языческіе свадебные обряды, указывается на *участіе воды при заключеніи брачныхъ союзовъ*; въ поученіи митрополита Іоанна XII вѣка говорится: «якоже еси реклъ, оже не бываетъ на простыхъ людехъ благословеніе вѣнчанія, но бояре токмо и князи вѣнчаются; простымъ же людемъ яко *именемъ и плесканіемъ*» [1]); а въ поученіи митрополита Кирилла XIII вѣка находимъ: «и се слышахомъ въ предѣлехъ новгородскихъ *невѣсты водятъ къ водѣ, и нынѣ не велимъ тому тако быти, и то проклинати повелѣваемъ*» [2]).

Брачные юридическіе символы,—покрытіе головы невѣсты платкомъ или чепцомъ, передача невѣсты жениху изъ рукъ въ руки, легкое хлестаніе спины невѣсты женихомъ плеткою, переданною ему отцомъ невѣсты, разуваніе жениха,—наблюдаемые у разныхъ славянскихъ племенъ при заключеніи браковъ и въ настоящее время, *указывали на перемѣну семейнаго положенія женщины, выходившей въ замужество.*

Вышеуказанные способы пріобрѣтенія женъ существуютъ одновременно у племенъ, стоящихъ на самыхъ различныхъ ступеняхъ цивилизаціи, отъ низшихъ до высшихъ. Тотъ или другой способъ пріобрѣтенія женъ обусловливается особенностями частныхъ случаевъ: при заключеніи браковъ между лицами одной общины и сосѣднихъ общинъ, составляющихъ одно общество, господствуютъ способы взаимнаго соглашенія между вступающими въ бракъ съ

---

[1]) Русск. Достоп.; ч. 1, стр. 101.

[2]) См. А. С. Павлова: Пам. др.-рус. кан. права; стр. 99.

согласія и безъ согласія родителей и другихъ родственниковъ брачущихся; при заключеніи браковъ между лицами общинъ, разрозненныхъ политически, а тѣмъ болѣе враждебныхъ другъ другу, господствуютъ военный плѣнъ, купля-продажа и насильственное похищеніе, подобное похищенію Сабинянокъ древними Римлянами.

При различныхъ способахъ пріобрѣтенія женъ, договорныхъ и насильственныхъ, отношенія мужа къ женѣ не могутъ быть одинаковы. Договорныя жены, снабженныя приданымъ, *пользуются несравненно болѣе свободнымъ личнымъ и имущественнымъ положеніемъ* въ домѣ своего мужа, нежели жены, пріобрѣтенныя другими способами; договорная жена имѣетъ право свободно распоряжаться своимъ имуществомъ, какъ при жизни, такъ и на случай своей смерти, имѣетъ равное съ мужемъ право развода [1]); *жены другихъ способовъ пріобрѣтенія состоятъ въ полной зависимости отъ своихъ мужей*, личной и имущественной.

Въ историко-юридической литературѣ *по вопросу о личныхъ и имущественныхъ отношеніяхъ въ супружескомъ союзѣ* древнерусскихъ Славянъ встрѣчаемъ *двѣ категоріи воззрѣній*. Указывая на свидѣтельство лѣтописи 1024 года, по которому во время голода «мужи своя жены дояху, да прокормятъ себя челядиномъ», на постановленіе Русской Правды о выдачѣ разбойника князю вмѣстѣ съ женою и дѣтьми на потокъ и на разграбленіе, на ученіе Домостроя Сильвестра о поученіи мужемъ жены своей даже тѣлеснымъ наказаніемъ, на свидѣтельство Коллинса о фактахъ жестокаго и безнаказаннаго обращенія супруговъ со своими женами и на свидѣтельство Котошихина, упоминающее о разныхъ мýкахъ, которыми мужья вынуждали своихъ женъ къ постриженію въ монастырь,— *многіе изслѣдователи предполагали, что если въ христіанское время власть мужа надъ женою была почти безграничною въ юридическомъ отношеніи, то и въ дохристіанскую эпоху эта власть не могла быть другою*. По родовой теоріи абсолютизмъ власти мужа надъ женою у русскихъ Славянъ вытекалъ изъ условій родового быта, въ

---

[1]) Напримѣръ, „по отношенію къ мужьямъ своимъ Аравитянки пользуются большою свободою и часто большою властью въ домѣ; приданое составляетъ ихъ личную собственность, и онѣ сами располагаютъ доходами, отъ него получаемыми. Человѣкъ небогатый, женившійся на богатой дѣвушкѣ, зависитъ совершенно отъ своей жены. Женихъ нерѣдко покупаетъ для себя невѣсту, почему бѣдняки, имѣя красивыхъ дочерей, предпочитаютъ выдавать ихъ за богатыхъ; но человѣкъ, хотя нѣсколько состоятельный, не только никогда не продастъ своей дочери, но старается еще дать ей приданое. Разводъ у Арабовъ для обѣихъ сторонъ вполнѣ свободенъ“. См. Неволина: Сочиненія; т. 2, стр. 37.

которомъ патріархъ является неограниченнымъ главою своей жены, какъ и всѣхъ своихъ чадъ и домочадцевъ. Указывая на скандинавскія саги, по которымъ жены русскихъ князей содержали на свои средства принадлежавшія имъ военныя дружины, на свидѣтельство русской лѣтописи о городѣ Вышгородѣ, сельцѣ Ольжици, селѣ Будутинѣ и птичьихъ и звѣриныхъ ловляхъ, составлявшихъ частную собственность княгини Ольги, на постановленіе договора князя Олега съ Греками, по которому жена не отвѣчала своимъ имуществомъ за преступленіе мужа, на постановленіе Русской Правды о наслѣдованіи дѣтьми первой жены имущества своей матери, на отказъ Новгородцевъ Нѣмцамъ въ предложеніи внести въ договоръ съ ними условія объ обращеніи жены въ рабство за долги мужа,—другая категорія ученыхъ предполагаетъ свободу женщины и имущественную раздѣльность въ супружескомъ союзѣ по древнѣйшему русскому праву [1]).

Оба воззрѣнія едва ли не одинаково односторонни, потому что *не принимаютъ во вниманіе одновременнаго существованія у нехристіанскихъ народовъ различныхъ способовъ пріобрѣтенія женъ* и возникающихъ отсюда различій въ личныхъ и имущественныхъ отношеніяхъ мужа къ женѣ въ разныхъ формахъ брака.

Это же различіе происхожденія брачныхъ союзовъ обусловливаетъ собою и право расторженія брачнаго союза. Жены купленныя и пріобрѣтенныя посредствомъ воровства и грабежа, какъ военная добыча, по языческому праву, не могли располагать своею свободою ни въ какомъ случаѣ, какъ бы ни были жестоки ихъ мужья, имѣвшіе право жизни и смерти надъ своими плѣнницами. Такія жены, по праву сибирскихъ инородцевъ, Арабовъ, Берберовъ, Барійцевъ и другихъ народовъ племенной соціальной организаціи, не имѣютъ права оставить семью своего мужа даже послѣ его смерти. У тѣхъ же народовъ договорныя жены располагаютъ свободою развода наравнѣ съ мужьями. Исторія развода у русскихъ Славянъ христіанскаго времени показываетъ, что чѣмъ древнѣе время, тѣмъ болѣе причинъ развода допускалось закономъ; а *въ языческое время мужъ и жена договорнаго брака имѣли право оставить другъ друга во всякое время; жены же купленныя и пріобрѣтенныя насиліемъ не имѣли права развода ни подъ какимъ предлогомъ.*

Расторженіе брака, какъ и его происхожденіе, *требовало выраженія въ юридическомъ дѣйствіи*, за которымъ прекращалось существованіе брачнаго союза и связанныхъ съ нимъ правъ и обязанностей супруговъ. Языческіе обряды расторженія брака были на-

---

[1]) См. О. Ланге: О правахъ собственности супруговъ по древне-русскому праву, стр. 1—5. СПБ. 1886 г.

блюдаемы только въ обычномъ правѣ русскаго народа христіанскаго времени. Барбарини наблюдалъ въ Россіи обрядъ развода, состоявшій въ томъ, что по обоюдному согласію «мужъ и жена шли къ проточной водѣ и становились каждый на противоположномъ берегу рѣчки или ручья и, взявши за концы тонкую холстину, тянули ее до тѣхъ поръ, пока не разрывали; послѣ того расходились, куда имъ угодно, и дѣлались свободными». У воды совершался языческій бракъ, у воды и прекращался.

Церковными уставами князей Владиміра и Ярослава брачныя дѣла были переданы вѣдомству церкви, а христіанская церковь признаетъ истиннымъ и законнымъ только брачный союзъ, освященный обрядомъ христіанскаго вѣнчанія. Вѣнчанная жена получаетъ извѣстныя права въ супружескомъ союзѣ независимо отъ способа пріобрѣтенія невѣсты женихомъ.

Объединивъ обрядомъ вѣнчанія женъ всѣхъ способовъ пріобрѣтенія, христіанскій бракъ понизилъ значеніе въ супружескомъ союзѣ договорной жены и повысилъ значеніе жены купленной, похищенной и плѣнной, подчинивъ супружескія отношенія извѣстной формулѣ: «мужъ да любитъ свою жену, а жена да боится своего мужа», произносимой при обрядѣ вѣнчанія. По христіанскимъ понятіямъ древней Руси мужъ обязанъ былъ учить добру свою жену, требовать отъ нея послушанія и въ случаяхъ надобности прибѣгать даже къ тѣлеснымъ наказаніямъ. По Домострою Сильвестра тѣлесное наказаніе жены не только право, но и нравственная обязанность мужа: «аще мужъ самъ того не творитъ, онъ самъ погибнетъ въ семъ вѣкѣ и въ будущемъ и домъ свой погубитъ». При такомъ принципѣ *не было юридическихъ границъ произволу мужа*, а нравственная проповѣдь духовенства о любви мужа къ женѣ, о справедливости, о вѣрности ей такъ мало имѣла вліянія на супружескую жизнь въ древней Руси, что въ ней царили произволъ и всякаго рода пороки, рѣзко очерченные въ рѣчи царя Ивана Грознаго на соборѣ русскаго духовенства 1551 года и поражавшіе иностранныхъ путешественниковъ. Иванъ Грозный нашелъ даже нужнымъ издать указъ о воспрещеніи женѣ назначать своего мужа душеприказчикомъ, потому что «жена находится въ волѣ своего мужа и пишетъ то, что онъ ей прикажетъ».

Съ цѣлью защиты своихъ дочерей, выдаваемыхъ въ замужество, по свидѣтельствамъ иностранцевъ, *родители заключали договорныя сдѣлки съ женихами и ихъ родителями, воспрещенныя церковью.* По свидѣтельству Герберштейна, въ Московскомъ государствѣ существовалъ обычай составленія «разводныхъ грамотъ», тщательно скрываемыхъ русскимъ народомъ, потому что такія грамоты признавались противными религіи. По свидѣтельству Коллинса, еще

въ царствованіе Алексѣя Михайловича «въ предупрежденіе своеволія супруговъ въ обращеніи съ ихъ женами родители заключали съ женихами ихъ дочерей договоры, которыми они обязывали будущаго своего зятя снабжать жену приличною одеждою, кормить ее хорошею и здоровою пищею, не бить, обращаться съ нею ласково и ставили много другихъ условій, подобныхъ правиламъ, какія предписываются въ Англіи обычаями, имѣющими силу закона. Если договоръ нарушался супругомъ, то обращались съ жалобами въ судъ». Но судъ по брачнымъ дѣламъ въ древней Руси руководствовался церковными правилами, а потому рѣдко ставилъ преграду произволу мужа въ обращеніи съ женою. По свидѣтельству того же Коллинса, «Русскіе обращаются со своими женами жестоко, держатъ ихъ въ строгомъ повиновеніи; а прежде обращались съ ними еще безчеловѣчнѣе... Одинъ мужъ билъ свою жену до изнеможенія своихъ силъ, а потомъ заставилъ ее надѣть намоченное спиртомъ платье и поджегъ его; такимъ образомъ несчастная погибла въ пламени». Всего удивительнѣе, добавляетъ Коллинсъ, что смерть этой женщины никѣмъ не была отомщена, потому что «*въ Россіи нѣтъ уголовнаго закона для убійцъ женъ и рабовъ, если убійство совершалось въ наказаніе за проступокъ*». По свидѣтельству Котошихина, другого современника царя Алексѣя Михайловича, русскіе мужья того времени «разными мукамъ принуждали своихъ нелюбимыхъ женъ къ постриженію въ монастырь».

Такимъ образомъ *передача супружескаго союза въ вѣдомство церкви имѣла своимъ слѣдствіемъ превращеніе женъ древней Руси въ полурабынь своихъ мужей;* а прекращеніе права свободнаго развода повело къ насильственному постриженію нелюбимыхъ женъ въ монахини и другимъ преступленіямъ въ семействѣ высшихъ классовъ русскаго общества. Въ низшихъ классахъ, въ народной массѣ, сохранявшей формы семейныхъ союзовъ давняго происхожденія, неизвѣстныя греко - римскому, каноническому и русскому законодательству христіанской эпохи, личныя и имущественныя права жены находили защиту въ обычномъ правѣ, выражавшемся въ рѣшеніяхъ семейныхъ совѣтовъ и мірскихъ сходовъ.

ГЛАВА XVIII.

Происхожденіе, формы личныя и имущественныя отношенія семейно-родовыхъ союзовъ. Задруга южныхъ Славянъ и большая семья русскаго народа.

Въ эпоху лѣтописца Нестора слова семья, семейство не употреблялись для обозначенія родственныхъ союзовъ; а *слово родъ* означало *союзъ родителей и дѣтей, союзъ родственный вообще и союзъ людей, жившихъ на общей землѣ, подъ общею властью* [1]).

Широкое значеніе слова родъ въ памятникахъ древнѣйшей русской письменности и отсутствіе спеціальнаго термина для обозначенія семейнаго союза, состоящаго только изъ родителей и дѣтей, объясняется тѣмъ, что въ жизни русскихъ Славянъ языческой эпохи *не было юридическихъ границъ между союзами, состоявшими*

---

[1]) Въ выраженіяхъ лѣтописца: братья Кій, Щекъ и Хоривъ „кождо володѣюще родомъ своимъ“ и братья Рюрикъ, Синеусъ и Труворъ „избрашася съ роды своими“, очевидно, слово *родъ имѣетъ значеніе семьи въ тѣсномъ смыслѣ*, потому что каждый братъ могъ имѣть свой родъ только въ значеніи своихъ дѣтей и внуковъ (см. „Пособіе“, стр. 13, 17). Въ памятникахъ письменности Московскаго государства встрѣчаются выраженія: такой-то крестьянинъ умеръ, „а отрода у него нѣтъ“ — дѣтей у него нѣтъ (Кн. по городу Новгороду Моск. Архива Мин. Юстиціи № 2, лл. 164, 193). Это же значеніе слово родъ имѣетъ въ русскомъ языкѣ настоящаго времени, въ выраженіяхъ „двоюродный братъ, троюродный братъ“, и въ малорусскомъ нарѣчіи, въ выраженіи „се мій рідъ“—это мои дѣти. Въ выраженіи лѣтописца „по сихъ братьи (Кій, Щека и Хорива) держати почаша родъ ихъ княженье въ Поляхъ“ (тамъ же, с. 13)—слово родъ означаетъ родственниковъ всѣхъ степеней и линій, происшедшихъ отъ общаго имъ родоначальника. Въ выраженіи лѣтописца: „отвѣщеваху другъ другу, глаголюще“: „азъ бѣхъ сего города“, а другія „азъ бѣхъ сея вси; тако супращаются со слезами, родъ свой повѣдающе“ (см. П. С. Р. Л.; т. I, с. 96)—слово родъ означаетъ территоріальную общину, сельскую или городскую: повѣдать свой родъ значило сказать, кто изъ какого города, кто изъ какой деревни. Наконецъ, слово родъ употребляется въ лѣтописи въ значеніи цѣлаго народа, всего народонаселенія государства: „Кій княжаше въ родѣ своемъ“.—Кій княжилъ у своего народа; „мы послы отъ рода русскаго“—мы послы отъ русскаго народа; „много рода хрестьянска стражюше“—много страдаетъ христіанскаго народа („Пособіе“, стр. 13, 22, 27).

только изъ родителей и дѣтей и союзами родственниковъ вообще, жившихъ въ одномъ домѣ или въ одномъ дворѣ, или въ одной деревнѣ, на общей землѣ, какъ не существуетъ ихъ и нынѣ въ народной массѣ Славянъ южныхъ и русскихъ, живущихъ по старому обычному праву, наслѣдованному отъ глубокой древности.

Въ началѣ второй половины XIX столѣтія наука обратила вниманіе на формы семейно-родовыхъ союзовъ, существующія по народному обычному праву у южныхъ и русскихъ Славянъ, именуемыя *задругою, купою и большою семьею*, отличающіяся рѣзкими чертами отъ формъ семейно-родовыхъ союзовъ по законодательствамъ еврейскому, греко-римскому и русскому.

Вукъ Караджичъ, въ своемъ Сербскомъ Словарѣ, изданномъ въ 1852 году, впервые указалъ на форму семейнаго союза, именуемую задругою (подъ словами задруга и старѣйшина кутни), характеризовавъ ее слѣдующими чертами: *задруга есть общество, состоящее изъ семействъ, живущихъ въ одномъ домѣ и называемыхъ домочадцами и челядью*. По 30 домочадцевъ слушаютъ въ Сербіи одного главу и составляютъ съ нимъ одинъ союзъ,—купу или задругу. Старѣйшина управляетъ такимъ союзомъ и всѣмъ его имуществомъ; старѣйшиною не всегда бываетъ старшій лѣтами: подъ старость отецъ передаетъ главенство иногда не старшему сыну, а болѣе способному, а иногда и брату или племяннику. Отъ старѣйшины въ задругѣ отличается у Сербовъ старѣйшина сельскій, управляющій селомъ.

Дальнѣйшія фактическія свѣдѣнія о задругѣ были сообщены Утѣшеновичемъ, Миличевичемъ и Богишичемъ [1]), по которымъ

---

[1]) Утѣшеновичъ въ своемъ сочиненіи „О семейныхъ общинахъ южныхъ Славянъ“ (изданномъ въ Вѣнѣ въ 1858 году), на вопросъ: что такое задруга или семейная община южныхъ Славянъ, отвѣчаетъ слѣдующими опредѣленіями: задругу составляютъ обыкновенно домохозяинъ съ женою и двоими, троими дѣтьми, его старые отецъ и мать, его дядя съ женою, бездѣтный или съ дѣтьми, его младшій братъ съ женою. Вообще семейныя общины не такъ многолюдны, какъ обыкновенно думаютъ: *онѣ состоятъ обыкновенно среднимъ числомъ изъ 10—12 лицъ, часто даже изъ одной семьи*; исключенія встрѣчаются рѣдко, въ немногихъ богатыхъ домахъ, состоящихъ иногда изъ 50 и 60 лицъ. Семейная община живетъ отдѣльнымъ дворомъ. Задругари соединенными силами хозяйничаютъ на общей землѣ, а господарь-домовладыка руководитъ работами. Господаремъ бываетъ не всегда старшій лѣтами въ задругѣ: отецъ иногда добровольно слагаетъ съ себя это званіе и уступаетъ его не всегда старшему изъ сыновей, но способнѣйшему; часто домохозяина задруга избираетъ изъ своей среды по общему со-

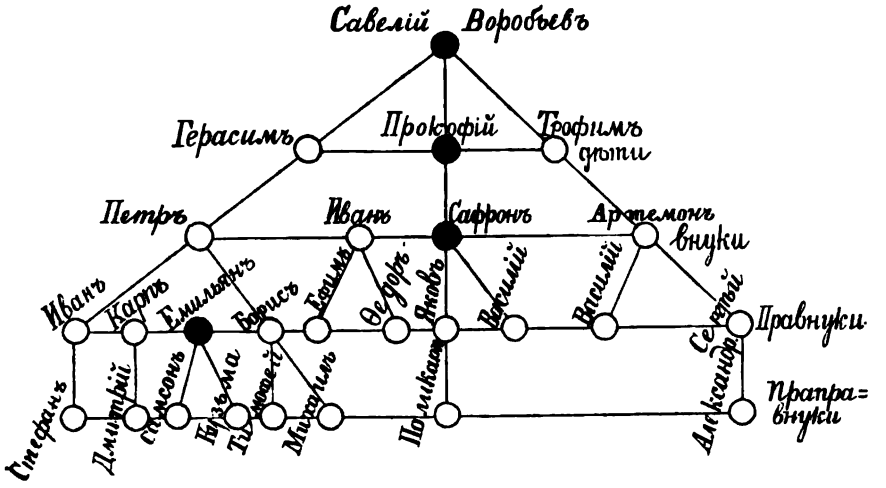
«семейная община или задруга» образуется путемъ *естественнаго размноженія членовъ семьи*, а извнѣ пополняется только бракомъ и усыновленіемъ; состоитъ изъ родственниковъ въ количествѣ *обыкновенно отъ 5 до 25 лицъ; управляется однимъ изъ родственниковъ, обыкновенно старѣйшимъ по происхожденію*, а если дѣдъ или отецъ или старшій братъ дѣлаются неспособными къ управленію дѣлами союза, то *право старѣйшаго*, съ общаго согласія родственниковъ, *иногда передается* одному изъ младшихъ родственниковъ, *наиболѣе способному; составляетъ часть деревенской или сельской общины.*

«Семейная община» описаннаго характера во второй половинѣ прошлаго столѣтія *была открыта также во многихъ мѣстностяхъ Великороссіи и Малороссіи, а называется она здѣсь «большою семьею»* въ отличіе отъ «малой семьи», состоящей только изъ родителей и дѣтей.

Въ концѣ 60-тыхъ годовъ прошедшаго столѣтія въ Курской губерніи и Курскомъ уѣздѣ, въ селѣ Воробьевѣ Черемошенской

гласію (Рус. Бесѣда; 1859 г. № 4). По свѣдѣніямъ, сообщеннымъ Чапловичемъ и Миличевичемъ, сельская общественная организація южныхъ Славянъ представляетъ двѣ степени: задругу или семейную общину и деревенскую или сельскую общину (территоріальную). *Задруга есть подраздѣленіе деревенской общины*, ея составная часть, состоящая изъ одного дома или двора, называемаго по-сербски куча. Семейная община, живущая въ кучѣ, управляется своимъ старѣйшиною—отцомъ—домовладыкою—домакиномъ. Домочадцы, челядь повинуются домакину безпрекословно; а *кто не желаетъ повиноваться, тотъ можетъ оставить родительскій домъ и основать собственный.* Если у отца двое или болѣе сыновей, то онъ *можетъ передать старѣйшинство способнѣйшему*, хотя бы онъ былъ и младшій; если отецъ не назначилъ себѣ преемника, то старѣйшиною становится тотъ, который заслужилъ большее уваженіе по уму и характеру (Журн. Мин. Нар. Просв. за 1856 годъ, ч. 90-я. Рус. Бесѣда за 1858 г. № 2). По свѣдѣніямъ, собраннымъ и опубликованнымъ проф. Богишичемъ въ „Сборникѣ обычнаго права южныхъ Славянъ“, *задруги никогда не бываютъ такъ многолюдны, чтобы составить цѣлое село, даже деревню.* Есть у южныхъ Славянъ деревни, всѣ жители которыхъ носятъ одну фамилію, но и такія деревни всегда состоятъ изъ нѣсколькихъ семейныхъ общинъ. *Меньшія задруги заключаютъ въ себѣ отъ 4 до 10 лицъ обоего пола; общины средней величины заключаютъ въ себѣ отъ 10 до 30 членовъ. Всѣ члены одной задруги родственны между собою*, и родство между ними доходитъ до четвертаго колѣна. *Неродственники принимаются въ задругу только посредствомъ брака и усыновленія*

волости подлежала наблюденію «семья Софроничей», состоявшая изъ 42 человѣкъ, подъ управленіемъ выборнаго старшины, изображеніе которой представляетъ нижеслѣдующая схема:



● *Бывшіе главы семейства.*

○ *Взрослые члены семейства.*

Въ 80-хъ годахъ XVIII вѣка умеръ въ селеніи Воробьевѣ государственный крестьянинъ однодворецъ Савелій Воробьевъ, оставившій трехъ сыновей и наслѣдство (дворъ съ огородомъ, усадебное мѣсто, 50 десятинъ пахатной земли и разную движимость), которымъ братья Савельичи согласились владѣть сообща, нераздѣльно, и жить вмѣстѣ, поручивъ старшинство въ семьѣ среднему брату Прокофію Савельичу, какъ наиболѣе способному хозяину; а послѣ его смерти главенство въ семьѣ, съ общаго согласія родичей, помимо дядей, перешло къ племяннику ихъ Софрону Прокофьевичу, управлявшему дѣлами семьи около 40 лѣтъ; при немъ число членовъ семьи разрослось до 40 человѣкъ, между которыми было 8 супружествъ и 2 вдовы. Родство между боковыми линіями членовъ семьи при Софронѣ было уже такъ отдаленно (до 9-й степени), что они могли вступать въ бракъ между собою; но обычай этого не допускалъ.

Всѣ Софроничи жили въ одномъ дворѣ, состоявшемъ изъ 4-хъ избъ; въ главной избѣ жилъ Софронъ съ женою и дѣтьми и собирались всѣ члены семейнаго союза для общей трапезы, общихъ совѣщаній, празднествъ, пріема гостей и пр. Въ отношеніи хозяйственнаго управленія всѣ Софроничи повиновались приказаніямъ Софрона,

въ важнѣйшихъ семейныхъ и имущественныхъ дѣлахъ, при женитьбѣ и выдачѣ замужъ членовъ семьи, при покупкахъ земли, наймѣ рекрутъ и др., призывавшаго всѣхъ взрослыхъ своихъ домочадцевъ на семейный совѣтъ.

Несмотря на размноженіе членовъ, благосостояніе семейнаго союза въ періодъ управленія Софрона постоянно возростало и къ концу его жизни семья владѣла очень значительнымъ (для крестьянской семьи въ Курской губерніи) количествомъ благопріобрѣтенной земли и изобиловала движимостью [1]). Общая семейная касса, хранившаяся у Софрона, расходовалась на уплату государственныхъ податей и отправленіе общественныхъ повинностей, а въ частности на наемъ рекрутовъ, въ тѣхъ случаяхъ, когда очередь падала на семью Софроничей (въ теченіе 40-лѣтняго управленія Софрона его семейный союзъ не поставилъ изъ своей среды ни одного рекрута); на назначеніе приданаго при выдачѣ замужъ лицъ женскаго пола, всегда состоявшаго только изъ движимости, денегъ и скота; на покупку одежды для всѣхъ членовъ семьи; на покупку хозяйственныхъ орудій и др. Если къ концу года, за всѣми расходами, въ семейной кассѣ оставались деньги, то ихъ предназначали, съ общаго согласія семейнаго совѣта, на прикупку пахатной земли.

Въ 1865 году главенство въ семьѣ Софроничей общимъ семейнымъ совѣтомъ было передано, помимо двоюродныхъ братьевъ Софрона (Петра и Ивана), его двоюродному племяннику Емельяну (Петровичу), какъ наиболѣе дѣятельному и способному. Въ періодъ четырехлѣтняго управленія Емельяна его семейный союзъ имѣлъ два названія: семья Емельяна Воробьева и семья Софрона,—Софроничи. Съ первымъ названіемъ семейный союзъ являлся во всѣхъ офиціальныхъ случаяхъ, въ сношеніяхъ съ волостнымъ и уѣзднымъ начальствомъ, подъ вторымъ названіемъ онъ былъ извѣстенъ между сосѣдями [2]).

---

[1]) При Софронѣ въ разное время было пріобрѣтено покупкою 109 десятинъ земли; наслѣдственная земля называлась дѣдовщиною, а благопріобрѣтенная прикупкою; въ 1872 году движимое имущество Софроничей составляли: 30 лошадей, 13 коровъ, 61 овца и 15 свиней.

[2]) Въ 1869 году Софроничи раздѣлились и составили четыре семейныхъ союза, изъ которыхъ каждый по устройству, личнымъ и имущественнымъ отношеніямъ былъ подобенъ семьѣ Софроничей. Первый дворъ составили потомки Прокофья Савельевича, получившіе 17 десятинъ родовой земли и 48 десятинъ земли благопріобрѣтенной; второй дворъ—потомки Трофима Савельича,—17 десятинъ родовой земли и одна десятина благопріобрѣтенной; третій дворъ—потомки Ге-

Несмотря на умножившіеся семейные раздѣлы въ быту русскаго народа второй половины прошлаго столѣтія, въ Курской, Черниговской и Полтавской губерніяхъ *часто встрѣчаются семейства, подобныя задругамъ южныхъ Славянъ*, состоящія изъ нѣсколькихъ родственныхъ семействъ, связанныхъ единствомъ управленія и общимъ владѣніемъ семейнымъ имуществомъ; *они встрѣчаются во всѣхъ селеніяхъ и деревняхъ, населенныхъ государственными крестьянами и казаками, владѣющими землею* такъ-называемаго четвертнаго права, т. е. *неподлежащею періодическому передѣлу* по количеству лицъ мужескаго пола, живущихъ въ данной сельской общинѣ.

Семейные союзы и отношенія описаннаго характера были наблюдаемы и въ другихъ губерніяхъ. Напримѣръ, П. А. Матвѣевъ въ своемъ «Очеркѣ народнаго юридическаго быта въ Самарской губерніи»[1]) говоритъ, что *«въ народномъ бытѣ Самарской губерніи еще сохранилась большая или родовая семья* съ своими своеобразными особенностями, съ своими большаками и большухами, домохозяиномъ и домохозяйкою, хотя эта форма семейнаго быта постепенно разрушается и вымираетъ и здѣсь, какъ и въ другихъ мѣстностяхъ; малая семья вытѣсняетъ большую. Малая семья—это такая, которая состоитъ изъ мужа, жены и холостыхъ дѣтей; всякій женатый сынъ выдѣляется. Въ Самарѣ, какъ и во многихъ другихъ великорусскихъ губерніяхъ, много семействъ смѣшаннаго типа, т. е. такихъ, гдѣ отецъ, глава дома, живетъ со своими женатыми сыновьями, обыкновенно дѣлящимися по смерти отца, а часто отдѣляющимися и при его жизни. Устройство большой семьи довольно сложное; здѣсь хозяинъ дома—глава обширной хозяйственной артели или семейной общины, насчитывающей въ своей средѣ иногда болѣе десяти работниковъ, при чемъ глава дома—хозяинъ нѣкоторымъ членамъ семьи не отецъ и не дѣдъ. Одновременное существованіе такихъ же малыхъ и большихъ семейныхъ союзовъ въ народномъ

расима Савельевича отъ сына его Ивана,—родовой земли 8 съ половиною десятинъ. благопріобрѣтенной 20 десятинъ; четвертый дворъ—потомки Герасима Савельевича отъ сына его Петра,—8 съ половиною десятинъ родовой земли и 40 десятинъ благопріобрѣтенной. Слѣдовательно, родовая земля была раздѣлена поровну между тремя линіями отъ трехъ сыновей потомковъ родоначальника Савелья Воробьева, а въ дѣленіи благопріобрѣтенной земли семейный совѣтъ руководствовался количествомъ рабочей силы, затраченной тремя линіями родственниковъ на пріобрѣтеніе общаго семейнаго имущества, опредѣляя эту силу количествомъ лицъ мужескаго пола въ каждой линіи.

[1]) Записки Имп. Рус. Геогр. Общ., т. VIII, изд. 1878 года.

бытѣ сѣверной Россіи указано Д. Ефименко,—въ «Очеркахъ народнаго быта Архангельской губерніи».

Имущественныя отношенія въ семействѣ русскаго народа опредѣляются слѣдующими началами.

Естественнымъ слѣдствіемъ супружескаго союза является образованіе союза семейнаго, состоящаго изъ хозяина—мужа—отца, хозяйки—жены—матери и холостыхъ дѣтей, т. е. «малая семья». Когда сынъ вступаетъ въ бракъ при жизни своихъ родителей и остается жить въ ихъ домѣ, то образуется новое юридическое лицо,—сложное семейство, состоящее изъ двухъ супружествъ подъ главенствомъ общаго домохозяина и общей домохозяйки; въ случаѣ женитьбы другого сына образуется тройное семейство подъ главенствомъ общаго главы... Если по смерти родителей—домохозяевъ, и даже одного домохозяина—отца, женатыя и неженатыя дѣти остаются жить во дворѣ своихъ родителей, владѣя сообща отцовскимъ имѣніемъ, то образуется еще болѣе сложный субъектъ гражданскаго права,—«большая семья»—юридическое лицо, представляющее собою союзъ братскихъ семействъ или семейную общину.

Разрастаясь, кровный семейный союзъ преобразуется въ общество, связанное общимъ дворомъ и принадлежащимъ ему движимымъ и недвижимымъ имуществомъ; союзъ семейный преобразуется въ союзъ имущественный, управляемый домохозяиномъ не по правиламъ организаціи семейства Свода Законовъ, а по обычному праву русскаго народа, наслѣдованному отъ предковъ глубокой давности.

Въ русской малой семьѣ отецъ имѣетъ право свободно распоряжаться своею благопріобрѣтенною движимою и недвижимою собственностью; онъ можетъ по своему усмотрѣнію дѣлить свое имѣніе между дѣтьми, давать сыновьямъ выдѣлы, надѣлять приданымъ дочерей, имѣетъ право продать все свое имѣніе или часть его, а также заложить, промѣнять и отказать по духовной памяти, какъ своимъ дѣтямъ, такъ и другимъ родственникамъ, даже постороннимъ лицамъ. Жена, вступая въ домъ мужа, сохраняетъ право личной собственности на весь «скарбъ», принесенный ею въ домъ мужа изъ родной семьи, хранящійся въ ея «дѣвичьей коробьи», т. е. въ сундукѣ, запертомъ ея ключомъ; этимъ своимъ имуществомъ жена распоряжается по своей волѣ, а въ случаѣ бездѣтной смерти жены «скарбъ» возвращается въ ея родную семью: неприкосновенность женской коробьи со стороны мужа охраняется «міромъ» — судомъ сельской общины.

Хозяинъ и хозяйка имѣютъ свои сферы хозяйства, въ которыхъ признаются самостоятельными распорядителями и доходами съ которыхъ пользуются раздѣльно. Сферу самостоятельной дѣятельности хозяина составляетъ полевое, луговое, сѣнное и скотное

хозяйство. При жизни мужа жена не имѣетъ права отчуждать кому бы то ни было хлѣбъ, солому, сѣно, лѣсъ, домашній скотъ и всякіе предметы хозяйственной обстановки дома и какія бы то ни было сельско-хозяйственныя орудія. Сферу самостоятельной дѣятельности хозяйки составляютъ обработка огорода при домѣ, распредѣленіе домашнихъ женскихъ работъ, надзоръ за дѣтьми и ихъ питаніемъ, воспитаніе домашней птицы, уходъ за коровами и изготовленіе одежды для всѣхъ членовъ семьи. Результаты труда хозяйки и дѣтей въ свободное отъ хозяйственныхъ работъ время поступаютъ въ коробью хозяйки, отдѣльную отъ ея «дѣвичьей коробьи», и употребляются на частныя нужды хозяйки и дѣтей, главнымъ образомъ, на одежду и на изготовленіе приданыхъ «дѣвичьихъ коробокъ», если имѣются въ семействѣ дѣвушки. Хозяйка получаетъ въ свое распоряженіе деньги за собранные ею и дѣтьми грибы, ягоды, орѣхи и проч., а также за проданные молоко, масло, сыръ, яйца и домашнюю птицу; все это признается «бабьимъ добромъ». Сверхъ того хозяинъ выдаетъ въ распоряженіе хозяйки продукты для пріема гостей, для изготовленія стола и бѣлья на все семейство, при чемъ остатки отъ выданныхъ на расходъ предметовъ, льна, пеньки, шерсти, поступаютъ въ распоряженіе хозяйки.

Дѣти съ малыхъ лѣтъ пріучаются къ посильнымъ для нихъ работамъ по хозяйству: соотвѣтственно своему возрасту сначала пасутъ гусей, свиней, телятъ, коровъ, лошадей, гоняя ихъ на ночлегъ; потомъ пріучаются боронить почву; а наконецъ, на положеніи взрослыхъ, пашутъ, косятъ, рубятъ лѣсъ, молотятъ хлѣбъ и производятъ всякія другія хозяйственныя работы по указаніямъ домохозяина, при чемъ болѣе трудныя работы поручаются болѣе взрослымъ и сильнѣйшимъ, а менѣе трудныя молодшимъ и слабѣйшимъ.

Взрослый сынъ обыкновенно женится по предложенію и указанію родителей, сообразующихся съ желаніемъ сына настолько, насколько это желаніе соотвѣтствуетъ хозяйственнымъ соображеніямъ семейства. Когда у хозяина имѣется дочь, а нѣтъ сына, то они иногда берутъ себѣ пріемыша, чтобы воспитать его и женить на дочери, а иногда принимаютъ въ домъ зятя—«влазня», и въ такихъ случаяхъ пріемышъ и влазень содержатся на положеніи родныхъ дѣтей. Если въ домѣ имѣются взрослые сыновья въ избыточномъ для домашняго хозяйства количествѣ, то хозяинъ разрѣшаетъ свободнымъ членамъ семьи «отходъ», т. е. временный выходъ для заработковъ на сторонѣ, но всегда съ тѣмъ условіемъ, чтобы заработокъ, остающійся отъ личныхъ расходовъ работника, былъ передаваемъ въ общую семейную казну. При исполненіи этого условія работающій на сторонѣ членъ семьи, наравнѣ съ работающими внутри ея, сохраняетъ право на «пай» семейнаго имущества въ случаѣ его

раздѣла; а въ противномъ случаѣ домохозяинъ можетъ оставить работающаго на сторонѣ «съ однимъ крестомъ», т. е. лишить его наслѣдства устнымъ распоряженіемъ при свидѣтеляхъ, или по духовной памяти, и міръ охраняетъ права братьевъ, своимъ трудомъ кормившихъ родителей и множившихъ семейное имѣніе.

По смерти хозяина, если въ домѣ нѣтъ взрослыхъ сыновей, всѣ его права по управленію домомъ переходятъ ко вдовѣ до времени возмужалости дѣтей, но безъ права отчужденія имѣнія умершаго хозяина какими бы то ни было способами безъ разрѣшенія мірского схода. Взрослые женатые и неженатые сыновья, по смерти ихъ отца, имѣютъ право раздѣлить между собою наслѣдство или владѣть и пользоваться имъ сообща, оставаясь совмѣстно жить въ родительскомъ домѣ. При раздѣлѣ все имѣніе умершаго отца дѣлится на равные «паи» по количеству братьевъ, а паи распредѣляются между ними по жребію. Послѣ раздѣла каждый братъ дѣлается самостоятельнымъ хозяиномъ. Если братья остаются жить въ родительскомъ домѣ, въ общемъ владѣніи наслѣдованнымъ имуществомъ, подъ главенствомъ старшаго по рожденію или выборнаго изъ своей среды домохозяина, то образуется вышеописанная «большая семья» или семейная община.

Многіе историки и историки-юристы (Иречекъ, отецъ и сынъ, Воцель, Леонтовичъ, Бестужевъ-Рюминъ и др.) усматриваютъ въ семейной общинѣ форму семейно-родового союза Славянъ вообще и русскихъ Славянъ въ частности, наслѣдованную отъ языческой древности. Дѣйствительно, трудно допустить происхожденіе этой семейной формы въ гражданской жизни христіанскаго времени, когда семейные союзы и отношенія являются состоящими въ вѣдомствѣ церкви и церковнаго суда, а духовенство въ своихъ понятіяхъ о формѣ семейства и семейныхъ отношеніяхъ исходило изъ понятій Моисеева закона и греко-римскаго права, по которымъ главою семейства и семейныхъ отношеній являются естественный отецъ семейства и его власть надъ женою, дѣтьми и семейнымъ имуществомъ. *Встрѣчая задругу и большую семью или семейную общину у Славянъ южныхъ и восточныхъ христіанскаго времени*, дожившую у Сербовъ, Болгаръ и Русскихъ до нашего времени, *мы въ правѣ отнести ея происхожденіе къ эпохѣ обще-славянскаго язычества*, даже къ эпохѣ праславянской, тѣмъ болѣе, что ясные слѣды этой семейной формы сохранились въ древнѣйшихъ юридическихъ сводахъ русскаго народа, въ Русской Правдѣ и Псковской Судной Грамотѣ. Въ послѣдней имѣется рядъ постановленій, указывающихъ, что въ древней Руси, рядомъ съ семейнымъ союзомъ, состоявшимъ изъ родителей и дѣтей, законъ признавалъ существованіе семейства, состоявшаго изъ братьевъ, дядей и племянниковъ. *Сожительство братьевъ, дя-*

дей и племянниковъ, съ ихъ женами и дѣтьми, въ Псковской Грамотѣ характеризуется выраженіемъ: «живутъ въ одномъ хлѣбѣ», т. е. живутъ вмѣстѣ, питаются общимъ имуществомъ. Въ статьѣ 91-й Грамоты говорится: «А у кого *помретъ сынъ, а невѣстка останется, да учнетъ на свекри, или на дѣвери скруты своеа искати*, или платья своего, ино *свекру, или дѣверю отдать* платье, или крута»; въ статьѣ 94-й говорится: «И которой *вятшій братъ съ меншимъ братомъ живучи въ одномъ хлѣбе*, а скажутъ долгу отцово, а на отца, записи не будетъ, ино вяшьчему брату правда дать, да *заплатитъ опчимъ животомъ»*; въ статьѣ 95-й говорится: «А которой меньшій братъ, или братанъ, *живучи въ одномъ хлѣбе съ вятшимъ братомъ или зъ братаномъ*, а искористуются сребромъ у брата своего»... Въ Русской Правдѣ сожительство братьевъ безъ отца подразумѣваетъ слѣдующая статья: «Аже будетъ *сестра въ домоу*, то той задници не имати, но *отдадятъ ю братіа замоужъ, како си могуть»*. (Сп. К., ст. 107). По всей вѣроятности въ русскомъ языкѣ эпохи племенныхъ княженій и въ эпоху Русской Правды сожительство семейныхъ братьевъ, дядей и племянниковъ въ одномъ домѣ, на общей семейной землѣ, подъ главенствомъ брата «вятшаго» именовалось *«верьвю»*, какъ именуется такой союзъ въ Полицкомъ Статутѣ (въ Сербіи слово *вервникъ* и теперь значитъ *родственникъ)*.

Извѣстное сказаніе «Судъ Любуши», будь оно языческаго происхожденія въ литературной обработкѣ XI или XII вѣка, какъ думаютъ одни ученые, будь оно новѣйшаго происхожденія, какъ думаютъ другіе, во всякомъ случаѣ превосходно характеризуетъ древнюю семейно-родовую форму гражданскаго быта Славянъ вообще и Русскихъ въ частности. Содержаніе сказанія составляетъ изложеніе въ поэтической формѣ порядка вѣчевого суда, подъ главенствомъ княжны Любуши, по тяжбѣ между двумя братьями Кленовичами, заспорившими о дѣдинѣ—наслѣдствѣ. Въ народномъ собраніи княжна предложила рѣшить споръ между двумя братьями на основаніи древняго славянскаго права: «По закону вѣкожизненныхъ боговъ, сказала она, братья должны владѣть дѣдиною вмѣстѣ или раздѣлить ее поровну». Голосованіе собранія рѣшило владѣть братьямъ дѣдиною вмѣстѣ. Тогда всталъ старшій братъ Кленовичъ Хрудошъ и сказалъ: «По закону наслѣдство должно отдать первенцу»; а на это возразилъ одинъ изъ членовъ собранія кметь Ратиборъ: «Не похвально намъ искать правды у Нѣмцевъ; у насъ правда по святому закону отцовъ нашихъ: отецъ управляетъ своею челядью; мужи пашутъ, жены шьютъ одежды; а *по смерти главы дома всѣ дѣти владѣютъ сообща наслѣдствомъ, выбирая себѣ изъ рода владыку»*. Тогда встали всѣ кметы, лехи и владыки и похвалили правду по закону отцовъ своихъ.

ГЛАВА XIX.

Имущественные союзы. Терминологія и происхожденіе движимой и поземельной собственности. Происхожденіе, организація и отношенія территоріальной общины.

Юридическое господство лица надъ вещью - имуществомъ выражается въ фактическомъ владѣніи и собственности; первое не опирается на законный способъ пріобрѣтенія, а потому можетъ быть отнято судебнымъ порядкомъ, а второе въ этомъ отношеніи является прочно обоснованнымъ, ненарушимымъ юридически. Фактическое владѣніе однакоже имѣетъ юридическое значеніе, потому что защищается закономъ противъ самоуправства и обращается въ право собственности по давности владѣнія, то-есть по истеченіи установленнаго закономъ срока ненарушимо длящагося владѣнія.

Въ русскомъ языкѣ эпохи договоровъ съ Греками *право собственности выражалось словомъ имѣніе и притяжательными мѣстоименіями*, означавшими принадлежность данной вещи данному лицу: «Аще кто умретъ, не урядивъ *своего имѣнія*»... «Да сойметъ съ себе и ты самыя порты *своя*, въ нихъ же ходить» [1]). Имущественная состоятельность выражалась словами: *имовитость и богатство*: «Аще есть *имовитъ*, да часть его, сирѣчь иже его будетъ по закону»... «И пристави къ нимъ мужи свои показати... полаты златыя, и въ нихъ сущая *богатства*» [2]). Понятія о собственности наслѣдственной и благопріобрѣтенной выражались словами праславянскаго языка, сохранявшими свое значеніе и въ эпоху договоровъ съ Греками: *дѣдина*, *отчина*, *добытокъ*, *примыслъ*, *рядъ*, *купля*, *мѣна*.

Слово имѣніе, означающее въ наше время собственность поземельную, въ эпоху договоровъ съ Греками означало собственность движимую: «Аще кто умретъ, не урядивъ своего имѣнія, ци и своихъ не имать, да *возвратить имѣнье къ малымъ ближикамъ въ Русь*» [3]). Въ составъ имѣнія частныхъ лицъ могли входить предметы всякаго рода, составлявшіе обычную обстановку домашней жизни: жилища, предметы питанія, одежда, домашнія орудія и оружіе, средства передвиженія, деньги и проч. До времени Аскольда и Дира Поляне давали Козарамъ «*отъ дыма мечъ*»; до времени Рюрика Новгородцы

---

[1]) „Пособіе“, стр. 23, 24.

[2]) Тамъ же.

[3]) Тамъ же, стр. 24.

платили Варягамъ *«по бѣлѣ и веверицѣ отъ дыма»*; Радимичи платили Олегу *«по щелягу, якоже и Козаромъ даяху»*; Вятичи платили Козарамъ *«по щелягу отъ рала»*. Въ значеніи объектовъ частной собственности въ договорахъ съ Греками именуются: *золото, серебро, гривны, паволоки, узорочье, толстины, порты, фофудьи, мечи, копья, щиты, всякое оружіе, кони, корабли, лодьи, полоняники, челядь* [1]).

Праславянская терминологія, факты археологіи, выражающіеся въ находкахъ имущественныхъ кладовъ II—X столѣтій и въ содержаніи языческихъ могилъ, представляющемъ множество разныхъ предметовъ, составлявшихъ частное имущество погребенныхъ [2]), свидѣтельства византійскихъ, арабскихъ и русскаго лѣтописцевъ о торговыхъ и военныхъ сношеніяхъ древнихъ Руссовъ [3]) и содержаніе договоровъ Руссовъ съ Греками, опредѣляющихъ имущественную отвѣтственность за преступленія, отличающихъ имущество мужа и жены и дающихъ право частному лицу завѣщать свое имѣніе по своему усмотрѣнію, ставятъ *внѣ всякаго сомнѣнія существованіе института личной собственности на вещи движимыя не только у Руссовъ IX и X столѣтій, но уже въ эпоху праславянскую.* Въ этомъ отношеніи стоитъ въ рѣзкомъ противорѣчіи съ фактическимъ матеріаломъ теорія Эверса и его послѣдователей, отрицающихъ существованіе личной собственности у русскихъ Славянъ, будто бы стоявшихъ на степени родового быта, не знавшаго индивидуальной собственности по той причинѣ, что въ родовомъ бытѣ единственнымъ полновластнымъ собственникомъ имущества былъ родоначальникъ.

Но *въ источникахъ не имѣется указаній на существованіе института частной поземельной собственности* у нашихъ предковъ эпохи договоровъ съ Греками.

Научная разработка вопроса о времени появленія въ Россіи частной поземельной собственности была начата изданіемъ въ 1847—1852 годахъ (на нѣмецкомъ языкѣ) изслѣдованій барона А. Гакстгаузена, посвященныхъ изученію народной жизни въ Россіи (русскій переводъ Л. И. Рагозина 1870 года: «Изслѣдованія внутреннихъ отношеній народной жизни и въ особенности сельскихъ учрежденій въ Россіи»).

Ѣдущій въ Россію съ цѣлью основательнаго изученія народнаго быта, говоритъ Гакстгаузенъ, долженъ забыть все, что онъ читалъ о немъ въ Европѣ. Первобытный принципъ и развитіе по-

---

[1]) Тамъ же, стр. 16, 18, 20—25, 35.

[2]) См. выше, стр. 92, 93.

[3]) Тамъ же, стр. 88, 89.

земельныхъ отношеній у славянскихъ народовъ, нетронутыхъ новою европейскою цивилизаціей (?), глубоко отличаются отъ тѣхъ же отношеній у народовъ германскихъ и романскихъ. Въ европейскихъ языкахъ часто даже недостаетъ словъ для полнаго, яснаго и вѣрнаго выраженія этихъ отношеній; напримѣръ, понятіе общины, такъ опредѣленное и такъ одинаковое во всѣхъ европейскихъ языкахъ, совершенно отличается отъ понятія старо-славянской или русской общины. Европейская община представляетъ собою искусственное собраніе людей, случайно живущихъ вмѣстѣ по установленнымъ сверху правиламъ; въ Россіи же община — естественный семейный организмъ. Въ первобытныя времена русская община составляла обширную патріархальную семью, да и теперь еще, по крайней мѣрѣ отвлеченно, она представляетъ одну семью, связанную общею собственностью, съ старшиною во главѣ. Русская община та же семья, только въ большихъ размѣрахъ; ее составляютъ жители селенія или деревни, владѣющіе сообща принадлежащею селенію землею. Въ принципѣ каждый совершеннолѣтній поселянинъ мужескаго пола имѣетъ право на участокъ земли, равный участкамъ другихъ жителей его селенія (гдѣ практикуется періодическій передѣлъ земли). Только дворъ или усадьба, состоящая изъ избы, холодныхъ построекъ и огорода, составляетъ наслѣдственную собственность семейства общины, безъ права отчужденія лицамъ, не принадлежащимъ къ общинѣ. Лѣса, сѣнокосы и выгоны или пустоши состоятъ въ общемъ пользованіи и составляютъ общественныя пастбища. Воздѣланная или пахатная земля раздѣлена на равные участки, состоящіе во временномъ пользованіи членовъ общины, и періодически передѣляется между ними, въ разныхъ мѣстностяхъ въ разные сроки, обыкновенно черезъ 6, 9, 12 лѣтъ. Подати и повинности, лежащія на общинѣ, распредѣляются между семействами или дворами, ее составляющими, по количеству жеребьевыхъ участковъ, состоящихъ во владѣніи семействъ. Все, что касается до сроковъ и способовъ раздѣла пахатной земли между членами общины, пользованія лѣсами, сѣнокосами, водами и выгонами, распредѣленія податей и повинностей между домохозяевами, рѣшается «міромъ», т.-е. общимъ собраніемъ домохозяевъ, подъ главенствомъ выбраннаго изъ ихъ среды старосты—выборнаго начальника общины [1]).

---

[1]) „По традиціонному народному воззрѣнію Россія представляетъ собою одну большую семью, съ царемъ во главѣ, которому одному вручена власть надъ всѣмъ и которому всѣ безусловно повинуются.... Такъ какъ каждый русскій селянинъ принадлежитъ къ какой-нибудь общинѣ и, какъ членъ общины, имѣетъ равный участокъ земли, равный участ-

По мнѣнію Гакстгаузена, *дѣленіе земли по душамъ — первобытный принципъ славянскаго права,—принципъ о нераздѣльномъ общемъ владѣніи всѣмъ родомъ* [1]). Этимъ мнѣніемъ Гакстгаузена воспользовались послѣдователи теоріи родового быта древне-русскихъ Славянъ и указывали на «семейный» характеръ русской сельской общины, какъ на доказательство патріархальнаго быта нашихъ предковъ въ эпоху призванія Рюрика. Но послѣдователи общинной теоріи анализомъ юридическихъ отношеній въ родѣ и общинѣ доказали, что эти два учрежденія не имѣютъ ничего общаго ни по своему происхожденію, ни по личнымъ и имущественнымъ отношеніямъ между членами рода и членами территоріальной общины. По ученію общинной теоріи, *современная сельская поземельная община русскаго народа съ періодическимъ передѣломъ земли и выборнымъ старшиною, представляя собою наслѣдіе отъ глубокой дорюриковской давности, является доказательствомъ, что «русская земля есть изначала наименѣе патріархальная и наиболѣе общинная земля»* [2]).

Позднѣйшіе послѣдователи родовой теоріи заявили сомнѣніе въ древности поземельной общины русскихъ крестьянъ, описанной Гакстгаузеномъ, и пытались доказать, что *эта община представляетъ собою новое явленіе, созданное законодательствомъ Петра Великаго, обложившаго крестьянъ одинаковою подушною податью и надѣлившаго ихъ равными участками земли;* что этому нововведенію предшествовало время индивидуальной поземельной собственности, появившейся въ Россіи на смѣну родовой со времени варяжскихъ завоевателей, бывшихъ у насъ первыми вотчинниками. Со времени Рюрика до времени прикрѣпленія крестьянъ, по этой теоріи, всѣ классы народонаселенія имѣли право продавать, дарить и завѣщать свою поземельную собственность [3]). Но если подворная и подушная подать была причиною происхожденія поземельной общины въ Россіи, то эта причина дѣйствовала уже въ дорюриковскую эпоху и при пер-

---

камъ другихъ членовъ общины (?), то въ Россіи нѣтъ пролетаріата. Во всѣхъ государствахъ западной Европы существуютъ предвѣстники соціальной революціи противъ богатства и собственности, ея лозунгъ— уничтоженіе наслѣдства и провозглашеніе правъ каждаго на равный участокъ земли. Въ Россіи такая революція невозможна, такъ какъ эти мечты европейскихъ революціонеровъ имѣютъ уже свое реальное осуществленіе въ русской народной жизни". А. Гакстгаузенъ: Изслѣд. внутр. жизни въ Рос.; Предисл., стр. 13—17, 19; текстъ, стр. 77—81.

[1]) Тамъ же, стр. 78.

[2]) Сочиненія К. С. Аксакова; т. 1, стр. 124.

[3]) См. Б. Н. Чичерина: Опыты по Ист. Русскаго Права; стр. 1—231, 366 и сл.

выхъ Рюриковичахъ, когда земледѣльческое населеніе племенныхъ княженій платило дань «отъ дыма» и «отъ рала».

По ученію К. А. Неволина, «*происхожденіе поземельной собственности въ Россіи принадлежитъ временамъ той отдаленной древности, въ которую не проникаетъ свѣтъ исторіи*». Въ лѣтописи описано первоначальное поселеніе Славянъ въ Россіи; но изъ этого описанія не видно, какими началами пришельцы руководствовались при занятіи земли: было ли это занятіе родами или общинами, члены которыхъ соединялись между собою только случайно родственными отношеніями, связываясь и другими побужденіями, или занятіе отдѣльными лицами, отдѣльными домохозяевами и начальниками семействъ? Легко могло быть, что въ одно и то же время употреблялись всѣ эти способы... Принимая, что частная поземельная собственность существовала у насъ уже до пришествія Варяго-Руссовъ, мы тѣмъ самымъ отвергаемъ мысль, будто бы первые вотчинники были у насъ члены княжескихъ дружинъ [1]).

При недостаткѣ ясныхъ указаній въ источникахъ, относящихся къ древнѣйшему быту русскихъ Славянъ, на время происхожденія общинной и индивидуальной поземельной собственности въ Россіи, этотъ вопросъ можетъ получить научное разрѣшеніе только при помощи выводовъ сравнительной соціологіи и этнологіи.

Новѣйшими изслѣдованіями въ области сравнительной соціологіи *поземельная община съ періодическимъ передѣломъ пахатной земли открыта во всѣхъ странахъ міра и въ частности у всѣхъ древнихъ народовъ арійскаго происхожденія, жившихъ племенными союзами*,— до времени образованія въ ихъ средѣ завоевательныхъ государствъ и раздѣленія завоеванной земли въ частную собственность между завоевателями. Въ изслѣдованіи Э. Лавале «О собственности и ея первобытныхъ формахъ» сдѣланъ сводъ выводовъ этого рода, взятыхъ изъ изслѣдованій Маурера, Морайра, Мэна, Фаухера, Нассэ, Рошера и др. [2]). По изслѣдованіямъ Маурера, «древняя германская община состояла изъ семействъ, жившихъ въ одной деревнѣ; а деревню составляла группа домовъ, окруженныхъ общею для нихъ оградою, и принадлежащая къ ней территорія. Всѣ семейства общины имѣли равное право на пахатную землю общины и на ея пустоши или выгоны. Общимъ правиломъ было, чтобы каждая семья имѣла часть общинной земли, достаточную для удовлетворенія ея потребностей. Части всѣхъ членовъ общины должны быть равны, а этого можно было достигнуть только періодическимъ передѣломъ общин-

---

[1]) Сочиненія, т. IV, с. 127—129.

[2]) Emile de Lavelleye: De la Propriété et de ses formes primitives. Paris. 1874.

ной земли между ея членами. Право владѣть частью общинной земли, равною другимъ частямъ, было существеннымъ, прирожденнымъ правомъ каждаго обитателя древнегерманской деревенской общины, соотвѣтственно свидѣтельству Юлія Цезаря, по которому «*никто у Германцевъ не имѣлъ собственнаго, отдѣленнаго рубежами участка земли; ихъ начальники и старшины ежегодно дѣлили землю между семействами и родами, жившими вмѣстѣ; по истеченіи года они мѣнялъ свои участки*» [1]). По изслѣдованіямъ Мэна «*Описаніе тевтонскихъ деревенскихъ общинъ, данное Маурером, можетъ служить описаніемъ того же учрежденія, донынѣ сохранившагося въ Индіи.* Здѣсь есть деревня и общинная деревенская земля, соотвѣтствующая германской пахатной маркѣ, раздѣленная на жеребьевые участки; здѣсь есть общая пустопорожняя земля или общіе выгоны, служащіе для пользованія всей общины нераздѣльно; здѣсь есть и деревня, состоящая изъ домовъ, управляемыхъ главами семействъ; наконецъ, здѣсь есть и совѣтъ членовъ общины для рѣшенія споровъ, возникающихъ между членами общины и рѣшаемыхъ на основаніи уже существующаго обычая или на основаніи правилъ, вновь принятыхъ совѣтомъ общины... *Существованіе такихъ же общинъ открыто у многихъ племенъ Америки, Азіи и Африки. Такая же община существовала у древнихъ Грековъ и Римлянъ, у Французовъ, Англичанъ и Шведовъ.* «Нѣтъ страны, говоритъ Мэнъ, населенной арійской расой, въ которой не оставалось бы слѣдовъ древняго періодическаго передѣла земель и другихъ слѣдовъ древней коллективной системы владѣнія землею [2]).

Слѣдовательно, поземельная община съ періодическимъ передѣломъ пахатной земли между ея членами не представляетъ собою исключенія въ исторіи поземельной собственности, свойственнаго только древнимъ славянскимъ народамъ вообще и въ частности русскому народу, какъ это думалъ А. Гакстгаузенъ, а за нимъ думали и многіе другіе изслѣдователи. *Поземельная община съ періодическимъ передѣломъ полей образуется у всякаго народа при извѣстныхъ условіяхъ возникновенія общественныхъ поселеній*, а ея существованіе у даннаго народа въ данную историческую эпоху не исключаетъ возможности существованія у того же народа и въ ту же эпоху поземельной общины съ выборнымъ старшиною и мірскимъ сходомъ, но безъ періодическаго передѣла земли между сочленами общины. Въ концѣ прошедшаго столѣтія поселились на Волгѣ Нѣмцы, вызванные изъ разныхъ мѣстъ Германіи, понятія не имѣвшіе о поземельной общинѣ русскаго народа, и тѣмъ не менѣе

---

[1]) Юлій Цезарь: „Война съ Галлами“ кн. VI, гл. 22.

[2]) Мэнъ: „Деревенскія общины на Востокѣ и Западѣ“, стр. 47.

нѣмецкіе колонисты образовали общины съ періодическимъ передѣломъ земли, подобныя общинамъ русскаго народа, описаннымъ А. Гакстгаузеномъ. Въ такія же поземельныя общины группировались англійскіе переселенцы въ Америкѣ, вынужденные соединять въ новой родинѣ личныя силы для обработки земли и самозащиты отъ враговъ. Такими же общинами жили и нынѣ живутъ русскіе переселенцы въ Азіи.

По ученію С. М. Соловьева, у русскихъ Славянъ эпохи призванія Рюрика «*городовъ было немного:* знаемъ, что Славяне любили жить разсѣянно, по родамъ, которымъ лѣса и болота служили вмѣсто городовъ... Изъ словъ лѣтописца можно заключить только то, что *эти огороженныя мѣста были обиталищами одного или нѣсколькихъ отдѣльныхъ родовъ. Несмотря на то, первоначальный славянскій городъ имѣлъ важное историческое значеніе. При образованіи городовъ можетъ и должно начаться ослабленіе родового быта и замѣна его общиннымъ* [1]).

Но если появленіе городовъ въ значеніи укрѣпленныхъ общественныхъ поселеній должно признать причиною и признакомъ появленія общины, то должно признать также, что родового быта съ его автократическими родами никогда не было въ Россіи, потому что *города въ сказанномъ значеніи появились у русскихъ Славянъ* не въ эпоху призванія Рюрика, Синеуса и Трувора съ ихъ дружинами, а *въ эпоху первоначальнаго поселенія Славянъ на побережьяхъ Днѣпра, Десны, Сейма, Сожи, Оки, Припети, Полоты и Волхова* [2]).

По свидѣтельствамъ лѣтописей, по фактамъ археологическимъ и по выводамъ сравнительной соціологіи и этнологіи *въ племенномъ княженіи осѣдлаго народа возможно существованіе только одной формы общественныхъ поселеній, именуемой въ лѣтописяхъ городомъ*, жители котораго составляли общину, «міръ» Русской Правды [3]) и промышляли земледѣліемъ: «*Вси гради дѣлаютъ нивы своя и земли своя*» [4]). Земля городской общины состояла изъ воздѣланнаго поля, лежавшаго возлѣ городского укрѣпленія, и изъ пустошей,—невоздѣланной земли, служившей общественнымъ выгономъ и неимѣвшей юридически опредѣленныхъ границъ. Поземельное владѣніе общины, начинаясь его центромъ, городомъ, опредѣлялось въ своемъ протя-

---

[1]) Исторія Россіи съ древнѣйшихъ временъ, стр. 67, 69. Изд. 1866 года. Сборникъ Госуд. знаній, В. П. Безобразова; т. 4, стр. 7, изд. 1877 года.

[2]) См. выше, стр. 64—68.

[3]) Ср. Рус. Прав. Троиц. сп.: „познаеть *въ своемъ городѣ*“; Академ. сп.: „познаеть въ своемъ мироу“. „Пособіе“, стр. 70, 75.

[4]) Тамъ же, стр. 33.

женіи мѣрою фактическаго владѣнія, по древней формулѣ: «куда соха, коса и топоръ ходили» [1]). *Владѣнія каждой общины отдѣлялись другъ отъ друга незаселенными и невоздѣланными пространствами.* Сохранившіяся городища свидѣтельствуютъ, подобно Донецкому городищу, изслѣдованному Харьковскимъ Археологическимъ съѣздомъ, что дома жителей древней общины помѣщались внутри городского укрѣпленія, примыкая къ нему съ внутренней стороны, въ разстояніи одного аршина другъ отъ друга; внутренняя часть города оставалась незаселенною, представляла собою общую площадь. Селитьбы такого устройства помѣщались на высокихъ побережьяхъ рѣкъ, вблизи воды, за которою простирались луга; съ другой стороны къ городу прилегало поле, на которомъ помѣщалось кладбище, лѣтнія жилища, огороды и поля, а за ними простирались невоздѣланныя земли, пустоши и лѣса. Съ расширеніемъ населенія общины, расширялось ея землевладѣніе посредствомъ расчистки и распашки общими силами пустошей, дикой земли, соотвѣтственно потребности въ пахатной землѣ цѣлой общины и отдѣльныхъ семействъ, ея составлявшихъ. Съ дальнѣйшимъ расширеніемъ населенія общины, когда земля, лежавшая вблизи городского укрѣпленія, становилась недостаточною для разросшагося населенія, то часть его выдѣлялась и селилась вблизи своей митрополіи, образуя новый городъ—общину, пригородъ стараго; а въ случаяхъ раздоровъ побѣжденная или недовольная партія удалялась отъ своей митрополіи, и иногда являлась зерномъ новой земли, подобно партіи новгородскихъ бѣглецовъ, положившихъ въ XII столѣтіи основаніе Вятской земли, или партіи русскихъ бѣглецовъ XVI вѣка, положившихъ основаніе земли Донскихъ казаковъ [2]).

Въ эпоху племенныхъ государствъ, когда существовалъ только одинъ видъ общественныхъ поселеній, города—крѣпости, когда воздѣлывались только участки земли, лежавшіе вблизи городскихъ укрѣпленій, а обработка почвы, защита урожая и пастьба домашняго скота требовали соединеннаго труда всѣхъ членовъ общины, когда рѣки служили единственными средствами сообщеній, а высокія побережья рѣкъ были единственно годными мѣстами общественныхъ поселеній,—тогда *имѣли цѣну только участки воздѣланной земли и выгоны, лежавшіе вблизи городскихъ укрѣпленій*, и эту землю, какъ средство жизни, земледѣльческія городскія общины дѣлили между своими семействами во временное пользованіе, а защищали ее отъ враговъ общими силами. *Пустоши, раздѣлявшія владѣнія*

---

[1]) См. выше, стр. 115.

[2]) См. выше, гл. VI.

городскихъ общинъ, не имѣли цѣны. Пустошами имѣлъ право пользоваться каждый; но осуществить это право могли только союзы лицъ и семействъ, составлявшихъ городскія общины, при посредствѣ ихъ общаго труда; отдѣльные граждане и семейства того времени не могли жить изолированно и только своими личными силами охранить себя, свой рабочій скотъ и урожай воздѣланнаго поля отъ двуногихъ и четвероногихъ враговъ. Въ племенныхъ княженіяхъ русскихъ Славянъ, какъ и въ племенныхъ государствахъ древнихъ Германцевъ, *институтъ частной поземельной собственности отсутствовалъ, какъ отсутствовалъ и институтъ поземельнаго рабства,* въ значеніи класса государственнаго народонаселенія, живущаго на чужой землѣ и работающаго въ пользу своего господина-землевладѣльца [1]). Въ разрозненныхъ племенныхъ княженіяхъ невозможно было частному лицу прикрѣпить раба къ землѣ, обратить плѣнника въ своего несвободнаго земледѣльца: такой рабъ имѣлъ возможность на господской лошади, данной ему для сохи, убѣжать въ свое отечество или въ сосѣднюю волость и тамъ вступить въ составъ гражданъ одной изъ молодыхъ колоній, нуждавшихся въ расширеніи личныхъ силъ для самозащиты и для добыванія средствъ къ существованію, подобно тому, какъ нуждались въ новыхъ пришельцахъ колоніи земли Вятской и земли Донскихъ казаковъ, принимавшія въ свою среду бѣглецовъ всякаго рода, не обращая вниманія на ихъ происхожденіе и общественное положеніе въ тѣхъ общинахъ, изъ которыхъ они бѣжали. По этой причинѣ въ эпоху племенныхъ государствъ не было дѣленія государственнаго народонаселенія на землевладѣльцевъ - господъ и земледѣльцевъ - рабовъ: *всѣ городскія общины состояли изъ землевладѣльцевъ - земледѣльцевъ,* въ значеніи лично свободныхъ людей, но обязанныхъ совмѣстно возводить и сохранять въ исправности городское укрѣпленіе, воздѣлывать принадлежавшую общинѣ землю и совмѣстными силами защищать городъ, прилегавшую къ нему воздѣланную землю, урожай земли и домашній скотъ отъ внѣшнихъ враговъ.

При сказанныхъ условіяхъ *система гражданскаго права русскихъ Славянъ эпохи племенныхъ княженій была проще системы гражданскаго римскаго права эпохи 12-ти таблицъ,* была подобна системѣ гражданскаго права, какою довольствуется русская община нашего времени, не знающая сложнаго законодательства, опредѣляющаго порядокъ пріобрѣтенія и передачи частной поземельной собственности. Эта община въ средѣ своихъ поземельныхъ отношеній довольствуется немногими правилами обычнаго права, извѣст-

---

[1]) См. выше, стр. 118.

ными каждому домохозяину и каждому взрослому члену крестьянской семьи.

Сложная система гражданскаго законодательства завоевательныхъ государствъ, основанная на институтахъ частной поземельной собственности и рабства земледѣльцевъ, опредѣляющая порядокъ пріобрѣтенія и передачи правъ собственности на землю и рабовъ, неизвѣстна народамъ племенной соціальной организаціи. *Въ общинахъ племенныхъ государствъ граждане пріобрѣтаютъ и передаютъ* только движимую собственность и безъ формальностей, закономъ установленныхъ, какъ въ современной русской общинѣ. Порядокъ же передачи имущественныхъ правъ по наслѣдству опредѣляется въ племенныхъ государствахъ общечеловѣческимъ закономъ, выраженнымъ въ договорѣ Руссовъ съ Греками слѣдующимъ постановленіемъ: «О работающихъ въ Грѣцѣхъ Руси у Христьянскаго царя: Аще *кто умретъ, не урядивъ своего имѣнія*, ци и своихъ не имать, *да возвратить имѣнье къ малымъ ближикамъ въ Русь*; *аще ли створитъ уряженіе, таковый возметъ уряженое его, кому будетъ писалъ наслѣдити имѣнье*», то-есть благопріобрѣтатель собственности имѣетъ право передать ее по своему усмотрѣнію; а въ случаѣ смерти безъ завѣщанія, собственность передается ближайшимъ меньшимъ родственникамъ умершаго [1]).

---

[1]) „Пособіе“, стр. 24.

Періодъ удѣльныхъ государствъ.

Средства познанія системы русскаго права удѣльной эпохи.

А. Памятники общаго права Русской земли удѣльной эпохи.

ГЛАВА XX.

Значеніе системы русскаго права языческой эпохи въ христіанское время. Номоканонъ и его рецепція въ Россіи. Кормчія книги.

По рецепціи христіанства въ 988 году система русскаго религіознаго права, слагавшаяся вѣками въ языческую эпоху, получаетъ значеніе обычнаго народнаго права, старой пошлины, регулирующей юридическія отношенія во всѣхъ случаяхъ, когда эта пошлина не стояла въ рѣзкомъ противорѣчіи съ новымъ государственнымъ устройствомъ и догматами новой религіи.

Христіанское духовенство доказывало новообращенному народу, что различные у разныхъ народовъ языческіе законы не истинные законы, данные Единымъ Богомъ, а человѣческое творчество, обычаи; что истинный законъ, данный Богомъ, только одинъ, у всѣхъ христіанъ одинаковый: языческіе народы «имяху обычаи свои, и законъ отецъ своихъ, и преданія, *кождо свой нравъ... мы же христіане,* елико земль, иже вѣрують въ Святую Тройцу, въ едино крещенье, въ едину вѣру, *законъ имамы единъ*» [1]).

Не смотря на пропаганду христіанскимъ духовенствомъ единаго истиннаго закона, право русскаго народа языческой эпохи долго боролось съ новымъ рецепированнымъ религіознымъ закономъ и съ новыми уставами русскихъ князей. Въ силу консерватизма народной массы по отношенію къ системѣ институтовъ своего древняго права, имѣвшаго значеніе народной вѣры, новые законы, изложенные въ священномъ преданіи, священномъ писаніи, въ правилахъ апостоловъ и святыхъ отцовъ, въ постановленіяхъ вселенскихъ и

---

[1]) См. выше, стр. 74, 75.

помѣстныхъ соборовъ и въ княжескихъ уставахъ по церковнымъ и мірскимъ дѣламъ, проникали въ народное сознаніе медленно. Многіе языческіе институты, даже явно противные христіанской религіи, оставались дѣйствующими въ массѣ русскаго народа эпохи удѣльныхъ государствъ и государства Московскаго, а частію дѣйствуютъ и въ настоящее время. Въ самомъ началѣ крещенія Руси христіанское духовенство особенно возставало противъ языческихъ погребальныхъ и семейныхъ обычаевъ; но эта проповѣдь воспринималась только высшими классами общества, князьями и боярами; а народная масса, незнакомая со сложною системою новаго для нея каноническаго права, держалась стараго закона своихъ предковъ. Уже княгиня Ольга, умирая, завѣщала похоронить ея тѣло по христіанскому обряду: не творить тризны, не сыпать кургана. Но еще въ XII вѣкѣ Вятичи не погребали своихъ покойниковъ по-христіански, а сожигали ихъ на кострахъ по языческому обряду. Когда въ Муромской землѣ князь Константинъ похоронилъ своего сына Михаила по христіанскому обряду, то мѣстные жители «дивляхуся, еже не по ихъ обычаю творимо бѣ погребеніе... и о томъ безумніи ругахуся». По свидѣтельствамъ митрополитовъ Іоны и Кирилла въ XII и XIII столѣтіяхъ въ предѣлахъ Новгородской земли вѣнчались христіанскимъ бракомъ только князья и бояры, а народная масса водила невѣстъ къ рѣчнымъ водохранилищамъ и благословляла бракъ водою, несмотря на проклятія церкви. По рѣчи царя Ивана Грознаго, сказанной на Стоглавомъ соборѣ 1551 года, языческіе обычаи царили въ народныхъ вѣрованіяхъ, семейномъ правѣ и фестиваляхъ времени Московскаго государства. Царь указывалъ Собору на господство въ обычаяхъ русскаго народа «чародѣйства, волхованій и гаданій, ересей и ковъ бѣсовскихъ»; по селамъ и деревнямъ ходили «лживые пророки», нагіе и босые, съ отращенными и распущенными волосами; на празднествахъ имѣли мѣсто всевозможныя «бѣсовскія игры, пѣсни и плясанія, отрокамъ оскверненіе и дѣвкамъ растлѣніе», какъ въ эпоху лѣтописца Нестора. До сихъ поръ въ разныхъ мѣстностяхъ Россіи сохранились языческаго происхожденія кулачные бои [1]), пляски со скаканіемъ черезъ огонь,

---

[1]) Въ Густинскомъ спискѣ начальнаго русскаго лѣтописнаго свода сохранилось слѣдующее извѣстіе: „Корсунянинъ Іоакимъ (первый архіепископъ новгородскій) разруши въ Новгородѣ идола Перуна, и потомъ повелѣ его, увязавъ ужи, влещи въ рѣку Волховъ... *оттолѣ даже донынѣ, въ коеждо лѣто на томъ мосту люди собираются и раздѣлишася надвое, играюще, убиваются*“. П. С. Р. Л., II, 258. Профессора Бѣляевъ и Мрочекъ-Дроздовскій основательно усматриваютъ въ этомъ извѣстіи указаніе на кулачные бои, имѣвшіе значеніе религіознаго учрежденія въ честь браннаго бога Перуна.

хороводы, вечерницы и другія народныя игры, на которыхъ поются старинныя пѣсни съ упоминаніями Перуна, Купала, Лада и другихъ языческихъ боговъ. Отвлеченное понятіе Единаго Бога въ трехъ лицахъ и идеалы христіанской нравственности, олицетворенные въ представленіяхъ святыхъ отцовъ церкви, были недоступны новокрещенному народу, отождествлявшему Егоря Храбраго съ языческимъ Перуномъ, св. Власія съ языческимъ Волосомъ и продолжавшаго вѣрить въ существованіе множества боговъ своихъ отдаленныхъ предковъ: домовыхъ, лѣшихъ, водяныхъ, русалокъ, оборотней, вѣдьмъ и др.

Если же такъ живучи языческіе обычаи и вѣрованія, стоящіе въ рѣзкомъ противорѣчіи съ ученіемъ христіанской церкви, вѣдомству которой и суду уже первыми христіанскими князьями были переданы погребальные и семейные обычаи и народныя вѣрованія, то институты языческой системы права, стоявшіе въ меньшемъ противорѣчіи съ догматами христіанства, сохранялись еще упорнѣе въ русской народной жизни. Уже первый русскій лѣтописецъ христіанскаго времени признавалъ обычай судебнаго поединка противнымъ христіанству: «живуще скотски,—убиваху другъ друга», и тѣмъ не менѣе, обычай взаимнаго убійства—судебнаго поединка господствовалъ не только въ эпоху удѣльныхъ государствъ, какъ доказываютъ постановленія о немъ договоровъ съ Нѣмцами и народоправнаго законодательства, но и въ эпоху Судебниковъ Московскаго государства. Подобно судебному поединку, сохранялись въ удѣльную эпоху и всѣ другіе виды судебныхъ доказательствъ, наслѣдованные отъ процессуальнаго права эпохи племенныхъ княженій, какъ сохранялись и органы вѣчевого суда, дѣйствовавшаго не по писанному праву, а по старому, обычному, сохранявшемуся съ глубокой языческой давности до XVI и даже до XVII столѣтія. Точно также организація и дѣятельность, личныя и имущественныя права въ семейно-родовыхъ и территоріальныхъ общинахъ, обойденныхъ молчаніемъ въ уставахъ первыхъ христіанскихъ князей и вѣчевого законодательства, опредѣлялись обычнымъ правомъ, наслѣдованнымъ русскимъ народомъ христіанскаго времени отъ своихъ предковъ языческой эпохи [1]).

Слѣдовательно, по рецепціи христіанства надъ вѣками слагавшейся религіозною системой языческаго русскаго права стали новыя для русскаго народа религіозная система права христіанской церкви и система свѣтскаго законодательства христіанскаго времени. Но въ народной жизни новыя системы права боролись со старою, обычною

---

[1]) См. выше, гл. XVIII и XIX.

упорно и продолжительно; а въ этой борьбѣ измѣнялась народная религіозная и юридическая жизнь. Познаніе измѣненій этого рода въ юридической жизни русскаго народа составляетъ задачу науки исторіи русскаго права христіанскаго времени.

Номоканонъ и его рецепція въ Россіи.

Подобно всякому человѣческому обществу, христіанская церковь въ самомъ началѣ своего образованія имѣла свою систему права, кореннымъ основаніемъ которой служили заповѣди Іисуса Христа, записанныя его учениками. Со времени Константина Великаго въ Римской имперіи христіанская религія становится господствующею: язычество было воспрещено государствомъ, а іудейство только терпимо. Съ этого времени, подъ покровительствомъ свѣтской власти, христіанская церковь развиваетъ свою систему права посредствомъ правилъ святыхъ отцовъ и постановленій вселенскихъ и помѣстныхъ соборовъ. Свѣтская власть съ своей стороны, покровительствуя господствующей церкви, санкцировала постановленія церковной власти, придавала имъ значеніе государственныхъ законовъ, сама издавала законы въ пользу церкви и передавала ея вѣдомству и суду многія отношенія гражданской жизни [1]).

Съ развитіемъ и усложненіемъ правилъ христіанской церкви явилась потребность въ сборникахъ и систематизаціи такихъ правилъ: появились сначала хронологическіе сборники церковнаго права, а потомъ и систематическіе. Въ первые вѣка христіанства были составлены сборники заповѣдей и правилъ апостольскихъ, а потомъ и хронологическія собранія соборныхъ постановленій [2]).

Въ VI вѣкѣ, рядомъ съ хронологическими, появляются систематическіе сборники правилъ, изданныхъ церковною властью подъ именемъ *каноновъ*, и императорскихъ *законовъ* по церковнымъ дѣламъ.

---

[1]) Особенно дѣятельными законодателями по дѣламъ церкви были Византійскіе императоры Юстиніанъ I, Василій Македонянинъ и Левъ философъ.

[2]) Въ половинѣ V вѣка, во время Халкидонскаго собора (451 г.), существовалъ сборникъ церковныхъ законовъ, въ которомъ собраны были постановленія соборовъ: Никейскаго (325 г.), Анкирскаго (314 г.), Неокесарійскаго (314 г.), Гангрскаго (около 340 г.), Антіохійскаго (314 г.), Лаодикійскаго (между 344 и 381 г.) и Константинопольскаго перваго (381 г.). Послѣ Халкидонскаго собора къ этому сборнику были прибавлены постановленія этого собора и правила апостоловъ и св. отцовъ.

Тогда же появляются и своды законовъ духовной и свѣтской власти по церковнымъ дѣламъ подъ именемъ *Номоканоновъ*.

Древнѣйшее изъ сохранившихся собраній каноновъ было составлено Іоанномъ схоластикомъ, который, собравъ церковные каноны, систематически раздѣлилъ ихъ на 50 титуловъ (отдѣловъ) и помѣстилъ подъ каждымъ относящіяся къ нему правила. Іоаннъ схоластикъ составилъ и первый сборникъ постановленій свѣтской власти по церковнымъ дѣламъ, сдѣлавъ выборку изъ новеллъ Юстиніана и распредѣливъ выбранный матеріалъ въ 87 главъ. Іоанну схоластику приписываютъ и составленіе *перваго Номоканона въ 50 титулахъ*, подъ которыми изложены каноны и законы по церковнымъ дѣламъ, заимствованные большею частью изъ вышесказанныхъ собраній каноновъ и законовъ Іоанна схоластика. Почти одновременно съ первымъ Номоканономъ былъ составленъ неизвѣстнымъ лицомъ и второй *Номоканонъ въ 14 титулахъ*. Послѣдующее развитіе церковнаго законодательства въ теченіе VII, VIII и IX столѣтій вызвало появленіе *третьяго Номоканона, составленнаго въ 883 году Константинопольскимъ патріархомъ Фотіемъ*. Собранные каноны Фотій раздѣлилъ на 14 титуловъ, а титулы подраздѣлилъ на главы, подъ каждой изъ которыхъ были помѣщены каноны и законы по данному предмету. Номоканонъ Фотія пользовался у Грековъ величайшимъ уваженіемъ, служилъ руководствомъ въ практикѣ и подвергался въ послѣдующее время комментаріямъ многихъ ученыхъ (Іоаннъ Зонаръ, Ѳеодоръ Вальсамонъ, Алексій Аристинъ и др.).

Русскій князь Владиміръ Святославичъ, принимая отъ Грековъ христіанство, долженъ былъ принять и дѣйствовавшіе въ Византіи того времени Номоканоны, какъ системы правилъ христіанской жизни и необходимое руководство для рѣшенія церковныхъ дѣлъ. Первая часть Номоканоновъ, заключавшая въ себѣ собственно церковные законы—каноны была реципирована несомнѣнно въ самомъ началѣ основанія христіанской церкви въ Россіи. Первые пастыри русской церкви, пришедшіе въ Русь изъ Греціи и Болгаріи, принесли съ собою и Номоканоны, служившіе практическими руководствами въ восточной православной церкви. Русскій князь Владиміръ равноапостольный, побуждаемый необходимостью примирить языческое право русскаго народа съ догматами христіанской религіи, часто совѣщался «съ епископы, новыми отцы нашими, како въ человѣцѣхъ сихъ, новопознавшихъ Бога, законъ уставити» [1]).

Епископы, показывая русскимъ князьямъ греческія книги, содержавшія въ себѣ религіозныя и юридическія правила христіанской жизни,

---

[1]) М. Иларіона: Похв. кн. Влад.; въ прибавл. къ Творен. св. отцовъ, II, 377.

убѣждали въ пользѣ знакомства съ ихъ содержаніемъ: «Аще бо поищеши въ книгахъ мудрости прилежно», говорили они, «то обрящеши великую пользу души своей» [1]), и русскій князь, «любя церковные уставы, книгамъ прилежа, и почитая е часто, въ нощи и въ дне, и собра писцѣ многы, и прекладаше отъ Грекъ на словеньское писмо, и списаша книгы многы, и сниска, ими же поучащеся вѣрніи людье» [2]). Въ числѣ многихъ книгъ, изысканныхъ и переведенныхъ при первыхъ христіанскихъ князьяхъ Рюрикова дома, былъ несомнѣнно и греческій Номоканонъ [3]).

Первые русскіе христіанскіе князья положили греческіе Номоканоны въ основу своей уставной дѣятельности по дѣламъ церковнымъ, а частью и по дѣламъ гражданскимъ: «Разверзше грецкій Номоканонъ и обрѣтохомъ въ немъ, оже не подобаетъ сихъ судовъ и тяжъ князю судити, ни боярамъ его, ни судьямъ...—князь Владимиръ далъ ты суды церквамъ, митрополиту и всѣмъ епископамъ по русской земли»; князь Ярославъ Владимировичъ, «по данью отца своего, сгадалъ есми съ митрополитомъ съ Ларіономъ, сложилъ есми съ греческимъ Номоканономъ... далъ есмь митрополитомъ и епископомъ тѣ суды, что писаны въ правилѣхъ, въ Номоканонѣ, по всѣмъ городамъ и по всей области, гдѣ крестьянство есть». Князь Всеволодъ-Гавріилъ «обрѣтохъ въ греческомъ Номоканонѣ, что сихъ судовъ и тяжъ не судити князю... а то все приказахъ епископу управливати, а смотря въ Номоканонъ» [4]). Согласно съ уставами первыхъ христіанскихъ князей Рюрикова дома, первая статья новгородскаго вѣчевого законодательства содержитъ въ себѣ слѣдующее постановленіе: «судити судъ святительскій по святыхъ отецъ правилу, по Номоканону» [5]).

Слѣдовательно, вмѣстѣ съ христіанствомъ несомнѣнно была принята въ Россіи каноническая часть греческаго Номоканона, служившая обязательнымъ руководствомъ для судей во всѣхъ дѣлахъ, подсудныхъ митрополиту и епископамъ.

---

[1]) П. С. Р. Л., I, 66.

[2]) Тамъ же, 65.

[3]) По этому вопросу см. изслѣдованіе А. Павлова, Первоначальный славянорусскій Номоканонъ. Казань, 1869 г.

[4]) См. вступленія церковныхъ уставовъ кн. Владимира, Ярослава и Всеволода-Гавріила. „Пособіе“, стр. 86, 88.

[5]) Христ. Влад.-Буданова; I, стр. 185.

Кормчія книги.

Сборники церковнаго права, рецепированнаго и русскаго происхожденія, назывались Кормчими книгами [1]).

Древнія Кормчія книги сохранились до нашего времени во множествѣ списковъ, имѣющихъ различный составъ. Нѣкоторые списки представляютъ собою только переводы на славянскій языкъ полныхъ и сокращенныхъ греческихъ Номоканоновъ; другіе списки содержатъ въ себѣ каноны и законы греческаго происхожденія, дополненные уставами русскихъ князей и соборными постановленіями русской церкви; въ нѣкоторыхъ спискахъ, рядомъ съ памятниками церковнаго права, содержатся памятники древнерусскаго свѣтскаго права и сокращенные сборники свѣтскаго византійскаго права [2]), а иногда и литературныя произведенія, не имѣющія отношенія ни къ церковному, ни къ свѣтскому законодательству.

Составляя сборники церковнаго права, духовенство заносило въ

---

[1]) Это названіе произошло оттого, что св. отцы (Василій Великій, Іоаннъ Златоустъ и др.) въ своихъ посланіяхъ сравниваютъ церковь съ кораблемъ, плывущимъ по морю и обуреваемымъ волнами, а правила христіанской жизни служатъ ему спасительнымъ кормиломъ. Иногда въ заголовкѣ старыхъ Кормчихъ книгъ встрѣчается изображеніе корабля, обуреваемаго волнами, и стоящаго у кормы Спасителя. На старыхъ Кормчихъ встрѣчается слѣдующее заглавіе: „книга глаголемая греческимъ языкомъ закону правило“, а въ концѣ книги говорится, что это Кормчая книга.

[2]) Къ послѣднимъ принадлежатъ: 1) переводъ руководства, извѣстнаго подъ именемъ „Эклоги“ Льва (Исаврянина) и Константина (Копронима), составленнаго въ 741 году, содержащаго въ себѣ постановленія гражданскаго права (о бракѣ, опекѣ, наслѣдованіи, договорахъ и пр.) и уголовнаго права (о преступленіяхъ и наказаніяхъ); 2) переводъ руководства, извѣстнаго подъ именемъ „Прохирона“, а въ славянскомъ переводѣ — „Градскаго закона“, составленнаго въ 870 году, по распоряженію императора Василія Македонянина, съ цѣлью исправленія и дополненія предыдущаго учебника; 3) переводъ „Устава о земскихъ дѣлахъ“, составленнаго въ эпоху императоровъ-иконоборцевъ и содержащаго преимущественно постановленія о наймѣ рабочихъ и отношеніяхъ нанимаемыхъ къ нанимателямъ; 4) „Судный“ законъ людямъ, приписываемый въ Кормчихъ книгахъ Константину Великому, но въ дѣйствительности представляющій собою сборникъ, составленный въ неизвѣстное время.

нихъ и свѣтское русское законодательство, въ виду необходимой потребности ближайшаго знакомства съ его содержаніемъ, потому что духовенство владѣло множествомъ вотчинъ, въ которыхъ пользовалось, на основаніи княжескихъ жалованныхъ грамотъ, обширными правами по управленію и суду, судило собственною властью по свѣтскимъ дѣламъ свѣтскихъ лицъ, жившихъ въ его вотчинахъ, руководствуясь общими нормами права свѣтскаго законодательства. Духовенство должно было знакомиться съ содержаніемъ свѣтскаго законодательства также ради частыхъ случаевъ суда смѣстнаго или общаго, когда въ одномъ судѣ смѣшивалась подсудность церковныхъ и гражданскихъ дѣлъ, а также ради третейскаго суда, когда лица, неподсудныя церковной власти, избирали духовныхъ лицъ посредниками въ своихъ тяжбахъ. При посредствѣ Кормчихъ книгъ сохранились до нашего времени древнѣйшіе памятники уставной дѣятельности русскихъ князей [1]).

Свѣтское законодательство византійскихъ императоровъ русское духовенство заносило въ Кормчія книги съ цѣлью пропаганды въ Россіи новыхъ нормъ гражданскихъ отношеній, свойственныхъ христіанскому народу. Благодаря пропагандѣ духовенства, говорившаго уже князю Владиміру Равноапостольному: «ты поставленъ еси отъ Бога на казнь злымъ, а добрымъ на милованье, достоитъ ти казнити разбойниковъ», нормы свѣтскаго византійскаго права проникали въ жизнь и получали санкцію въ законодательныхъ актахъ. Въ Русской Правдѣ и Судебникахъ замѣчаются слѣды заимствованія изъ свѣтскаго законодательства Византіи, вошедшаго въ Кормчія книги [2]); а подлинный свитокъ Уложенія 1649 г. содержитъ въ себѣ прямыя указанія на заимствованія цѣлыхъ статей изъ «градскихъ законовъ» Кормчей книги. Въ нѣкоторыхъ новоуказныхъ статьяхъ встрѣчаются ссылки на гражданскіе законы, какъ на источники дѣйствующаго права [3]). Слѣдовательно, Кормчія

---

[1]) См. Калачова: О знач. Кормчихъ книгъ, стр. 5—8, 34, 48 и др.: Неволина: Полн. собр. соч., стр. 322, 323, 324 и др.

[2]) Ср. Русскую Правду по Карамзинскому сп. ст. 132, 133,—Эклогу по печат. Кормчей, гл. 49, заг. 16, Прохиронъ, тамъ же, гл. 48, гр. 39, ст. 55.

[3]) См. Полное Собр. Зак. Рос. Имп., т. I, № 441, ст. 28, 34, 44, 67, 79 и др. № 527: „и тѣмъ приводнымъ людемъ... указъ чинить въ тѣхъ городѣхъ воеводамъ и сыщикамъ и губнымъ старостамъ по Уложенію и по градскимъ законамъ и по новымъ статьямъ, кто чего доведется“. Въ письмѣ митрополита Геронтія къ новгородскому архіепископу Геннадію конца XV вѣка, относительно лицъ, прикосновенныхъ

книги, какъ сборники церковнаго и свѣтскаго права, имѣли важное значеніе въ юридической жизни русскаго народа и служили однимъ изъ важнѣйшихъ источниковъ русскаго права христіанской эпохи [1]).

къ ереси жидовствующихъ, говорится слѣдующее: „а не покаются, и ты ихъ пошли къ намѣстникамъ великаго князя, и они ихъ тамо велятъ казнить градскою казнью, по великаго князя наказу, какъ писано въ царскихъ правилахъ“ (т.-е. въ законахъ византійскихъ императоровъ); далѣе говорится про виновныхъ вообще: „которые дойдутъ духовные казни, и ты ихъ духовне казни; а которые дойдутъ градскіе казни, ино тѣхъ намѣстники казнятъ“. Карамзинъ, Ист. Госуд. Рос., т. IV, прим. 324. Сохранилось указаніе, что царь Алексѣй Михайловичъ по дѣламъ, не рѣшеннымъ Уложеніемъ 1649 года, приказалъ сдѣлать выписки изъ помѣщенныхъ въ Кормчей книгѣ законовъ византійскихъ и въ 1654 году приказалъ разослать ихъ по областямъ, какъ руководство воеводамъ при отправленіи ими правосудія. Баронъ Розенкампфъ, Обозр. Кормчей книги, стр. 106.

[1]) Литературныя пособія по изученію памятниковъ церковнаго и византійскаго права, принятаго въ Россіи:

Biener, De collectionibus canonum ecclesiae. 1827.

Баронъ Розенкампфъ, Обозрѣніе Кормчей книги. Первое изданіе 1829 г., второе—1839 г.

Неволинъ: 1) „О собраніяхъ и ученой обработкѣ церковныхъ законовъ въ Греціи и Россіи“, 2) „О пространствѣ церковнаго суда въ Россіи до Петра Великаго“. Оба изслѣдованія помѣщены въ Полн. Собраніи Соч., т. VI.

Калачовъ, О значеніи Кормчей книги въ системѣ древняго русскаго права. 1850 г.

А. Павлова: 1) Книги законныя, содержащія въ себѣ въ древнерусскомъ переводѣ византійскіе законы (1885 г.); 2) Первоначальный славяно-русскій Номоканонъ (1869 г.); Номоканонъ при Большмоъ Требникѣ (1897 г.).

Н. С. Суворовъ, Учебникъ церковнаго права (изд. второе 1902 г.); главы о Номоканонѣ и Корм. кн.

ГЛАВА XXI.

Органы законодательной власти въ Русской землѣ эпохи удѣльныхъ государствъ. Словесные уставы первыхъ князей Рюриковичей. Классификація письменныхъ памятниковъ права удѣльной эпохи.

Въ племенныхъ княженіяхъ всѣхъ народовъ, осѣдлыхъ и кочевыхъ, верховными органами государственной власти служатъ народныя собранія, издающія общеобязательныя распоряженія — законы и избирающія своихъ администраторовъ и судей. Такими же *законодательными органами были вѣча старѣйшихъ городовъ въ племенныхъ княженіяхъ* русскихъ Славянъ до времени завоевательнаго ихъ объединенія въ Русской землѣ, подвластной кіевскимъ князьямъ Рюрикова рода. Вѣча старѣйшихъ городовъ, по выраженію лѣтописца, «творили сами собѣ законы», «Новгородци бо изначала, и Смолняне, и Кыяне, и Полочане, и вся власти якоже на думу на вѣча сходятся, на что же старѣйшіи сдумають, на томъ же пригороди станутъ» [1]).

При *первыхъ князьяхъ Рюриковичахъ*, обложившихъ покоренныя племена данью, какъ своихъ подданныхъ, *законодательная власть была сосредоточена въ лицѣ кіевскаго великаго князя*, издававшаго обще-обязательные для Русской земли уставы, сначала въ словесной формѣ, а со времени княженія Руси при Владимирѣ Святославичѣ и формѣ письменной. По раздѣленіи Русской земли между размножившимися потомками Владимира Святославича общеобязательные для Русской земли *законы были проектируемы общими законодательными съѣздами* князей Рюриковичей и ихъ мужей [2]), и санкцированы Кіевскимъ великимъ княземъ. Со смертью Владимира Мономаха общіе съѣзды князей Рюриковичей прекращаются; родовыя княжества обособляются въ самостоятельныя государства; *въ каждомъ удѣльномъ княжествѣ появляются мѣстные княжескіе уставы* по церковнымъ и мірскимъ дѣламъ, дополняющіе и развивающіе соотвѣтственно мѣстнымъ потребностямъ уставы по церковнымъ и мірскимъ дѣламъ своихъ родоначальниковъ, первыхъ христіанскихъ князей Рюрикова рода,—Владимира Святославича и Ярослава Владимировича. Новый періодъ появленія общихъ законовъ русской земли начинается временемъ Ивана Васильевича III-го, великаго князя Московскаго,—изданіемъ Судебника 1497 года.

---

[1]) П. С. Р. Л., стр. 160.

[2]) См. ниже Русскую Правду.

Исключеніемъ были новгородское народоправство и выдѣлившіяся изъ него народоправства Псковское и Вятское.

По лѣтописи князь Ярославъ Владимировичъ въ 1021 году, наградивъ денежно Новгородцевъ, помогшихъ ему побѣдить Святополка, «далъ Новгородцамъ правду и уставъ, списавъ грамоту, и рече: по сему ходите и держите, якоже списахъ вамъ» [1]); по смерти же Мстислава «прія всю власть его великій князь Ярославъ и бысть *самовластецъ* въ Руси» [2]); а въ значеніи «самовластца» Ярославъ въ 1034 году далъ Новгородцамъ новую грамоту, о которой въ лѣтописи говорится: «иде великій князь Ярославъ въ Новгородъ... и людемъ написа грамоту, рекъ: «по сей грамотѣ дадите дань» [3]). Изъ послѣдующихъ лѣтописныхъ извѣстій и изъ договоровъ Новгорода съ князьями видно, что грамоты Ярослава опредѣлили не только финансовыя отношенія Новгорода къ Кіевскому князю, но и льготы политическія, предоставивъ Новгородцамъ право свободнаго избранія князя между потомками Ярослава. Оправдывая войну Андрея Боголюбскаго противъ Новгорода и произведенное имъ разореніе новгородскихъ волостей, лѣтописецъ говоритъ: «не глаголемъ же прави суть Новгородцы, яко *издавна суть свобожены прадѣды князь нашихъ*; но злое невѣрствіе въ нихъ вкоренилося: крестъ къ князьямъ переступати и князь внуки и правнуки обезчествовати и соромляти, крестъ честный къ нимъ цѣловавши, переступати,—то доколѣ Господеви терпѣти надъ ними? За грѣхи навелъ и наказа по достоянію рукою благовѣрнаго князя Андрея» [4]). Лѣтописецъ обвиняетъ Новгородцевъ только за нарушеніе договоровъ съ князьями; право же Новгорода заключать договоры съ князьями является безспорнымъ, а основаніе этого права возводится къ волѣ прапрадѣда Андрея Боголюбскаго, то есть, ко времени Ярослава Владимировича. Въ древнѣйшемъ изъ сохранившихся до насъ договоровъ Новгорода съ князьями говорится: «на семъ, княже, цѣлуй крестъ ко всему Новгороду, на цѣмъ то цѣловали *дѣды и отцы... тако княже, господине, пошло отъ дѣдъ и отъ отецъ отъ твоихъ и отъ нашихъ*» [5]). Когда суздальскіе князья стали вмѣшиваться въ избраніе Новгородцами своихъ князей, то Новгородцы заявили о томъ приднѣпровскому княжескому съѣзду 1196 г., который подтвердилъ давнее право свободнаго избранія князя Новгородцами по своей волѣ: «а Новгородъ выложиша

---

[1]) П. С. Р. Л., XV, стр. 142.
[2]) Тамъ же, стр. 146.
[3]) Тамъ же.
[4]) П. С. Р. Л., II, стр. 105.
[5]) Собр. Гос. Гр. и Дог., I. № 1.

вси князи въ свободу, гдѣ имъ любо, туто собѣ князя поимають» [1]). Потомки Ярослава Владимировича, Владимиръ Мономахъ, Изяславъ Ростиславичъ, Мстиславъ Храбрый и Мстиславъ Удалой, прославившіеся справедливостью, являются постоянно защитниками новгородской свободы и права Новгородцевъ избирать князя по своей волѣ, вооружаются за посягательство на это право противъ своихъ родственниковъ, даже родныхъ дядей[2]), такъ какъ свободное избраніе князя Новгородцами основывалось на волѣ еще старшаго родственника, ихъ родоначальника, давшаго Новгородцамъ законъ, обязательный для всѣхъ его потомковъ. Факты преемства княжеской власти по смерти Ярослава въ Новгородѣ доказываютъ, что здѣсь воля народа была единственнымъ законнымъ основаніемъ преемства княжеской власти [3]).

Новгородская земля, опираясь на льготы, данныя родоначальникомъ князей, господствовавшихъ надъ Русскою землею, *сохранила древнее вѣчевое устройство, право избранія своихъ князей* изъ потомковъ Ярослава Владимировича и право *изданія мѣстныхъ вѣчевыхъ законовъ* на основѣ церковныхъ уставовъ и Русской Правды, данныхъ родоначальниками князей Русской земли.

Слѣдовательно, въ княжествахъ Русской земли эпохи удѣльныхъ государствъ органами законодательной власти были князья Рюрикова рода, потомки завоевателя племенныхъ княженій, а въ Новгородѣ, Псковѣ и Вяткѣ народное вѣче [4]).

Въ Россіи эпохи удѣльныхъ государствъ не было правительственныхъ центральныхъ учрежденій, именуемыхъ въ московскомъ царствѣ «приказами», въ XVIII вѣкѣ «коллегіями», а въ XIX вѣкѣ «министерствами»; *князья Рюриковичи были органами верховной и центральной государственной власти*, непосредственно вѣдали государственные доходы, военную и дворцовую службу, лично судили своихъ служилыхъ людей и народонаселеніе своихъ столицъ.

Въ поученіи Мономаха правительственная дѣятельность князя Рюриковича характеризуется слѣдующими выраженіями: «Не зрите на тивуна, ни на отрока... На войну вышедъ, не лѣнитеся, не зрите на воеводы, и сторожѣ сами наряживайте... Куда же ходяще

---

[1]) П. С. Р. Л., т. XV, стр. 286.

[2]) Тамъ же; т. II, стр. 40; IV, стр. 20.

[3]) См. П. С. Р. Л., томы: I, II, III,—годы: 1064, 1093, 1102, 1125, 1136, 1138, 1140, 1142, 1154, 1158, 1161, 1162, 1168, 1170, 1174, 1177, 1178, 1180, 1181, 1184, 1196.

[4]) См. ниже стр. 233, 238—240 и дополненіе № XVI: теорія двоевластія въ древней Руси и ея критика.

путемъ по своимъ землямъ, не дайте пакости дѣяти отрокомъ, ни своимъ, ни чюжимъ, ни въ селѣхъ, ни въ житѣхъ... Да не застанетъ васъ солнце на постели; заутренюю отдавше Богови хвалу... и *сѣдши думати съ дружиною, или люди оправливати... Еже было творити отроку моему, то самъ есть творилъ дѣла, на посадники не зря, ни на бирючи, самъ творилъ, что было надобѣ, весь нгрядъ*» [1]).

Управленіе и судъ по церковнымъ дѣламъ, согласно правиламъ Номоканона, уставами первыхъ христіанскихъ князей были переданы вѣдѣнію митрополита и епископовъ; *а управленіе и судъ по мірскимъ дѣламъ въ областныхъ городахъ князья поручали своимъ посадникамъ или намѣстникамъ*, сидѣвшимъ во всѣхъ русскихъ городахъ: по церковному уставу князя Владимира во всѣхъ городахъ, погостахъ и слободахъ князья и княжескіе намѣстники и тіуны судили всѣ дѣла, не переданныя княжескимъ уставомъ вѣдѣнію и суду церкви [2]); по Р. Правдѣ князь судитъ лично дѣла своихъ людей: «конюхъ старый у стада 80 гривенъ, *яко уставилъ Изяславъ въ своемъ конюсѣ, его же убилъ Дорогобудьци*» [3]); въ каждомъ городѣ былъ княжескій посадникъ или намѣстникъ съ состоявшими при немъ отроками: «Аже кто своего холопа самъ досочиться *въ чьемъ любо городѣ, а будетъ посадникъ* (Кар. сп. намѣстникъ) *не вѣдалъ его, то, повѣдавше ему, пояти же ему отрокъ отъ него* и шедше увязати и» [4]); по лѣтописи: въ 1096 году князь Олегъ Святославичъ «перея всю землю Муромску и Ростовску, и *посажа посадники по городамъ* [5]); въ 1176 году «сѣдящема Ростиславичема въ княженьи земли Ростовьскыя, *роздаяла бяста по городамъ посадничество* русьскымъ дѣтьцкимъ; *они же многу тяготу людемъ симъ створиша продажами и вирами*» [6]).

Въ X—XII столѣтіяхъ *управленіе и судъ князей и намѣстниковъ производились посредствомъ словесныхъ распоряженій и рѣшеній*, свидѣтелями и исполнителями которыхъ были при князѣ дворцовые бояре, составлявшіе княжескую думу, и княжіе мужи, составлявшіе княжескую дружину; а при намѣстникахъ—служилые люди намѣстниковъ, — ихъ тіуны, отроки, дворяне, и выборные старосты, сотскіе и добрые люди, долженствовавшіе, по древнему выраженію, «въ судѣ сидѣти и правду сгеречи».

---

[1]) П. С. Р. Л., I, 102—105.

[2]) Доп. къ Акт. Ист.; т. I, № 1.

[3]) Акад. сп. ст. 21. Сп. Тр. Ст. 36.

[4]) Тамъ же, сп. Тр., ст. 108; сп. кар. ст. 125.

[5]) П. С. Р. Л., I, 108.

[6]) Тамъ же, стр. 159.

Когда между верховнымъ органомъ государственной власти и мѣстными правителями и судьями не существуетъ посредствующаго центральнаго правительственнаго органа, тогда *всякое распоряженіе и всякое судебное рѣшеніе верховнаго органа государственной власти имѣетъ значеніе устава—закона*; а потому словесныя распоряженія всякаго рода и судебныя рѣшенія князей Рюриковичей, сохранившіяся въ древнѣйшихъ памятникахъ русской письменности, именуются уставами: князь Олегъ «*устави дани* Словѣномъ, и Кривичемъ, и Мерямъ; *и устави* Варягомъ дань даяти отъ Новагорода 300 гривенъ на лѣто» [1]); княгиня Ольга «иде по Деревской земли съ сыномъ своимъ и съ дружиною своею, *уставляюще уставы и уроки... устави* по Мстѣ погосты и дань, и по Лузѣ погосты, и дань, и оброки» [2]); «Володимеръ, любя дружину, и съ ними думая о строи землянемъ, и о ратехъ, *и уставъ землянемъ*» [3]); «конюхъ старый у стада 80 гривенъ, яко *уставилъ Изяславъ въ своемъ конюсѣ, его же убилъ Дорогобудьци* [4]) «аже холопъ ударитъ свободнаго мужа... то *Ярославъ былъ уставилъ убити и, но сынове его по отци уставиша на куны*» [5]). И т. д.

До времени введенія письменнаго княжескаго и намѣстническаго дѣлопроизводства *правительственныя распоряженія и судебныя рѣшенія*, устанавливавшія права для однихъ лицъ и обязанности для другихъ, какъ и въ эпоху племенныхъ княженій, *хранились устнымъ народнымъ преданіемъ*. Подобно племеннымъ, удѣльныя княженія «имяху обычаи свои, и законъ отецъ и преданья, кождо свой нравъ», потому что всѣ они имѣли своихъ князей и намѣстниковъ, своихъ отцовъ и дѣдовъ, посредствомъ которыхъ «творили сами собѣ законъ», устанавливавшій юридическій порядокъ общественной жизни, единственнымъ хранилищемъ котораго было свидѣтельство непосредственныхъ «послуховъ» данныхъ правительственныхъ распоряженій и судебныхъ рѣшеній, или знавшихъ содержаніе ихъ со словъ отцовъ и дѣдовъ.

Всегда и вездѣ, у всѣхъ древнихъ и новыхъ народовъ, при господствѣ устнаго правительственнаго устава, хранимаго не писаннымъ закономъ, а устнымъ преданіемъ, *управленіе и судъ публичны*. Правительство и общество заинтересованы въ томъ, чтобы законодательныя, административныя и судебныя рѣшенія, творившія и охранявшія юридическій порядокъ въ государствѣ, были извѣстны воз-

---

[1]) „Пособіе“, стр. 18.
[2]) Тамъ же, с. 34.
[3]) Тамъ же, стр. 51.
[4]) Тамъ же, стр. 71.
[5]) Тамъ же, с. 79.

можно большему количеству гражданъ; а потому, при отсутствіи письменныхъ актовъ удостовѣренія и укрѣпленія правъ и обязанностей, управленіе и судъ требовали публичности. По Р. Правдѣ: если поймаютъ вора ночью, то утромъ должно «вести его на княжь дворъ» (Тр., сп. ст. 38). Какъ въ каждомъ городѣ Московскаго царства, была канцелярская «*изба*» въ значеніи центра намѣстническаго и воеводскаго управленія и суда, такъ и въ эпоху Р. Правды въ каждомъ городѣ былъ княжій «*дворъ*» въ значеніи такого же центра, но публичнаго, а не закрытаго, канцелярскаго. Каждый гражданинъ имѣлъ право быть свидѣтелемъ княжескаго и намѣстническаго дѣлопроизводства, а для служилыхъ бояръ, княжихъ мужей, дѣтей боярскихъ и отроковъ, для дворянъ княжескихъ и намѣстническихъ, это была служебная обязанность, имѣвшая своею цѣлью не только охрану безопасности князей и намѣстниковъ и подачу совѣта, когда онъ потребуется, но и свидѣтельство о состоявшихся правительственныхъ рѣшеніяхъ. О публичности правительственной дѣятельности первыхъ князей Рюриковичей свидѣтельствуютъ лѣтописи и древнѣйшіе княжескіе уставы, сохранившіеся въ письменной формѣ. Князь Владиміръ Святославичъ издавалъ свои уставы по церковнымъ и мірскимъ дѣламъ при посредствѣ совѣщаній съ епископами, боярами, дружиною, старостами, соцкими, десяцкими и людьми градскими [1]). Князь Ростиславъ Смоленскій издалъ свой уставъ 1150 года «сдумавъ съ людми своими» [2]). Въ грамотѣ Рязанскаго князя 1356—1387 г.г. говорится: «Азъ князь великій Олегъ Ивановичь, сгадавъ есмь съ своимъ отцемъ съ Владыкою съ Васильемъ, *и съ своими бояры,—а бояре со мною были*: Софоній Алтыкулачевичъ, Семенъ Ѳедоровичь, Микита Аньдрѣевичь, Тимошь Олександровичь, Манасѣя дядько, Юрьи околничий, Юрьи чашьникъ, Семенъ Микитьичь съ братьею, Павелъ Соробичь,—далъ есмь отцю своему Арсенью монастырь Святой Богородици на Ольговѣ въ свободь до его живота... а далъ есмь Святой Богородици дому Арестовское село»... Въ той же грамотѣ содержится слѣдующее указаніе: «Коли ставили по первыхъ прадѣди наши Святую Богородицу князь великий Инъгваръ, Князь Олегъ, Князь Юрьи, *а съ ними бояръ 300, а мужій 600*, тогды дали Святой Богородици дому 9 земль бортныхъ, а 5 погостовъ»... [3]) Во второй половинѣ XIV вѣка уже достаточно было присутствія немногихъ бояръ изъ княжеской дворни при такомъ актѣ, для котораго при предкахъ Рязанскаго великаго князя Олега Ивановича, въ первой половинѣ XIII в., требовалось

[1]) П. С. Р. Л., I, с. 54.

[2]) Доп. къ Акт. Ист.; I, № 4, с. 5.

[3]) Акт. Истор.; т. I, № 2.

присутствіе многихъ сотенъ княжескихъ бояръ и мужей. Но и въ XIV вѣкѣ управленіе и судъ старостъ сельскихъ общинъ, сохранявшихъ старый порядокъ словеснаго дѣлопроизводства, требовали присутствія сотенъ «сходатаевъ», какъ доказываютъ архивные акты, открытые и опубликованные проф. Иванишевымъ [1]).

Въ XI—XIII столѣтіяхъ словесное дѣлопроизводство правительственныхъ учрежденій древней Руси постепенно смѣняется канцелярскимъ, письменнымъ; а вмѣстѣ съ тѣмъ, *публичное управленіе и публичный судъ уступаютъ мѣсто закрытымъ*. Судъ производится уже при закрытыхъ дверяхъ, въ одринахъ, клѣтяхъ и избахъ, входъ въ которыя постороннимъ лицамъ воспрещается. Въ XIV и XV столѣтіяхъ даже въ Новгородѣ и Псковѣ, гдѣ старыя формы дѣлопроизводства сохранялись долѣе, нежели въ удѣльныхъ княжествахъ древней Руси, законъ воспрещаетъ входъ постороннимъ лицамъ въ закрытыя помѣщенія правительственнаго управленія и суда, охраняемыя особыми чиновниками; въ камеры суда дозволяется входить уже только лицамъ, непосредственно заинтересованнымъ въ дѣлахъ, подлежащихъ обсужденію и рѣшенію органовъ правительственной власти [2]).

По мѣрѣ замѣны словеснаго и публичнаго дѣлопроизводства письменнымъ и закрытымъ, канцелярскимъ, *княжескіе уставы получаютъ форму письменныхъ актовъ, именуемыхъ грамотами* уставными, докончальными, данными, жалованными, судными, правыми, безсудными, духовными, наказными, таможенными и др.

Въ письменной формѣ появляются сначала международные трак-

---

[1]) См. выше, с. 131.

[2]) По Псковской судной грамотѣ: „А на судъ помочью не ходити; лѣзти въ судебницу двѣма сутяжникома, а пособниковъ бы не было ни съ одной стороны, опричь жонки, или за детину, или за черньца, или за черницу, или которой человѣкъ старъ велми, или глухъ, ино за тѣхъ пособнику быти; а хто опрочь—не иметъ помогать; или силою въ судебню полѣзетъ, или подверника ударитъ, ино всадити его въ дыбу да взять на немъ князю рубль, а подверникомъ 10 денегъ“ (с. 58). По Новгородской судной грамотѣ: „А истцю на истца наводки не наводить, ни на посадника, ни на тысецкого, ни на владычня намѣстника, ни на иныхъ судей, ни на докладчиковъ. А кто наведетъ наводку на посадника, или на тысетцкого, или на владычня намѣстника, или на иныхъ судей, или на докладчиковъ, или истецъ на истца у суда, или у доклада, или у поля, ино взять великимъ княземъ и Великому Новугороду на виноватомъ на бояринѣ 50 рублевъ, а на житьемъ дватцять рублевъ, а на молодшемъ десять рублевъ за наводку; а истцю убытки подойметъ“ (ст. 6).

таты (съ X в.), затѣмъ княжескіе уставы по церковнымъ дѣламъ и своды княжескихъ словесныхъ уставовъ по мірскимъ дѣламъ, составленные спеціальными законодательными Комиссіями, состоявшими изъ князей и княжихъ мужей, и утвержденные великими князьями (въ XI и XII в.в.); а въ XII—XIV в.в. въ формѣ грамотъ издаются княжескіе и вѣчевые уставы по всѣмъ сферамъ законодательства, управленія и суда.

Сохранившіеся памятники русскаго права эпохи удѣльныхъ государствъ представляютъ слѣдующія группы.

I. Княжескіе уставы по церковнымъ дѣламъ.

II. Княжескіе уставы по мірскимъ дѣламъ въ формѣ сводовъ, именуемыхъ Русскою Правдою краткой и пространной редакціи.

III. Памятники въ формѣ грамотъ международнаго договорнаго законодательства.

IV. Памятники въ формѣ грамотъ княжескаго внутренняго законодательства по мірскимъ дѣламъ.

V. Своды и отдѣльные акты вѣчевого законодательства.

VI. Акты дѣлопроизводства правительственныхъ учрежденій по административнымъ и судебнымъ дѣламъ и юридическіе акты частныхъ лицъ, сохранившіеся въ правительственныхъ и частныхъ архивахъ.

ГЛАВА XXII.

Уставы по церковнымъ дѣламъ князей Владимира, Ярослава, Всеволода-Гавріила, Святослава и Ростислава [1]).

Уставъ князя Владимира.

На еженедѣльныхъ собраніяхъ князя Владимира, состоявшихъ изъ бояръ, гридей, соцкихъ, десяцкихъ и нарочитыхъ мужей [2]), на совѣщаніяхъ съ дружиною по дѣламъ земскаго строя и земскаго устава [3]) и на совѣщаніяхъ съ епископами о томъ, «како уставити

---

[1]) Литературу и изданія церковныхъ уставовъ см. въ Христоматіи Владимірскаго-Буданова, вып. I.

[2]) „Людемъ своимъ по вся недѣля устави на дворѣ въ гридницѣ пиръ творити и приходити боляромъ, и гридомъ, и соцкимъ, и десяцкимъ, и нарочитымъ мужемъ“. П. С. Р. Л., I, 54.

[3]) „Бѣ бо Володимеръ любя дружину и съ ними думая о строи земленѣмъ, и о ратехъ, и уставѣ земленѣмъ“. Тамъ же.

законъ среди людей новопознавшихъ Бога» [1]), главнымъ предметомъ разсужденій несомнѣнно была новая религія и ея отношеніе къ старому гражданскому строю общества. На такихъ совѣщаніяхъ выяснилась необходимость опредѣлить отношеніе христіанской церкви къ русскому государству краткимъ закономъ, основаннымъ на Номоканонѣ, легко доступномъ для пониманія и усвоенія новокрещенными Россіянами. Такой потребности долженъ былъ удовлетворить законъ князя Владимира, сохранившійся во многихъ спискахъ, подъ заглавіемъ: «Уставъ св. князя Володимира о десятинѣ и церковныхъ судахъ».

Древнѣйшіе изъ дошедшихъ до насъ списковъ Устава Владимира относятся къ послѣдней четверти XIII вѣка. По объему своего содержанія списки раздѣляются на двѣ редакціи, краткую и пространную. Образцомъ списковъ краткой редакціи служитъ списокъ, открытый митрополитомъ Евгеніемъ въ рукописной Кормчей книгѣ новгородской Софійской библіотеки [2]).

Содержаніе Устава Владимира по краткой редакціи состоитъ въ слѣдующемъ:

«Я князь Владимиръ построилъ церковь св. Богородицы въ Кіевѣ и далъ этой церкви десятину по всей русской землѣ, во всѣхъ городахъ. А потомъ, развернувъ греческій Номоканонъ, я нашелъ въ немъ съ моею княгинею Анною и моими дѣтьми, что нижеслѣдующихъ судовъ не подобаетъ судить ни князьямъ, ни боярамъ и судьямъ ихъ, а потому отдалъ эти суды церквамъ по всѣмъ епископствамъ русской земли. Съ этого времени мои дѣти, внуки и всѣ родственники, во всѣ времена, не должны вступаться въ суды церковные, въ люди церковные и во все то, что отдано мною церкви по всѣмъ городамъ, погостамъ и слободамъ, населеннымъ христіанами. Слѣдующія дѣла подлежатъ суду церкви: брачный разводъ, прелюбодѣяніе, тяжбы между мужемъ и женою за имущество, браки въ близкихъ степеняхъ родства или свойства, чародѣйство, приготовленіе и употребленіе волшебныхъ или вредныхъ травъ, словесные попреки распутствомъ, волшебствомъ и еретичествомъ, «зубояжа» —укушеніе (?), побои родителей дѣтьми, тяжбы между братьями

---

[1]) Твор. св. отцовъ, II, 277. Похвала князю Владимиру митр. Иларіона.

[2]) Этотъ списокъ напечатанъ въ прибавленіи къ сочиненію митроп. Евгенія, подъ заглавіемъ: „Описаніе Кіево-Софійскаго собора и Кіевской іерархіи“, а оттуда перепечатанъ въ Христоматіи Владимірскаго-Буданова (вып. I), съ подстрочными примѣчаніями, въ которыхъ, между прочимъ, приведены дополненія и варіанты, взятые изъ Устава Владимира по пространной редакціи. См. „Пособіе“, стр. 85—88.

о наслѣдствѣ, церковная татьба, ограбленіе мертвыхъ, нарочитое поврежденіе крестовъ, оскверненіе церкви введеніемъ въ нее животныхъ и всякими другими непристойностями. Князю, боярамъ и судьямъ не вступаться въ перечисленные суды: они отданы церкви сообразно съ уставами первыхъ царей и постановленіями святыхъ отцовъ семи вселенскихъ соборовъ; а кто нарушитъ нашъ уставъ, тотъ не будетъ помилованъ судомъ Божіимъ и огнь себѣ наслѣдуетъ. Искони также поручены епископамъ всякія городскія торговыя мѣры и вѣсы; отъ Бога искони установлено наблюдать епископу за ихъ вѣрностью, не уменьшать ихъ, не увеличивать, а въ противномъ случаѣ онъ отвѣтитъ за нихъ въ день суда великаго, какъ за души человѣческія. А вотъ церковные люди: игуменъ, священникъ, діаконъ и кто въ клиросѣ: монахъ, монахиня, жена священника, сынъ священника, проскурница, лѣкарь, «прощенникъ» (человѣкъ, получившій чудесное исцѣленіе?), вольноотпущенный по завѣщанію; монастыри, больницы, гостиницы и страннопріимные дома: все это люди церковные, богадѣльные; митрополитъ или епископъ вѣдаютъ между ними всѣ тяжбы, обиды, ссоры и дѣла по наслѣдству. А если будетъ тяжба между церковнымъ и инымъ человѣкомъ, то вѣдаетъ общій судъ».

Образцомъ пространной редакціи Устава Владимира можетъ служить списокъ, напечатанный въ I томѣ Дополненій къ актамъ историческимъ, взятый изъ пергаменнаго Номоканона Синодальной библіотеки, писаннаго въ концѣ XIII вѣка. Пространная редакція устава отличается отъ краткой вступленіемъ, подробнымъ обозначеніемъ церковной десятины, нѣкоторыми вставками въ перечисленіи церковныхъ дѣлъ и людей и заключеніемъ, содержащимъ въ себѣ заклятіе, направленное противъ нарушителей Устава [1]).

---

[1]) Во вступленіи говорится: „Во имя Отца и Сына и Святаго Духа. Я князь Василій, называемый Владимиръ, сынъ Святослава, внукъ Игоря, блаженной княгини Ольги, воспринялъ святое крещеніе отъ греческаго царя и отъ Фотія патріарха цареградскаго, взялъ въ Кіевъ перваго митрополита Леона, который крестилъ всю землю русскую святымъ крещеніемъ“. Церковная десятина опредѣлена слѣдующими словами: „Далъ по всей русской землѣ въ десятину соборной церкви отъ всего княжескаго суда десятую векшу, а изъ торгу десятую недѣлю, а изъ домовъ на каждый годъ, отъ всякаго стада и отъ всякаго жита чудному Спасу и чудной Его Матери“. Между дѣлами, подсудными церкви, кромѣ исчисленныхъ въ краткой редакціи, перечисляются еще слѣдующія: умычка, „потворы“ (Печ. Корм. кн.; гр. 39 (о казняхъ) п. 79: „Иже творятъ глаголемая хранила, рекше узлы, обаянія и *потворы*,

Уставъ князя Ярослава.

Уставъ князя Владимира, опираясь на Номоканонъ, установилъ рядъ новыхъ въ Россіи нравственно-религіозныхъ преступленій, переданныхъ суду церкви. Мѣра наказанія преступленій этого рода Уставомъ Владимира оставлена неопредѣленною, потому что предполагалась ихъ наказуемость по правиламъ Номоканона. По Номоканону преступленія, переданныя Уставомъ Владимира суду церкви, наказывались очень строго, въ большинствѣ случаевъ влекли за собою смертную казнь, ослѣпленіе, лишеніе носа, рукъ и опредѣленное количество ударовъ (ранъ) розгами или палками. Система членовредительныхъ наказаній была чужда уголовному праву древнихъ Руссовъ, практиковавшихъ систему имущественныхъ наказаній. Съ другой стороны, строгость наказаній нравственно-религіозныхъ преступленій по Номоканону, умѣстная въ Греціи, гдѣ христіанство признавалось господствующею религіей уже со времени Константина Великаго, была слишкомъ сурова въ средѣ новокрещеннаго русскаго народа, не имѣвшаго возможности немедленно усвоить преступность дѣяній по понятіямъ новой для него религіи. Приложеніе Устава Владимира къ практикѣ церковныхъ судовъ должно было немедленно выяснить необходимость его дополненія, долженствовавшаго выразиться въ болѣе подробномъ опредѣленіи дѣлъ, подсудныхъ церкви, и въ примиреніи строгой системы лич-

---

мнящеся на людей, человѣкомъ даяти сіе, таковіи разграблени бывше"), колдовство, побои свекры снохою, сожительство двухъ друзей съ одною женою, сожительство съ четвероногими, бросаніе дѣвкою ея дитяти и языческія молитвы подъ овиномъ, въ рощѣ и у воды. Между церковными людьми, сверхъ исчисленныхъ въ краткой редакціи, именуются: дѣти священника и діакона, вдова, паломникъ, странникъ, слѣпецъ и хромецъ. Въ запрещеніяхъ, направленныхъ противъ нарушителей Устава, въ пространной его редакціи сдѣланы слѣдующія вставки: „Своимъ тіунамъ приказываю судовъ церковныхъ не судити, а нашихъ судовъ не судить безъ намѣстника или судьи владыки" (ради десятины), „а своимъ тіунамъ приказываю не обижать судовъ церковныхъ, а изъ своихъ городскихъ судовъ давать девять частей князю, а десятую— святой церкви; а кто обидитъ судъ церковный, платить ему собою, да ему же отвѣчать предъ Богомъ на страшномъ судѣ". Въ заключеніи сказано: „Кто преступитъ эти правила, дѣти мои или внучата, или правнучата, или въ какомъ-либо городѣ намѣстникъ, или тіунъ, или судья, или кто иный, а обидятъ судъ церковный, да будутъ прокляты въ этотъ вѣкъ и въ будущіе отцами семи святыхъ вселенскихъ соборовъ".

ныхъ наказаній по Номоканону съ системою выкупа преступленій древнѣйшаго русскаго права. Эту задачу выполнилъ Уставъ о церковныхъ судахъ князя Ярослава Владимировича.

Древнѣйшій изъ сохранившихся списковъ Устава Ярослава относится къ концу XIV вѣка [1]. Въ содержаніи Устава различаются вступленіе, заключеніе и постановленія, опредѣляющія сферу лицъ и дѣлъ, подлежащихъ вѣдѣнію церкви,—преступленія и наказанія по церковному суду.

Во вступленіи говорится: «Я князь великій Ярославъ, сынъ Владимира, согласно съ уставомъ моего отца («по данью отца своего»), по совѣту съ митрополитомъ Ларіономъ и согласно съ греческимъ Номоканономъ, пришелъ къ убѣжденію, что нижеслѣдующихъ дѣлъ не подобаетъ судить князю и боярамъ, а потому передалъ митрополитамъ и епископамъ дѣла, обозначенныя въ Правилахъ, въ Номоканонѣ, по всѣмъ городамъ и областямъ, населеннымъ христіанами».

Въ заключеніи помѣщается санкція слѣдующаго содержанія: «А кто уставъ мой нарушитъ, мои дѣти, внуки, правнуки, всѣ родственники, бояре,—кто вступится въ дѣла, переданныя мною митрополиту и епископамъ по всѣмъ городамъ, согласно съ правилами св. отцовъ, того судить и казнить по закону, и да не будетъ на немъ имени христіанина, а святыми да будетъ проклятъ».

Въ статьѣ, относящейся къ людямъ, подлежащимъ церковному суду, помѣщается общее указаніе, по которому: «А что случается между домовными, монастырскими и церковными людьми, въ то не должны вступаться княжескіе волостели, то вѣдаютъ волостели епископа»,—и слѣдующее прибавленіе къ Уставу Владимира: «а беззадщина (выморочное имущество) тѣхъ людей идетъ въ пользу епископа» (ст. 33). Уставъ Ярослава подъ церковными людьми разумѣлъ лицъ, указанныхъ въ Уставѣ Владимира.

Существенное и новое содержаніе представляютъ постановленія Устава Ярослава, перечисляющія преступленія, подлежащія церковному суду и назначающія наказанія за такія преступленія. Уставъ Владимира, опредѣляя сферу дѣлъ подсудныхъ церкви, ограничился краткимъ перечнемъ новыхъ преступленій, наказуемыхъ по христіанскому закону, и общимъ указаніемъ, по которому русскій князь «то вся далъ по первыхъ царевъ уряженью и по вселенскихъ святыхъ отецъ семи соборовъ великихъ святитель». Уставъ Ярослава подробно перечисляетъ преступленія, подлежащія церковному суду, и точно обозначаетъ ихъ наказуемость, примѣняя пенальную систему Номоканона къ уголовной системѣ древняго русскаго права

Въ нѣкоторыхъ спискахъ церковнаго устава Ярослава (именуемыхъ списками пространной редакціи) содержится рядъ статей, опре-

---

[1]) См. „Пособіе“, стр. 88—91.

дѣляющихъ законныя причины брачнаго развода. Въ Уставѣ Владимира «роспустъ» или брачный разводъ только упоминается въ числѣ дѣлъ, подсудныхъ церкви. Въ Уставѣ Ярослава по краткой редакціи запрещается самовольный разводъ мужа съ женою, подъ угрозою штрафа въ пользу церкви въ размѣрѣ 12 гривенъ для вѣнчанныхъ и 6 гривенъ для невѣнчанныхъ. Уставъ Ярослава пространной редакціи запрещаетъ расторженіе брака подъ предлогами лихой болѣзни, слѣпоты и долгой болѣзни, и перечисляетъ законныя основанія развода. Слѣдующія причины давали мужу право развестись съ женою: утайка женою отъ мужа слышаннаго отъ постороннихъ людей замысла противъ князя; доказанное прелюбодѣяніе жены; замыселъ жены противъ мужа; утайка передъ мужемъ замысла противъ его жизни, слышаннаго отъ постороннихъ людей; отлучка жены изъ дома мужа и проведеніе ночей внѣ своего дома безъ разрѣшенія мужа; посѣщеніе народныхъ игрищъ днемъ или ночью, безъ разрѣшенія мужа; покража для другихъ имущества мужа и помощь другимъ, оказанная къ его обворованію; наконецъ, утайка женою отъ мужа слышаннаго отъ постороннихъ лицъ замысла по обворованію церкви. Повидимому, уставъ Ярослава о законныхъ причинахъ развода былъ изданъ особо отъ устава о церковныхъ преступленіяхъ и наказаніяхъ и позже присоединенъ къ послѣднему.

Какъ акты законодательной дѣятельности единодержавныхъ владѣтелей древней Руси, имѣвшіе силу общихъ законовъ въ Русской землѣ, церковные уставы Владимира и Ярослава имѣютъ очень важное значеніе въ ряду средствъ познанія русскаго права эпохи удѣльныхъ государствъ: они знакомятъ насъ съ отношеніями Церкви къ государству, съ правами и обязанностями христіанскаго духовенства, съ областью дѣлъ и лицъ, подлежавшихъ суду Церкви, съ церковными преступленіями и наказаніями, съ государственными доходами и средствами содержанія Церкви, съ классами государственнаго народонаселенія и многими частными предметами, поясняющими условія древне-русской политико-юридической жизни [1]).

---

[1]) См. дополненія №№ I и II: Уголовная система церковнаго устава князя Ярослава Владимировича и ученія о подлинности церковныхъ уставовъ князей Владимира Святославича и Ярослава Владимировича.

Церковные уставы князей Всеволода-Гавріила, Святослава Ольговича и Ростислава Мстиславича.

Уставъ великаго князя Всеволода-Гавріила «о церковныхъ судахъ и о людѣхъ и мирилѣхъ торговыхъ» былъ изданъ въ Новгородѣ во второй четверти XII-го вѣка (1125—1136 г.). Его содержаніе составляютъ: распоряженіе о церковной десятинѣ и передачѣ вѣдѣнію церкви судовъ и тяжбъ церковныхъ; перечисленіе дѣлъ, подсудныхъ церковному суду; постановленія о надзорѣ духовныхъ властей за правильностью торговыхъ мѣръ и вѣсовъ; перечисленіе лицъ и учрежденій, переданныхъ вѣдѣнію церкви, поименованныхъ въ Уставѣ Владимира, съ прибавленіемъ свѣщегаса, сторожника и изгоевъ; заклятіе противъ нарушителей правъ церкви; наконецъ, въ видѣ приписки, подробнѣе развивается постановленіе устава Владимира о подсудности тяжбъ между братьями о наслѣдствѣ церковному суду и опредѣляется законная часть въ наслѣдствѣ дѣтямъ отъ третьей и четвертой жены, которыя признаются незаконными.

Уставъ Святослава Ольговича, данный новгородской церкви въ 1137 году, содержитъ въ себѣ распоряженія, опредѣляющія размѣръ церковной десятины отъ княжескихъ даней, виръ и продажъ и заклятіе противъ нарушителей устава.

Уставъ Ростислава Мстиславича состоитъ изъ распоряженій, направленныхъ къ обезпеченію средствъ содержанія смоленской епископіи и перечня дѣлъ, подсудныхъ смоленскому епископу.

Уставы Всеволода, Святослава и Ростислава, будучи мѣстными законами, имѣютъ значеніе самостоятельныхъ актовъ законодательной дѣятельности удѣльныхъ князей только въ постановленіяхъ, расширявшихъ средства содержанія мѣстныхъ церквей. Рядомъ съ ними оставались дѣйствующими уставы Владимира и Ярослава, какъ законы общеобязательные для всѣхъ его потомковъ, для всѣхъ удѣльныхъ князей, для всей Русской земли [1]).

---

[1]) См. дополненіе № III: Содержаніе церковныхъ уставовъ удѣльныхъ князей.

ГЛАВА XXIII.

Княжеское общее для Русской земли законодательство по мірскимъ дѣламъ. Редакціи списковъ, источники содержанія и законодательное значеніе Русской Правды.

По свидѣтельству новгородскаго лѣтописца, князь Ярославъ, побѣдивъ при помощи Новгородцевъ брата своего Святополка и занявъ Кіевскій столъ, «отпусти я вся домовь, и давъ имъ правду и уставъ, списавъ грамоту, рече: «по сему ходите и держите, якоже списахъ вамъ» [1]). За этими словами слѣдуетъ текстъ Русской Правды, сохранившіеся списки которой, въ числѣ болѣе 50, имѣютъ слѣдующія общія заглавія: «Правда Роськая», «Судъ Ярославль Володимирица, Правда Руськая», «Уставъ Великаго Князя Ярослава Владимерича о судѣхъ, Правда Русская». По объему содержанія, сохранившіеся списки Р. Правды дѣлятся на двѣ группы: списки краткой редакціи, съ хронологическимъ распредѣленіемъ содержанія, безъ раздѣленія постановленій частными оглавленіями, и списки пространной редакціи, съ систематическимъ распредѣленіемъ содержанія по статьямъ и частными ихъ оглавленіями; напримѣръ: «о убійствѣ», «аже станетъ безъ вины на разбои», «а се покони вирніи», «о вирахъ» и т. д. Въ спискахъ краткой редакціи заключается до 45 постановленій, а въ пространной до 115[2]).

Сравненіе содержанія списковъ хронологической и систематической редакцій показываетъ, что нормы права являются въ нихъ на разныхъ ступеняхъ развитія, что составитель послѣдней пользовался содержаніемъ первой, какъ готовымъ матеріаломъ, и слѣдовательно, что хронологическій сборникъ представляетъ собою не сокращеніе систематическаго, а болѣе древній, самостоятельный сводъ. Это доказываютъ: во-первыхъ, прямыя указанія статей, по которымъ

---

[1]) П. С. Р. Л., V, 134. Этого свидѣтельства нельзя отрицать на томъ основаніи, что оно не встрѣчается въ южнорусскихъ лѣтописныхъ сводахъ; въ новгородскихъ лѣтописныхъ сводахъ встрѣчается много извѣстій, относящихся къ Новгороду, неизвѣстныхъ южнорусскимъ лѣтописнымъ сводамъ, но историческая достовѣрность которыхъ не подлежитъ сомнѣнію. См. Бестужева-Рюмина: О сост. рус. лѣт.; приложеніе.

[2]) Въ нѣкоторыхъ позднѣйшихъ спискахъ, напр. Карамзинскомъ, имѣется еще до 20 статей, представляющихъ собою позднѣйшую вставку, съ вычисленіемъ приплода и прироста отъ разныхъ животныхъ и растеній по истеченіи 12 лѣтъ.

въ составъ содержанія хронологическаго сборника вошли только уставы князя Ярослава Владимировича и перваго съѣзда его сыновей [1]), а въ составъ содержанія сборника систематическаго сверхъ сказаннаго законодательства, вошли уставы второго съѣзда сыновей Ярослава, бывшаго по его смерти, и уставы съѣзда въ Берестовомъ, утвержденные Мономахомъ [2]); во-вторыхъ, княжескія судебныя рѣшенія, получившія силу закона на будущее время, занесенныя въ хронологическій сборникъ въ формѣ казусовъ судебной практики, а въ систематическій уже въ формѣ общихъ правилъ [3]); въ-третьихъ, статьи краткой редакціи, въ которыхъ нормы права являются съ болѣе архаическимъ характеромъ, нежели нормы права соотвѣтственныхъ статей пространной редакціи [4]). По такимъ признакамъ должно признать, что хронологическій сводъ былъ составленъ еще при жизни Ярослава, на первомъ

---

[1]) „Правда уставлена Русской земли, егда ся совокупилъ Изяславъ, Всеволодъ, Святославъ, Коснячко, Перенѣгъ, Микифоръ Кіянинъ, Чюдинъ, Микула". „Пособіе", стр. 70.

[2]) „По Ярославѣ же паки совокупившеся сынове его Изяславъ, Святославъ, Всеволодъ и мужи ихъ: Коснячко, Перенѣгъ, Никифоръ, и отложиша убіеніе за голову, но кунами ся выкупати; а иное всякоже Ярославъ судилъ, такоже и сынове его уставиша... Уставъ Володимѣрь Всеволодича: по Святополцѣ, созва дружину свою на Берестовомъ..." Тамъ же, стр. 72.

[3]) Напримѣръ, въ краткой редакціи говорится: „А въ князи тивунѣ 80 гривенъ; а конюхъ старый у стада 80 гривенъ, яко уставилъ Изяславъ въ своемъ конюсѣ, его же убили Дорогобудьци"; въ пространной редакціи это судебное рѣшеніе является уже обобщеннымъ, въ формѣ общаго правила: „аже въ княжѣ отроцѣ, или въ конюсѣ, или въ поварѣ—40 гривенъ". Въ краткой редакціи говорится: „А иже крадетъ любо конь, любо волы, или клѣть, да аще будетъ единъ кралъ, то гривну и тридесять рѣзанъ платити ему, или ихъ будетъ 18, то по три гривны и по 30 рѣзанъ платити мужеви"; въ пространной редакціи и этотъ казусъ является уже въ видѣ общаго правила: „аже кто украдетъ скотъ въ хлѣвѣ, или клѣть, то аже будетъ единъ, то платити ему 3 гривны и 30 кунъ; а будетъ ли ихъ много, то всѣмъ по три гривны да по 30 кунъ платити". Тамъ же, стр. 71, 72, 73, 76.

[4]) Напримѣръ, первая статья краткой редакціи только ограничиваетъ кругъ родственниковъ-мстителей и разрѣшаетъ замѣнять мщеніе 40-гривенною платою за голову убитаго, а пространная редакція уже совершенно запрещаетъ мщеніе и предписываетъ довольствоваться денежнымъ выкупомъ.

съѣздѣ его дѣтей; систематическій же сводъ получилъ свой составъ при Владимирѣ Мономахѣ, на законодательномъ съѣздѣ княжескихъ мужей въ Берестовомъ.

Анализъ содержанія хронологическаго свода, въ свою очередь, открываетъ въ немъ законодательныя нормы двухъ наслоеній, древнѣйшаго и позднѣйшаго. Древнѣйшее наслоеніе составляютъ первыя 17 статей: уставы князя Ярослава Владимировича объ убійствѣ, увѣчьяхъ, побояхъ, воровствѣ и порядкѣ процесса; новѣйшее наслоеніе: 26 статей—дополнительные уставы Ярослава къ первоначальной его Правдѣ и княжескія судебныя рѣшенія, получившія силу закона для рѣшенія однородныхъ случаевъ въ будущемъ на первомъ законодательномъ съѣздѣ дѣтей Ярослава. Сказанныя наслоенія законодательныхъ постановленій раздѣляются слѣдующимъ оглавленіемъ, помѣщающимся между 17 и 18 статьями Академическаго списка: «Правда уставлена Русской земли, егда ся совокупилъ Изяславъ, Всеволодъ, Святославъ, Коснячко, Перенѣгъ, Никифоръ Кыянинъ, Чюдинъ, Микула» [1]). Анализъ содержанія систематическаго сборника открываетъ въ немъ уставы Ярослава, вошедшіе въ составъ хронологическаго сборника, и новыя постановленія, представляющія собою уставы дѣтей и внуковъ Ярослава, собранные вторымъ съѣздомъ Ярославичей и съѣздомъ Берестовскимъ [2]).

Историки прошедшаго столѣтія признавали въ Р. Правдѣ законодательный актъ князей Ярослава Владимировича и его сына Изяслава Ярославича, что выразилось и въ заглавіи академическаго изданія ея текста въ 1767 году, подъ редакціей Шлецера: «Правда Русская, данная въ XI вѣкѣ отъ великихъ князей Ярослава Владимировича и сына его Изяслава Ярославича».

Въ XIX столѣтіи по вопросу о происхожденіи Русской Правды сложились двѣ категоріи воззрѣній. Къ первой относятся мнѣнія Карамзина, Погодина, Бѣляева, Мрочекъ-Дроздовскаго, Грицко, Ланге и др.; ко второй — мнѣнія Полевого, Неймана, Калачова, Дювернуа, Сергѣевича, Владимірскаго-Буданова и др. Ученіе первой категоріи выражается въ слѣдующихъ словахъ Ланге: «во всѣхъ своихъ спискахъ Русская Правда представляетъ офиціальныя копіи съ подлинныхъ уставовъ уголовнаго и гражданскаго права нѣсколькихъ князей: Ярослава, Изяслава съ братьями и Мономаха» [3]); ученіе второй категоріи выражается словами Калачова: «Русская Правда въ той формѣ, какую она имѣетъ въ извѣстныхъ намъ спискахъ,

---

[1]) „Пособіе", стр. 70.

[2]) Тамъ же, стр. 72, 77.

[3]) Уголовное право Русской Правды, стр. 3 и слѣд.

есть очевидно сборникъ, составленный частнымъ лицомъ изъ разныхъ источниковъ и въ разное время такимъ же образомъ дополненный».

Это различіе воззрѣній ученыхъ по вопросу о происхожденіи и офиціальномъ значеніи Р. Правды важно въ томъ смыслѣ, что если этотъ памятникъ—офиціальный сводъ княжескихъ уставовъ и судебныхъ рѣшеній, подобный Судебникамъ Московскаго государства, то всѣ статьи Р. Правды могутъ и должны служить средствами познанія общаго княжескаго законодательства, дѣйствовавшаго на всемъ пространствѣ Руси эпохи удѣльныхъ государствъ. Если же Р. Правда представляетъ собою не офиціальный сводъ, утвержденный княжескою властью, а сборникъ частнаго лица, составленный изъ мѣстныхъ обычаевъ, отдѣльныхъ судебныхъ рѣшеній и княжескихъ уставовъ въ частномъ изложеніи, то Р. Правда не можетъ имѣть сказаннаго научнаго значенія, потому что, за возстановленіемъ подлиннаго текста и подлиннаго смысла каждой ея статьи, должно послѣдовать научное рѣшеніе вопросовъ: что представляетъ собою эта статья: норму мѣстнаго обычнаго права, или казусное судебное рѣшеніе, или законодательное постановленіе, въ какое время и на какомъ пространствѣ это правило имѣло силу? А рѣшеніе вопросовъ этого рода внѣ научныхъ средствъ.

Воззрѣніе, отрицающее офиціальное происхожденіе Р. Правды, признаетъ источниками ея содержанія народные древніе обычаи, «записанные очевидно въ той общей формѣ, какую они могли имѣть въ устахъ народа, княжескіе уставы и судебныя рѣшенія, относящіяся къ разнымъ практическимъ случаямъ, которыя въ этомъ самомъ видѣ и сохранились въ нашемъ памятникѣ, какъ живые и непреложные свидѣтели отдаленной древности» [1]). По мнѣнію Калачова и его новѣйшихъ послѣдователей, составителемъ Р. Правды взяты изъ обычнаго права «статьи, относящіяся къ частной мести за убійство и тѣлесныя поврежденія, къ кровавому мужу, къ значенію свода и проч.» [2]). Но сравненіе постановленій Р. Правды съ соотвѣтствующими имъ постановленіями договоровъ Олега и Игоря съ Греками доказываетъ положительно, что статьи Р. Правды объ убійствѣ были новымъ законодательнымъ правомъ въ Россіи, какъ и статьи о тѣлесныхъ поврежденіяхъ и воровствѣ. Законъ объ убійствѣ Р. Правды Ярослава, во-первыхъ, ограничиваетъ кругъ мстителей ближайшими родственниками, дозволяя мстить не всѣмъ ближнимъ убитаго, какъ дозволяли это договоры съ Гре-

---

[1]) Н. Калачовъ: Предв. Изслѣдов. о Р. Правдѣ, стр. 29, изд. 1846 г.
[2]) Тамъ же.

ками, а только отцу, брату, сыну и племяннику убитаго; во-вторыхъ, Р. Правда установила новую 40-гривенную плату за голову убитаго. Уставомъ Ярослава языческій институтъ мести преобразуется въ новую законодательную форму. Точно такъ же и всѣ другія постановленія Р. Правды не имѣютъ никакихъ признаковъ «древняго обычая, записаннаго въ той формѣ, какую онъ могъ имѣть въ устахъ народа». Старое русское право (подобно обычному праву сибирскихъ инородцевъ нашего времени) отличалось простотою и краткостью правовыхъ институтовъ, по которой всякаго рода тѣлесные удары мечомъ, копьемъ, палкою, сосудомъ и всякимъ оружіемъ наказывались одинаково, и всѣ имущественныя преступленія выкупались двойною или тройною уплатою похищеннаго или пограбленнаго. Русская же Правда замѣняетъ эти нормы древняго русскаго права подробною расцѣнкою тѣлесныхъ поврежденій и имущественныхъ правонарушеній,—въ опредѣленіи платы за преступленіе вводитъ подробную денежную таксу [1]).

Что же касается княжескихъ судебныхъ рѣшеній, то присутствіе ихъ въ составѣ содержанія Р. Правды не можетъ подлежать никакому сомнѣнію; но такія рѣшенія, занесенныя въ законодательный сводъ и волею законодателя обращенныя въ норму для рѣшенія однородныхъ случаевъ въ будущемъ, являетъ собою княжескій уставъ, законъ, а не судебный казусъ.

Русская Правда, какъ и послѣдующіе законодательные своды, содержитъ въ себѣ словесные и письменные уставы Ярослава и его дѣтей и внуковъ, безъ обычныхъ вступленій и заключеній, свойственныхъ отдѣльнымъ законодательнымъ актамъ,—грамотамъ всѣхъ видовъ [2]).

---

[1]) „Будетъ кровавъ или синь... за обиду 3 гривнѣ; кто кого ударитъ... то 12 гривнѣ; утнетъ мечемъ... то 12 гривнѣ; утнетъ руку... 40 гривенъ; перстъ утнетъ 3 гривны; во усѣ и въ бородѣ 12 гривнѣ; вынеть мечь, а не тнетъ, той гривну положить; ринетъ мужъ мужа... 3 гривнѣ; челядинъ скрыется, а его за три дни не выведуть... 3 гривнѣ; поѣдеть на чужомъ конѣ, не спрошавъ... 3 гривнѣ; поиметъ кто чюжь конь, любо орудіе, любо портъ... 3 гривнѣ“, и т. д.

[2]) Въ этомъ отношеніи форма статей Р. Правды совершенно сходна съ формою статей послѣдующихъ офиціальныхъ сводовъ русскаго законодательства,—съ вѣчевыми Судными грамотами и Судебниками московскаго государства. Въ этихъ несомнѣнно офиціальныхъ сводахъ имѣются и заглавія съ замѣчаніями „повѣствовательнаго характера“, напримѣръ: „ся грамота выписана изъ великаго князя Александровы грамоты и изъ князь Константиновы грамоты, и изо всѣхъ приписковъ псковскихъ пошлинъ“ (Псков. Судн. Грамота). „Уло-

Древнѣйшій изъ сохранившихся до нашего времени списковъ Р. Правды пространной редакціи, извѣстный въ литературѣ подъ названіемъ Синодальнаго списка [1]), открытъ въ *сборникѣ законовъ* древней Руси, помѣщенномъ въ Кормчей книгѣ, написанной *по повелѣнію Новгородскаго князя* и положенной на храненіе въ Новгородскомъ соборѣ св. Софіи. Синодальный списокъ содержитъ въ себѣ Р. Правду въ такой полнотѣ содержанія, что въ спискахъ позднѣйшаго времени, во множествѣ сохранившихся, нѣтъ юридическихъ постановленій, неизвѣстныхъ Синодальному списку [2]). Общее заглавіе этого списка слѣдующее: «Судъ Ярославль Володимирица, Правда Руськая»; такое же указаніе въ общихъ заглавіяхъ всѣхъ другихъ списковъ пространной редакціи. Въ заключеніи списковъ краткой редакціи говорится: «То ти урокъ Ярославль»; а въ заключеніи нѣкоторыхъ списковъ пространной редакціи: «Но си мѣсто Судебникъ Ярославль». Слѣдовательно, древняя Россія признавала въ Р. Правдѣ краткой и пространной редакціи законъ Ярослава Владимировича, признавала уставы дѣтей и внуковъ этого князя только развитіемъ началъ суда, положенныхъ въ основаніе первой Р. Правды, данной Ярославомъ Русской землѣ [3]); предки наши не сомнѣвались въ офиціальномъ происхожденіи Р. Правды, какъ свода княжескихъ уставовъ и княжескихъ судебныхъ рѣшеній, по признанію верховной государственной власти, получившихъ силу общаго закона для всей Руси эпохи удѣльныхъ государствъ. Нѣтъ основаній сомнѣваться въ томъ и нашему времени [4]).

жилъ князь великій Иванъ Васильевичъ всея Руси съ дѣтьми своими и съ бояры" (Судебн. 1497 г.). „Царь и великій князь Иванъ Васильевичъ всея Руси съ своею братьею и съ бояры сей Судебникъ уложилъ" (Судебн. 1550 г.).

[1]) Лучшее изданіе см. у проф. Мрочекъ-Дроздовскаго: Изслѣд. о Р. Правдѣ. в. II. стр. 51—66, изд. 1885 г.

[2]) См. Русскія Достоп., I, стр. 18, 19. Дополн. къ Ак. Ист., I, прим. 1. Неволина: Полн. собр. соч., т. II, стр. 462.

[3]) Въ исторіи заглавія и содержанія Р. Правды повторяется исторія другихъ древнѣйшихъ памятниковъ русской письменности, Уставовъ Владимира и Ярослава о церковныхъ судахъ и Начальной русской лѣтописи: съ теченіемъ времени содержаніе первоначальнаго акта расширяется, а его заглавіе остается прежнее: „Уставъ Владимира Святаго"; „Уставъ Ярослава Владимировича"; „Повѣсти черноризца Нестора"; „Правда Роськая"; „Кормчая книга".

[4]) См. въ дополненіяхъ: изданія, литературу, систему содержанія и денежную систему Русской Правды, №№ IV—VII.

Б. Памятники мѣстнаго права Русской земли удѣльной эпохи.

ГЛАВА XXIV.

Памятники удѣльныхъ законовъ. Договорное законодательство. Договоры Русскихъ съ Нѣмцами, междукняжескіе и Новгорода съ князьями.

Уставами законодательнаго съѣзда, созваннаго Владиміромъ Мономахомъ въ Берестовомъ, прерывается изданіе общихъ законовъ, дѣйствовавшихъ въ Русской землѣ эпохи удѣльныхъ государствъ. Правовое объединеніе Руси посредствомъ изданія общерусскихъ законовъ начинается снова только со времени изданія Судебника 1497 года. Время отъ изданія уставовъ при Владимирѣ Мономахѣ, вошедшихъ въ составъ Русской Правды, до изданія Судебника 1497 года представляетъ собою эпоху развитія удѣльныхъ законодательствъ.

Развитіе удѣльныхъ законодательствъ выражается въ мѣстныхъ договорахъ и уставахъ удѣльныхъ князей и областныхъ вѣчевыхъ собраній, дополнявшихъ постановленія уставовъ о церковныхъ дѣлахъ Владимира и Ярослава и Русской Правды соотвѣтственно новымъ и мѣстнымъ потребностямъ общественной жизни. Съ теченіемъ времени накопленіе отдѣльныхъ законодательныхъ актовъ вызвало потребность въ сборникахъ удѣльныхъ законовъ. Отъ второй половины XV вѣка сохранились два такихъ сборника вѣчевого законодательства, извѣстные подъ названіями Новгородской и Псковской Судныхъ грамотъ. Въ источникахъ встрѣчаются указанія и на бывшіе сборники законодательства удѣльныхъ княжествъ; но эти сборники утрачены или еще не открыты и не изданы [1]).

---

[1]) Московскій великій князь Василій Темный дозволилъ ростовскимъ боярамъ производить судъ по своимъ мѣстнымъ законамъ; московскій в. к. Иванъ Васильевичъ дозволилъ то же самое рязанскимъ боярамъ. См. Неволина: П. С. С.; II, 464. —Татищевъ, въ предисловіи къ своимъ объясненіямъ текста Русской Правды, говоритъ, что онъ видѣлъ въ библіотекѣ князя Димитрія Голицына большую рукописную книгу, въ которой были собраны законы древнихъ удѣльныхъ княжествъ. Главнѣйшія изданія памятниковъ удѣльнаго законодательства: первый томъ Румянцевскаго Собранія Госуд. Гр. и Договоровъ и первые томы

Договорное законодательство.

Между памятниками договорнаго законодательства эпохи развитія удѣльныхъ законовъ различаются три группы: 1) договоры русскихъ удѣльныхъ государствъ съ иноземцами; 2) договоры Новгорода съ князьями; 3) договоры русскихъ удѣльныхъ князей между собою.

Договоры съ Нѣмцами.

Денежные клады, состоящіе изъ восточныхъ, южныхъ и западныхъ монетъ, открытые въ русскихъ областяхъ, доказываютъ, что, начиная со II-го вѣка по Р. Х., между восточными и западными областями Европы производились оживленныя сношенія [1]). Въ эпоху Рюриковичей принимали дѣятельное участіе въ торговыхъ сношеніяхъ востока Европы съ западомъ, съ одной стороны, нѣмецкіе прибалтійскіе города, особенно городъ Висби на островѣ Готландѣ, а со времени основанія ордена меченосцевъ городъ Рига, а съ другой стороны, ближайшіе къ Балтійскому морю русскіе города, особенно Новгородъ, Смоленскъ, Полоцкъ и Витебскъ. Русскіе купцы ѣздили въ прибалтійскія нѣмецкія области, а нѣмецкіе купцы посѣщали русскіе города и имѣли въ нихъ свои дворы и храмы. При постоянныхъ торговыхъ сношеніяхъ народовъ различныхъ національностей легко могли возникать столкновенія, споры, рѣшеніе которыхъ, въ предупрежденіе международной вражды, должно было подчинить извѣстному порядку, одобренному обѣими сторонами. Такой порядокъ былъ установленъ договорами; въ одномъ изъ нихъ (1229 года) говорится: «что совершается во времени, то и исчезаетъ въ немъ; но совершонное предъ добрыми людьми и записанное въ грамотѣ дѣлается всѣмъ извѣстнымъ и переходитъ отъ предковъ къ потомкамъ... Чтобы упрочить миръ, угодить князю, всѣмъ посѣщающимъ Балтійское море, Рижанамъ и всему народу латинскому, рѣшено написать правду, обязательную для Русскихъ въ отношеніи Латинянъ и Латинянъ въ отношеніи Русскихъ; въ случаѣ какого-либо правонарушенія, напримѣръ, если Богъ попуститъ случиться

изданій Археографической Комиссіи, подъ заглавіями: Акты Археографической Экспедиціи, Акты историческіе и Дополненія къ Актамъ историческимъ. Главнѣйшіе образцы грамотъ разнаго рода, съ объясненіями издателя, помѣщены въ I и II выпускахъ Христоматіи Владимірскаго-Буданова. Литературу см. дополненіе подъ № VIII: Литература удѣльныхъ законовъ.

[1]) См. выше, стр. 2, 55.

между ними дракѣ или смертоубійству, то должно оплатить такъ, чтобы миръ не былъ нарушенъ, чтобъ обѣ стороны были довольны. Вотъ эта правда»... слѣдуютъ статьи договора.

Древнѣйшій изъ сохранившихся договоровъ Новгорода съ Нѣмцами относится къ послѣднему десятилѣтію XII вѣка; но въ этомъ договорѣ сказано, что онъ «подтвержденіе стараго мира»; слѣдовательно, былъ еще болѣе древній договоръ Новгорода съ Нѣмцами, до насъ не сохранившійся. Трактатъ конца XII-го вѣка былъ открытъ въ 1857 году въ документахъ рижскаго городского архива, въ копіи, приписанной къ другому Новгородскому договору, заключенному позже, при Александрѣ Невскомъ. Въ грамотѣ не обозначенъ годъ трактата, но указаны лица, при которыхъ онъ заключенъ: новгородскій князь Ярославъ Владимировичъ, посадникъ Мирошка и тысяцкій Яковъ. Изъ лѣтописей видно, что Ярославъ Владимировичъ княжилъ въ Новгородѣ съ 1189 по 1199 г., а посадникъ Мирошка упоминается подъ 1195 годомъ; слѣдовательно, Ярославовъ договоръ съ Нѣмцами былъ заключенъ въ послѣднемъ десятилѣтіи XII-го вѣка. За обозначеніемъ лицъ, заключившихъ договоръ, въ немъ слѣдуетъ опредѣленіе свободы торговли Нѣмцамъ въ новгородской землѣ, а Новгородцамъ въ нѣмецкой землѣ, постановленія о наказаніяхъ за преступленія противъ жизни, свободы, здоровья и чести и постановленія о порядкѣ судопроизводства по тяжебнымъ дѣламъ [1]).

Второй изъ дошедшихъ до насъ договоровъ Новгорода съ Нѣмцами былъ заключенъ при новгородскомъ князѣ Александрѣ Невскомъ, сынѣ его Дмитріѣ, посадникѣ Михаилѣ и тысяцкомъ Жирославѣ, по соображеніямъ съ лѣтописными извѣстіями, въ началѣ шестого десятилѣтія XIII-го вѣка (между 1259 и 1263 годами). По содержанію этотъ договоръ очень сходенъ съ договоромъ Ярослава Владимировича, а отличается отъ него большею краткостью, и слѣдующимъ заключеніемъ: «а се старая наша правда и грамота, на чемъ цѣловали отцы ваши и наши крестъ... А иное грамоты у насъ нѣтутъ, ни потаили есмы, не вѣдаемъ, на томъ и крестъ цѣлуемъ». За заключеніемъ слѣдуетъ въ рукописи копія грамоты Ярослава Владимировича, которая, очевидно, и есть тотъ старый миръ, на который ссылается договоръ Александра Невскаго [2]).

---

[1]) Лучшее изданіе этого договора въ 1-мъ выпускѣ „Христоматіи“ Владимірскаго-Буданова; I, стр. 92. Изд. 1885 г. См. дополненіе № IX: Содержаніе договора съ Нѣмцами конца XII вѣка.

[2]) Напечатанъ этотъ договоръ въ изданіи Археографической Комиссіи 1859 года, подъ заглавіемъ: „Грамоты, касающіяся до сношеній сѣверо-западной Россіи съ Ригою и Ганзейскими городами въ XII, XIII

Третій договоръ Новгорода съ Нѣмцами былъ найденъ (Сарторіусомъ) въ Любечскомъ городскомъ архивѣ, въ переводѣ на нижненѣмецкій языкъ. Онъ былъ заключенъ при князѣ Ярославѣ Ярославичѣ тверскомъ, посадникѣ Павшѣ и тысяцкомъ Ратиборѣ, то-есть, по соображеніямъ съ лѣтописными указаніями, въ 1270 году. Грамота написана отъ имени князя Ярослава Ярославича и Новгородцевъ; состоитъ изъ введенія, въ которомъ поименованы договаривающіяся стороны и указано, что настоящій «миръ» заключенъ и правда подписана согласно съ письмами «нѣмецкихъ сыновъ, Готландцевъ и всѣхъ латинскихъ языковъ»; за введеніемъ слѣдуютъ условія мира, заключающія въ себѣ правила о проѣздѣ нѣмецкихъ купцовъ въ Новгородъ по Невѣ и Волхову, о послѣдствіяхъ кораблекрушеній, о платѣ за доставку лодки отъ новгородской пристани до нѣмецкаго и готскаго дворовъ, о взысканіяхъ за преступленія и о порядкѣ суда, въ общихъ чертахъ сходныя съ постановленіями договора Ярослава Владимировича [1]).

Древнѣйшій изъ сохранившихся договоровъ Смоленска, Полоцка и Витебска съ Нѣмцами относится къ 1229 году. Но въ источникахъ упоминается еще болѣе древній, несохранившійся договоръ, заключенный при Мстиславѣ Романовичѣ, княжившемъ въ Смоленскѣ съ 1197 по 1212 годъ. Договоръ 1229 года былъ заключенъ смоленскимъ княземъ Мстиславомъ Давидовичемъ.

По полнотѣ содержанія этотъ договоръ принадлежитъ къ числу наиболѣе важныхъ памятниковъ древняго права. Онъ заключаетъ въ себѣ вступленіе, статьи уголовнаго права, статьи, опредѣляющія порядокъ судопроизводства, статьи, опредѣляющія порядокъ сношеній, и заключеніе.

За вступленіемъ, указавшимъ на потребность договора (см. выше) и лицъ, его составившихъ, слѣдуютъ статьи, относящіяся къ уголовному праву, въ которыхъ опредѣляются наказанія за убійство, поврежденіе здоровья, личныя оскорбленія, насиліе женщинъ, незаконное лишеніе свободы и воровство [2]).

Въ статьяхъ, относящихся къ судопроизводству, опредѣляется

и XIV вв., а вторично перепечатанъ въ изданіи русско-ливонскихъ актовъ.

[1]) Научную обработку договора 1270 года см. въ диссертаціи И. Е. Андреевскаго: „О договорѣ Новгорода съ нѣмецкими городами и Готландомъ“ С.П.Б. 1855. Нѣкоторыя замѣчанія и поправки къ этому изданію сдѣланы А. Энгельманомъ, въ рецензіи, помѣщенной въ Отечественныхъ Запискахъ за 1855 годъ, № 5-й.

[2]) См. дополеніе № IX: Содержаніе договора съ Нѣмцами 1229 года.

порядокъ подсудности, судебныя доказательства, мѣры къ пресѣченію обвиняемому способовъ уклоненія отъ суда и порядокъ исполненія судебныхъ рѣшеній.

Въ статьяхъ, относящихся къ порядку торговыхъ сношеній, опредѣляются свобода передвиженія изъ одной страны въ другую, средства охраны торговыхъ людей съ ихъ товарами, количество торговыхъ пошлинъ и вѣрность торговыхъ вѣсовъ.

Наконецъ, въ заключеніи договора говорится, что правда, въ немъ изложенная, распространяется на волости князей смоленскаго, полоцкаго и витебскаго; обозначенъ годъ грамоты; перечислены лица нѣмецкаго ордена, при которыхъ заключенъ договоръ; указано утвержденіе грамоты печатью всего купечества; перечислены лица, бывшія свидѣтелями договора; выражено осужденіе нарушителямъ договора и указано мѣсто выдачи грамоты [1]).

Большими особенностями отличается договорная грамота Полочанъ съ Рижанами, написанная въ 1407 году, сохранившаяся въ

---

[1]) Договоръ смоленскаго князя Мстислава Давидовича съ Ригой, Готландомъ и другими нѣмецкими городами сохранился въ семи спискахъ на русскомъ языкѣ, изъ которыхъ пять найдены въ рижскомъ городскомъ архивѣ, шестой въ пергаментномъ сборникѣ, хранящемся въ архивѣ министерства иностранныхъ дѣлъ, и седьмой въ библіотекѣ графа Мусина-Пушкина. Всѣ списки изданы въ послѣдній разъ въ сборникѣ подъ заглавіемъ: „Русско-Ливонскіе Акты". Трудно сказать, представляетъ ли собою особый договоръ или только сокращенную копію договора Мстислава Давидовича грамота, открытая въ рижскомъ городскомъ архивѣ и напечатанная въ сборникѣ Русско-Ливонскихъ Актовъ По содержанію этотъ договоръ очень сходенъ съ договоромъ 1229 года, но отличается отъ него отсутствіемъ вступленія и заключенія, почему неизвѣстно, какими лицами и когда онъ заключенъ. Начинается словами: „А рядъ мой съ Нѣмцы таковъ", за которыми слѣдуютъ статьи договора, безъ нумераціи. Повидимому, эта грамота не имѣетъ ни начала, ни конца, а между тѣмъ къ ней привѣшена печать, какъ къ документу офиціальному, въ оригиналѣ или въ копіи. Издатель Русско-Ливонскихъ Актовъ признаетъ эту грамоту особымъ договоромъ, заключеннымъ позже договора Мстислава Давидовича, относящимся ко времени съ 1230 по 1270 годъ. Сохранились еще три договорныя грамоты Смоленска съ Нѣмцами, напечатанныя въ Румянц. Собр. Госуд. Грам. и Догов., часть II, №№ 3 и 8, и въ Русско-Ливонскихъ Актахъ, подъ № 47, не заключающія въ себѣ ничего новаго по отношенію къ вышеуказаннымъ грамотамъ. Лучшее изданіе договора 1229 г. въ „Христоматіи" Влад.-Буданова, I, стр. 97. Литературу договоровъ съ Нѣмцами см. тамъ же, с. 111.

оригиналѣ, съ печатью (напеч. въ первомъ томѣ Актовъ Археографической Экспедиціи, подъ № 16). Договоръ этотъ запрещаетъ иностранцамъ розничную торговлю и по вопросу о подсудности представляетъ существенное уклоненіе отъ началъ, принятыхъ въ новгородскихъ и смоленскихъ договорахъ: преступникъ судится и наказывается по законамъ своей родины, отсылается для суда и наказанія въ свое отечество; а потому договоръ Полоцка съ Ригою не заключаетъ въ себѣ постановленій о преступленіяхъ, наказаніяхъ и порядкѣ судопроизводства.

Междукняжескіе договоры.

Въ эпоху развитія удѣльныхъ законодательствъ взаимныя отношенія между князьями Рюрикова дома опредѣлялись договорами. Княжескіе договоры, представляющіе собою мирные трактаты, заключенные для прекращенія или для предупрежденія взаимной войны, называются въ источникахъ рядами, крестными, цѣловальными, мирными и любовными грамотами. Древнѣйшія лѣтописныя указанія на писанные междукняжескіе договоры относятся къ первой половинѣ XII вѣка; въ 1144 году князь Владимирко Галицкій, поссорившись съ княземъ Всеволодомъ Черниговскимъ, возвратилъ ему «крестную грамоту» [1]). До нашего времени сохранились 66 княжескихъ договоровъ XIV, XV и XVI столѣтій. Большинство изъ нихъ заключены между князьями разныхъ вѣтвей Московскаго дома, именно между князьями московскими и князьями серпуховскими, боровскими, можайскими, галицкими, углицкими и верейскими; шесть заключены московскими князьями съ тверскими, пять московскими съ рязанскими, два московскими съ суздальскими. Изъ договоровъ другихъ княжескихъ удѣловъ сохранился только одинъ, заключенный между князьями рязанскими. Древнѣйшій изъ сохранившихся княжескихъ договоровъ в. кн. московскаго Семена Ивановича съ его родными братьями, Иваномъ и Андреемъ, а позднѣйшій изъ нихъ 1531 года в. кн. Василія Ивановича съ роднымъ его братомъ Юріемъ.

Въ содержаніи княжескихъ договоровъ различаются слѣдующія части: вступленіе, статьи, опредѣляющія отношенія договаривающихся сторонъ къ сосѣднимъ государствамъ, статьи, опредѣляющія взаимныя отношенія договаривающихся сторонъ, и заключеніе [2]).

Во вступленіи именуются князья, заключающіе договоръ, и указывается на клятвенное утвержденіе договорныхъ условій.

Въ статьяхъ, опредѣляющихъ отношенія договаривающихся кня-

---

[1]) Лѣт. по Ип. сп., стр. 225; см. еще тамъ же, стр. 245.

[2]) См. дополненіе № X: Содержаніе междукняжескихъ договоровъ.

зей къ сосѣднимъ государствамъ, заключаются условія оборонительнаго и наступательнаго союза; въ частности опредѣляются отношенія союзниковъ къ Литвѣ, Татарамъ и сосѣднимъ русскимъ князьямъ.

Въ статьяхъ, устанавливающихъ взаимныя отношенія, опредѣляются личныя отношенія князей, территоріальныя границы удѣловъ, порядокъ судебнаго рѣшенія споровъ, возникающихъ между князьями и ихъ подданными, права и обязанности подданныхъ одного князя на территоріи другого, послѣдствія военныхъ столкновеній, если они предшествовали договору, условія о возвращеніи занятыхъ областей, выдачѣ плѣнныхъ, вознагражденіи убытковъ и проч.

Въ заключеніи обыкновенно помѣщается указаніе на клятвенное подтвержденіе договора, высказанное въ его вступленіи, напримѣръ: «А на семъ на всемъ, брате молодшій, (такой-то) цѣлуй ко мнѣ крестъ, къ своему брату старѣйшему, (такому-то) въ правду, безъ всякія хитрости»; или: «на семъ на всемъ цѣловали есмы крестъ межи себе (такіе-то) по любви, въ правду». Иногда обозначается мѣсто написанія грамоты, а также лица, при этомъ присутствовавшія. Грамоты не подписывались участниками, но вмѣсто подписей скрѣплялись подвѣшиваемыми на шнуркахъ печатями участниковъ. Иногда встрѣчаются подписи митрополитовъ, вѣроятно, приводившихъ договаривавшіяся стороны къ присягѣ. Годъ заключенія договоровъ рѣдко обозначается въ грамотахъ; но время ихъ легко опредѣлить, такъ какъ имена князей, заключающихъ договоръ, всегда обозначены въ грамотахъ.

Сначала договоръ помѣщался на одной грамотѣ, написанной отъ имени обѣихъ сторонъ и заключавшей въ себѣ ихъ взаимныя обязательства. Въ заголовкѣ грамоты помѣщался крестъ, который цѣловали князья, скрѣпляя договоръ присягою. Съ этой грамоты снималась копія; оригиналъ хранился у одной стороны, а копія у другой. Позже отъ имени каждой стороны пишется особая грамота, оригиналъ которой она выдавала противной сторонѣ, а у себя оставляла копію, такъ что въ рукахъ каждой стороны было по двѣ грамоты: оригиналъ грамоты противной стороны и копія своей. Вся разница между ними сводилась только къ различію въ лицахъ, дающихъ и принимающихъ обязательства. Обѣ грамоты, оригиналъ и копія, сшивались вмѣстѣ и къ обѣимъ вмѣстѣ привѣшивались печати [1]).

---

[1]) Тексты междукняжескихъ договоровъ см. въ первомъ томѣ Рум. Собр. Гос. Гр. и Догов., въ первомъ томѣ Ак. Арх. Экспедиціи, въ Собраніи Памят. Утина и Лазаревскаго и во второмъ выпускѣ „Христоматіи“ Влад.-Буданова.

Договоры Новгорода съ князьями.

До нашего времени открыты и изданы 25 новгородскихъ договоровъ съ князьями. Древнѣйшій изъ нихъ былъ заключенъ въ 1264—1265 г. съ тверскимъ княземъ Ярославомъ Ярославичемъ, а новѣйшій въ 1471 году съ московскимъ великимъ княземъ Иваномъ Васильевичемъ и его сыномъ Иваномъ Ивановичемъ [1]).

Въ составѣ содержанія договоровъ Новгорода съ князьями различаются вступленіе и заключеніе: статьи, опредѣляющія права князя, какъ правителя; статьи, опредѣляющія права князя, какъ судьи; статьи, опредѣляющія финансовыя права князя; статьи, опредѣляющія отношенія между Новгородскою областью и областью, изъ которой призванъ князь; наконецъ, статьи и цѣлыя грамоты, опредѣляющія случайныя и временныя отношенія, выходящія изъ ряда обыкновенныхъ [2]).

ГЛАВА XXV.

Памятники княжескаго и вѣчевого внутренняго законодательства по мірскимъ дѣламъ.

I. Княжеское Законодательство.

Изъ сохранившихся княжескихъ грамотъ по мірскимъ дѣламъ времени до изданія Судебника 1497 года наиболѣе важны для историка-юриста нижеслѣдующія.

Двинская и Бѣлоозерская уставныя грамоты. Обѣ грамоты были изданы Московскими князьями по присоединеніи къ Москвѣ новыхъ владѣній: Двинской земли и Бѣлоозерскаго удѣльнаго княжества. Двинская земля (Заонежье) издавна принадлежала Новгороду и славилась обширною торговлею съ сибирскими народами; а Московскіе князья стремились подчинить себѣ эту богатую область; да и сами Двиняне тяготились зависимостью отъ Новгорода и искали союза съ Москвою. Въ 1397 году в. к. Московскій Василій Дмитріевичъ объявилъ войну Новгороду и отправилъ рать въ Двинскую землю. Двиняне признали надъ собою власть князя Московскаго, приняли его намѣ-

---

[1]) Перечень изданій новгородскихъ договоровъ см. въ Христоматіи Владимірскаго-Буданова, въ I в., стр. 211. Въ этомъ же изданіи помѣщенъ текстъ договора съ польскимъ королемъ Казиміромъ IV, а въ подсрочныхъ примѣчаніяхъ прибавлены варіанты изъ другихъ договоровъ.

[2]) См. дополненіе № XI: Содержаніе договоровъ Новгорода съ князьями.

стника князя Ѳеодора Ростовскаго, а *для опредѣленія отношеній къ намѣстнику получили отъ в. к. Василія Дмитріевича уставную грамоту въ 1398 году.* Съ тою же цѣлью была издана въ 1488 году Бѣлоозерская уставная грамота в. к. Московскимъ Иваномъ III, опредѣлившимъ этою грамотою отношенія Бѣлоозерцевъ къ великокняжескому намѣстнику.

Обѣ грамоты содержатъ въ себѣ вступленіе, именующее лицо, давшее грамоту, и населеніе, ее получившее; постановленія, опредѣляющія *организацію намѣстническаго управленія и суда и въ особенности финансовыя права намѣстника и его помощниковъ*, въ видѣ опредѣленныхъ приношеній въ извѣстные сроки (кормъ) и въ видѣ опредѣленныхъ доходовъ съ рѣшенныхъ дѣлъ (пошлины); заключеніе, содержащее въ себѣ угрозу нарушителямъ грамоты и указаніе на время ея изданія [1]).

Ханскіе ярлыки. Такъ назывались *грамоты монгольскихъ хановъ.* Изъ лѣтописи видно, что ханы давали ярлыки русскимъ князьямъ, митрополитамъ и разнымъ церковнымъ и мірскимъ учрежденіямъ. Сохранились только ярлыки, данные ханами русской церкви. Древнѣйшій изъ нихъ—ярлыкъ хана Менгу-Темира (1266 — 1267 г.), а позднѣйшій—хана Тулунъ-Бека (1379 г.); самый обширный по содержанію ярлыкъ хана Узбека, данный митрополиту Петру (1313 г.).

По закону Чингизъ-Хана его потомки обязаны были *соблюдать полную вѣротерпимость* въ подвластныхъ имъ владѣніяхъ и оказывать уваженіе и покровительство всѣмъ религіямъ и духовнымъ лицамъ, состоявшимъ подъ властью хана. Памятниками такой вѣротерпимости Монголовъ являются ханскіе ярлыки, предоставлявшіе русской церкви, всему духовенству и всѣмъ церковнымъ учрежденіямъ и лицамъ слѣдующія права: *неприкосновенность вѣры*, богослуженія и законовъ русской церкви; *неподсудность лицъ духовнаго званія* и всѣхъ людей, жившихъ въ церковныхъ имѣніяхъ, *суду*

---

[1]) Двинская грамота была открыта Карамзинымъ въ собраніи двинскихъ грамотъ, принадлежавшемъ прежде графу Мусину-Пушкину, а нынѣ хранящемся въ С.-Петербургской Императорской Публичной Библіотекѣ; впервые была напечатана въ 244 примѣчаніи къ V-му тому Исторіи Государства Россійскаго Карамзина; перепечатана въ первомъ томѣ Актовъ Археографической Экспедиціи и въ собраніяхъ памятниковъ древняго русскаго права Утина и Лазаревскаго, Аристова и Владимірскаго-Буданова. Бѣлоозерская грамота открыта Строевымъ въ 1829 году въ библіотекѣ частнаго лица города Вологды; впервые издана въ первомъ томѣ Актовъ Археографической Экспедиціи; перепечатана во второмъ выпускѣ Христоматіи Владимірскаго-Буданова. См. дополненіе № XII: Содержаніе Донской и Бѣлоозерской уставныхъ грамотъ.

свѣтскихъ чиновниковъ, за исключеніемъ разбоя и убійства; *освобожденіе отъ податей, повинностей и пошлинъ* въ пользу хановъ всего русскаго духовенства, ближайшихъ родственниковъ духовныхъ лицъ, всѣхъ церковныхъ людей и всѣхъ церковныхъ имуществъ.

За нарушеніе ярлыковъ «всѣми татарскими князьями, великими, средними и нижними, воеводами и вельможами, баскаками, послами и всѣми людьми татарскаго царства» ханы угрожали гнѣвомъ Божіимъ на небѣ и смертною казнью на землѣ: «Кто нашъ ярлыкъ преслушаетъ, то есть Богу повиненъ и гнѣвъ на себя отъ Него пріемлетъ, а отъ насъ будетъ ему казнь смертная». Ярлыки умалчиваютъ объ обязательности ихъ для русскихъ князей; повидимому, ханы не желали вмѣшиваться въ отношенія русскихъ князей къ русской церкви.

Жалованныя и данныя грамоты. Жалованными грамотами называются письменныя распоряженія князей, дававшія какія бы то ни было права по управленію, суду, земельнымъ владѣніямъ и льготамъ по отбыванію государственныхъ податей и повинностей. По своему содержанію они представляютъ слѣдующія разновидности.

1. *Грамоты на кормленія, отъ имени князей передававшіе областные города въ «кормленіе» — управленіе* служилымъ людямъ, съ правомъ судить жившее въ нихъ народонаселеніе и собирать въ свою пользу опредѣленные намѣстническіе доходы [1]).

---

[1]) Образцами могутъ служить грамоты московскихъ князей, данныя Расла-Протасьевымъ: „Се язъ Князь Великій Василей Васильевичь всеа Русіи *пожаловалъ* есми Ивана Григорьевича Расла, прозвище Иватя Протасьева, и сына его Конона Ивановича волостью Лузою, за ихъ къ намъ выѣздъ, въ кормленья. И вы всѣ люди тое волости, чтите ихъ и слушайте; *а они васъ вѣдаютъ, и судити и ходити велятъ у васъ тіуномъ своимъ*; *а доходъ иматъ по наказному списку*. Писанъ на Москвѣ, лѣта 6933, Августа въ 28 день“, Акты Юрид.; № 161, I. Се язъ Князь Великій Василій Васильевичъ всея Руссіи *пожаловалъ* есми Ивана Григорьевича Расла, прозвища Иватя Протасьева, и сына его Конона Ивановича *въ кормленье* въ Мещерѣ городомъ Елатмою и Кадомою, съ мыты и съ перевозы и *со всѣми намѣстничьи доходы*, и съ пошлиною, что было дано за выѣздъ отцу его Ивану. И вы всѣ люди тѣхъ городовъ и становъ и волостей, чтите ихъ и слушайте; а они васъ вѣдаютъ; а судити и ходити велятъ у васъ тіунамъ своимъ, *а доходъ иматъ по наказному списку*“. Тамъ же, II. Въ дополненіе къ приведеннымъ грамотамъ тотъ же князь 20 Мая 1508 года „пожаловалъ есми Протасья Акинфовича Протасьева въ кормленье въ Мещерѣ и въ Мещерскомъ уѣздѣ всею пошлиною, кто что продастъ или промѣнитъ или купитъ.

2. *Грамоты на вотчины*, которыми князья передавали въ вѣчное владѣніе митрополитамъ, епископамъ, монастырямъ, церквамъ и служилымъ людямъ права хозяевъ, администраторовъ и судей въ своихъ селахъ и деревняхъ, *съ освобожденіемъ отъ всѣхъ даней, повинностей* и пошлинъ или только отъ опредѣленной части ихъ [1]).

3. *Грамоты на помѣстья*, которыми князья передавали служилымъ людямъ и церковнымъ учрежденіямъ села и деревни *во временное пользованіе, безъ освобожденія* крестьянскаго населенія передаваемыхъ селъ и деревень *отъ дани и посошной службы*, а съ правомъ пользоваться только опредѣленнымъ оброкомъ, кормами и пошлинами [2]).

И выбъ всѣ люди являли *кормленщику* нашему Протасью Акинфовичю; а онъ у васъ велитъ пошлины имать тіуну своему; а кто пошлинъ не явитъ, и ему кормленщику нашему взять на томъ промытъ; *а промытъ и пошлины имать по наказному списку*". Тамъ же, III. Эти грамоты в. к. Василья Васильевича были подтверждены царями Иваномъ Васильевичемъ и Ѳеодоромъ Ивановичемъ въ 1555 и 1584 годахъ. Тамъ же, IV, V.

[1]) Образцомъ можетъ служить слѣдующая грамота Ярославскаго князя Ѳедора Ѳедоровича: „Пречистые ради Богоматери, се язъ Князь Федоръ Федоровичъ *пожаловалъ* есми игумена съ братьею Толсково деревнею Куколцинымъ, и съ лѣсомъ и съ пожнями, куды топоръ ходилъ, куды коса ходила, съ пошлою землею, что къ ней изстарины тянуло; и *кто въ ней иметь жити крестіянъ, и тѣмъ крестіяномъ ненадобѣ имъ моя дань, ни тамга, ни новоженная куница, ни кормъ данной, ни таможной кормъ, ни волостелинъ кормъ, ни доводщичь кормъ, ни иные моіе никоторые пошлины; ни волостель мой, ни доводщикъ къ нимъ не въѣзжаетъ, ни приставовъ своихъ къ нимъ не всылаетъ ни въ чемъ*; а что купятъ, или что продадутъ, и нѣ таможникомъ моимъ не являютъ; а свяжется тѣмъ крестіяномъ судъ съ моими крестіяны съ волостными, ино ихъ сужу язъ самъ Князь Федоръ Федоровичъ; а будетъ виноватъ пречистые Богоматери крестіянинъ, и онъ Пречистой; а кто будетъ мой волостель, или доводщици, или таможници, и нѣ имъ грамоту явятъ, а не дадутъ имъ поминка ничего, ни гостя передъ ними не ставятъ. А грамоту писалъ Игнаша Пантелѣевъ". А. А. Э.; т. I, актъ № 15. См. еще Ак. Ист.; т. I, № 2.

[2]) Напримѣръ „Се язъ князь великій Иванъ Васильевичъ всея Руси и сынъ мой князь великій Василей Ивановичъ всея Руси *пожаловалъ* есми Семена Олександрова сына Огарева въ своей отчинѣ въ Великомъ Новѣгородѣ въ Шелонской пятинѣ въ Высокогородцкомъ уѣздѣ въ Дегожскомъ погостѣ *своими великихъ князей деревнями*" (перечень деревень) *„въ помѣстье, съ доходомъ съ денежнымъ и съ хлѣбнымъ и съ*

4. *Грамоты на льготныя права разнаго рода*; напримѣръ, грамота в. к. Василія Дмитріевича на право покупки черной деревни съ освобожденіемъ отъ княжескихъ суда, пошлинъ и повинностей, за исключеніемъ дани и яму [1]); грамота великаго князя Ивана Даниловича о льготахъ людямъ Новгородскаго Юрьева монастыря, живущимъ на Волокѣ [2]); грамота Нижегородскаго князя Александра Степановича объ освобожденіи городскихъ и сельскихъ людей Благовѣщенскаго монастыря отъ пошлинъ и воспрещеніи селить на монастырскихъ земляхъ черныхъ людей [3]); грамота великаго князя Московскаго Димитрія Ивановича Новоторжцу Евсевку по случаю его переселенія изъ Торжка въ Кострому, съ освобожденіемъ отъ дани и всѣхъ пошлинъ взамѣнъ годичнаго оброка въ размѣрѣ пяти куницъ [4]); грамота того же князя какому-то Микулѣ съ дѣтьми объ освобожденіи отъ дани, намѣстническаго суда и пошлинъ [5]); и др.

Княжескія духовныя грамоты. Содержатъ въ себѣ распоряженія князей на случай смерти о раздѣлѣ между ихъ наслѣдниками доходовъ—«волостей» въ городахъ, селъ, движимаго имущества, объ отпускѣ дворовыхъ людей на свободу, объ общей охранѣ сонаслѣдниками черныхъ людей и др. [6]).

мелкимъ доходомъ, опричь нашіе великихъ князей и обежные дани. Писанъ на Москвѣ лѣта 7001 на десять, Генваря въ 23 день". Моск. Арх. Мин. Юст. Отдѣлъ книгъ Вотч. Конт. по г. Новгороду; кн. № 14; актъ № 70, л. 140 об. „Се язъ князь великій Иванъ Васильевичъ всеа Руси *пожаловалъ* есми Васюка Иванова сына Тыртова въ своей отчинѣ въ великомъ Новѣгородѣ, въ Шелонской пятинѣ, волостькою Костянтиновскою Немово да сына его Василья въ Дегожскомъ погостѣ на Шелоне близко Вылсокого городка *въ помѣстье, съ доходомъ съ денежнымъ и съ хлѣбнымъ по старинѣ*, со всѣмъ потому, какъ та волостька была за Костянтиномъ за Немымъ и за его сыномъ за Васильемъ. А дана грамота лѣта 7000 девятьдесятъ, девятаго Октября". Тамъ же; актъ № 73.

[1]) А. А. Э.; I, № 20.

[2]) Тамъ же, № 4.

[3]) Тамъ же, № 17.

[4]) Доп. къ Акт. Ист., т. I, № 8.

[5]) Тамъ же, № 9.

[6]) Изданы въ первомъ томѣ Румянц. Собр. Гос. Грам. и Договоровъ. Вторая грамота И. Д. Калиты напечатана во второмъ выпускѣ Хрестоматіи Владимірскаго-Буданова.

II. Вѣчевое законодательство.

Вышеприведенныя грамоты доказываютъ, что въ удѣльныхъ княжествахъ древней Руси всѣ виды законодательныхъ актовъ были издаваемы князьями, какъ верховными органами государственной власти. Въ удѣльныхъ народоправствахъ, наоборотъ, всѣ виды законодательныхъ актовъ были издаваемы народными собраніями, вѣчами Новгорода и Пскова. Образцами отдѣльныхъ актовъ вѣчевого законодательства служатъ:

Вѣчевая жалованная грамота жителямъ Терпилова погоста (1411 г.): «Господину посаднику новгородскому Василію Михайловичу, тысяцкому новгородскому Овдѣю Степановичу и всему Великому Новгороду *на вѣчѣ* на Ярославлѣ дворѣ били челомъ Степанъ Осиповичъ и его братья, что емлютъ у нашихъ сиротъ, на Терпиловѣ погостѣ, поранье посаднице и тысяцкаго не по старинѣ. И посадникъ, и тысяцкій, и весь государь Великій Новгородъ даша грамоту жалованную «на вѣцѣ на Ярославлѣ дворѣ» сиротамъ Терпилова погоста: давати имъ поранье посаднице и тысяцкаго *по старымъ грамотамъ*... А кто сю грамоту преступитъ и дастъ Новгороду сто рублей [1]).

Вѣчевая жалованная грамота Соловецкому монастырю (1459 г.) на право владѣнія пустынными Соловецкими островами: «Весь господинъ государь Великій Новгородъ, вся пять концовъ, *на вѣцѣ* на Ярославлѣ дворѣ пожаловаша игумена Ивоню и всѣхъ старцевъ обители тыми островы... А кто иметъ наступатися на ти островы чрезъ сію жалованную Великаго Новгорода грамоту, и той дастъ великому Новгороду сто рублевъ въ стѣну. А къ сей грамотѣ приложилъ владыка Іона свою печать, посадникъ и тысяцкій степенные приложиша свои печати. Повелѣніемъ всего господина государя Великаго Новгорода изо всѣхъ пяти концовъ приложиша *печати*» [2]).

Двѣ вѣчевыя жалованныя грамоты (1448 и 1477 гг.), *составленныя «на вѣчѣ, на Ярославлѣ дворѣ», данныя Троицко-Сергіевому монастырю*, которыми возы и ладьи этого монастыря, отправляемыя въ новгородскія владѣнія, освобождены отъ пошлинъ, а его старцы, атаманы и казначеи отъ подсудности новгородскимъ посадникамъ. За нарушеніе грамоты назначенъ *штрафъ въ 50 рублей въ стѣну* господина государя Великаго Новгорода [3]).

---

[1]) А. И., I, № 17.

[2]) А. А. Э. I, № 62, с. 46.

[3]) Тамъ же, № 42, стр. 32. № 104, стр. 80.

Вѣчевая данная грамота на черный боръ (около 1437), которою Новгородъ назначилъ «на вѣчѣ» жалованье *князю Василію Васильевичу*, уступивъ ему право *собирать черный боръ по Новоторжскимъ волостямъ*, съ обозначеніемъ размѣра подати [1]).

Вѣчевая отказная грамота (1471 г.), которою *Новгородъ снялъ присягу* въ подданнической вѣрности *съ жителей Двинской земли* и извѣстилъ ихъ о передачѣ своихъ правъ на нихъ московскому князю [2]).

Вѣчевая срочная грамота (1471 г.), которою Новгородъ обязался *уплатить контрибуцію* московскому князю *Ивану III* съ опредѣленною разсрочкою [3]).

Изъ отдѣльныхъ актовъ вѣчевого законодательства составлялись офиціальные своды, подобные Русской Правдѣ. Сохранились отрывокъ Новгородскаго свода и сводъ Псковскій, извѣстные въ литературѣ подъ именами Новгородской и Псковской судныхъ грамотъ.

Новгородская Судная Грамота, сохранившаяся только въ отрывкѣ, открытомъ Карамзинымъ въ Пушкинскомъ Собраніи Двинскихъ Грамотъ, была напечатана въ первый разъ въ его Исторіи Государства Россійскаго [4]).

Грамота первоначально была составлена въ половинѣ XV-го вѣка, при великомъ князѣ Вас. Вас. Темномъ, а въ 1471 году, по желанію московскаго князя Ивана Васильевича III-го, была переписана на его имя [5]). Грамота начинается слѣдующими словами: «Доложа господы великихъ князей, в. к. Ивана Васильевича всея Руси и сына его в. к. Ивана Ивановича всея Руси, и по благословенію нареченнаго на архіепископство Великаго Новгорода и Пскова священноинока Ѳеофила, *се покончаша* посадники новгородскіе и тысяцкіе новгородскіе и бояря и житьи люди и купцы и черные люди, вся пять концовъ, *весь государь Великій Новгородъ на вѣчѣ* на Ярославлѣ дворѣ» [6]).

---

[1]) Тамъ же, № 32, стр. 24. Содержаніе этой грамоты, опредѣляющей значеніе „сохи“ въ древней Руси, см. въ дополненіи № XIII.

[2]) Тамъ же, № 93, стр. 73.

[3]) Тамъ же, № 90, стр. 65.

[4]) См. Карамзина: Ист. Гос. Рос., прим. 404 къ т. V. А. А. Э. I, № 92. Влад.-Буданова: Христ. I, с. 184—200. Литература тамъ же, с. 182, 183 и 201. Изд. 1885 г.

[5]) Въ дог. Ивана III съ Новгородомъ говорится: „А что *грамота докончальная* въ Новгородѣ промежъ себя о судѣ, ино у той грамоты быти имени и печати вел. князей“. А. А. Э., т. I, № 91.

[6]) См. дополненіе № XIV: Составъ содержанія Новг. Суд. грамоты.

Псковская Судная Грамота до 1843 года была извѣстна только по отрывку (конецъ грамоты отъ ст. 109 по 120), извлеченному Карамзинымъ изъ списка лѣтописи, хранящагося въ Московской Синодальной Библіотекѣ, напечатанному въ Исторіи Государства Россійскаго рядомъ съ отрывкомъ Новгородской судной грамоты (ст. 1—41). Въ 1843 году проф. Мурзакевичъ открылъ полный текстъ Грамоты въ сборникѣ древнихъ рукописей князя Воронцова въ Одессѣ [1]). Рукопись начинается слѣдующимъ вступленіемъ: «ся грамота выписана изъ великова князя Александровы грамоты, и изъ княжь Константиновы грамоты и изо всѣхъ приписковъ Псковскихъ пошлинъ, по благословенію отецъ всѣхъ пяти соборовъ, и священноиноковъ, и діаконовъ, и священниковъ и всего Божія священства, *всѣмъ Псковомъ на вѣчи* въ лѣто 6905». «А которой строкѣ пошлинной грамоты нѣтъ» (то есть, а въ случаяхъ, на которые старыхъ законовъ нѣтъ), говорится въ Грамотѣ, «и посадникомъ *доложити господина Пскова на вѣчѣ, да тая строка написать*. А которая строка въ сей грамотѣ не люба будетъ господину Пскову, ино та строка волно выписать вонъ изъ грамотъ (ст. 108)» [2]).

При изученіи содержанія вѣчевого законодательства необходимо помнить, что оно представляетъ собою только мѣстное дополненіе и частичное измѣненіе системы общихъ законовъ, дѣйствовавшихъ въ Россіи эпохи удѣльныхъ государствъ. *Въ XIII — XVI столѣтіяхъ Русская Правда сохраняла значеніе общерусскаго закона* во всѣхъ своихъ частяхъ, не отмѣненныхъ удѣльными князьями и вѣчами. Отсюда постановленія Новгородской и Псковской судныхъ грамотъ, взятыя сами по себѣ, въ отдѣльности, безъ сравненія съ содержаніемъ системы общерусскихъ законовъ эпохи удѣльныхъ государствъ, кажутся отрывочными, неполными и часто непонятными. Ссылаясь на «пошлину», вѣчевыя постановленія умалчиваютъ о многихъ учрежденіяхъ и отношеніяхъ первостепенной важности. Эти институты и отношенія были уже регламентированы сохранявшими силу закона постановленіями Русской Правды. Напримѣръ, въ вѣчевыхъ судныхъ грамотахъ немногія статьи посвящены спеціально опредѣленію преступныхъ дѣяній и наказаній, а въ большинствѣ случаевъ о преступленіяхъ и наказаніяхъ говорится случайно, отрывочно, при опредѣленіи порядка подсудности, размѣровъ судеб-

---

[1]) См. Мурзакевича: „Псковская Судная Грамота". Одесса. 1847 г. Устрялова: „Изслѣдованіе Псковской Судной Грамоты", съ переводомъ въ приложеніи. Изд. 1855 г. Владимірскаго-Буданова: „Христоматія", I; на стр. 182 и 183 перечень изданій и литературы.

[2]) Составъ содержанія Псковской судной грамоты см. въ дополненіи № XV.

ныхъ пошлинъ и различій судебнаго процесса въ разныхъ формахъ судовъ. О вирѣ не упоминается въ Новгородской и Псковской судныхъ грамотахъ, а потому изучающій содержаніе вѣчевыхъ судныхъ грамотъ безъ сравненія съ содержаніемъ другихъ памятниковъ права эпохи удѣльныхъ государствъ можетъ придти къ заключенію, что институтъ виры не существовалъ въ народоправствахъ; но такое заключеніе будетъ ошибочно; институтъ виры въ народоправствахъ имѣлъ то же значеніе, какое онъ имѣлъ по общему закону Русской Правды. Въ договорѣ Новгорода съ Казиміромъ IV (1470—1471), къ статьѣ, опредѣляющей часть публичнаго штрафа за убійство, уступаемую Новгородомъ князю, говорится: «а сведется вира, а намъ виръ не таити въ Новгородѣ». Въ другой статьѣ того же договора говорится: «а тіуну твоему въ Торжку судити судъ съ новгородскимъ посадникомъ: и виры и полевое по новгородскому суду». Въ постановленіяхъ судныхъ вѣчевыхъ грамотъ, относящихся къ гражданскому праву, не встрѣчаются также многіе институты и отношенія, уже получившіе законодательныя опредѣленія въ Русской Правдѣ; напримѣръ, здѣсь нѣтъ постановленій, направленныхъ къ опредѣленію количества процентовъ по денежнымъ займамъ, правилъ опеки, способовъ перехода изъ свободнаго въ рабское состояніе и пр. Даже въ постановленіяхъ, относящихся къ процессу, спеціальной задачѣ судныхъ грамотъ, находимъ важные пробѣлы: не указывается, какое значеніе имѣли въ системѣ судебныхъ доказательствъ сводъ, слѣды преступленія и пр. Вѣчевое законодательство регулировало мѣстныя особенности юридической жизни народоправствъ; *а юридическіе институты и отношенія, не затронутые вѣчевыми грамотами, опредѣлялись общими законами Русской Правды.*

ГЛАВА XXVI.

Происхожденіе, исторія, централизація и научное значеніе архивныхъ матеріаловъ.

Со времени появленія письменнаго дѣлопроизводства въ правительственныхъ и общественныхъ учрежденіяхъ появилась и необходимость *хранилищъ публичныхъ и частныхъ письменныхъ актовъ, какъ средствъ удостовѣренія и укрѣпленія публичныхъ и частныхъ правъ.* Хранилища такихъ актовъ, именуемыя нынѣ *архивами*, были учреждены въ Россіи сначала при ризницахъ особо уважаемыхъ

храмовъ, а потомъ и при канцеляріяхъ правительственныхъ и общественныхъ судебно-административныхъ учрежденій, называвшихся приказными и земскими дворами, избами, дворцами и палатами.

Въ Кормчей книгѣ, нынѣ хранящейся въ Московской Синодальной Библіотекѣ, имѣется слѣдующая древняя отмѣтка: «въ лѣто 6790 (1280) написаны быша книги сія повелѣніемъ новгородскаго князя Дмитрія и стяжаніемъ боголюбиваго архіепископа новгородскаго Климента, и *положены быша въ церкви святой Софіи на почитаніе священникамъ и на послушаніе христіанамъ*». Рядомъ съ каноническими правилами и наставленіями св. отцовъ церкви въ этой книгѣ содержатся Русская Прзвда пространной редакціи, церковный уставъ князя Владимира краткой редакціи и церковный уставъ князя Святослава 1137 года [1]). Въ Псковѣ публичные и частные юридическіе акты хранились въ «*ларѣ*» храма св. Тройцы; а акты, здѣсь хранимые, признавались безспорными судебными доказательствами [2]).

Древнѣйшіе статуты Западной Руси требовали, чтобы воеводы, старосты и земскіе судьи въ каждомъ воеводствѣ, повѣтѣ и землѣ отвели *безопасныя помѣщенія для храненія актовыхъ книгъ*, а гдѣ такихъ помѣщеній въ наличности не было, тамъ должно было построить каменныя хранилища въ дворцахъ и замкахъ и содержать въ нихъ актовыя книги прежнихъ лѣтъ въ крѣпкихъ сундукахъ, за тремя замками, одинъ ключъ отъ которыхъ хранился бы у судьи, другой у подсудка, а третій у писаря. Пользоваться архивными документами дозволялось только въ архивныхъ помѣщеніяхъ и въ присутствіи ихъ хранителей [3]). Сеймовыя постановленія предписывали оберегать архивы надежною стражею, помѣщать актовыя книги старыхъ лѣтъ въ обособленныхъ каменныхъ зданіяхъ и ежегодно ревизовать [4]).

Судебники Восточной Руси, Уложеніе 1649 года и отдѣльные царскіе указы требовали, чтобы дьяки и подъячіе не выносили «государевыхъ и челобитчиковыхъ дѣлъ» на частые дворы и подворья,

---

[1]) См. Рус. Дост.; ч. I, стр. 18—21.

[2]) „А тотъ умершій съ порядпею и рукописаніе у него написано и *въ ларь положено*, ино на тыхъ приказникахъ не искати чрезъ рукописаніе". Пск. Суд. Грам., ст. 14. Въ лѣтописи упоминается „игуменъ Евгеній, иже преже былъ ларникомъ во Псковѣ, и въ той власти многу тяготу людямъ сотвориша, и убѣже, и пострижеся".

[3]) Статутъ 1566 г., раздѣлъ IV, артикулъ 11; Статутъ 1588 г.; раздѣлъ IV, артикулъ 13 (11).

[4]) Сборн. Арх. Инст. кн. I; отд. I, стр. 23 и 27.

а *хранили бы ихъ «со всякимъ опасеніемъ и радѣніемъ» въ городахъ—крѣпостяхъ, въ казенныхъ помѣщеніяхъ* приказныхъ палатъ, дворцовъ, дворовъ и избъ, за печатями, подъ угрозою потери права приказной службы и наказанія кнутомъ за нарушеніе требованій закона, направленныхъ къ храненію въ цѣлости и порядкѣ архивныхъ матеріаловъ [1]).

Дьяки и подъячіе обязаны были хранить архивные акты въ сборникахъ установленной *столповой формы* (столбцы или свитки) и всякое дѣло скрѣплять своею рукою «по ссставомъ»—склейкамъ листовъ [2]).

Отдѣльные акты и сборники актовъ всѣхъ видовъ и формъ хранились *въ закрытыхъ приспособленіяхъ*, именуемыхъ въ источникахъ столами, сундуками и сундучками, ящиками и ящичками, ларами и ларцами, коробками и коробочками, мѣшками и мѣшечками [3]). Подвижныя хранилища размѣщались *въ «палатахъ» и «казенкахъ» приказныхъ дворцовъ и избъ*; а для внутренней и внѣшней охраны приказовъ и хранившихся въ нихъ государевыхъ дѣлъ назначались *въ ночное время дежурства* изъ подъячихъ, сторожей, разсыльныхъ, стрѣльцовъ и другихъ ратныхъ людей, число которыхъ опредѣлялось значеніемъ города и размѣромъ приказнаго зданія [4]).

Контроль храненія провинціальныхъ архивовъ въ порядкѣ и цѣлости *состоялъ въ рукахъ намѣстниковъ и воеводъ*, въ свою очередь состоявшихъ подъ контролемъ *московскихъ приказовъ*, которымъ мѣстныя учрежденія обязаны были представлять ежегодные отчеты и описи о состояніи архивовъ [5]). Высшій контроль приказной службы былъ сосредоченъ *при особѣ государя*, которому всѣ приказы обязаны были представлять «описныя книги» приказныхъ дѣлъ въ опредѣленный срокъ, подъ угрозою царской опалы за неисполненіе этого требованія; а государь контролировалъ приказное дѣлопроизводство при посредствѣ Тайной или Ближней царской думы и состоявшаго при ней Приказа тайныхъ дѣлъ,—канцеляріи царя и царской думы [6]).

Слѣдовательно, въ основѣ древняго русскаго архивнаго законодательства лежали раціональныя начала: письменные акты дѣятельности

---

[1]) Судебникъ 1550 г.; ст. 28, 41, 62 и 69. Уложеніе 1649 г.; ст. 11—13. Полн. Собр. Зак., № 1602.

[2]) Судебникъ 1552 г., ст. 28; Уложеніе 1649 г., ст. II.

[3]) См. Д. Я. Самоквасова „Архивное дѣло въ Россіи"; кн. II, стр. 5 и слѣд. Изданіе 1902 г.

[4]) Тамъ же, стр. 7.

[5]) Тамъ же, стр. 9.

[6]) Тамъ же, стр. 9—13.

государственныхъ учрежденій по удостовѣренію и укрѣпленію публичныхъ и частныхъ правъ признавались государственною собственностью, хранились исключительно въ казенныхъ зданіяхъ и описывались должностными лицами подъ фактическимъ контролемъ мѣстныхъ центральныхъ и высшихъ органовъ правительственной власти. Коренное начало древняго русскаго архивнаго законодательства выражается въ требованіи *хранить «государевы дѣла»—архивные матеріалы въ цѣлости и порядкѣ, безъ уничтоженія дѣйствующими учрежденіями какихъ бы то ни было актовъ своего дѣлопроизводства.*

Но осуществленіе этого требованія закона встрѣчало на практикѣ преграду въ разрозненности архивныхъ матеріаловъ во множествѣ столичныхъ и провинціальныхъ приказныхъ учрежденій, при которой защита бумажныхъ актовъ отъ естественныхъ разрушителей,—воды и огня,—была невозможна. Архивные матеріалы гибли массами отъ сырости въ городахъ столичныхъ и провинціальныхъ. Даже въ приказахъ, состоявшихъ при особѣ государя, архивные документы по истеченіи 20—50 лѣтъ оказывались съ отгнившими началами и концами и совершенно гнилыми «отъ палатныя сырости [1]). Съ другой стороны законъ требовалъ хранить приказныя дѣла бережно въ городахъ и не выносить ихъ изъ приказныхъ помѣщеній за городъ и на частные дворы и подворья. Но города древней Руси были «деревянные, на земляныхъ валахъ и просто на землѣ»; постройки въ городахъ были также деревянныя; а «деревянная Россія» возобновлялась по истеченіи каждаго полустолѣтія: выгорало такое количество городовъ и селеній, сколько ихъ было на государственной территоріи [2]).

Въ видахъ храненія архивныхъ матеріаловъ въ цѣлости и порядкѣ Регламентомъ Петра Великаго было постановлено: окончательно рѣшенныя дѣла 3-лѣтней давности обязательно сдавать въ архивъ, и «*имѣть два архива*: всѣмъ дѣламъ всѣхъ коллегій,

---

[1]) Тамъ же, стр. 13—16.

[2]) Горѣли города, приказныя палаты, дворцы, дворы и избы, а въ нихъ горѣли и архивные матеріалы. Едва успѣла оправиться Москва отъ „московскаго раззорѣнія“, какъ вновь была разрушена пожаромъ: „Въ нынѣшнемъ во 134 (1626) году Мая въ 3 день загорѣлися въ Китаѣ городѣ дворы, и Китай городъ выгорѣлъ, и отъ Китая Кремль городъ выгорѣлъ... и въ палатахъ во многихъ горѣло и во многихъ приказѣхъ многія государевы дѣла и многая государева казна погорѣли“... Если же въ Кремлѣ и Китай-городѣ пожары уничтожали приказныя палаты со всѣми дѣлами и казною, въ нихъ хранившимися, то въ деревянныхъ провинціальныхъ городахъ пожары приказныхъ избъ представляли очень частое и повсемѣстное явленіе. Тамъ же, стр, 14—18.

которыя не касаются приходу и расходу, быть подъ надзираніемъ иностранныхъ дѣлъ коллегіи; а которые касаются приходу и расходу, тѣмъ быть подъ надзираніемъ ревизіонъ-коллегіи» [1]); а общимъ наказомъ губернаторамъ, воеводамъ и ихъ товарищамъ 17-го Сентября 1728 года было предписано: «*въ каждой провинціи учредить архивъ и хранить въ одномъ мѣстѣ всѣ рѣшенныя дѣла*, составя имъ описи — «росписные списки» [2]). Этимъ же закономъ *архивное дѣло государства было передано высшему управленію и контролю Правительствующаго Сената*.

Сенатскимъ указомъ 27 Января 1736 года было предписано: «для старыхъ дѣлъ на *архивы сдѣлать палаты каменныя* со сводами и полами каменными и съ затворы у дверей и у оконъ и съ рѣшетки желѣзными» [3]); а 28 Мая 1768 года сенатскимъ указомъ было постановлено: 1) «чтобы въ каждомъ мѣстѣ къ опредѣленію *въ архиваріусы* присутствующими *выбираемы были люди трезваго житія и неподозрительные, въ порокахъ* и иныхъ пристрастіяхъ не примѣченные, и 2) *дабы архивы* непремѣнно въ *каждый годъ* одинъ разъ самими присутствующими съ прилежнымъ наблюденіемъ *свидѣтельствованы были*» [4]).

Именной указъ 24 Октября 1780 года предписалъ: «Для сохраненія дѣлъ бывшихъ по разнымъ присутственнымъ мѣстамъ, кои сами собою уже упраздняются, и для удобнѣйшихъ обо всемъ нужномъ справокъ *учредить здѣсь особый архивъ старыхъ дѣлъ*... Въ этотъ архивъ каждое мѣсто изъ именованныхъ выше обязано тотчасъ отослать всѣ свои рѣшенныя дѣла, равно и тѣ, кои не требуютъ рѣшенія; да и

---

[1]) Генеральный Регламентъ, глава 44.

[2]) „А которыя дѣла въ прежде бывшихъ разныхъ канцеляріяхъ и конторахъ были, кромѣ вѣдѣнія магистратскаго, всѣ собрать въ одно мѣсто и внесть въ росписной списокъ, а чтобъ оныя впредь порядочно были содержаны, то велѣть къ настоящему и будущему правленію, яко уложенье, регламенты и инструкціи, указы, окладныя и доимочныя книги и прочее, тому подобное, содержать въ своей канцеляріи, а вершенныя и дѣйствомъ оконченныя и старыхъ лѣтъ дѣла, которыя уже къ дѣйству и рѣшенію не подлежатъ, тѣ, отобравъ, положить въ особливое безопасное мѣсто, и учинить имъ роспись съ нумерами, чтобы въ случаѣ пріисковъ не было затрудненій, и никакое бъ дѣло не утратилось; также и впредь оконченныя и вершенныя дѣла въ помянутое храненіе съ росписскою отдавать и въ росписи вносить“. Полн. Собр. Зак., № 5333.

[3]) Тамъ же, № 6875.

[4]) Тамъ же, № 13127.

какъ скоро которое либо дѣло возопріиметъ свое окончаніе,—туда же отдавать» [1]). Именной указъ 12 Марта 1781 года требованія предыдущаго указа распространилъ на всѣ провинціальныя учрежденія [2]).

Именнымъ указомъ 13 Іюня 1782 года значеніе архива опредѣлено слѣдующими словами: «*Изъ архива никакое дѣло вынесено быть не можетъ*; да и члены онаго не обязаны свидѣтельствовать архивныхъ копій, потому что *оное не есть такое мѣсто, въ которомъ бы производство дѣлъ было, а единое есть оныхъ хранилище* [3]).

Именной указъ 17 Іюня 1800 года объявилъ: «Поелику Генеральнаго Регламента въ 44 главѣ предписано: «книги, документы, дѣла, учиненныя регистратуры, когда оныя три года въ канцеляріи и конторѣ лежали, потомъ въ архивъ архиваріусу отдаются», предписать всѣмъ присутственнымъ мѣстамъ, Губернскимъ правленіямъ и Казеннымъ палатамъ, *чтобъ они рѣшенныя по вѣдомству своему дѣла болѣе трехъ лѣтъ въ канцеляріяхъ не удерживали*, а отдавали бы оныя, по силѣ Генеральнаго Регламента, въ надлежащее время въ архивъ, *подъ опасеніемъ строгаго и неминуемаго за сіе отвѣта и по законамъ взысканія*» [4]).

Это былъ послѣдній указъ времени направленія и контроля архивной службы въ государствѣ Правительствующимъ Сенатомъ, когда государственные *архивные матеріалы были сосредоточены сравнительно въ немногихъ столичныхъ и провинціальныхъ центральныхъ архивахъ* (Губернскихъ правленій, Казенныхъ палатъ и палатъ Суда и Расправы), когда *архивы были помѣщены въ каменныхъ зда-*

---

[1]) Тамъ же, № 15074.

[2]) „По прошествіи годового срока въ канцеляріяхъ оставить единственно только тѣ дѣла, по коимъ челобитчики или отвѣтчики явятся и рѣшенія требовать будутъ; прочія жъ дѣла, остающіяся за срокомъ, отдать въ архивъ къ вѣчному забвенію". Тамъ же, № 15133.

[3]) Тамъ же, № 15431.

Именнымъ указомъ 2 октября 1782 года учрежденъ въ Москвѣ „особый архивъ, подобный С.-Петербургскому, подъ названіемъ *Государственный Московскій Архивъ старыхъ дѣлъ*"; (тамъ же, № 15530); именнымъ указомъ 7 Октября 1785 года постановлено: *архивъ Вотчинной Коллегіи отдѣлить особо* (тамъ же, № 16273); *архивъ разрядный* переданъ въ вѣдомство Департамента Герольдіи; а сенатскимъ указомъ 18 февраля 1798 года предписано: „рѣшенныя и исполненныя, равнохранящіяся въ архивахъ упраздненныхъ среднихъ мѣстъ дѣла (судебныя)... отдать съ надлежащею описью въ *архивъ Палаты суда и расправы*". Тамъ же, № 19387.

[4]) Тамъ же, № 19456.

ніяхъ присутственныхъ мѣстъ, *а ихъ храненіе и описаніе поручалось лучшимъ людямъ канцелярій.*

По учрежденіи министерствъ въ началѣ XIX столѣтія за Сенатомъ оставалась обязанность контроля по исполненію дѣйствующаго законодательства всѣми столичными и провинціальными государственными учрежденіями; но на практикѣ *Сенатъ потерялъ значеніе «правительствующаго»*, потому что его старая законодательная функція была передана Государственному Совѣту, а правительственная Министрамъ и Комитету Министровъ, имѣвшимъ возможность кассировать всякое рѣшеніе Сенатъ при посредствѣ личныхъ докладовъ Государю и Высочайше утвержденныхъ журналовъ, положеній и правилъ Комитета Министровъ. При такихъ условіяхъ *повѣрка Сенатомъ порядка дѣлопроизводства въ столичныхъ и провинціальныхъ учрежденіяхъ, требуемая закономъ, прекратилась;* а въ результатѣ уже въ первой четверти XIX вѣка безпорядочность въ дѣлопроизводствѣ канцелярій дѣйствовавшихъ учрежденій характеризуетъ Сенатскій указъ 11 Ноября 1820 года слѣдующими словами: «Сенатомъ усмотрѣны: 1) величайшая медленность въ производствѣ дѣлъ, не взирая на то, что по многимъ предметамъ состоялись Высочайшія повелѣнія разсмотрѣть и рѣшить оныя безъ очереди; 2) необыкновенное удаленіе отъ исполненія обязанностей, возложенныхъ на суды и чиновниковъ; 3) *чрезвычайное небреженіе о сохраненіи въ цѣлости дѣлъ, книгъ и реестровъ, содержащихся въ архивахъ...* не только Генеральный Регламентъ, но и указъ 1768 года Мая 28, оставлены въ совершенномъ забвеніи... *можно ли, чтобъ до такой степени ослабѣлъ порядокъ и замолчали законы»* [1]).

Тѣмъ же Сенатскимъ указомъ предписано: «*Въ огражденіе на будущее время правительства отъ вреда, производимаго безпорядочнымъ содержаніемъ архивовъ*, повсемѣстно и строжайшимъ образомъ предписать, дабы всѣ мѣста и лица, обязанныя содержать архивы или вести установленныя законами книги, непремѣнно и во всей точности соблюдали силу 38 и 44 главъ Генеральнаго Регламента и указъ 1768 года Маія 28 дня, подъ опасеніемъ за неисполненіе того преданія суду по всей строгости законовъ». Сенатскимъ указомъ 6 Апрѣля 1825 года снова предписано: «Въ сдачѣ дѣлъ въ архивъ надлежитъ непремѣнно руководствоваться, какъ главнымъ и кореннымъ на сей случай закономъ Генеральнаго Регламента 44 главою и подтвердительными указами Правительствующаго Сената... *всѣмъ губернскимъ и областнымъ правленіямъ и правительствамъ строжайше подтвердить о точномъ и неослабномъ исполненіи вышеозначенныхъ узаконеній* съ тѣмъ, что отвѣтственность за упущенія

---

[1]) Полн. Собр. Закон.. № 28460.

въ семъ случаѣ падетъ на тѣ лица, на кои возложенъ надзоръ за исправнымъ теченіемъ дѣлъ и своевременною отдачею оныхъ въ архивъ» [1]).

Сенаторы, ревизовавшіе западную Сибирь въ 1828 году, замѣтили большія неисправности въ разрозненныхъ архивахъ провинціальныхъ присутственныхъ мѣстъ и на основаніи Генеральнаго Регламента предложили мѣстнымъ начальствамъ *«учредить въ каждомъ губернскомъ городѣ общій архивъ для храненія рѣшенныхъ дѣлъ всѣхъ присутственныхъ мѣстъ»*... Но это предложеніе сенаторовъ, какъ и сенатскіе указы первой четверти XIX столѣтія о централизаціи архивовъ и храненіи государственныхъ архивныхъ матеріаловъ въ цѣлости и порядкѣ, оставались мертвою буквою, потому что рядомъ съ сенатскою регламентаціей по архивному дѣлу въ государствѣ уже дѣйствовала министерская регламентація другого направленія, имѣвшая своимъ слѣдствіемъ во второй половинѣ XIX столѣтія такое движеніе документальнаго народнаго имущества на бумажныя фабрики, что въ настоящее время во многихъ центральныхъ архивахъ при Губернскихъ правленіяхъ, Казенныхъ палатахъ и другихъ провинціальныхъ и столичныхъ дѣйствующихъ учрежденіяхъ, содержавшихъ въ себѣ еще въ половинѣ XIX столѣтія богатыя собранія актовъ и документовъ прошлыхъ столѣтій, не осталось въ наличности даже актовъ первой половины XIX столѣтія [2]).

Въ Западной Европѣ, какъ и въ Россіи, со времени появленія письменнаго дѣлопроизводства въ государственныхъ учрежденіяхъ были издаваемы законы объ охранѣ архивовъ, дававшіе средства на храненіе въ цѣлости и порядкѣ архивныхъ матеріаловъ; письменные акты дѣятельности правительственныхъ учрежденій, дававшіе, удостовѣрявшіе и укрѣплявшіе публичныя и частныя права, хранились въ канцелярскихъ архивахъ безъ уничтоженія какихъ бы то ни было дѣлъ.

Съ развитіемъ въ новой исторіи раздѣленія властей и децентрализаціи правительственнаго управленія и суда, древнія учрежденія были частью упразднены, частью преобразованы, при чемъ ихъ компетенція дробилась между многими новыми учрежденіями; возникло множество хранилищъ бумажнаго дѣлопроизводства при канцеляріяхъ множества новыхъ учрежденій, спеціально судебныхъ, административныхъ, военныхъ, полицейскихъ, финансовыхъ, учебныхъ, земскихъ, сословныхъ, благотворительныхъ, промышленныхъ [3]).

---

[1]) Тамъ же, № 30316.

[2]) См. Д. Самоквасова: Архивное Дѣло въ Россіи; кн. I и II. Изд. 1902 г.

[3]) Во Франціи конца XVIII-го столѣтія, какъ нынѣ въ Россіи, на-

Во владѣніе новыхъ канцелярій переходили архивы упраздненныхъ учрежденій; а съ теченіемъ времени канцелярскія помѣщенія наполнялись и актами по рѣшеннымъ дѣламъ новаго письменнаго дѣлопроизводства. Естественный ростъ архивныхъ матеріаловъ требовалъ соотвѣтственнаго расширенія государственныхъ расходовъ на архивныя хранилища и хранителей; но государственная казна уже не могла удовлетворить потребностямъ множества новыхъ учрежденій въ средствахъ храненія архивовъ въ цѣлости и порядкѣ. Очищая мѣсто въ своихъ помѣщеніяхъ для храненія дѣлъ новѣйшаго происхожденія, новыя присутственныя мѣста вынуждены были передвинуть старыя дѣла изъ своихъ помѣщеній въ дешевыя хранилища: документальное народное имущество, хранившееся прежде въ канцеляріяхъ, въ сундукахъ и шкафахъ, спеціально приспособленныхъ для храненія рукописныхъ матеріаловъ, очутилось въ сырыхъ, холодныхъ и темныхъ подвалахъ, на чердакахъ, въ сараяхъ и старыхъ крѣпостныхъ башняхъ [1]).

Съ дальнѣйшимъ накопленіемъ актовъ письменнаго дѣлопроизводства въ канцеляріяхъ новыхъ учрежденій приходилось имъ нанимать частныя помѣщенія для храненія старыхъ архивныхъ дѣлъ; а на этотъ предметъ не было назначеній въ канцелярскихъ штатахъ по множеству архивовъ, требовавшихъ средствъ, непосильныхъ для государственныхъ казначействъ. Тогда дѣйствующія учрежденія были поставлены въ необходимость уничтожать устарѣвшія рѣшенныя дѣла, чтобы дать мѣсто новымъ актамъ [2]).

считывалось множество архивовъ; въ одномъ только городѣ Парижѣ ихъ было болѣе 400: „Le mal dont nons plaignons encore aujourd'hui,— la décentralisation,—était incomparablement plus accentué sous l'ancien régime; on calcule qu'avant 1789 il y avait en France près de dix mille dépôts, plus de quatre cents à Paris seulement"; Ch. V. Langlois et H. Stein: „Les archives de l'histoire de France"; p. IV. Paris. 1891. См. Д. Самоквасова: „Централизація государственныхъ архивовъ"; кн. II; стр. 206—213. Изд. 1899 г.

[1]) Въ началѣ истекшаго столѣтія государственные архивы въ Лондонѣ, какъ нынѣ въ Москвѣ, Смоленскѣ, Нижнемъ Новгородѣ и другихъ русскихъ городахъ, помѣщались въ очень неудобныхъ для рукописей хранилищахъ; напримѣръ, свитки королевскаго архива помѣщались въ старой башнѣ непосредственно надъ пороховымъ погребомъ. Въ 1822 году часть королевскаго архива была помѣщена въ одной изъ конюшенъ; а когда эта конюшня была сломана, чтобы очистить мѣсто для зданія національной галлереи, то королевскій архивъ былъ помѣщенъ въ другой конюшнѣ. Тамъ же, стр. 160.

[2]) Тамъ же, кн. I: с. 98 и 100; кн. II, с. 133—137., 140—142 и др.

Законъ, требовавшій храненія архивовъ въ цѣлости и порядкѣ, въ каменныхъ зданіяхъ, въ сундукахъ и шкафахъ, подъ надзоромъ лучшихъ людей, и практика службы, помѣщавшая архивы въ подвалахъ, на чердакахъ, въ сараяхъ и башняхъ, въ безпорядочныхъ кучахъ, стали въ рѣзкое противорѣчіе: документальные памятники дѣятельности государственныхъ учрежденій стали гибнуть массами отъ сырости, огня, крысъ, частнаго расхищенія и офиціальной продажи на рынки и бумажныя фабрики.

Въ XIX столѣтіи, преимущественно во второй его половинѣ, государства Западной Европы нашли разумный выходъ изъ сказаннаго противорѣчія между закономъ и практикою жизни. Такимъ выходомъ послужили учрежденіе каѳедръ архивовѣдѣнія и школъ архивоведенія, обособленіе архивовъ отъ канцелярскихъ регистратуръ, централизація устарѣвшихъ дѣлъ въ немногихъ государственныхъ архивахъ, изданіе общаго для всѣхъ вѣдомствъ архивнаго законодательства, учрежденіе общаго для всѣхъ вѣдомствъ архивнаго управленія и контроля и снабженіе государственныхъ архивовъ спеціальными зданіями и штатами ученыхъ архивистовъ, способныхъ разбирать, классифицировать, описывать и научно издавать древніе документы.

Эта реформа архивнаго дѣла въ государствахъ Запада не потребовала непосильныхъ расходовъ изъ государственныхъ казначействъ; ее осуществили въ наше время не только богатыя, но и бѣднѣйшія государства. Эта реформа настоятельно необходима и въ Россіи, какъ государствѣ цивилизованномъ, также обладающемъ обширнымъ и сложнымъ письмоводствомъ и обязанномъ упорядочить архивное дѣло въ интересахъ настоящаго и будущихъ поколѣній русскаго народа.

Изученія памятниковъ исторіи законодательства недостаточно для фактическаго знанія исторіи юридической жизни народа, потому что законодательство часто стремится измѣнить старыя формы жизненныхъ правовыхъ институтовъ, но остается мертвою буквою на практикѣ и умалчиваетъ объ обычномъ правѣ, преимущественно опредѣляющемъ юридическія отношенія въ народной массѣ. Нашему законодательству до второй половины XIX столѣтія были неизвѣстны русская большая семья съ выборнымъ главою и русская община съ періодическимъ передѣломъ полей, открытая барономъ Гактсгаузеномъ; масса русскаго народа и теперь не знаетъ содержанія многотомнаго Свода Законовъ Россійской Имперіи, а опредѣляетъ личныя и имущественныя отношенія въ семьѣ и сельской общинѣ старымъ народнымъ обычаемъ, познаваемымъ при посредствѣ изученія актовъ дѣлопроизводства по крестьянскимъ дѣламъ, хранящихся въ волостныхъ архивахъ. Весь порядокъ словеснаго и письменнаго административнаго и судебнаго дѣлопроизводства остает-

ся внѣ опредѣленій древняго русскаго законодательства, въ наше время можетъ быть познанъ только посредствомъ изученія архивныхъ матеріаловъ, содержащихъ въ себѣ акты дѣятельности правительственныхъ и общественныхъ учрежденій и юридическіе акты частныхъ лицъ, въ которыхъ народная юридическая жизнь проявляется полнѣе и вѣрнѣе, нежели въ сохранившихся законодательныхъ актахъ. Въ архивахъ хранятся богатѣйшіе фактическіе матеріалы по исторіи русской церкви, исторіи экономическаго быта русскаго народа, территоріальнаго расширенія нашего государства и порядка заселенія русскимъ народомъ вновь пріобрѣтаемыхъ земель; по исторіи организаціи и движенія правъ разныхъ классовъ государственнаго народонаселенія; по исторіи организаціи и дѣятельности высшихъ центральныхъ и мѣстныхъ правительственныхъ учрежденій; по исторіи понятій о преступленіяхъ и наказаніяхъ и организаціи и дѣятельности судебной власти; по исторіи отношеній семейныхъ, общественныхъ, договорныхъ, наслѣдственныхъ и способовъ пріобрѣтенія и укрѣпленія личныхъ и имущественныхъ правъ; по исторіи внѣшнихъ и внутреннихъ событій русскаго государства, военныхъ и договорныхъ отношеній къ сосѣдямъ, средствъ государственной обороны, внутреннихъ народныхъ волненій и по множеству другихъ вопросовъ историко-юридическихъ наукъ.

Можно съ увѣренностью сказать, что фактическое изученіе исторіи права возможно только при посредствѣ научной разработки архивныхъ матеріаловъ, являющихъ собою несомнѣнные факты организаціи и дѣятельности древнихъ правительственныхъ и общественныхъ учрежденій. По вѣрному слову бывшаго Непремѣннаго Секретаря Императорской Академіи Наукъ Веселовскаго, сказанному въ публичномъ засѣданіи Академіи 29 Декабря 1884 года: «Архивы хранятъ основные источники, на которыхъ только и можетъ созидаться правдивая исторія русскаго народа и русскаго права»... «Все новое и выдающееся, что только появлялось въ нашей исторической литературѣ за послѣдніе годы, было плодомъ архивныхъ разысканій... Новое слово могутъ дать только архивныя сокровища, накопленныя у насъ вѣками, но тронутыя изслѣдователями въ слабой степени [1]). Описаніе, изданіе и научная разработка архивовъ древнихъ актовъ людьми спеціальной подготовки къ этому важному и трудному дѣлу, единственное научное средство вывести древніе періоды русской исторіи и исторіи русскаго права изъ современнаго «лабиринта личныхъ мнѣній и взглядовъ» [2]).

---

[1]) Вѣстникъ Арх. и Исторіи, изд. Арх. Инст. за 1886 г.; вып. VI; стр. 74.

[2]) См. „Архивное Дѣло въ Россіи“; кн. I. Введеніе: „Научная и практическая цѣнность архивовъ“. Д. Самоквасова. 1902 г.

Система институтовъ русскаго права эпохи удѣльныхъ государствъ.

А. Государственное право.

1. Территорія.

ГЛАВА XXVII.

Территоріальныя дѣленія, ихъ терминологія и значеніе. Административные центры и виды общественныхъ поселеній. Поземельныя границы.

Слово государство встрѣчается впервые въ лѣтописномъ описаніи переговоровъ Новгорода съ Московскимъ в. к. Иваномъ Васильевичемъ въ 1478 году [1]). Въ эпоху первыхъ Рюриковичей понятіе государственной территоріи, объединившей земли племенныхъ княженій, признавшихъ надъ собою завоевательную власть Кіевскаго князя Олега и его преемниковъ, выражается словами *Русская земля* [2]).

Понятіе о единой Русской землѣ, *возникшее въ завоевательную эпоху первыхъ Рюриковичей* [3]), смотрѣвшихъ на подвластныя земли покоренныхъ племенъ, какъ на территорію одного государства, при

---

[1]) П. С. Р. Л.; т. VI, с. 216.

[2]) „Мы отъ рода Рускаго... послании отъ Игоря, великого князя рускаго, и отъ всея князья, и отъ всѣхъ людій Руское земли“, говорятъ русскіе послы и гости Грекамъ въ 945 году; „да не посрамимъ *земли Руские*“, говоритъ князь Святославъ своимъ воинамъ въ 971 году; „дахъ церкви десятину *по всей Руской земли*“, говоритъ князь Владимиръ въ своемъ церковномъ уставѣ; „Правда уставлена *Русской земли*“, говорятъ дѣти Ярослава въ Русской Правдѣ. „Пособіе“, стр. 27, 37, 70, 85.

[3]) „Наченшю Михаилу царьствовати, начася прозывати *Руская земля*“. Тамъ же, 16.

посредствѣ частыхъ княжескихъ завоевательныхъ и для собиранія дани походовъ, съ дружинами и ополченіями, набранными изъ народонаселенія всѣхъ подвластныхъ племенныхъ княженій [1]), *проникало въ народъ* и выразилось въ его поэтическихъ сказаніяхъ [2]). Послѣдующее раздробленіе Кіевской Русской земли между размножившимися потомками Владимира Святославича *не разрушило народнаго понятія* о ея единствѣ, какъ земли православной, съ верховною властью князей только одного Рюрикова рода и съ общими законами, данными князьямъ этого рода и всей Русской землѣ Равноапостольнымъ Владимиромъ и его сыномъ. Это народное сознаніе по раздробленіи Кіевской Русской земли на множество удѣльныхъ государствъ способствовало Московскимъ князьямъ собрать снова эти государства въ Московскую Русскую землю вокругъ новаго политическаго центра.

Въ эпоху удѣльныхъ государствъ высшимъ дѣленіемъ Русской земли были *княжества*, именуемыя въ лѣтописяхъ *волостями*, *городами*, *отчинами и удѣлами*.

Слово *волость*—область, отъ владѣти—обладати, первоначально означало право на что бы то ни было [3]); въ переносномъ смыслѣ *слово волость означаетъ* принадлежность данной земли данному лицу или учрежденію, а въ частности *и территорію княжества* [4]).

Территорія даннаго княжества часто обозначается въ лѣтописи *именованіемъ главнаго города*, какъ политическаго центра съ извѣ-

---

[1]) „Пособіе", с. 20, 26.

[2]) Отвѣчаетъ Илья Муромецъ:
Володимеръ—князь *земли святорусскія*!...
И зговоритъ князь Владимиръ Кіевскій
Своимъ *русскимъ богатырямъ*...
См. Пѣсни, собр. Кирѣевскимъ; IV, с. 24, 48, 52 и др.

[3]) Русскіе „*не имѣютъ волости купити* паволокъ... (Догов. 945 г., ст. 2). „О Коркуньсции сторонѣ, колько же есть городъ на той части, да не *имуть власти* князи Рускыи". (Тамъ же, с. 8); „кто земледѣлецъ храмы поставитъ... господарь мѣста *да не имѣетъ области храмы рушати*" (Собр. Пам. Утина и Лазаревскаго, стр. 39); „а изъ городскихъ волостей даю княгини моей осминичее, а *тамою и иными волостьми городскими подѣлятся* сынове мои" (Соб. Госуд. Грм. и Дог.; I, № 22).

[4]) Рюрикъ раздая мужемъ своимъ волости"; „вшедъ Ярополкъ во градъ Ольговъ, перея власть его" („Пособіе", 17, 40); „всю волость Черниговскую держитъ"; „вда Ярополку Суздаль и Ростовъ и прочюю волость свою, но не всю" (П. С. Р. Л.; I, 132); и т. д.

стнымъ округомъ; напримѣръ, въ завѣщаніи Ярослава говорится: «Поручаю Изяславу Кіевъ, а Святославу даю Черниговъ, а Всеволоду Переяславль, а Игорю Володимеръ, а Вячеславу Смоленскъ; и тако *раздѣли имъ грады*» [1]); очевидно Ярославъ раздѣлилъ между своими сыновьями не 5 городовъ, а 5 земель—удѣловъ, изъ которыхъ въ каждомъ заключалось много городовъ съ принадлежащими имъ землями.

По раздѣленіи Руси между князьями Рюрикова рода и образованіи удѣльныхъ государствъ вошло въ употребленіе именованіе территоріи княжествъ *отчинами и удѣлами*, указывавшими на принадлежность данныхъ земель даннымъ князьямъ по наслѣдованію отъ отцовъ и по раздѣлу между сонаслѣдниками.

Русская земля дѣлилась на *княжества*, состоявшія подъ верховною властью князей Рюрикова рода и имѣвшія значеніе самостоятельныхъ государствъ до времени объединенія ихъ въ государствѣ Московскомъ. Въ моментъ смерти Ярослава Владимировича русскихъ удѣльныхъ земель было восемь: земли Кіевская, Полоцкая, Новгородская, Туровская, Черниговская, Переяславская, Владимиръ-Волынская и Смоленская. *Земли Кіевская и Новгородская не подлежали раздѣлу* между потомками князя Ярослава, потому что его завѣщаніемъ, какъ родоначальника княжескаго рода, Кіевъ былъ «порученъ» только въ посмертное владѣніе старѣйшаго въ Княжескомъ родѣ [2]), а Новгородская земля по его-же волѣ должна была состоять только во временномъ владѣніи одного изъ Рюриковичей по народному избранію [3]). *Остальные шесть удѣловъ Русской земли составляли родовую собственность* данныхъ линій въ потомствѣ Ярослава, *подлежавшую раздѣлу* по мѣрѣ ихъ размноженія, обусловленному порядкомъ наслѣдованія родовыхъ имѣній. По этому порядку [4]) въ XII—XV столѣтіяхъ *Русская земля раздробилась на множество удѣльныхъ княжествъ*; напримѣръ, Черниговское княжество,—удѣлъ Святослава Ярославича, при его потомкахъ,—выдѣляетъ изъ себя княжества: Муромское, Рязанское, Новгородсѣверское, Стародубское, Воргольское, Курское, Путивльское, Пронское и др.; Суздальское княжество,—удѣлъ сначала одного князя Юрія Долгорукаго, при его потомкахъ, — дѣлится на княжества: Ростовское, Суздальское, Владимирское, Стародубское, Тверское, Кашинское, Юрьевское, Угличское, Ярославское, Галичское, Костромское,

---

[1]) П. С. Р. Л.; I, 69.

[2]) См. ниже: порядокъ преемства княжеской власти.

[3]) См. выше, стр. 207, 208.

[4]) См. въ приложеніяхъ родословную таблицу князей Рюриковичей и соотвѣтствующій ей текстъ.

Бѣлозерское, Переяславское, Московское, Нижегородское, Можайское, Серпуховское и др. Такому же дробленію подверглись и первоначальные удѣлы князей Полоцкаго, Смоленскаго, Туровскаго, Переяславскаго и Волынскаго.

Подобно всѣмъ древнимъ завоевательнымъ государствамъ, народонаселеніе Русской земли эпохи первыхъ Рюриковичей дѣлилось на военныя математическія единицы, которымъ соотвѣтствовали опредѣленные *военные округи*, *тысячи*, *сотни*, *десятни*, состоявшіе подъ управленіемъ воеводъ, тысяцкихъ, соцкихъ и десяцкихъ. Ясные слѣды этого дѣленія сохранились въ лѣтописныхъ свидѣтельствахъ и въ Русской Правдѣ [1]).

Въ судебно-административномъ отношеніи земли удѣльныхъ княжествъ дѣлились *на посадничества или намѣстничества*, состоявшія подъ непосредственнымъ судомъ и управленіемъ княжескихъ посадниковъ или намѣстниковъ. Церковный уставъ Владимира и Русская Правда говорятъ о княжескихъ намѣстникахъ всей Русской земли [2]); а по лѣтописнымъ свидѣтельствамъ и вѣчевымъ грамотамъ княжескіе посадники и намѣстники существовали во

---

[1]) Въ 1089 году „воеводство держащю *Кыевская тысяща* Яневи“ (П. С. Р. Л.; 1 с. 89). Въ 1146 году князь Игорь „позва Улѣба и Ивана Воитишича и рече има: „како еста была у брата моего, такоже будете и у мене“; а Улебови рече: „*держи ты тысячю*, какъ еси у брата моего держалъ“ (Лѣт. по Ипат. сп. стр. 231); начальници же быша совѣту злому тому... Улебъ, *тысячкой* же Иванъ Воитишичь, *а въ Святославли полку* Василь Полачанинъ и Мирославъ“ (тамъ же); „пояша у Изяслава *тысячкого и съ стягомъ*“ (тамъ же, с. 232); въ 1149 году Святославъ Ольговичь „взя Курескъ и съ Посемьемъ и *Сновьскую тысячю* у Изяслава (тамъ же, с. 268); въ 1213 году „Ярунови *тысящю держащю въ Перемышли*“ (тамъ же, с. 490). По Русской Правдѣ „Володимѣръ Всеволодичь, по Святополцѣ, созва дружину свою на Берестовѣмъ: Ратибора, *Киевьскаго тысячьского*, Прокопью, *Бѣлогородьского тысячьского*, Станислава, *Переяславьского тысячьского*“ („Пособіе“, с. 77). Князь Владимиръ Святославичъ „по вся недѣля устави на дворѣ въ гридьницѣ пиръ творити, и приходити боляромъ, и гридемъ, *и соцьскымъ, и десяцьскымъ*, и нарочитымъ мужемъ“ (тамъ же, с. 51). Въ церковномъ уставѣ Всеволода-Гавріила говорится: „Созвалъ есми *10 соцкихъ*, и старосту Болеслава и бирича Мирошку и старосту Иванскаго Васюту, и погадалъ есмь... *съ десятью соцкими* и съ старостами, далъ есми... А то вся дѣла приказалъ... *моимъ мужемъ десяти соцкимъ*“...

[2]) „Пособіе“, с. 84, 88.

всѣхъ городахъ, составлявшихъ судебно-административное подраздѣленіе территорій удѣльныхъ княжествъ и народоправствъ[1]).

Политическими и судебно-административными центрами удѣльныхъ княжествъ были города, служившіе резиденціями князей и намѣстниковъ. Въ каждомъ княжескомъ и намѣстническомъ городѣ были *«торгъ»—торговая площадь и «княжій дворъ»*, какъ мѣста публичнаго судебно-административнаго дѣлопроизводства [2]).

До времени Монгольскаго завоеванія Русской земли *городъ* сохраняетъ то значеніе, какое онъ имѣлъ въ эпоху племенныхъ княженій,—*означаетъ укрѣпленіе и укрѣпленное общественное поселеніе* [3]).

---

[1]) Въ 1096 году князь Олегъ Святославичъ „перел всю землю Муромску и Ростовску, и *посажа посадники по городомъ*, и дани поча брати". (П. С. Р. Л.. I, 108); въ 1176 году „сѣдящема Ростиславичема въ княженьи земли Ростовскыя, *раздаяла бяста по городомъ посадничество* русьскымъ дѣтьскымъ". (Тамъ же, 159). Въ 1207 году Всеволодъ Юрьевичъ „пришедъ ста у города Пронска... и передашася людье, и посади у нихъ Ольга Володимерича, а самъ поиде къ Рязаню, *посадники посажавъ свое по всѣмъ городамъ ихъ*". (Тамъ же, 82); въ 1148 году Глѣбъ Юрьевичъ „взяша градъ Курскъ, и тамо *посажаше по всей земли Курской намѣстники своя*". (Ник. лѣт., II, 104); въ 1147 году Ростиславъ „перея Городецъ, и вниде въ онь, а *по градомъ посажа намѣстники своя*". (Тамъ же, 107); въ 1027 году „Ярополчи бяхуть *посадници по всей Семи*" (П. С. Р. Л., I, 130); въ 1138 году „бысть пагуба посульцемъ ово отъ половець ово *отъ своихъ посадникъ*". (Тамъ же, 133); въ 1116 году „посажа *посадники по Дунаю*". (Тамъ же, II, 7); въ 1152 году „пришедъ Изяславъ Володимерю, *посла посадники своя въ городы, въ Бужескъ, въ Шюмескъ, въ Тихомль, у Выгошевъ, у Гнойницу*". (Тамъ же, 69); „А которому княжому человѣку ѣхать *на пригородъ намѣстникомъ*, ино цѣловати ему на томъ крестъ, что ему хотѣти Пскову добра, а судить прямо". (Пск. суд. гр., с. 5). „А *намѣстникомъ великаю князя* и тіуномъ *пересудъ свой вѣдати по старинѣ*. А тысецкому судить свой судъ". Новг. Суд. Грам.; ст. 3 и 4.

[2]) Аще убьютъ татя на своемъ дворѣ, любо оу клѣти, или оу хлѣва, то той оубитъ; аще ли до свѣта держать, то вести его на *княжь дворъ*" („Пособіе", с. 71); „аче кто конь погубить, или оружье, іли портъ, а *заповѣсть на тору*, а послѣ познаетъ въ своемъ городѣ, свое ему лицемь взяти" (Тамъ же, с. 75); „будетъ что татебное купилъ *въ тору*, или конь, или портъ, іли скотину, то выведеть свободна мужа два или мытника". (Тамъ же, стр. 75).

[3]) „Заложи Мстиславъ Новгородъ боліи перваго; въ томъ же лѣтѣ Павелъ посадникъ заложи Ладогу, *городъ камянъ*" (П. С. Р. Л.; т. III,

За исключеніемъ немногихъ городовъ, служившихъ резиденціями князей и политическими центрами, *города эпохи удѣльныхъ государствъ были не велики*, подобны городамъ племенныхъ княженій; напримѣръ, сохранившійся каменный городъ Ладога, заложенный посадникомъ Павломъ въ 1116 г., заключаетъ въ себѣ площадь около 400 аршинъ въ окружности; городища Путивля и Новгородсѣверска по 500 аршинъ въ окружности; площадь Донецкаго городища около 400 аршинъ въ окружности [1]); и т. д. Сохранилось лѣтописное извѣстіе о внутреннемъ устройствѣ древнихъ русскихъ городовъ, по которому *на небольшомъ пространствѣ можно было помѣстить сравнительно большое количество избъ*: по свидѣтельству Вятскаго лѣтописца въ городѣ Хлыновѣ дома были построены такъ, что боковыми стѣнками плотно примыкали другъ къ другу; заднія же стѣнки домовъ составляли сплошную стѣну по окружности городского укрѣпленія; входы домовъ были обращены во внутрь города, на его внутреннюю площадь [2]). Такое же устройство городовъ древней Руси было раскрыто раскопками городищъ на побережьяхъ рѣкъ Волхова, Москвы, Днѣпра, Десны и др., а въ частности и городища Донецкаго, изслѣдованнаго въ текущемъ году Харьковскимъ Археологическимъ съѣздомъ.

Изъ общей массы русскихъ городовъ эпохи удѣльныхъ государствъ *выдѣляются резиденціи князей*, населенныя княжескими служилыми людьми, духовенствомъ и горожанами, занимавшимися преимущественно не земледѣліемъ, а другими промыслами. *Такіе города быстро разрастались*, достигали размѣровъ отъ одной до трехъ верстъ въ окружности и состояли обыкновенно изъ двухъ и трехъ крѣпостей, обнимавшихъ одна другую; а за ихъ стѣнами

с. 4); князь Владимиръ „нача *ставити городы* по Деснѣ, и по Трубежеви, и по Суле, и по Стугнѣ, и поча нарубати мужѣ лучшіе отъ Словенъ, и отъ Кривичъ, и отъ Чуди и отъ Вятичъ, и отъ сихъ *насели грады*“ („Пособіе“, с. 49); „Городъ Бѣлоозеро по осыпи рубленый... *въ городѣ соборная церковь, дворъ воеводскій*“... (слѣдуетъ перечень церквей, дворовъ, лавокъ и пр. Акты Юридич.; № 231).

[1]) По описанію историка Костомарова почти такую же величину имѣютъ городища главнѣйшихъ пригородовъ Псковской земли: „Площадь Котельничьяго городища до 600 шаговъ въ окружности“; „площадь Вревскаго городища 240 шаговъ въ длину и 46 въ ширину“; „площадь Вороночскаго городища болѣе 700 шаговъ въ окружности“; „площадь Опочскаго городища 750 шаговъ, Краснаго 515 шаговъ“; „Вельское имѣетъ 879 шаговъ въ окружности“. Сѣверно-русскія Народопр., т. II, стр. 78—81.

[2]) Тамъ же, т. I, с. 341.

внѣ укрѣпленій, возникали слободы, посады, передгородья, иногда также обведенныя укрѣпленіями, составлявшими внѣшніе или наружные города по отношенію къ внутреннимъ, болѣе старымъ [1]).

Въ дотатарскую эпоху *городовъ было также много, какъ въ эпоху племенныхъ княженій*. Лѣтописныя повѣствованія о политическихъ событіяхъ въ русской землѣ дотатарскаго времени называютъ по именамъ до 600 русскихъ городовъ [2]). Но это число далеко не соотвѣтствуетъ дѣйствительному, потому что въ лѣтописяхъ встрѣчаются извѣстія о множествѣ городовъ, существовавшихъ въ тѣхъ или другихъ мѣстностяхъ, имена которыхъ остаются неизвѣстными [3]).

---

[1]) Лѣтописи упоминаютъ въ Кіевѣ старый и новый города, въ Черниговѣ внутренній и внѣшній, въ Новгородѣ софійскій и торговый, въ Москвѣ кремль, китай-городъ, бѣлый городъ, деревянный и земляной города. О построеніи и быстромъ ростѣ одной изъ княжескихъ резиденцій, города Холма, въ лѣтописи говорится: князь Даніилъ „возлюби мѣсто... *и створи градець малъ*, и видѣвъ яко Богъ помощникъ ему и Іоанъ спѣшникъ ему есть, *и созда градъ иный*... нача призывати прихожаѣ Нѣмцѣ и Русь, иноязычники и Ляхи; идяху день и во день, и уноты и мастерѣ всяціи бѣжаху изъ Татаръ, сѣдѣльници, и лучници, и тулници, и кузницѣ желѣзу и мѣди и сребру, и бѣ жизнь, *и наполниша дворы, окрестъ града поле и села*". П. С. Р. Л., т. II, с. 196.

[2]) См. Д. Самоквасова: Древніе города Россіи, стр. 74 и слѣд.; изд. 1871 года.

[3]) Напримѣръ, неизвѣстны имена городовъ, построенныхъ по р. Роси Ярославомъ въ 1032 году (П. С. Р. Л., I, с. 65); митрополичьихъ городовъ, упоминаемыхъ подъ 1091 годомъ (Ник. лѣт., I, 192); „многихъ городовъ" подъ Черниговомъ, упоминаемыхъ подъ 1147 годомъ (лѣт. по Ипат. сп., стр. 252); городовъ Великой Вороны и Червленаго Яра, упоминаемыхъ подъ 1148 и 1177 годами (Ник. лѣт., II. 105, 236), церковныхъ городовъ Ростовской области 1176 г. (П. С. Р. Л.; I, 159, 160); шести городовъ Берендичей 1176 г. въ Кіевской области (лѣт. по Ип. сп.; 408); шести городовъ на Волгѣ, лежавшихъ на протяженіи 60 верстъ, между городами Кснятинымъ и Угличемъ. (Тамъ же, 260; II. С. Р. Л., Ш, 10); городовъ пронскихъ, упоминаемыхъ подъ 1207 годомъ (Ник. лѣт., II, 302); „многихъ черниговскихъ городовъ", лежавшихъ по Днѣпру между городами Рѣчицей и Вышгородомъ (П. С. Р. Л., Ш, 32); „многихъ, Черниговскихъ городовъ, лежавшихъ по Деснѣ между городами Черниговомъ и Сосницею (лѣт. Ипат. сп., стр. 515); и мн. др. Въ уставной грамотѣ Ростислава (1150 г.), исчисляющей „погородіе" Смоленской земли, именуются 39 городовъ, изъ которыхъ въ лѣтописяхъ упоминаются только 8.

Съ конца XI вѣка лѣтописи упоминаютъ о *селахъ* въ окрестностяхъ главнѣйшихъ городовъ внутреннихъ областей древней Руси: Кіева, Чернигова, Смоленска, Новгорода и др. Этотъ *новый видъ общественныхъ поселеній*, не существовавшій въ эпоху племенныхъ княженій, въ дотатарское время представлялъ собою *неукрѣпленныя жилища, населенныя людьми рабскаго и полурабскаго состоянія*, принадлежащими князю, митрополиту, монастырямъ, церквамъ и боярамъ на правахъ частной собственности. По Русской Правдѣ за убійство сельскаго тіуна и старосты княжего и боярскаго взыскивалось только 12 гривенъ, а за рядовича 5 гривенъ: «А въ сельскомъ старостѣ княжи и въ ратайнѣмъ 12 гривнѣ, а въ рядовници княжѣ 5 гривенъ; а въ смердѣ и въ хопѣ 5 гривенъ»; «а въ сельскомъ тивунѣ княжѣ, или въ ратаинѣмь, то 12 гривенъ; а за рядовича 5 гривенъ, такоже и за бояренскъ» [1]).

Села Русской земли дотатарскаго времени были мелкими владѣльческими поселками, расположенными вблизи городовъ, чтобы населеніе ихъ, въ случаѣ нашествія Половцевъ или войны между русскими князьями, могло найти защиту въ городскихъ стѣнахъ. *Только со времени разрушенія «безчисленныхъ русскихъ городовъ» Монголами* и послѣдовавшаго затѣмъ воспрещенія возобновлять старые города и строить новые, русскія *села получаютъ значеніе открытыхъ поселеній со свободнымъ* народонаселеніемъ, и такія поселенія дѣлаются нормою общественныхъ поселеній въ Россіи, а города получаютъ значеніе *административныхъ центровъ и крѣпостей, населенныхъ служилыми людьми* [2]).

Въ Русской Правдѣ упоминаются *миръ и вервь*, изъ которыхъ первое соотвѣтствуетъ городу, такъ какъ въ разныхъ спискахъ Р. Правды *слова городъ и миръ замѣняютъ другъ друга* [3]); а второе обозначаетъ землю союза, круговою порукою отвѣчающаго опредѣленнымъ штрафомъ за убійство и воровство въ предѣлахъ вервной земли [4]).

Границы, отдѣлявшія русскую землю отъ земель сосѣднихъ народовъ, земли удѣльныхъ русскихъ государствъ другъ отъ друга и поземельныя владѣнія внутри удѣльныхъ государствъ, *именовались рубежами, перетесами и межами*. Сохранилось свидѣтельство епископа Бруна, по которому граница кіевскаго княжества времени

---

[1]) „Пособіе“, стр. 71 и 73.

[2]) См. Д. Самоквасова: „Древніе Города Россіи“, стр. 145 и слѣд.

[3]) „Кто конь погубитъ, или оружіе, или портно, а заповѣдаетъ на торгу, а послѣди познаетъ *въ своемъ міру* (Ак., 12)=*въ своемъ городѣ* (К., 29), то взяти ему свое“.

[4]) Р. Правда, сп. Ак., ст. 19; сп. Тр. ст. 3, 4, 63.

Владимира Святославича на большомъ протяженіи была обозначена и укрѣплена частоколомъ [1]). Размежеваніе рубежей между русскими удѣльными государствами производилось *съѣздами уполномоченныхъ бояръ* [2]). Въ договорахъ удѣльной эпохи часто встрѣчается обязательство не нарушать стараго рубежа [3]).

Въ Русской Правдѣ различаются *границы земли дворной, ролейной и бортной; а нарушеніе межевыхъ знаковъ карается высшею 12-гривенною продажею:* «Межу переореть любо перетесъ, то за обиду 12 гривнѣ»; «аже межю перетнеть бортьную, или ролеіную разореть, или дворную тыномъ перегородить межю: то 12 гривенъ продажи»; «аже дубъ подотнеть знаменьный или межьный, то 12 гривенъ продажѣ» [4]). *Послѣ монгольскаго завоеванія,* опустошившаго русскую землю до того, что едва ли осталась въ ней десятая доля прежняго народонаселенія, *земля упала въ цѣнѣ,* а вмѣстѣ съ тѣмъ *уменьшился и размѣръ штрафа* за поврежденіе межевыхъ знаковъ; по Двинской уставной грамотѣ: «Другъ у друга межу переореть, или перокоситъ на одиномъ полѣ, вины боранъ, а межи селъ межа тридцать бѣлъ, а княжа межа три сороки бѣлъ» (ст. 4) [5]).

---

[1]) „Woldemar duos dies cum exercitu duxit me ipse usque ad regni sue terminum ultimum, quem propter hostem fermissima et longissima sepe undique circumclausit". Рус. Бесѣда, 1856 г. Отд. Науки, с. 12.

[2]) „Князь великій ялся слати своихъ бояръ на разводъ земли, а Новгородцы слати своихъ бояръ". П. С. Р. Л.; III, 112.

[3]) „А Ржевѣ, и Лукамъ, и Холмовскому погосту и инымъ землямъ новгородскимъ и водамъ отъ Литовской земли рубежъ по старинѣ"; „а рубежъ межю Суздальскою землею и Новгородскою дати ти старый"; „а землѣ и водѣ старый рубежъ, по старымъ грамотамъ". Дог. Новг. съ Каз. IV. Собр. Гос. Гр. и Дог., № 13, 14 и др.

[4]) „Пособіе", стр. 71, 80.

[5]) Образцы искусственнаго обозначенія границъ между удѣльными княжествами и частными земельными владѣніями см. въ Договорѣ Ряз. кн. Олега Ивановича съ москов. кн. Дмитріемъ Ивановичемъ и въ жалованныхъ грамотахъ велик. кн. Всеволода Юрьеву монастырю. Собр. Г. Г. и Д., т. I., № 32. Истор. Рос. Іер., ч. VI, стр. 774.

II. Народонаселеніе.

ГЛАВА XXVIII.

Организація и юридическое положеніе духовенства и княжескихъ служилыхъ людей. Дружина. Дворяне.

Въ народонаселеніи племенныхъ княженій русскихъ Славянъ различались четыре класса: 1) *жрецы — волхвы,* выдвигавшіеся изъ общей народной массы своимъ искусствомъ волхвованія, врачеванія и прорицанія; 2) *князья—старѣйшины,*—большіе или нарочитые мужи, по народному избранію, состоявшіе правителями и судьями въ старѣйшихъ городахъ и пригородахъ; 3) *свободные люди,* составлявшіе массу населенія городовъ племенныхъ княженій; 4) *военноплѣнные—рабы,* состоявшіе во временной зависимости отъ своихъ господъ [1]).

Рецепція христіанства и завоевательное объединеніе племенныхъ княженій вызвали *образованіе новыхъ общественныхъ классовъ и измѣненіе юридическаго положенія старыхъ.*

Организація христіанскаго духовенства.

Жрецы языческой религіи потеряли положеніе главенствующаго класса въ обществѣ, передававшаго людямъ волю боговъ посредствомъ волхвованій, гаданій и прорицаній. Жрецы—волхвы нисходятъ на степень служителей бѣсамъ, лживыхъ пророковъ, преслѣдуемыхъ христіанскою церковью и государствомъ [2]). *Мѣсто языческихъ служителей боговъ заняло христіанское духовенство,* получившее организацію и права главенствующаго класса въ государствѣ по правиламъ Номоканона и по уставамъ первыхъ христіанскихъ князей Рюрикова рода.

Въ духовномъ состояніи различались *высшее духовенство и низшее, бѣлое и черное.* Къ высшему духовенству принадлежали іерархи, стоявшіе во главѣ всероссійской церкви, начальники церковныхъ округовъ, носившихъ названіе епархій, и начальники монастырей. Къ низшему духовенству принадлежали священно и церковно-служители церковныхъ приходовъ и низшее черное духовенство, состоявшее изъ монаховъ и монахинь.

Во главѣ русской церкви стоялъ *митрополитъ,* по дѣламъ церковнымъ подвластный Константинопольскому патріарху. Права и обязанности митрополита опредѣлялись его значеніемъ, какъ главы все-

---

[1]) См. выше, гл. XII.

[2]) См. П. С. Р. Л.: I, С. 75—78.

россійской церкви и отдѣльной епархіи, въ которой онъ былъ органомъ и центральной и мѣстной духовной власти. Въ значеніи высшаго органа духовной власти въ Россіи митрополитъ рукополагалъ и судилъ епископовъ, принималъ общія мѣры къ распространенію христіанства и умноженію духовенства, искорененію остатковъ язычества, уничтоженію злоупотребленій въ церковномъ управленіи, разъяснялъ возникавшія церковныя недоразумѣнія и проч. Въ этомъ направленіи митрополитъ дѣйствовалъ лично, посредствомъ проповѣди, увѣщательныхъ посланій, отвѣтовъ на предлагаемые ему вопросы и проч., или же въ союзѣ съ *соборомъ* подвластнаго духовенства [1]). Соборъ при митрополитѣ составляли настоятели епархій и монастырей, лежавшихъ вблизи его резиденціи, но въ случаяхъ особой важности созывались всероссійскіе соборы духовенства, на которыхъ иногда присутствовали и князья съ ихъ боярами. Въ своей частной епархіи митрополитъ имѣлъ тѣ же права и обязанности, какія принадлежали вообще епархіальнымъ начальникамъ по каноническому праву и княжескимъ уставамъ.

Русская митрополія дѣлилась на *епархіи*, ближайшее управленіе которыми находилось въ рукахъ *епископовъ или архіепископовъ*. Всѣхъ епархій передъ нашествіемъ Татаръ было 12, а въ концѣ удѣльно-княжеской эпохи 18. Кандидатъ въ епархіальные архіереи обыкновенно избирался соборомъ высшаго духовенства, при участіи князя, въ предѣлахъ владѣній котораго лежала епископія, и посвящался въ санъ епископа или архіепископа митрополитомъ. Для совѣщаній по епархіальнымъ дѣламъ епископы и архіепископы имѣли право созывать *соборы* изъ подвластныхъ имъ начальниковъ монастырей, священниковъ и діаконовъ.

Епархіи въ административномъ отношеніи подраздѣлялись на округи, состоявшіе въ ближайшемъ завѣдываніи церковныхъ *десятинниковъ* или старостъ, соотвѣтствовавшихъ благочиннымъ настоящаго времени.

Низшую единицу церковнаго дѣленія территоріи составлялъ *приходъ*, съ священникомъ и его помощниками, діакономъ, дьякомъ и пономаремъ, составлявшими церковный причтъ. Приходскихъ священниковъ, діаконовъ и дьяковъ посвящалъ и назначалъ епархіальный архіерей, по представленіи общины, или частнаго владѣльца, на землѣ которыхъ стояла приходская церковь [2]).

---

[1]) „Иже послушають епископи своего митрополита совкуплятися призовемы и отъ него зборъ сотворити, иже злѣ творящая посварити ихъ отецкимъ наказаніемъ“. Русск. Дост. 1, 102. Пр. Филарета „Ист. Церкви“; 1, ст. 112 (изд. 1857 года).

[2]) Въ значеніи главы всероссійской церкви, митрополитъ получалъ

Церковный обрядъ, дѣлавшій свѣтскаго человѣка духовнымъ человѣкомъ, назывался *рукоположеніемъ*, *посвященіемъ* и *поставленіемъ*. Въ поученіяхъ древнихъ русскихъ іерарховъ встрѣчаемъ перечисленіе условій, при которыхъ церковь признавала возможнымъ посвященіе свѣтскаго человѣка въ санъ церковно и священно-служителя. Главнѣйшимъ изъ такихъ постановленій является Правило русскаго митрополита Кирилла II, принятое соборомъ Русскихъ іерарховъ въ 1274 году.

Черное духовенство составляли монахи и монахини или иноки и инокини, обитавшіе въ *монастыряхъ*. На всемъ пространствѣ Россіи дотатарскаго времени насчитывается около 90 монастырей, а къ концу удѣльной эпохи это число удвоилось; нѣкоторые монастыри заключали въ себѣ до 300 иноковъ, но большею частью были немноголюдны; въ нѣкоторыхъ числилось всего 5—6 иноковъ. Построить монастырь признавалось дѣломъ богоугоднымъ и право такого построенія ничѣмъ не было стѣснено въ удѣльно-княжескую эпоху. Строенія монастыря обыкновенно обносились деревянною или каменною оградою и съ внѣшней стороны имѣли видъ города,—укрѣпленнаго поселенія. Вокругъ монастырскихъ стѣнъ, на земляхъ, ему принадлежавшихъ, селились свѣтскіе люди, образуя монастырскіе посады, слободы, села, деревни и хутора. Благочестивые князья, бояре и вообще зажиточные люди, основывая монастыри, обезпечивали и дальнѣйшее ихъ существованіе вкладами движимыхъ имуществъ и недвижимыхъ имѣній.

По устройству своему древне-русскіе монастыри были *обще-*

отъ всѣхъ русскихъ епархій опредѣленные доходы, присвоенные митрополичьей кафедрѣ. Сюда принадлежали: пошлины за посвященіе въ епископы; дары и пошлины, получаемые митрополитомъ при посѣщеніи епархій; постоянная дань съ духовенства всей митрополіи, упоминаемая въ особомъ „исповѣданіи вѣры“, произносимомъ епископами при ихъ рукоположеніи; доходы съ поземельныхъ владѣній, принадлежавшихъ митрополичьей кафедрѣ. Въ собственной епархіи митрополиту, какъ и всѣмъ епархіальнымъ архіереямъ, принадлежала десятина по уставамъ князей,—десятая часть отъ всѣхъ княжескихъ даней и пошлинъ; доходы съ приходскихъ церквей (заѣзды, сборное); доходы съ церковнаго суда и доходы съ поземельныхъ владѣній, принадлежавшихъ мѣстной епархіальной кафедрѣ. Средства содержанія приходскаго духовенства составляли добровольныя приношенія прихожанъ за исполненіе церковныхъ требъ, упоминаемыя „въ отвѣтахъ новгородскихъ епископовъ Нифонта и Иліи на вопросы Кирика“; движимыя имущества и недвижимыя имѣнія, которыми князья и частныя лица обезпечивали содержаніе приходскихъ церквей.

жительные и необщежительные; въ послѣднихъ монахи, имѣя отдѣльное содержаніе, сходились только на общія церковныя службы.

Монастыри служили главными *центрами просвѣщенія* въ древней Руси: въ нихъ воспитывались и находили спокойное убѣжище люди грамотные; въ нихъ сочинялись книги. Въ монашескихъ обителяхъ приготовлялись лица для занятія высшихъ степеней церковной іерархіи; здѣсь воспитывались ревнители вѣры Христовой и христіанскаго благочестія, свободные отъ узъ семейныхъ и частной поземельной собственности, въ случаяхъ надобности, по первому призыву церкви, шедшіе проповѣдывать слово Божіе въ странахъ языческихъ и на защиту православія отъ ересей и раскола [1]).

---

[1]) По своему происхожденію монастыри удѣльной эпохи были двухъ родовъ: одни были основаны богатыми людьми, особенно князьями, другіе убогими отшельниками, собиравшими около себя послѣдователей съ высокой нравственностью и святостью жизни. „Мнози бо монастыри, говорится въ лѣтописи, отъ царь и отъ бояръ и отъ богатства поставлены, но не суть таци, каци поставлени слезами, пощеніемъ, молитвою и бдѣніемъ“ (II, С. Р. Л.; 1, 69). Монастыри перваго рода строились преимущественно въ большихъ городахъ и возлѣ большихъ городовъ. напримѣръ, кіевскіе монастыри: Дмитріевъ—построеніе князя Изяслава Ярославича; Михайловъ Выдубицкій, основанный Всеволодомъ Ярославичемъ; Михайловъ-Златоверхій, построенный Святополкомъ-Михаиломъ; Ѳедоровъ, построенный Мстиславомъ Владимировичемъ и др. Основанный княземъ монастырь находился подъ непосредственнымъ его покровительствомъ и подчинялся его суду; князь принималъ участіе въ избраніи монастырскихъ властей и защищалъ „свое богомолье“ (А. И.; I, № 2). Права князя въ такомъ монастырѣ переходили къ мѣстному владыкѣ посредствомъ жалованныхъ грамотъ. Монастыри, основанные митрополичьей кафедрой, назывались „извѣчными митрополичьими“ (А. А. Э.; I, № 9). Монастыри, основанные отшельниками, ютились обыкновенно вдали отъ мірской, свѣтской жизни. Братья отшельники обыкновенно занимали невоздѣланныя земли, въ пустынныхъ захолустьяхъ, обработывали эти земли, призывали на нихъ новыхъ колонистовъ и основывали новыя поселенія и новыя обители, служившія разсадниками русскихъ миссіонеровъ и святителей. Типичными образцами такихъ монастырей могутъ служить обители: Кіево-Печерская, Троицко-Сергіевская и Кирилло-Бѣлозерская, пользовавшіяся далекою извѣстностью и всеобщимъ глубочайшимъ уваженіемъ. Основателями Кіево-Печерскаго монастыря были иноки Антоній и Ѳеодосій. Антоній, родомъ изъ Любеча, возвратившись изъ путешествія по разнымъ греческимъ монастырямъ, поселился въ пещерѣ вблизи Кіева, въ которую прежде удалялся для мо-

Организація служилыхъ людей.

Классъ племенныхъ князей теряетъ главенствующее положеніе въ завоевательномъ государствѣ Рюриковичей, признавъ надъ собою верховную власть завоевателя и уплачивая ему опредѣленную дань наравнѣ съ другими своими соплеменниками, получившими общее наименованіе смердовъ—подданныхъ. По свидѣтельству лѣтописца уже Рюрикъ, «дабы ему всюду расправа и судъ не оскудѣли, *посажа по всѣмъ градомъ князи* отъ Варягъ и Славянъ, самъ же проименовася князь великій, еже греческій архикраторъ, или василеусъ, *а оніи князи подручны*» [1]). Этихъ князей подвластныхъ Рюрику городовъ лѣтописецъ Несторъ именуетъ уже только *мужами и боярами:* «Раздая *мужемъ своимъ* волости, и городы рубати, овому Полѣтескъ, овому Ростовъ, другому Бѣлоозеро... И бяста у него *два мужа*, не племени его, Аскольдъ и Диръ, но *боярина*» [2]). Въ договорѣ съ Греками 907 года правители городовъ, подвластныхъ кіевскому князю Олегу, называются еще князьями: «Заповѣда Олегъ... даяти уклады на Рускіе городы: пѣрвое на Кіевъ, таже и на Черниговъ, и на Переяславль, и на Полѣтескъ, и на Ростовъ, и на Любечь, и на прочая городы, *по тѣмъ бо городомъ сѣдяху князья*

литвы Берестовскій пресвитеръ Иларіонъ, поставленный при Ярославѣ русскимъ митрополитомъ. Скоро къ Антонію стали собираться послѣдователи и въ числѣ ихъ Ѳеодосій, родомъ изъ города Василева. Князь Изяславъ отдалъ Печерской общинѣ пустынную гору, лежавшую надъ пещерою. На этой горѣ братья построили монастырь и выбрали игуменомъ инока Варлаама, такъ какъ Антоній не пожелалъ оставить своей пещеры. По переводѣ Варлаама въ княжескій монастырь св. Дмитрія, игуменомъ сдѣлался Ѳеодосій, который ввелъ въ монастырѣ студійскій общежительный уставъ. Высокая нравственность, строгое благочиніе, смиреніе, трудолюбіе и заступничество за всѣхъ гонимыхъ и бѣдныхъ доставили Ѳеодосію всеобщее уваженіе, не исключая и самихъ князей, слѣдовавшихъ его совѣтамъ. При Ѳеодосіи въ монастырѣ не знали праздности: въ часы, свободные отъ молитвы, иноки пряли волну, плели клобуки, продавали свои издѣлія и на вырученныя деньги покупали хлѣбъ, и сами мололи его на ручныхъ мельницахъ. Святость жизни первыхъ основателей Печерскаго монастыря упрочила его славу и сдѣлала его главнымъ разсадникомъ русскихъ миссіонеровъ и святителей. Около 50 епископовъ вышло изъ монаховъ этого монастыря.

[1]) „Пособіе“, стр. 5.

[2]) Тамъ же. стр. 17.

подъ Ольгомъ суще» [1]); а въ договорѣ съ Греками 945 года выраженіе *«все княжье»* Русской земли замѣняется выраженіемъ *«бояре»*: «Посланіи отъ Игоря, великаго князя Рускаго, и отъ *всея княжья*, и отъ всѣхъ людий Руское земли... И великый нашь князь Игорь и *бояре* его и людие вси Рустии послаша ны» [2]). Въ лѣтописныхъ извѣстіяхъ и въ юридическихъ памятникахъ со времени крещенія Руси при Владимирѣ Святославичѣ именемъ князей титулуются уже только Рюриковичи; а правители городовъ и старшіе дружинники князей Рюриковичей называются только *старѣйшинами градскими, боярами, княжими мужами, тысячскими, воеводами, посадниками и намѣстниками*. На совѣщаніяхъ князя Владимира о перемѣнѣ религіи и на его еженедѣльныхъ собраніяхъ участвуютъ только бояры и старцы градскіе, гридь, сотскіе, десятскіе и нарочитые мужи [3]).

Изъ княжихъ бояръ, дѣтей боярскихъ и вольныхъ людей, поступавшихъ на службу князя по договору съ нимъ, составлялись *княжескія дружины*, какъ средство завоеванія, личной охраны князей и владычества ихъ надъ покоренными народами.

Слово дружина имѣетъ въ источникахъ обширный и тѣсный смыслъ. *Въ обширномъ смыслѣ дружиною назывался всякій союзъ лицъ, случайный и постоянный* [4]); *а въ тѣсномъ смыслѣ слово дружина означало княжескихъ соратниковъ и дворовыхъ слугъ*. Съ дружиною князья дѣлали завоеванія, собирали дань съ покоренныхъ племенъ и дѣлили военную добычу и дань [5]).

---

[1]) Тамъ же, стр. 21.

[2]) Тамъ же, стр. 27.

[3]) Тамъ же, стр. 45, 51.

[4]) *Рѣша Деревляне* къ Ользѣ: *„кдѣ суть дружина наша,* ихъ же послахомъ по тя“; она же рече: „идутъ по мнѣ *съ дружиною мужа моего*“ (П. С. Р. Л., I, стр. 24); Изяславъ „съкупя всю свою дружину и пойде, поима съ собою Вячьславль полкъ весь, и вси Чернии Клобукы, и Кияны лутшии, и *всю Рускую дружину*“ (Лѣт. по Ипат. сп., стр. 308). „Будешь на Тетереви, а ту къ тобѣ дружина твоя вси приѣдуть... А боле дружины къ тобѣ приѣдеть, а болши ти сила... И угада Изяславъ съ дружиною своею поити чересъ ночь къ Мичьску... И ту *срѣтоша и дружина многое множество, иже сѣдяхуть по Тетереви*“ (тамъ же, стр. 286). Въ Русской Правдѣ *дружиною называется вѣрный союзъ* по уплатѣ дикой виры (Тр. Сп., ст. 4).

[5]) Рекоша дружина Игореви: „отроци Свѣньлъжи изодѣлися суть оружьемъ и порты, а мы нази; *поиди, княже, съ нами въ дань*, да и ты добудеши и мы... Пусти дружину свою домови, *съ маломъ же дружины возъвратися, желая больша имѣнья*“ (П. С. Р. Л. I, стр. 23). „Ольга

Составляя военную силу князя, *дружина составляла и княжескій совѣтъ* не только по военнымъ дѣламъ, но и по дѣламъ внутренняго управленія и суда: «князь Игорь, дошедъ Дуная, *созва дружину и нача думати*» [1]). «Володимеръ, *любя дружину, и съ ними думая о строи земленѣмъ, и о ратехъ, и уставѣ земленѣмъ*» [2]). Въ поученіи Мономаха говорится, что онъ, воздавши утреннюю Богу хвалу, садился «*думати съ дружиною*, или люди оправливати» [3]).

Завоеваніе непокорныхъ племенъ, управленіе, судъ и собираніе дани съ покоренныхъ племенъ князья поручали иногда своимъ дружинникамъ, воеводамъ и посадникамъ или намѣстникамъ [4]).

Княжеская дружина, по усмотрѣнію князя, *составлялась изъ людей разныхъ національностей и общественныхъ состояній*; а по своей близости къ князю и по своему служебному положенію *дѣлилась на старѣйшую*, состоявшую изъ бояръ и княжихъ мужей, *и молодшую*, состоявшую изъ отроковъ и дѣтскихъ, гридей, подобно дворянамъ и жильцамъ Московскаго государства, долженствовавшихъ охранять князя и княжескій дворъ, занимая въ немъ особое помѣщеніе,—«гридницу» [5]).

съ сыномъ своимъ Святославомъ собра вои многи и храбры, и иде на Дерьвьску землю. Изидоша Деревляне противу... И рече Свѣнельдь и Асмолдъ: „князь уже почалъ; *потянѣте, дружина, по князь*, и побѣдиша Деревляны... *И иде Вольга по Дерьвьстѣй земли съ сыномъ своимъ и съ дружиною, уставляющи уставы и уроки*“ (тамъ же, стр. 24, 25). „Мьстиславъ же съ вечера, *исполчивъ дружину*, и постави Сѣверъ въ чело противу Варягомъ, а самъ ста *съ дружиною своею по крилома*... Кто сему не радъ? се лежитъ Сѣверянинъ, а се Варягъ, *а дружина своя цѣла*“ (тамъ же, стр. 64).

[1]) П. С. Р. Л.; I, 10.

[2]) Тамъ же, С. 54.

[3]) Тамъ же, 103.

[4]) У князя Игоря „бѣ воевода, именемъ Свѣнтеадъ, и примучи Угличи, и возложи на ня дань Игорь“ (Ник. лѣт., I, 41). У князя Владимира „бѣ воевода Волъчій Хвостъ, и посла и Владимеръ предъ собою... и побѣди Радимичъ Волъчій Хвостъ и платятъ дань Руси, повозъ везуть и до сего дне“ (П. С. Р. Л., I, 36). Посадники новгородскіе „урокомъ дающю Кіеву двѣ тысячи гривнѣ отъ года до года“ (тамъ же, 56): „Приключися прити отъ Святослава дань емлющю Яневи, сыну Вышатину“... Тамъ же, с. 75.

[5]) „Ольга, поимаше мало дружины, легко идущи.... Сѣдоша Деревляне пити и повелѣ Ольга отрокомъ своимъ служити предъ ними“ (П. С. Р. Л., I, 24). Князь Владимиръ „великимъ мужемъ створи отрока“,

Дружинники состояли подъ непосредственнымъ управленіемъ и судомъ князя, владѣли вотчинами по жалованнымъ грамотамъ князей съ правами управленія и суда надъ вотчиннымъ населеніемъ, *содержались на средства княжескаго двора, получали во временное управленіе—кормленіе города и волости, имѣли право перехода на службу отъ одного князя къ другому, сохраняя права владѣльцевъ на свои села* по формуламъ договоровъ между князьями: «а боярамъ и слугамъ вольнымъ воля»; «а кто бояръ и слугъ отъѣхалъ отъ насъ къ тобѣ, или отъ тобѣ къ намъ, а села ихъ въ нашей вотчинѣ въ великомъ княженіи, или въ твоей вотчинѣ, и въ тые села намъ и тобѣ не вступатися» [1]).

Разрядъ невольныхъ княжескихъ слугъ составляли люди несвободнаго состоянія, доставшіеся князю по праву войны, по куплѣ, по браку съ лицомъ рабскаго состоянія, по должности тіуна и ключника, по рожденію отъ рабовъ и «по винѣ» (за преступленіе). Невольные слуги составляли княжескую дворню, подобную дворнѣ позднѣйшихъ помѣщиковъ, состояли подъ непосредственнымъ управленіемъ и судомъ дворскаго или дворецкаго, не имѣли поземельной собственности и права перехода на службу отъ одного князя къ другому [2]). Высшій разрядъ невольныхъ княжескихъ слугъ составляли дворяне въ тѣсномъ смыслѣ (огнищане Р. Правды), занимавшіе высшія дворовыя должности: дворскихъ, конюшихъ, казначеевъ

побѣдившаго въ единоборствѣ печенѣжскаго силача (тамъ же, 53). Святославъ Ольговичъ „созва дружину свою старѣйшую“ (Лѣт. по Ипат. сп.; стр. 250). Рече Изяславъ брату своему: „мы вси пущаемъ съ тобою дружину свою моложьшую“ (тамъ же, 287). „Погнаша по нихъ Володимерича дружина лучшая и впадоша Ольговичемъ въ руцѣ... и яша бояръ много“ (П. С. Р. Л., I, 133). Володимеръ „посла къ Рагуйлови Добрыничу, и къ Михалеви, и къ Завадови, являя имъ думу свою. И рекоша ему дружина его: о собѣ еси, княже, замыслилъ, а не ѣдемъ по тобѣ, мы того не вѣдали. Володимеръ же рече, возрѣвъ на дѣцкіе: а се будуть мои бояре“ (Лѣт. по Ипат. сп., 367). „Ярославу же, сущю Новѣгородѣ, и урокомъ дающю Кыеву двѣ тысяче гривнѣ отъ года до года, а тысячю Новѣгородѣ *гридемъ раздаваху*“ (П. С. Р. Л; I, 56). Князь Владимиръ „устави *на дворѣ въ гридницѣ* пиръ творити и приходити боляромъ и гридемъ“ (тамъ же, с. 54).

[1]) Догов. Дмитр. Иван. съ Мих. Алекс. Тверскимъ 1368 г. Христ. Влад.-Буд.; II, стр. 15.

[2]) „А бояромъ и слугамъ, кто будетъ не подъ дворскимъ, вольнымъ воля..; а кто будетъ подъ дворскимъ слугъ, тѣхъ дѣти мои промежи себѣ не пріимаютъ“. Дух. Вас. Дмит., около 1406 г. С. Г. Г. и Д.; I, № 40, с. 77.

и дьяковъ (тіуны огнищные, дворскіе и конюшіе Р. Правды [1]), а по своему значенію во дворѣ князя принадлежавшіе къ разряду княжихъ мужей, старшей княжеской дружины, наравнѣ съ боярами.

Второй разрядъ дворовыхъ слугъ составляли княжескіе отроки, конюхи, повара, ключники, стольники, спальники, стряпчіе, служившіе князю непосредственно въ его домѣ и дворѣ въ значеніи лакеевъ, кучеровъ, поваровъ и ключниковъ.

Третій разрядъ княжескихъ слугъ несвободнаго состоянія составляли посельскіе, старосты (старосты и тіуны сельскіе и ратайные Р. Правды), кормильцы, ремесленники и всякаго рода низшія должности княжескаго дворцоваго вѣдомства: садовники, бортники, бобровники, псари, сокольники, мельники и пр.

Всѣ удѣльные князья имѣли свои дворни слугъ, отличавшіяся другъ отъ друга только количественно, соотвѣтственно богатству и значенію тѣхъ или другихъ князей. По мѣрѣ присоединенія удѣльныхъ княжествъ къ Москвѣ увеличивался и дворъ государя Московскаго. Бояре и дѣти боярскія также имѣли свои дружины, свои дворни и, переходя на службу великаго князя Московскаго, приводили ихъ съ собою въ Москву. Напримѣръ, въ 1332 году «по званію великаго князя Іоанна (Калиты) пріиде къ нему нѣкто отъ Кіевскихъ благоплеменныхъ вельможъ служити, Родіонъ Несторовичъ, а съ нимъ сынъ его Иванъ, и съ нимъ же княжата и дѣти боярскія, и дворъ его до тысящи и до семи сотъ. Князь же великій пріятъ его съ радостію и даде ему болярство на Москвѣ, и устави ему надо всѣми большинство, и даде ему въ вотчину полъ Волока Ламскаго» [2]).

---

[1]) „А кто моихъ казначеевъ, или тіуновъ, или дьяки прибытокъ мой вѣдали, или посельскіе, или ключники, или кто холоповъ моихъ купленыхъ, или што есть у Федора у Свибла отоималъ, тѣхъ всѣхъ пущаю на свободу“. Тамъ же, с. 73. См. еще стр. 40, № 25.

[2]) Въ сохранившемся завѣщаніи Московскаго боярина и князя конца XV вѣка Ивана Юрьевича Патрекѣевича, потомка литовскаго князя Патрекѣя, перешедшаго въ русскую службу при Великомъ князѣ Васильѣ Дмитріевичѣ, перечисляются „люди“ двора завѣщателя, поступающіе въ раздѣлъ между его дѣтьми наравнѣ съ селами, золотыми и серебряными крестами, цѣпями, поясами, чашами и пр.; между людьми значатся: стрѣлки, трубники, дьяки, повара, хлѣбники, портные мастера, садовники, псари, рыболовы, мельники, конюхи, серебряные мастера, ключники, страдники, *крестьяне;* изъ нихъ ключники съ ихъ женами и дѣтьми отпускаются на свободу, подъ условіемъ предварительной уплаты женѣ завѣщателя серебра, числящагося на

Кіевскому выходцу Родіону Несторовичу званіе боярина было пожаловано великимъ княземъ Иваномъ Даниловичемъ Калитою. Повтореніе такихъ случаевъ привело къ тому, что въ Московскомъ государствѣ бояриномъ сталъ именоваться только получившій это званіе отъ великаго князя Московскаго; иначе сказать, званіе боярина дѣлается чиномъ, жалуемымъ государемъ. Со времени в. к. Василія Васильевича чинъ боярина жалуется немногимъ лицамъ княжескихъ и боярскихъ родовъ, состоявшимъ на службѣ государя Московскаго, и съ этого времени высшій разрядъ служилыхъ людей Московскаго государства получаетъ общее имя дѣтей боярскихъ, въ составѣ которыхъ современные источники именуютъ знатнѣйшіе княжескіе и боярскіе роды.

Въ концѣ XVI вѣка служебныя отношенія, основанныя на договорѣ, прекращаются, смѣняются отношеніями подданническими; бывшіе вольные слуги, князья, бояре и дѣти боярскія именуются холопами Московскаго государя. Въ то же время служилые люди высшаго разряда, именовавшіеся въ XV вѣкѣ боярскими дѣтьми, именуются дворянами разныхъ разрядовъ, представлявшихъ собою градацію чиновъ придворной, приказной и военной службы, жалуемыхъ государемъ. Дѣти боярскія этого времени, наравнѣ съ городовыми дворянами, занимаютъ низшее положеніе въ ряду дворянскихъ степеней Московскаго государства. Разряды городовыхъ дворянъ и дѣтей боярскихъ составили потомки служилыхъ людей удѣльныхъ князей, не призванные на службу ко двору Московскаго государя, а потому не получившіе новыхъ Московскихъ чиновъ, обусловленныхъ службою въ Москвѣ, вблизи государя.

Въ составъ дворянства Московскаго государства вошли вольные и невольные служилые люди эпохи удѣльныхъ государствъ, вслѣдствіе пониженія правъ однихъ и расширенія правъ другихъ.

Пониженіе правъ вольныхъ слугъ начинается ограниченіями вотчинныхъ правъ, въ Московскомъ государствѣ обусловленныхъ государственною службою [1]).

Право перехода вольныхъ слугъ Московскаго государства на службу въ другія государства было сначала обусловлено потерею вотчинъ, потомъ ограничено переходами изъ удѣльныхъ государствъ

людяхъ, состоящихъ подъ вѣдомствомъ ключниковъ. С. Г. Г. и Д.; I, № 130; с. 334—338.

[1]) „А боярамъ и дѣтемъ боярскимъ Ярославскимъ съ своими вотчинами и съ куплями отъ моего сына отъ Василья не отъѣхати никому, никудѣ; а кто отъѣдетъ, и земли ихъ сыну моему; а служатъ ему, и онъ у нихъ въ ихъ земли не вступается, ни у ихъ женъ, ни у ихъ дѣтей“. С. Г. Г. и Д.; I, с. 391. Духов. Ивана III.

въ Москву, но не наоборотъ, а съ образованіемъ московскаго единодержавія совершенно воспрещено, получило значеніе государственной измѣны, тяжкаго преступленія, имѣвшаго своимъ слѣдствіемъ при Иванѣ Грозномъ потерю всѣхъ имущественныхъ и личныхъ правъ.

Лишеніе вольныхъ слугъ права перехода приблизило ихъ къ положенію дворянъ-холоповъ Московскаго государя. Сохранились крестоцѣловальныя записи о переходѣ (древнѣйшая князя Холмскаго 1474 г,), совершенно сходныя съ кабальными записями между частными лицами и имѣвшія такія же послѣдствія для закрѣпощенія на службу Московскому государю бывшихъ вольныхъ слугъ, князей, бояръ и дѣтей боярскихъ. Тогда потомки бывшихъ вольныхъ князей, бояръ и дѣтей боярскихъ стали занимать при Московскомъ дворѣ холопьи должности и получать за службу не кормленія только, но и помѣстья, на условіяхъ службы дворовыхъ служилыхъ людей, дворянъ, и стали писаться въ актахъ на имя государя Московскаго его холопами, наравнѣ съ рабами, пріобрѣтенными куплею и другими способами гражданскаго права.

Рядомъ съ ограниченіемъ правъ вольныхъ великокняжескихъ слугъ расширялись права его дворянъ несвободнаго состоянія. По мѣрѣ образованія московскаго единодержавія количество дворянъ великаго князя увеличивалось и къ XVI столѣтію возросло до такой степени, что только незначительную часть ихъ возможно было содержать при великокняжескомъ дворѣ для отбыванія дворцовой службы, а службою массы великокняжескихъ дворянъ дѣлается служба военная. Часть своихъ дворовыхъ несвободныхъ слугъ великіе князья московскіе, умирая, обыкновенно отпускали на свободу [1]), а остальнымъ были раздаваемы княжескія села на помѣстномъ правѣ, то есть подъ условіемъ пользоваться помѣстьемъ, какъ средствомъ для службы и только на время службы [2]). Бу-

---

[1]) „А хто будетъ моихъ казначеевъ и тивуновъ и посельскихъ, или хто будетъ моихъ дьяковъ, что будетъ отъ мене вѣдали прибытокъ ли который, или хто будетъ у тыхъ женился, тѣ люди не надобни моимъ дѣтемъ, ни моей княгини, далъ есмь имъ волю“. С. Г. Г. и Д.; 1. № 25, с. 40. Духов. Іоанна Іоанновича 1356 года. См. еще № 24, с. 38; № 34, с. 59; № 38, с. 73; № 86, с. 206 и др.

[2]) Первый примѣръ пожалованія великокняжескаго села въ помѣстье встрѣчается въ духовной Ивана Даниловича Калиты 1328 года: „А что есть купилъ село въ Ростовѣ Богородичское, а далъ есмь Бориску Воръкову, аже иметъ сыну моему которому служити, село будетъ за нимъ; не иметъ ли служити дѣтемъ моимъ, село отоимутъ“. С. Г. Г. и Д.; I, № 22, с. 35.

дучи помѣщиками, великокняжескіе военные дворяне получили право расширять средства своего содержанія всѣми способами гражданскаго права, пріобрѣтать вотчины и передавать ихъ по наслѣдству подъ условіемъ княжеской службы [1]). Съ расширеніемъ имущественныхъ правъ расширялись и личныя права княжескихъ дворянъ; подъ условіемъ потери своихъ поземельныхъ владѣній они получали даже право перехода [2]). При Иванѣ Грозномъ, съ прекращеніемъ права перехода для всѣхъ классовъ государственнаго народонаселенія, служилое положеніе дворянъ сравнивается съ положеніемъ бояръ и дѣтей боярскихъ по ихъ вотчинамъ, помѣстьямъ и денежному жалованью. Всѣ разряды царскихъ служилыхъ людей получаютъ общее имя дворянъ и новую организацію, съ дѣленіемъ на чины, или должности, жалуемые царскою властью.

Высшее управленіе служилыми людьми Московскаго государства было сосредоточено при государѣ и осуществлялось при посредствѣ Боярской думы и Разряднаго приказа, имѣвшаго значеніе канцеляріи государя и думы по дѣламъ дворянской службы. Мѣстное управленіе служилыми людьми было сосредоточено въ рукахъ воеводъ и воеводскихъ канцелярій—въ приказныхъ избахъ.

---

[1]) „А которые дѣти боярскіе служатъ моей княгинѣ, и слуги ее, и вси ее люди, холопи ее, и кому буду язъ Князь Великій тѣмъ давалъ свои села, или моя княгиня имъ давала свои села, или за кѣмъ будетъ ихъ отчина или купля: и въ тѣхъ своихъ людехъ во всихъ волна моя княгиня и въ тѣхъ селехъ“. С. Г. Г. и Д.; т I, № 87, с. 207. Духовная Василія Васильевича, писанная въ 1462 году.

[2]) „А кто будетъ подъ дворскимъ слугъ, тѣхъ дѣти мои промежи себѣ не пріимаютъ, ни отъ сотниковъ. А кто тѣхъ выйдетъ изъ удѣловъ дѣтей моихъ и княгини моей, инъ земли лишенъ, а земли ихъ сыну моему, чей будетъ удѣлъ“. Тамъ же; № 40, стр. 77. Духовная Василія Дмитріевича 1410 года.

ГЛАВА XXIX.

Происхожденіе и юридическое положеніе людей податного состоянія. Горожане—смерды,—люди черные—численные—письменные—вытные. Черные крестьяне.

Первоначальная исторія германскихъ и славянскихъ народовъ одинаково представляетъ племенныя государства, состоявшія изъ *свободныхъ общинъ, не платившихъ дани и не прикрѣпленныхъ ни къ лицамъ, ни къ землѣ.* Личная свобода всѣхъ гражданъ опиралась на имущественное равенство, *отсутствіе институтовъ частной поземельной собственности и рабства.* По свидѣтельству Юлія Цезаря: «Никто у Германцевъ не имѣетъ собственнаго, опредѣленнаго рубежами участка земли; ихъ начальники и старшины ежегодно дѣлятъ землю по своему усмотрѣнію между семействами и родами, живущими вмѣстѣ; по истеченіи года они заставляютъ мѣнять участки. Это учрежденіе Германцы оправдываютъ многими причинами: хотятъ, чтобы люди, предавшись землѣ, не потеряли воинственности, чтобы одни не расширяли своихъ владѣній на счетъ другихъ, чтобы не привыкли къ богатству и изнѣженности, чтобы любовь къ наживѣ не породила смутъ и раздоровъ, наконецъ, чтобы поддержать въ народѣ духъ справедливости имущественнымъ равенствомъ гражданъ [1]).

За эпохою племенныхъ государствъ въ исторіи германскихъ народовъ слѣдовала *эпоха завоевательныхъ государствъ, имѣвшая своимъ слѣдствіемъ образованіе институтовъ частной поземельной собственности и личнаго рабства,* дѣленіе государственнаго народонаселенія на землевладѣльцевъ и земледѣльцевъ, богатыхъ и бѣдныхъ, господъ и рабовъ. Въ эпоху образованія завоевательнаго государства Франковъ рабство народонаселенія Франціи развивалось съ такою быстротою, что ко времени третьей династіи королей всѣ земледѣльцы обратились въ рабовъ. Не было издаваемо общихъ законовъ, обращавшихъ земледѣльческое народонаселеніе государства въ крѣпостное состояніе; такой законъ замѣнялъ самый фактъ завоеванія, всегда и вездѣ имѣвшій своимъ слѣдствіемъ обложеніе

---

[1]) Neque quisquam agri modum certum aut fines habet proprios; sed magistratus ac principes in annos singulos gentibus cognationibusque hominum, qui una coierunt, quantum, et quo loco visum est, agri attribuunt; atque anno post alio transire cogunt... ut animi acquitate plebem contineant, quum suas quisque opes cum potentissimis acquari videat. „De Bello Gallico; liv. VI; cap. XXII.

данью покореннаго народонаселенія въ пользу завоевателя и происхожденіе институтовъ частной поземельной собственности и личнаго рабства [1]).

Точно также, по завоеваніи племенныхъ русскихъ княженій въ X вѣкѣ князьями Рюриковичами, народонаселеніе покоренныхъ городскихъ общинъ обращено въ подданныхъ завоевателя, обложенныхъ данью; а плѣнные обращались въ рабовъ частныхъ лицъ, послужившихъ средствомъ образованія частновладѣльческихъ поселеній,—населенныхъ рабами городовъ и селъ.

Населеніе городовъ племенныхъ княженій, объединенныхъ завоеваніемъ въ одну Русскую землю, состоявшее изъ земледѣльцевъ, и въ эпоху Рюриковичей промышляло преимущественно земледѣліемъ; но, выражаясь языкомъ нашего времени, *было обращено въ податное или тяглое состояніе: «вси гради ваши предашася мнѣ, и ялися по дань, и дѣлають нивы своя и землѣ своя»*, говоритъ Древлянамъ завоевательница княгиня Ольга [2]).

Юридическое положеніе горожанъ, какъ подданныхъ, признавшихъ надъ собою власть завоевателя, опредѣляется ихъ обязанностями по отношенію къ послѣднему, по которымъ они должны: 1) *платить дань*, опредѣленную княжескими уставами; 2) *отбывать воинскую повинность*,—строить и поддерживать городскія укрѣпленія, какъ средство военной самообороны государства, и являться лично по призыву князя для войны наступательной или оборонительной; 3) *содержать княжескую дружину*, какъ постоянную военную силу при княжескомъ дворѣ; 4) *содержать княжескихъ служилыхъ людей*, назначаемыхъ княземъ въ подвластные города для

---

[1]) „Ce qui a donné l'idée d'un réglement général fait dans le temps de la canquête, c'est qu'on a vu en France un prodigieux nombre de servitudes vers le commencement de la troisième race; et comme on ne s'est pas aperçu de la progression continuelle qui se fit de ces servitudes, on a imaginé dans un temps obscur une loi générale qui ne fut jamais. Dans le commencement de la première race, on voit un nombre infini d'hommes libres, soit parmi les Francs, soit parmi les Romains; mais le nombre des serfs augmenta tellement, qu'au commencement de la troisième tous les laboureurs et presque tous les habitants des villes se trouvèrent serfs; et, au lieu que, dans le commencement de la première il y avait dans les villes à peu près la même administration que chez les Romains, des corps de bourgeoisie, un senat, des cours de judicature, on ne trouve guère vers le commencement de la troisième qu'un seigneur et des serfs". Montesquieu, Esprit des Lois; liv. XXX; chap. XI; p. 502, 503. Ed. 1860. Paris.

[2]) „Пособіе", с. 33.

администраціи и суда; 5) *платить въ казну князя установленные штрафы за преступленія и пошлины* за совершеніе, укрѣпленіе и удостовѣреніе юридическихъ сдѣлокъ.

Въ значеніи подданныхъ горожане Русской земли до времени татарскаго завоеванія *именовались смердами*, въ отличіе отъ лицъ духовныхъ, княжескихъ дружинниковъ и служилыхъ людей, не платившихъ дани.

Въ 1096 году князья Святополкъ и Владимиръ «посласта къ Олгови, глаголюща сице: «поиди Кыеву, да порядъ положимъ о Русьстѣй земли предъ епископы, и предъ игумены, и предъ мужи отець нашихъ, и *предъ людьми градьскими*... Олегъ же... рече сице: «нѣсть мене лѣпо судити епископу, ли игуменомъ, *ли смердомъ*» [1]). Въ 1071 году дружинникъ черниговскаго князя Святослава Янъ Вышатичъ, собиравшій княжескую дань на Бѣлоозерѣ, спросилъ о мѣстныхъ волхвахъ: «*Чья еста смерда? И увѣдѣвъ, яко своего князя*... рече имъ: «выдайте волхва та сѣмо, *яко смерда еста моего князя*» [2]). Въ 1159 году князь Иванъ Берладникъ подошелъ къ городу Ушицы, а предъ его приходомъ «вошла бяше засада (дружина) Ярославля въ городъ; и начаша ся бити крѣпко засадници изъ города; *а смерди* (горожане) *скачютъ черезъ заборола къ Иванови, и перебѣже ихъ 300*» [3]). Въ 1230 году «розопрѣшася *смерди новгородци* Степанъ Твердиславичъ съ посадникомъ с Внѣздомъ Водовикомъ», а въ 1231 году «даша *посадничество* Степану Твердиславичу» [4]). Въ 1240 году галичскій бояринъ Доброславъ «отдалъ на откупъ коломыйскую соль» Лазарю Домажиричю и Иворю Молибожичю «*отъ племени смердья*» [5]). Въ Русской Правдѣ подъ таксою цѣнности разныхъ животныхъ говорится: «то ти уроци *смердомъ, оже платять князю продажю... Аже будуть холопи* татие, любо княжи, любо боярстии, любо чернечь, *ихъ же князь продажею не казнить, зане суть несвободни*» [6]).

Сопоставленіе приведенныхъ свидѣтельствъ показываетъ ясно, что въ дотатарское время *княжескими смердами въ обширномъ смыслѣ называлось все земство, все народонаселеніе городовъ, признавшее надъ собою власть Рюриковичей и платившее княжескую дань въ значеніи подданныхъ свободнаго состоянія.*

---

[1]) П. С. Р. Л.; I, стр. 98.
[2]) Тамъ же, стр. 75.
[3]) Тамъ же, II, стр. 179.
[4]) П. С. Р. Л.; т. XV, стр. 355, 356.
[5]) Тамъ же, II, стр. 179.
[6]) „Пособіе“, стр. 76.

Горожане - смерды были обложены данью уставами первыхъ завоевателей племенныхъ русскихъ княженій.

Князь Олегъ въ 882 году «*устави дани Словѣномъ, Кривичемъ и Мери*; и устави Варягомъ дань даяти отъ Новагорода гривенъ 300 на лѣто, мира дѣля» [1]). Въ 883 году «поча Олегъ воевати Деревляны, *и примучивъ, и имаше на нихъ дань* по чернѣ кунѣ»; въ 884 году «иде Олегъ на Сѣверяне, и побѣди Сѣверяны, и *възложи на нь дань* легку». Въ 885 году «посла Олегъ къ Радимичемъ, рька: «кому дань даете»? они же рѣша: «Козаромъ». И рече имъ Олегъ: «не дайте Козаромъ, но мнѣ дайте», и *въдаша Ольгови по шьляху*, якоже Козаромъ даху. И бѣ обладая Олегъ Поляны и Древляны, Сѣверяны и Радимичи, а съ Уличи и Тѣверци имяше рать» [2]). Въ 914 году «иде Игорь на Древляны, и побѣдивъ я, *возложи на ня дань* болши Олгови. И бѣ у него воевода, именемъ Свентеадъ, и *примучи Уличи, и возложи на ня дань Игорь*» [3]). Въ 946 году княгиня Ольга на горожанъ Искорости «*возложи дань тяжку*... И иде Вольга по Дерьвьстѣй земли съ сыномъ своимъ и съ дружиною, *уставляющи уставы и уроки*»; а въ 947 году «иде Вольга Новугороду и *устави по Мьстѣ повосты и дани, и по Лузѣ оброки и дани*» [4]). Въ 964 году князь Святославъ «иде на Оку рѣку и на Волгу, и налѣзе Вятичи, и рече Вятичемъ: «кому дань даете»? Они же рѣша: «Козаромъ *по шьляху отъ рала* даемъ»; а въ 966 году «Вятичи побѣди Святославъ, и *дань на нихъ възложи*» [5]). Въ 984 году «иде Володимеръ на Радимичи. Бѣ у него воевода Волъчій Хвостъ, и посла и... и побѣди Радимичѣ Волъчій Хвостъ... и *платять дань Руси*,— *повозъ везуть и до сего дне*» [6]).

Слѣдовательно, уже до времени крещенія Руси при Владимирѣ Святославичѣ народонаселеніе городовъ племенныхъ княженій, вошедшихъ въ составъ Русской земли, было обложено данями и оброками, опредѣленными княжескими уставами.

Въ христіанскую эпоху уставы о даняхъ издавались въ формѣ грамотъ. Въ лѣтописи подъ 1034 годомъ говорится: «Иде великій князь Ярославъ въ Новгородъ... и *людемъ написа грамоту, рекъ*: «*по сей грамотѣ дадите дань*» [7]). Въ уставной грамотѣ смоленскаго князя

---

[1]) П. С. Р. Л.; I, стр. 10.
[2]) Тамъ же, „Пособіе", стр. 18.
[3]) Ник. Лѣт.; ч. I, стр. 41.
[4]) П. С. Р. Л.; I, стр. 25. „Пособіе", стр. 34.
[5]) Тамъ же, стр. 27. „Пособіе", стр. 35.
[6]) Тамъ же, стр. 36. „Пособіе", стр. 43.
[7]) П. С. Р. Л.; XV, стр. 146.

Ростислава 1150 года говорится: «Даю Святѣй Богородици и епископу десятину отъ всѣхъ даней смоленскихъ, что ся въ нихъ сходитъ истыхъ кунъ, кромѣ продажи, и кромѣ виры, и кромѣ полюдья: *у Вержавлянѣхъ у Великихъ 9 погостъ*... а въ тыхъ погостехъ во всѣхъ сходится *дани осмъсотъ гривенъ*, а передмѣра сто гривенъ, а на истужницѣхъ сто гривенъ, то ти изъ того взяти епископу къ Святѣй Богородици сто гривенъ... *въ Торопчи дани четыриста гривенъ*, а епископу съ того взяти 40 гривенъ; а *въ Жижци дани 130 гривенъ*, а съ того епископу взяти 13 гривенъ; а *въ Каспли 100 гривенъ*, а изъ того епископу взяти 10 гривенъ»; и т. д.» [1]). Въ грамотѣ перечислены 46 погостовъ-городовъ Смоленской земли съ точнымъ обозначеніемъ княжеской дани, платимой каждымъ городомъ» [2]).

Въ другой грамотѣ Ростислава того же года, сохранившейся только въ отрывкѣ, также опредѣляется количество сбора съ смоленскихъ городскихъ общинъ на строеніе и поддержку городскихъ укрѣпленій, именуемаго въ грамотѣ «погородіемъ»: «А се *погородіе: отъ Мьстиславля 6 гривенъ* урока, а почестья гривна и три лисици; а се *отъ Крупля гривна* урока, а пять ногатъ за лисицу; а се *отъ Вержавска двѣ гривнѣ* урока, а за три лисици 40 кунъ безъ ногаты; а се *отъ Копосы 6 гривенъ* урока и двѣ лисици, а почестья 35 кунъ»...[3]).

Въ уставной грамотѣ князя Святослава 1137 года перечисляется до 47 волостей новгородской земли, также съ точнымъ указаніемъ количества дани, долженствующей поступить съ каждой изъ нихъ въ пользу церкви: «написалъ Никола князь Новогородьскый Святославъ: въ Онегѣ на Волдутовѣ погостѣ два сорочка, на Тудоворѣ погостѣ два сорочька, на Ивани погостѣ съ даромъ 3 сорочькы... А се Обонѣзьскый рядъ: во Олонци 3 гривны, на Свѣри гривна, въ Юсколѣ 3 гривны... А се Бѣжичьскыи рядъ: въ Бѣжичихѣ 6 гривенъ и 8 кунъ, Городецьке полъпяты гривенъ, въ Змени 5 гривенъ»... [4]).

Горожане-смерды, платившіе дань, обязаны были по княжескимъ призывамъ расширять княжескую военную дружину личною военною службою, входя въ ея составъ въ значеніи черныхъ полковъ, рядовой пѣхоты, народнаго ополченія, подъ главенствомъ тысяц-

---

[1]) Доп. къ акт. ист.; т. I, № 4, I.

[2]) См. Д. Самоквасова: Древніе города Россіи, стр. 86—88. Изд. 1873 года.

[3]) Д. къ А. И.; I, № 4; III.

[4]) Русск. Достоп., ч. I, стр. 82—85.

кихъ и соцкихъ. Изъ ополченій подвластныхъ племенъ кіевскіе князья X вѣка составляли многочисленныя войска, съ которыми они предпринимали завоевательные походы на востокъ, югъ и западъ. Напримѣръ, князь Олегъ предпринялъ походъ противъ Грековъ 907 года «поя множьство Варягъ и Словенъ, и Чюди, и Кривичи, и Мерю, и Поляны, и Сѣверо, и Деревляны, и Радимичи, и Хорваты, и Дулебы, и Тиверци... И съ сѣми всѣми поиде Олегъ *на конѣхъ и въ кораблѣхъ и бѣ числомъ кораблій 2000... а въ карабли по 40 мужъ*» [1]). По свидѣтельству Льва діакона Калойскаго войско князя Святослава въ борьбѣ съ Іоанномъ Цимисхіемъ состояло изъ 60 тысячъ человѣкъ, изъ которыхъ послѣ битвы подъ Дористоломъ осталось только 22 тысячи, а «38 тысячъ пали отъ римскаго меча» [2]).

Подъ 1031 годомъ лѣтописецъ свидѣтельствуетъ, что князья болѣе берегли свою дружину въ тѣсномъ смыслѣ, нежели народное ополченіе, входившее въ составъ дружины въ обширномъ смыслѣ: князь Черниговскій Мстиславъ въ битвѣ съ своимъ братомъ Ярославомъ, «съ вечера *исполчивъ дружину*, и постави Сѣверъ въ чело противу Варягомъ, а самъ ста *съ дружиною своею* по крилома... и сступися чело Сѣверъ съ Варягы, и трудишася Варязи, сѣкуще Сѣверъ, и посемъ наступи Мстиславъ *со дружиною своею*, и нача сѣчи Варяги... Мстиславъ же о свѣтъ заутра, видѣвъ лежачіѣ сѣчены отъ своихъ Сѣверъ и Варягы Ярославлѣ, и рече: «кто сему не радъ? *Се лежитъ Сѣверянинъ*, а се Варягъ, *а дружина своя цѣла*» [3]). Князья хранили «свою дружину» особенно старательно, потому что она въ значеніи постояннаго коннаго воинства, состоявшаго при князѣ, была для нихъ дороже, цѣннѣе народнаго ополченія; но и охрану черной народной дружины они признавали для себя нравственною обязанностью. Въ 1185 году, во время похода русскихъ князей въ землю Половецкую, когда на русскія войска наступило «безчисленное множество» Половцевъ, то русскіе князья и ихъ конная дружина «тако угадавше вси: сосѣдоша съ коний, хотяхуть бо бьющеся дойти рѣкы Донця, молвяхуть бо: «оже побѣгнемь, утечемь сами, *а черныя люди оставимъ*, то отъ Бога ны будеть грѣхъ, сихъ выдавше пойдемь; но или умремь, или живи будемь (вси) на единомъ мѣстѣ» [4]).

Горожане - смерды—черные люди Русской земли дотатарскаго времени составляли подвластное Рюриковичамъ народонаселеніе,

---

[1]) П. С. Р. Л.; I, 12. „Пособіе“, 20.

[2]) „Пособіе“, с. 142.

[3]) П. С. Р. Л.; I, 64.

[4]) Лѣт. по Ипат. списку, стр. 432.

владѣвшее государственною землею, платившее княжескую дань и отбывавшее воинскую повинность Рюриковичамъ, какъ представителямъ верховной государственной власти.

Монгольское завоеваніе радикально измѣнило государственныя отношенія въ древней Руси: *Рюриковичи обращены въ подданныхъ—намѣстниковъ монгольскаго хана.* По монгольскому государственному праву вся земля подвластныхъ народовъ признавалась собственностью хана, а *подданные, не исключая и князей, были только владѣльцами государственной земли и черныхъ людей въ предѣлахъ воли хана.* Такъ смотрѣли Монголы и на русскія земли, подлежавшія по монгольскому праву свободному распоряженію завоевателя [1]).

Въ значеніи завоевателей Монголы получили право дани съ государственной черной земли и государственнаго чернаго народонаселенія, какимъ въ домонгольскую эпоху владѣли князья Рюриковичи; а по этому праву *татарскіе численники—писцы переписали населеніе* земли Кіевской въ 1245 году,—населеніе земель Суздальской, Рязанской и Муромской въ 1257 году,—населеніе Новгородской земли въ 1259 году [2]). Съ этого времени древніе акты именуютъ черныхъ людей *«численными»* и *«письменными»*, т.-е. исчисленными и переписанными. *Всѣ лица, занесенныя въ число и опись, должны были платить опредѣленную дань завоевателю* подъ контролемъ великаго русскаго князя и всѣхъ другихъ русскихъ князей, какъ намѣстниковъ хана.

Черные люди, исчисленные и переписанные татарскими писцами, были *обложены данью ханскими ярлыками и дефтерями,* содержаніе которыхъ отразилось въ княжескихъ договорахъ и завѣщаніяхъ: «А коли слати мнѣ мои данщики въ городъ и въ станы, а тобѣ слати свои даньщики съ моими вмѣстѣ... А ордынская тя-

---

[1]) См. Неволина: Пол. Собр. сочиненій; т. IV, стр. 136. И. Д. Калита, раздѣляя между своими дѣтьми намѣстническіе доходы и свои „купленныя села“, слѣдующимъ распоряженіемъ предполагаетъ принадлежность ихъ завоевателю: „А что моихъ бортниковъ и оброчниковъ купленныхъ, которыи въ которой росписи, то того; а по моимъ грѣхомъ *ци имутъ искати татарове которыхъ волостій, а отоимутся, вамъ сыномъ моимъ и княгини моей подѣлити вы ся тыми опять волостми на то мѣсто*“. Собр. Гос. Гр. и Дог.; I; №№ 21, 22; стр. 32, 44.

[2]) См. П. С. Р. Л.; т. III, стр. 56, 57. Ср. Е. Осокина: О понятіи промысловаго налога и объ историческомъ его развитіи въ Россіи; стр. 44 и слѣд. Казань. 1856 года. А. Лаппо-Данилевскаго: Организація прямого обложенія въ Московскомъ государствѣ; стр. 14 и слѣд. Петербургъ. 1890 г. В. Сергѣевича: Древности русскаго права; стр. 164 и слѣд. Петербургъ. 1903 г.

гость, также и проторъ дати ти мнѣ... *въ пять тысячь рублевъ* триста рублевъ и дватцать рублевъ. А Орда управливати и знати мнѣ Великому Князю, а тобѣ Орды не знати; *а у тебя ми имати выходъ по старымъ дефтеремъ*, по крестному цѣлованію» [1]). Только со времени Куликовской битвы (380 г.), давшей Россіи надежду на освобожденіе отъ ордынской дани, въ договорныхъ и духовныхъ княжескихъ грамотахъ появляются распоряженія о раздѣлѣ черныхъ и численныхъ людей между князьями, всегда съ условіемъ, что въ случаѣ освобожденія отъ Орды дань съ такихъ людей поступаетъ въ распоряженіе удѣльныхъ князей по ихъ «жеребьямъ»; а до того князья всѣхъ удѣловъ должны совмѣстно блюсти черныхъ и численныхъ людей [2]).

Всѣ земли и люди, подать съ которыхъ поступала въ великокняжескую государственную—«городскую» казну, предназначенную для татарскаго «выхода», *всѣ черные люди*, *численные люди*, *ордынцы*, *дѣлюи*, *городскіе люди*, *гости*, *суконники* и земли этихъ людей, какъ собственность завоевателя, *были изъяты изъ гражданскаго оборота*, не подлежали куплѣ, залогу, даренію и завѣщанію. *Лица свободнаго состоянія*, *пріобрѣтая тяглую* землю, теряли свою свободу, *дѣлались тяглыми—черными людьми: «А кто будетъ покупилъ земли данные, служни или черныхъ людей*... а тѣ кто изможетъ выкупити, и нѣ выкупятъ; а не взмогутъ выкупити, *и нѣ потянутъ къ чернымъ людемъ;* а хто не всхочетъ тянути, и нѣ ся земль соступятъ, а земли чернымъ людемъ даромъ» [3]).

Тяглая черная община времени господства Орды надъ Россіей

---

[1]) С. Г. Г. и Д.; т. I, стр. 56, 57, 84, 87, 92, 114, 117, 215, 252 и др. Ко времени сверженія татарскаго ига количество всѣхъ ордынскихъ проторовъ уменьшилось до тысячи рублей въ годъ, изъ которыхъ московскій великій князь платилъ „семь сотъ рублевъ и полосманатцата рубля и полтретьи деньги“, а остальные взносились въ великокняжескую казну удѣльными князьями, соотвѣтственно величинѣ ихъ удѣловъ. Тамъ же, стр. 389, 398.

[2]) „А что наши данщики сберутъ, тому ити въ мою казну, *въ городскую дань*, а оже ны Богъ избавитъ, ослобонитъ отъ Орды, ино мнѣ два жеребья, а тобѣ треть; *а численныхъ людей блюсти ны съ одиного, а земль ихъ не купити*... А которыи слуги къ дворскому, *а черныи люди къ становщику, тыхъ въ службу не примати*, а блюсти ны ихъ съ одиного, а земль ихъ не купити... *А гости и суконниковъ и городскихъ людей блюсти ны съ одиного, а въ службу ихъ не примати*“. Тамъ же, №№ 33, 21—23, 25, 26, 86.

[3]) Тамъ же, стр. 56.

состояла изъ населенія центральнаго поселенія и населенія тянувшихъ къ нему данью, управленіемъ и судомъ селеній, деревень и дворовъ, связанныхъ своимъ выборнымъ управленіемъ, владѣніемъ землею въ опредѣленныхъ границахъ и круговою порукою по уплатѣ податей и отбыванію повинностей, лежавшихъ на общинѣ. *Новыя черныя крестьянскія общины*, возникавшія посредствомъ расчистки и распашки черной дикой земли, *организовались по образцу старыхъ* общинъ и входили въ составъ ближайшихъ волостей уѣздовъ, въ предѣлахъ которыхъ находились вновь занятыя и воздѣланныя земли [1]).

Размѣръ «жеребья»—«выти»—участка земли каждаго домохозяина въ предѣлахъ общины опредѣлялся его личными средствами, по которымъ *черные крестьяне-земледѣльцы дѣлились на лучшихъ, среднихъ или рядовичей и молодшихъ*. Владѣлецъ чернаго участка имѣлъ право передать его по наслѣдству, отдать въ наемъ и даже продать другому лицу, но не иначе, какъ *съ согласія сочленовъ общины* и подъ условіемъ, чтобы наслѣдникъ, наемщикъ и покупщикъ приняли на себя тягло, лежавшее на пріобрѣтаемомъ участкѣ черной земли [2]).

Община имѣла право принимать на свободные участки тяглой земли новыхъ поселенцевъ *изъ вольныхъ людей,—«не тяглыхъ и не письменныхъ»*. *Новый поселенецъ*, по договору съ общиной, *освобождался на опредѣленный срокъ отъ всѣхъ податей и повинностей*, лежавшихъ на общинѣ, и обязывался не запустошить своего же-

---

[1]) Напримѣръ, въ 1524 году Двинянинъ Наумко Кобель съ 4 товарищами били челомъ в. к. Василью Ивановичу, „а сказывали, что въ Двинскомъ уѣздѣ, за рѣкою за Двиною нашли ключи соленые на рѣчкѣ на Юрѣ, на лѣсу на черномъ... и язъ Князь Великій пожаловалъ Наумка и его товарищевъ, велѣлъ есми имъ на тѣхъ мѣстѣхъ ключи соляные чистить, и лѣсъ сѣчи, и дворы ставити, и пашни пахати, и пожни чистити, и людей къ себѣ звати на тѣ мѣста не тяглыхъ и не письменныхъ, добрыхъ, а не ябедниковъ, и не татей, и не разбойниковъ; а письменныхъ тяглыхъ, да и лихихъ людей, татей или разбойниковъ или ябедниковъ, которые изъ которыхъ городовъ и изъ волостей выбиты, и тѣхъ имъ къ себѣ не принимати. И какъ на тѣхъ мѣстѣхъ разчистятъ колодезь, и лѣсъ разрѣжутъ, и дворы поставятъ, и кого къ себѣ на тѣ мѣста призовутъ людей жити, и Наумку съ товарищи и тѣмъ ихъ людемъ ненадобѣ моя Великаго Князя дань, ни иные никоторые пошлины на десять лѣтъ; а какъ отсидятъ тѣ свои урочные лѣта, и имъ потянути въ мою Великаго Князя дань и во всѣ пошлины, чѣмъ ихъ обложитъ мой Великаго Князя писецъ“.

[2]) С. Г. Г. и Д.; № 33.

ребья, а постройки на немъ содержать въ исправности. Иногда община сдавала жеребья на аренду за опредѣленный оброкъ [1]). *Новые поселенцы* черной общины, *по истеченіи льготнаго срока* по уплатѣ дани и отбыванію государственныхъ повинностей, дѣлались полноправными ея членами, *теряли право самовольнаго выхода изъ ея среды и обязаны были нести государственное тягло*, лежавшее на ихъ жеребьяхъ.

«*Безвытные*» *люди* черныхъ общинъ, т. е. невладѣвшіе тяглыми жеребьями, *назывались подсусѣдями*, *захребетниками*, *батраками*, *казаками*, *молодшими людьми*. Они жили въ дворахъ вытныхъ людей, помогами имъ обрабатывать свои жеребьи и получали содержаніе отъ хозяевъ, какъ вольнонаемные работники и домашніе слуги.

Сохранившаяся отъ половины XV столѣтія вѣчевая грамота, передавая великому князю Василью Васильевичу право взиманія чернаго сбора — государственной дани съ черныхъ новоторжскихъ общинъ-волостей, слѣдующими словами опредѣляетъ *размѣръ этой дани:* «съ сохи по гривнѣ по новой, а писцу мортка съ сохи; а въ соху два коня да третьее припряжъ; да тшанъ кожевнической за соху; неводъ за соху; лавка за соху; плугъ за двѣ сохи; срѣнъ за двѣ сохи; а кто сидитъ на исполовьи, на томъ взяти за полсохи..., а кто будетъ одерноватый, на томъ не взяти; а кто поверга свой дворъ, «а вбѣжитъ въ боярскій дворъ, или кто иметъ соху таити, а изобличатъ, на томъ взяти вины вдвое за соху». По той же грамотѣ черные люди обязаны были *содержать княжескихъ чиновниковъ*, пріѣзжавшихъ по служебнымъ обязанностямъ, давать имъ кормъ и подводы: а кормъ съ десяти сохъ Кн. Вел. черноборцемъ взяти тридцать хлѣбцовъ, баранъ, а любо полоть мяса, трое куровъ, сито заспы, два сыра, бѣкаръ соли; а коневого корму пять коробей овса въ старую коробью, три возы сѣна, съ десяти сохъ, какъ пошло, по двѣ подводы отъ стану до стану» [2]).

Сверхъ дани, корма и яма черные люди должны были платить *разнаго рода пошлины* на содержаніе въ исправности городовъ—крѣпостей, за пользованіе казенными средствами сообщенія и за совершеніе, удостовѣреніе и укрѣпленіе юридическихъ сдѣлокъ: посоха, горододѣланіе, тамга, мытъ, осмьничее, писчая бѣлка, костки, помѣръ, вѣсчее, ѣзовое, побережное, гостинное, явка [3]).

---

[1]) „Пахали ту землю, у насъ наимывали... у нашего старосты", который „бралъ наемъ и деньги клалъ всей братьѣ на столецъ". Акад. изд. акт. Ѳедот. Чехов.; I, стр. 31.

[2]) А. А. Э., т. I; № 32.

[3]) Тамъ же, №№ 17, 20 и др.

Мѣстная администрація и судъ въ черныхъ волостяхъ были сосредоточены *въ рукахъ княжескихъ намѣстниковъ - кормленщиковъ*, отношенія которыхъ къ управляемому черному народонаселенію опредѣлялись княжескими *уставными грамотами* [1]).

Финансовое и военное управленіе черными людьми было изъято изъ вѣдѣнія намѣстниковъ и *сосредоточено въ особѣ государя*. Для сбора государственныхъ даней и пошлинъ князь назначалъ особыхъ чиновниковъ, не подчиненныхъ намѣстникамъ, изъ которыхъ въ таможенныхъ и другихъ грамотахъ именуются слѣдующіе: *писцы*, описывавшіе земли и облагавшіе ихъ опредѣленными данями и повинностями; *данники* и *черноборцы*, собиравшіе прямые государственные доходы; *гостинники*, *таможенники*, *мытники*, *вѣсовщики*, *помѣрщики* и *пятенщики*, собиравшіе разнаго рода пошлины съ торговыхъ сдѣлокъ; *мостовщики* и *перевозчики*, — сборщики пошлинъ за пользованіе казенными средствами сообщенія; *явщики*, — сборщики пошлинъ за производство повѣрки лицъ, имущества и бумагъ [2]). Исполнителями княжескихъ распоряженій по военному управленію черными людьми были *воеводы*, *тысяцкіе*, *сотскіе*, *пятидесятскіе и десятскіе*.

Личныя права черныхъ крестьянъ со времени завоевательнаго объединенія племенъ русскихъ Славянъ и обложенія опредѣленною данью покоренныхъ городовъ были ограничены *воспрещеніемъ самовольнаго выхода изъ черной общины*. Въ вышеуказанной вѣчевой грамотѣ на «черный боръ» это запрещеніе выражается въ словахъ: «*а кто поверга свой дворъ, а вбѣжитъ въ боярскій дворъ, или кто иметъ соху таити, а изобличатъ, на томъ взяти вины вдвое за соху*». Междукняжескіе договоры даютъ право перехода только вольнымъ людямъ, вольнымъ крестьянамъ, по формулѣ: «бояромъ, дѣтемъ боярскимъ и слугамъ и *христіаномъ* межъ насъ *вольнымъ воля*». Древнѣйшія изъ сохранившихся княжескихъ жалованныхъ грамотъ даютъ право землевладѣльцамъ перезывать на свои земли только вольныхъ людей и воспрещаютъ перезывать крестьянъ черныхъ—письменныхъ—вытныхъ [3]).

Съ половины XVI вѣка, со времени разгрома татарскихъ царствъ на Волгѣ и перехода къ Московскому великому князю верховной власти хана надъ Русскою землею, *начинается постепенное уничтоженіе намѣстниковъ - кормленщиковъ и передача черныхъ земель и*

---

[1]) См. выше, стр. 233.

[2]) См. Таможенныя грамоты въ первомъ томѣ Актовъ Археограф. Эксп. и въ первомъ томѣ Полн. Собр. Грам. и Договоровъ.

[3]) См. въ приложеніи „Архивный Матеріалъ“.

крестьянъ служилымъ людямъ въ помѣстья и вотчины по жалованнымъ грамотамъ Московскаго царя. Въ 1550 году «Царь и В. К. Иванъ Васильевичъ всея Русіи приговорилъ съ бояры: *учинити* въ Московскомъ уѣздѣ, да въ половинѣ Дмитрова, да въ Рузѣ, да въ Звенигородѣ, *да въ числякѣхъ и въ ординцѣхъ и въ перевѣсныхъ деревняхъ и въ тстеревичѣхъ и въ оброчныхъ деревняхъ* отъ Москвы верстъ на 60 и на 70 *помѣщиковъ*, дѣтей боярскихъ, лутчихъ слугъ 1000 человѣкъ... А сѣна имъ давати по толку жъ копенъ, на колько кому дано четвертныя пашни, опричь крестьянскаго сѣна, а крестьяномъ давати сѣна на выть по тридцати копенъ» [1]). За изданіемъ этого акта послѣдовало изданіе множества царскихъ жалованныхъ грамотъ на помѣстья и вотчины изъ земель бывшихъ черныхъ волостей, платившихъ прежде татарскую дань, а потому стоявшихъ внѣ распоряженій русской княжеской власти. Въ то же время распоряженіями московскаго правительства *обособляются отъ крестьянскаго населенія уѣздовъ городскіе торговые и ремесленные люди*, обращенные XIX-ю главою Уложенія 1649 года *въ особый податной классъ государственнаго народонаселенія подъ именемъ посадскихъ людей.*

Въ результатѣ *черное податное земледѣльческое населеніе*, составлявшее въ количественномъ отношеніи главную массу народонаселенія удѣльныхъ государствъ, *сократилось въ Московскомъ царствѣ до 20 тысячъ крестьянскихъ дворовъ*, составлявшихъ во второй половинѣ XVII вѣка «черныя царскія волости, села и слободы»; а количество крестьянскихъ дворовъ того времени, состоявшихъ за помѣщиками и вотчинниками «написати было не мочно»,—невозможно было сосчитать, по свидѣтельству современника [2]).

Слѣдовательно, черное податное народонаселеніе Русской земли эпохи удѣльныхъ государствъ образовало въ Московскомъ царствѣ

---

[1]) А. А. Э., I, № 225. Л. Максимовича: Указ. Рос. Зак.; стр. 106 и слѣд.

[2]) „А будетъ у самого царя подъ Москвою, и въ городѣхъ въ дворцовыхъ волостяхъ и селѣхъ, крестьянъ съ 30,000 дворовъ, кромѣ бобылей. Да *въ царскихъ же черныхъ волостяхъ и слободахъ крестьянъ съ 20,000 дворовъ*... за инымъ бояриномъ есть близко 17,000 крестьянъ. И за всѣми за тѣми чинами сколко будетъ числомъ крестьянскихъ и бобылскихъ дворовъ, того написати не мочно“. Котошихинъ, глава XI, стр. 114, 115. Въ помѣстьяхъ и вотчинахъ богатаго боярина московскаго царства было почти столько владѣльческихъ крестьянъ, сколько осталось въ государствѣ черныхъ крестьянъ послѣ обособленія городскихъ людей въ тяглые посадскіе люди и раздачи сельскихъ земледѣльцевъ черныхъ волостей въ помѣстья и вотчины.

два новыхъ класса государственнаго народонаселенія: 1) *классъ сельскихъ земледѣльцевъ*, составившій населеніе служилыхъ помѣстій и вотчинъ; 2) *классъ городскихъ-посадскихъ людей*. Оба класса юридически обособились другъ отъ друга своимъ землевладѣніемъ, способомъ отбыванія государственнаго тягла и порядкомъ управленія и суда.

ГЛАВА XXX.

Источники рабства и происхожденіе рабскихъ поселеній. Рабство дворовыхъ людей и земледѣльцевъ церковныхъ, княжескихъ и боярскихъ.

Источники рабства и происхожденіе рабскихъ поселеній.

Одновременно съ обращеніемъ свободнаго населенія городскихъ общинъ русскихъ племенныхъ княженій въ податное состояніе *въ завоевательномъ государствѣ Рюриковичей образуется классъ рабскаго населенія*, не платящаго государственной дани, принадлежащаго частнымъ рабовладѣльцамъ на правахъ собственности.

Въ эпоху Русской Правды *юридическими* средствами пріобрѣтенія рабовъ *служили*: 1) *военный плѣнъ*; 2) *продажа свободы и купля рабовъ* (Р. Пр., Троиц. сп., ст. 102); 3) *женитьба на рабѣ безъ договора* (ст. 103) *и выходъ замужъ за раба* (по рабѣ холопъ, а по холопу раба); 4) *служба въ дворовыхъ рабскихъ должностяхъ* тіуна и ключника *безъ договора* (ст. 104); 5) *приплодъ отъ рабыни* (ст. 96); 6) *неоплатный долгъ* (ст. 50, 51); 7) *бѣгство отъ господина и преступленіе закупа* (ст. 52, 57).

Главнѣйшимъ источникомъ рабства былъ военный плѣнъ. Въ 945 году княгиня Ольга разрушила древлянскій городъ Искоростъ, — «старѣйшины града изъима и прочая люди, овыхъ изби, *а другіа работѣ предасть мужемъ своимъ*». Въ 1031 году Ярославъ и Мстиславъ «повоеваста Лядьскую землю, и *многы Ляхи приведоста, и раздѣлиста я; посади Ярославъ своя по Руси*» [1]). Въ 1149 году князь Изяславъ Мстиславичъ, опустошивши Ростовскую землю, вывелъ оттуда 7 тысячъ плѣнниковъ [2]). Въ 1169 году Новгородцы, отразивъ войска Андрея Боголюбскаго, взяли въ плѣнъ столько людей, что «купляху Суждальцъ по 2 ногатѣ» [3]).

---

[1]) П. С. Р. Л.; I. с. 25, 65.

[2]) Тамъ же, т. XV, с. 211.

[3]) Тамъ же, т. III, с. 15.

Слѣдовательно, въ завоевательную эпоху первыхъ Рюриковичей *военнопленные подлежали раздѣлу между князьями и ихъ мужами, а часть рабовъ обращалась въ колонистовъ*, долженствовавшихъ жить въ частно-владѣльческихъ поселеніяхъ и работать на своихъ господъ.

Въ эпоху Русской Правды *рабскія поселенія*, принадлежавшія церковнымъ учрежденіямъ, князьямъ и боярамъ, *назывались селами*. Русская Правда упоминаетъ о княжескихъ и боярскихъ сельскихъ старостахъ, тіунахъ и рядовичахъ, а также *о рабахъ княжескихъ, боярскихъ и чернецкихъ* (Ак., 22; Т. 42). Лѣтописи говорятъ о существованіи въ XII в. многихъ княжескихъ, церковныхъ и боярскихъ *селъ, населенныхъ челядью или чадью*, въ окрестностяхъ Кіева, Чернигова, Переяславля и другихъ старѣйшихъ городовъ русской земли. Напримѣръ, въ 1146 году князь Изяславъ Мстиславичъ съ союзниками, по взятіи «Игорева сельца», «*раздѣли челяди 700*» [1]). Въ 1171 году Половцы «придоша на кіевскую сторону, взяша множство селъ за Кіевомъ съ людьми и скоты... поможе Богъ Михалку... полонъ свой отъяша *400 чади*» [2]).

Рабство церковныхъ владѣній.

Церковныя учрежденія древней Руси *владѣли не только многими селами, но и городами*. Подъ 1091 годомъ въ лѣтописи говорится: митрополитъ Ефремъ «зданія многія воздвиглъ (въ Переяславлѣ)... и строеніе банное, и врачеве, и больницы всѣмъ приходящимъ безмѣздно врачеваніе; *такожъ и въ Милитинѣ въ своемъ градѣ устрои, и по инымъ своимъ градомъ митропольскимъ*» [3]). Въ 1176 году Ростиславичи «отъяста *городы и дани Св. Богородицы Володимерское*, что же бяшетъ далъ церкви той блаженный князь Андрей... Михалко же, пріѣхавъ Володимерю, *да городы Св. Богородицы*, яже бѣ отнялъ Ярополкъ» [4]).

Правоспособность церковныхъ учрежденій по пріобрѣтенію населенныхъ частновладѣльческихъ имѣній всѣми гражданскими способами *не была ограничена въ Россіи до второй половины XVI вѣка*. Земельныя владѣнія духовенство пріобрѣтало вкладами князей и частныхъ лицъ, покупкою и по правиламъ Кормчей Книги: «всяко село, въ немже требы бываютъ, или присягы поганьски, да отдавается въ Божій храмъ со всѣмъ имѣніемъ»; «село, аще ему госпо-

---

[1]) П. С. Р. Л.; II, с. 26, 27.

[2]) Тамъ же, 155. См. еще тамъ же, т. I, с. 92, 95, 96; II, с. 12, 13, 36, 37.

[3]) Ник. Лѣт., т. 1, стр. 192.

[4]) П. С. Р. Л.; I, с. 159, 160.

динъ погибаетъ, и не будетъ наслѣдника рода его, дабы тяжалъ, да дается церкви Божіей» [1]). По Русской Правдѣ при раздѣлѣ всякаго наслѣдства часть его обязательно передавалась «по душѣ» умершаго въ пользу церкви (К., 105; Т., 87).

Главнѣйшимъ средствомъ обогащенія церковныхъ учрежденій рабскими поселеніями служили *вклады князей и бояръ*, передававшихъ церкви свои поземельныя владѣнія, населенныя рабами, съ тѣми правами надъ ними, какими сами располагали. По свидѣтельству лѣтописи уже первая христіанка изъ рода Рюриковичей княгиня Ольга передала церкви свое село Будутино, а послѣдующіе христіанскіе князья, учреждая епископства, передавали въ пользу церкви «городы, погосты, волости и села со всѣми прибытки». Князь Ярополкъ въ 1158 году «вда Св. Богородици всю жизнь свою: Небльскую волость и Деревскую и Лучьскую и около Кіева. Глѣбъ же вда въ животѣ своемъ съ княгинею 600 гривенъ серебра, а 50 гривенъ золота... а по своемъ животѣ вда княгиня *5 селъ и съ челядью* и все да и до Повоя» [2]).

Въ дотатарскую эпоху князья передавали церковнымъ учрежденіямъ свои владѣльческія права не только надъ сельскими поселеніями, населенными рабами, но также и *надъ городами и погостами, населенными черными людьми*, платившими дань князьямъ, какъ верховнымъ обладателямъ черною землею и черными людьми. Напримѣръ, въ 1150 году князь Ростиславъ Смоленскій, «передавъ село Дросенское *со изгои* и съ землею Святѣй Богородици и епископу и село Ясенское и *съ бортникомъ* и съ землею *и съ изгои*», подтвердилъ и передачу церкви города Холма: «И се и еще и *Холмъ даю* Святѣй Богородици, *якоже дано дѣдомъ моимъ* Володимеромъ Семенови преже *епископу*» [3]). Рязанскій великій князь Ингваръ и

---

[1]) Печ. Кормчая; II, гл. 46, л. 72. П. С. Р. Л.; VI, стр. 69, 70. См. М. Горчакова: О земельн. влад. Митр. Патр. и св. Синода; стр. 83 и слѣд. Изд. 1871 г.

[2]) Лѣт. по Ип. сп., с. 338. „Бѣ рожденіе Володимеру въ Будутинѣ веси... село бо бяше ея (Ольги) тамо, и умираючи даде его Св. Богородицы“ (Никон. Лѣт.; I, 54). „Се азъ Мстиславъ Володимерычъ, держа Руску землю, въ свое княженіе повелѣлъ есмь сыну своему Всеволоду отдати Буйцѣ Св. Георгіеви съ данію, и съ вирами, и съ продажами“... Христоматія Влад.-Буданова; I, 115. „Володимеръ... и по немъ правовѣрніи велиціи князи... создавше епископство, городы, погосты, села... волости дали со всѣми прибытки“ (П. С. Р. Л.; VII, с. 82, 86. А. И.; I, № 259).

[3]) Доп. къ Акт. Ист.; I, № 4, с. 6 и 7.

князья Олегъ и Юрій передали Св. Богородицѣ 9 земель бортныхъ и 5 погостовъ (Песочна, Холохолна, Заячины, Вепрія и Заячковъ), *со всѣми людьми*, въ нихъ жившими, *въ количествѣ 1010 семействъ*, со всѣми княжескими данями, пошлинами и повинностями, воспретивъ княжескимъ чиновникамъ въѣздъ въ предѣлы переданныхъ церкви владѣній по какимъ бы то ни было дѣламъ [1]). Князь Андрей далъ *«городы и дани»* Св. Богородици Владимірской [2]). *Со времени переписи тяглаго народонаселенія татарскими писцами передача черныхъ земель и крестьянъ* церкви *была уже невозможна*, потому что черные крестьяне принадлежали и платили дань не русскимъ князьямъ, а монгольскому хану.

Но и подъ владычествомъ Монголовъ *обогащеніе церковныхъ учрежденій рабскими поселеніями* посредствомъ вкладовъ и другими способами *было такъ интенсивно, что государство бѣдѣло тяглою землею и податными людьми*, а многіе дворяне «оскудѣли» до невозможности нести лежавшую на нихъ военную службу. По освобожденіи Руси отъ власти Орды выяснилась настоятельная необходимость прекращенія права церковныхъ учрежденій расширять свои владѣнія вкладами частновладѣльческихъ вотчинъ, покупкою и закладомъ; а *въ 1580 году «царь* со всѣмъ освященнымъ соборомъ и со всѣмъ царскимъ синклитомъ» *воспретилъ впредь расширять поземельныя владѣнія духовныхъ учрежденій* какими бы то ни было способами: *«а впередъ Митрополиту и Владыкамъ и монастыремъ земель не прибавливати ни которыми дѣлы»* [3]).

Во второй половинѣ XVII вѣка «властелинскихъ» крестьянъ, состоявшихъ за церковными учрежденіями, *числилось 118 тысячъ*

---

[1]) Акты Истор.; т. I, № 23.

[2]) П. С. Р. Л.; I, 159, 160.

[3]) „Села и пожни, или иная угодія земляная, яже по священнымъ епископіямъ и по святымъ монастыремъ... въ пустѣ изнуряхуся паче потребы, а воинственному чину отъ сего оскудѣніе приходитъ веліе. И сего ради... отъ сего дня впередъ, съ генваря пятаго на десятъ дня вотчинникомъ вотчинъ своихъ по душамъ не давати, а давати за нихъ въ монастыри деньги, которое село чего судитъ; а село имати вотчинникомъ, хотя кто и далеко въ роду; а будетъ у кого роду не будетъ ни далнего, и та вотчина имать на государя, а деньги за нее платити исъ казны. А Митрополиту и Владыкамъ и монастыремъ земель не покупати, и закладней не держати. А впередъ Митрополиту и Владыкамъ и монастыремъ земель не прибавливати никоторыми дѣлы; жити имъ на тѣхъ земляхъ, что нынѣ за ними“. Собр. Госуд. Гр. и Дог.; I, №№ 200, 202. Ср. Уложеніе 1649 г.; гл. XVII, ст. 45.

дворовъ; а именно: за патріархомъ 7 тысячъ, за четырмя митрополитами 12 тысячъ, за десятью архіепископами и епископомъ 16 тысячъ и за монастырями 83 тысячи (с. 114, 115). *Крестьянъ же царскихъ*, черныхъ и дворцовыхъ числилось въ это время только *до 50 тысячъ дворовъ* [1]).

Управленіе вкладными и купленными *вотчинами церковныхъ учрежденій* древней Руси, населенными земледѣльцами-крестьянами рабскаго состоянія, *было организовано по образцу царскихъ дворцовыхъ волостей*, состоявшихъ подъ управленіемъ прикащиковъ: «патріархъ, и митрополиты, и архіепископы, и епископы, и монастыри вѣдаютъ своихъ подданныхъ крестьянъ противъ тогожъ, какъ вѣдаютъ въ царскомъ Дому его крестьянъ во всякихъ дѣлѣхъ и податѣхъ» [2]).

Рабство княжескихъ и боярскихъ владѣній.

Князья, бояры и княжескіе дружинники, подобно церковнымъ учрежденіямъ, *пріобрѣтали рабовъ и поземельныя владѣнія всѣми гражданскими способами.* Въ Русской Правдѣ, рядомъ съ чернецкими, упоминаются княжіе и боярскіе холопы (Т., 42), а также *сельскіе княжескіе и боярскіе тіуны и рядовичи* (11). Въ лѣтописи подъ 1150 годомъ говорится: «Изяславъ рече дружине своей: вы есте по мнѣ изъ Русскіе земли вышли, *своихъ селъ и своихъ жизній лишився*» [3]). Отъ конца XII вѣка сохранилась вкладная грамота частнаго лица по передачѣ Св. Спасу Хутынскаго монастыря двухъ селъ земли, огорода, ловищъ рыбныхъ и гоголиныхъ и пожней «*съ челядью* и со скотиною, при чемъ именованы отрокъ Волосъ съ женою и дѣвка Февронья съ двема сыновцами» [4]).

Собирая дань съ чернаго народонаселенія и расходуя ее на построеніе новыхъ городовъ, на содержаніе военныхъ силъ и администраціи, на учрежденіе новыхъ епископствъ и на другія государственныя потребности, *князья Рюриковичи*, подобно церковнымъ властямъ и боярамъ, *заселяли пустоши своими плѣнниками, покупали рабовъ и села частныхъ лицъ* и употребляли доходы со своихъ частныхъ имѣній по своему личному усмотрѣнію, безъ участія дружины: обезпечивали содержаніе женъ на случай вдовства, снаряжали приданое дочерямъ, давали вклады на церковь по своей душѣ, содержали свои дворни.

---

[1]) Котошихинъ, г. XI, с. 114.
[2]) Тамъ же, с. 113.
[3]) П. С. Р. Л.; т. II, стр. 54.
[4]) Христ. В.-Буданова, в. I, с. 118.

Частныя *княжескія имѣнія упоминаются въ лѣтописи съ половины X вѣка*. Такими имѣніями были городъ Вышгородъ и села Ольжицы и Будутино, принадлежавшіе княгинѣ Ольгѣ [1]); въ 1031 году, по раздѣленіи плѣнныхъ Ляховъ, князь Ярославъ посадилъ свою долю по рѣкѣ Роси [2]); въ 1158 году вдова князя Глѣба, дочь Ярополка Изяславича, св. Богородицѣ «вда *5 селъ и съ челядью*» [3]); и т. д.

Земледѣльцы рабскаго состоянія княжескихъ селъ въ эпоху Русской Правды *назывались смердами въ тѣсномъ смыслѣ* [4]).

По Русской Правдѣ за убійство свободнаго смерда-горожанина взыскивалась 40 гривенная вира, а *за убійство смерда*, какъ лица рабскаго состоянія, *взымалось только частное вознагражденіе въ размѣрѣ пяти гривенъ:* «а въ смердѣ и въ хопѣ пять гривенъ»; «а за смердъ и холопъ 5 гривенъ, а за робу шесть гривенъ» (А., 23; К., 13). *Имущество* послѣ боярина и свободнаго людина наслѣдовали дѣти не только мужескаго, но и женскаго пола; а *послѣ смерда*, не имѣвшаго дѣтей мужескаго пола, способныхъ продолжать полевыя работы, *наслѣдовалъ князь*, какъ собственникъ смерда и его имущества: «оже смердъ умретъ безъ дѣти, то задница князю» (Т., 85, 86). Въ новгородскихъ памятникахъ смерды также сопоставляются съ холопами-рабами: «*а холопъ или раба или смердъ почнетъ на осподу вадити... вѣры не нять*» [5]).

---

[1]) П. С. Р. Л.; I, 25: „Възложи на ня дань тяжьку, 2 части дани идета Кіеву, а третьяя Вышегороду къ Олзѣ, бѣ бо Вышегородъ градъ Вользинъ... есть село ее Ольжичи и доселѣ". Ник. лѣт.; ч. I, стр. 54.

[2]) Тамъ же, с. 65.

[3]) Лѣт. по Ипат. сп.; стр. 338.

[4]) Въ 1103 году „почаша думати и глаголати дружина Святополча: „яко негодно нынѣ, веснѣ, ити хочемъ погубити *смерды и ролью ихъ*". И рече Володимеръ: „дивно ми, дружино, оже лошадій жалуете, ею же ореть; а сего чему не промыслите, оже то *начнеть орати смердъ*, пріѣхавъ Половчинъ, ударить и стрѣлою"... (П. С. Р. Л.; I, 118). Въ 1100 году съѣздъ русскихъ князей въ Увѣтичахъ, закончившій междоусобную войну, обратился къ князьямъ Володарю и Васильку, не бывшимъ на съѣздѣ, съ такимъ требованіемъ: „холопы наша выдайта и смерды" (тамъ же, с. 117). Рабское положеніе смердовъ въ тѣсномъ смыслѣ выражается въ посланіи Поликарпа къ Акиндину сопоставленіемъ съ бѣсами, служившими Ѳеодору Пещернику: „бѣси... нынѣ же отъ правовѣрныхъ угодникъ Божіихъ небрегоми, унижени, безчестни, аки *смерди мелютъ и древа носятъ*".

[5]) Христ. Влад.-Буданова: I. 208.

Княжескія *благопріобрѣтенныя имѣнія*, какъ и имѣнія частныхъ лицъ, *переходя къ наслѣдникамъ, дѣлались родовыми имѣніями, не подлежавшими купли, залогу, даренію и завѣщанію*, переходили отъ одного поколѣнія князей къ другому законнымъ порядкомъ наслѣдованія родовыхъ имѣній. Отсюда дворцовые люди и земли, наравнѣ съ черными людьми и землями, въ княжескихъ духовныхъ и договорныхъ грамотахъ являются состоящими подъ общею охраною княжескаго рода: «А которыи слуги къ дворскому, а черныи люди къ становщику, тыхъ въ службу не пріимати, *а блюсти ны ихъ съ одиного, а земль ихъ не купити*... А *селъ ти не купити* въ моемъ удѣлѣ, ни въ великомъ княженіи, ни твоимъ дѣтемъ, ни твоимъ бояромъ» [1]. «А кто будетъ *подъ дворскимъ слугъ*, тѣхъ дѣти мои промежя себе *не принимають, ни отъ сотниковъ*» [2].

Первые московскіе *князья*, раздѣляя между своими наслѣдниками административныя и судебныя пошлины съ городовъ, именуемыя «волостями», оставляя численныхъ людей въ общемъ владѣніи сонаслѣдниковъ, *дѣлили* между ними свои *благопріобрѣтенныя села*, подобно тому какъ дѣлили ихъ частныя лица [3].

Въ эпоху удѣльныхъ государствъ *княжескія дворни и благопрі-*

---

[1]) Тамъ же; № 33, стр. 56.

[2]) Тамъ же; № 40, стр 74, 78.

[3]) Напримѣръ, въ завѣщаніи Ивана Даниловича Калиты говорится: „приказываю сыномъ своимъ отчину свою Москву. А се есмь имъ роздѣлъ учинилъ. Се далъ есмь сыну своему большему Семену *Можаескъ со всими волостьми, Коломну со всими Коломенскими волостьми... село* Астафьевское, *село* на Сѣверьсцѣ, въ Похряньскомъ уѣздѣ... А *изъ городскихъ волостей даю княгини своей осмничее; а тамгою и иными волостми городскими подѣляться сынове мои*; также и мыты, которыи въ которого уѣздѣ, то тому. *А оброкомъ господскимъ Васильцева вѣданья подѣляться сынове мои.* А что моихъ *бортниковъ и оброчниковъ купленыхъ*, которыи въ которого росписи, то того. А по моимъ грѣхомъ, ци имуть искати Татарове которыхъ волостий, а отыимуться, вамъ сыномъ моимъ и княгини моей подѣлити вы ся опять тыми волостми на то мѣсто. А *числьные люди вѣдають сынове мои собча*, а блюдуть вси съ одиного; *а что мои люди купленни въ великомъ свертцѣ, а тыми ся подѣлять сынове мои*... А опрочь московскихъ селъ даю сыну своему Семену *села своя купленая:* село Аваковское въ Новѣгородѣ на Улалѣ, другое въ Володимери Борисовское... А что есмь *прикупилъ семце* на Кержачи у Прокофья у игумна другое Леонтиевское, третье Шараповское, а то *даю* святому Олександру собѣ *въ поминанье*“... С. Г. Г. и Д.; I, № 22, с. 34, 35.

обрѣтенныя и родовыя имѣнія не подлежали управленію намѣстниковъ, а состояли подъ непосредственнымъ управленіемъ князей и «княжихъ мужей», именуемыхъ въ Русской Правдѣ *«огнищными тіунами»*, а въ духовныхъ и въ договорныхъ грамотахъ московскихъ князей *«дворскими» и «дворецкими»*. Дворецкому были подчинены: дворцовые ключники, стольники, бобровники, конюшіе, ловчіе и сокольники, саловары, медовары, бортники и пчеловоды, мясники, рыболовы, садовники и посельскіе прикащики и волостели, управлявшіе княжескими дворами и селами въ дворцовыхъ волостяхъ [1].

Со второй половины XVI вѣка, когда право на дань съ черныхъ людей и земель перешло отъ монгольскаго хана къ московскому царю, *управленіе черными и дворцовыми крестьянами является сосредоточеннымъ въ одномъ учрежденіи, — въ московскомъ Приказѣ Большаго Двора:* «Приказъ Болшаго Дворца, а въ немъ бываетъ и сидитъ бояринъ и дворецкой да околничей, да думной человѣкъ, да два или три дьяка... А вѣдомы въ томъ Приказѣ дворы Сытенной, Кормовой, Хлѣбенной, Житенной и дворовые люди... *дворцовые села и черные волости»* [2]).

Подъ управленіемъ Приказа Большаго Дворца *дворцовые крестьяне раздавались служилымъ людямъ въ помѣстья и вотчины* въ такомъ количествѣ, что *во второй половинѣ XVII вѣка числилось ихъ не болѣе 30.000 дворовъ:* «А будетъ у самого царя подъ Москвою и въ городѣхъ въ дворцовыхъ волостяхъ и селѣхъ съ 30.000 дворовъ, кромѣ бобылей» [3]).

Оставшіеся отъ раздачи служилымъ людямъ *дворцовые и черные крестьяне сохраняли старый порядокъ мѣстнаго управленія*, различный въ волостяхъ дворцовыхъ и черныхъ: «Царскихъ *дворцовыхъ* селъ и волостей крестьянъ *судятъ ихъ и росправу чинятъ* на Москвѣ во Дворцѣ, и въ селѣхъ и въ волостяхъ *приказщики*, по грамотамъ, во всякихъ дѣлѣхъ, кромѣ уголовныхъ и розбойныхъ и татиныхъ и пожеглыхъ дѣлъ. А въ иныхъ царскихъ *черныхъ* волостяхъ, гдѣ приказщиковъ не бываетъ, *учинены судейки человѣкъ съ 10, выборные люди, тѣхъ волостей крестьяне*; и судятся межъ себя по царскимъ грамотамъ и безъ грамотъ, кромѣ уголовныхъ же и розбойныхъ дѣлъ; а доходы денежные и иные собираютъ они сами межъ себя, сколко съ кого доведется, смотря по ихъ промысламъ, и животамъ, и по землѣ, сколко подъ кѣмъ лежитъ земли и сѣется хлѣба и косится сѣнныхъ покосовъ» [4]).

---

[1]) См. духовныя княжескія грамоты въ первомъ томѣ С. Г. Г. и Д.

[2]) Котошихинъ, гл. XII, стр. 69, 70.

[3]) Тамъ же, стр. 113.

[4]) Тамъ же, гл. XI, стр. 113.

ГЛАВА XXXI.

Происхожденіе и значеніе крестьянъ служилыхъ помѣстій и вотчинъ. Юридическое положеніе рабовъ эпохи Русской Правды и крестьянъ Московскаго государства.

Происхожденіе и значеніе служилыхъ помѣстій и вотчинъ.

Именованіе земледѣльцевъ смердами не встрѣчается въ юридическихъ памятникахъ Московскаго государства; *земледѣльцы именуются* въ нихъ *крестьянами*. Это названіе имѣло очень широкое значеніе, даже болѣе широкое, нежели значеніе слова смердъ въ Русской Правдѣ и другихъ памятникахъ, ей современныхъ. Въ поученіяхъ іерарховъ и въ лѣтописяхъ слово крестьянинъ часто употреблялось *въ значеніи христіанина* вообще, имѣло тотъ смыслъ, какой оно имѣетъ нынѣ въ выраженіи «православные христіане», которымъ обыкновенно начинаетъ свою проповѣдь сельскій священникъ, обращаясь къ присутствующимъ въ церкви христіанамъ *всѣхъ состояній*. *Въ юридическихъ памятникахъ крестьянами* называются *сельскіе земледѣльцы всѣхъ разрядовъ*. Въ этомъ значеніи *крестьянами были не только жители вотчинъ рабскаго состоянія, но также свободные земледѣльцы*, поряжавшіеся на полевыя работы, *закупы, наймиты, изорники, половники, серебренники*. Въ договорѣ Рязанскаго князя съ Московскимъ содержится формула: «боярамъ и слугамъ и *христіанамъ вольнымъ* воля», предполагающая существованіе уже въ удѣльную эпоху крестьянъ невольныхъ. По княжескимъ жалованнымъ, договорнымъ, духовнымъ, отдѣльнымъ, послушнымъ и ввознымъ грамотамъ, а также по книгамъ обыскнымъ, отдѣльнымъ, переписнымъ, дозорнымъ, писцовымъ, приправочнымъ и отвознымъ, хранящимся въ Московскомъ Архивѣ Министерства Юстиціи, *невольными крестьянами Московскаго государства были всѣ земледѣльцы, жившіе въ селахъ черныхъ, властелинскихъ, дворцовыхъ и дворянскихъ*, поименно описанные, надѣленные опредѣленными земельными жеребьями, съ которыхъ они платили дань государству и оброки частнымъ владѣльцамъ, опредѣленные въ переписныхъ, писцовыхъ, приправочныхъ и дозорныхъ книгахъ. Крестьяне Московскаго государства всѣхъ разрядовъ не имѣли права оставлять жеребья земли своихъ господъ безъ «отказа» послѣднихъ, то есть безъ ихъ разрѣшенія.

При первыхъ Московскихъ князьяхъ зарождается, а *въ XV и XVI стол. получаетъ широкое развитіе система служилыхъ помѣстій и вотчинъ*, почти совершенно поглотившая собою системы чернаго, дворцоваго и частнаго боярскаго землевладѣнія, господствовавшія въ эпоху удѣльныхъ государствъ.

Въ Московскомъ государствѣ царской эпохи *помѣстными* крестьянами называлось населеніе имѣній, обложенное опредѣленными податями и повинностями, *переданныхъ жалованными грамотами служилымъ людямъ, ихъ вдовамъ и дочерямъ въ пожизненное владѣніе* и пользованіе оброками и другими доходами *безъ права передачи такихъ имѣній* посредствомъ какихъ бы то ни было сдѣлокъ гражданскаго права; а *вотчинными* крестьянами называлось населеніе такихъ же имѣній, переданныхъ жалованными грамотами служилымъ людямъ *въ потомственное владѣніе и пользованіе, съ правомъ передачи* ихъ посредствомъ продажи, мѣны, залога, даренія и завѣщанія.

Слово *помѣстье*, соотвѣтствующее греческому слову τοπιον, означавшему въ Византійской имперіи участки земли, данные правительствомъ во владѣніе военнымъ людямъ подъ условіемъ службы и переходившіе по наслѣдству отъ отцовъ къ дѣтямъ подъ тѣмъ же условіемъ, *при в. к. Иванѣ III означало у насъ всякое поземельное владѣніе подъ условіемъ службы*, и въ частности княжескія дворцовыя земли, данныя служилымъ людямъ подъ тѣмъ же условіемъ [1]).

Въ эпоху господства Орды надъ Россіей русскіе князья не имѣли права распоряжаться черною землею и черными людьми, какъ собственностью завоевателя, а могли давать во владѣніе служилымъ людямъ только свою благопріобрѣтенную и родовую землю, *населенную крестьянами рабскаго состоянія*, бывшими въ вѣдѣніи дворецкаго. Первый примѣръ пожалованія княжескаго села подъ условіемъ службы представляетъ завѣщаніе Ив. Д. Калиты, въ которомъ говорится: «А что есмь купилъ село въ Ростовѣ Богородичское, а далъ есмь Бориску Воръкову, аже *иметъ сыну моему которому служити, село будетъ за нимъ; не иметъ ли служити дѣтемъ моимъ, село отоимутъ*» [2]).

---

[1]) Напримѣръ въ судномъ спискѣ 1498—1505 г. помѣстьемъ называется земля митрополита, переданная во владѣніе дѣтямъ боярскимъ: „Тягалися Ликурзскіе волости хрестіане... съ Некрасомъ да съ Дроздомъ, съ митрополичьими дѣтьми боярскими. И Некрасъ да Дроздъ такъ ркли: тѣ, господине, деревни и починки изстарины *земли митропольскія* Селецкія; а насъ, господине, *тѣми деревнями и починки пожаловалъ Симонъ митрополитъ въ помѣстье*, а се грамота, господине, наша жалованная митропольская передъ тобою". Ак. Юрид.; № 8, с. 14.

[2]) С. Г. Г. и Д.; I, № 22, с. 35. Въ завѣщаніяхъ послѣдующихъ Московскихъ князей постоянно встрѣчаются распоряженія такого рода: „А кто тѣхъ выйдетъ изъ удѣловъ дѣтей моихъ и княгини моей, инъ земли лишенъ, а земли ихъ сыну моему, чей будетъ удѣлъ" (тамъ же, № 40; стр. 74, 78). „А *кому буду давалъ своимъ княземъ и бояромъ и*

Черные люди и земли перешли въ распоряженіе Московскихъ князей послѣ завоеванія царства Казанскаго, послѣ окончательнаго паденія господства Монголовъ надъ Россіей и перехода царской власти къ Московскому великому князю и царю. *Съ этого времени черные люди и земли* наравнѣ съ дворцовыми людьми и землями признаются собственностью Московскаго царя и отъ его имени *раздаются въ помѣстья и вотчины разнымъ чинамъ служилыхъ людей Московскаго государства подъ условіемъ обязательной военной службы.*

Въ 1550 году былъ изданъ *первый указъ о раздачѣ числяковъ*, ордынцевъ, черныхъ крестьянъ и ихъ земель въ помѣстья служилымъ людямъ, боярамъ и дѣтямъ боярскимъ [1]); а по изданіи этого указа система служилыхъ помѣстій и вотчинъ развивается съ такою быстротою, что *въ половинѣ XVII столѣтія отъ черныхъ и дворцовыхъ крестьянъ остались около 50 тысячъ дворовъ* на территоріи всего государства; вотчинныхъ же и помѣстныхъ крестьянъ сосчитать было невозможно [2]).

Раздача государственной земли и крестьянъ помѣщикамъ и вотчинникамъ имѣла своею цѣлью организацію государственной службы, по которой помѣщики и вотчинники составляли военную силу государства, а крестьяне служили средствомъ содержанія этой силы [3]).

Количество крестьянъ, состоявшихъ за помѣщиками, соотвѣтствовало различію «службы и чести» служилыхъ людей: «Въ помѣстьяхъ и во всякихъ вотчинахъ крестьянъ отъ 2-хъ—4-хъ дворовъ до 12-ти—15-ти тысячъ дворовъ за человѣковъ, по чину ихъ и по чести; а кто дослужится, за инымъ бояриномъ есть близко

дѣтемъ боярскимъ свои села въ жалованье, или хотя и въ куплю кому далъ, ино тѣ мои села моимъ дѣтямъ, во чьемъ удѣлѣ будетъ, ино тому то и есть" (тамъ же, № 86, с. 205). „А *которые дѣти боярскіе служатъ моей княгинѣ*, и слуги ее, и вси ее люди, холопы ее, *и кому буду язъ князь велики тѣмъ давалъ свои села, или моя княгиня имъ давала свои села*, или за кѣмъ будетъ ихъ отчина или купля, и въ тѣхъ своихъ людехъ во всихъ волна моя княгиня и въ тѣхъ селехъ". Тамъ же, № 87, с. 207.

[1]) См. выше, с. 284.

[2]) Котошихинъ; гл. XI, с. 114.

[3]) По свидѣтельству лѣтописи, въ 1556 году „Государь... съ вотчинъ и съ помѣстій уложенную службу учиниша, со ста четвертей добрые угожіе земли человѣкъ на конѣ и въ доспѣсѣ въ полномъ, а въ дальній походъ о дву конь... и служба бы государская безо лжи была и безъ грѣха, вправду, и подлинные тому разряды у государскихъ чиноначальниковъ, у приказныхъ людей". Лѣт. по Ник. сп.; VII, с. 261, 262. Указатель Максимовича, I, с. 71.

17 тысячъ крестьянъ... Кто бываетъ счастливъ службою своею и послѣ сродичей своихъ, и за тѣмъ бываетъ много, а иному послѣ сродичей своихъ не достанется ничего, и живетъ съ малаго. И по тѣмъ ихъ вотчинамъ и помѣстьямъ таково ихъ житье. И за всѣми за тѣми чинами сколько будетъ числомъ крестьянскихъ и бобыльскихъ дворовъ, того написати не мочно» [1]).

Финансовое тягло крестьянъ служилыхъ помѣстій и вотчинъ состояло въ уплатѣ царскихъ и частновладѣльческихъ податей: «помѣщики и вотчинники подати царскіе съ крестьянъ своихъ велятъ собирати старостамъ и людямъ своимъ и отдавать въ царскую казну по указу царскому; а свои подати кладутъ они на крестьянъ своихъ сами, сколько съ кого что взяти» [2]).

Помѣщики и вотчинники были администраторами и судьями своихъ крестьянъ по всѣмъ дѣламъ, за исключеніемъ дѣлъ уголовныхъ: «бояре и думные и ближніе и всякихъ чиновъ люди, помѣщики и вотчинники вѣдаютъ и судятъ своихъ крестьянъ во всякихъ ихъ крестьянскихъ дѣлахъ, кромѣ разбойныхъ и иныхъ воровскихъ дѣлъ» [3]).

Юридическое положеніе рабовъ и крестьянъ.

Въ основаніи юридическаго положенія рабовъ въ древнихъ завоевательныхъ обществахъ лежало *воззрѣніе на раба, какъ на вещь, не имѣвшую гражданской правоспособности и дѣеспособности, не имѣвшую гражданской личности*, закрываемой предъ государствомъ личностью рабовладѣльца. Въ такой же строгой формѣ институтъ рабства является и въ Россіи по постановленіямъ Русской Правды и другихъ юридическихъ памятниковъ.

По Русской Правдѣ рабъ не имѣлъ своей личности и своей собственности; *а дѣйствія раба, выгодныя и невыгодныя для окружающихъ, признавались дѣйствіями рабовладѣльца, отвѣчавшаго за своего раба*, или долженствовавшаго уступить свое право собственности на него тому лицу или учрежденію, которому рабъ причинилъ вредъ своимъ дѣйствіемъ.

Такъ какъ *рабъ* не имѣлъ гражданской личности, то онъ не могъ совершать преступленій противъ государства *и не подлежалъ тѣмъ наказаніямъ, какимъ подлежали свободныя лица;* но взамѣнъ того господинъ за своего раба долженъ былъ уплачивать двойную цѣну частнаго вознагражденія въ тѣхъ случаяхъ, когда свободный человѣкъ уплачивалъ публичный штрафъ и частное вознагражденіе: «То

---

[1]) Котошихинъ; гл. VII, с. 115.

[2]) Тамъ же; с. 113.

[3]) Тамъ же; с. 114.

ти оуроци смердомъ, оже платять князю продажю... аже будуть холопи татие, любо княжи, любо боярьстии, любо черничь, іхъ же князь продажею не казнить, зане суть несвободни: то двоиче платить ко істьцю за обидоу» (Тр. спис., ст. 41, 42). *Рабъ не могъ служить объектомъ преступленій, наказуемыхъ публичнымъ штрафомъ:* за убійства и за личныя поврежденія свободныхъ лицъ по Русской Правдѣ взыскивались вира и продажа, а за убійство рабовъ взымались только «уроки» — частное вознагражденіе. *Рабъ не могъ свидѣтельствовать на судѣ;* только въ крайнемъ случаѣ допускалось свидѣтельство боярскаго тіуна; даже закупъ, какъ не вполнѣ свободный человѣкъ, допускался къ свидѣтельству только въ малыхъ тяжбахъ [1]).

Не будучи субъектомъ публичныхъ и гражданскихъ правъ, рабъ былъ объектомъ послѣднихъ. Въ Русской Правдѣ, рядомъ съ таксою, опредѣляющей частное вознагражденіе за уничтоженіе, похищеніе и поврежденіе домашнихъ животныхъ, межевыхъ знаковъ, оружія и другихъ объектовъ собственности, имѣется *такса, опредѣляющая частное вознагражденіе за уничтоженіе и похищеніе людей рабскаго состоянія*, цѣна которыхъ различается соотвѣтственно положенію ихъ во дворѣ и хозяйствѣ рабовладѣльца [2]).

За убійство и кражу раба въ Русской Правдѣ положена продажа въ размѣрѣ 12 гривенъ, т. е. *такой штрафъ, какой взимался за*

---

[1]) „А послушьства на холопа не складають; но оже не будетъ свободнаго, но по нужи сложити на боярьска тивуна, а на инѣхъ не складывати. А въ малѣ тяжѣ по нужи възложити на закупа“. Тр. спис., ст. 59.

[2]) Такса этого рода впервые появляется въ сводѣ княжескихъ уставовъ, составленномъ дѣтьми Ярослава Владимировича при жизни послѣдняго: „А въ сельскомъ старостѣ княжи и въ ратаинѣмъ 12 гривнѣ; а въ рядовници княжѣ 5 гривенъ; въ смердѣ и въ хопѣ 5 гривенъ; аще роба кормилица, любо кормиличицъ 12; а за княжь конь, иже тои съ пятномъ, 3 гривнѣ, а за смердеи 2 гривны“. Въ позднѣйшемъ сводѣ Русской Правды эти статьи являются въ слѣдующей редакціи: „Аже въ княжи отроци, іли въ конюсѣ, іли въ поварѣ, то 40 гривенъ; а за тивунъ за огнищныи, і за конюшии, то 80 гривенъ; а въ сельскомъ тивунѣ княжѣ, іли въ ратаинѣмъ, то 12 гривенъ; а за рядовича 5 гривенъ такоже и за бояресъ; а за ремественника и за ремественицю, то 12 гривенъ; а за смердъ и холопъ 5 гривенъ; а за робу 6 гривенъ; а за кормилця 12, такоже и за кормилицю, хотя си буди холопъ, хотя си роба“. Пособіе, стр. 71, 73. Кар. сп., стр. 9, 14.

уничтоженіе и похищеніе болѣе цѣнныхъ предметовъ собственности: лошади, бобра, борти, межевого знака [1]).

Убійство раба его господиномъ не признавалось преступленіемъ, не влекло за собою никакихъ послѣдствій для убійцъ, потому что господинъ имѣлъ абсолютное право надъ своимъ рабомъ, какъ и надъ всякимъ другимъ предметомъ собственности. Въ уставной Двинской грамотѣ 1399 года говорится: «А кто осподарь огрѣшится—ударить холопа или робу, а случится смерть, въ томъ намѣстици не судятъ, ни вины не емлютъ» (11).

Права рабовладѣльца состояли подъ охраною публичной власти, на основаніи правилъ Русской Правды, предписывавшихъ *всѣмъ гражданамъ и мѣстнымъ властямъ помогать рабовладѣльцамъ въ возвращеніи похищенныхъ и бѣлыхъ рабовъ.* Въ Правдѣ Ярослава имѣются 2 статьи по этому предмету, изъ которыхъ первая требуетъ взысканія трехъ гривенъ съ Варяга или Колбяга, давшаго 3 дневный пріютъ бѣглому рабу (10), а вторая опредѣляетъ порядокъ разысканія бѣглаго раба посредствомъ свода—очныхъ ставокъ (с. 15). Пространный сводъ Русской Правды посвящаетъ этому предмету рядъ статей, опредѣляющихъ порядокъ разысканія рабовъ и обязанности въ этомъ отношеніи всѣхъ гражданъ и всѣхъ властей въ оказаніи помощи рабовладѣльцу. Здѣсь статья о Варягѣ и Колбягѣ обобщается, а къ трехгривенной обидѣ—частному вознагражденію прибавляется трехгривенная продажа [2]); каждый обязанъ задержать бѣглаго раба и имѣлъ право получить «гривну за персемъ»; а если онъ «не ублюдетъ задержаннаго раба, то самъ долженъ платить 4 гривны за раба и 5 гривенъ за рабу, то есть ихъ цѣну, за исключеніемъ переемной гривны; никто не имѣлъ права кормить бѣглаго раба и оказывать ему какую бы то ни было помощь, подъ угрозою уплаты

---

[1]) Ср. ст. Троиц. спис. 34, 62, 64—66. По договору Новгорода съ Нѣмцами за убійство свободнаго человѣка взымалось 10 гривенъ серебра (40 гривенъ кунами), за холопа же только 2 гривны; за нанесеніе раны свободному взымалось 2 гривны, а холопу—только полгривны. По договору Мстислава Давыдовича съ Ригою за убійство свободнаго человѣка платилось 10 гривенъ серебра, а за холопа только гривна.

[2]) Акад. сп: „Аще ли челядинъ съкрыется, любо оу Варяга, любо оу Кольбяга, а его за три дни не выведоуть, а познаютъ и въ третій день, то изымати емоу свои челядинъ, а 3 гривнѣ за обидоу“ (10). Троицкій Списокъ: „А челядинъ скрыеться, а закличють и на торгу, а за 3 дни не выведутъ его, а познаеть и третии день, то свои челядинъ поняти, а оному платити 3 гривны продажи“ (26).

всей цѣнности раба; на намѣстникѣ лежитъ обязанность помощи господину по арестованію и возвращенію бѣглаго раба (Троиц. сп.; ст. 106—108).

Строгость отношеній господской власти къ рабамъ эпохи Русской Правды *существенно измѣняется въ крѣпостномъ правѣ,* созданномъ мѣрами правительства въ системѣ служилыхъ помѣстій и вотчинъ Московскаго государства.

Передавая дворцовыя имѣнія съ рабскимъ населеніемъ въ помѣстья и вотчины служилымъ людямъ, московское *правительство опредѣляло границы власти господъ* по отношенію къ личности и имуществу крестьянъ, и такимъ образомъ превращало абсолютную власть господъ по отношенію къ рабамъ въ ограниченную закономъ.

Въ Московскомъ государствѣ XV и XVI стол. населенныя дворцовыя имѣнія передавались въ частное владѣніе жалованными грамотами великихъ князей, *дававшими владѣльцамъ права хозяевъ, администраторовъ и судей надъ подвластными крестьянами* и воспрещавшими всѣмъ мѣстнымъ правительственнымъ чиновникамъ въѣзжать въ вотчины и помѣстья частныхъ лицъ безъ приглашеній послѣднихъ, за исключеніемъ случаевъ взысканія недоимокъ, преступленій убійства, поджога и грабежа и тяжбъ между сосѣдними владѣльцами, требовавшихъ общаго или смѣснаго суда: «*а волостели и намѣстники великаго князя къ нимъ въ околицу не въѣзжаютъ и крестьянъ ихъ не займаютъ*... что ученится въ ихъ околицы промежъ людей ихъ и крестьянъ, инъ не вступитъ: *вѣдаютъ то ихъ властели*»; «а кого къ собѣ призоветъ людей изъ иного княженія, а не изъ моее отчины, и тѣмъ людямъ пришлымъ не надобѣ моя дань на десять лѣтъ; а уживутъ десять лѣтъ и они потянутъ со старожильцы по силѣ; а къ тѣмъ людемъ также *намѣстницы мои не всылаютъ, ни судятъ ихъ*»; «*а волостели мои ать не вступаются въ нихъ ни о которомъ же дѣлѣ*». Распоряженія этого рода содержатся во всѣхъ княжескихъ вотчинныхъ и помѣстныхъ грамотахъ, сохранившихся отъ XV и XVI столѣтій.

Въ Московскомъ государствѣ жалованныя грамоты на помѣстья и вотчины всегда сопровождались грамотами *отдѣльными, послушными и ввозными,* содержавшими въ себѣ подробныя переписи земельнаго и личнаго состава жалуемыхъ владѣній и *опредѣленіе обязанностей помѣщиковъ и вотчинниковъ къ государству и подвластнымъ крестьянамъ.* Въ древнѣйшей изъ сохранившихся отдѣльныхъ грамотъ на помѣстья изъ дворцовыхъ земель,—въ грамотѣ на помѣстье, пожалованное великимъ княземъ Иваномъ Васильевичемъ III въ 7001 (1493) году Семену Александрову сыну Огареву, содержится перечень пятнадцати деревень, а за нимъ слѣдующія распоряженія: «всѣхъ деревень 15; *а дворовъ двадцать одинъ, а людей тритцать шесть*

человѣкъ, а обежъ тритцать полторы обжи. А оброку съ нихъ денгами и за мелкой доходъ и съ *дворетицкаго* пошлиною, и съ дьячею, и съ ключничею шесть рублевъ и десять алтынъ безъ дву денегъ московскую; да хлѣба всякаго сто дватцать коробей. *И Семену съ тѣхъ обежъ тотъ доходъ весь имати собѣ, опричь великихъ князей и обежные дани. А что изъ тѣхъ обежъ Семенъ возметъ собѣ или своимъ людемъ обежъ на пашню, и ему съ тѣхъ обежъ на крестьянехъ своихъ доходовъ не имати; а что прибавитъ на крестьянъ своего доходу и онъ въ томъ воленъ, только бы было не пусто, чтобы великихъ князей и дань и посошная служба не залегла; а доспѣетъ пусто, и Семену платити великихъ князей и дань и посошная служба самому, а отъ великихъ князей въ томъ быти ему въ опалѣ»* [1]).

Распоряженія этого рода, ограничивающія власть владѣльцевъ по отношенію къ личности и имуществу бывшихъ земледѣльцевъ рабскаго состоянія, содержатся и въ другихъ отдѣльныхъ, послушныхъ и ввозныхъ помѣстныхъ и вотчинныхъ грамотахъ, хранящихся въ Московскомъ Архивѣ Министерства Юстиціи. *Уложеніемъ 1649 года распоряженія* грамотъ, ограничивавшія власть господъ надъ крестьянами, были объединены въ общій законъ о помѣстьяхъ и вотчинахъ всѣхъ разрядовъ. Во второй половинѣ XVII стол. крѣпостное рабство крестьянъ всѣхъ разрядовъ является въ той формѣ, какую Котошихинъ характеризуетъ слѣдующими словами:

«А какъ тѣмъ бояромъ и инымъ вышеписаннымъ чиномъ даются помѣстья и вотчины и имъ пишутъ въ жалованныхъ грамотахъ, что имъ *крестьянъ своихъ отъ стороннихъ людей отъ всякихъ обидъ и налогъ остерегати и стояти; а подати съ нихъ имати по силѣ*, съ кого что мочно взяти, а не черезъ силу, *чтобы тѣмъ мужиковъ своихъ изъ помѣстій и изъ вотчинъ не разогнать и въ нищіе не привесть; и насильствомъ у нихъ скота и животины никакой и хлѣба всякаго и животовъ не имати;* и изъ помѣстныхъ деревень въ вотчинные деревни на житье не переводити, чтобъ одно мѣсто опустошить, а другое обогатить. А будетъ которой помѣщикъ и вотчинникъ, не хотя за собою крестьянъ своихъ держати, похочетъ вотчинныхъ крестьянъ продати, и напередъ учнетъ съ нихъ имати поборы великіе, не противъ силы, чѣмъ бы привести къ нужѣ и къ бѣдности, а себя станетъ наполнивать для покупки иныхъ вотчинъ, *и будетъ на такого помѣщика и вотчинника будетъ челобитье*, что онъ надъ ними такъ чинилъ, *и сторонніе люди про то вѣдаютъ и скажутъ по сыску правду, и у такихъ помѣщиковъ и вотчинниковъ помѣстья ихъ и вотчины*, которые даны будутъ отъ царя, *возмутъ назадъ на царя; а что онъ съ кого ималъ какихъ поборовъ черезъ силу и грабе-*

---

[1]) См. „Архивный матеріалъ“. с. 17.

жомъ, и то на немъ велятъ взять и отдать тѣмъ крестьянамъ; а впредь тому человѣку, кто такъ учинитъ, помѣстья и вотчины не будутъ даны до вѣку. *А будетъ кто учнетъ чинить такимъ же обычаемъ надъ своими вотчинными купленными мужиками, и у него тѣхъ крестьянъ возмутъ безденежно*, и отдадутъ сродственникамъ его, добрымъ людемъ, безденежно жъ, а не такимъ разорителямъ. *А будетъ которой бояринъ и думной и ближней человѣкъ и всякой помѣщикъ и вотчинникъ учинитъ надъ крестьяны своими убойство смертное, или какое наругательство нехристіанскимъ обычаемъ, и будутъ на него челобитчики, и такому злочинцу о указѣ написано подлинно въ Уложенной Книгѣ.* А не будутъ на него въ смертномъ дѣлѣ челобитчики, и такимъ дѣломъ *за мертвыхъ людей бываетъ истецъ* самъ царь» [1]).

ГЛАВА XXXII.

Полувольные и вольные люди. Происхожденіе и юридическое положеніе наймитовъ, закуповъ, изорниковъ, половниковъ, серебренниковъ и перехожихъ крестьянъ. Давность крѣпостного права въ Россіи.

Въ эпоху завоевательнаго объединенія славяно-русскихъ племенныхъ государствъ завладѣніе дикою землею не встрѣчало юридическихъ препятствій: «земля наша велика и обильна». Обиліе земли устраняло споры о земельныхъ границахъ. Первые князья Рюриковичи поощряли заселеніе пустошей, долженствовавшее имѣть своимъ слѣдствіемъ расширеніе количества воздѣланной земли и связанное съ нимъ увеличеніе государственной дани, взимаемой отъ «рала». Но *съ объединеніемъ разрозненныхъ племенъ* въ одно государство увеличился притокъ населенія въ центральныя области Русской земли. Высокія побережья Днѣпра, Десны, Сейма, Сулы, Трубежа, Ворсклы, Роси, годныя для древнихъ поселеній, были заняты старыми и новыми черными городскими общинами и рабскими поселеніями князей, бояръ и духовенства. Возлѣ старѣйшихъ городовъ Кіева, Чернигова, Переяславля и другихъ, сдѣлавшихся резиденціями князей-завоевателей, *образовались болонья, окологородья, переднородья*. Въ 1096 году: «приде Бонякъ... къ Кыеву внезапу, и мало въ градъ не въѣхаша Половци, и зажгоша болонье около града» [2]). Въ 1078 году князья «Всеволодъ и Володимеръ поидоша къ Чернигову, и Чер-

---

[1]) Котошихинъ; гл. XI, с. 113, 114.

[2]) П. С. Р. Л.; т. I, с. 99.

ниговцы затворишася въ градѣ... Володимеръ же приступи къ вратамъ всточнымъ, отъ стреженій отя врата, и отвориша градъ окольный, и пожгоша и; людемъ же вбѣгшимъ въ днѣшній градъ» [1]). Въ 1152 году: «Изяславъ... видѣвше силу половецкую, повелеша людемъ всѣмъ бѣжати изъ острога въ дѣтинецъ... множество Половецъ ѣхаша къ городу биться, и отъемше острогъ, зажгоша передъгородье все» (у Чернигова) [2]). Князь Даніилъ «возлюби мѣсто... и створи градецъ малъ, и видѣвъ яко Богъ помощникъ ему... и созда градъ иный... нача призывати прихожаѣ Нѣмцѣ и Русь, иноязычникы и Ляхи; идяху день и во день, и уноты, и мастерѣ всяціи бѣжаху изъ татаръ, сѣдѣльници, и лучници, и тулници, и кузницѣ желѣзу и мѣди и серебру, и бѣ жизнь и наполниша дворы окрестъ града поле и села» [3]). Кромѣ прироста населенія извнѣ, населеніе старыхъ и новыхъ городовъ размножалось естественнымъ нарожденіемъ. Требовались выселенія, а ближайшія побережья, годныя для поселеній, были уже заняты; новымъ колоніямъ приходилось выселяться за предѣлы родины, на окраины государственной территоріи и на низменныя побережья, подвергая себя военнымъ опасностямъ. *Общинныя и частныя земельныя владѣнія сблизились, возникли споры о границахъ;* дикая земля центральныхъ областей государства, а особенно окрестностей старыхъ городовъ, получила цѣну въ глазахъ князей и народа. Завладѣніе дикою землею въ такихъ мѣстностяхъ уже нуждалось въ разрѣшеніи княжеской власти, первый примѣръ котораго встрѣчаемъ въ лѣтописи уже подъ 1051 годомъ: «Антоній посла единого отъ братьѣ ко Изяславу князю, река тако: княже мой! Се Богъ умножаетъ братью, а мѣстьце мало, да бы ны далъ *гору ту, еже есть надъ печерою.* Изяславъ же... посла мужъ свой и вда имъ гору ту» [4]). Земля занятая и воздѣланная переставала быть дикою, никому фактически не принадлежавшею; воздѣланную землю считалъ своею тотъ, кто первый вложилъ въ нее свой труды и свой капиталъ. Границы занятой земли свободно раздвигались въ направленіи пустошей, пока не сталкивались съ границами воздѣланныхъ земель сосѣднихъ владѣльцевъ; а при столкновеніи возникала необходимость разграниченія сосѣднихъ поземельныхъ владѣній условными знаками и помощь общественной власти, долженствовавшей рѣшить споръ, охранить право. *Съ появленіемъ поземельныхъ границъ и споровъ о границахъ владѣній между сосѣдями* князь, органы княжескаго суда и сами землевладѣльцы *нуждались въ общемъ законѣ, направленномъ*

---

[1]) Тамъ же, с. 86.

[2]) Тамъ же, т. II, с. 70; I, 145.

[3]) Тамъ же, II, 196.

[4]) Тамъ же, I, 68.

къ охранѣ поземельныхъ границъ и такой законъ былъ изданъ уже первымъ законодательнымъ съѣздомъ сыновей Ярослава Владимировича: «А иже межу переореть, любо перетесъ, то за обиду 12 гривнѣ» (Ак. 33). Въ позднѣйшемъ сводѣ Р. Правды это постановленіе является въ слѣдующей редакціи: «Оже межу перетнетъ бортную, или ролейную межу разоретъ, или дворную межу тыномъ перетынитъ, то 12 гривенъ продажи; оже дубъ перетнетъ знаменный или межный перетнетъ,—12 гривенъ продажи» (Кар., 83, 84; Тр., 65, 66).

Завоевательное объединеніе племенныхъ государствъ въ одно государство имѣло своимъ слѣдствіемъ происхожденіе городовъ и селъ, принадлежавшихъ своимъ владѣльцамъ на правахъ полной собственности, то есть имѣло своимъ слѣдствіемъ возможность завладѣнія и обработки дикой земли чужимъ трудомъ, лицами рабскаго состоянія, каковыми въ періодъ завоеваній первыхъ Рюриковичей были военноплѣнные. Но новыя поземельныя отношенія скоро вызвали расширеніе класса рабовъ включеніемъ въ него лицъ, терявшихъ свою свободу по гражданскимъ сдѣлкамъ [1]). *Обложеніе завоевателемъ покоренныхъ городовъ данью* «отъ дыма» и «отъ рала» *раздѣлило народонаселеніе государства* по отношенію къ княжеской дани *на два класса*: людей черныхъ, податныхъ, имѣвшихъ въ городскихъ общинахъ свои дворы и пашни, съ которыхъ платили опредѣленную княжескую дань, и людей вольныхъ, не имѣвшихъ въ общинахъ своихъ дворовъ, не платившихъ черной дани, не связанныхъ съ общинами поземельнымъ владѣніемъ, имѣвшихъ право жить, гдѣ имъ угодно и промышлять, чѣмъ угодно: поступить на службу къ иноземному государю, русскому князю, боярину, церковному учрежденію, занять и воздѣлать на свои средства участокъ черной земли и платить съ него установленную княжескую поземельную дань, въ значеніи чернаго земледѣльца и землевладѣльца. Но *обѣднѣвшій вольный человѣкъ лишенъ былъ фактически возможности занять и воздѣлать дикую землю личнымъ трудомъ* при военныхъ и экономическихъ условіяхъ общественной жизни въ Русской землѣ эпохи удѣльныхъ государствъ: занятую землю требовалось расчистить, вспахать и обсѣять, а для этого нужны были жилище, земледѣльческія орудія, рабочій скотъ, сѣмена, средства содержанія до урожая, даже въ томъ случаѣ, когда вольный земледѣлецъ освобождался отъ княжеской поземельной дани на опредѣленный льготный срокъ. *Бѣдные вольные люди*, не имѣвшіе своихъ долей въ землѣ городскихъ общинъ, *вынуждены были искать средствъ къ жизни службою у князей, бояръ, духовенства и становиться къ своимъ «господамъ» въ отношенія личной зависимости*, въ значеніи дворовыхъ

[1]) См. выше, с. 285.

слугъ и наемныхъ земледѣльцевъ; вынуждены были, подъ залогъ своей работы, личной свободы, искать охраны и средствъ къ жизни у людей богатыхъ, получая отъ нихъ жилище, земледѣльческія орудія, рабочій скотъ и часть урожая съ земли, воздѣлываемой ихъ трудомъ, но принадлежавшей господину—кредитору. Съ другой стороны, воздѣлываніе и обращеніе дикой земли въ частновладѣльческія села было выгодно для князей, бояръ и духовенства, а потому возникшій рядомъ съ институтомъ рабства *институтъ полурабства, подъ именами закуповъ, изорниковъ, исполовниковъ, кочетниковъ и серебренниковъ*, получаетъ широкое развитіе въ эпоху удѣльныхъ государствъ. Этому институту Русская Правда времени Владимира Мономаха и вѣчевое законодательство посвятили рядъ спеціальныхъ постановленій, направленныхъ къ опредѣленію личныхъ и имущественныхъ отношеній наемныхъ земледѣльцевъ къ ихъ господамъ-кредиторамъ-землевладѣльцамъ [1]). Дальнѣйшее развитіе этотъ институтъ получилъ въ Московскомъ государствѣ подъ именемъ *крестьянъ-серебренниковъ, перехожихъ или вольныхъ.*

Князья, заинтересованные въ томъ, чтобы дикія земли и «пустоши», деревни и села, опустѣвшія отъ моровыхъ повѣтрій, половецкихъ нашествій и между-княжескихъ войнъ, не оставались безъ людей, *поощряли призывъ вольныхъ колонистовъ на свободныя земли*, освобождая ихъ отъ государственныхъ податей и повинностей на опредѣленный срокъ, обыкновенно различный для «зарубежниковъ, инокняженцевъ», и «тутошнихъ вольныхъ людей»; но всегда *съ условіемъ, что по истеченіи льготнаго срока, означаемаго жалованною грамотою, пришлые вольные люди потянутъ общее государственное тягло* съ старыми жителями волостей черныхъ, дворцовыхъ, властелинскихъ, боярскихъ, вотчинныхъ и помѣстныхъ, соотвѣтственно съ тягломъ волости, на землѣ которой селились новые пришлые колонисты [2]). Въ теченіе опредѣленнаго жалованною грамотою льготнаго срока *вольный колонистъ*, ролейный закупъ, изорникъ, исполовникъ, серебренникъ, *состоялъ въ положеніи полураба* въ отношеніи къ своему господину землевладѣльцу-кредитору, котораго онъ не имѣлъ возможности оставить безъ посторонней помощи уже потому, что не имѣлъ возможности выплатить ему свою «покруту», «подмогу», «серебро»—ссуду [3]).

Въ древней Руси личность вольнаго человѣка, принявшаго на себя обязательство закупничества, становилась въ такую зависи-

---

[1]) „Пособіе“, с. 78, 79.

[2]) „А живучи намъ въ той деревни, тягло государьское всякое тянуть съ волостью вмѣстѣ, какъ соху наставимъ“. А. Ю., № 178.

[3]) См. А. Ю.; №№ 186, 290 и др.

мость отъ личности господина, что послѣдній *имѣлъ право бить закупа «про дѣло» и отвѣчалъ за его преступленіе съ правомъ обратить закупа въ полнаго своего холопа* [1]). *Закупъ обращался въ раба и въ случаѣ бѣгства* отъ своего господина до полнаго расчета съ нимъ по обязательству; а бѣглаго раба господинъ имѣлъ право отыскивать вездѣ и, отыскавъ, связать и возвратить себѣ при помощи мѣстной власти [2]). Эти правила сохраняли свою силу и въ эпоху господства Монголовъ надъ Россіей. По Новгородскимъ договорамъ съ князьями, исполовники наравнѣ съ рабами подлежали суду въ присутствіи своихъ господъ, а бѣглые исполовники наравнѣ съ рабами подлежали выдачѣ [3]). Въ междукняжескихъ договорахъ тѣ же правила проявляются въ слѣдующихъ распоряженіяхъ: «даному, положеному, *холопу, робѣ отъ вѣка судъ;* а татя и *бѣглеца* по исправѣ выдати», «а хто отъ насъ пригонится въ твою вотчину за холопомъ, или *за должникомъ*, а взымаетъ самъ, а безъ пристава, да поставитъ передъ тобою, или передъ намѣстники, или передъ волостели, въ томъ вины нѣтъ»; «а отъ вѣка пошлинъ *зъ бѣлеца* съ семьи два алтына, а съ одинца алтынъ» [4]). Эти распоряженія по отношенію къ холопамъ и должникамъ представляютъ собою только новую редакцію стараго общаго закона Русской Правды, выраженнаго слѣдующими постановленіями: «Оже *закупный бѣжитъ* отъ господина *то обелъ* (холопъ полный) [5])... А кто самъ своего холопа (бѣглаго) досочится (доищется) въ чеемъ-любо городѣ, или въ хоромѣ, а будетъ намѣсникъ не вѣдалъ его, то повѣдавше ему, поняти же у него отрокъ, и шедше увязати, и дати ему (отроку) вязебную 10 кунъ». (Т., с. 108).

Полурабъ, ролейный закупъ, изорникъ, исполовникъ, серебренникъ изъ вольныхъ людей, дожившій льготный срокъ на землѣ даннаго владѣнія, зачислялся въ разрядъ тяглыхъ людей, долженъ былъ платить княжескую дань и нести всѣ государственныя повинности, лежавшія на «истаринномъ» земледѣльческомъ народонаселеніи; а если такіе крестьяне бѣжали отъ государственныхъ повинностей, возложенныхъ на нихъ государственною властью, то ихъ разыскивали и водворяли на прежнія мѣста жительства при помощи мѣстныхъ органовъ государственной власти. Кто оставлялъ тяглую землю и скрывалъ «соху», подлежавшую княжеской дани, того не

---

[1]) „Пособіе“, с. 79.

[2]) Тамъ же, с. 78, 84.

[3]) Собр. Гос. Гр. и Д.; I, №№ 6—8, 10.

[4]) Тамъ же; № 127 и др. Христ. Влад.-Буданова; II, с. 18.

[5]) Это правило остается дѣйствующимъ и въ Московскую эпоху. См. доп. къ Акт. Ист.; I, № 51, XXIV, с. 84.

только возвращали на тяглую землю при помощи княжескаго пристава, но и взыскивали съ него имущественный штрафъ: «кто поверга свой дворъ, а вбѣжитъ въ боярскій дворъ, или кто иметъ соху таити, а изобличать, на томъ взяти вины вдвое за соху» [1]).

По свидѣтельствамъ историко-юридическихъ памятниковъ, *разрядъ вольныхъ людей составляли бѣднѣйшіе люди Русской земли, не владѣвшіе средствами обзавестись собственнымъ хозяйствомъ*, которымъ въ случаѣ невозможности найти работу въ значеніи раба, наймита и закупа не оставалось другихъ средствъ пропитанія, какъ нищенство, Христово подаяніе, воровство, грабежъ и разбой. Воля такихъ людей была хуже неволи рабовъ и полурабовъ. Къ разряду вольныхъ людей принадлежали: изгои, уже въ дотатарское время составлявшіе населеніе цѣлыхъ деревень [2]), вольноотпущенные, «задушные люди», сироты, вышедшіе по безграмотности изъ церковныхъ причтовъ дѣти священно и церковно-служителей [3]), изгнанные изъ тяглыхъ общинъ за преступленія [4]) и зарубежники—бѣглецы изъ чужихъ земель, которымъ, подобно туземнымъ изгоямъ, не оставалось другихъ средствъ къ пропитанію, кромѣ нищенства, Христова подаянія и работы на чужихъ земляхъ въ значеніи холоповъ и полухолоповъ [5]).

Вольные люди, колонизируя чужія земли по соглашеніямъ съ землевладѣльцами, въ значеніи наемныхъ земледѣльцевъ, *могли входить въ составъ населенія имѣній черныхъ, дворцовыхъ, властелинскихъ и боярскихъ, вотчинныхъ и помѣстныхъ*; а въ отличіе отъ земледѣльцевъ—крестьянъ тяглыхъ, изстаринныхъ, вольные коло-

---

[1]) А. А. Э.; I, № 32.

[2]) См. Д. къ А. И.; I, № 4.

[3]) См. „Христоматію“ Влад.-Буданова; I, стр. 229, 245. А. А. Э.; № 21.

[4]) А. А. Э.; I, № 381.

[5]) „Новопорядные крестьяне, вольные люди, зарубежскіе новые выхоцы Орѣховскаго уѣзда, порядившіеся „во крестьяне на пустошь“ Тихвинскаго монастыря, при запискѣ „въ роспросѣ сказалися Великаго Государя волные люди... кормились въ мірѣ Христовымъ именемъ и черною работою, и ни за какими чинами во крестьянѣхъ и въ бобыляхъ и въ холопствѣ ни за кѣмъ не живали“. А. Ю.; № 203, стр. 214. „Приводной человѣкъ Конашко Юрьевъ въ допросѣ сказалъ: уроженецъ де онъ Полскихъ людей, а котораго повѣту того сказалъ не упомнитъ; а вывезли де его изъ Полши Донскіе казаки въ малыхъ лѣтѣхъ... Кормился Христовымъ именемъ, и кормился черною работою, и по лѣтамъ коровъ пасъ... до нынѣшняго числа тутъ живу Тихвина монастыря въ отчинѣ добровольно; а нынѣ бью челомъ въ бобыльство“. Тамъ же, стр. 215.

нисты, принимавшіе на себя полурабскія обязательства по отношенію къ землевладѣльцамъ, назывались *наймитами* [1]), *ролейными закупами, изорниками, исполовниками, серебренниками.*

Въ эпоху Монгольскаго владычества количество изгоевъ, вольныхъ людей, лишенныхъ средствъ существованія, *очень размножилось вслѣдствіе повальнаго обычая отпускать по духовнымъ грамотамъ на волю дворовыхъ людей,* вызваннаго преимущественно обѣднѣніемъ Русской земли, долженствовавшей ежегодно въ теченіе долгаго времени платить тяжелую дань, уходившую за предѣлы Русской земли подъ именемъ «татарскаго выхода». Обѣднѣвшія денежныя кассы князей и бояръ были лишены возможности содержать многочисленныя дворни слугъ, составлявшихъ дружины и дворы дотатарскаго времени. Начиная временемъ И. Д. Калиты, духовныя грамоты, рядомъ съ формулою: «а боярамъ и слугамъ вольнымъ воля», содержатъ въ себѣ распоряженія о свободѣ невольныхъ слугъ, составлявшихъ дворни умиравшихъ князей и бояръ, требовавшія на свое содержаніе денежныхъ средствъ, въ противоположность раздѣляемымъ межу наслѣдниками «оброчникамъ», не требовавшимъ расходовъ на свое содержаніе, а приносившимъ доходъ своему господину, въ значеніи частновладѣльческаго имѣнія [2]). Напримѣръ, въ духовной Семена Ивановича 1353 года читаемъ: «А что моихъ людей дѣловыхъ, или кого буди прикупилъ, или хто ми ся будетъ въ винѣ досталъ, такоже мои тивуни, и посельскіе, и ключники, и старосты, или хто ся будетъ у тыхъ людей женилъ, всѣмъ тѣмъ людемъ далъ есмь волю, куды имъ любо, а братье моей, ни моей княгинѣ тѣ люди не надобны» [3]). Грамота Ивана Ивановича 1356 года: «А кто будетъ моихъ казначеевъ, и тивуновъ, и посельскихъ, или хто будетъ моихъ дьяковъ, что будетъ отъ мене вѣдали прибытокъ ли который, или хто будетъ у тыхъ женился, тѣ люди не надобны моимъ дѣтемъ, ни моей княгини, далъ есмь имъ волю; такъ же хто будетъ моихъ людій полныхъ, купленыхъ, грамотныхъ, далъ есмь имъ свободу, куды имъ любо, а дѣтемъ моимъ не надобны, ни моей княгинѣ» [4]). Грамота Дмитрія Ивановича 1371 г.: «А что моихъ казначеевъ, или посельскихъ и тивуновъ и дьяковъ, хто что отъ мене вѣдали, тѣ всѣ сыну моему князю Василью, ни моей княгинѣ, ни моимъ дѣтемъ не надобны; а что моихъ людей купленыхъ, а

---

[1]) „Продаетъ ли господинъ закупа обелъ, то наймиту слобода во всѣхъ купахъ“. Р. Правда, Тр. сп., ст. 55.

[2]) Сл. С. Г. Г. и Д.; I, № 22, 24, 25, 26, 30, 34, 39, 40, 130 и др.

[3]) Тамъ же: № 24, стр. 38.

[4]) Тамъ же; № 25, стр. 40.

тымъ далъ есмь свободу, а сынъ мой князь Василій и моя княгиня и мои дѣти не примаютъ ихъ»[1]). Наслѣдники умиравшаго князя обязаны были удержать за собою только холоповъ и вольныхъ дворовыхъ слугъ, посаженныхъ на землю и изъявившихъ желаніе остаться на ней въ значеніи тяглыхъ людей. Въ духовной Василія Дмитріевича 1410 года говорится: «не всхочетъ (кто изъ моихъ слугъ) жити на тѣхъ земляхъ, инъ земли лишенъ, пойди прочь, а сами сыну князю Ивану не надобѣ»[2]). Освобожденіе людей съ землею въ духовныхъ грамотахъ встрѣчается очень рѣдко. Такой примѣръ представляетъ завѣщаніе 1498 года боярина князя И. Ю. Патрикеевича, который, подѣливъ между своими дѣтьми свои села, раздѣлилъ между ними также свою многочисленную дворню, въ составѣ которой завѣщателемъ именуются: повара, хлѣбники, истопники, мельники, садовники, огородники, плотники, мастера серебряныхъ дѣлъ, конюхи, утятники, сокольники, псари, стрѣлки, трубники, бронники, дьяки, ключники; изъ нихъ 129 человѣкъ отпускаются на волю поименно, а семеро «съ женами и съ дѣтми и съ землею»; о непоименованныхъ людяхъ въ грамотѣ содержится слѣдующее общее распоряженіе: «А которые мои люди не писаны въ сей душевной грамотѣ, и тѣ мои люди всѣ на свободу и съ женами и съ дѣтьми»[3]).

Оставляя за штатомъ, отпуская на свободу своихъ дворовыхъ людей безъ земли, которую они обрабатывать не умѣли и средствъ къ тому не имѣли, *князья и бояры расширяли классъ безземельныхъ вольныхъ людей*, съ трудомъ находившихъ работу и пропитаніе, изъ которыхъ счастливъ былъ тотъ, кто просилъ и получалъ новое холопство, или выпрашивалъ себѣ гдѣ-либо «подмогу», обзаводился хозяйствомъ на чужой землѣ и становился закупомъ—изорникомъ—исполовникомъ—серебренникомъ своего господина-кредитора. Такими земледѣльцами-крестьянами не дорожили землевладѣльцы. По свидѣтельству Вассіана Косого, монастыри XVI вѣка, «отнимая все имущество крестьянъ за недоимки, выгоняли ихъ изъ своихъ селъ съ женами и дѣтьми, провожая побоями». Но вольные люди, поселившіеся на чужой землѣ, свыкшіеся съ земледѣльческою работой, дѣлались цѣннымъ хозяйственнымъ орудіемъ для своего господина, завидною приманкою для его сосѣда. Такихъ крестьянъ было выгодно «отказать», то-есть отозвать отъ сосѣда, хотя бы съ надбавкою «подмоги» и уплатою за отозваннаго крестьянина «выхода» и

---

[1]) Тамъ же; № 30, стр. 51.
[2]) Тамъ же; № 40, стр. 74.
[3]) Тамъ же; № 130, стр. 334—338.

«серебра» прежнему его хозяину. Но самъ вольный крестьянинъ, взявшій «подмогу», не имѣлъ права самовольно оставить своего господина-кредитора, а уплатить свой долгъ онъ не имѣлъ возможности безъ посторонней помощи, при которой права на личность крестьянина, на его трудъ, переходили отъ прежняго господина къ новому. Такой смыслъ имѣютъ постановленія Судебниковъ «о крестьянскомъ отказѣ», говорящія не о свободномъ, всеобщемъ и повсемѣстномъ переходѣ крестьянъ съ одной земли на другую и отъ одного владѣльца къ другому», а только о правѣ землевладѣльцевъ «отказывать» — перезывать крестьянъ-серебренниковъ и наймитовъ, съ обязанностью «отказчиковъ», перезывавшихъ крестьянъ, уплачивать за нихъ прежнимъ господамъ «отказъ» и «пожилое» [1]).

Въ древней Россіи крѣпостное состояніе вольнаго человѣка начиналось временемъ первоначальнаго обзаведенія хозяйствомъ на чужой землѣ, на чужой счетъ, «съ подмогою»—«покрутою», составлявшею основаніе финансовой зависимости закупа, изорника, половника, серебренника, закладчика къ его господину, владѣльцу земли—кредитору, получавшему личныя и имущественныя права надъ своимъ должникомъ, опредѣленныя постановленіями о закупахъ—наймитахъ Русской Правды, сохранявшими силу дѣйствующаго закона до времени изданія Судебниковъ. *Финансовое обязательство ролейнаго закупа-крестьянина вмѣстѣ съ его личностью, откупленною у одного землевладѣльца другимъ, переходило къ послѣднему*, отказчику, полу-

---

[1]) Въ 1555 году выборные головы черныхъ становъ Пустой Ржевы подали государю челобитную, въ которой „сказываютъ, что деи дѣти боярскіе Ржевскіе, и Псковскіе, и Лутцкіе, и изъ иныхъ присудовъ, вывозятъ за себя во хрестьяне жити нашихъ крестьянъ изъ Ржевскихъ изъ черныхъ деревень не по сроку, по вся дни, безпошлинно; а какъ изо Ржевскихъ и изъ нашихъ деревень пріѣдутъ къ нимъ отказщики, съ отказомъ, въ срокъ, хрестьянъ изъ за-нихъ отказывати въ наши въ черные деревни, и тѣ деи дѣти боярскіе тѣхъ отказщиковъ бьютъ и въ желѣза куютъ, а хрестьянъ деи изъ за-себя не выпущаютъ, да поимавъ деи ихъ мучатъ и грабятъ и въ желѣза куютъ, и пожилое деи на нихъ емлютъ не по Судебнику, рублевъ по пяти и по десяти; и отказати де имъ хрестьянина изъ-за тѣхъ дѣтей боярскихъ не мочно“. На эту челобитную послѣдовала слѣдующая резолюція на имя Новгородскихъ дьяковъ: „изъ-за тѣхъ дѣтей боярскихъ и изъ-за земцовъ крестьянъ въ наши въ черные въ Ржевскіе деревни по сроку отказывати: а выходъ бы есте велѣли имъ тѣмъ крестьяномъ платити по нашему указу“. Д. къ А. И.; I, № 56. См. еще тамъ же, № 198; I, II.

чавшему опредѣленныя закономъ права надъ личностью и имуществомъ отозваннаго крестьянина.

По законодательнымъ актамъ XIV, XV и XVI столѣтій, *всѣ разряды крестьянъ-земледѣльцевъ*, черные, дворцовые, властелинскіе, боярскіе, вотчинные и помѣстные, *по отношенію къ финансовымъ обязательствамъ*, связаннымъ съ землевладѣніемъ, *дѣлились на три неравные класса*: 1) *крестьяне тяглые, государственные*, исчисленные, описанные, вытные, владѣвшіе землею, обложенные опредѣленными государственными податями и повинностями, не имѣвшіе права перехода, составлявшіе преобладавшую массу государственнаго народонаселенія; 2) *крестьяне частновладѣльческіе, жившіе на землѣ своихъ господъ, взносившихъ за нихъ государственную подать*, платившіе своимъ господамъ опредѣленный ежегодный оброкъ, а съ разрѣшенія своихъ господъ имѣвшіе право переходить для заработковъ къ сосѣднимъ землевладѣльцамъ, въ значеніи наймитовъ, подлежавшіе возвращенію къ прежнему своему господину по исполненіи договорнаго обязательства; 3) *вольные крестьяне,—колонисты на чужихъ земляхъ, государственныхъ и частныхъ, освобожденные отъ государственныхъ податей и повинностей на опредѣленный льготный срокъ*, по истеченіи котораго зачисляемые въ разряды крестьянъ черныхъ или частновладѣльческихъ. *Наравнѣ съ тяглыми и оброчными крестьянами вольные крестьяне, самовольно оставлявшіе землю своего владѣльца до исполненія финансовыхъ къ нему обязательствъ, признавались бѣглыми должниками, наравнѣ съ рабами, подлежавшими выдачѣ господину* «до вѣка», «безсрочно и безпошлинно», не только въ предѣлахъ своего государства, но и при переходѣ въ сосѣднія государства, по договорнымъ формуламъ: «ни закладниковъ пріимати, ни княгини твоей, ни бояромъ твоимъ, ни дворяномъ твоимъ, ни смерда, ни купчины»; «кто купецъ пойдетъ въ свое сто, а смердъ пойдетъ въ свой погостъ»; «а холопъ или половникъ забѣжитъ выдавати»; «а городная осада, гдѣ кто живетъ, тому туто и сѣсти»; «а суженое, положеное, заемное, поручное, кабальное по исправѣ выдати; а холопа, рабу, должника, поручника, бѣглеца, татя, разбойника по исправѣ выдати»; «а отъ вѣка пошлинъ съ бѣглеца съ семьи два алтына, а съ одинца алтынъ» [1]).

Опредѣляя *Юрьевскій срокъ для перехода наймитовъ* крестьянскаго состоянія отъ одного землевладѣльца къ другому, Судебники Московскаго государства, подобно Русской Правдѣ и вѣчевому законодательству, оставляютъ вольнымъ крестьянамъ только одинъ добровольный выходъ изъ крестьянскаго состоянія безъ посторонней подмоги,—это

---

[1]) С. Г. Г. и Д.; №№ 1, 3, 6, 7, 10, 43, 48 и др.

переходъ въ кабальное холопство: «А которые люди вольные учнутъ бити челомъ княземъ и боярамъ, и дѣтемъ боярскимъ, и всякимъ людемъ, а станутъ на собя давати кабалы за ростъ служити, и болѣ пятинадцати рублевъ на серебреника кабалы не имати; а старые кабалы, которые иманы на волныхъ людей и болши пятинадцати рублевъ до сего Уложенія, а за ростъ имъ на тѣхъ денгахъ у нихъ служити. А имати имъ кабалы на волныхъ людей, а на полныхъ людей, и на докладныхъ, и на старинныхъ холопей кабалъ не имати... А которой крестьянинъ съ пашни продастся кому въ полную въ холопы, и онъ выйдетъ безсрочно, и пожилого съ него нѣтъ» [1]).

Только вольные и оброчные люди, нанимавшіеся на срочную работу, не получавшіе «покруты», «подмоги», «серебра» и освобожденія на урочные годы отъ государственныхъ податей и повинностей, пользовались правомъ свободнаго перехода отъ одного господина къ другому: «А наймитъ у государя не дослужитъ уроку своего, да пойдетъ прочь, и онъ найму лишенъ; а которой государь наймиту не захочетъ дати найму, а уличитъ его въ томъ наймитъ, и на томъ доправити наемъ вдвое» [2]). Въ одномъ только случаѣ Царскій Судебникъ даетъ право крестьянину по своей волѣ и во всякое время перейти отъ своего «государя, за кѣмъ живетъ», къ «отказщику», съ обязательствомъ возвратиться туда, гдѣ онъ жилъ, если того потребуетъ разбирательство дѣла его бывшаго государя, а именно, въ случаѣ насилія надъ крестьяниномъ, совершеннаго на землѣ его государя [3]). Во всѣхъ другихъ случаяхъ бѣглые крестьяне возвращались въ старые ихъ дворы посредствомъ письменныхъ юридическихъ актовъ, именуемыхъ въ источникахъ «отвозными книгами» [4]).

По свидѣтельствамъ судныхъ, жалованныхъ, духовныхъ, договорныхъ и уставныхъ княжескихъ грамотъ, *преобладавшая масса земледѣльческаго народонаселенія древней Россіи, состоявшая изъ тяглыхъ и частновладѣльческихъ людей, черныхъ, дворцовыхъ, властелинскихъ и боярскихъ, вотчинныхъ и помѣстныхъ, была прикрѣплена къ землѣ своихъ владѣльцевъ со времени завоеванія славянорусскихъ племенъ*, обложенныхъ данью завоевателемъ, и первоначальнаго образованія въ Русской землѣ институтовъ частной поземельной собственности и рабства. Постановленія Русской Правды, Псковской судной гра-

---

[1]) См. Христоматію Влад.-Буданова; II, стр. 164, 165, 173. Суд. 1550 г.; ст. 78, 88.

[2]) Тамъ же, стр. 168; ст. 83.

[3]) Тамъ же, стр. 174; ст. 89.

[4]) См. въ приложеніи „Архивный матеріалъ“.

моты, Судебниковъ и княжескихъ жалованныхъ, духовныхъ и договорныхъ грамотъ о ролейныхъ закупахъ, изорникахъ, исполовникахъ, огородникахъ, кочетникахъ, закладчикахъ, серебренникахъ и вольныхъ перехожихъ крестьянахъ относятся только къ наемнымъ, оброчнымъ частновладѣльческимъ земледѣльцамъ и къ вольнымъ людямъ,—колонистамъ на чужой землѣ по договорамъ съ землевладѣльцами,—состоявшимъ изъ «зарубежниковъ и изгоевъ».

Слѣдовательно, въ древней Россіи *не было «свободнаго, всеобщаго и повсемѣстнаго права» земледѣльцевъ всѣхъ разрядовъ переходить отъ одного землевладѣльца къ другому* и съ одной земли на другую. За отсутствіемъ общаго свободнаго перехода крестьянъ въ древней Россіи *не могло быть и общаго закона о прикрѣпленіи крестьянъ.*

Дополненіе.

Законъ о всеобщемъ прикрѣпленіи крестьянъ древней Россіи представляетъ собою не фактъ, а домыслъ теоріи, основанный на содержаніи указа 1597 года, устанавливающаго исковую давность по дѣламъ о бѣглыхъ крестьянахъ. Татищевъ, а за нимъ и Карамзинъ, основываясь на словахъ этого указа «которые крестьяне выбѣжали до нынѣшняго 106 года за пять лѣтъ, и тѣхъ возити назадъ», вывели заключеніе, что «слѣдовательно тогда былъ запрещенъ переходъ крестьянъ». Къ такому же заключенію приводитъ содержаніе этого указа Б. Н. Чичерина, И. Д. Бѣляева, Н. И. Костомарова и др. [1]).

Погодинъ и проф. Энгельманъ, принимая во вниманіе запрещеніе сказаннымъ указомъ искать «бѣглыхъ крестьянъ, бѣжавшихъ» отъ своихъ помѣщиковъ и вотчинниковъ за 6, 7, 10 и болѣе лѣтъ,

---

[1]) Б. Н. Чичеринъ: „Въ 1592 или 1593 г. послѣдовало укрѣпленіе крестьянъ; самый указъ до насъ не дошелъ, но содержаніе его ясно видно изъ указа 24 ноября 1597 года“. Опыты; стр. 223. Бѣляевъ: „Когда именно, въ которомъ году состоялась новая мѣра общаго прикрѣпленія крестьянъ къ землѣ, совершенно измѣнившая жизнь русскихъ крестьянъ, мы не знаемъ, ибо первоначальный указъ до насъ не сохранился, или пока еще не отысканъ... впрочемъ должно согласиться, что прикрѣпленіе послѣдовало не раньше 1590 года“. Крестьяне на Руси; стр. 105, 106. В. И. Сергѣевичъ относитъ предполагаемый указъ о прикрѣпленіи „къ самому началу царствованія Ѳеодора Іоанновича“. Лекціи и изслѣд.; стр. 637. Ср. „Древности Русскаго Права“; т. I, стр. 246. Костомаровъ: „Распоряженіе 1592 года должно необходимо касаться перехода въ Юрьевъ день и непремѣнно въ духѣ прекращенія этого права“. Истор. моногр.; I, стр. 373.

а съ другой стороны усматривая и въ послѣдующихъ указахъ (1606 г.) такую же пятилѣтнюю давность по исковымъ дѣламъ о бѣглыхъ крестьянахъ, какая установлена закономъ 1597 года, находятъ, что крестьяне, самовольно оставлявшіе своихъ господъ въ 1587 году, даже въ царствованіе Ивана Грознаго уже признавались бѣглыми, и приходятъ къ заключенію, что указъ 1597 года представляетъ собою «законъ о давности судебныхъ исковъ о бѣглыхъ крестьянахъ, а Ѳедоръ Ивановичъ и Борисъ Годуновъ не издавали никакихъ законовъ о прикрѣпленіи крестьянъ. Профессоръ Энгельманъ указъ о прикрѣпленіи крестьянъ 1592 г. признаетъ «мнимымъ», несуществовавшимъ; «не могъ пропасть безслѣдно законъ такой великой важности и такъ интересный для бояръ и дьяковъ, записывавшихъ и хранившихъ законы въ приказахъ; указъ 1597 года о давности исковъ о крестьянахъ и былъ закономъ о прикрѣпленіи крестьянъ» [1]).

По ученію проф. М. Ф. Владимірскаго-Буданова, «подъ книгами указа 1607 года можно разумѣть лишь писцовыя книги. Борисъ воспретилъ вывозъ всѣхъ тѣхъ, которыхъ застала опись государства, предпринятая имъ... Кромѣ сомнительнаго указа 1607 года, есть несомнѣнныя узаконенія 1601 и 1602 г., указывающія на характеръ начинающагося государственнаго прикрѣпленія; по этимъ указамъ царь Борисъ временно, на одинъ годъ, разрѣшалъ переходъ крестьянъ въ Юрьевъ день и недѣлю спустя послѣ Юрьева дня, кромѣ черныхъ земель, вотчинъ дворцовыхъ, церковныхъ и вотчинъ высшихъ служилыхъ лицъ, и за исключеніемъ всего Московскаго уѣзда [2])... Что общаго и окончательнаго закона о прикрѣпленіи дано не было, о томъ свидѣтельствуютъ послѣдующіе факты... Потеряли право перехода только старинные крестьяне и крестьяне-домохозяева, записанные въ писцовыя книги, но не дѣти ихъ, племянники и бобыли» [3]). «Общій дѣйствительный

---

[1]) См. Энгельмана: „О давности“ и „Die Leibeigenschaft“.

[2]) Слѣдовательно, эти законы, какъ и прежніе, воспрещали вывозить тяглыхъ людей, и въ этомъ отношеніи были только повтореніемъ давнихъ княжескихъ жалованныхъ, договорныхъ, духовныхъ и судныхъ грамотъ. Сверхъ того, эти указы не даютъ права перехода крестьянамъ, а даютъ право вывоза крестьянъ дворянамъ между собою. Въ указахъ говорится слѣдующее: „Ц. Борисъ Ѳеодоровичъ и сынъ его... велѣли крестьяномъ дати выходъ, и возити крестьянъ дворянамъ... промежъ себя... возити крестьянъ въ нынѣшнемъ 110 году... промежъ собою... возити одному человѣку изъ за одного человѣка одного крестьянина, или двухъ“. Указатель Максимовича, стр. 128.

[3]) Обзоръ Ист. Рус. Права, стр. 140, 141. Изд. 1888 г.

законъ о прикрѣпленіи, заключаетъ почтенный профессоръ, есть XI-я глава Уложенія царя Ал. Мих., гдѣ говорится: «по нынѣшній государевъ указъ государевы заповѣди не было, что никому за себя крестьянъ не пріимати. А будетъ кто съ сего государева Уложенія учнетъ бѣглыхъ крестьянъ и бобылей и ихъ дѣтей и братью и племянниковъ принимать», тотъ не только долженъ возвратить ихъ «со всѣми ихъ животы, и съ хлѣбомъ стоячимъ и молоченымъ и съ землянымъ, безъ урочныхъ лѣтъ», но и уплатить 10 рублей за годъ [1]).

Такимъ образомъ, *общій законъ о прикрѣпленіи крестьянъ одни изслѣдователи усматриваютъ въ Уложеніи 1649 года, другіе въ указѣ объ исковой давности бѣлыхъ крестьянъ 1597 года, третьи въ предполагаемыхъ указахъ начала царствованія Ѳеодора Іоанновича.* Въ дѣйствительности *общаго* закона о прикрѣпленіи крестьянъ къ землѣ не было издано въ царскую эпоху, потому что въ древней Россіи *всѣ разряды тяглыхъ земледѣльцевъ были прикрѣплены къ землѣ ихъ господъ уже въ эпоху Русской Правды*, сохранявшей силу закона и въ послѣдующее время, когда вольный земледѣлецъ, своевольно бѣжавшій отъ своего господина, обращался въ полное рабство, а бѣглаго раба его господинъ имѣлъ право искать вездѣ и возвратить себѣ при помощи общественной власти [2]). Но запрещая всѣмъ землевладѣльцамъ принимать на свои земли тяглыхъ земледѣльцевъ всѣхъ разрядовъ, законъ древней Россіи наказывалъ принимавшихъ бѣглецовъ опредѣленнымъ штрафомъ только въ томъ случаѣ, когда имъ было извѣстно рабское состояніе принятаго [3]), а въ противномъ случаѣ онъ не подлежалъ отвѣтственности, какъ за пріемъ вольнаго человѣка [4]).

XI-ая глава Уложенія 1469 года представляетъ собою не «общій законъ о прикрѣпленіи крестьянъ», а законъ объ отмѣнѣ исковой

---

[1]) Тамъ же.

[2]) См. Д. къ А. И.; № 51, стр. 84.

[3]) „Аще ли челядинъ скрыется любо у Варяга, любо у Колбяга, и его за три дни не выведутъ, а познаютъ и въ третій день, то взымати ему свой челядинъ, а три гривнѣ за обиду“; „оже челядинъ крыется, а заключютъ и на торгу, а за три дни не выведутъ его, а познаютъ и въ третій день, то свой челядинъ пояти, а оному платити 3 гривны продажи“. Рус. Правда; спис. Акад, ст. 10; сп. Кар., ст. 27.

[4]) Въ такомъ случаѣ наказывался только бѣглецъ, частный по усмотрѣнію своего господина, а черный человѣкъ опредѣленнымъ имущественнымъ штрафомъ, равнявшимся двойной цѣнѣ, слѣдовавшей съ него въ государственную казну ежегодной дани: „А кто поверга свой дворъ, а вбѣжитъ въ боярскій дворъ, или кто иметъ соху таити, а изобличатъ, на томъ взяти вины вдвое за соху“. А. А. Э.; I, № 32. Грамота 1437 года.

давности (урочные годы бѣглыхъ крестьянъ), учрежденной указомъ 1597 года, и новый общій законъ, опредѣляющій на будущее время отвѣтственность землевладѣльцевъ за принятіе бѣглыхъ крестьянъ, въ размѣрѣ 10 руб. въ годъ за одного крестьянина [1]).

Но *Уложеніе 1649 года*, какъ и законы предыдущихъ царей, *не уничтожило класса вольныхъ людей въ Россіи*, обновляемаго зарубежниками и вольноотпущенными, и права добровольнаго ихъ поступленія въ крестьяне всѣхъ землевладѣльцевъ, а только обставило пріемъ ихъ болѣе подробною регламентаціей, направленной къ предупрежденію ошибочнаго пріема бѣглыхъ крестьянъ, о чемъ свидѣтельствуютъ крестьянскія порядныя второй половины XVII вѣка и тексты Уложенія [2]).

Уложеніе 1649 года не уничтожило и «свободы перехода» крестьянъ отъ одного владѣльца къ другому по договору найма: «А будетъ чьи крестьяне и бобыли учнутъ у кого наймоватися въ работу, и тѣмъ крестьяномъ и бобылемъ у всякихъ чиновъ людей наймоватися въ работу по записямъ и безъ записей повольно, и

---

[1]) „Бѣглыхъ крестьянъ и бобылей... отдавать изъ бѣговъ тѣмъ людѣмъ, изъ-за кого они выбѣжатъ по переписнымъ книгамъ безъ урочныхъ лѣтъ, а впредь отнюдь никому чужихъ крестьянъ не пріимать и за собою не держать; а будетъ кто съ сего государева уложенья учнетъ бѣглыхъ крестьянъ и бобылей и ихъ дѣтей и братью и племянниковъ пріимать и за собою держать... взять за всякаго крестьянина по десяти рублевъ на годъ и отдавать истцомъ, чьи тѣ крестьяне и бобыли“ (Улож. 1649 г., ст. 3, 9 и 10).

[2]) „А будетъ къ кому въ вотчину и въ помѣстье придутъ какіе люди и скажутъ, что они вольные, и похотятъ тѣ люди за ними жити во крестьянѣхъ, или въ бобыляхъ, и тѣмъ людѣмъ, къ кому они придутъ, распрашивати ихъ, какіе они вольные люди, и гдѣ ихъ родина, и за кѣмъ жили, и откуды пришли, и не бѣглые ли чьи люди и крестьяне и бобыли, и есть ли у нихъ отпускныя?.. рѣчи ихъ записывать подлинно; да будетъ тѣ, которыхъ приведутъ къ запискѣ, доведутся по ихъ распроснымъ рѣчамъ отдать во крестьянство тѣмъ людѣмъ, кто ихъ къ запискѣ приведетъ, и тѣмъ людемъ, кому они отданы будутъ въ крестьянство, велѣть тѣхъ людей къ распроснымъ рѣчамъ во взятьѣ руки прикладывать“ (гл. XI, ст. 20). „А будетъ кто... прихожаго человѣка приведетъ къ запискѣ, не провѣдавъ подлинно, приметъ чужаго крестьянина, или бобыля, имати на тѣ годы, сколько за кѣмъ жилъ... по 10 рублевъ на годъ для того, не провѣдавъ подлинно, не пріимай чюжаго. А которые крестьянскіе дѣти отъ отцовъ своихъ и отъ матерей учнутъ отпиратися, и тѣхъ пытать“ (тамъ же, стр. 21, 22).

какъ отъ нихъ тѣ наймиты отработаются, и имъ отпущать ихъ отъ себя безо всякого задержанія» (ст. 32). Слѣдовательно, Уложеніе 1649 года сохранило за крестьянами право переходить съ земель своихъ землевладѣльцевъ на чужія земли, уничтоживъ только обязательность расчета наемнаго крестьянина съ его господиномъ въ Юрьевскій срокъ и условія о ссудѣ и пожиломъ, затруднявшія въ эпоху Судебниковъ возвращеніе крестьянъ къ ихъ владѣльцамъ въ тѣхъ случаяхъ, когда наемными крестьянами были люди владѣльческіе, оброчные, а не вольные.

Классъ вольныхъ крестьянъ въ Россіи, изгоевъ-бродягъ, уничтожается только съ уничтоженіемъ класса вольныхъ людей закономъ Уложенія 1649 года, по которому вольный человѣкъ, проживший 3 мѣсяца на чужой землѣ безъ договора, обращался въ раба владѣльца земли [1]), *и законами Россійской Имперіи о подушной подати*, ревизіяхъ и обязательной припискѣ къ сельскимъ и городскимъ обществамъ, подъ угрозою строгаго наказанія бродягъ, никуда не приписанныхъ [2]).

---

[1]) „А будетъ которые вольные люди на Москвѣ и въ городахъ жили у тѣхъ людей меньше трехъ мѣсяцъ, и тѣхъ людей отпущати на волю, а служилыхъ кабалъ на нихъ не давати, потому что они жили у нихъ безкабально немногое время; а будетъ сыщется, что жили больше трехъ мѣсяцъ, и на тѣхъ людей кабалы давати и по неволѣ, хотя они къ нимъ итти въ холопы и не похотятъ“. Тамъ же; гл. XX, ст. 16.

[2]) См. Д. Самоквасова: „Лекціи“, в. III; дополненіе IV, стр. 160—210. Москва. 1896 г. „О происхожденіи, разрядахъ и значеніи крестьянъ Московскаго государства“.

III. Власть.

ГЛАВА XXXIII.

Значеніе и порядокъ преемства княжеской власти въ родѣ Рюриковичей домонгольскаго завоеванія Россіи. Происхожденіе удѣльныхъ государствъ.

Значеніе власти князей Рюриковичей.

Историкъ К. Н. Бестужевъ-Рюминъ, приступая къ изложенію политическихъ отношеній въ Россіи эпохи удѣльныхъ государствъ, высказалъ: «Періодъ удѣльный обыкновенно и весьма основательно считается самымъ труднымъ для пониманія и объясненія... Два вопроса представляются изслѣдователю: какъ образовалась удѣльная система и чѣмъ поддерживалось единство русской земли?» [1]). Остановившись затѣмъ на воззрѣніяхъ Карамзина, Полевого, Надеждина, Погодина, Соловьева, Пассека, Костомарова, Кавелина, Чичерина и Сергѣевича, проф. Бестужевъ-Рюминъ, пришелъ къ слѣдующему заключенію: «Мы недовольны ни одною изъ теорій, взявшихся объяснить государственный бытъ древней Руси» [2]).

Господствующія нынѣ литературныя воззрѣнія по вопросамъ о происхожденіи удѣльныхъ государствъ, значеніи и порядкѣ преемства власти князей Рюриковичей выражаются въ ученіяхъ историка С. М. Соловьева и историка-юриста В. И. Сергѣевича.

По ученію Соловьева въ исторіи Россіи эпохи удѣльныхъ государствъ должно различать *два періода*, раздѣленные временемъ Андрея Боголюбскаго: *въ первомъ періодѣ* въ отношеніяхъ Рюриковичей между собою и къ русской землѣ *господствовали родовыя отношенія; а во второмъ періодѣ родовыя отношенія постепенно смѣняются государственными*. Въ родовомъ періодѣ надъ всѣми русскими князьями возвышался Кіевскій князь, за нимъ слѣдовалъ Черниговскій, затѣмъ Переяславскій и т. д.; во второстепенныхъ княжествахъ, напримѣръ въ Черниговскомъ, старшимъ княземъ считался Черниговскій, за нимъ Новгородъ-Сѣверскій, затѣмъ Муромскій и т. д. Если умиралъ Кіевскій князь, то на его мѣсто перемѣщался князь Черниговскій, на мѣсто Черниговскаго Новгородъ-Сѣверскій и т. д. Такой порядокъ наслѣдованія власти можно

---

[1]) Русская исторія, т. I, стр. 152. Изд. 1872 г.

[2]) Тамъ же, стр. 162.

назвать *«лѣствичнымъ восхожденіемъ» по началу родового бокового старшинства.* Въ государственный періодъ *преемство власти по боковому первородству смѣняется преемствомъ по нисходящему первородству*: вакантный столъ наслѣдуется не ближайшимъ къ родоначальнику княземъ, а ближайшимъ къ умершему князю, сыномъ послѣдняго, а не братомъ,—племянникъ исключаетъ изъ наслѣдства дядю [1]).

По ученію проф. Сергѣевича теорія Соловьева основана на немногочисленныхъ и сомнительныхъ фактахъ. Искать какого бы то ни было одного начала въ порядкѣ преемства княжеской власти въ древней Руси будетъ тщетнымъ трудомъ. *Преемство опредѣлялось «весьма разнообразными началами»*: князья получаютъ столы въ силу *народнаго избранія*, но не остаются пассивными зрителями распредѣленія столовъ по волѣ народа; они употребляютъ всѣ средства для добыванія себѣ волостей и *«по праву сильнаго»*—волости завоевываются; въ неизбѣжныхъ при этомъ столкновеніяхъ князей встрѣчаемся и со сылками на *«родовое старшинство и вотчинное право»;* на распредѣленіе столовъ оказываетъ вліяніе и предсмертное соглашеніе умирающаго князя съ народомъ и князьями,—его *завѣщаніе*; по завоеваніи Русской земли Татарами распредѣленіе столовъ совершается подъ сильнымъ *вліяніемъ хановъ.* «Нормальнаго законнаго порядка преемства государственной власти въ древней Руси не было, а было господство обычая, представлявшее собою *крайне разнообразную практику,—хаотическое состояніе»* [2]).

Свое ученіе проф. Сергѣевичъ старается доказать лѣтописными фактами, взятыми *изъ всѣхъ періодовъ* времени господства Рюриковичей надъ Русскою землею *и изъ всѣхъ удѣльныхъ государствъ.* Но такой методъ доказательства, по вѣрному замѣчанію проф. А. Д. Градовскаго, нельзя признать ведущимъ къ цѣли, потому что со времени водворенія Рюрика въ Новгородѣ до времени политическаго объединенія удѣльныхъ государствъ протекло шесть столѣтій, а между удѣльными государствами существенно различались княжества и народоправства. Нельзя разсматривать такой длинный періодъ времени, какъ одинъ историческій моментъ, и такія различныя политическія формы, какъ одно государство. Смѣшивая факты преемства княжеской власти въ теченіе шести столѣтій и не различая порядка

---

[1]) См. С. М. Соловьева: Исторія отношеній между русскими князьями Рюрикова дома, стр. 1, 6, 9; гл. I, III. Изд. 1847. Исторія Россіи съ др. врем., т. II. Ср. Неволина: Полное собраніе сочиненій; т. VI, стр. 587—645. Бестужева-Рюмина: Русская исторія; гл. VI.

[2]) Лекціи и изслѣдованія; стр. 320—324, 345.

преемства власти въ княжествахъ и народоправствахъ, легко придти къ мысли о хаотическомъ безпорядкѣ государственныхъ отношеній, котораго въ дѣйствительности не было [1]).

Въ основѣ господствующихъ въ современной историко-юридической литературѣ теорій происхожденія удѣльныхъ государствъ, значенія и порядка преемства власти князей Рюриковичей лежитъ *вѣра въ историческую дѣйствительность* извѣстнаго лѣтописнаго *сказанія о призваніи Рюрика* Новгородскимъ союзомъ племенъ въ 862 году, по которому на Новгородскомъ совѣтѣ было сказано: «Поищемъ себѣ князя, *иже бы володѣлъ нами и судилъ по ряду, по праву*», а послы этого совѣта сказали Рюрику и его братьямъ: «Земля наша велика и обильна, а наряда въ ней нѣтъ, да поидите *княжить и володѣти нами*». Но подлинныхъ рѣчей, сказанныхъ на Новгородскомъ совѣтѣ въ 862 году и послами этого совѣта Рюрику, не могъ знать лѣтописецъ, писавшій двумя съ половиною столѣтіями позже этого событія. Кто могъ записать эти рѣчи и сохранить для лѣтописца? Несомнѣнно эти рѣчи представляютъ собою только домыслъ составителя перваго Кіевскаго лѣтописнаго свода, распространившаго мотивы призванія князей Новгородомъ въ концѣ XI вѣка на призваніе Рюрика и его братьевъ въ 862 году. *Призванію князей въ значеніи правителей и судей изъ народа, завоевательное иго котораго только что было свергнуто, вѣрить невозможно*; такихъ примѣровъ въ исторіи не имѣется.

Сопоставленіе текста лѣтописнаго разсказа объ изгнаніи и призваніи Варяговъ по древнѣйшимъ спискамъ лѣтописи открываетъ естественную основу разсказа, вполнѣ соотвѣтствующую послѣдующимъ событіямъ русской исторіи. По изгнаніи сборщиковъ варяжской дани, Новгородцы должны были совѣтоваться о средствахъ предохранить свою страну отъ дальнѣйшихъ нашествій иноплеменниковъ. Въ такихъ обстоятельствахъ многіе народы практиковали призваніе военныхъ дружинъ изъ сосѣднихъ народовъ и порученіе имъ защиты границъ своихъ владѣній. Братья, призванные Новгородцами, по лѣтописному разсказу древнѣйшихъ списковъ: «Первѣе срубиша городъ Ладогу, и сѣде въ Ладозѣ старѣйшій Рюрикъ, а другій Синеусъ на Бѣлѣозерѣ, а третій Труворъ въ Изборсцѣ» [2]). Размѣщеніе

---

[1]) См. А. Д. Градовскаго: Государственный строй древней Руси, стр. 117. Бестужева-Рюмина: Русская исторія, стр. 161. Д. Самоквасова: „Замѣчанія по ист. рус. госуд. устр. и управ“., въ Ж. М. Н. П. за 1869 г. Ноябрь и Декабрь.

[2]) Ср. списки лѣтописи: Ипатскій, Хлѣбниковскій, Лаврентьевскій, Радзивиловскій, Троицкій и др. См. Д. Самоквасова: Исторія русскаго права, вып. I, стр. 175, 176. Изд. 1878 г.

призванныхъ братьевъ по окраинамъ Новгородскихъ владѣній доказываетъ, *что они были призваны въ значеніи пограничныхъ стражей*, въ какомъ были призваны, напримѣръ, Бриттами братья Генгистъ и Горза и часто призывались Римомъ и Византіей германскія и славянскія дружины. Но какъ Генгистъ и Горза изъ наемныхъ защитниковъ британскихъ владѣній обратились въ завоевателей призвавшаго ихъ народа, такъ и *Рюрикъ подчинилъ своей власти призвавшихъ его Новгородцевъ силою завоевателя*: «Умре Синеусъ и братъ его Труворъ, и прія Рюрикъ власть всю единъ; и пришедъ ко Ильмерю, и сруби городъ надъ Волховымъ, и прозваша и Новгородъ, и сѣде ту княжа» [1]). Переселеніе Рюрика изъ Ладоги въ Новгородъ и построеніе собственной крѣпости на рѣкѣ Волховѣ въ двухъ верстахъ отъ стараго города, лежавшаго на озерѣ Ильменѣ (городище Славки), были актами насилія: «Оскорбишася Новгородцы, глаголюще: яко быти намъ рабомъ и много зла всячески пострадати отъ Рюрика и отъ рода его; и того лѣта уби Рюрикъ Вадима Храбраго и иныхъ многихъ изби Новгородцевъ, совѣтниковъ его» [2]). Новое народное возстаніе противъ Рюрика въ 867 году кончилось бѣгствомъ «отъ Рюрика изъ Новгорода въ Кіевъ многихъ Новгородскихъ мужей» [3]).

Но допустимъ неестественное, что Славяне въ 862 году призвали изгнанныхъ ими Нѣмцевъ въ значеніи судей и правителей; и въ такомъ случаѣ выводы о договорныхъ отношеніяхъ государственной власти къ русскому народу въ эпоху первыхъ Рюриковичей, основанные на сказаніи о призваніи Рюрика, не соотвѣтствуютъ фактамъ исторіи, потому что *ближайшіе преемники Рюрика по всѣмъ спискамъ начальнаго русскаго лѣтописнаго свода являются завоевателями русскихъ Славянъ*, а не князьями, призванными народомъ на какихъ бы то ни было договорныхъ условіяхъ.

Преемникъ Игоря князь Олегъ въ своемъ движеніи изъ Новгорода на Югъ завоевалъ Смоленскъ и Любечъ, посадилъ въ этихъ городахъ своихъ мужей, а затѣмъ, умертвивъ Кіевскихъ князей Аскольда и Дира, завладѣлъ Кіевомъ и объявилъ этотъ городъ «матерью городовъ русскихъ». Вокняжившись такимъ образомъ въ Кіевѣ, Олегъ обложилъ данью завоеванныя племена, а между ними и Славянъ ильменскихъ, потребовавъ отъ Новгорода 300 гривенъ ежегодной дани подъ угрозою войны. Къ племенамъ, объединеннымъ завоеваніями Олега, Славянамъ ильменскимъ, Кривичамъ,

---

[1]) Тамъ же.

[2]) Ник. Лѣт. Акад. изд., стр. 16.

[3]) Тамъ же, стр. 17.

Древлянамъ, Сѣверянамъ и Радимичамъ, его ближайшіе преемники присоединили земли Уличей, Тиверцевъ, Вятичей, Полочанъ, Дреговичей и часть земли Хорватъ [1]). Посредствомъ завоеванія *изъ многихъ племенныхъ земель образовалась одна Русская земля и изъ многихъ племенъ образовался одинъ Русскій народъ.*

Но единство Русской земли при первыхъ Рюриковичахъ опиралось только на силу завоевателя. Въ лѣтописныхъ сказаніяхъ о дѣятельности первыхъ Рюриковичей *до Владиміра Святославича и рецепціи христіанства нѣтъ фактовъ, въ которыхъ проявлялось бы значеніе князя Рюриковича, какъ народнаго судьи и правителя.* Довольствуясь данью, князья завоеватели оставляли нетронутымъ давнее политическое устройство племенъ, признавшихъ надъ собою власть завоевателя. Уплачивая дань кіевскимъ князьямъ, русскія *племена управлялись и судились своими племенными князьями* [2]).

Признавъ надъ собою власть завоевателя подъ условіемъ уплаты опредѣленной дани и сохраняя прежнее политическое устройство, *покоренныя племена часто пытались возвратить политическую самостоятельность,* возставая противъ князей Рюриковичей [3]). *Русская земля, основанная завоеваніями Олега и его ближайшихъ*

---

[1]) См. „Пособіе"; стр. 18, 31, 34, 35, 43.

[2]) Древлянская земля сватала княгиню Ольгу за одного изъ своихъ князей, которые „распасли Древлянскую землю". Въ договорѣ съ Греками 907 года упоминаются князья городовъ Кіева, Чернигова, Переяславля, Полоцка, Ростова, Любеча и прочихъ городовъ русскихъ, въ которыхъ сидѣли князья, состоявшіе въ подданствѣ Олега. Въ договорѣ съ Греками 945 года упоминается „всякое князье русской земли, называемое въ томъ же договорѣ и свѣтлыми боярами". Константинъ Багрянородный, описывая пріемъ русской княгини Ольги въ Царьградѣ, говоритъ о многихъ князьяхъ и княгиняхъ русскихъ, состоявшихъ въ свитѣ великой княгини Ольги. Владиміръ Мономахъ въ своемъ поученіи упоминаетъ о мѣстномъ князѣ земли Вятичей, именуемомъ Ходотою. Это племенное княжье русской земли эпохи первыхъ Рюриковичей въ послѣдующихъ юридическихъ памятникахъ и лѣтописяхъ является подъ именемъ бояръ. См. выше, стр. 265, 266.

[3]) Радимичи, обложенные данью княземъ Олегомъ, отложились послѣ его смерти и вторично покорены воеводою князя Владиміра Святославича, по прозванію „Волчій Хвостъ". Древляне, покоренные Олегомъ, отложились отъ Кіева при князѣ Игорѣ, вторично покорены этимъ княземъ, а послѣ его смерти отложились снова и покорены княгинею Ольгою и Святославомъ. Святославъ обложилъ данью Вятичей; но они не хотѣли платить дань преемнику Святослава и снова поко-

преемниковъ, подобно завоевательнымъ монархіямъ Огузъ Хана, Александра Македонскаго, Карла Великаго и многимъ другимъ, *легко могла рушиться* и вновь образовать обособленныя другъ отъ друга племенныя государства. Но послѣдующія событія, преимущественно *рецепція христіанства, образованіе изъ племенныхъ княженій удѣльныхъ государствъ и завоеваніе Руси Монголами скрѣпили племена русскихъ Славянъ единствомъ этнографическимъ, послужившимъ основою послѣдующей политической силы русскаго народа.*

Подъ вліяніемъ христіанскаго ученія о государственной власти измѣнилось значеніе князя-завоевателя и его отношеніе къ подвластнымъ племенамъ. Христіанское духовенство, вышедшее въ Русь изъ Византіи, найдя въ рукахъ Кіевскаго князя только фактическую власть надъ подвластными народами, опиравшуюся на силу военной дружины, власть непрочную, указываетъ новокрещенному князю на высокое положеніе и значеніе царской власти въ Греціи, учитъ его обязанностямъ народнаго правителя и судьи. Уже Владиміру Равноапостольному епископы внушали, что онъ обязанъ судить и казнить преступниковъ, что *онъ получилъ свою власть отъ Бога на казнь злымъ, а добрымъ на милованье* [1]), «не сила, а Богъ даетъ власть, ему же хощетъ; *поставляетъ бо царя и князя Вышній*», учитъ духовенство; «аще бо кая земля управится предъ Богомъ, поставляетъ ей царя или князя праведна, *любяща судъ и правду, и властеля устраяетъ, и судью правящаго судъ*» [2]). Христіанская религія побуждаетъ князя употребить свою власть на распространеніе христіанства между подвластными народами, на построеніе христіанскихъ храмовъ, на просвѣщеніе народное, на помощь убогимъ и страждущимъ [3]).

рены Владиміромъ Святославичемъ. При этомъ князѣ въ земляхъ Дреговичей и Полочанъ появляются князья не изъ Рюрикова дома: въ Полоцкой—Рогволодъ, въ Туровѣ—Туръ. Еще въ 12 столѣтіи князь Владиміръ Мономахъ воевалъ съ Ходотою, княземъ земли Вятичей.

[1]) П. С. Р. Л.; I, 54.

[2]) Тамъ же, стр. 60.

[3]) Князь Владиміръ „рекъ сице: даю церкви сей св. Богородици отъ имѣнья моего и отъ градъ моихъ десятую часть... Повелѣ всякому нищему и убогому приходити на дворъ княжь и взимати всяку потребу, питье и яденье, и отъ скотьниць кунами; князь Ярославъ, любя церковные уставы, и книгамъ прилежа и почитая е часто въ нощи и въ дне; и собра писцѣ многы, и прекладаше отъ Грекъ на словѣньское письмо, и списаша книгы многы, и сниска, ими же поучашеся вѣрніи людье... Церкви ставляше по градомъ и по мѣстомъ. поставляя попы

Изъ греческихъ книгъ и совѣщаній съ греческимъ духовенствомъ русскій князь узналъ, какъ организованъ порядокъ государственной жизни въ христіанской Византіи; а естественнымъ слѣдствіемъ этого знанія было желаніе крещеннаго князя и въ Россіи установить такой же порядокъ: *появляются новые, въ письменной формѣ, княжескіе уставы по церковнымъ и по мірскимъ дѣламъ*, получившіе значеніе общаго закона для всѣхъ русскихъ племенъ, признававшихъ надъ собою власть Кіевскаго князя. Возникла новая для всей Руси система правилъ государственныхъ и гражданскихъ отношеній, опредѣлявшая положеніе христіанской церкви въ русскомъ государствѣ, правительственное и судебное значеніе князя и его намѣстниковъ, опредѣлявшая порядокъ суда, собиранія дани, преступленія и наказанія, порядокъ судопроизводства. Рядомъ съ единствомъ языка русскихъ племенъ *появились новыя этнографическія связи, религіозныя, политическія и юридическія, сплачивавшія русскія племена въ одинъ русскій народъ.*

Паденію языческаго порядка общественной жизни въ древней Руси и послѣдующему *образованію прочнаго государственнаго союза много способствовало также размноженіе Рюриковичей и раздѣленіе между ними Русской земли*, потому что водвореніе князей одного рода во всѣхъ удѣльныхъ княжествахъ было лучшимъ средствомъ распространенія и утвержденія въ Россіи новой христіанской религіи и новаго порядка государственной жизни, основаннаго на правилахъ Номоканона и на уставахъ первыхъ христіанскихъ князей. *Съ водвореніемъ потомковъ Владимира Равноапостольнаго въ удѣльныхъ княжествахъ водворялись въ нихъ и новые порядки христіанской жизни, учрежденные въ Кіевѣ:* учреждались въ удѣльныхъ княжествахъ епископства, созывались мѣстные бояре и старцы градскіе на совѣщанія, издавались мѣстные уставы церковнаго и гражданскаго управленія, развивавшіе общую основу уставовъ Владимира Святославича и Ярослава Владимировича. Эта *дѣятельность удѣльныхъ князей объединяла, ассимилировала славяно-русскія племена.*

Согласно требованіямъ новой религіи и новыхъ уставовъ, Кіевскій князь судилъ и рядилъ Кіевлянъ, но не имѣлъ возможности лично судить и рядить подвластные народы удаленныхъ отъ Кіева областей, знакомить ихъ съ новыми уставами и провести эти уставы въ жизнь. По необходимости кіевскіе князья должны были поручать управленіе и судъ въ отдаленныхъ областяхъ мѣстнымъ племеннымъ князьямъ или своимъ служилымъ людямъ въ значеніи на-

---

и давая имъ отъ имѣнья своего урокъ, веля имъ учити люди". Тамъ же, стр. 51, 53, 54, 65, 66.

мѣстниковъ. Но всегда и вездѣ такіе намѣстники были причиною распаденія завоевательныхъ государствъ и возвращенія ихъ къ прежнимъ формамъ племенныхъ государствъ. То же слѣдствіе имѣло бы намѣстническое управленіе и въ Россіи; *въ каждой области появились бы независимые владѣльцы*, какъ появились они уже при Владимирѣ Святославичѣ въ земляхъ Дреговичей и Полочанъ, подъ именами Тура и Рогволода. При первомъ ослабленіи политической силы кіевскаго князя или намѣстники отложились бы отъ Кіева, или племена, недовольныя ломкою старыхъ обычаевъ, отложились бы отъ него. Это *распаденіе Русской земли и возвращеніе къ формѣ прежнихъ племенныхъ княженій предупредило размноженіе Рюриковичей и раздѣленіе Русской земли между князьями одного рода*, для всѣхъ членовъ котораго порядокъ христіанской государственной жизни, утвержденный ихъ предками, былъ обще-обязательнымъ закономъ.

Въ раздѣленіи Русской земли на удѣлы племенныя государства, вошедшія въ ея составъ, дробились на части; оторванныя части присоединялись то къ одному, то къ другому удѣлу; а *въ такихъ раздѣленіяхъ и соединеніяхъ разрушалось древнее внутреннее единство племенныхъ земель*, сглаживались мѣстныя особенности, измѣнялось значеніе старѣйшихъ городовъ, потому что значеніе старѣйшаго, главенствующаго города въ данномъ княжествѣ получалъ тотъ городъ, въ которомъ жилъ князь Рюрикова рода. Старшіе князья, перемѣщаясь на старшіе столы, переводили съ собою и свои дружины, составленныя въ прежнихъ волостяхъ, *а въ перемѣщеніяхъ княжескихъ дружинъ перетасовывались племена и сглаживались племенныя особенности.*

Слѣдовательно, *при внѣшнемъ дробленіи Руси на удѣльныя государства росло и крѣпло внутреннее единство Русской земли и русскаго народа*: всѣ удѣлы должны были чувствовать себя единымъ русскимъ міромъ; въ самые отдаленные углы Русской земли проникла христіанская цивилизація и принесла съ собою общій порядокъ государственной жизни.

Порядокъ преемства княжеской власти до монгольскаго завоеванія Россіи.

Порядокъ преемства княжеской власти въ эпоху первыхъ Рюриковичей до смерти Ярослава Владимировича былъ обусловленъ способомъ пріобрѣтенія Русской земли князьями Рюрикова рода, по которому *Русская земля представляла собою благопріобрѣтенное имѣніе Рюриковичей.* Законъ преемства благопріобрѣтенной собственности по русскому праву языческой эпохи извѣстенъ изъ 13-й статьи договора князя Олега съ Греками 911 года: *благопріобрѣтенное имѣніе* собственникъ передаетъ по своей волѣ завѣща-

ніемъ; а если завѣщаніе не оставлено, то оно наслѣдуется ближайшими родственниками. *Всѣ факты преемства власти Кіевскаго князя отъ Рюрика до Ярослава вполнѣ соотвѣтствуютъ этому закону:* власть передается наслѣднику по волѣ предшественника, его распоряженіемъ, а при отсутствіи воли предшественника власть надъ Русскою землею наслѣдуютъ дѣти умершаго князя [1]).

Какъ единый владѣтель наслѣдственной собственности, Владиміръ, подобно Святославу, оставивъ часть Кіевскаго государства въ собственномъ управленіи, остальныя области подѣлилъ между своими сыновьями, а изъ Полоцкой области образовалъ особый удѣлъ, выдѣленный въ потомственное владѣніе Изяслава, сына отъ Рогнѣды, дочери бывшаго князя Полоцкаго Рогволода. Подобно Святославу и Владиміру, Ярославъ Владиміровичъ, по смерти Мстислава Владиміровича и заключенія Судислава Владиміровича въ темницу соединившій въ своихъ рукахъ завоевательную власть своихъ предковъ надъ Русскою землею, раздѣлилъ эту землю на части по количеству своихъ сыновей [2]).

Факты преемства княжеской власти, записанные лѣтописью, доказываютъ положительно, что *первые Рюриковичи признавали Русскую землю своимъ благопріобрѣтеннымъ имѣніемъ и почитали себя въ правѣ распоряжаться ею по своему произволу*, какъ частною собственностью: завѣщать, бросать, дѣлить, а при отсутствіи воли завѣщателя власть надъ Русскою землею переходила по наслѣдству къ дѣтямъ умиравшихъ князей.

Ярославъ Владиміровичъ раздѣлилъ между своими сыновьями Русскую землю: старшему сыну Изяславу назначилъ Туровъ и поручилъ ему владѣніе великимъ княжествомъ Кіевскимъ, Святославу далъ Черниговъ, Всеволоду — Переяславль, Игорю — Владиміръ, а Вячеславу — Смоленскъ; «тако раздѣли имъ грады, заповѣдавъ не преступати предѣла братня, ни сгонити, а совмѣстно блюсти землю отецъ своихъ и дѣдъ своихъ, иже налѣзоша трудомъ своимъ вели-

---

[1]) „Умершю же Рюрикови, предасть княжение свое Олгови, отъ рода ему суща, въдавъ ему на руцѣ сына своего Игоря; бяше бо молодъ велми“. По смерти Олега „поча княжити Игорь по Ользѣ“; власть Игоря наслѣдовалъ сынъ его Святославъ. Святославъ, задумавъ поселиться въ завоеванномъ Переяславлѣ на Дунаѣ, раздѣлилъ Кіевское государство на части между тремя своими сыновьями; а когда Ярополкъ и Олегъ погибли въ междуусобной войнѣ, то ихъ доли въ Русской землѣ наслѣдовалъ Владиміръ, сынъ Святослава отъ ключницы Малуши.

[2]) П. С. Р. Л.; т. 1, с. 69.

кимъ» [1]). *Со времени этого распоряженія Русь дѣлается родовымъ имѣніемъ потомковъ завоевателя, долженствовавшимъ переходить* по наслѣдству между размножавшимися потомками бывшаго единодержавнаго обладателя *по опредѣленному законному порядку.* Этотъ порядокъ несомнѣнно существовалъ въ сознаніи Ярослава, его современниковъ и потомковъ, какъ священная старая правда, данная Богомъ и неподлежавшая произволу людей. *Выражается этотъ законъ въ слѣдующихъ фактахъ.*

1. Умирающій Ярославъ сказалъ своему любимому младшему сыну Всеволоду: «Аще ти подастъ Богъ пріяти власть стола моего, *по братьи своей, съ правдою, а не съ насильемъ...* се же сбыться,— сему пріимшю *послѣ же вся братья* столъ отца своего, по смерти брата своего» [2]); слѣдовательно, *въ первомъ поколѣніи потомковъ родоначальника законный порядокъ преемства власти состоялъ въ наслѣдованіи брата послѣ брата въ порядкѣ ихъ рожденія;* на этомъ основаніи Изяславу Ярославичу наслѣдовалъ не сынъ его, а младшій братъ Всеволодъ.

2. По смерти Всеволода, послѣдняго изъ братьевъ Ярославичей, его старшій сынъ Владиміръ Мономахъ, бывшій въ Кіевѣ и желанный князь для Кіевлянъ: «Нача размышляти, река: «аще сяду на столѣ отца своего, то имамъ рать со Святополкомъ взяти, *яко есть столъ преже отъ отца его былъ*», и, размысливъ, посла по Святополка Турову» [3]); слѣдовательно, *во второмъ поколѣніи потомковъ родоначальника законный порядокъ преемства власти состоялъ въ наслѣдованіи одной линіи послѣ другой въ порядкѣ ихъ старшинства;* на этомъ основаніи Всеволоду Ярославичу наслѣдовалъ не сынъ его Владиміръ Мономахъ, а племянникъ отъ старшаго брата Святополкъ Изяславичъ.

3. По приведеннымъ словамъ Ярослава, сказаннымъ Всеволоду, младшій братъ законно наслѣдовалъ старшему брату *только послѣ его смерти*; въ этомъ состояла правда: «по братье своей съ правдою, *а не съ насильемъ»;* а по словамъ Мономаха преимущество наслѣдованія между родственниками одной степени отдается тому, чей отецъ прежде занималъ вакантный столъ; слѣдовательно, представители линій, отцы которыхъ не владѣли вакантнымъ столомъ или владѣли имъ насильно, при жизни старшаго брата, исключаются изъ наслѣдованія при наличности представителей линій, отцы которыхъ законно владѣли этимъ столомъ; иначе сказать, *пока живы лица, имѣющія право на вакантный столъ, какъ на ихъ отчину, до тѣхъ поръ не*

---

[1]) П. С. Р. Л.; т. 1, с. 69, 70.

[2]) Тамъ же, стр. 92.

[3]) Тамъ же, стр. 93.

имѣютъ права наслѣдовать этотъ столъ лица, имѣющія на него право только какъ на дѣдину; на этомъ основаніи Святополку-Михаилу наслѣдовалъ Владимиръ Мономахъ, помимо Святославичей, отецъ которыхъ, хотя и занималъ Кіевскій столъ, но посредствомъ насилія, при жизни старшаго брата Изяслава, почему, хотя и умеръ узурпаторомъ на Кіевскомъ столѣ, но не былъ погребенъ въ Кіевѣ рядомъ съ Ярославомъ, а былъ перевезенъ въ его родовой удѣлъ,— городъ Черниговъ [1]).

Соединяя сказанные признаки, мы получаемъ слѣдующее общее правило законнаго порядка преемства княжеской власти въ родѣ Рюриковичей по смерти Ярослава: *власть наслѣдуется въ порядкѣ бокового первородства, опредѣляемаго близостью потомковъ къ родоначальнику по степени, по линіи и по рожденію, при чемъ исключаются потомки лицъ, не занимавшихъ вакантныхъ столовъ юридически, законно*; родственники старшей степени предшествовали въ наслѣдованіи родственникамъ младшихъ степеней, родственники старшей линіи въ одной степени устраняли родственниковъ младшихъ линій въ той же степени и старшій по рожденію въ одной линіи исключалъ младшаго по рожденію; дяди занимали вакантный столъ прежде племянниковъ, дѣти старшаго брата прежде дѣтей младшаго брата и старшій братъ прежде младшихъ братьевъ: умершему князю наслѣдовалъ не сынъ его, а братъ; при отсутствіи братьевъ— сынъ отъ старшаго брата, при отсутствіи сыновей отъ старшихъ братьевъ—старшій сынъ.

Это правило объясняетъ намъ факты законнаго преемства княжеской власти въ родѣ Рюриковичей до завоеванія Россіи Монголами; исключенія, представляемыя насильственными захватами, подобными вокняженію въ Кіевѣ Святослава Ярославича, Всеволода Ольговича и Всеслава Полоцкаго, возможны при господствѣ всякаго права [2]).

Происхожденіе удѣльныхъ государствъ.

Вышеуказанный законъ преемства княжеской власти объясняетъ происхожденіе удѣльныхъ государствъ, необъяснимое теоріями, представителями которыхъ являются вышеуказанныя ученія С. М. Соловьева и В. И. Сергѣевича. Первая теорія, вопреки дѣйствительному факту исторіи, отрицаетъ возможность образованія удѣльныхъ

---

[1]) Тамъ же, стр. 78—85.

[2]) См. въ приложеніяхъ родословную таблицу кн. Рюриковичей и дополненіе № 17: Факты преемства великокняжеской власти въ домонгольскую эпоху.

государствъ въ эпоху господства родового порядка наслѣдованія княжеской власти, а потому предлагаетъ «исключить понятіе удѣльнаго государства изъ русской исторіи» [1]). Вторая теорія пытается объяснить происхожденіе удѣльныхъ государствъ «случайнымъ повтореніемъ факта перехода волостей по отчинѣ» [2]). Но дѣленіе Руси на удѣльныя государства было фактомъ повсемѣстнымъ со времени Ярослава до времени объединенія удѣльныхъ государствъ въ Московскомъ царствѣ, а постоянно повторяющійся фактъ уже не случай,—въ его основаніи долженъ лежать общій законъ.

Дѣленіе Руси на удѣлы было обусловлено закономъ наслѣдованія вакантныхъ княжескихъ столовъ въ порядкѣ бокового первородства съ *исключеніемъ потомковъ лицъ, не владѣвшихъ вакантными столами юридически.* Результатомъ этого правила было *изгойство князей, т. е. лишеніе права участвовать въ родовомъ владѣніи лицъ, не имѣвшихъ въ немъ отчинъ, при наличности лицъ, имѣвшихъ на нею право, какъ на отчину. Изгойство могло быть полное и неполное:* полный изгой не имѣлъ права законно наслѣдовать никакой части въ родовомъ владѣніи, пока оставался неусыновленнымъ старшимъ родственникомъ. Такими полными изгоями были: внукъ Ярослава—Ростиславъ Владимировичъ, внуки Юрія Долгорукаго—Мстиславъ и Ярополкъ Ростиславичи, внукъ Володаря Ростиславича—Иванъ Берладникъ, и др. Неполное изгойство состояло въ лишеніи извѣстныхъ линій въ потомствѣ родоначальника права наслѣдовать всѣ удѣлы родового владѣнія, за исключеніемъ одного, по родовому праву принадлежавшаго этой линіи исключительно. *Результатомъ неполнаго изгойства было происхожденіе обособленныхъ княжескихъ родовъ* въ потомствѣ Владимира Святославича, владѣвшихъ исключительно данными удѣлами [3]).

---

[1]) Ист. отн. кн. Рюрикова дома, стр. 1—6.

[2]) Лекціи и изслѣд., стр. 345.

[3]) Потомки Изяслава Владимировича, будучи изгоями по отношенію къ владѣніямъ всѣхъ потомковъ Ярослава Владимировича, такъ какъ ихъ предокъ не владѣлъ ими по родовому праву, въ то же время исключаютъ собою всѣхъ потомковъ Ярослава въ родовомъ наслѣдовании княжества Полоцкаго, такъ какъ Ярославъ не владѣлъ Полоцкомъ; Изяславичи такіе же изгои по отношенію къ отчинѣ Ярославичей, какъ Ярославичи по отношенію къ отчинѣ Изяславичей. Обособляясь по отчинѣ отъ князей кіевскихъ, черниговскихъ, переяславскихъ, смоленскихъ, волынскихъ и всѣхъ другихъ, потомки Изяслава Владимировича образовали особый родъ князей Полоцкихъ. Изгои Рюрикъ, Володарь и Василько, не имѣвшіе отчины въ порядкѣ законнаго наслѣдованія

ГЛАВА XXXIV.

Значеніе и преемство власти русскихъ князей подъ владычествомъ Монголовъ.

При дѣтяхъ и внукахъ Ярослава Владимировича политическое единство Русской земли поддерживалось общими съѣздами князей и и ихъ мужей; но *со смерти Владимира Мономаха общіе княжескіе съѣзды не практикуются;* удѣльные князья объявляютъ войну, заключаютъ миръ, издаютъ уставныя, жалованныя и другія грамоты, собираютъ дань въ своихъ удѣлахъ, рядятъ и судятъ подвластное имъ народонаселеніе самостоятельно.

Въ дѣленіи Русской земли на родовые удѣлы и въ борьбѣ

власти родоначальника, получили ее отъ дяди Всеволода по акту усыновленія, передавъ ее своимъ потомкамъ, образовали особый родъ князей червенскихъ, особое удѣльное государство. По тому же закону, дѣти Святополка-Михаила, наслѣдовавъ отъ отца Туровъ, обособляются въ особый родъ туровскихъ князей и образуютъ родовое удѣльное княжество Туровское. Потомки Святослава Ярославича, будучи изгоями по отношенію къ Полоцкому, Кіевскому, Переяславскому, Смоленскому и Туровскому княжествамъ, исключительно, устраняя князей всѣхъ другихъ родовъ, наслѣдуютъ свою Черниговскую отчину. Въ потомствѣ Святослава Ярославича дѣти Олега Святославича, умершаго прежде старшаго брата Давида на столѣ новгородсѣверскомъ, образуютъ особый родъ князей новгородсѣверскихъ. Потомки Ярослава Святославича, оставившаго сыновьямъ Муромо-Рязанскую отчину, образуютъ особые роды князей муромскихъ и рязанскихъ и особыя удѣльныя государства, Муромское и Рязанское. По тому же закону исключенія въ родовомъ наслѣдованіи дѣдичей отчичами, власть великаго Кіевскаго князя обособилась въ родѣ Всеволода Ярославича. По тому же закону въ родѣ Мономаха Смоленская область, перешедшая къ Мономаху по смерти бездѣтнаго Бориса Вячеславича, дѣлается удѣльнымъ государствомъ, принадлежащимъ исключительно потомкамъ Ростислава Мстиславича, роду князей смоленскихъ. Такимъ же порядкомъ, по праву отчины, Суздальская область становится исключительнымъ родовымъ владѣніемъ сыновей Юрія Долгорукаго, а въ дальнѣйшемъ его потомствѣ обособляются роды князей ростовскихъ, суздальскихъ, стародубскихъ, юрьевскихъ, угличскихъ, ярославскихъ, галичамерьскаго, костромскихъ, бѣлозерскихъ, переяславскихъ, тверскихъ, московскихъ и т. д.

удѣльныхъ князей за родовое владѣніе дробилась и *слабѣла ея политическая сила;* потомки Ярослава потеряли способность «хранить землю отецъ своихъ и дѣдъ своихъ, иже налѣзоша трудомъ своимъ великимъ»: *разрозненныя русскія княжества* подверглись опустошенію и *вынуждены были признать надъ собою общаго государя въ лицѣ монгольскаго хана* [1]).

Съ береговъ Волги Батый позвалъ русскихъ князей въ Орду подъ угрозой потери отчинъ и самой жизни за неявку. Въ 1243 году «Великій князь Ярославъ поѣха въ Татары къ Батыеви, а сына своего Констянтина посла къ Канови; Батый же почти Ярослава великою честію, и мужи его, и отпусти, и рекъ ему: «Ярославе! *буди ты старѣй всѣмъ княземъ въ Русскомъ языцѣ*» [2]). Въ 1244 году «князь Володимеръ Константиновичъ, Борисъ Васильевичъ, Василій Всеволодичъ и съ своими мужи поѣхаша въ Татары къ Батыеви про свои отчины; Батый же, почтивъ я честью достойною, и отпусти я, *разсудивъ ихъ, когождо въ свою отчину*»... Даніилъ Романовичъ «позванъ Батыемъ, и бывшю же князю у нихъ дній 20 и 5, отпущенъ бысть, и *поручена бысть земля его ему*» [3]).

Слѣдовательно, монгольскій ханъ сталъ верховною властью въ Русской землѣ; *удѣльнымъ русскимъ князьямъ были поручены ихъ отчины* ханскими ярлыками; прежде самостоятельные *князья превращены въ подданныхъ*—данниковъ, *намѣстниковъ*—слугъ своего *завоевателя.*

Лишивъ удѣльныя русскія государства политической самостоятельности и господствуя надъ ними издали, *завоеватель оставилъ нетронутымъ внутреннее государственное устройство и право русскаго народа,* а въ числѣ другихъ правовыхъ институтовъ оставленъ дѣйствующимъ *и родовой порядокъ преемства* княжеской власти, господствовавшій и у народовъ монголо-татарскихъ. Но въ эпоху монгольскаго владычества русскій князь, побѣжденный въ борьбѣ за спорный родовой удѣлъ, имѣлъ возможность позвать своего соперника на *судъ хана* и привести противъ него татарскую силу, если ему удавалось расположить Орду въ свою пользу [4]). Иногда

---

[1]) См. Д. Самоквасова: Древніе города Россіи; стр. 158 и слѣд. Изд. 1873 г.

[2]) П. С. Р. Л.; I, 201.

[3]) Тамъ же, II, 185.

[4]) Въ 1252 году Александръ Ярославичъ Невскій, отыскивая владимирскій столъ подъ братомъ своимъ Андреемъ Ярославичемъ, отправился въ Орду, заслужилъ тамъ расположеніе хана и „упроси“ отъ него старѣйшинство надъ всѣми братьями и княженіе надъ всею Суз-

достаточно было одной угрозы судомъ Орды, чтобы заставить соперника отказаться отъ его притязаній [1]).

Воля хана не всегда руководствовалась правомъ въ рѣшеніи споровъ русскихъ князей; завоеватель-судья выбиралъ между претендентами того, кто былъ ему болѣе выгоденъ, успѣвалъ расположить его къ себѣ деньгами, лестью, родственными связями. Въ 1304 году Орда рѣшила споръ о великомъ княженіи между Тверскимъ княземъ Михаиломъ Ярославичемъ и Московскимъ Юрьемъ Даниловичемъ въ пользу перваго изъ нихъ, на сторонѣ котораго было родовое право; но изъ переговоровъ Юрія Даниловича съ татарскими князьями видно, что Орда не признавала себя обязанною непремѣнно руководствоваться родовымъ правомъ: «*оже ты даси выходъ больше князя Михаила Тверскаго,* говорили они Московскому князю, *и мы тебѣ великое княженіе дадимъ*» [2]).

дальскою землею. На Андрея же Ярославича татарскій царь послалъ рать, разбившую полки этого князя и навсегда изгнавшую его изъ Русской земли. П. С. Р. Л.; I, 202; II, 342; XV, 396 и 397; Никонов. Лѣтопись, III, 33 и 34. Въ 1293 году по жалобѣ младшихъ князей, Татары изгнали великаго князя Дмитрія Александровича и избили населеніе 14 городовъ, стоявшихъ за Дмитрія. Тамъ же, II, 346; VI, 202. Въ 1319 году Московскій князь Юрій Даниловичъ, подкупивъ Орду, привелъ на своего соперника Михаила Ярославича татарскаго князя Кавгадыя со множествомъ Татаръ и опустошилъ много городовъ, волостей и селъ, стоявшихъ за Михаила. Тамъ же, V, 208.

[1]) Напримѣръ, въ 1294 году волынскій городъ Берестье принялъ на княженіе племянника князя Мстислава Юрія Львовича; а Мстиславъ, узнавъ объ этомъ, приказалъ передать Юрію слѣдующее: „Я хочу правити Татары, а ты сѣди; аже не поѣдешь добромъ, а зломъ пакъ поѣдешь же“. Въ то же время Мстиславъ сообщилъ отцу Юрія, князю Льву: „Повѣдаю ти, брате мой, не тая: послалъ есмь возводить Татаръ, а самъ пристраиваюся“. Левъ же, добавляетъ лѣтописецъ, „*убояся того вельми, еще бо ему не сошла оскомина Телебужины рати...* посла ко сынови, река ему: поѣдь вонъ изъ города, не погуби земли; братъ мой послалъ возводить Татаръ; не поѣдешь ли вонъ, я буду помощникъ брату своему на тя“. Услышавши эту рѣчь, „поѣха Юрій вонъ изъ города, съ великимъ соромомъ“; а Мстислава „срѣтоша горожане со кресты отъ мала до велика, и пріяша и, господина своего“. П. С. Р. Л.; II, 215, 224.

[2]) П. С. Р. Л.; VIII, 189.

Новый порядокъ преемства княжеской власти.

Свободнымъ отношеніемъ завоевателя къ родовому порядку преемства власти русскихъ князей воспользовался родъ московскихъ князей: не разбирая средствъ, *московскіе князья расположили Орду въ свою пользу и, опираясь на ея силу, измѣнили старый порядокъ преемства государственной власти по началу бокового первородства въ порядокъ преемства власти по началу нисходящаго первородства*, по которому наслѣдникомъ власти умершаго князя признается не братъ его, а сынъ. Новый порядокъ престолонаслѣдія сложился при слѣдующихъ обстоятельствахъ.

Георгію Всеволодовичу, убитому Татарами на рѣкѣ Сити въ 1238 году, по родовому праву наслѣдовалъ братъ его Ярославъ, а Ярославу—братъ его Святославъ [1]). Слѣдовательно, изъ сыновей Всеволода Юрьевича великокняжескій столъ занимали: Константинъ, Юрій, Ярославъ и Святославъ. Отсюда во второмъ поколѣніи Всеволодовичей право отчины въ великомъ княженіи по родовому праву могло принадлежать только Константиновичамъ, Георгіевичамъ, Ярославичамъ и Святославичамъ. Внуки Всеволода Юрьевича отъ Константина и Георгія умерли при жизни ихъ дядей Ярослава и Святослава; Борисъ, Глѣбъ и Владиміръ Всеволодовичи умерли при жизни своихъ старшихъ братьевъ и не оставили потомковъ; Иванъ Всеволодовичъ умеръ при жизни старшаго брата Святослава, не владѣя Владиміромъ—великимъ княженіемъ, а потому, хотя и оставилъ сына Михаила, но изгоя по отношенію къ великому княженію, пока были князья, имѣвшіе право на Владиміръ, какъ на ихъ отчину; сынъ Святослава Всеволодовича Димитрій умеръ при жизни его старшихъ двоюродныхъ братьевъ Ярослава и Василія. Такимъ образомъ, *по родовому порядку преемства власти право законнаго наслѣдованія великаго княженія обособилось въ родѣ Ярослава Всеволодовича*; а остальные внуки Всеволода Юрьевича образовали обособленные роды удѣльныхъ князей: Ростовскихъ, Ярославскихъ, Угличскихъ, Стародубскихъ и Юрьевскихъ.

Изъ сыновей Ярослава Всеволодовича великокняжескій столъ занимали: Александръ, Андрей, Ярославъ и Василій. Дѣти Андрея Ярославича, Юрій и Михаилъ, умерли при жизни старшихъ двоюродныхъ братьевъ, а Василій Ярославичъ не оставилъ потомства. Слѣдовательно, *въ третьемъ поколѣніи потомковъ Всеволода Юрьевича родовое право на великое княженіе обособилось въ потомствѣ Александра и Ярослава Ярославичей*. Дѣти Константина Ярославича,

---

[1]) См. въ дополненіяхъ родословную таблицу Рюриковичей.

умершаго при жизни старшихъ братьевъ, образовали особый родъ князей Галичскихъ.

Въ третьемъ поколѣніи Всеволодовичей великимъ княженіемъ владѣли Димитрій и Андрей Александровичи и Михаилъ Ярославичъ. Дѣти Димитрія и Андрея Александровичей умерли при жизни ихъ дяди, а Даніилъ Александровичъ Московскій, оставившій дѣтей, умеръ при жизни старшаго брата Андрея. Слѣдовательно, *въ четвертомъ поколѣніи Всеволодовичей родовое право на великое княженіе обособилось въ родѣ Михаила Ярославича Тверского*, по смерти котораго власть великаго князя долженъ былъ наслѣдовать Дмитрій Михаиловичъ. По родовому праву *съ четвертаго поколѣнія Всеволодовичей законное преемство великокняжескаго стола могло принадлежать только роду Тверскихъ князей*, потомкамъ Михаила Ярославича; потомки же Андрея Александровича должны были образовать удѣльный родъ князей Суздальскихъ, а потомки Даніила Александровича—удѣльный родъ князей Московскихъ.

Но при послѣднемъ представителѣ третьяго поколѣнія Всеволодовичей родовой порядокъ преемства великокняжеской власти нарушается: потомки Даніила Московскаго, опираясь на волю хана, отнимаютъ великое княженіе у законныхъ наслѣдниковъ, соединяютъ Владимирскій столъ съ Московскимъ, а передавая великое княженіе въ своемъ родѣ по новому началу нисходящаго первородства, *изгоняютъ прежнее понятіе о старшемъ въ княжескомъ родѣ,—старый порядокъ преемства государственной власти.*

Въ 1304 году умеръ Андрей Александровичъ, «благослови на свой столъ, на великое княженіе, христолюбиваго князя Михаила, ему же по старѣйшинству дошелъ бяше степень княженія великаго». По обыкновенію новый великій князь обязанъ былъ явиться къ хану и получить отъ него подтвердительный ярлыкъ на великое княженіе. За Михаиломъ отправился въ Орду и Московскій князь Юрій Даниловичъ. Орда сдѣлала Московскому князю предложеніе: «Оже ты даси выходъ (дань) больше князя Михаила Тверского, мы тебѣ великое княженіе дадимъ»; «и тако», добавляетъ лѣтописецъ, «превратиша сердце его, и нача искати великаго княженія» [1]). Но Юрій Даниловичъ на этотъ разъ не могъ предложить дань большую предложенной законнымъ наслѣдникомъ великаго княженія и *владимирскій столъ былъ утвержденъ ханомъ за Михаиломъ Ярославичемъ Тверскимъ* [2]).

---

[1]) П. С. Р. Л.; т. V., с. 207.

[2]) „Княземъ бывшимъ въ Ордѣ, и яко кійждо хотяше великое княженіе улучити, дающе дары многи хану и ханшамъ и княземъ ордин-

На восьмомъ году великаго княженія Михаила Ярославича умеръ ханъ Тохта, а ему наслѣдовалъ Узбекъ (1313 г.) Предъ новымъ ханомъ Московскій князь возобновилъ свое искательство великаго княженія [1]). Расположивъ къ себѣ милость хана подкупомъ его приближенныхъ и женитьбою на ханской сестрѣ Кончакѣ, *Московскій князь получилъ ханскій ярлыкъ на великое княженіе* и татарскую рать для приведенія ханской воли въ исполненіе [2]). Михаилъ Ярославичъ, узнавъ объ этомъ, выслалъ посольство къ Юрію Даниловичу съ такимъ предложеніемъ: «Брате, аже далъ царь тебѣ великое княженіе, то и азъ отступаюся тебѣ, княжи на великомъ княженіи, а въ мою опришнину не вступайся» [3]). Но Московскій князь предпочелъ ослабить своего соперника татарскою ратью, ворвался въ тверскую землю и сталъ жечь ея города и села, грабить и плѣнить ихъ народонаселеніе, и тѣмъ вынудилъ Михаила Ярославича и Тверитянъ къ отчаянной защитѣ. Тверичи поголовно вооружились и наголову разбили войска Юрія, захвативъ въ плѣнъ многихъ московскихъ бояръ, татарскаго князя Калгадыя и жену Юрія Даниловича, ханскую сестру Кончаку, вскорѣ затѣмъ умершую въ Твери. Князь Михаилъ принялъ Калгадыя почетно, богато одарилъ и отпустилъ, какъ ханскаго посла [4]). Московскій князь скопилъ новыя войска противъ Тверского князя, но послѣдній, во избѣжаніе новаго кровопролитія, предложилъ рѣшить споръ судомъ Орды, куда и отправились оба соперника. Въ Ордѣ князь

скимъ, тій елико емлюще, толико болѣе другого желаху. Юрій же слыша, яко Михаилъ хощетъ хану дань большую обѣщати, шедъ къ нему рече: отче и брате, азъ слышу, яко хощеши большую дань поступити и землю Русскую погубити, сего ради азъ ти уступаю отчины моя, да не гибнетъ земля Русская насъ ради; и шедше къ хану объявиша ему о семъ. Тогда *даде ханъ ярлыкъ Михаилу на великое княженіе и отпусти я*". П. С. Р. Л.; т. V, с. 204, 207, 208.

[1]) „Княжащу же Михаилу 8 лѣтъ на великомъ княженіи, а въ Ордѣ сѣде иный царь Озбекъ... И паки бывшимъ великимъ княземъ въ Ордѣ, и бывши прѣ велицѣ метежи има; и оставиша великаго князя Юрія Даниловича у себе въ Ордѣ, а князя Михаила отпустиша въ Русь". Тамъ же, 208.

[2]) „Минувшу же единому лѣту, и паки беззаконніи Измаилтяне, не сыти суще мздоимства, его же желаху, вземше много сребра; *и даша великое княженіе великому князю Юрію Даниловичу* и отпустиша съ нимъ на Русь единаго отъ князь своихъ, беззаконнаго и треклятаго Кавгадыя". Тамъ же.

[3]) Тамъ же.

[4]) Тамъ же, 207, 208.

Михаилъ, ложно обвиненный въ недоплатѣ ханской дани, сопротивленіи ханскому послу и убійствѣ ханской сестры, жены Юрія, былъ преданъ мучительной смерти, а Юрій Даниловичъ возвратился въ Русь великимъ княземъ, несмотря на то, что и по смерти Михаила Ярославича право родового владѣнія великимъ княженіемъ принадлежало не старшему сыну Даніила Московскаго, а старшему сыну Михаила Тверского, потому что первый стоялъ къ великому княженію въ отношеніи дѣдича, а второй въ отношеніи отчича [1]).

Въ 1321 году Московскій князь, желая ослабить Тверского князя, предпринялъ противъ него неожиданный походъ, принудилъ Дмитрія Михаиловича выдать ему двѣ тысячи серебряныхъ рублей и дать обѣщаніе «княженія великаго не подъимати» [2]). Но въ слѣдующемъ году, несмотря на обѣщаніе «*ходи въ Орду князь Димитрій Михаиловичъ, и подъя великое княженіе подъ великимъ княземъ Юріемъ Даниловичемъ*». Узнавъ объ этомъ, князь Московскій спѣшитъ въ Орду съ надлежащимъ запасомъ казны; но на пути «князь Александръ Михаиловичъ нападе нань со Тверичи; князь же Юрій самъ убѣжа въ Псковъ, а казну его взяша» [3]). Юрій Даниловичъ идетъ въ Новгородъ, предпринимаетъ оттуда рядъ военныхъ походовъ противъ Шведовъ, Нѣмцевъ, Литвы, беретъ на щитъ богатый городъ Устюгъ и обогащенный снова появляется въ Ордѣ только въ концѣ 1324 года; но здѣсь встрѣчаетъ Тверского князя, а результатомъ этой встрѣчи была смерть обоихъ соперниковъ: въ 1325 году Юрій Даниловичъ былъ убитъ Дмитріемъ Михаиловичемъ, казненнымъ за это самоуправство по приказанію хана [4]).

По смерти Юрія Даниловича московское княженіе наслѣдовалъ братъ его Иванъ Даниловичъ Калита, а по смерти Дмитрія Михаиловича великое княженіе наслѣдовалъ его братъ Александръ Михаиловичъ.

Въ 1327 году Александръ Михаиловичъ, выведенный изъ терпѣнія наглостью ханскаго посла Щелкана и пришедшихъ съ нимъ Татаръ, приказалъ ихъ умертвить, чѣмъ возбудилъ противъ себя гнѣвъ хана; а этимъ обстоятельствомъ воспользовался *московскій князь Иванъ Даниловичъ* и, подобно своему старшему брату, *опираясь на Орду, отнялъ великое княженіе у законнаго наслѣдника и удержалъ его до своей смерти* [5]).

---

[1]) Тамъ же, 211, 214, 215.

[2]) П. С. Р. Л.; V, с. 216.

[3]) Тамъ же; т. XV, стр. 414.

[4]) Тамъ же, с. 217.

[5]) „Поиде князь великій Иванъ Даниловичъ въ Орду. А на зиму

По смерти Калиты въ Орду отправились представители всѣхъ княжескихъ родовъ [1]). Родовое право на великое княженіе принадлежало тверскому князю Константину Михаиловичу; но «*выйде изъ Орды на великое княженіе князь великій Семенъ Ивановичъ... и всѣ князи русскіе даны ему въ руцѣ и сѣде на столѣ въ Володимери*» [2]). По возвращеніи изъ Орды Семенъ Ивановичъ заключилъ договоръ съ своими родными братьями: «быти за одинъ до живота, а брата своего старѣйшаго имѣти и чтити во отцово мѣсто» [3]) и удержалъ великое княженіе до своей смерти.

По смерти Семена Ивановича опять всѣ князья русскіе ѣдутъ въ Орду искать великое княженіе; а *воля хана склоняется въ пользу Московскаго великаго князя Ивана Ивановича*, также удержавшаго великое княженіе до своей смерти [4]).

Умеръ Иванъ Ивановичъ, и «того же лѣта ходиша вси князи въ Орду» [5]). Изъ Орды возвратился великимъ княземъ не старѣйшій въ княжескомъ родѣ Василій Михаиловичъ тверской и не малолѣтній московскій князь: «*Царь великое княженіе далъ Дмитрію Константиновичу, князю суздальскому*, не по отчинѣ, не по дѣдинѣ» [6]). Въ это время въ Ордѣ начались безпорядки [7]), имѣвшіе

пріидоша изъ Орды на Русь 5 темниковъ, великихъ князей ординьскихъ, а съ ними князь великій Иванъ Даниловичъ, и поидоша ко Твери, и взяша градъ Тверь и Кашинъ... Сѣде на великомъ княженіи великій князь Иванъ Даниловичъ, и бысть тишина велика христіяномъ по всей Русской земли на многа лѣта". П. С. Р. Л.; V, 217, 218. Ср. Ник. лѣт.; III, 138—141.

[1]) „Преставися великій князь Иванъ Даниловичъ, и поидоша всѣ князи русскіе въ Орду, князь Семенъ Ивановичъ, сынъ великаго князя Ивана Даниловича, князь Василій Давыдовичъ ярославскій, князь Константинъ тверскій, князь Константинъ Васильевичъ суздальскій и со иными князи русскими". П. С. Р. Л.; V, 222.

[2]) Тамъ же.

[3]) Собр. Гос. Гр. и Догов.; I, № 28, стр. 35—37.

[4]) Преставися великій князь Семенъ Ивановичъ... Того же лѣта пошли князи въ Орду, сперся о великомъ княженіи; а Новгородцы послаша свои послы въ Орду, ко царю, Семена Судокова, прося великаго княженія князю Константину Васильевичу суздальскому; *и не послуша ихъ царь, а далъ великое княженіе князю Ивану Ивановичу*". П. С. Р. Л.; V, 228.

[5]) Тамъ же, 228.

[6]) Тамъ же. Ник. лѣт.; ч. III, с. 215.

[7]) „Того же лѣта бысть въ Ордѣ мятежъ силенъ: мнози царіе побіени быша, и царици, и царевичи, и рядци, изсѣкошася сами проме-

своимъ слѣдствіемъ раздѣленіе Орды: въ Сараѣ воцарился ханъ Муратъ, а за Волгою ханъ Авгулъ. *Къ Мурату отправились послы москозскихъ князей и привезли ярлыкъ на великое княженіе Дмитрію Ивановичу.* Возникшая отсюда война между московскимъ и суздальскимъ князьями кончилась торжествомъ перваго: Дмитрій Константиновичъ, разбитый Дмитріемъ Ивановичемъ, отказался отъ посягательствъ на великое княженіе [1]).

Въ 1370 году *Михаилъ Александровичъ успѣлъ добыть ярлыкъ на великое княженіе отъ хана Магометъ-Султана* и привезъ его въ Русь вмѣстѣ съ ханскимъ посломъ; но московскій князь уже почиталъ себя настолько сильнымъ, что рѣшился отвѣтить ханскому послу такъ: «Къ ярлыку не ѣду, а въ землю на великое княженіе не пущу; а тебѣ послу путь чистъ» [2]).

Въ 1372 году московскій князь Дмитрій Ивановичъ заключилъ договоръ съ тверскимъ княземъ Михаиломъ Александровичемъ; а въ этомъ договорѣ сказано было слѣдующее: «А имутъ насъ сваживати Татарове и имутъ давати тобе (Михаилу) *нашу вотчину великое княженіе*, и тобе ея не имати до живота» [3]). *Этотъ договоръ соединилъ Владимиръ—великое княженіе и Москву въ одно владѣніе, превратилъ великое княженіе въ исключительную отчину московскаго князя*, а потому въ завѣщаніи Дмитрія Ивановича Донского имѣется слѣдующее распоряженіе: «*Благословляю сына своего, князя Василья, своею отчиною великимъ княженіемъ*». Завѣщавъ великое княженіе своему старшему сыну, помимо своего двоюроднаго брата Владимира Андреевича, Димитрій Донской далъ ему и средства поддержать значеніе великаго князя, назначивъ старшему сыну «на старѣйшій путь», кромѣ великаго княженія, большую часть своего московскаго владѣнія [4]).

Димитрію Донскому принадлежитъ и другое важное нововведеніе: въ *договоръ съ двоюроднымъ братомъ* Владимиромъ Андреевичемъ онъ включилъ слѣдующее условіе: «*быти ны за одинъ, и имѣти мене отцемъ, а сына моего Василья братомъ старѣйшимъ*» [5]). Здѣсь въ

жи себе". П. С. Р. Л.; V, 229. „Бысть въ нихъ гладъ велій, замятня многа, и нестроеніе всегдашнее, и не престаяху межи собою ратующеся и бьющеся и кровь проливающе; тако убо Богъ попусти на нихъ гнѣвъ свой, милуя рабъ своихъ смиренныхъ, православныхъ христіанъ". Ник. лѣт.; III, 37.

[1]) Тамъ же.

[2]) Ник. лѣт., часть IV, стр. 28.

[3]) С. Г. Г. и Д.; I, № 28, стр. 46.

[4]) Тамъ же, № 34, с. 59.

[5]) Тамъ же, № 33. с. 55.

первый разъ было ясно выражено *новое начало старшинства: старшинство сына умирающаго князя надъ его братомъ.* Но Дмитрій Донской еще не имѣлъ въ виду установить порядокъ наслѣдованія государственной власти по началу нисходящаго первородства, какъ это видно изъ слѣдующаго распоряженія его завѣщанія: «А по грѣхомъ отыметъ Богъ сына моего князя Василья, а хто будетъ подъ тѣмъ сынъ мой, ино тому сыну моему княжъ Васильевъ удѣлъ» [1]).

Василій Дмитріевичъ, получивъ отъ хана Тохтамыша ярлыкъ на великое княженіе [2]), «примыслилъ»—присоединилъ къ Москвѣ Нижній Новгородъ, Муромъ, Мещеру и Торусу [3]), и завѣщалъ наслѣдованныя земли и примыслы своему десятилѣтнему сыну Василью.

Въ завѣщаніи Василія Дмитріевича о великомъ княженіи сказано слѣдующее: «а дастъ Богъ сыну моему великое княженье, ино и язъ сына своего благословляю князя Василья» [4]). Эта условность передачи объясняется тѣмъ, что родовое старшинство по началу бокового первородства принадлежало Юрію Дмитріевичу, отказавшемуся признать надъ собою старшинство племянника Василья Васильевича. По смерти Василія Дмитріевича, «сынъ его князь Василій Васильевичъ сѣде на великомъ княженіи Володимерскомъ и Московскомъ» [5]). Въ 1428 году Василій Васильевичъ заключилъ договоръ съ Юріемъ Дмитріевичемъ, по которому послѣдній отказался искать великаго княженія [6]); но въ 1431 году Юрій отказался отъ исполненія договора и объявилъ о намѣреніи судиться передъ ханомъ. Князья отправились въ Орду. Здѣсь уполномоченный московскаго князя, бояринъ Всеволожскій, склонивъ на свою сторону ордынскихъ князей, сказалъ хану слѣдующее: «Государь вольный царю! освободи молвить къ тебѣ мнѣ, холопу великаго князя. Нашъ государь великій князь Василій Васильевичъ ищетъ стола своего великаго княженія, а твоего улусу по твоему цареву жалованью и по твоимъ девтеремъ (грамотамъ) и ярлыкамъ, а се твое жалованье передъ тобою; а господинъ нашъ князь Юрій Дмитріевичъ, дядя

---

[1]) Тамъ же, № 34, с. 60.

[2]) „Сѣде на великомъ княженіи князь Василей Дмитріевичъ; а съ нимъ пріиде изъ Орды посолъ силенъ, именемъ Уланъ царевичъ, той его посадилъ на великомъ княженіи". П. С. Р. Л.; V, 244.

[3]) „Ходи великій князь Василей Дмитріевичъ въ Орду ко царю; и далъ ему царь Новгородское княженіе, Нижній Новгородъ, и Муромъ, и Мещеру, и Торусу". Тамъ же, 245.

[4]) С. Г. Гр. и Д.; № 42, стр. 84.

[5]) П. С. Р. Л.; V, 263.

[6]) С. Г. Гр. и Д., № 43, 44.

его, хочетъ взять великое княженіе по умертвыи и грамотѣ отца своего, а не по твоему жалованью вольнаго царя» [1]). Ярлыкъ получилъ Василій.

Война, начатая Юріемъ и продолженная его сыновьями, съ перемѣннымъ счастіемъ длилась около двадцати лѣтъ и кончилась полнымъ торжествомъ московскаго князя. Юрьевичи и всѣ князья, имъ помогавшіе, были лишены своихъ отчинъ, присоединенныхъ къ Москвѣ.

Подобно Дмитрію Ивановичу Донскому Василій Темный оставилъ завѣщаніе, которымъ *благословилъ сына своего старѣйшаго Ивана «своею отчиною великимъ княженіемъ»*, назначилъ ему громадный удѣлъ сравнительно съ удѣлами другихъ сыновей и приказалъ меньшимъ братьямъ «чтить и слушать старшаго брата, какъ отца» [2]). Распоряженія о наслѣдованіи великаго княженія по смерти старшаго брата младшимъ въ духовной грамотѣ Василія Темнаго уже не встрѣчается; *еще при жизни Василія Васильевича старшій сынъ его Иванъ Васильевичъ былъ объявленъ великимъ княземъ* и договорныя грамоты писались отъ имени двухъ великихъ князей,—отца и сына [3]), а потому по смерти Василія Темнаго не могло быть вопроса о томъ, кому должна принадлежать великокняжеская власть. Теперь уже не было нужды справляться и съ волею хана, потому что въ Россіи не было князей, имѣвшихъ возможность оспаривать великое княженіе у князя московскаго. Извѣщая о смерти князя великаго Василія Васильевича «всея Руси», лѣтописецъ добавляетъ: «того же лѣта сѣде на великомъ княженіи сынъ его князь великій Иванъ Васильевичъ на Володимерскомъ и на Московскомъ и на Новгородскомъ *и на всей Руси»* [4]), *уже безъ указанія на какое бы то ни было вмѣшательство Орды и ея санкцію.*

Подобно Василію Темному *Иванъ третій объявилъ старшаго сына своего великимъ княземъ* и заключалъ договоры отъ имени двухъ великихъ князей Ивана Васильевича и Ивана Ивановича [5]). Въ 1490 году, по смерти Ивана Ивановича, оставившаго сына Дмитрія, *великій князь объявилъ наслѣдникомъ великокняжеской власти своего внука и Димитрій былъ торжественно коронованъ* въ 1498 году [6]). Но впослѣдствіи, предвидя возможность войны между внукомъ, получавшимъ государство по новому порядку престолонаслѣдія, и сыномъ

---

[1]) Ник. лѣт., V, 110; П. С. Р. Л., VIII, 96.
[2]) С. Г. Гр. и Д., № 86.
[3]) С. Г. Гр. и Д., I, № 76—81, 84, 85.
[4]) П. С. Р. Л., V, 273.
[5]) С. Г. и Д., I, №№ 94, 97, 99, 123 и др.
[6]) Тамъ же, № 25.

Василіемъ, въ пользу котораго былъ уже открытъ заговоръ, Иванъ третій въ 1522 году приказалъ взять подъ стражу Дмитрія Ивановича и его мать, запретилъ называть его великимъ княземъ и поминать на ектиніяхъ, а *сына Василія «пожаловалъ, благословилъ и посадилъ на великое княженіе Володимирское и Московское и всея Руси самодержцемъ»* [1]).

Новый порядокъ наслѣдованія государственной власти по началу нисходящаго первородства узаконяется духовною грамотою Ивана III, въ которой было сказано: «А которой мой сынъ не учнетъ сына моего Василья слушати во всемъ, или учнетъ подъ нимъ подъискивати великихъ княжествъ, *или подъ его дѣтьми*, или учнетъ отъ него отступати, или учнетъ ссылатися съ кѣмъ ни буди тайно или явно на его лихо, или учнутъ кого на него подъимати, или съ кѣмъ учнутъ на него одиначитися, ино не буди на немъ милости Божіей и Пречистые Богоматери и святыхъ чюдотворецъ молитвы, и родитель нашихъ, и нашего благословенія и въ сій вѣкъ и въ будущій» [2]).

По идеѣ Ивана третьяго въ преемствѣ государственной власти *семейство государя исключало его родъ, т. е. ближайшій родственникъ умиравшаго государя исключалъ стоявшаго ближе къ первоначальному родоначальнику княжескаго рода, сыновья государя исключали его братьевъ, старшіе племянники исключали дядей.*

Ограничить законное престолонаслѣдіе членами семьи государя значило установить *право назначенія наслѣдника престола волею умиравшаго государя*, потому что по семейному праву древней Руси отецъ семейства имѣлъ право распоряжаться удѣлами дѣтей по своему произволу: «*Чи не воленъ я въ своемъ внукѣ и въ своихъ дѣтяхъ? Кому хочю, тому дамъ княжество*» [3]), такими словами выразилъ Иванъ третій современное воззрѣніе въ этомъ отношеніи.

По смерти Ивана третьяго до прекращенія рода Рюриковичей и земскаго избранія новой династіи *воля московскаго государя назначаетъ наслѣдника самодержавной неограниченной власти Россіи изъ своей семьи.* Попытки царедворцевъ замѣнить наслѣдниковъ, назначаемыхъ волею умиравшаго государя изъ своей семьи, родственниками боковыми ограничивались только придворными заговорами и казнію заговорщиковъ.

Василій Ивановичъ, оставившій старшаго сына своего трехлѣтнимъ младенцемъ, «*нареченъ сына своего при своемъ животѣ великимъ княземъ* и приказа его беречи до 15 лѣтъ своимъ бояромъ немно-

---

[1]) Софійская лѣтопись: II, 353. Соф. Врем., II, 269.

[2]) С. Г. Гр. и Д., I, № 144, стр. 399, 400.

[3]) См. Карамзина: Ист. Гос. Рос.; т. VI; примѣчаніе 455. Акты Зап. Рос., I, № 192.

гимъ» [1]). *Иванъ Васильевичъ IV сначала назначилъ своимъ преемникомъ старшаго сына своего Ивана*, вмѣнивъ въ обязанность меньшому Ѳедору быть въ волѣ старшаго брата до крови и до смерти, ни въ чемъ ему не прекословить, а въ случаѣ обиды отъ старшаго брата не смѣть поднимать противъ него оружія и обороняться [2]); *а по смерти Ивана объявилъ своимъ наслѣдникомъ слѣдовавшаго за Иваномъ сына Ѳедора* [3]). *Ѳедоръ Ивановичъ, послѣдній Рюриковичъ, назначилъ своимъ наслѣдникомъ царицу Ирину Ѳедоровну*, послѣ отказа которой отъ царства и постриженія въ монастырь, за прекращеніемъ царской семьи, земскій соборъ избралъ брата царицы Бориса Ѳедоровича Годунова [4]), а затѣмъ Михаила Ѳедоровича Романова.

Процессуальное право.

ГЛАВА XXXV.

Организація суда и судопроизводство въ удѣльныхъ княжествахъ.

Какъ въ княжествахъ, такъ и въ народоправствахъ Русской земли эпохи удѣльныхъ государствъ *управленіе и судъ не были разграничены;* а потому органы администраціи были одновременно и органами суда въ сферахъ дѣлъ и лицъ, подчиненныхъ ихъ управленію: *митрополитъ, епископы, князья, бояры, намѣстники, тіуны, судьи* [5]).

---

[1]) Ист. Гос. Рос. Карамзина, т. VII, пр. 322.

[2]) Доп. къ Акт. Ист., I, № 222.

[3]) Ист. Гос. Рос. Карамзина, т. IX, стр. 256.

[4]) См. тамъ же, стр. 125 и слѣд.

[5]) Въ пространной редакціи церковнаго устава Владимира Святославича говорится: „Растворивши греческій Номоканонъ, и обрѣтохомъ въ немъ, оже не подобаетъ сіхъ судовъ и тяжъ *князю судити, ни бояромъ его, ни тивуномъ*, и азъ... далъ есмы тѣ суды церквамъ Божьимъ, *Митрополиту и всѣмъ Епископомъ* по Русской земли... Аще кто преступитъ сіа правіла... или дѣти мои *князи*, или правнуци, или въ которомъ городѣ *намѣстникъ, или судья, или тивунъ*, а имутъ обидѣти суды церковныа, или отъимати: да будутъ прокъляти“ („Пособіе“, с. 86—88). Въ уставѣ о „церковныхъ судѣхъ“ князя Всеволода-Гавріила точно также читаемъ: „Обрѣтохъ въ греческомъ Номоканонѣ, что *сихъ судовъ и тяжь не судити князю, ни его дѣтемъ, ни его намѣстникомъ, ни его бояромъ, ни его тіуномъ*... А кто иметь преступати сія правила: или *дѣти мои, или внучата, или правнучата, или въ коемъ городѣ намѣст-*

Въ Русской Правдѣ судъ мірскихъ людей по всѣмъ мірскимъ дѣламъ является сосредоточеннымъ въ рукахъ князя, какъ верховнаго законодателя, правителя и судьи. *Князь отправляетъ правосудіе лично или поручаетъ его своимъ судьямъ - намѣстникамъ.* Это значеніе князя выражается въ общемъ заглавіи свода княжескихъ уставовъ, опредѣляющихъ порядокъ суда въ Русской землѣ: «*Судъ Ярославль Володимѣричь.* Правда Русьская». Непосредственный судъ князя выражается въ слѣдующихъ статьяхъ Русской Правды: «А конюхъ старыи у стада 80 гривенъ, *яко уставилъ Изяславъ въ своемъ конюсь, его же убилъ Дорогобудьци*» [1]); «аже закупъ бѣжитъ отъ господы, то обель, *идетъ ли искать кунъ*, а явлено ходить, *или ко князю*, или къ судиямъ бѣжитъ обиды деля своего господина, то про то не робять его, но *дати ему правду*»; «аже *братья растяжются передъ княземь* о задници, которыи дѣтьский идѣть ихъ дѣлить, то тому взяти гривна кунъ» [2]). Въ лѣтописи подъ 1146 годомъ говорится, что Кіевляне, недовольные княжескими судьями, требовали отъ князя Святослава, чтобы онъ самъ судилъ ихъ обиды: «И почаша Кіяне складывати вину на тіуна на Всеволожа, на Ратшу, и на другаго тивуна Вышегородскаго, на Тудора, рекуче: «Ратша ны погуби Кіевъ, а Тудоръ Вышегородъ; а ныне, князе Святославе, цѣлуй намъ хрестъ и съ братомъ своимъ: *аще кому насъ будетъ обида, то ты прави*». Святославъ же рече имъ: «Язъ цѣлую крестъ за братомъ своимъ, яко не будетъ вы насилья ни котораго же; а се вамъ и тивунъ, а по вашей воли» [3]).

Мѣстомъ суда въ столицѣ и провинціяхъ былъ княжій дворъ, соотвѣтствовавшій приказной или воеводской избѣ эпохи Московскаго государства: «Аже убиють кого у клѣти іли у коровьѣ татбы, то убиють во пса мѣсто; аже ли и додержать свѣта, то *вести на княжь дворъ*» [4]).

О княжескомъ посадникѣ или намѣстникѣ говоритъ только слѣдующее постановленіе Русской Правды: «Кто своего холопа самъ досочиться въ чьемь любо городѣ, а будеть *посадникъ* (въ Кар. сп.—*намѣстникъ*) не вѣдалъ его, то, повѣдавше ему, пояти же ему отрокъ отъ него и шедше «увязати и» [5]).

никъ, или тіунъ, или судія, или кто пообидить суды церковныя, да будуть прокляти въ сій вѣкъ и въ будущій". Христоматія Владимірскаго-Буданова; вып. I, стр. 227—230.

[1]) „Пособіе", стр. 71. Акад. сп.; ст. 21.

[2]) Троиц. сп.; ст. 52, 100.

[3]) П. С. Р. Л.; II, 22.

[4]) Тамъ же, с. 36.

[5]) Р. П. Троиц. сп.; ст. 108. Кар. сп.; ст. 125.

Кромѣ князя, намѣстника и судей въ значеніи органовъ судебной власти, въ Русской Правдѣ упоминаются еще слѣдующія лица, имѣющія отношеніе къ судоустройству и судопроизводству: «*12 человѣкъ*», передъ которыми рѣшается споръ о долгѣ, если отвѣтчикъ запирается въ полученіи денегъ отъ истца; «*емецъ*»,—задержавшій преступника или бѣглеца, получающій «за переемъ» опредѣленное вознагражденіе, *вирникъ*,—чиновникъ, собирающій виру съ общины и получающій отъ нея опредѣленное содержаніе; «*метельникъ*»,—помощникъ вирника, и *отрокъ* въ значеніи чиновника, состоящаго при князѣ, намѣстникѣ и вирникѣ» [1]).

По княжескимъ *уставнымъ грамотамъ*, Двинской и Бѣлоозерской, какъ и по Русской Правдѣ, *высшая правительственная и судебная власть государства сосредоточена въ рукахъ великаго князя; а отправленіе мѣстнаго правосудія князь поручаетъ своимъ служилымъ людямъ, — княжескимъ намѣстникамъ*. Въ предѣлахъ, обозначенныхъ уставною грамотою, дѣятельность намѣстника пользуется полною независимостію отъ другихъ княжескихъ чиновниковъ [2]). Княжескій приставъ имѣлъ право въѣзда въ предѣлы намѣстничества только по спеціальному распоряженію великаго князя, основанному на жалобѣ населенія [3]). *Намѣстникъ производитъ судъ лично, или чрезъ своихъ помощниковъ, тіуновъ*. Бѣлозерская грамота предписываетъ непремѣнное присутствіе на судѣ намѣстника и *представителей земства*, какъ хранителей народныхъ понятій о правдѣ и защитниковъ интересовъ населенія [4]). Обвиняемый призывается въ судъ чиновникомъ, состоящимъ при дворѣ намѣстника, называемымъ *дворяниномъ или доводчикомъ*, и чиновникомъ отъ земства, называемымъ *подвойскимъ* (Дв., 9). Призываемый къ суду *по уголовнымъ дѣламъ* долженъ былъ представить *поручительство* въ томъ, что явится на мѣсто суда въ извѣстный *срокъ;* если же обвиняемый не находилъ поручителя, то его лишали свободы и представляли въ судъ закованнымъ *въ желѣзо* [5]). Призываемый къ суду *по част-*

---

[1]) Рус. Правда, сп., А. ст. 41, 42; Т., 7, 8, 100, 103.

[2]) „А приставомъ моимъ, Великаго князя, говорится въ Двинской грамотѣ, въ Двинскую землю не въѣздити, всему управу чинятъ мои намѣстники“. Дв. гр.; ст. 12.

[3]) „А надъ кѣмъ учинятъ продажу сильно, а ударятъ на нихъ челомъ, и мнѣ, князю великому, велѣти намѣстнику стати передъ собой на срокъ; а не станетъ, ино на того грамота безсудная, *и приставъ мой доправитъ*“. Двин. гр., с. 13. Ср. Бѣл., с. 22, 23.

[4]) „А намѣстникомъ нашимъ и ихъ тіуномъ *безъ соцкаго и безъ добрыхъ людей не судити судъ*“ (Бѣл., 19).

[5]) „А желѣзнаго 4 бѣлки, только человѣка скуютъ, а не будетъ

нымъ искамъ имѣлъ право не явиться въ судъ къ назначенному сроку, но въ такомъ случаѣ терялъ искъ: судья произносилъ *заочное рѣшеніе* и выдавалъ истцу *правую безсудную грамоту*; только *иногородные* отвѣтчики до явки въ судъ отдавались *на поруки* [1]). *Рѣшеніе судьи облекалось въ форму грамоты*, къ которой прикладывалась намѣстническая *печать*.

Рядомъ съ органами мѣстнаго княжескаго суда въ эпоху удѣльныхъ государствъ *повсемѣстно существовалъ судъ общины*, народный, организація и дѣятельность котораго сохранялись *въ формахъ вѣчеваго суда общины эпохи племенныхъ государствъ;* а его компетенція ограничивалась предѣлами земли и лицъ своей общины по всѣмъ дѣламъ, не исключая и убійства, когда истецъ и отвѣтчикъ были членами одной общины [2]).

Судебный процессъ въ княжествахъ.

По Русской Правдѣ *судебный процессъ начинался искомъ или поклепомъ* со стороны истца, при чемъ должно было обозначить правонарушеніе и обвиняемаго; *исключеніе* изъ этого правила составляли только *убійство и воровство*, влекшее за собою наказаніе двѣнадцатигривенною продажею. Въ этихъ случаяхъ достаточно было для начала иска одного факта преступленія, хотя бы преступникъ былъ неизвѣстенъ: вервь, на землѣ которой обнаруживалось одно изъ такихъ преступленій, должна была отыскать преступника или платить за убійство виру, а за воровство продажу (Т., ст. 3, 4, 15, 17, 63, 70).

Искъ требовалъ законныхъ судебныхъ доказательствъ, каковыми были слѣдующія:

1) *Свидѣтели*—«видоки» и «послухи» (А., 2, 28. Т., 17, 23, 47) *свободнаго состоянія*; исключеніе допускалось только въ двухъ случаяхъ: *по нуждѣ* допускалось свидѣтельство *боярскаго дворскаго тіуна*, а въ малой тяжбѣ свидѣтельство *закупа* (Т., 59). Свидѣтели обязаны были подтверждать свои показанія присягою (Т., 32, 43).

на немъ поруки, а болѣ того дворянину взяти ничего; а чрезъ поруку не ковати; а посула въ желѣзѣхъ не просити; а что въ желѣзѣхъ посулъ, то не въ посулъ" (Двин., ст. 8).

[1]) „А кто на кого челомъ бьетъ дворяне и подвойскіе позовутъ къ суду, а онъ не станетъ у суда, и на того намѣстники дадутъ грамоту *правую безсудную:* а кто будетъ не тутошній человѣкъ и они его дадутъ на поруки" (Двин. 9).

[2]) См. выше, стр. 129—131.

2) *Поличное или «лице»*, т. е. присутствіе предмета преступленія въ рукахъ или во дворѣ обвиняемаго. Владѣтель поличнаго признавался виновнымъ въ томъ случаѣ, если онъ не могъ объяснить, какимъ образомъ оно попало въ его руки. Если же заподозрѣнный въ преступленіи по поличному указывалъ на человѣка, отъ котораго онъ пріобрѣлъ его, то Русская Правда требовала такъ называемаго *«свода»*, *т. е. очныхъ ставокъ* до тѣхъ поръ, пока не будетъ найденъ дѣйствительный преступникъ или лицо, владѣвшее поличнымъ, передавшее его другому лицу, но неимѣвшее возможности доказать, что предметъ преступленія былъ пріобрѣтенъ имъ законнымъ способомъ [1]).

3) *«Знаменія» и «слѣды»—признаки преступленія*, показывающіе въ пользу истца или ко вреду отвѣтчика; напр., знаки побоевъ на тѣлѣ истца, слѣды ногъ отъ мѣста преступленія къ жилищу или временной стоянкѣ отвѣтчика и пр. (А., 2. Т., 23, 70).

4) *Результатъ суда Божія—испытанія желѣзомъ и водою.* Испытаніе желѣзомъ допускалось, когда искъ простирался на сумму не менѣе полугривны золота; а испытаніе водою, когда искъ простирался на сумму отъ двухъ гривенъ серебра до полугривны золота (Т. 17). Въ искахъ объ убійствѣ испытаніе желѣзомъ допускалось въ тѣхъ случаяхъ, когда истецъ имѣлъ *основательное подозрѣніе*, но не могъ подтвердить его свидѣтелями: «Аже иметь на желѣзо *по свободныхъ людий рѣчи, либо ли запа нань будеть, любо прохожение нощное, или кимъ любо образомъ*». Когда истецъ требовалъ испытанія желѣзомъ на основаніи свидѣтельскихъ показаній, то по общему правилу свидѣтелями могли быть и въ этомъ случаѣ только свободные люди. Но если по рѣчамъ несвободнаго истецъ желалъ подвергнуть испы-

---

[1]) Порядокъ изысканія преступника по поличному опредѣляется въ Русской Правдѣ слѣдующими постановленіями: „Аще познаетъ кто (свое), не емлетъ его, то не рци ему: мое, но рци ему тако: поиди на сводъ, гдѣ еси взялъ; или не поидеть, то поручника за 5 дніи“ (Ак. 13). „Оже кто познаеть своего, что будетъ погубилъ, или украдено что у него, или конь, или портъ, или скотина, то не рци ему: се мое, но поиди на сводъ, гдѣ еси взялъ; сведуться, кто будетъ виноватъ, на того татьба снидетъ; тогда онъ свое возметь, или что будеть погибло съ нимъ, той же ему начнеть платити... А оже будеть въ одномъ градѣ, то ити исцу до конца того свода; будеть ли сводъ по землямъ, то ити ему до трехъ сводовъ, а что будеть лице, то ему третьему платити за лице, а съ лицемъ ити до конца своду, а исцу ждати прока; а гдѣ снидеть на конечнаго, то тому все платити, и продажю... А исъ своего города въ чужу землю извода нѣтъ“ (К.; 30, 32, 36. Троиц.; 29, 31, 35).

танію желѣзомъ отвѣтчика, то онъ долженъ былъ заявить, что самъ беретъ на испытаніе, а не холопъ, и если испытаніе кончалось въ пользу отвѣтчика, то истецъ обязанъ былъ уплатить обвиняемому *гривну за муку*, которую онъ ему причинилъ по рѣчамъ раба (Т., 81, 82).

5) «*Рота*»—присяга допускалась въ значеніи судебнаго доказательства въ малыхъ тяжбахъ и *когда недоставало другихъ законныхъ доказательствъ*, ни свидѣтелей, ни поличнаго, ни слѣдовъ преступленія; по простому поклепу обвиняемый оправдывалъ себя присягою (Т., 17, 44, 109).

Въ уставныхъ княжескихъ грамотахъ изъ судебныхъ доказательствъ упоминаются только сводъ, поличное и судебный поединокъ. О *сводѣ* говорится только слѣдующее: «А кто у кого что познаетъ татебное, а тотъ съ себя сведетъ сводъ до десяти изводовъ и до чеклого татя, и отъ того намѣстникамъ и дворянамъ не взяти ничего» (Дв., 5). *Поличное* упоминается нѣсколько разъ, какъ несомнѣнное средство доказательства виновности обвиняемаго въ воровствѣ, а понятіе о поличномъ Бѣлозерская грамота опредѣляетъ слѣдующими словами: «А поличное то, что вынесутъ изъ клѣти, изъ за замка; а найдутъ что во дворѣ или въ пустой хороминѣ, а не за замкомъ, ино то не поличное» (Дв., 11). О *судебномъ поединкѣ* говорится въ Бѣлозерской грамотѣ при опредѣленіи размѣра судебныхъ доходовъ намѣстника [1]).

Частности судебнаго процесса въ эпоху Русской Правды различались по различію преступленій; а именно,—процессъ по дѣламъ *убійства, тѣлесныхъ поврежденій, воровства и пользованія чужою собственностью.*

1. *Процессъ о смертоубійствѣ.* По общему правилу, *виру за убійство должна была платить та община, на землѣ которой совершалось убійство, или находили трупъ убитаго.* Вервь освобождалась отъ отвѣтственности только въ тѣхъ случаяхъ, когда неизвѣстно было, кому принадлежалъ найденный трупъ и когда вервь имѣла возможность отвести отъ себя поличное, то-есть доказать, что убійство совершено членомъ другой верви, не той, гдѣ нахо-

---

[1]) „А досудятъ намѣстники и тіуны до поля, а побіются на поли, и намѣстники велятъ на виновномъ истцово доправити, а на себя велятъ взяти противень противъ исцова, а то имъ съ тіуны и съ доводчики за всѣ ихъ пошлины“ (С. 9). О судебномъ поединкѣ см. выше стр. 132. Договоръ съ Нѣмцами 1229 г. ст. 15; „Русину не звати Латина на полѣ биться у Русской земли, а Латинину не звати Русина на полѣ биться у Ризѣ и на Готскомъ березѣ“.

дили трупъ, или хотя и ея членовъ, но такимъ, за котораго вервь не была обязана платить. *При обвиненіи въ убійствѣ* извѣстнаго лица *могли существовать или явныя и неопровержимыя улики* въ его преступности, напримѣръ, сознаніе, свидѣтели преступленія, *или* только болѣе или менѣе основательное *подозрѣніе.* Въ первомъ случаѣ улики имѣли своимъ слѣдствіемъ обвиненіе подсудимаго; *во второмъ случаѣ* обвиняемый имѣлъ возможность снять съ себя обвиненіе, представивъ не менѣе *7 свидѣтелей доброй славы* (послуховъ), если онъ былъ туземецъ, и не менѣе 2 свидѣтелей доброй славы, если онъ былъ чужеземецъ. Когда же обвиняемый не имѣлъ возможности представить свидѣтелей, то долженъ былъ при основательномъ подозрѣніи очистить себя посредствомъ испытанія желѣзомъ (Т., 3, 4, 15, 17).

2. *Процессъ по дѣламъ о нанесеніи увѣчій, ранъ и побоевъ. Избитый кѣмъ-либо до крови или до синяковъ не нуждался въ показаніяхъ свидѣтелей;* при такихъ слѣдахъ побоевъ отвѣтчикъ располагалъ только однимъ средствомъ къ оправданію: доказать свидѣтельскими показаніями, что истецъ первый сдѣлалъ на него нападеніе. *Когда же на тѣлѣ истца не было знаковъ* побоевъ, или они уже изгладились, то искъ доказывался показаніями *свидѣтелей очевидцевъ* (видоковъ); но *иностранцамъ* въ этомъ случаѣ дозволялось, при отсутствіи свидѣтелей, подтверждать свой искъ *присягою* (А., 2; Т., 23, 25).

3. *Процессъ по дѣламъ о воровствѣ. Начинался указаніемъ поличнаго* въ рукахъ извѣстнаго лица; указаніемъ другихъ *слѣдовъ воровства*, напримѣръ, слѣдовъ ногъ, направленныхъ отъ мѣста воровства къ извѣстному жилому мѣсту; *поклепомъ*, то-есть заявленіемъ подозрѣнія противъ извѣстнаго лица, безъ представленія какихъ бы то ни было прямыхъ уликъ; *поимкою вора на мѣстѣ преступленія.*

Въ первомъ случаѣ, *при наличности поличнаго*, познавшій свою вещь у другого лица не имѣетъ права сказать: «се мое», — это моя вещь, и взять ее, а долженъ былъ потребовать отвѣта на вопросъ: «гдѣ еси взялъ»? На этотъ вопросъ задержанный съ поличнымъ: 1) могъ сознаться въ воровствѣ; 2) отвѣтить, что онъ нашелъ спорную вещь; 3) что онъ купилъ ее у неизвѣстнаго человѣка; 4) что она ему подброшена; 5) что онъ пріобрѣлъ спорную вещь отъ такого-то лица. *При сознаніи* въ воровствѣ задержанный съ поличнымъ безъ дальнѣйшаго изслѣдованія *признавался виновнымъ* и по опредѣленію суда подвергался законному наказанію. *При ссылкѣ отвѣтчика на куплю и находку*, задержанный съ поличнымъ обязанъ былъ представить не менѣе *2 свидѣтелей свободнаго состоянія, или мытника*, при которыхъ онъ пріобрѣлъ спорную вещь, и если свидѣтели подтверждали справедливость ссылки

на нихъ показаніемъ подъ присягою, то истецъ бралъ себѣ поличное, а отвѣтчикъ освобождался отъ дальнѣйшей отвѣтственности. Когда же задержанный съ поличнымъ не могъ представить свидѣтелей добросовѣстнаго пріобрѣтенія спорной вещи, и когда свидѣтели не подтверждали справедливости сдѣланной на нихъ ссылки, то онъ признавался виновнымъ по неотведенному поличному. Въ третьемъ случаѣ, *когда задержанный съ краденою вещью*, на вопросъ: «гдѣ еси всялъ», *ссылался на пріобрѣтеніе ея отъ неизвѣстнаго лица*, онъ долженъ былъ, по требованію истца, итти на *сводъ съ тѣмъ лицомъ, на которое ссылался*. Сводомъ называлась повѣрка ссылки одного лица на другое посредствомъ *очной ставки*. Когда ссылки преемственно переходили на нѣсколько лицъ, то сводъ представлялъ собою послѣдовательный рядъ очныхъ ставокъ. Продолжительность свода зависѣла отъ количества ссылокъ однихъ лицъ на другихъ. *Въ предѣлахъ своего города* хозяинъ краденой вещи обязанъ былъ вести *сводъ до конца*, то-есть лично повѣрять посредствомъ очныхъ ставокъ ссылки отвѣтчиковъ, сколько бы ихъ ни было; но *за предѣлами своего города* онъ обязанъ былъ производить изслѣдованіе лично только *до третьяго свода*, а затѣмъ дозволялось ему возвратиться домой, взявъ у третьяго бывшаго владѣтеля краденой вещи ея цѣну, а ему вручивъ поличное. Получившій поличное обязанъ былъ продолжать сводъ. Сводъ признавался оконченнымъ, когда лицо, на которое сдѣлана ссылка, или сознавалось въ воровствѣ, или утверждало, что поличное имъ найдено или куплено у неизвѣстнаго лица, или отвергало справедливость сдѣланной на него ссылки. При отрицаніи справедливости ссылки, сдѣланной задержаннымъ съ поличнымъ, снова возникала неизвѣстность продавца, а потому, по общему правилу, прибѣгали къ свидѣтелямъ, а если ихъ не было, то заподозрѣнный въ кражѣ былъ обвиняемъ на основаніи неотведеннаго поличнаго. *Когда заподозрѣнный въ кражѣ ссылался на пріобрѣтеніе поличнаго отъ чужеземца, сводъ не допускался*, а чтобъ оправдать себя, отвѣтчикъ обязанъ былъ представить 2 свидѣтелей, или мытника, въ присутствіи которыхъ имъ было пріобрѣтено поличное; тогда истецъ бралъ себѣ поличное, а отвѣтчикъ освобождался отъ дальнѣйшей отвѣтственности; при отсутствіи же свидѣтелей онъ подвергался отвѣтственности, какъ воръ. Краткая редакція Русской Правды дозволяла задержанному съ поличнымъ, по требованію обстоятельствъ, *отложить сводъ, но не далѣе 5 дней и подъ условіемъ представить поручителя* въ томъ, что по истеченіи сказаннаго срока онъ исполнитъ требованіе (А., 13, 29, 31, 32, 35). При отсутствіи поличнаго, но *при наличности слѣдовъ воровства*, обиженные воровствомъ имѣли право итти по такимъ слѣдамъ, взявъ съ собою постороннихъ людей, въ зна-

ченіи свидѣтелей-понятыхъ. Когда слѣдъ терялся на большой дорогѣ или на непроѣзжемъ, безлюдномъ мѣстѣ, то дѣло прекращалось до тѣхъ поръ, пока не открывался новый поводъ къ его возобновленію. Когда же слѣдъ приводилъ къ жилому мѣсту, или обозу, то жители этого поселенія, или временной стоянки, обязаны были *отвести отъ себя слѣдъ*, то есть доказать, что онъ идетъ далѣе ихъ мѣстожительства, или временной стоянки, а если не могли этого сдѣлать, то должны были вознаградить истца и уплатить князю продажу (Т., 70).

При отсутствіи поличнаго и слѣдовъ преступленія искъ о воровствѣ можно было начать *поклепомъ*, то есть обвиненіемъ со стороны истца кого-либо въ кражѣ *на основаніи подозрѣнія*. Отвѣтчикъ могъ снять съ себя такое подозрѣніе ссылкою на показанія *послуховъ-свидѣтелей* о честномъ и добромъ его поведеніи. Если же заподозрѣнный въ кражѣ не могъ представить такихъ послуховъ, то по требованію истца и по разрѣшенію судьи можно было его подвергнуть испытанію желѣзомъ, когда цѣнность иска простиралась выше полугривны золота, или испытанію водою, когда искъ былъ менѣе полугривны золота, но не менѣе 2 гривенъ, или очистительной присягѣ, когда цѣнность иска не превышала 2 гривенъ серебра. Не по всякому поклепу истецъ имѣлъ право подвергать обвиняемаго испытанію желѣзомъ или водою, или требовать отъ него очистительной присяги, а только въ тѣхъ случаяхъ, когда его подозрѣвали въ кражѣ болѣе или менѣе основательно; напр., когда его видѣли въ ночное время на мѣстѣ совершенія кражи, когда онъ извѣстенъ былъ въ сосѣдствѣ худымъ поведеніемъ, когда онъ прежде совершилъ уже какое-нибудь преступленіе и пр. (Т., 17, 82). Послѣднимъ поводомъ къ началу иска о воровствѣ служила поимка вора на мѣстѣ преступленія. *Вора, пойманнаго на мѣстѣ преступленія*, безъ дальнѣйшаго изслѣдованія связывали и *отводили на княжескій дворъ для суда* (А., 38, Т., 36).

4. Изъ дѣлъ, относящихся къ *противузаконному пользованію чужой собственностью*, въ Русской Правдѣ упоминаются только дѣла объ утайкѣ, передержательствѣ бѣглыхъ холоповъ и неотдачѣ денегъ, полученныхъ кѣмъ-либо во временное владѣніе или пользованіе. Русская Правда дозволяетъ владѣльцу, потерявшему раба, коня, оружіе, одежду и что бы то ни было, объявить о томъ на торгу; а если послѣ такого объявленія собственникъ находилъ потерянную вещь у кого-либо изъ своихъ сосѣдей, то имѣлъ право начать искъ, и обвиняемый въ утайкѣ, сверхъ возвращенія находки истцу, подвергался княжеской продажѣ. Въ процессѣ по долговымъ обязательствамъ различаются: *договоры объ отдачѣ имущества для приращенія, на проценты*, съ одной стороны, и *договоры*

о поклажѣ и денежныхъ займахъ между купцами, съ другой. При заключеніи договоровъ объ отдачѣ имущества на проценты требовалось *присутствіе свидѣтелей*, показанія которыхъ, въ случаѣ тяжбы, и служили средствомъ доказательства вѣрности иска. Если свидѣтели, выставленные истцомъ, подтверждали подъ присягою справедливость иска, то отвѣтчикъ, несмотря на отрицаніе договора съ его стороны, былъ принуждаемъ къ удовлетворенію истца. Если же отвѣтчикъ запирался въ полученіи на проценты денегъ или другого имущества, а истецъ не могъ представить свидѣтелей договора, то судъ долженъ былъ сказать послѣднему: «*промиловался еси, оже еси не ставилъ послуховъ*», — ты теряешь свой искъ, потому что не можешь доказать его свидѣтелями. *По договорамъ о поклажѣ и сдѣлкамъ между купцами* отвѣтчикъ могъ оправдаться *посредствомъ присяги* (А., 12; Т., 26, 28, 43—45).

ГЛАВА XXXVI.

Организація суда и судебный процессъ въ народоправствахъ.

Юридическая основа особенностей въ организаціи правительственной и судебной власти народоправствъ.

По своему устройству удѣльныя государства представляли двѣ существенно различныя формы: *княжества и народоправства*. Это различіе восходитъ ко времени князя Ярослава Владимировича.

Въ завѣщаніи Ярослава Владимировича, раздѣлившаго Кіевское государство на 5 удѣловъ, о Новгородской землѣ не упоминается; а дальнѣйшіе факты лѣтописей и юридическихъ памятниковъ показываютъ, что *Новгородъ избиралъ своихъ князей между потомками Ярослава и отличался большими особенностями въ организаціи управленія и суда отъ удѣльныхъ княжествъ* [1]).

Особенности Новгородскаго строя и выдѣлившихся изъ Новгородской земли земель Псковской и Вятской могли возникнуть только по волѣ самовластнаго представителя верховной власти въ Русской землѣ, основанной завоеваніями первыхъ Рюриковичей.

Завоеванный народъ, пока остается подвластнымъ завоевателю или его потомкамъ, *не можетъ призывать князей и по своей волѣ издавать новые законы и измѣнять порядокъ администраціи и суда*, установленный завоевателемъ. Но самовластный наслѣдникъ правъ завоевателя можетъ уступить то или другое свое право подвластному

---

[1]) См. дополненіе № XVI.

народу; а этого права уже не имѣли потомки Ярослава, какъ сонаслѣдники въ родовомъ владѣніи. Отсюда *политическія права Новгородцы могли получить только отъ общаго предка удѣльныхъ князей*. И дѣйствительно, мы имѣемъ рядъ свидѣтельствъ лѣтописей и юридическихъ памятниковъ, доказывающихъ положительно, что *юридическое основаніе особенностей политическаго устройства Сѣверно-русскихъ народоправствъ коренилось въ волѣ Ярослава Владимировича*, какъ единодержавнаго обладателя завоевательныхъ правъ первыхъ князей Рюрикова рода.

Въ лѣтописи подъ 1034 годомъ говорится, что по смерти Мстислава «прія всю власть его великій князь *Ярославъ* и бысть *самовластенъ въ Руси*» [1]). Въ значеніи *самовластица* «иде великій князь Ярославъ въ Новгородъ... и людемъ написа грамоту, рекъ: «по сей грамотѣ дадите дань» [2]). Изъ послѣдующихъ лѣтописныхъ свидѣтельствъ, а также изъ договоровъ Новгорода съ князьями и Новгородской и Псковской судныхъ грамотъ видно, что *Ярославъ далъ Новгороду не только финансовыя, но и политическія льготы*, предоставивъ Новгородцамъ и права избирать князя изъ потомковъ Ярослава и имѣть своихъ выборныхъ вѣчевыхъ администраторовъ и судей. Въ разсказѣ объ отраженіи Новгородцами Андрея Боголюбскаго лѣтописецъ говоритъ, что «*Новгородцы издавна суть свободжены прадѣды князь нашихъ*» [3]); а въ древнѣйшемъ изъ сохранившихся договоровъ Новгорода съ князьями говорится: «На семъ, княже, цѣлуй крестъ ко всему Новгороду, *на цѣмъ то цѣловали дѣды и отцы... тако княже, господине, пошло отъ дѣдъ и отъ отецъ, и отъ твоихъ и отъ нашихъ*» [4]). На приднѣпровскомъ княжескомъ съѣздѣ 1196 года Новгородцы заявили жалобу на Суздальскихъ князей, понуждавшихъ новгородское вѣче избирать князей, угодныхъ Суздальскому великому князю, и княжескій съѣздъ подтвердилъ давнее право Новгорода избирать своихъ князей по своей волѣ: «*А Новгородъ*, говоритъ лѣтописецъ, *выложиша вси князи въ свободу, гдѣ имъ любо, туто собѣ князя поимаютъ*» [5]). Потомки Ярослава Владимировича, Владимиръ Мономахъ, Изяславъ Ростиславичъ, Мстиславъ Храбрый и Мстиславъ Удалой, славившіеся своею справедливостью, являются постоянными защитниками новгородской свободы, вооружаются за посягательство на право избирать Новгородцами своихъ князей противъ своихъ родственниковъ, даже родныхъ

---

[1]) П. С. Р. Л.; т. XV, с. 146.

[2]) Тамъ же.

[3]) Тамъ же, т. II, с. 105.

[4]) Собр. Гос. Гр. и Дог.; т. I, № 1.

[5]) Тамъ же, т. XV, с. 286.

дядей, такъ какъ это право Новгородцевъ коренилось въ волѣ еще болѣе старшаго родственника,—ихъ дѣда и прадѣда, давшаго Новгородцамъ законъ, обязательный для всѣхъ его потомковъ. Обзоръ фактовъ преемства княжеской власти по смерти Ярослава доказываетъ, что въ княжествахъ эта власть переходила опредѣленнымъ родовымъ порядкомъ, а *въ Новгородской землѣ князья принимали власть только по волѣ народа*, избиравшаго и изгонявшаго своихъ князей, если они были не угодны вѣчу [1]).

Содержаніе Русской Правды, Псковской и Новгородской судныхъ грамотъ, договорныхъ, жалованныхъ и другихъ грамотъ доказываетъ намъ, что *въ удѣльныхъ княжествахъ законодательная, административная и судебная власть была сосредоточена въ рукахъ князей Рюриковичей; а въ Новгородѣ и Псковѣ—въ рукахъ народнаго—вѣчевого собранія*, какъ единаго верховнаго органа государственной власти. Объ участіи Новгородскаго и Псковскаго князя въ законодательной дѣятельности вѣча источники не упоминаютъ; а правительственная и судебная дѣятельность народоправнаго князя поставлены въ законныя границы, выходить за которыя онъ не имѣлъ права. Въ сферахъ управленія и суда Новгородскій князь дѣйствуетъ рядомъ съ выборнымъ вѣчевымъ посадникомъ, на равныхъ правахъ съ нимъ и въ границахъ старой пошлины и новыхъ вѣчевыхъ законовъ. Доходы князя опредѣляются также пошлиною и договорными условіями, проектированными вѣчемъ и принятыми княземъ. Вѣче въ народоправствахъ рѣшаетъ вопросы о войнѣ и мирѣ, заключаетъ государственные договоры, избираетъ и отрѣшаетъ отъ должностей высшихъ государственныхъ сановниковъ; а князь является здѣсь только высшею выборною должностью, состоитъ на службѣ у вѣча и получаетъ за свою службу въ предѣлахъ вѣчевого закона опредѣленное содержаніе [2]).

Въ памятникахъ вѣчевого законодательства именуются слѣдующіе органы суда: *судъ владыки, судъ вѣча, судъ князя и посадника, судъ тысяцкаго, судъ старостъ, судъ общій или смѣстный, судъ братчины и судъ докладчиковъ.*

Судъ владычный принадлежалъ въ Новгородѣ *архіепископу*, а въ Псковѣ—*намѣстнику* Новгородскаго архіепископа. Архіепископъ и его намѣстникъ отправляли судъ *лично или поручали его тіунамъ* по своему усмотрѣнію. Сфера дѣлъ и лицъ, подсудныхъ владыкѣ, была опредѣлена Номоканономъ и княжескими церковными уставами. Въ Новгородской судной грамотѣ о судѣ владыки говорится: «На-

---

[1]) См. дополненіе № XVI, 2: Право призванія князя Новгородцами.

[2]) См. дополненіе № XVI, 3: Организація управленія въ Новгородѣ.

реченному на архіепископство Великаго Новгорода и Псков а свя-
щенному иноку Феофилу судити судъ свой, судъ святител ский *по*
святыхъ Отецъ правилу, по Номоканону, а судити ему в сѣхъ равно, какъ боярина, такъ и житьяго, такъ и молодчего человѣка» (ст. 1). О томъ же судѣ въ Псковской судной грамотѣ читаемъ: «*И владычню намѣстнику судъ, и на суду не судит а ни князю, ни судьямъ*» (2). Слѣдовательно, судъ владычный ст ялъ независимо отъ судебной власти князя, посадника и другихъ свѣтскихъ судей.

Новгородское и Псковское вѣче, въ значеніи ве рховнаго суда, разбирало жалобы на государственныхъ сановников ъ и всякія дѣла, поступавшія на рѣшеніе вѣча по усмотрѣнію вѣчевыхъ властей [1]).

Подъ 1477 годомъ встрѣчаемъ въ л тописи слѣдующее извѣстіе: «Псковъ, успалився, испродалъ Ог лочанъ, а взялъ 100 р., да дали князю Ярославу, что они повѣ сили татя коневаго, а безъ псковскаго повелѣнія» (П. С. Р. Л.; т. IV, 254). Смѣна и казнь вѣчевыхъ сановниковъ за преступ ленія по должности, часто практиковавшіяся до конца XV вѣка, предполагаютъ вѣчевой судъ. В 1342 г. Новгородское вѣче разбирало жалобу на посадника, совершившаго убійство (тамъ же; III, 82). Въ 1447 году «выведе Сѣкира посадникъ ливца и вѣсца серебряннаго Федора Жеребца на вѣче; напоивъ его, нача сочити: «на кого еси лилъ рубли?» Онъ же оговори 18 человѣкъ; и по его рѣчамъ иныхъ съ мосту сметаша, а иныхъ домы разграбиша» (тамъ же, III, 126). Изъ сохра-

---

[1]) О компетенціи народоправнаго вѣчевого суда въ литературѣ высказаны различныя мнѣнія. По мнѣнію Неволина и Чеглокова вѣче народоправствъ было „верховнымъ судилищемъ по дѣламъ уголовнымъ“ (Неволинъ: сочиненія т. VI, стр. 113. Чеглоковъ, въ Юридич. Сборн. Мейера за 1885 годъ, стр. 21). По мнѣнію И. Бѣляева „вѣче наряжало судъ надъ всѣми властями, ему приносились жалобы на неправый судъ и на всякія обиды“ (Разсказы; часть II, стр. 157). По мнѣнію Бестужева-Рюмина „вѣче пользовалось правомъ суда въ преступленіяхъ политическихъ (Русская Исторія, т. I, стр. 340). По мнѣнію проф. Сергѣевича „вѣче не было верховнымъ апелляціоннымъ судилищемъ; но, какъ высшая власть волости, оно давало защиту гражданамъ въ чрезвычайныхъ случаяхъ, когда обыкновенные суды оказывались недостаточными“ (Вѣче и Князь, стр. 84). По мнѣнію проф. Владимірскаго-Буданова постановленія Псковской судной грамоты „а безъ исправы человѣка не посудити, ни на суду, ни на вѣчи; а князь и посадникъ на вѣчи суда не судютъ“ обозначаютъ собою „не отстраненіе князя и посадника отъ вѣчевого суда, а полное уничтоженіе вѣчевого суда“ (Христоматія; вып. 1, стр. 133, изд. 1885 г.).

нившихся вѣчевыхъ грамотъ ясно видно, что жалобы на незаконныя дѣйствія и поборы со стороны вѣчевыхъ чиновниковъ приносились вѣчу, а рѣшенія по такимъ жалобамъ предполагаютъ вѣчевое судебное разбирательство. Напримѣръ, въ грамотѣ, данной новгородскимъ вѣчемъ жителямъ Терпилова погоста, между прочимъ, говорится слѣдующее: «На вѣчѣ, на Ярославлѣ дворѣ, били челомъ Степанъ Осиповичъ и его братья, что емлютъ у нашихъ сиротъ на Терпиловѣ погостѣ поралье посаднице и тысяцкаго не по старинѣ» (А. И.; I, № 17). По этой жалобѣ вѣче постановило собирать съ жителей Терпилова погоста поралье посадника и тысяцкаго по старымъ грамотамъ, а съ нарушителей этого постановленія взимать 100 рублей въ пользу Новгорода. Въ вѣчевыхъ грамотахъ судебная компетенція вѣча Новгорода и Пскова не опредѣляется; да ее и невозможно было опредѣлить, потому что вѣче было верховнымъ органомъ государственной власти, верховнымъ законодателемъ и судьей, не подлежавшимъ формальному опредѣленію своей дѣятельности: вѣче могло судить всякія дѣла, обращавшія на себя его вниманіе [1]).

Судъ князя и посадника былъ одинъ и тотъ же, такъ какъ по договорнымъ и суднымъ вѣчевымъ грамотамъ *ни князь не могъ судить безъ посадника, ни посадникъ безъ князя.* Кругъ уголовныхъ дѣлъ, подсудныхъ князю и посаднику, опредѣляется въ первой статьѣ Псковской судной грамоты [2]). Изъ другихъ постановленій той

---

[1]) См. выше, стр. 128.

[2]) „Се судъ княжій: ожъ клѣть покрадутъ за замкомъ, или сани подъ полостью, или возъ подъ титягою, или лодью подъ палубы, или въ ямѣ хлѣбъ, или скота украдутъ, или сѣно сверху стога,—имать то все судъ княжой; а продажи 9 денегъ; а разбой, находъ, грабежъ—9 гривенъ; а княжая продажа 19 денегъ, да 4 деньги князю и посаднику". Постояннымъ мѣстомъ княжескаго суда въ Псковѣ были „княжескія сѣни": „а князь и посадникъ на вѣчи суду не судятъ: судити имъ у князя на сѣняхъ, взирая въ правду. по крестному цѣлованію" (4). Въ Новгородской судной грамотѣ о княжескомъ судѣ находится три постановленія; одно изъ нихъ повторяетъ условіе договоровъ Новгорода съ князьями, по которому „посаднику судити судъ свой съ намѣстники великаго князя по старинѣ; а безъ намѣстниковъ великаго князя посаднику суда не кончати" (2); по другому постановленію, на судѣ князя, посадника и тысяцкаго должны были присутствовать по два человѣка со стороны тяжущихся: „а сажати въ суду по два человѣка; а кто кого въ суду посадитъ, ино тотъ съ тѣмъ и вѣдается" (5); третье постановленіе указываетъ, что посаднику было подсудно, между прочимъ, „земное орудіе", т. е. тяжбы о поземельной собственности (28).

же грамоты видно, что суду князя и посадника подлежали также споры о поземельной собственности (12, 61, 76, 78, 79).

Судъ тысяцкаго существовалъ только въ Новгородѣ; въ пригородахъ новгородскихъ и во Псковѣ тысяцкихъ не было. По договорнымъ грамотамъ судъ тысяцкаго отличался такою же независимостью отъ суда княжескаго, какъ судъ владыки: «а во владыченъ судъ и въ тысяцкаго, въ то ся тобѣ не вступати, по старинѣ». Въ Новгородской судной грамотѣ о судѣ тысяцкаго находимъ только слѣдующее постановленіе: «Тысяцкому судить свой судъ: и судить имъ право, по крестному цѣлованію» (4). По грамотѣ Всеволода-Гавріила тысяцкій былъ предсѣдателемъ судебной коллегіи, состоявшей изъ выборныхъ старостъ отъ житьихъ людей и купцовъ, судившей торговыя дѣла между Новгородцами и Новгородцевъ съ иноземцами.

Новгородскому суду тысяцкаго въ новгородскихъ пригородахъ и въ Псковѣ соотвѣтствовалъ судъ выборныхъ людей, старостъ и сотскихъ, о которомъ упоминаютъ грамоты, безъ ближайшаго опредѣленія его компетенціи [1]).

По Псковской судной грамотѣ *общему суду подлежали такія дѣла, въ которыхъ одна сторона была подсудна церковному суду, а другая свѣтскому*. Эти дѣла рѣшались намѣстникомъ владыки вмѣстѣ съ княземъ и посадникомъ. По договорной грамотѣ Новгорода съ в. к. Иваномъ Васильевичемъ и сыномъ его Иваномъ Ивановичемъ, общему суду подлежали *дѣла между людьми князя и Новгородцами*. Этотъ судъ составляли *два боярина*, одинъ отъ великаго князя, а другой отъ Новгорода; въ случаѣ разногласія между боярами спорное дѣло поступало на рѣшеніе самого князя и новгородскаго посадника [2]).

Судъ братчины упоминаетъ только Псковская судная грамота: «*а братчина судитъ, какъ судьи*» (113). Братчинами назывались въ древней Руси общества пирующихъ въ складчину [3]), подъ наблюденіемъ выборнаго лица, называвшагося пировымъ старостою или братчиннымъ княземъ. Участники пира назывались пивцами. Компе-

---

[1]) „И сульямъ псковскимъ и посадникамъ новгородскимъ *и старостамъ пригородскимъ* по томужъ крестъ цѣловать на томъ, что имъ судити право, по крестному цѣлованію“ (Ст. 5, 34, 77).—Въ договорѣ Новгорода съ в. к. Иваномъ Васильевичемъ упоминается судъ *сотскихъ и рядовичей*: „а сотскимъ и рядовичамъ безъ князей великихъ намѣстника и безъ посадника не судити нигдѣ“. А. А. Э.; I, 91.

[2]) См. С. Г. Г. и Д.; № 20 и 28.

[3]) См. А. Н. Попова: „Пиры и братчины“, въ Архивѣ ист. и юр. свѣдѣній; кн. II; отд. VI, стр. 19.

тенція суда братчины въ грамотѣ не обозначена; по всей вѣроятности, она ограничивалась только личными обидами, ссорами и драками, происшедшими во время пира.

О судѣ докладчиковъ говоритъ только Новгородская грамота. Къ организаціи этого суда относятся слѣдующія постановленія Новгородской судной грамоты: «*А въ тіунѣ одринѣ быти по приставу съ сторону, людемъ добрымъ*, да судити имъ правду, крестъ цѣловавъ на сей на крестной грамотѣ. А докладу быти во владычнѣ комнатѣ; а *у докладу быть отъ конца по боярину, да по житьему, да кои люди въ судѣ сидѣли, да и приставомъ*; а иному никому же у доклада не быть. А докладчикомъ садиться на недѣлю по трижды, въ понедѣльникъ, въ среду и въ пятокъ. А кой докладчикъ не сядетъ на тотъ день, ино взять на бояринѣ два рубля, а на житьемъ рубль. А докладчикомъ отъ доклада посула не взять, а у доклада не дружить никоею хитростію, по крестному цѣлованію. А кому сѣсти на докладъ, ино ему крестъ цѣловать на сей на крестной грамотѣ однова (25, 20)». Отсюда видно, что *докладъ имѣлъ значеніе апелляціи.* Судъ низшей инстанціи составляли: тіунъ, приставы и добрые люди; судъ высшей инстанціи составляли: судьи низшей инстанціи съ прибавленіемъ 10 представителей отъ новгородскихъ концовъ. Только такимъ пониманіемъ объясняется значеніе постановленія: «у докладу быть отъ конца по боярину, да по житьему, *да кои люди въ судѣ сидѣли*». О компетенціи суда докладчиковъ несохранилось никакихъ указаній.

Судебный процессъ въ народоправствахъ.

Ко всѣмъ видамъ суда относятся *вѣчевыя постановленія, направленныя къ обезпеченію скорости, безпристрастія и самостоятельности суда*; постановленія, *опредѣляющія общій порядокъ судопроизводства, виды* и относительное значеніе *судебныхъ доказательствъ*, и постановленія, опредѣляющія *послѣдствія судебныхъ рѣшеній*, гражданскія и уголовныя.

Съ цѣлью предупредить медленность въ судопроизводствѣ, Новгородская судная грамота назначаетъ *законный срокъ для рѣшенія судебныхъ дѣлъ* и обязываетъ судей, оставляющихъ должность, *оканчивать всѣ дѣла*, начатыя ими. *Общій срокъ* для рѣшенія судебныхъ дѣлъ былъ назначенъ *мѣсячный* (9). Исключеніе изъ этого срока составляли только дѣла *о поземельной собственности*, которыя дозволялось судить въ теченіе *двухъ мѣсяцевъ* (28—30). Если судья не оканчивалъ дѣла въ узаконенный срокъ, то истецъ имѣлъ право обратиться съ жалобою къ Великому Новгороду, взять вѣчевыхъ приставовъ и предъ ними окончить дѣло (29). По той же грамотѣ

судья, не кончившій начатое дѣло, долженъ былъ вознаградить всѣ убытки истца и заплатить 50 рублей штрафа въ пользу великаго князя и Великаго Новгорода (28). Съ цѣлью предупредить несправедливость и лихоимство суда Новгородская и Псковская судныя грамоты обязываютъ всѣхъ судей, приступающихъ къ отправленію суда, приносить присягу въ томъ, что они будутъ *судить право, по крестному цѣлованію*. Это значило: «городскими кунами не корыстоваться, судомъ не мститься, судомъ не отчиться (то есть, не родниться, не принимать въ расчетъ родственныхъ связей), праваго не осудить, виноватаго не жаловать, тайныхъ посуловъ не принимать» (П. гр., ст. 3—5, 77; Н., 4).

Въ видахъ обезпеченія безопасности, самостоятельности и достоинства суда *вѣчевыя грамоты*, подъ угрозою опредѣленныхъ штрафовъ, *запрещаютъ тяжущимся являться на судъ съ ихъ родственниками и пріятелями*, а равно производить во время суда ссоры и драку. По Псковской грамотѣ тяжущіеся не имѣли права являться въ комнату суда *съ пособниками*. Исключенія допускались только для женщинъ, дѣтей, монаховъ, монахинь, престарѣлыхъ и глухихъ, которымъ дозволялось имѣть на судѣ пособника, то есть уполномоченнаго, адвоката. Кто же нарушалъ это постановленіе, отталкивалъ подверника и врывался въ судебную комнату силою, того должно было засадить въ дыбу и взыскать съ него рубль въ пользу князя и 10 денегъ въ пользу подверника (55). Кто въ присутствіи суда наносилъ ударъ своему противнику, тотъ долженъ былъ дать рубль обиженному и заплатить князю продажу (111).

Новгородская грамота дозволяетъ тяжущимся имѣть на судѣ пособниковъ, но не болѣе двухъ человѣкъ; кто же приводилъ на судъ болѣе двухъ человѣкъ, тотъ совершалъ преступленіе, называвшееся «*наводкою*», за которое виновный обязанъ былъ вознаградить всѣ убытки истца и заплатить штрафъ въ пользу князя и Новгорода, въ размѣрѣ 50 рублей, если виновный былъ бояринъ, 20 рублей, если онъ житій человѣкъ, и 10 рублей, если онъ былъ молодшій человѣкъ (6, 42).

По Псковской судной грамотѣ *судебный процессъ начинался подачею жалобы—челобитья* въ судъ со стороны истца противъ отвѣтчика. Выслушавъ жалобу, *судъ дѣлалъ постановленіе о вызовѣ отвѣтчика къ извѣстному сроку и вручалъ позовницу истцу и должностнымъ лицамъ*, называвшимся позовниками, приставами, дворянами и подвойскими. Истецъ и позовники, получивъ позовницу, по которой отвѣтчикъ вызывался къ суду, отправлялись въ мѣсто жительства отвѣтчика, вызывали его *къ мѣстной церкви и тамъ читали грамоту предъ народомъ и священникомъ*. Отвѣтчикъ, выслушавъ позовницу, долженъ былъ объявить, что въ указанный срокъ онъ явится въ

судъ. Если же отвѣтчикъ не приходилъ къ церкви для слушанія позовницы, то она все-таки прочитывалась предъ народомъ и священникомъ и признавалась объявленною отвѣтчику. Въ случаѣ неявки отвѣтчика въ судъ по первому вызову, на пятый день по истеченіи показаннаго срока истецъ и позовники получали новую грамоту, дававшую имъ право привести отвѣтчика въ судъ силою, но при этомъ истецъ и позовники не имѣли права бить и мучить отвѣтчика, а равно отвѣтчику запрещалось бить истца и позовниковъ подъ угрозою уголовной отвѣтственности. Если же отвѣтчикъ, выслушавъ вызовъ, скрывался отъ суда, то истцу выдавалась *правая безсудная грамота*. При явкѣ отвѣтчика въ судъ начинался разборъ доказательствъ, представленныхъ тяжущимися сторонами, изъ которыхъ упоминаются: показанія свидѣтелей, старожиловъ и сосѣдей или окольныхъ людей, разнаго рода грамоты, рядницы, записи, доски, межевые знаки, крестное цѣлованіе и судебный поединокъ.

Свидѣтельскія показанія, имѣвшія первостепенное значеніе въ уголовныхъ и нѣкоторыхъ гражданскихъ тяжбахъ, должны были вполнѣ согласоваться съ заявленіями той стороны, за которую свидѣтельствовали, а при разногласіи съ ними теряли всякое значеніе. Если противъ свидѣтеля, выставленнаго одною изъ тяжущихся сторонъ, другая сторона заявляла подозрѣніе, то судъ рѣшалъ вопросъ о дѣйствительности заподозрѣннаго свидѣтельства. Чужеземцы при уголовныхъ искахъ освобождались отъ обязанности представить свидѣтелей, которыхъ замѣняла *присяга*; обвиняемому вмѣнялось въ обязанность или самому поцѣловать крестъ въ доказательство своей правоты, или предложить истцу оправдать свой искъ посредствомъ присяги. *Показанія старожиловъ и окольныхъ людей, грамоты и межевые знаки имѣли рѣшающее значеніе при тяжбахъ о поземельной собственности* и поземельномъ владѣніи. При отсутствіи доказательствъ этого рода поземельные споры рѣшались присягою и судебнымъ поединкомъ. Присяга и судебный поединокъ служили также судебными доказательствами при рѣшеніи уголовныхъ дѣлъ. *Присяга* допускалась судомъ при отсутствіи другихъ доказательствъ и *предоставлялась обыкновенно на волю отвѣтчика;* онъ могъ самъ поцѣловать крестъ и тѣмъ освободить себя отъ отвѣтственности, или заставить истца поцѣловать крестъ, подъ условіемъ уплатить его искъ. *Въ судебномъ поединкѣ* по общему правилу должны были принимать личное участіе *оба «истца»*, то есть истецъ и отвѣтчикъ. Право поставить за себя на судебный поединокъ *наемнаго бойца* предоставлялось только малолѣтнимъ, больнымъ, увѣчнымъ, престарѣлымъ, монахамъ, монахинямъ и священнослужителямъ. Женщина могла выставить наемника въ тяжбѣ съ мужчиною; въ случаѣ же тяжбы между двумя женщинами, онѣ не имѣли права выставлять на су-

дебный поединокъ наемныхъ бойцовъ, а должны были выступать на немъ лично. Если одна изъ сторонъ пользовалась правомъ выставить за себя наемнаго бойца, то и другая сторона имѣла право поставить за себя наемника. Судебный поединокъ происходилъ обязательно въ присутствіи двухъ приставовъ, изъ которыхъ одинъ былъ княжескій, а другой городской или земскій. Побѣдившій на судебномъ поединкѣ, какъ доказавшій свою правоту судомъ Божіимъ, выигрывалъ тяжбу, а сверхъ того имѣлъ право снять съ побѣжденнаго «доспѣхъ», то есть оружіе и вооруженіе, съ которыми онъ вышелъ на бой.

По Новгородской судной грамотѣ судъ начинался заявленіемъ жалобы со стороны истца, *или его повѣреннаго*. Повѣренные или уполномоченные тяжущихся сторонъ назывались *отвѣтчиками*. При заявленіи жалобы суду *вѣрность иска требовалось подтвердить крестнымъ цѣлованіемъ*, а въ случаѣ уголовнаго обвиненія и *подпискою*. Явившійся въ судъ отвѣтчикъ долженъ былъ поцѣловать крестъ въ томъ, что его обвиняютъ напрасно; *нецѣловавшій креста признавался виновнымъ*. Въ дальнѣйшемъ направленіи дѣла *главная роль принадлежала послухамъ*. Въ дѣлахъ о поземельной собственности требовалось не менѣе трехъ послуховъ, въ остальныхъ тяжбахъ достаточно было одного. Если послухъ, на котораго ссылалась одна изъ тяжущихся сторонъ, жилъ далѣе ста верстъ отъ мѣста суда, то другая сторона могла не принять этого послуха. *Послухомъ не могъ быть иноземецъ и холопъ*; послѣдній могъ свидѣтельствовать только противъ холопа. Свидѣтельство послуха могло быть опровергнуто въ теченіе двухъ недѣль посредствомъ *присяги или судебнаго поединка*. Оправданный по суду получалъ правую судную грамоту. *Обвиненный въ теченіе мѣсяца* по выдачѣ судомъ судной грамоты *обязанъ былъ разсчитаться съ истцомъ и судьями*; а если обвиненный въ теченіе мѣсяца не входилъ въ переговоры съ истцомъ и судьями, то его понуждали къ тому посредствомъ вѣчевыхъ приставовъ. Если обвиненный судомъ скрывался отъ вѣчевыхъ приставовъ, то законъ требовалъ «*казнить его всимъ Великимъ Новгородомъ*» (с. 36).

Уголовное право.

ГЛАВА XXXVII.

Преступленія и наказанія по Русской Правдѣ, уставнымъ и вѣчевымъ грамотамъ.

Уголовные институты языческой системы русскаго права, подобно государственнымъ, *измѣнились существенно по рецепціи христіанства*, вслѣдствіе измѣненія понятій о значеніи церкви, государственной власти и обязанностяхъ подданныхъ. Въ христіанскомъ государствѣ *возникла система новыхъ нравственно-религіозныхъ преступленій и наказаній*, переданныхъ вѣдомству и суду церкви по правиламъ Номоканона и по княжескимъ уставамъ о церковныхъ судахъ [1]); а въ понятіяхъ о мірскихъ преступленіяхъ и наказаніяхъ *выступаетъ на первый планъ публичный вредъ преступленія*, какъ нарушенія порядка общежитія, установленнаго и охраняемаго государственною властью.

Замѣна языческихъ понятій о преступленіяхъ и наказаніяхъ новыми понятіями особенно ясно выражается въ княжескихъ уставахъ, опредѣлявшихъ наказанія за убійство. По договору съ Греками 911 года *убійцу можно было умертвить каждому* безнаказанно на мѣстѣ преступленія: «да умреть, идеже аще створить убійство» (ст. 4). Договоръ 945 года даетъ право на жизнь убійцы *только родственникамъ убитаго*, безъ опредѣленія степени родства: «держимъ будеть створивый убійство отъ ближнихъ убьенаго, да убьютъ и» (ст. 13). Правда Ярослава ограничила кругъ мстителей за убійство *только двумя степенями ближайшихъ родственниковъ убитаго:* «Убьетъ мужь мужа, то мстить брату брата, или сынови отца, любо отцю сына, или брату чаду, любо сестрину сынови» (ст. 1). Правда сыновей Ярослава *воспретила убивать убійцу кому бы то ни было*, предписала родственникамъ послѣдняго довольствоваться опредѣленнымъ денежнымъ выкупомъ: «Отложиша убиение за голову, но кунами ся выкупати» (Тр. сп., ст. 2).

Соотвѣтственно сокращенію правъ частнаго лица на убійцу и его имущество *княжескіе уставы выдвигаютъ и расширяютъ право государства на личность и имущество преступника.* Договоры съ Греками дозволяли родственникамъ убитаго оставить жизнь убійцѣ и воспользоваться *всѣмъ его имуществомъ* [2]); слѣдовательно, въ то время *не могъ имѣть мѣста публичный денежный штрафъ за убій-*

---

[1]) См. выше, гл. XXII.

[2]) См. выше, стр. 143.

ство, потому что все имущество преступника поступало въ собственность обиженныхъ преступленіемъ. Но уже *при Владимирѣ Святославичѣ*, подъ вліяніемъ христіанской религіи и новаго понятія о значеніи княжеской власти и ея отношеніи къ преступнику, *появляется уставъ о вирѣ*, опредѣлившій денежный штрафъ въ казну князя за убійство. По свидѣтельству лѣтописца въ 997 году: «Рѣша епископи Володимеру»: се умножишася разбойници; почто не казниши ихъ?» Онъ же рече имъ: «боюся грѣха». Они же рѣша ему: «ты поставленъ еси отъ Бога на казнь злымъ, а добрымъ на милованье; достоить ти казнити разбойника, но со испытомъ». Володимеръ же *отверзъ виры, нача казнити разбойникы*. И рѣша епископи и старци: «рать многа; *оже вира, то на оружьи и на конихъ буди*». И рече Володимеръ: «*тако буди*» [1]).

Княжескій уставъ о вирахъ долженъ былъ повлечь за собою *ограниченіе права частныхъ лицъ на имущество убійцы*, и такое ограниченіе мы встрѣчаемъ уже *въ уставѣ Ярослава Владимировича*, опредѣлившемъ размѣръ частнаго вознагражденія за убійство, тѣлесныя поврежденія и воровство. Здѣсь размѣръ вознагражденія родственниковъ убитаго изъ имущества убійцы *ограниченъ сорока гривнами:* «Аще не будеть кто мьстя, то 40 гривенъ за голову» (ст. 1). Законодательный сводъ дѣтей Ярослава, соединивъ уставъ Владимира о вирахъ съ уставомъ Ярослава о частномъ вознагражденіи, сохранилъ 40-гривенное головничество и опредѣлилъ публичный штрафъ за убійство въ томъ же количествѣ 40 гривенъ; а головничество и виру за убійство «княжихъ мужей» (огнищанъ, подъѣздныхъ, тіуновъ, конюшихъ старостъ) соединилъ въ 80 гривенный штрафъ, поступавшій въ казну князя, потому что «*княжіе мужи*» составляли собственность князя, и князь соединялъ въ себѣ по отношенію къ своимъ мужамъ право на публичный штрафъ и частное вознагражденіе. *Тотъ же сводъ* дѣтей Ярослава *передалъ въ распоряженіе князя личность преступниковъ*, особенно вредныхъ въ государствѣ, *промышлявшихъ убійствомъ, конокрадствомъ и поджогомъ*: «Будеть ли сталъ на разбои безъ всякоя свады... выдадять *й* всего съ женою и съ дѣтми на потокъ и на разграбление» (ст. 5); «аще будетъ коневый тать—выдати князю на потокъ» (ст. 30); «аже зажгуть гумно, то на потокъ, на грабежь домъ его, *переди пагубу исплатившю, а въ процѣ князю поточити й;* такоже аже кто дворъ зажьжеть» (ст. 79).

За княжескими уставами, опредѣлившими размѣръ частнаго вознагражденія и публичнаго штрафа за убійство, послѣдовали уставы, опредѣлившіе законныя *таксы вознагражденія частныхъ лицъ и*

---

[1]) П. С. Р. Л.; I. стр. 54.

публичнаго штрафа за другія преступленія, именуемыя въ Русской Правдѣ дѣтей и внуковъ Ярослава.

Въ эпоху договоровъ съ Греками изысканіе преступниковъ и доказательствъ ихъ виновности, представленіе таковыхъ на усмотрѣніе суда и исполненіе судебныхъ рѣшеній были дѣломъ частныхъ лицъ, возстановлявшихъ свое нарушенное право при посредствѣ общественнаго суда. Государство не имѣло своихъ органовъ для изысканія и преслѣдованія преступниковъ и не извлекало изъ преступленій финансовой пользы.

Но *со времени изданія уставовъ о вирахъ за убійство и продажахъ за другія преступленія государство является заинтересованнымъ въ изысканіи и наказаніи преступниковъ* не только въ виду охраны порядка государственнаго общежитія, но *и по финансовымъ цѣлямъ.* Съ этого времени въ организаціи государственнаго управленія и суда *появляются спеціальные органы княжеской власти для суда и исполненія судебныхъ рѣшеній,* т. е. для взысканія публичныхъ штрафовъ, виръ и продажъ въ казну князя. Уже при Ярославѣ Владимировичѣ былъ изданъ *уставъ о вирникѣ, учредившій спеціальнаго чиновника для собиранія княжеской виры* и опредѣлившій средства содержанія этого чиновника. При дѣтяхъ и внукахъ Ярослава были изданы такіе же *уставы, учредившіе спеціальныхъ чиновниковъ для собиранія княжеской продажи и опредѣлившіе размѣры вознагражденія княжескихъ чиновниковъ за трудъ по возстановленію нарушенныхъ правъ.*

На основаніи сказаннаго Русская Правда усматриваетъ въ преступленіи *дѣяніе, приносящее троякій вредъ въ обществѣ: нарушеніе закона, нарушеніе права частнаго лица и затрату труда на возстановленіе нарушеннаго права;* а отсюда преступленіе влечетъ за собою три слѣдствія для преступника: *вознагражденіе князя за нарушеніе его закона, вознагражденіе частнаго лица за нарушеніе его права и вознагражденіе должностныхъ лицъ* за трудъ по возстановленію нарушеннаго права. *Преступленіемъ признается дѣяніе, запрещенное закономъ, какъ вредное для лицъ, состоящихъ подъ властью и защитою князя* [1]; *а наказаніемъ служатъ послѣдствія такого дѣянія, опредѣленныя закономъ,* невыгодныя для преступника.

Размѣръ княжескаго взысканія или *публичнаго штрафа опредѣляется въ статьяхъ* Русской Правды, говорящихъ *о вирѣ и продажѣ. Вирою назывался штрафъ за убійство.* Правда дѣтей и внуковъ Ярослава требуетъ *40-гривенную виру* за убійство сво-

---

[1]) За кости неизвѣстныхъ людей, найденныя на землѣ верви, вира не взималась: „А по костехъ и по мертвеци не платить верви, аже имене не вѣдають, ни знають его“ (Троиц. спис., ст. 15).

боднаго человѣка (Т., с. 1—3). Убійство княжихъ мужей, огнищанина, подъѣзднаго, конюшаго, старосты и тіуна оплачивалось 80-гривенною вирою (Ак., 18, 21; Т., 1, 3, 10); убійство свободной женщины оплачивалось *полувиріемъ—20 гривнами* (Т., 83). Полувиріемъ назывался также публичный штрафъ въ 20 гривенъ, установленный дѣтьми Ярослава за тяжкое увѣчье, лишавшее свободнаго человѣка ноги, руки, глаза и носа. За убійство лицъ рабскаго состоянія взыскивался публичный штрафъ въ размѣрѣ 12 гривенъ, называвшійся *продажею* (Т., 84). Убійство вора на мѣстѣ преступленія не считалось преступленіемъ; но если убивали вора, уже пойманнаго и связаннаго, то взимался штрафъ въ размѣрѣ 12 гривенъ (Ак., 20, 38; Т., 36). Виновный въ разбоѣ, т. е. въ убійствѣ «безъ свады»—ссоры и безъ «вины» со стороны убитаго, подвергался не только имущественному, но и личному наказанію,—съ женою и дѣтьми выдавался князю на *потокъ и разграбленіе* (Т., 5).

По общему правилу вира за убійство взималась съ убійцы, если онъ былъ извѣстенъ, а при неизвѣстности убійцы—съ той общины, на землѣ которой находили тѣло убитаго. Законъ давалъ право жителямъ данной верви входить между собою въ предварительное соглашеніе относительно уплаты виры за убійства, совершонныя не разбоемъ. При наличности такого соглашенія, въ случаѣ убійства, совершоннаго однимъ изъ союзниковъ, публичный штрафъ взимался со всѣхъ союзниковъ по равномѣрной раскладкѣ. Вира, уплачиваемая вервью, называлась *дикою вирою* (Т., 4, 6). За тѣло неизвѣстнаго человѣка, найденное на землѣ общины, вира не платилась (Т., 15).

Публичный штрафъ за убійство рабовъ, тѣлесныя поврежденія (за исключеніемъ влекшихъ за собою «полувиріе»), личныя оскорбленія и всякое злонамѣренное посягательство на чужую собственность называется въ Русской Правдѣ *продажею*. За покушеніе на личную обиду, напримѣръ, кто замахнется на другого мечомъ, но не ударитъ, уплачивается гривна кунъ (Ак., 8; Т., 19). За совершонныя преступленія, по ихъ различію, установлена продажа въ слѣдующихъ размѣрахъ: 12 гривенъ; 3 гривны и 30 кунъ; 3 гривны; 60 кунъ; 30 кунъ и 9 кунъ [1]).

---

[1]) Двѣнадцатигривенною продажею оплачивались слѣдующія преступленія: удары, нанесенные мечомъ, не вынутымъ изъ ноженъ, его рукояткою, палкою и рогомъ (А., 3, 4; Т., 18, 20); поврежденіе усовъ и бороды (А., 7; Т., 60); ударъ, нанесенный холопомъ свободному мужу (А., 16; Т., 58); мучительное самовольное истязаніе огнищанина, тіуна и мечника (А., 32; Т., 71); уводъ или воровство чужого раба или рабы (А., 27; Т., 34); воровство чужого бобра (Т., 62): злонамѣренное по-

Изъ всѣхъ злонамѣренныхъ дѣяній, направленныхъ противъ чужой собственности, выдѣляются коневая татьба и зажигательство, за которыя виновные подвергались имущественной и личной отвѣтственности: конокрадъ и поджигатель гумна или двора, подобно разбойнику, выдавались князю на потокъ (Тр., 30, 79).

Размѣръ вознагражденія частнаго лица, обиженнаго преступленіемъ, иногда обозначается Русскою Правдою при перечисленіи конкретныхъ преступленій рядомъ съ обозначеніемъ размѣра публичнаго штрафа, но въ большинствѣ случаевъ опредѣляется особыми статьями, въ которыхъ таксирована цѣнность личныхъ оскорбленій, тѣлесныхъ поврежденій и испорченныхъ или похищенныхъ предметовъ. Начальную таксу этого рода представляетъ Правда Ярослава Владимировича.

Убійство, по уставу Ярослава, подвергало убійцу мщенію ближайшихъ родственниковъ убитаго, или выкупалось у нихъ уплатою 40 гривенъ за «*голову*» (Ак., 1). Сыновья Ярослава запретили родственное мщеніе и установили довольствоваться родственникамъ убитаго денежнымъ выкупомъ (Т., 2). Въ Русской Правдѣ пространной редакціи частное вознагражденіе за убійство называется *головничествомъ* (Т., 4). За увѣчье, выражавшееся въ потерѣ руки и ноги, по уставу Ярослава, виновный долженъ былъ заплатить, какъ за убійство, 40 гривенъ; но если изувѣченный не совершенно терялъ ногу, становился только хромцомъ, тогда обиженнаго съ обидчикомъ

вреждение чужого коня или рогатой скотины (Т., 80); злонамѣренное истребленіе чужой борти (Т., 64) и злонамѣренное истребленіе межевыхъ знаковъ (А., 33; Т., 65, 66). Три гривны и тридцать кунъ продажи уплачивались за кражу рогатаго скота изъ хлѣва или клѣти, и за кражу жита изъ гумна или ямы (А., 20; Т., 37, 39). Трехгривенною продажею оплачивались: раны, нанесенныя въ дракѣ мечомъ или ножомъ (А., 2; Т., 23); отсѣченіе пальца (А., 6.; Т., 22); удары въ дракѣ мечомъ, палицею, жердью и всякій толчокъ (А., 9; Т., 25); мучительное самовольное истязаніе смерда (А., 31; Т., 72); укрывательство бѣглаго холопа (А., 10; Т., 26); утайка чужого коня, оружія и платья (А., 12; Т., 28); самовольное пользованіе чужимъ конемъ (А., 11; Т., 27); поврежденіе вереи въ перевѣсѣ (Т., 74); воровство охотничьихъ собаки, ястреба и сокола (А., 37; Т., 75); воровство морской лодки (Т., 73); поврежденіе борти и воровство изъ нея меда (Т., 68, 69). Шестидесятикунная продажа уплачивалась за починъ въ дракѣ (Т., 23), за воровство лодки домашняго издѣлія и за воровство въ полѣ овецъ, козъ и свиней (А., 34, 40; Т., 38). Тридцатикунная и девятикунная продажа полагалась за воровство сѣна, дровъ и мелкихъ животныхъ: голубей, куръ, утокъ, гусей, журавлей, лебедей (А., 34, 35, 36, 39, 40; Т., 76, 78).

мирили родственники, т. е. размѣръ вознагражденія зависѣлъ отъ соглашенія обиженныхъ съ обидчикомъ (Ак., 5); въ пространной редакціи Правды за увѣчье, лишеніе руки, ноги, ока и носа положено 20 гривенъ штрафа и 10 гривенъ частнаго вознагражденія (Т., 21). За другія тѣлесныя поврежденія и личныя оскорбленія размѣръ частнаго вознагражденія равнялся размѣру продажи въ пользу князя [1]). Въ постановленіяхъ объ имущественныхъ преступленіяхъ Русская Правда опредѣляетъ удовлетвореніе обиженнаго или въ статьяхъ, опредѣляющихъ княжескую продажу, или въ отдѣльныхъ статьяхъ объ «*урокахъ*», дающихъ таксу цѣнности предметовъ частной собственности: рабовъ, животныхъ, сѣна, дровъ, лодокъ и пр. [2]).

Вознагражденіе должностныхъ лицъ, *судебныя пошлины* за поимку преступника, за участіе въ судебномъ процессѣ и за исполненіе судебнаго рѣшенія, опредѣляются въ статьяхъ, слѣдующихъ за статьями, обозначающими размѣры публичныхъ штрафовъ и частнаго вознагражденія. Особымъ уставомъ Ярослава Владимировича

---

[1]) Кромѣ слѣдующихъ исключеній: за отсѣченіе пальца платилось „три гривны продажи, а самому гривна“ (Т., 22); за самовольное, безъ княжескаго повелѣнія, истязаніе смерда платилось три гривны продажи, а огнищанина—12 гривенъ продажи; частное же вознагражденіе за муку смерда и огнищанина равнялось одной гривнѣ (Т., 71,72).

[2]) Напримѣръ, „иже будуть холопы тати, любо княжи, любо боярскіе, любо черницевы, ихъ же князь продажею не казнить, зане суть несвободны; то двоичи платити ко истцу за обиду“ (К., 43; Т., 42). „А въ холопѣ и въ рабѣ виры нѣтуть; но аже будетъ безъ вины убьенъ, то за холопъ и за рабу платити *урокъ*, а князю продажи 12 гривенъ“ (К., 102; Т., 84). „Аще кто украдетъ въ перевѣсѣ чій песъ, или ястребъ, или соколъ, то три гривны продажи, а господину гривну“ (К., 93; Т., 75). „А въ сѣнѣ и въ дровѣхъ 9 кунъ, а господину колько будетъ возъ украдено, то платити ему за возъ по двѣ ногатѣ“ (К., 96; Т., 78). Примѣромъ отдѣльныхъ статей, опредѣляющихъ частное вознагражденіе, могутъ служить статьи, опредѣляющія цѣну лицъ рабскаго состоянія, и статья, озаглавленная въ однихъ спискахъ: „А се *уроци скоту*“ (Тр. сп., 41), а въ другихъ: „О татьбѣ уроцѣ скоту“ (К., 42), въ которой говорится: „а за кобылу 60 кунъ, а за волъ гривна, а за корову 40 кунъ“ и т. д. Въ тѣхъ случаяхъ, когда количество потери частнаго лица невозможно было опредѣлить заранѣе, Русская Правда говоритъ неопредѣленно о вознагражденіи пагубы, напримѣръ: „Аще кто зажжетъ гумно, то на потокъ и на грабежъ домъ его; преже пагубу исплативши, а въ проце князю поточити; такоже, оже кто дворъ зажжетъ“ (К., 97; Т., 79).

обозначенъ размѣръ вознагражденія *вирника и его помощника* за трудъ по собиранію виры съ общины (Ак., 42; Т., 7, 8); размѣръ вознагражденія должностныхъ лицъ за трудъ по сбору продажи опредѣляется въ статьѣ «*О накладѣхъ*» (67); въ постановленіи «*О судебныхъ урокахъ*» (99) опредѣляется размѣръ вознагражденія должностныхъ лицъ за участіе въ судебномъ разбирательствѣ.

Княжескія *уставныя грамоты говорятъ о преступленіяхъ и наказаніяхъ отрывочно и случайно, насколько это было нужно для опредѣленія судебныхъ пошлинъ намѣстника и его помощниковъ.* Въ этомъ отношеніи въ Двинской грамотѣ содержится слѣдующее общее правило: «А кого утяжутъ въ рублѣ, и намѣстникомъ вины полтина; а того болѣ или менши, ино по томужъ» (7). Въ Бѣлозерской грамотѣ общее постановленіе размѣръ судебныхъ доходовъ намѣстника и его помощниковъ опредѣляетъ иначе: «А будетъ судъ, говорится здѣсь, передъ намѣстники и передъ тіуны о рублѣ, а восхотятъ ся помирити, а они дадутъ намѣстникамъ гривну, а то имъ съ тіуны и съ доводчики за всѣ пошлины; а будетъ выше рубля или ниже, и намѣстники на нихъ емлютъ по тому же разсчету; а побіются на полѣ, и намѣстники велятъ на виноватомъ истцово доправити, а на себя велятъ взяти противень противъ истцова, а то имъ съ тіуны и съ доводчики за всѣ ихъ пошлины» (9).

Въ частности грамоты говорятъ *объ убійствѣ, личныхъ оскорбленіяхъ и тѣлесныхъ поврежденіяхъ, нарушеніи поземельныхъ границъ и воровствѣ.*

Если случится убійство въ городѣ или въ станѣ, а *душегубца не найдутъ, то должно платить* намѣстнику по Двинской грамотѣ *10 рублей* (с. 1), а по Бѣлозерской *4 рубля* (с. 14). Послѣдняя добавляетъ: когда же найдутъ убійцу и передадутъ его намѣстнику или тіуну, то не подвергаются сказанному штрафу. Община освобождается отъ отвѣтственности также въ томъ случаѣ, когда доказано будетъ, что въ смерти найденнаго покойника никто не виноватъ, когда онъ былъ убитъ свалившимся деревомъ, убился при паденіи съ дерева, растерзанъ звѣремъ, нечаянно утонулъ, нечаянно задавленъ возомъ, убилъ самъ себя. Въ отношеніи наказанія убійцы находимъ въ Бѣлозерской грамотѣ слѣдующее постановленіе: «а доведутъ на кого татьбу, или разбой, или душегубство, и намѣстники велятъ на виноватомъ истцово доправити, а тотъ разбойникъ или душегубецъ намѣстникамъ въ продажѣ и въ казни» (10). Изъ Судебника 1497 года видно, что въ приведенномъ постановленіи подъ истцовымъ должно разумѣть частное вознагражденіе, а подъ продажей и казней конфискацію въ пользу намѣстника и его помощниковъ всего имущества убійцы, оставшагося за частнымъ вознагражденіемъ, и его смертную казнь (Суд. 1497 г., ст. 8, 38, 39).

Въ отношеніи нанесенія ранъ и побоевъ и личныхъ оскорбленій словомъ и дѣломъ въ Двинской грамотѣ содержатся слѣдующія постановленія: «*за кровавую рану 30 бѣлъ, а за синюю рану 15 бѣлъ; а вина* (древняя продажа) *противу того*. А кто кого излаетъ боярина, или до крови ударитъ, или на комъ синевы будутъ, и намѣстники судятъ ему по его отечеству *безчестье*, такожъ и слузѣ» (Дв., 1 и 2). Здѣсь, какъ и въ Русской Правдѣ, послѣдствія побоевъ раздѣляются на кровавыя раны и синяки и выкупаются опредѣленнымъ денежнымъ вознагражденіемъ въ пользу обиженнаго и такимъ же публичнымъ штрафомъ въ пользу намѣстника; но общій размѣръ выкупа опредѣленъ значительно меньше, нежели въ Русской Правдѣ. По отношенію къ личнымъ оскорбленіямъ *разрядъ служилыхъ людей выдѣляется въ особый классъ;* а размѣръ выкупа оскорбленій, нанесенныхъ лицамъ этого класса, опредѣляется въ конкретныхъ случаяхъ судомъ, по степени родовой чести обиженныхъ. Здѣсь же въ первый разъ является *оскорбленіе словомъ. Частная драка*, происшедшая во время пира и окончившаяся на немъ примиреніемъ поссорившихся, *не подлежала вѣдѣнію намѣстника* и его помощниковъ. Если же подравшіеся мирились по окончаніи пира (вѣроятно, по принесеніи жалобы намѣстнику, ср. Б. 9), то каждая сторона должна была уплатить намѣстнику куницу шерстью (Дв., 3).

Наказаніе за поврежденіе поземельныхъ границъ соразмѣряется съ видами поземельнаго владѣнія: за поврежденіе полевыхъ межъ въ предѣлахъ земли, принадлежавшей одному селу, уплачивался штрафъ въ пользу намѣстника въ размѣрѣ одного барана; повредившій межу, отдѣлявшую землю одного селенія отъ другого, платилъ штрафъ въ размѣрѣ 30 бѣлокъ; повредившій межу княжеской земли долженъ былъ уплатить 3 сорока бѣлокъ (Дв., 4) [1]).

За воровство въ Русской Правдѣ была положена опредѣленная продажа, при чемъ не обращалось вниманія на повтореніе престу-

---

[1]) Проф. Владимірскій - Будановъ въ такомъ различіи наказаній за поврежденіе границъ полевыхъ участковъ одного села, двухъ селъ и княжескихъ земель усматриваетъ неравную прочность и самой собственности, ими ограниченной. Село составляло общину, которая отдавала полевые участки своимъ членамъ только во временное пользованіе. Совокупность селъ извѣстной волости составляла также общину, но въ непосредственномъ распоряженіи этой общины состояли одни пастбища и лѣса. Княжеская частная поземельная собственность стояла внѣ всякой общины (Христоматія, I, 129; пр. 8). Бѣлозерская грамота оцѣниваетъ барана, платимаго намѣстнику и его тіуну за самовольное поврежденіе полевыхъ межъ, въ 8 денегъ (Бѣл., 18).

пленія. Въ Двинской грамотѣ *въ первый разъ встрѣчаемся съ понятіемъ о рецидивѣ преступленій, смертною казнью за третье воровство и клеймо преступника. За первую кражу* воръ долженъ былъ заплатить *штрафъ равный поличному* (украденной вещи); *за вторую кражу «вора продавали, не жалуя»*, то есть конфисковали все его имущество; *за третью* кражу воръ подвергался *смертной казни* посредствомъ повѣшенія; всякаго *вора* должно было *«пятнить»*, т. е. клеймить (Дв., 5).

Въ связи съ постановленіемъ о воровствѣ находится въ Двинской грамотѣ постановленіе о новомъ преступленіи—самосудѣ: «А самосуда четыре рубли; а самосудъ то: кто изыскавъ татя съ поличнымъ, да отпуститъ, а собе посулъ возметъ, а намѣстники довѣдаются по заповѣди, ино то самосудъ, а опричь того самосуда нѣтъ» (Дв., 6): *сдѣлка между потерпѣвшимъ отъ преступленія и преступникомъ сама признается особымъ преступленіемъ — самосудомъ*, за который угрожается очень высокимъ уголовнымъ штрафомъ. Бѣлозерская грамота въ постановленіи о самосудѣ различается отъ Двинской грамоты только тѣмъ, что назначаетъ за это преступленіе не 4, а 2 рубля.

Въ вѣчевомъ законодательствѣ изъ преступныхъ дѣяній, влекшихъ за собою денежные штрафы, упоминаются: воровство, разбой, находъ, грабежъ, убійство и драка [1]). Но уголовныя постановленія Новгородской и Псковской судныхъ грамотъ такъ отрывочны и неясны, что пониманіе ихъ точнаго смысла должно предоставить будущему [2]).

По вѣчевымъ грамотамъ, какъ и по Русской Правдѣ, обвиненный судебнымъ приговоромъ долженъ былъ уплатить публичный штрафъ, частное вознагражденіе и судебныя пошлины. По Новгородской судной грамотѣ высшимъ денежнымъ наказаніемъ была плата въ казну князя за «наѣздъ, наводку и грабежъ» 50 рублей бояриномъ, 20 рублей житьимъ человѣкомъ и 10 рублей молодшимъ человѣкомъ. Въ вѣчевомъ законодательствѣ упоминаются только денежныя взысканія за преступленія; но по лѣтописнымъ свидѣтельствамъ вѣчевой судъ практиковалъ и смертную казнь, связанную съ разграбленіемъ имущества преступника [3]).

---

[1]) См. Иск. Суд. Гр.; ст. 1, 96, 67, 80, 111, 120. Н., 6, 10, 34, 41.

[2]) См. выше, с. 240, 241.

[3]) См. выше, с. 353.

Гражданское право.

ГЛАВА XXXVIII.

Институты семейнаго, вещнаго, обязательственнаго и наслѣдственнаго права по княжескому и вѣчевому законодательству.

По отношенію къ учрежденіямъ семейнаго права въ Русской Правдѣ имѣются немногія указанія, потому что *семейныя учрежденія въ эпоху Русской Правды состояли въ вѣдомствѣ церкви*, и опредѣлялись не княжескими уставами по мирскимъ дѣламъ, а правилами Номоканона и княжескими уставами о церковныхъ судахъ. Косвенныя указанія Русской Правды на семейныя учрежденія даютъ только слѣдующія постановленія: 1, въ эпоху Ярослава Владимировича *родственники мужескаго пола двухъ первыхъ степеней были связаны обязанностью мщенія* за убійство (Ак. сп., ст. 1. Т. сп., ст. 1 и 2); 2, разбойникъ подлежалъ потоку и разграбленію вмѣстѣ *съ женою и дѣтьми* (Т., 5); 3, *дѣти отъ рабы* не наслѣдовали правъ отца, а *получали свободу вмѣстѣ съ матерью;* 4, сестра при братьяхъ не наслѣдовала имѣнія своего отца; но *братья-наслѣдники обязаны были выдать сестру замужъ* «како си могутъ» (Т., 89); 5, *ближайшимъ родственникамъ* малолѣтнихъ сиротъ *принадлежало право опеки* (Т., 93); 6, *жена и дѣти раба*, выдаваемаго по обвиненію въ воровствѣ, *не раздѣляли его участи, если не были сообщниками*, но выдавались «оже будуть съ нимь крали и хоронили» (Т., 115).

Въ Русской Правдѣ *нѣтъ постановленій, опредѣляющихъ способы пріобрѣтенія, объемъ и порядокъ передачи правъ поземельной собственности*. Упоминается только *дворъ* въ значеніи собственности отца семейства, послѣ его смерти переходившей безъ раздѣла къ младшему сыну (Т., 94). Дворная земля ограничивалась «*тыномъ*», а «ролейная» — пахатная и «бортная» — лѣсная «*перетесами и межами*», за нарушеніе которыхъ взымалось съ виновника 12 гривенъ продажи.

Изъ движимыхъ предметовъ, составлявшихъ частную собственность отдѣльныхъ лицъ, въ Русской Правдѣ упоминаются *разныя породы домашнихъ и дикихъ животныхъ, платье-портъ, оружіе, деньги-куны и рабы-холопы-челядинцы*. Изъ *способовъ пріобрѣтенія* предметовъ этого рода въ собственность упоминаются слѣдующіе: дикія животныя дѣлаются собственностью того, *кто первый ими завладѣетъ* (Т., 74, 77); *плодъ отъ челяди и плодъ отъ скота* принадлежатъ собственнику производителей (93); произведенія земли всякаго рода, съѣстные и хозяйственные припасы, хлѣбъ, сѣно, дрова и проч., составляютъ *собственность пріобрѣтателя*. Всякаго

рода предметы, будучи отданы собственникомъ въ заемъ, приносили опредѣленный *приростъ—проценты* (Т., 46—49).

Способамъ пріобрѣтенія правъ собственности на рабовъ посвящены въ Русской Правдѣ спеціальныя узаконенія [1]).

Гражданскія обязательства допускались *только между свободными* лицами и возникали *или изъ договора, или на основаніи закона*, который съ извѣстными дѣйствіями, вредными или полезными, связывалъ обязательное отношеніе однихъ лицъ къ другимъ.

Изъ договорныхъ обязательствъ упоминаются *купля, заемъ, наемъ и поклажа.*

Для законной дѣйствительности *купли* требовалось пріобрѣсти вещь *за деньги* отъ ея собственника, а договоръ совершить *въ присутствіи двухъ свободныхъ свидѣтелей, или мытника* (Т., 32).

Постановленія о займахъ различаютъ *заемъ съ процентами и заемъ безъ процентовъ. Заемъ съ процентами, превышавшій три гривны, требовалъ свидѣтелей*, удостовѣрявшихъ договоръ въ случаѣ спора. Въ займахъ *до 3 гривенъ* отвѣтчикъ очищалъ себя *присягою* (Т., 47). Въ статьяхъ *«о рѣзѣ»*—процентахъ упоминаются *займы денегъ, меда и жита*, соотвѣтственно которымъ проценты называются *рѣзомъ, наставомъ и присыпомъ*. Проценты были *мѣсячные, третные и годовые.* Мѣсячный рѣзъ дозволялось брать, когда срокъ займа ограничивался нѣсколькими днями. При займахъ на мѣсяцы дозволялось брать третные проценты, т. е. равнявшіеся трети заемной суммы, но не болѣе двухъ разъ въ годъ; взявшій три раза третной процентъ терялъ свой заемъ (истое). *При годичныхъ* займахъ дозволялось брать *по 10 кунъ на гривну, т. е. до 20 процентовъ* (Т., 46—49). Договоры *займа безъ процентовъ* между купцами *не требовали* присутствія *свидѣтелей* для своей юридической дѣйствительности, а въ случаѣ спора или запирательства должника, онъ очищалъ себя присягою (Т., 44).

Въ Русской Правдѣ наймитомъ и закупомъ именуется свободный человѣкъ, порядившійся на домашнюю службу или на полевыя работы; а особенность этого договора состоитъ въ томъ, что *закупъ получалъ впередъ* отъ своего хозяина или господина *договорную плату или ссуду, въ видѣ займа, и обязывался выплатить ее своею работою.* Чтобы хозяинъ не употребилъ во зло своихъ правъ на работу закупа, а съ другой стороны, чтобы господинъ не потерпѣлъ убытка по нерадѣнію или по винѣ закупа, Русская Правда связываетъ господина съ закупомъ опредѣленными обязанностями, по которымъ *господинъ не долженъ обижать закупа*, напримѣръ, отнимать у него деньги, хлѣбъ, скотъ, бить его безъ вины, а не «про

---

[1]) См. выше, стр. 285.

дѣло». *Обиженный закупъ имѣлъ право жаловаться князю или судьямъ* на господина, а судъ долженъ былъ «дать ему правду». *Запрещается господину продавать закупа*, подъ угрозою свободы послѣдняго отъ займа и уплаты господиномъ 12 гривенъ продажи. Съ другой стороны, законъ давалъ право *обращать закупа въ полнаго раба за бѣгство*, не вызванное несправедливостью господина; закупъ обязанъ былъ *вознаградить господина за предметы, погибшіе по его винѣ или нерадѣнію*, напримѣръ, за пропавшій скотъ, если закупъ не загналъ его на дворъ и не заперъ сообразно съ приказаніемъ хозяина, если закупъ терялъ господскій плугъ или борону; господинъ имѣлъ право уплатить за воровство закупа, а его обратить въ своего раба, или выдать обиженному преступленіемъ, или продать въ рабство другому лицу (Тр., 52—57).

Договоръ поклажи совершался безъ свидѣтелей; но когда возникалъ изъ него споръ при возвращеніи вещи, отданной на храненіе, то *хранитель очищалъ себя присягою* (Т., 45).

Къ дѣйствіямъ лицъ, *по закону* вызывавшимъ *обязательства*, принадлежатъ всѣ *преступленія*, имѣвшія своимъ слѣдствіемъ обязанность обвиненнаго вознаградить потерпѣвшаго. Сюда же принадлежатъ всѣ *правонарушенія* гражданскаго характера, *неосторожныя и случайныя*; виновники такихъ правонарушеній не подвергались уплатѣ публичныхъ штрафовъ, а только обязаны были возвратить спорную вещь или уплатить ея стоимость. Съ цѣлью предупредить споры за цѣну испорченныхъ и уничтоженныхъ предметовъ Русская Правда даетъ *законную таксу*, въ которой княжескій конь (съ пятномъ) цѣнился 3 гривны, а кони смердовъ въ 2 гривны; остальные предметы имѣютъ законную цѣну безъ различія владѣльцевъ (Ак., 18—39; Т., 9—14, 39—42, 68, 69, 73—78).

Съ постановленіями о договорахъ и дѣйствіяхъ, устанавливающихъ обязательства между свободными лицами, соединяется *понятіе о долгѣ*. Когда *должникъ* окажется *несостоятельнымъ*, то *продается на торгу;* а вырученныя за него деньги дѣлятся между кредиторами такъ, что *сначала вполнѣ удовлетворяются чужеземцы, иностранные гости, потомъ—князь, а остальная сумма раздѣляется между «домашними» кредиторами* (К., 69).

Наслѣдство, называемое въ Русской Правдѣ *заднѣцею и статкомъ*, открывается моментомъ смерти отца семейства и *переходитъ* къ наслѣдникамъ или *по завѣщанію или по закону*. Отецъ имѣлъ право раздѣлить свое имѣніе между дѣтьми и выдѣлить изъ него часть своей женѣ по своему усмотрѣнію; мать могла передать принадлежавшее ей имѣніе тому изъ сыновей, котораго признавала наиболѣе достойнымъ, а если была недовольна всѣми сыновьями, то имѣла право передать свое имѣніе дочери (К., 105, 106, 116).

Наслѣдованіе по закону открывалось, когда наслѣдодатель не оставлялъ послѣ себя завѣщанія.

Общій законный порядокъ наслѣдованія опредѣляется въ Р. Правдѣ слѣдующими правилами. *Послѣ отца*, не оставившаго завѣщанія и не раздѣлившаго своего дома между дѣтьми при жизни, во всемъ имѣніи *наслѣдуютъ законныя дѣти умершаго*, при чемъ выдается *часть* имѣнія въ пользу *церкви*, — на молитву по душѣ умершаго, и *часть въ пользу жены* умершаго, оставшейся во вдовствѣ, если мужъ при жизни не назначилъ ей доли изъ своего имѣнія. *Дѣти*, рожденныя *отъ рабы, не наслѣдуютъ отцу*, а получаютъ вмѣстѣ съ матерью свободу. Между дѣтьми законнорожденными въ правѣ наслѣдованія *предпочитаются сыновья дочерямъ*; но *братья*, исключившіе *сестеръ* изъ наслѣдства, обязуются дать имъ содержаніе до выхода въ замужество; а при выходѣ замужъ *должны снабдить ихъ приданымъ* по своимъ средствамъ (Т., 87, 89, 92). *Дворъ* отцовскій безъ раздѣла переходитъ къ *младшему сыну* (Т., 94). *Въ имѣніи матери*, умершей безъ завѣщанія и не раздѣлившей своего имѣнія при жизни, исключительно наслѣдуетъ тотъ *сынъ, во дворѣ котораго она жила по смерти мужа и который ее кормилъ* (Т., 96). Въ случаѣ вступленія вдовыхъ отца или матери во второй бракъ *дѣти, рожденныя отъ разныхъ отцовъ*, но отъ одной матери (единоутробныя), *наслѣдуютъ въ имѣніи своего отца*, и наоборотъ, дѣти *отъ разныхъ матерей*, но отъ одного отца (единокровныя) наслѣдуютъ *въ имѣніи своей матери*. Если отчимъ принималъ къ себѣ пасынковъ съ наслѣдствомъ по особому договору, то этотъ договоръ исполнялся въ точности (Т., 88, 94).

Изъ общаго порядка наслѣдованія Р. Правда дѣлаетъ нижеслѣдующія *исключенія: имѣніе княжескаго смерда наслѣдовали одни дѣти мужескаго пола; а когда ихъ не было*, то имѣніе смерда поступало *князю*, при чемъ *часть* его была выдаваема незамужнимъ *дочерямъ* умершаго смерда (Т., 85). *Послѣ бояръ и всѣхъ свободныхъ людей, при отсутствіи сыновей*, по общему порядку, наслѣдство переходило *къ дочерямъ* умершаго (Т., 86).

Въ случаѣ спора между братьями о наслѣдствѣ, заявленнаго передъ княземъ, наслѣдство между братьями дѣлилъ княжескій дѣтскій, за что получалъ гривну кунъ (Т., 100).

Малолѣтнія дѣти съ ихъ наслѣдствомъ отдавались *въ опеку матери - вдовѣ*, а если мать выходила замужъ, то опека принадлежала *ближайшему родственнику. Отчимъ* также могъ быть опекуномъ. *Имущество малолѣтнихъ отдавалось опекуну «предъ людьми»*—свидѣтелями и возвращалось наслѣдникамъ въ цѣлости, а *опекунъ имѣлъ право удержать* въ свою пользу только *проценты*

и торговую прибыль за то, что заботился о малолѣтнихъ и кормилъ ихъ (Т., 93).

Въ княжескихъ уставныхъ грамотахъ и въ Новгородской судной грамотѣ не имѣется постановленій, спеціально посвященныхъ опредѣленію институтовъ гражданскаго права. Въ этомъ отношеніи особый интересъ для историка-юриста имѣетъ *Псковская судная грамота.* Эта грамота *содержитъ въ себѣ статьи, указывающія на формы семейныхъ союзовъ, формы поземельнаго владѣнія, разные виды обязательствъ, порядокъ наслѣдованія правъ и акты установленія, удостовѣренія и укрѣпленія правъ.*

Постановленія, относящіяся къ семейному праву, кромѣ обыкновенной семьи, состоящей изъ отца, матери и дѣтей, говорятъ о сложной семьѣ, — *сожительствѣ въ одномъ домѣ братьевъ, дядей и племянниковъ съ ихъ женами и дѣтьми, скрѣпленномъ общимъ владѣніемъ семейнымъ имуществомъ и властью* одного изъ родственниковъ,—*вятшаго или старшаго брата.* Такое сожительство характеризуется въ грамотѣ выраженіемъ «*жить въ одномъ хлѣбѣ*», т. е. питаться однимъ хлѣбомъ,—владѣть и пользоваться общимъ имуществомъ (ст. 94, 95) [1]).

Изъ постановленій, относящихся къ поземельному праву, видно, что въ эпоху изданія Псковской грамоты *земля* уже *вошла въ гражданскій оборотъ*, а частная поземельная собственность вызвала новыя общественныя учрежденія, связанныя съ появленіемъ института частной поземельной собственности.

Въ грамотѣ различаются *фактическое владѣніе землею и полная частная поземельная собственность.* Фактическое владѣніе обращалось въ собственность по истеченіи опредѣленной *давности владѣнія:* кто владѣлъ землею безспорно *въ теченіе 4—5-ти лѣтъ*, тотъ пріобрѣталъ ее въ полную собственность; а *признаками* фактическаго владѣнія признавались *обработка почвы и возведеніе на ней жилыхъ или хозяйственныхъ построекъ* (9). Собственникъ земли имѣлъ право ее продать и отдать по завѣщанію родственникамъ и постороннимъ лицамъ, а также передать ее «*въ кормленіе*», т. е. во временное пользованіе. Получившій землю въ кормленіе не имѣлъ права отчужденія; а кто ее продавалъ, тотъ лишался «кормли» и обязанъ былъ выкупить проданную землю на свои средства. Родственники продавцовъ земли имѣли *право выкупать* ее у новыхъ пріобрѣтателей за ту сумму, какая была уплачена за купленную землю (13).

Особую форму поземельнаго владѣнія представляло собою *владѣніе «сябровъ» или пайщиковъ*, т. е. владѣніе имѣніемъ, раздѣлен-

---

[1]) См. выше гл. XVIII, с. 184, 185.

нымъ на участки, принадлежавшіе совладѣльцамъ. Какъ въ товариществахъ нашего времени каждый пайщикъ, такъ въ сябрномъ владѣніи *каждый сябръ обязанъ былъ имѣть свой документъ или свою грамоту на право собственности въ своей долѣ общаго имѣнія*, и этотъ документъ онъ долженъ былъ представлять въ судъ при всякомъ искѣ (106).

Въ Псковской судной грамотѣ говорится о слѣдующихъ видахъ обязательствъ: *поручительствѣ, куплѣ-продажѣ, мѣнѣ, поклажѣ, займѣ, закладѣ и личномъ наймѣ.*

Поручительство было средствомъ обезпеченія уплаты долга: поручитель обязанъ былъ заплатить долгъ, за который онъ ручался, если должникъ отказался уплатить его. Поручительство допускалось, *когда заемъ не превышалъ одного рубля* (около полуфунта серебра); въ займахъ болѣе рубля требовались закладъ или запись (32, 33).

Договоры *купля-продажа* и мѣна признавались дѣйствительными, когда совершались *между людьми трезвыми;* а кто покупалъ, продавалъ или мѣнялъ что-либо въ пьяномъ состояніи, тотъ, протрезвившись, имѣлъ право требовать уничтоженія совершонной сдѣлки. Другимъ условіемъ дѣйствительности этого вида договоровъ было *отсутствіе пороковъ въ пріобрѣтаемой вещи*, не объявленныхъ продавцомъ покупателю (114, 118).

Въ отношеніи договора *поклажи*, именуемаго «*соблюденіемъ*», требовалось непремѣнно брать *запись*, подписанную принимавшимъ вещи на храненіе, *съ подробнымъ перечнемъ принятыхъ предметовъ*; а при отсутствіи такой записи судъ не долженъ былъ принимать иска о поклажѣ (16, 19).

Заемъ до одного рубля обезпечивался поручительствомъ, а выше рубля — письменнымъ актомъ и закладомъ. Закладные письменные акты назывались записями, досками и закладными досками. Въ закладъ поступали: домашній скотъ, платье, строенія, земли и всякаго рода цѣнности. *Проценты* по займамъ именуются въ Псковской грамотѣ *гостинцемъ*, безъ опредѣленія высшаго ихъ размѣра. Для предупрежденія споровъ *требовалось, чтобы количество процентовъ обозначалось въ закладной записи;* въ ней же долженъ быть обозначенъ *и срокъ уплаты долга.* Если должникъ не возвращалъ долга въ срокъ, то кредиторъ обязанъ былъ немедленно заявить о томъ суду, а если онъ объявлялъ позже, то лишался процентовъ за просроченное время. Если кредиторъ взыскивалъ съ должника свой долгъ ранѣе срока, то терялъ право на проценты. Когда должникъ самъ возвращалъ долгъ до срока, то проценты уменьшались соотвѣтственно уменьшенію срока займа (28—31, 38, 73, 74).

Родовыми названіями лицъ, состоявшихъ во временномъ услуженіи, были имена «*наймитъ*» и «*закупенъ*». Наймитомъ назывался

свободный человѣкъ, за извѣстную плату поступившій въ услуженіе къ другому лицу. *Наемъ* ограничивался опредѣленнымъ срокомъ, или опредѣленнымъ порученіемъ, напримѣръ, для судебнаго поединка, для совершенія какой-нибудь служебной или ремесленной работы во дворѣ нанимателя. Наемъ совершался или *устно, на рынкѣ, при свидѣтеляхъ, или при посредствѣ записи. Въ первомъ случаѣ* наемная плата взыскивалась съ хозяина *«въ закличъ»*, т. е. чрезъ словесное объявленіе наймита, произнесенное на площади или на рынкѣ; *во второмъ* случаѣ соотвѣтственно условіямъ договора, изложеннымъ *въ записи*. Если наймитъ дворный, т. е. нанявшійся для работы во дворѣ хозяина, оставлялъ его, не доживъ до условленнаго времени, то бралъ наемную плату по расчету. *Наймитъ могъ взыскивать съ хозяина плату* судебнымъ порядкомъ *только за одинъ годъ*, хотя бы онъ жилъ у него 5—10 лѣтъ, и притомъ только тогда, когда со дня окончанія его службы до начала иска прошло не болѣе одного года (39—41).

Закупъ отличался отъ наймита тѣмъ, что бралъ у своего хозяина извѣстное имущество въ пользованіе, а иногда, сверхъ того, дѣлалъ у него заемъ деньгами или натурою, называвшійся *покрутою*, и взамѣнъ обезпеченія долга отдавалъ въ распоряженіе хозяина свою работу-свободу. Въ частности закупы, по роду ихъ занятій, назывались *изорниками, исполовниками, огородниками и кочетниками*. Изорникомъ назывался закупъ, нанимавшійся для земледѣльческихъ работъ; исполовникомъ былъ изорникъ, получавшій половину урожая съ обработанной имъ земли; огородникомъ назывался изорникъ, обработывавшій огородъ; кочетникомъ назывался рыболовъ, нанимавшійся ловить рыбу въ «исадѣ» своего хозяина [1]).

Сравнивая постановленія о закупахъ Русской Правды съ постановленіями Псковской судной грамоты, мы находимъ, что *Псковская грамота ставитъ закупа въ болѣе свободное отношеніе къ господину, нежели Русская Правда*: въ случаѣ побѣга изорника господинъ имѣлъ право только вознаградить себя изъ оставленнаго имъ имущества, которое продавалось въ присутствіи княжескихъ и посадническихъ приставовъ, старостъ и постороннихъ свидѣтелей; а если проданнаго

---

[1]) „А который государь захочетъ отрокъ дати своему изорнику, или огороднику, *или кочетнику*, ино отроку быти о Филипповѣ заговѣньи; такожъ захочетъ изорникъ отречися съ села, или огородникъ, или кочетникъ, ино томужъ отроку быти, и иному отроку не быти, ни отъ государя, ни отъ изорника, ни отъ кочетника, ни отъ огородника; а запрется изорникъ, или огородникъ, или кочетникъ отрока государева, ино правда дать, а государь не доискался четверти, или огородной части, *или съ исады рыбной части*“ (ст. 42).

имущества недоставало на вознагражденіе долга бѣжавшаго закупа, то господинъ сохранялъ противъ него право имущественнаго иска во всякое время (76). Съ другой стороны въ Псковской судной грамотѣ установленъ только *одинъ срокъ въ году, ранѣе котораго ни господинъ не имѣлъ права отказать закупу, ни закупъ оставить своего господина;* такимъ срокомъ былъ *день Филиппова заговѣнія, 14-го Ноября.* Этимъ постановленіемъ законъ защищалъ интересы закупа, котораго хозяинъ могъ поставить въ безвыходное положеніе, отказавъ ему въ такое время года, когда трудно найти работу, и интересы хозяина, котораго работники могли оставить въ рабочую пору, когда они особенно дороги землевладѣльцу (ст. 42—44, 51, 63, 75, 76, 84—87).

Въ Псковской судной грамотѣ *наслѣдство называется выморшиною, отморшиною, отчиною и приказомъ.* Выморшина переходила къ наслѣдникамъ *по завѣщанію* (запись, рукописаніе) и *по закону,*— когда умершій не оставлялъ послѣ себя завѣщанія. Завѣщатель имѣлъ право назначить доли въ своемъ имуществѣ наслѣдникамъ по закону и лицамъ, которыхъ безъ завѣщанія законъ не допустилъ бы къ наслѣдству. *Въ завѣщаніи обозначались воля завѣщателя, душеприкащики и долги завѣщателя и завѣщателю. Для дѣйствительности* завѣщанія требовалось, чтобы оно составлено было *при священникѣ и свидѣтеляхъ и положено на храненіе въ ларь св. Тройцы.*

По закону умершему въ его имуществѣ могли наслѣдовать отецъ, мать, сынъ, дочь, братъ, сестры и другіе родственники восходящіе, нисходящіе и боковые. *Родственники ближайшихъ степеней исключали изъ наслѣдства родственниковъ дальнѣйшихъ степеней, а родственники одной линіи имѣли одинаковое право на наслѣдство,* какъ мужчины, такъ и женщины, какъ холостые и незамужнія, такъ и женатые и замужнія. Это правило подлежало слѣдующимъ исключеніямъ: *дѣти, оставлявшія домъ своихъ родителей и не кормившія ихъ до смерти, исключались* изъ наслѣдства въ имуществѣ ихъ родителей; *жена наслѣдовала имущество мужа и мужъ имущество жены только въ малой семьѣ,* когда они жили особеннымъ хозяйствомъ, отдѣленнымъ отъ хозяйства ихъ родителей; а если мужъ и жена жили *въ нераздѣльной семьѣ* мужнина отца, то *жена имѣла право только на ея приданое;* мужъ наслѣдовалъ имущество бездѣтной жены, а жена бездѣтнаго мужа только *въ пожизненное владѣніе и до вступленія во второй бракъ.* Если вдовецъ или вдова продавали имѣніе умершаго супруга, то, по требованію суда, обязаны были выкупить его и лишались права пользованія. *Принявшій наслѣдство* по завѣщанію или по закону вступалъ во всѣ права оставившаго наслѣдство, а вмѣстѣ съ тѣмъ *принималъ на себя и всѣ его обязательства. Жившіе «въ одномъ хлѣбѣ»,* т. е. въ нераз-

дѣльной семьѣ, *не имѣли права отказаться отъ наслѣдства и обязательствъ, на немъ лежавшихъ* (ст. 14, 15, 53, 55, 88—91, 100).

Изъ письменныхъ актовъ, удостовѣрявшихъ и укрѣплявшихъ имущественныя права, въ Псковской судной грамотѣ *упоминаются*: *грамоты, доски, рядница, запись, выкупокъ и рукописаніе. Грамотами* назывались письменные *документы всякаго рода*; грамоты писались на пергаментѣ или на бумагѣ; *доски* отличались отъ грамотъ только матеріаломъ, на которомъ были написаны *(лубки)*; упоминаются *закладныя доски*, значеніе которыхъ показываетъ названіе; *порядная и рядница*, отъ слова рядить — договариваться, означали всякаго рода *договорныя условія*; столько же обширно значеніе *записи, преимущественно же* этимъ именемъ назывались *долговыя обязательства и условія личнаго найма*; *выкупокъ означалъ запись на выкупъ* проданной или подаренной земли; *рукописаніемъ называлось завѣщаніе.*

Хранилищемъ или *архивомъ* письменныхъ документовъ *былъ «ларь»* при Троицкомъ Псковскомъ соборѣ. Акты частныхъ лицъ, здѣсь хранившіеся, признавались судебными доказательствами, не подлежавшими спору. *Хранитель архива назывался ларникомъ* [1]).

---

[1]) См. выше, стр. 242.

ДОПОЛНЕНІЯ.

№ 1. Уголовная система церковнаго устава князя Ярослава Владимировича.

Преступленія, перечисленныя въ этомъ уставѣ, по наказуемости дѣлятся на 5 категорій.

Къ первому отдѣлу относятся дѣянія, за которыя назначены опредѣленный штрафъ въ пользу церкви или церковное наказаніе и наказаніе со стороны князя. Сюда относятся: насильственное похищеніе и изнасилованіе дѣвицъ; оскорбленіе женщинъ побоями; самовольное расторженіе брака; злоупотребленіе довѣріемъ дѣвицы; прелюбодѣяніе мужа; поджогъ; кровосмѣшеніе съ сестрою; оскорбленіе словомъ женъ великихъ бояръ; остриженіе головы и бороды; побои, нанесенные сыномъ отцу или матери. Постановленія устава о преступленіяхъ этой категоріи оканчиваются выраженіями: «а князь казнитъ», или «и въ казни по закону», или «казнятъ его волостельскою казнію». Напримѣръ: «аже кто зажжетъ дворъ, или гумно, или что иное, епископу 100 гривенъ, а князь казнитъ»; «аже кто съ сестрою согрѣшитъ, епископу 100 гривенъ, а въ епитимьи и въ казни по закону»; «аже сынъ бьетъ отца или матерь, да казнятъ его волостельскою казнью, а епископу въ винѣ»...

Преступленія второго отдѣла караются денежнымъ штрафомъ въ пользу церкви и церковнымъ наказаніемъ (епитимьею). Сюда относятся: рожденіе дитяти дѣвицею; вторичный бракъ женщины безъ законнаго развода, при живомъ первомъ мужѣ, и бракъ женщины съ человѣкомъ уже женатымъ; блудъ между кумовьями; бракъ между родственниками; скотоложство; блудъ свекра со снохою; блудъ женщины съ двумя родными братьями; блудъ женщины-христіанки съ иновѣрцемъ, и наоборотъ. Статьи устава о преступленіяхъ этого рода оканчиваются словами: «и въ эпитимьи», «а епитимью да примутъ», «а епитимья по закону», «поняти въ домъ церковный»; напримѣръ: «аже кумъ съ кумою сотворитъ блудъ, епископу гривна золота и въ епитимьи»; «аже близкій родъ поимется, епископу 80 гривенъ, а ихъ разлучить, а епитимью да примутъ»; «а съ животиною,—12 гривенъ, а въ епитимью вложить»; «аже свекоръ съ

снохою блудитъ, епископу 100 гривенъ, а епитимья по закону»; «аже два брата будутъ съ единою женою, епископу 100 гривенъ, а женка въ домъ церковный»...

Третій разрядъ составляютъ воровство, драки и убійство, совершаемыя внутри семейства, между его членами. Постановленія о такихъ преступленіяхъ оканчиваются словами: «епископу въ винѣ со княземъ на-полы», или «платятъ виру князю на-полы со владыкою», то-есть штрафъ за такія преступленія раздѣляется пополамъ между княземъ и епископомъ: «свадебное и сговорное, бой, убойство и душегубство, аже что чинится, платятъ виру князю на-полы со владыкою»; «аже мужъ крадетъ бѣлые порты, или полотна, портища и поневы, также и женка, епископу въ винѣ со княземъ на-полы»...

Къ четвертому отдѣлу принадлежатъ преступленія, за которыя Уставъ назначаетъ только опредѣленный штрафъ въ пользу церкви. Сюда относятся: самовольный разводъ мужа съ женою; блудъ съ монахинею; блудъ съ двумя родными сестрами; блудъ съ мачехою; насильственная выдача въ замужество дочери ея родителями, если насильно выданная «что створитъ съ собою»; оскорбленіе неприличнымъ словомъ женъ бояръ, городскихъ и сельскихъ людей; побои, нанесенные чужой женѣ; побои, нанесенные безъ вины свекромъ снохѣ и деверемъ ятрови. Статьи Устава по этому отдѣлу преступленій заключаютъ въ себѣ только обозначеніе преступленія и наказанія; напримѣръ: «аже кто сблудитъ съ черницею, епископу 100 гривенъ»; «аже кто съ мачехою сблудитъ, епископу 40 гривенъ»; «аже мужъ бьетъ чужую жену, за соромъ ей по закону, а епископу 6 гривенъ»...

Пятый отдѣлъ составляютъ преступленія, предоставленныя исключительному суду церкви, безъ участія мірянъ, размѣръ наказанія по которымъ зависѣлъ отъ усмотрѣнія духовнаго суда. Сюда относятся: блудъ монаховъ, поповъ, попадей и проскурницъ; несвоевременное пьянство монаховъ и священниковъ; самовольное оставленіе монашества; самовольное отправленіе священникомъ духовныхъ требъ въ чужомъ уѣздѣ; раздѣленіе трапезы съ отлученными отъ церкви и язычниками. Постановленія этой категоріи оканчиваются словами: «во что ихъ осудить воленъ», или «во что ихъ обрядитъ», или «епископу въ винѣ»; напримѣръ: «аже чернецъ, или черница, или попъ, или попадья, или проскурница впадутъ въ блудъ, тѣхъ судити епископу опристь мірянъ, и во что ихъ осудить воленъ»; «аже чернецъ или черница разстрижется, епископу въ винѣ, во что ихъ обрядитъ»; «аже попъ, или чернецъ упьется безъ времени, епископу въ винѣ»...

По нѣкоторымъ преступленіямъ, кромѣ вышесказанныхъ наказаній, виновные обязаны были уплатить вознагражденіе въ пользу обиженнаго, за «соромъ», т.-е. за безчестіе, обыкновенно равное штрафу въ пользу епископа. Сюда принадлежатъ: насильственное похищеніе и изнасилованіе дѣвицъ; оскорбленіе женщины побоями; самовольное оставленіе жены, «безъ вины»; злоупотребленіе довѣріемъ дѣвицы; оскорбленіе словомъ чужихъ женъ. Въ количествѣ вознагражденія за безчестіе различается общественное положеніе оскорбленныхъ женъ и дѣвицъ, именно: жены и дочери большихъ бояръ, меньшихъ бояръ, нарочитыхъ людей, простой чади, а также городскихъ и сельскихъ людей; напримѣръ: «аже кто пошибаетъ боярскую дочерь или боярскую жену, за соромъ ей 5 гривенъ золота, а епископу 5 гривенъ золота, а меньшихъ бояръ гривна золота, а епископу гривна золота, а нарочитыхъ людей три рубли, а епископу три рубли, а простой чади 15 гривенъ, а епископу 15 гривенъ; а князь казнитъ»; «аще кто зоветъ чюжу жену блядью, великихъ бояръ за соромъ ей 5 гривенъ золота, а епископу 5 гривенъ золота, а князь казнитъ; а будетъ меньшихъ бояръ, за соромъ ей 3 гривны золота, а епископу 3 гривны золота; а будетъ городскихъ людей за соромъ 3 гривны серебра, а епископу 3 гривны серебра; а сельскихъ людей за соромъ гривна серебра, а епископу гривна серебра».

Въ нѣкоторыхъ спискахъ Устава Ярослава, именуемыхъ списками пространной редакціи, имѣется рядъ статей, опредѣляющихъ законныя причины брачнаго развода.

№ II. Подлинность церковныхъ уставовъ князей Владимира и Ярослава.

По вопросу о подлинности церковныхъ уставовъ Владимира и Ярослава высказаны въ литературѣ три воззрѣнія: по первому—эти памятники подложны; второе—находитъ ихъ подлинными; третье—признаетъ невозможнымъ въ настоящее время положительное рѣшеніе этого вопроса; изъ нихъ во второй категоріи различаются литературныя воззрѣнія по вопросу объ относительной древности краткой и пространной редакцій Устава Владимира. Преосв. Макарій, на вопросъ: какую изъ редакцій Устава Владимира должно признать наиболѣе близкою къ подлиннику? отвѣчаетъ: «вѣроятно, древнѣйшей и ближайшей къ подлиннику была обширная редакція» [1]). По мнѣнію Неволина, «наиболѣе близкою къ первоначальному

[1]) Ист. церкви, I, стр. 169, 172.

подлиннику должно признать краткую редакцію» [1]). По мнѣнію г. Владимірскаго-Буданова «только краткая редакція можетъ быть съ нѣкоторою вѣроятностью приписана св. Владиміру, между тѣмъ какъ пространная редакція безъ всякаго сомнѣнія не принадлежитъ ему» [2]). По мнѣнію г. Сергѣевича, «при отсутствіи данныхъ, вопросы этого рода не могутъ получить окончательнаго рѣшенія» [3]).

Сравненіе литературной аргументаціи, направленной одними къ отрицанію, а другими къ доказательству подлинности церковныхъ уставовъ Владимира и Ярослава, и сопоставленіе ее съ фактами источниковъ, приводитъ къ слѣдующимъ заключеніямъ.

1. Содержаніе церковныхъ уставовъ Владимира и Ярослава соотвѣтствуетъ потребности времени въ законѣ, долженствовавшемъ опредѣлить положеніе христіанскаго духовенства въ Россіи и отношеніе новаго христіанскаго общества къ государству. Этой потребности долженъ былъ удовлетворить уже князь Владиміръ Равноапостольный [4]).

2. Содержаніе церковныхъ уставовъ Ярослава и удѣльныхъ князей тѣсно связано съ содержаніемъ Устава Владимира, представляетъ собою только развитіе и дополненіе послѣдняго. Во вступленіи Ярославова Устава говорится: «сгадалъ есми съ митрополитомъ съ Ларіономъ по данью отца своего», то-есть, по данному, узаконенному отцомъ Ярослава [5]). Ярославовъ Уставъ имѣлъ цѣлью только дополненіе и поясненіе Устава Владимира. Соотвѣтственно этой цѣли, все то, что казалось ясно и полно выраженнымъ въ Уставѣ Владимира, оставлено незатронутымъ въ Уставѣ Ярослава: церковная десятина, преступленія противъ вѣры, порученіе церкви наблюденія за вѣсами и мѣрами, перечень церковныхъ людей. Наоборотъ, что было выражено въ Уставѣ Владимира неясно и неполно, то получило развитіе въ Уставѣ Ярослава: обозначены на-

---

[1]) Полн. собр. соч., VI, стр. 294.

[2]) Христоматія, I, стр. 212, пр. I.

[3]) Лекціи и изслѣд., стр. 158.

[4]) См. выше, стр. 214.

[5]) Слова: „дать“ и „уставить“, „данное“ и „уставленное“ употребляются въ уставахъ Владимира и Ярослава, какъ синонимы; напримѣръ: „то вся далъ есмь по первыхъ царевъ уряженью.. Аще кто преобидитъ нашъ уставъ“ (Уст. Влад.). „Далъ есмь митрополитомъ и епископомъ тѣ суды, что писаны въ правилѣхъ... а кто уставленіе мое порушитъ... а порушитъ рядъ мой и вступится въ суды митрополичи, что есми далъ митрополиту и епископомъ по всѣмъ городамъ, по правиламъ святыхъ отецъ, судивше казнити по закону“ (Уст. Яросл.).

казанія за преступленія, подсудныя церкви [1]); подробнѣе исчислены преступленія, подлежавшія суду церкви, ясно выражено право духовенства на выморочное имущество церковныхъ людей и перечислены законныя причины расторженія брака. Только разсматривая Уставъ Ярослава, какъ дополненіе Устава Владимира, дѣйствовавшее одновременно и въ связи съ нимъ, какъ одинъ законъ, мы поймемъ, почему въ Ярославовомъ Уставѣ ничего не говорится о церковной десятинѣ, почему въ немъ нѣтъ перечня церковныхъ людей, почему онъ молчитъ о правѣ и обязанности церкви слѣдить за вѣрностью мѣръ и вѣсовъ и почему въ немъ не упоминаются преступленія противъ вѣры и семейной нравственности, исчисленныя въ Уставѣ Владимира. Въ такой же тѣсной связи находится содержаніе Устава Владимира съ содержаніемъ церковныхъ уставовъ удѣльныхъ князей: Всеволода-Гавріила (около 1135 г.), Святослава (1137 г.) и Ростислава (1150 г.). Уставъ новгородскаго князя Всеволода-Гавріила представляетъ собою только болѣе пространную редакцію Устава Владимира, дополненнаго соотвѣтственно мѣстнымъ потребностямъ новгородской церкви. Уставъ новгородскаго князя Святослава Ольговича начинается слѣдующими словами: «Уставъ, бывшій преже насъ въ Руси отъ прадѣдъ и отъ дѣдъ нашихъ: имати

---

[1]) Систему наказаній, принятую въ Уставѣ Ярослава, Карамзинъ призналъ невѣроятною (см. Ист. Госуд. Рос., т. II, прим. 108). „Вѣроятно ли, говоритъ онъ, чтобы за брань, оскорбительную для жены боярской, виновный платилъ 10 гривенъ (5 фунтовъ золота), когда убійца боярина наказывался только 80 гривнами кунъ при Ярославѣ“? Въ Уставѣ Ярослава сказано: „Аже кто зоветъ чюжю жену блядью великихъ бояръ, за соромъ ей 5 гривенъ золота, а епископу 5 гривенъ золота, а князь казнитъ“ (ст. 22). Въ этомъ постановленіи ничего нѣтъ невѣроятнаго и нелѣпаго съ точки зрѣнія древнерусскаго права на оскорбленіе женщины. По Уставу Ярослава, оскорбленіе женщины словомъ „блядь“ равнялось оскорбленію ее побоями: „Аже кто пошибаетъ боярскую дщерь или боярскую жену, за соромъ ей 5 гривенъ золота, а епископу 5 гривенъ золота“ (ст. 2). По договору Новгорода съ Нѣмцами 1195 года: „Оже пошибають мужеску жену, любо дчьрь, то князю 40 гривенъ ветхими кунами, а женѣ или мужской дчери 40 гривенъ ветхими кунами“ (ст. 7), то-есть, оскорбленіе женщины равнялось убійству мужчины: „А оже убьютъ купчину Новгородца или Нѣмчина купчину Новгородѣ, то за ту голову 10 гривенъ серебра“ (ст. 3). Система наказаній за безчестіе женъ и дѣвицъ, принятая Царскимъ Судебникомъ и Уложеніемъ 1649 года, также сурова.

пискупомъ десятину отъ даній и отъ виръ и продажъ, что входитъ въ княжь дворъ всего; а здѣ въ Новѣгородѣ, что есть десятина отъ даній обрѣтохъ уряжено преже мене бывшими князи; толико отъ виръ и продажъ десятины зрѣлъ...» Этотъ недостатокъ прежнихъ узаконеній по отношенію къ Новгороду и пополняетъ Уставъ Святослава. Точно также Уставъ Ростислава Мстиславича, князя смоленскаго, учреждая епископію въ Смоленскѣ и опредѣляя спеціальныя средства ея содержанія, въ опредѣленіи сферы дѣятельности епископа упоминаетъ о церковныхъ людяхъ, но не перечисляетъ ихъ; а въ перечнѣ дѣлъ, подсудныхъ церкви, умалчиваетъ о наказаніяхъ и о преступленіяхъ противъ вѣры, обозначенныхъ въ уставахъ Владимира и Ярослава, очевидно предполагая существованіе по этимъ предметамъ общаго закона, каковымъ могли быть только церковные уставы первыхъ христіанскихъ князей въ Россіи. Только въ значеніи мѣстныхъ дополненій къ этому общему закону церковные уставы удѣльныхъ князей имѣютъ смыслъ, а разсматриваемые безъ отношенія къ уставамъ Владимира и Ярослава представляются отрывочными и возбуждающими множество недоразумѣній. Признаніе уставовъ Владимира и Ярослава подложными должно вести къ признанію подложными и церковныхъ уставовъ удѣльныхъ князей.

3. Въ XIII, XIV и XV столѣтіяхъ церковные уставы первыхъ христіанскихъ князей являются въ офиціальныхъ источникахъ законами княжескими, дѣйствовавшими на всемъ пространствѣ русской земли. Въ рукописной Кормчей книгѣ, принадлежавшей Новгородскому Софійскому собору, а нынѣ хранящейся въ Московской Синодальной библіотекѣ, имѣется слѣдующая отмѣтка: «въ лѣто 6790 (1280) написаны быша книги сія повелѣніемъ новгородскаго князя Дмитрія и стяжаніемъ боголюбиваго архіепископа новгородскаго Климента, и положены быша въ церкви святой Софіи на почитаніе священникамъ и на послушаніе христіанамъ». Рядомъ съ каноническими постановленіями въ эту книгу были внесены: Русская Правда, церковный Уставъ Владимира въ пространной редакціи и церковный Уставъ Святослава [1]). Въ 1286 году была написана Кормчая книга для князя волынскаго Владимира Васильковича, со внесеніемъ въ эту книгу Устава Владимира въ краткой редакціи [2]). Отъ того же времени, отъ конца XIII вѣка, сохранилось посланіе епископа владимирскаго къ великому князю владимирскому Дмитрію Александровичу, сыну Александра Невскаго, изъ котораго ясно видно, что въ рукахъ епископа былъ церковный Уставъ Владимира. Въ этомъ

---

[1]) Русск. Достоп. I, 21.

[2]) См. пр. Макарія, Ист. Церкви, т. I, стр. 174, пр. 271.

посланіи церковные суды перечисляются словами Устава Владимира краткой редакціи: «роспустъ, смильное» и т. д., а въ заключеніи говорится: «то все суды церковные даны закономъ Божіимъ, прежними цари и великими нашими князьми, князю и бояромъ и судіямъ въ тѣ суды нѣлзѣ въступатися» [1]). Отсюда, допустивъ предположеніе Карамзина о поддѣлкѣ Устава Владимира какимъ-нибудь монахомъ въ концѣ XIII вѣка, мы должны допустить также, что эта поддѣлка была совершена одновременно въ трехъ областяхъ древней Руси, въ землѣ Новгородской, въ землѣ Владимиро-Волынской и въ землѣ Суздальской, и получила силу общаго закона русской земли, признаннаго князьями, митрополитами и епископами, что представляется намъ совершенно невозможнымъ. Въ рукописныхъ сборникахъ церковныхъ законовъ и въ спискахъ лѣтописей, сохранившихся отъ XIV, XV и XVI столѣтій, церковные уставы первыхъ христіанскихъ князей являются записанными, какъ законы офиціальные, дѣйствовавшіе и не возбуждавшіе никакихъ сомнѣній. Въ нѣкоторыхъ сѣверныхъ спискахъ начальной русской лѣтописи, новгородскихъ, псковскихъ и тверскихъ, послѣ извѣстныхъ словъ: «Ярославъ, давъ Новгородцамъ Правду и Уставъ, списавъ грамоту, и рече: по сему ходите и держите, якоже списахъ вамъ», слѣдуютъ: Русская Правда, Судебникъ царя Константина, Уставъ Владимира и Уставъ Ярослава [2]). Этотъ сборникъ законовъ, въ спискахъ лѣтописей, относящихся къ XV и XVI столѣтіямъ, оканчивается слѣдующею припискою: «Я князь великій Василій Дмитріевичъ, по совѣту съ отцомъ своимъ митрополитомъ Кипріаномъ, нашедши старый Номоканонъ, управилъ по старинѣ о судахъ церковныхъ, какъ управили прадѣдъ мой святой князь Владимиръ и сынъ его князь великій Ярославъ». Въ концѣ этой приписки сказано: «списанъ же бысть сей свертокъ изъ великаго стараго Номоканона (Кормчей книги) на Москвѣ, въ лѣто 6911» (1402) [3]). Эта же приписка, извѣстная въ литературѣ подъ именемъ подтвердительной грамоты вел. кн. Василія Дмитріевича, встрѣчается подъ церковными уставами Владимира и Ярослава въ Кормчихъ книгахъ, писанныхъ въ въ XV и XVI столѣтіяхъ [4]). Наконецъ, соборъ русскаго духовенства 1551 года, опредѣляя подсудность церкви, ссылается на церковные уставы первыхъ христіанскихъ князей въ Россіи. Въ виду

---

[1]) См. Востокова, Опис. рукоп. Рум. Музея, стр. 291; Макарія, Ист. Церкви, 1, 173, пр. 269.

[2]) См. П. С. Р. Л., V, стр. 57 и слѣд.; XV, 141 и др.

[3]) П. С. Р. Л., VI, стр. 86.

[4]) См. Востокова, Опис. рукоп. Рум. Музея, стр. 296; Розенкампфа, Обозр. Кормчей кн., пр. 209, 210; Неволина, П. С. С., VI, 312.

изложенныхъ фактовъ, допустивъ съ Карамзинымъ, Рейцомъ, Голубинскимъ и др. подложность церковныхъ уставовъ Владимира и Ярослава, мы должны были бы допустить и невозможное предположеніе объ участіи въ этомъ подлогѣ князей, митрополитовъ, епископовъ и лѣтописцевъ.

Не подлежащая сомнѣнію архаичность языка Устава Владимира, необходимость церковнаго устава, обусловленная рецепціей христіанства, логическая связь содержанія церковныхъ уставовъ первыхъ христіанскихъ князей съ церковными уставами удѣльныхъ князей, открытіе Устава Владимира въ кормчихъ книгахъ XIII вѣка, написанныхъ по повелѣнію князей и признанныхъ офиціальными законами, и ссылка Стоглава на Уставъ Владимира, какъ на древнѣйшій общій законъ, опредѣлившій компетенцію церковнаго суда въ Россіи, не допускаютъ сомнѣнія въ томъ, что первымъ закономъ, опредѣлившимъ отношеніе христіанской Церкви къ государству въ Россіи, установившимъ церковную десятину и обозначившимъ сферу дѣлъ и лицъ, подсудныхъ церковному суду, былъ Уставъ Владимира, дополненный Уставомъ Ярослава.

Что же касается происхожденія разныхъ редакцій уставовъ и анахронизмовъ въ содержаніи нѣкоторыхъ списковъ, то они объяснимы.

Какъ законъ родоначальника княжескаго рода и какъ завѣтъ перваго христіанскаго князя, признаннаго Церковью святымъ и равноапостольнымъ, Уставъ Владимира получилъ въ древней Руси силу закона религіознаго, обязательнаго для властвующихъ и подвластныхъ, для духовенства и мірянъ. Удѣльные князья, опредѣляя средства содержанія Церкви въ своихъ владѣніяхъ, не имѣли права отмѣнять и измѣнять распоряженія своего равноапостольнаго предка. Всякое посягательство на измѣненія и отмѣну закона единодержавнаго, равноапостольнаго родоначальника княжескаго рода должно было вызвать общее сопротивленіе князей и іерарховъ, уважавшихъ завѣтъ святого основателя русской церкви. Какъ законъ общій, церковно-религіозный, Уставъ Владимира былъ внесенъ въ Кормчую книгу наравнѣ съ каноническими законами и множество разъ переписывался, распространяясь по всѣмъ областямъ русской земли. Сохранившіеся списки Устава Владимира не восходятъ далѣе XIII вѣка; но далѣе XIII вѣка не восходятъ и сохранившіяся Кормчія книги, несомнѣнно существовавшія до этого времени во всѣхъ епархіяхъ русской земли. Подобно первоначальнымъ подлинникамъ Начальнаго русскаго лѣтописнаго свода, славянскаго перевода Номоканона, Русской Правды и всѣхъ другихъ памятниковъ древнѣйшей русской письменности, сохранившихся до насъ не въ подлинникахъ, а въ позднѣйшихъ копіяхъ, первоначальный подлинникъ

Устава Владимира, въ многократномъ переписываніи, подвергался большей или меньшей модификаціи. Въ этомъ отношеніи уставы Владимира и Ярослава были подвержены такимъ же позднѣйшимъ добавленіямъ и поясненіямъ, какимъ подвергнуты были и всѣ другіе памятники древней исторіи и древняго права. Но тѣмъ не менѣе, во всѣхъ спискахъ, краткихъ и пространныхъ, повторяются неизмѣнно извѣстныя постановленія, объемъ которыхъ соотвѣтствуетъ содержанію Устава по краткой редакціи, выше приведенной нами. Естественно думать, что постановленія, неизмѣнно встрѣчающіяся какъ въ краткихъ, такъ и въ пространныхъ спискахъ, составляли первоначальный подлинникъ Устава, а постановленія, встрѣчающіяся только въ пространныхъ спискахъ, представляютъ собою позднѣйшія поясненія и добавленія, внесенныя въ Уставъ при его многократныхъ перепискахъ. Съ этой точки зрѣнія легко устраняются всѣ поводы къ сомнѣніямъ въ подлинности Устава Владимира.

Карамзинъ, доказывая подложность Устава Владимира, указалъ два основанія своего сомнѣнія: «Владимировъ Уставъ, говоритъ онъ, есть подложный— и вотъ доказательство: тамъ Владимиръ пишетъ, что патріархъ Фотій далъ ему перваго митрополита, а Фотій умеръ за 90 лѣтъ до сего великаго князя... Въ семъ Уставѣ сказано, что тяжбы дѣтей и братьевъ о наслѣдствѣ подсудны единственно духовенству; но Ярославовъ Уставъ (Русская Правда) доказываетъ противное: тамъ написано, что ихъ судитъ князь черезъ своихъ отроковъ» [1]).

Но въ краткой редакціи Устава Владимира нѣтъ имени патріарха Фотія. Съ другой стороны, въ тѣхъ спискахъ, гдѣ эта вставка встрѣчается, она не имѣетъ того смысла, какой придалъ ей Карамзинъ. Въ текстѣ списка, напечатаннаго Карамзинымъ въ 506 примѣчаніи къ первому тому Ист. Гос. Россійскаго, и во многихъ другихъ спискахъ пространной редакціи сказанная вставка читается такъ: «воспріялъ есмь святое крещеніе отъ греческаго царя и отъ Фотія патріарха царегородскаго; взялъ перваго митрополита Леона (по другимъ спискамъ Михаила) Кіеву, иже крести всю землю русскую святымъ крещеніемъ». Здѣсь не говорится, что Владимиръ взялъ у патріарха Фотія перваго Кіевскаго митрополита, а говорится только, что Владимиръ принялъ крещеніе отъ греческаго царя и отъ греческаго патріарха Фотія. Въ этомъ же смыслѣ вставка о Фотіи въ Уставѣ Владимира не заключаетъ въ себѣ никакого анахронизма, никакой исторической несообразности. Очевидная цѣль этой вставки состоитъ въ томъ, чтобы показать, что Владимиръ принялъ христіанство по ученію греческой церкви, утвер-

[1]) Ист. Гос. Рос., т. I, стр. 145 и прим. 506.

жденному патріархомъ Фотіемъ. Православные Греки и Болгары X и XI столѣтій, желая отличить свое православіе отъ римскаго папизма, обыкновенно говорили: «наша вѣра—вѣра Фотіева, наше благочиніе—Фотіево». Мѣсто о Фотіи въ Уставѣ Владимира имѣло цѣлью отличить восточное православіе отъ западнаго католицизма. Въ такомъ же значеніи патріархъ Фотій упоминается въ Уставѣ новгородскаго князя Всеволода, гдѣ говорится: «Я Всеволодъ, правнукъ Игоря и Ольги, бабы Владимира; и тыя господа бо пріяли святое крещеніе отъ греческихъ царей и отъ Фотія патріарха цареградскаго, взяша перваго митрополита Михаила Кіеву, иже крести всю русскую землю[1])... И азъ всмотрѣхъ въ Фотія, патріарха цареградскаго, грамоты, что принесъ въ Русь князь великій Владимиръ»... Вставка о Фотіи пространной редакціи Устава Владимира, повидимому, взята именно изъ Устава Всеволода, какъ взяты изъ него и нѣкоторыя другія поясненія и добавленія, неизвѣстныя спискамъ краткой редакціи, но буквально повторяющіяся въ спискахъ пространной редакціи, особенно сохранившихся въ новгородскихъ лѣтописяхъ и Кормчихъ книгахъ; а именно: подробное обозначеніе церковной десятины; запрещеніе княжескимъ намѣстникамъ и тіунамъ обижать церковный судъ и судить безъ владычня намѣстника; нѣкоторыя поясненія въ перечисленіи дѣлъ и лицъ, подсудныхъ церкви; повелѣніе княжескимъ тіунамъ давать отъ суда девять частей князю, а десятую церкви; повелѣніе объ отвѣтственности нарушителей правъ церкви и подробное противъ нихъ заклятіе.

Уставъ Всеволода разрѣшаетъ намъ и другое недоразумѣніе Карамзина по вопросу о подлинности Устава Владимира, основанное на противорѣчіи его содержанія Русской Правдѣ въ постановленіи о подсудности споровъ между братьями. Сличеніе текстовъ Устава Владимира, Устава Всеволода и Русской Правды показываетъ, что въ этомъ вопросѣ нѣтъ никакого противорѣчія между Уставомъ Владимира и Русскою Правдою. Статья Русской Правды, сюда относящаяся, говоритъ слѣдующее: «Аже братья растяжутся передъ княземъ о задници, то который дѣтскій идетъ ихъ дѣлити,

---

[1]) Въ Густинскомъ спискѣ лѣтописи подъ 886 г. говорится слѣдующее: „Прійде Михаилъ митрополитъ въ Русь, посланъ отъ Василія Македона царя греческаго и Фотія патріарха, иже увѣряя Русь вверже Евангеліе во огнь, и не изгорѣ; и семъ чудомъ ужаси Русь и многія крести“. П. С. Р. Л., I, II, стр. 239. Слѣдовательно, ссылка пространной редакціи Устава Владимира на крещеніе Руси при Фотіи указываетъ на время Аскольда и Дира, а не Владимира Равноапостольнаго.

тому взяти гривну кунъ». Уставъ Владимира подсудность церковному суду споровъ между братьями о наслѣдствѣ выражаетъ слѣдующими словами: «братья или дѣти тяжутся о задницѣ». Въ Уставѣ Всеволода это распоряженіе повторено буквально, а сверхъ того особою статьею пояснено, какую часть въ наслѣдствѣ должно давать дѣтямъ отъ третьей и четвертой жены, которыя признаются дѣтьми прелюбодѣянія, изъ чего заключить должно, что церковному суду были подсудны только тяжбы между дѣтьми, связанныя съ вопросомъ о законности браковъ ихъ родителей. Въ случаяхъ же, не возбуждавшихъ сомнѣній въ законности брака родителей, ссоры между братьями судились не по Номоканону, а по Русской Правдѣ, княжескими чиновниками [1]).

Сказанное о возраженіяхъ, направленныхъ противъ подлинности Устава Владимира, основанныхъ на содержаніи дошедшихъ до насъ списковъ, вполнѣ примѣняется и къ такимъ же возраженіямъ по отношенію къ Уставу Ярослава. Будучи примѣненнымъ къ системѣ денежныхъ взысканій, Уставъ Ярослава въ первоначальной его редакціи не могъ имѣть такого общаго, повсемѣстнаго и продолжительнаго употребленія, какъ Уставъ Владимира, потому что денежная система измѣнялась съ теченіемъ времени, а по раздѣленіи Руси на удѣлы могла быть различна въ различныхъ удѣльныхъ государствахъ. Уставъ Ярослава, сохраняя практическое значеніе, долженъ былъ потерпѣть коренныя измѣненія къ XIV вѣку, отъ котораго сохранились до насъ его древнѣйшіе списки, во всякомъ случаѣ несравненно большія измѣненія, нежели Уставъ Владимира даже въ спискахъ пространной редакціи, дошедшихъ до насъ отъ XIII вѣка. Отсюда понятно, почему въ дошедшихъ до насъ спискахъ Устава Ярослава встрѣчаются слова, выраженія и цѣлыя статьи, которыхъ не могъ написать Ярославъ, почему въ нѣкоторыхъ спискахъ (западно-русскихъ) онъ является такъ измѣненнымъ, что безъ точнаго указанія въ текстѣ было бы трудно узнать его. Во всякомъ случаѣ Уставъ Ярослава во всѣхъ редакціяхъ, какъ и Уставъ Владимира, встрѣчается въ памятникахъ древней письменности, какъ общій законъ, признанный офиціально.

---

[1]) Въ Московскомъ государствѣ рѣшенію наслѣдственныхъ дѣлъ свѣтскимъ судомъ предшествовало заключеніе Патріаршаго приказа.

№ III. Содержаніе церковныхъ уставовъ удѣльныхъ князей.

Уставъ князя Всеволода-Гавріила состоитъ изъ семи частей.

Первую часть составляетъ повтореніе распоряженія о церковной десятинѣ Устава Владимира Равноапостольнаго по пространной редакціи, съ измѣненіемъ, состоящимъ въ томъ, что въ началѣ грамоты, вмѣсто: «Се язъ князь Василій, нарицаемый Володимиръ»,— сказано: «се язъ князь великій Всеволодъ, нареченный во св. крещеніи Гавріилъ, правнукъ Игоревъ и блаженныя прабабы Олгы...»; а въ послѣдующемъ изложеніи прибавлено: «даша ей десятину во всей русской земли и со всѣхъ княженій, въ соборную церковь св. Богородицы, яже въ Кіевѣ, и св. Софіи Кіевской, и св. Софіи Новгородской, и митрополитомъ кіевскимъ и архіепископомъ новгородскимъ».

Вторую часть составляютъ повтореніе распоряженія Устава Владимира о передачѣ вѣдѣнію церкви судовъ и тяжбъ церковныхъ: «Обрѣтохъ въ Греческомъ Номоканонѣ, что сихъ судовъ и тяжъ не судити князю»... и новыя распоряженія князя Всеволода, которыми онъ увеличиваетъ церковную десятину передачею Новгородской церкви нѣкоторыхъ доходовъ новгородскаго князя, названныхъ въ грамотѣ общимъ именемъ «оброковъ». Эти оброки—доходы новгородскаго князя были пожертвованы княземъ Всеволодомъ съ согласія представителей новгородской общины: «И созвалъ есмы, говорится въ грамотѣ, десять соцкихъ, и старосту Болеслава, и барича Мирошку, и старосту Иванскаго Васюту; и погадалъ есмь со владыкою, и съ своею княгинею, и съ своими боляры, и съ десятью соцкими и съ старостами; далъ есмы судъ и мѣрила и т. д.». Въ концѣ второй части вмѣняется въ обязанность Новгородскому собору духовенства проклинать тѣхъ родственниковъ князя Всеволода, которые отберутъ отданное имъ Новгородской церкви.

Третья часть содержитъ въ себѣ точное повтореніе постановленій Устава Владимира въ пространной редакціи, опредѣляющихъ сферу дѣлъ, подсудныхъ церковному суду.

Четвертая часть подробнѣе развиваетъ постановленія Устава Владимира о надзорѣ духовныхъ властей за правильностью торговыхъ мѣръ и вѣсовъ. Всеволодъ говоритъ здѣсь, что предписанное княземъ исполняется его боярами, а они своимъ норовятъ, а гостей обижаютъ, и тѣмъ губятъ княжескую душу; въ грамотахъ патріарха Фотія, принесенныхъ въ Русь княземъ Владимиромъ, значится, что епископъ долженъ наблюдать за всѣми торговыми вѣсами и мѣрилами, всякій годъ ихъ взвѣшивать, чтобъ не были они ни уменьшаемы, ни увеличиваемы, долженъ заботиться о нихъ, какъ о душахъ

человѣческихъ, подъ отвѣтственностью передъ Богомъ; если же при провѣркѣ вѣсовъ и мѣръ кто-либо попадется въ плутовствѣ, того казнить смертью, а имущество его раздѣлить на 3 части: одну часть отдать церкви св. Софіи, другую церкви св. Іоанна, а третью въ казну Новгорода.

Пятая часть перечисляетъ лица и учрежденія, переданныя вѣдѣнію церкви и поименованныя въ Уставѣ Владимира, съ прибавленіемъ свѣщегаса, сторожника и изгоевъ, при чемъ пояснено, что «изгои трои: поповъ сынъ грамотѣ не умѣетъ, холопъ отъ холопства выкупится, купецъ одолжаетъ; а се четвертое изгойство къ себѣ приложимъ: аще князь осиротится».

Шестая часть заключаетъ въ себѣ повтореніе заклятья противъ нарушителей правъ церкви, помѣщеннаго въ Уставѣ Владимира по пространной редакціи, съ прибавленіемъ слѣдующаго заключенія: «А то вся дѣла приказахъ св. Софіи и всему Новограду, моимъ мужемъ десяти соцкимъ: вы соблюдите, а не соблюдете, и вы сами за то отвѣтъ дадите въ день страшнаго суда предъ лицомъ Царя славы. Аминь».

За приведеннымъ заключеніемъ, въ видѣ приписки, помѣщается седьмая часть, говорящая о подсудности тяжбъ между братьями о наслѣдствѣ церковному суду и опредѣляющая законную часть въ наслѣдствѣ дѣтямъ отъ третьей и четвертой жены, признаваемымъ незаконными.

Кромѣ приведеннаго церковнаго устава, приписывается Всеволоду-Гавріилу изданіе «Грамоты, данной церкви св. Іоанна Предтечи на Опокахъ». Эта грамота сохранилась до насъ въ неисправныхъ спискахъ, съ ясными искаженіями первоначальнаго текста. Во вступленіи Всеволодъ-Гавріилъ именуетъ себя самодержцемъ, владычествующимъ надъ «всею русскою землею и всею областью Новгородскою»; но этотъ князь никогда не былъ великимъ Кіевскимъ княземъ и самодержцемъ русской земли. Другая явная неисправность текста состоитъ въ томъ, что въ началѣ грамоты говорится о построеніи Всеволодомъ-Гавріиломъ церкви св. Ивана на Петрятинѣ дворищѣ, а въ концѣ ея читаемъ: «Петрятино дворище отъ прежнихъ дверей Святаго Великаго Ивана до погреба»; но это противорѣчіе еще можетъ быть разрѣшено тѣмъ, что подъ выраженіемъ «поставилъ есми церковь» должно разумѣть только возобновленіе или перестройку церкви св. Іоанна.

Содержаніе грамоты составляютъ: распоряженія князя Всеволода о передачѣ въ содержаніе Ивановской церкви торговыхъ пошлинъ отъ продажи воска въ Новгородѣ и Торжкѣ; о жалованьи причту Ивановской церкви и обязанностяхъ его службы; объ организаціи и обязанностяхъ купеческой общины, состоявшей при Ивановской

церкви и владѣвшей монополіей торговли воскомъ; таксированы пошлины съ оптовой продажи воска; опредѣляются блюстители содержанія Ивановской церкви, ея причта и предметовъ, хранившихся въ этой церкви; заклятіе противъ нарушителей постановленій грамоты.

Уставъ Святослава Ольговича состоитъ изъ вступленія, распоряженія о церковной десятинѣ отъ виръ и продажъ и санкціи.

Во вступленіи говорится слѣдующее: По уставу нашихъ предшественниковъ въ Руси, нашихъ прадѣдовъ и дѣдовъ, епископу принадлежитъ десятина отъ всѣхъ даней, виръ и продажъ, входящихъ въ княжескую казну, то-есть, буквально повторяется то, что сказано въ спискѣ пространной редакціи Устава Владимира, напечатанномъ въ III части продолженія Древней Россійской Вивліоѳики (изд. Крестинина).

За вступленіемъ слѣдуетъ распоряженіе о церковной десятинѣ въ Новгородской землѣ, въ которомъ говорится: А здѣсь въ Новгородѣ, что составляетъ десятину отъ даней, я нашелъ опредѣленнымъ князьями, бывшими прежде меня; не нашелъ только опредѣленія десятины отъ виръ и продажъ, по неизвѣстности, что поступаетъ отъ нихъ въ казну княжескую; необходимо для епископа и для князя и въ этомъ точно опредѣлить десятую Божью часть. Того ради, вмѣсто церковной десятины отъ виръ и продажъ, я уставилъ брать епископу 100 гривенъ новыхъ кунъ, которые долженъ выдавать Доможиричъ изъ Онѣги; а если у него не соберется полныхъ ста гривенъ кунъ, пусть дастъ 80, а остальныя 20 гривенъ дополняются изъ казны княжескаго дома. Даже въ уставѣ слѣдуетъ точное обозначеніе церковной десятины отъ погостовъ Онежскихъ, Обонежскихъ и Бѣжецскихъ, то есть отъ новгородскихъ волостей, доходъ съ которыхъ, дани, даръ и пошлины съ соляныхъ варницъ поступалъ въ казну княжескую.

Въ заклятіи противъ нарушителей устава, послѣ хронологической даты, означающей 1137 годъ, говорится: кто нарушитъ это постановленіе, сдѣланное мною, княземъ Николаемъ-Святославомъ съ владыкою Нифонтомъ, будь то князь или какой Новгородецъ, тотъ будетъ противенъ Богу и Святой Софіи.

Уставъ Ростислава Мстиславича содержитъ въ себѣ распоряженія о средствахъ содержанія Смоленской епископіи.

Князь Ростиславъ Мстиславичъ, по завѣщанію отца своего и по соглашенію съ людьми своими, митрополитомъ Михаиломъ и епископомъ Манойломъ, учредилъ въ Смоленскѣ епископію и далъ уставную грамоту, съ цѣлью обезпечить средствами существованія вновь учрежденное епископство. А если кто разрушитъ Смоленскую епископію, сказано въ заключеніи грамоты, или пріобщитъ ее снова

къ епископіи Переяславской, нарушивъ слово святого митрополита русскаго Михаила, то князь Смоленскій отъиметъ все свое, данное имъ на содержаніе Смоленской церкви.

Постановленіями, направленными къ обезпеченію средствъ существованія Смоленской епископіи, передаются въ распоряженіе смоленскаго епископа слѣдующія статьи княжескихъ доходовъ: десятина отъ всѣхъ даней, поступавшихъ въ казну княжескую деньгами и натурою, при чемъ въ грамотѣ перечисляются поселенія—города Смоленской области, съ обозначеніемъ въ гривнахъ количества княжеской дани и церковной десятины съ каждаго изъ нихъ; «прощеники», о которыхъ говорится: «се даю Святой Богородицѣ и епископу прощеники, съ медомъ, и съ кунами, и съ вирою, и съ продажами, и ненадобѣ ихъ судити никакому же человѣку»; городъ Холмъ и два села, Дросенское и Ясенское, съ изгоями и съ землею, озерами, и сѣнокосами; пустошь, огородъ и лѣсъ съ состоявшими при нихъ княжескими людьми, и восемь капій воску на церковное освѣщеніе.

Перечень дѣлъ, подсудныхъ епископу, съ доходами съ нихъ, начинается распоряженіемъ: «А тяжъ епископихъ не судити никому же, судитъ ихъ самъ епископъ: первая тяжа роспустъ», а затѣмъ именуются: двоеженство, незаконный бракъ, похищеніе дѣвицъ, зелья, душегубство, драка двухъ женъ и всѣ тяжбы между церковными людьми. Въ концѣ перечня дѣлъ, подсудныхъ церковному суду, помѣщается запрещеніе свѣтскимъ властямъ вмѣшиваться въ церковные суды, выраженное въ слѣдующей формѣ: «Аже будетъ или тяжа, или продажа епископля, да ненадобѣ ни князю, ни посаднику, ни тивуну, ни иному никому же отъ мала и до велика, и по всей волости Смоленской».

№ IV. Изданія Русской Правды.

1. Академическое 1767 года.

2. Болтина, 1799 года, по шести спискамъ, снабженное переводомъ древняго текста на новый языкъ и разными примѣчаніями.

3. Московскаго Общества Исторіи и Древностей Россійскихъ, 1815 года, помѣщенное въ первой части «Русскихъ Достопамятностей», по списку, взятому изъ древнѣйшей Кормчей, относящейся къ XIII вѣку, съ варіантами изъ прежнихъ изданій и предисловіемъ Калайдовича.

4. Того же Общества, 1843 года, по списку также XIII вѣка, помѣщенное во второй части «Русскихъ Достопамятностей», съ объясненіями Дубенскаго.

5. Тобина, 1844 г., съ переводомъ на нѣмецкій языкъ.

6. Калачова, 1846 года, помѣщенное въ сочиненіи подъ заглавіемъ: «Предварительныя изслѣдованія о Русской Правдѣ», по 30

спискамъ; статьи расположены не въ томъ порядкѣ, въ какомъ они слѣдуютъ въ оригиналѣ, а въ системѣ, принятой издателемъ, разбившимъ ихъ на четыре отдѣла: въ первомъ отдѣлѣ помѣщены статьи, относящіяся къ государственному праву, во второмъ—къ гражданскому, въ третьемъ — къ уголовному, въ четвертомъ—къ процессу.

7. Калачова, 1847 года, по четыремъ спискамъ: Академическому конца XIII вѣка, Троицкому конца XIV вѣка, Карамзинскому XV вѣка и Оболенскому XVII вѣка.

8. Утина и Лазаревскаго, 1859 года, въ Собр. важн. пам. русскаго права, по спискамъ: Академическому, Троицкому и Карамзинскому.

9. Владимірскаго - Буданова, въ I т. Христоматіи, по двумъ спискамъ: Академическому и Карамзинскому, съ подстрочными объясненіями и примѣчаніями издателя.

10. Мрочекъ-Дроздовскаго, 1885 года, во второмъ выпускѣ его «Изслѣдованій о Русской Правдѣ», по тремъ спискамъ (Румянцевскому, Синодальному I-му и Бѣляевскому). Къ изданію приложенъ объяснительный словарь.

11. Самоквасова по спискамъ Академическому и Троицкому, въ «Пособіи», подъ № IV.

№ V. Литература Русской Правды.

Русская Правда была открыта въ спискѣ новгородскаго лѣтописнаго свода XV вѣка историкомъ Татищевымъ, представившимъ ее, съ объяснительными примѣчаніями, въ Академію Наукъ въ 1738 году; но въ академическомъ изданіи (подъ редакціей А. Шлецера) она появилась только въ 1767 году. Съ того времени почти всѣ русскіе историки и историки-юристы останавливали свое вниманіе на этомъ памятникѣ, преимущественно на вопросахъ о его происхожденіи, составѣ содержанія и источникахъ.

Академикъ Струбе-де-Пьермонтъ, сличивъ содержаніе Русской Правды съ древними датскими и шведскими законами, нашелъ между ними много сходства, которымъ Шлецеръ поспѣшилъ воспользоваться, какъ новымъ доказательствомъ скандинавскаго происхожденія Руси [1]).

Карамзинъ признавалъ въ содержаніи Р. Правды «законы Яро-

---

[1]) Discours sur l'origine et les changements des lois Russiennes. 1756 an. Пер. Нарышкина: Слово о началѣ и перемѣнахъ россійскихъ законовъ. Haihold's Beilagen zum Neuveränderten Russland. Erster Th. Riga und Mitau. 1769 г. № 329 und folg.

слава, принесенные Варягами-Скандинавами, а потому согласные съ древними законами скандинавскими» [1]).

Эверсъ обратилъ вниманіе на то обстоятельство, что шведскіе и датскіе законы, изъ которыхъ будто бы заимствовано было содержаніе Р. Правды, сами составлены были цѣлыми столѣтіями позднѣе появленія этого сборника законовъ; но, признавая сходство его содержанія съ содержаніемъ древнихъ шведскихъ и датскихъ законовъ, Эверсъ старался отыскать ихъ общій источникъ и предположилъ таковымъ законы салическихъ и рипуарскихъ франковъ [2]).

Со времени Каченовскаго, доказывавшаго, что Лѣтопись Нестора и Р. Правда, по времени своего происхожденія, не принадлежатъ XI вѣку, а представляютъ собою сборники XIII или XIV вѣка [3]), въ нашей ученой литературѣ складываются и взаимно полемизируютъ два воззрѣнія по вопросу о происхожденіи и составѣ содержанія Р. Правды, изъ которыхъ одно усматриваетъ въ этомъ памятникѣ офиціальный сборникъ законовъ или уставовъ Ярослава, его дѣтей и внуковъ, а другое видитъ въ ней сборникъ частнаго лица, составленный изъ княжескихъ уставовъ, судебныхъ рѣшеній и нормъ обычнаго права.

По мнѣнію Полевого, Р. Правда не есть уложеніе, данное Ярославомъ, а сборникъ законовъ, составленный въ разныя времена, изъ разныхъ источниковъ, разными лицами [4]).

По мнѣнію Погодина, первыя 17 статей Р. Правды представляютъ собою законодательство Ярослава Мудраго, а затѣмъ, ниже словъ «по смерти Ярослава совокупишеся сынове его», слѣдуетъ законодательство сыновей Ярослава, оканчивающееся предъ заглавіемъ статьи «Уставъ Владимира Всеволодовича», за которымъ слѣдуетъ законодательство Владимира Мономаха [5]).

Бѣляевъ также признавалъ въ Правдѣ сборникъ законовъ и различалъ въ немъ законы Ярослава, сыновей Ярослава, Владимира Мономаха и законы XIII столѣтія [6]).

По мнѣнію Раковецкаго, «если бы изслѣдователи положили въ основаніе своихъ изысканій естественное и соотвѣтствующее исто-

---

[1]) Ист. Госуд. Рос. I, 144; II, 26.

[2]) Kritische Vorarbeiten zur Geschichte der Russen. Dorpat. 1814. Erstes Buch, S. 103—117.

[3]) Вѣстникъ Европы за 1829 г., № 13 и 15. Ученыя записки Москов. Универс. за 1835 г., № 9 и 10.

[4]) Исторія русскаго народа, т. I, стр. 271, прим. 209; стр. 256, пр. 192.

[5]) Изслѣд., зам. и лекціи, т. III, гл. VII, стр. 359 и слѣд.

[6]) Лекціи, стр. 220 и слѣд.

рической дѣйствительности положеніе, по которому Славяне издревле имѣли свое право, принесенное ихъ предками въ Европу, то не стали бы вмѣстѣ съ Шлецеромъ, Струбе, Эверсомъ, Чацкимъ и другими учеными скитаться по неизвѣстнымъ намъ странамъ готскимъ, датскимъ, шотландскимъ и скандинавскимъ, отыскивая въ нихъ начало древнеславянскихъ правъ, и признали бы въ Р. Правдѣ самобытный остатокъ славянскаго права глубочайшей древности [1]).

По мнѣнію Розенкампфа, слова Ярослава «по сей грамотѣ ходите, якоже писахъ вамъ, такоже держите», безъ сомнѣнія, относятся не къ Русской Правдѣ, а къ другой грамотѣ, данной Ярославомъ Новгородцамъ. Постановленія, основанныя на древнѣйшихъ обычаяхъ, составляютъ Р. Правду; существовала она до князей Владимира и Ярослава и прочихъ преемниковъ княжескаго престола; она содержитъ въ себѣ слѣды понятій, свойственныхъ всѣмъ первобытнымъ сѣвернымъ народамъ, какого бы они ни были происхожденія; но въ то же время она есть и туземный плодъ древняго времени [2]).

По мнѣнію Неймана, «вся Р. Правда, можетъ быть, есть не что иное, какъ первый опытъ юридическаго сборника. Выписавъ Правду Ярослава и за ней Правду сыновей его, составитель прибавилъ къ нимъ всѣ другія постановленія, имѣвшія въ его время юридическую силу и извѣстныя ему изъ судебныхъ рѣшеній и изъ другихъ памятниковъ права; во всякомъ случаѣ, такой именно сборникъ представляетъ собою такъ-называемая Р. Правда XIII вѣка» [3]).

По мнѣнію Калачова, «по формѣ или внѣшнему составу ни одинъ изъ дошедшихъ до насъ списковъ Р. Правды не есть офиціальный текстъ, т.-е. законодательный уставъ, уложеніе или сборникъ въ томъ видѣ, какъ они могли быть составлены и изданы отъ имени верховной власти и подъ непосредственнымъ ея вліяніемъ... Р. Правда, въ той формѣ, какую она имѣетъ въ извѣстныхъ намъ спискахъ, есть очевидно сборникъ, составленный частнымъ лицомъ и въ разное время такимъ же образомъ дополненный, подъ вліяніемъ различныхъ условій [4]). Это мнѣніе принято Дювернуа, Сергѣевичемъ, Владимірскимъ-Будановымъ и др. [5]).

---

[1]) J. B. Rakovieckiego: Prawda Ruska etc., c. 222 и слѣд. 1820.

[2]) Обозрѣніе Кормчей книги, стр. 222 и слѣд. Изд. 1829 года.

[3]) Studien zur grüdlichen Kenntniss der Vorzeit Russlands, mitgetheilt von J. Ph. Ewers (1830). Entwickelung des russischen Rechts nach der ersten bis zur zweiten Prawda, s. 52—58.

[4]) Изслѣдованія о Русской Правдѣ, стр. 29 и слѣд. 1846.

[5]) См. Дювернуа: Источники права и судъ въ древней Россіи, стр. 44 и слѣд.; Сергѣевича: Лекціи и изслѣдованія, стр. 160 и слѣд.;

По мнѣнію Грицко, «Правда Ярославова, Изяславова и XIII столѣтія суть частные сборники, составленные частными лицами и такимъ же образомъ дополненные... но для такого мнѣнія нѣтъ рѣшительно никакихъ историческихъ свидѣтельствъ. Мы пришли бы въ немалое затрудненіе, если бы насъ попросили, не говоримъ указать, а только предположительно объяснить: кѣмъ и съ какою цѣлью могли составляться такіе сборники, и какимъ образомъ къ этимъ частнымъ сборникамъ могли приклеить имя Ярослава»? [1]). По мнѣнію Ланге: «въ настоящее время господствуетъ мнѣніе, что Р. Правда не есть документъ офиціальный, но сборникъ, составленный частными лицами и въ разное время дополненный подъ вліяніемъ различныхъ условій... По нашему мнѣнію, Р. Правда въ различныхъ ея спискахъ представляетъ копіи съ подлинныхъ уставовъ уголовнаго и гражданскаго права князей Ярослава, Изяслава съ братьями и Мономаха» [2]).

По мнѣнію Мрочекъ-Дроздовскаго, краткая и пространная Русская Правда представляютъ собою своды княжескихъ постановленій: «Краткая Правда представляетъ собою сводъ первоначальной Ярославской Правды съ дополненіями ея при сыновьяхъ Ярослава; это сводъ главнымъ образомъ хронологическій. Пространная Правда— это сводъ преимущественно попредметный... Окончательную обработку этотъ сводъ получилъ не позднѣе первой половины XII столѣтія... Временемъ появленія Краткой Правды необходимо признать конецъ XI вѣка» [3]).

№ VI. Система содержанія Русской Правды.

Правда или судебный уставъ, изданный княземъ Ярославомъ Владимировичемъ, опредѣливъ наказанія за убійство (ст. 1), нанесеніе побоевъ, ранъ и увѣчій (2—9), передержательство бѣглаго раба (10), побои рабомъ свободнаго человѣка (16), самовольное

воззрѣнія Неймана и Калачова по вопросу о происхожденіи и составѣ содержанія Р. Правды были приняты и нами, въ обозрѣніи литературныхъ воззрѣній на начала политическаго быта древнерусскихъ Славянъ (Исторія русскаго права, т. I, стр. 221—229, изд. 1878 г.); но впослѣдствіи ближайшее ознакомленіе съ формами и содержаніемъ древнихъ памятниковъ русскаго права и сравненіе ихъ между собою привели насъ къ перемѣнѣ мнѣнія по этому вопросу.

[1]) Участіе общины въ судѣ по Р. Правдѣ.

[2]) Уголовное право Р. Правды, стр. 3 и слѣд.

[3]) Лекціи, стр. 254—258, изд. 1892 г. Изслѣд. о Р. Правдѣ; в. II, пред., с. XXXI и слѣд.

пользованіе чужою лошадью (11), воровство коня, оружія и одежды (12), поврежденіе чужой собственности (17), порядокъ возвращенія украденнаго (13), порядокъ взысканія долговъ (14) и порядокъ возвращенія бѣглаго или похищеннаго раба (15), удовлетворилъ первой настоятельной потребности въ общемъ судномъ законѣ для всей Русской земли, подвластной Кіевскому князю. Но уже при жизни Ярослава образованіе новыхъ правоотношеній и новые случаи судебной практики требовали изданія новыхъ законовъ, подобныхъ закону объ убійствѣ раба за побои свободнаго человѣка, о которомъ въ пространной редакціи Р. Правды говорится прямо, какъ объ уставѣ Ярослава, измѣненномъ уставомъ его сыновей (Тр. сп., 58). Накопленіе отдѣльныхъ законодательныхъ актовъ вызывало потребность ихъ объединенія въ законодательномъ сборникѣ или сводѣ, подобно тому, какъ накопленіе отдѣльныхъ законовъ имѣло своимъ слѣдствіемъ составленіе офиціальныхъ сводовъ русскаго законодательства послѣдующихъ историческихъ эпохъ: новгородской и псковской судныхъ грамотъ, княжескаго и царскаго Судебниковъ, Уложенія царя Алексѣя Михайловича. Первый съѣздъ дѣтей Ярослава, бывшій при его жизни, долженъ былъ удовлетворить этой потребности объединенія отдѣльныхъ уставовъ въ законодательномъ сводѣ; къ первоначальному судебному уставу Ярослава, въ составѣ 17 постановленій, онъ присоединилъ въ хронологическомъ порядкѣ послѣдующіе, дополнительные уставы Ярослава и княжескія судебныя рѣшенія по новымъ частнымъ случаямъ княжеской судебной практики, обративъ ихъ въ законы для разрѣшенія такихъ же случаевъ въ будущемъ.

Въ дополнительной части свода (отъ 18 до 43 ст. Акад. сп.) различаются три отдѣла постановленій, изъ которыхъ въ каждомъ сначала говорится о нарушеніи правъ личныхъ, а потомъ правъ имущественныхъ, и четвертый отдѣлъ о пошлинахъ. А именно: I, объ убійствѣ огнищанина (18—20), княжаго тіуна и стараго конюха (21), княжихъ сельскаго старосты, рядовича, смерда и холопа (22—24), о вознагражденіи за кражу и истребленіе животныхъ (25—26), о штрафѣ за кражу раба или рабы (27); II, о свидѣтельствѣ послуха при искѣ о нанесеніи побоевъ (28), о кражѣ лошадей, воловъ и обворованіи клѣти (29), о порчѣ и истребленіи княжей борти (30); III, объ истязаніи смерда, огнищанина, тіуна и мечника (31, 32), объ уничтоженіи межъ (33), о кражѣ ладьи и разныхъ мелкихъ животныхъ (34—37), объ убійствѣ и задержаніи вора на мѣстѣ преступленія (38), о кражѣ сѣна, дровъ, овцы, козы и свиньи (39, 40); IV, распоряженіе о судебныхъ пошлинахъ въ пользу емца, мечника, церкви и князя (41) и о содержаніи вирника (42) и мостника (43). Между двумя послѣдними статьями помѣщается слѣдующее указаніе: «то ти урокъ Ярославль», повидимому, показывающее, что уставъ-

урокъ мостникамъ представляетъ собою послѣдующее добавленіе къ законодательному своду Изяслава, Всеволода и Святослава, утвержденному Ярославомъ въ составѣ только 42 статей.

Пространная редакція Русской Правды представляетъ собою законодательство Ярослава Владимировича, изложенное въ новой системѣ и частію преобразованное, частію дополненное новыми уставами его сыновей и внуковъ. Въ текстѣ Р. Правды пространной редакціи имѣются прямыя указанія на новые уставы дѣтей Ярослава, изданные послѣ его смерти [1]). Накопленіе дополнительныхъ къ Р. Правдѣ Ярослава княжескихъ уставовъ вызывало потребность въ новомъ законодательномъ сводѣ, подобно тому, какъ въ московскомъ государствѣ накопленіе дополнительныхъ къ первому Судебнику указовъ вызвало появленіе второго и третьяго Судебниковъ. Пространная редакція Р. Правды была выработана на съѣздѣ въ Берестовомъ: «А се уставилъ Володимеръ Всеволодичь Манамахъ, по Святополчѣ, созвавъ дружину свою на Берестовомъ...» (Синод., 40. Тр., 48. К., 66). Содержаніе Мономахова свода расположено въ слѣдующемъ порядкѣ: уставы объ убійствѣ и вирахъ (Тр., 1—8); о платѣ за умерщвленіе отроковъ, конюховъ, поваровъ, тіуновъ, рядовичей, смердовъ и холоповъ (9—14); о порядкѣ судопроизводства по дѣламъ о поклепной вирѣ (15—17); о ростѣ судныхъ кунъ (К., 18); о нанесеніи ранъ, увѣчій и побоевъ (Тр., 18—25); о передержательствѣ бѣглыхъ рабовъ (26); о самовольномъ пользованіи чужимъ конемъ, утайкѣ найденнаго, порядкѣ возвращенія украденнаго и конокрадствѣ (27—36); о наказаніи вора, пойманнаго на мѣстѣ преступленія, о кражѣ скота и обвороваціи клѣти, о кражѣ хлѣба изъ гумна или изъ ямы (Кар., 37, 38); о вознагражденіи лицъ, потерпѣвшихъ отъ воровства (39—42); о замѣнѣ продажи для татей-холоповъ двойнымъ вознагражденіемъ обиженнаго воровствомъ (43); о порядкѣ взысканія долговъ (44, 45); о поклажѣ (46); о процентахъ (47, 48); о приплодѣ и приростѣ за 12 лѣтъ (48—65). Новые законы Мономаха: о процентахъ (К., 66, 67); о долгахъ (68, 69); о закупахъ и холопахъ (70—77); о поврежденіи бороды и зуба 78, 79); о покражѣ бобра, разрушеніи борти, поврежденіи межъ и порубкѣ межнаго дуба (Т., 62—66. К., 80—84); о пошлинахъ и содержаніи отроковъ-ѣздоковъ и писца (85); о порубкѣ бортнаго

---

[1]) „По Ярославѣ же паки совокупившеся сынове его... и отложиша убіеніе за голову, но кунами ся, выкупати, а ино все, якоже Ярославъ судилъ, такоже и сынове его уставиша“ (Сп. Тр. и К., 2). Холопа, ударившаго свободнаго мужа, „Ярославъ Володимеричь былъ уставилъ убити, но то сынове его по немъ уставиша на куны“ (К., 76, Тр., 58).

дерева, кражѣ пчелъ и отысканіи вора по слѣдамъ (86—88); объ истязаніи смерда и огнищанина (89—90); о кражѣ ладьи, поврежденіи перевѣса, кражѣ мелкихъ животныхъ, сѣна и дровъ (91—96); о поджогѣ гумна и двора (97); о злонамѣренномъ поврежденіи скота (98); о порядкѣ производства тяжебныхъ дѣлъ (99, 100); объ убійствѣ женщины (101); о неплатежѣ виры за убійство раба или рабы (102); о наслѣдствѣ (103—107); о платѣ и содержаніи городника и мостника (108—109); о наслѣдствѣ (110—117); о судебныхъ пошлинахъ (118); о ротныхъ пошлинахъ (Т., 101); о холопствѣ (102—115. К., 119—132). Этими статьями оканчивается сводъ Мономаха по Синодальному, Троицкому и другимъ древнѣйшимъ спискамъ. Въ спискѣ Карамзинскомъ имѣются еще три статьи: о человѣкѣ, полгавшемъ куны (133), о городскихъ мостахъ (134) и о мукѣ у дворянина, или у колокольни (135). Заключеніе: «По си мѣсто Судебникъ Ярославль».

Соединяя въ одинъ сводъ законодательные акты, изданные въ періодъ княженія Владимира, Ярослава, Изяслава, Святополка и Владимира Мономаха, составители этого свода не ограничились хронологическимъ сопоставленіемъ состоящаго въ ихъ распоряженіи законодательнаго матеріала, а придали ему замѣчательную для своего времени внѣшнюю и внутреннюю обработку. Собравъ готовый законодательный матеріалъ, Берестовскій съѣздъ выдѣлилъ изъ него статьи, подлежавшія измѣненію или дополненію, а остальныя расположилъ въ трехъ отдѣлахъ: 1) постановленія о нарушеніи личныхъ правъ (К., 1—26); 2) постановленія о нарушеніи имущественныхъ правъ (27—44); 3) постановленія гражданскаго права (45—48). Процессуальныя постановленія помѣщены въ статьяхъ уголовнаго и гражданскаго содержанія, къ которымъ они относятся: процессъ о вирѣ—за статьями объ убійствѣ (15—17), процессъ о продажѣ за личныя поврежденія—за уголовными статьями объ этомъ предметѣ (24—26), процессъ по имущественнымъ правонарушеніямъ—въ связи съ уголовными и гражданскими постановленіями объ этомъ предметѣ (27, 29, 30, 32—34, 36, 37, 44—48). Постановленія о судебныхъ пошлинахъ точно такъ же помѣщаются за статьями уголовнаго содержанія, съ которыми данныя судебныя пошлины стоятъ въ непосредственной связи: уставы Ярослава и его сыновей о вирныхъ пошлинахъ помѣщены непосредственно подъ постановленіями объ убійствѣ свободныхъ людей и дикой вирѣ (7, 8); постановленіе о пошлинѣ съ поклепной виры помѣщается въ статьяхъ о поклепной вирѣ (16). Постановленія о частномъ вознагражденіи за убійство княжескихъ отрока, конюха, повара, тіуна огнищнаго и конюшаго и вообще всѣхъ лицъ несвободнаго состоянія, княжескихъ и боярскихъ, сведены въ одинъ отдѣлъ, помѣщенный подъ статьями о

вознагражденіи вирника (9—14). Въ концѣ постановленій о воровствѣ помѣщена такса разнаго рода домашнихъ животныхъ, по которой взималось частное вознагражденіе за похищенную или поврежденную собственность князя и частныхъ лицъ (41, 42). Постановленія Ярославова свода казуистической формы въ Мономаховомъ сводѣ обобщены и изложены въ формѣ общихъ правилъ (10, 38, 39, 40). Наконецъ, составители Мономахова свода, соединивъ однородныя постановленія въ группы, дали имъ спеціальныя заглавія, указывающія на содержаніе статей, подъ ними помѣщенныхъ.

Вторая часть Мономахова свода заключаетъ въ себѣ измѣненные или дополненные Берестовскимъ съѣздомъ уставы Ярославова свода и новые уставы, составленные съѣздомъ и дополнившіе русское законодательство по дѣламъ земскимъ, изданные до времени созванія Мономахомъ Берестовскаго съѣзда. Начинается эта часть новыми уставами: о процентахъ, о долгѣ, о закупѣ (К., 66—75), то-есть статьями, дополняющими постановленія гражданскаго права первой части свода. Далѣе слѣдуютъ статьи уголовнаго содержанія: о нарушеніи личныхъ и имущественныхъ правъ (76—102), изъ которыхъ однѣ (о холопѣ, ударившемъ свободнаго мужа, о бородѣ, о зубѣ и пр.) представляютъ собою измѣненные уставы Ярославова свода, а другія—новые законы, дополняющіе Ярославовы. Въ концѣ свода помѣщены постановленія объ урокахъ городника и мостника (108, 109), о судебныхъ пошлинахъ (117, 118), о ротныхъ урокахъ (Тр., 101), о наслѣдствѣ (103—107, 110—116) и о холопствѣ (119—132). Процессуальныя постановленія, какъ и въ первой части, связаны со статьями уголовнаго и гражданскаго права; однородныя по содержанію постановленія соединены въ группы, разграниченныя спеціальными заглавіями.

№ VII. Денежная система Русской Правды.

Денежной системѣ Р. Правды посвящали свои труды Болтинъ, Карамзинъ, Каченовскій, баронъ Шодуаръ, Казанскій, Погодинъ, Прозоровскій, Бѣляевъ, графъ Толстой, Мрочекъ-Дроздовскій и др. Этому вопросу посвящена также одна изъ главъ обстоятельнаго изслѣдованія Н. Ланге: «Объ уголовномъ правѣ Р. Правды», по выводамъ котораго во всѣхъ случаяхъ, гдѣ въ Р. Правдѣ говорится неопредѣленно о гривнѣ, должно разумѣть не гривну серебра, какъ думали Погодинъ, Казанскій, Прозоровскій и др., а гривну кунъ, которая въ $7\frac{1}{2}$ разъ была менѣе гривны серебра. Гривна кунъ равнялась приблизительно рублю серебра нашего времени и заклю-

чала въ себѣ 50 кунъ или рѣзанъ, равнявшихся двумъ копейкамъ серебра; ногата же была равна пяти копейкамъ серебра [1]).

По выводамъ проф. Мрочекъ-Дроздовскаго, «гривна была высшая единица древняго денежнаго счета. Въ качествѣ денежной единицы гривна=$^1/_2$ фунту серебра (приблизительно) и была вдвое меньше гривны вѣса, или гривны товарной. Какъ денежная единица, гривна называлась гривною кунъ, то-есть, кунною, или денежною, но большею частію на языкѣ памятниковъ того времени и самой Правды кунная гривна упоминается безъ всякаго показателя, а вѣсовая гривна, напротивъ, встрѣчается обыкновенно съ показателемъ металла: гривна золота, серебра. Части гривны слѣдующія: ногата=$^1/_{20}$, куна=$^1/_{25}$, рѣзана=$^1/_{30}$. Кромѣ этихъ гривенныхъ частей въ Правдѣ еще упоминается вѣверица (векша); эта единица=$^1/_{30}$ части ногаты» [2]).

№ VIII. Литература мѣстныхъ законовъ эпохи удѣльныхъ государствъ.

Изученію памятниковъ удѣльнаго законодательства посвящены въ литературѣ слѣдующія сочиненія:

Митрополита Евгенія: «Замѣчанія объ уставныхъ губныхъ грамотахъ». Вѣстникъ Европы, 1813 г. № 21.

И. Васильева: «Историческое обозрѣніе актовъ и судебныхъ бумагъ въ Россіи». Труды Москов. Общества Истор. и Древн. за 1830 годъ.

Саларева: «Описаніе разнаго рода Россійскихъ грамотъ». Вѣстникъ Европы за 1819 г. № 4.

---

[1]) По системѣ Ланге (стр. 25—54) виры, продажи и цѣны на разные предметы, выраженныя въ нашихъ деньгахъ, въ эпоху Р. Правды были слѣдующія: 80-гривенная вира=80 рублямъ; 40-грив.=40 р.; полувира =20 р.; 12-гривенная, 3-грив. и 30-кунная продажа=12 р., 3 р., 60 коп.; 60-кунная продажа=1 р. 20 к.; цѣна холопа 5 р., рабы—6 р.; княжескаго коня—3 р.; коня смерда—2 р.; кобылы—3 р. и 1 р. 20 к.; жеребенокъ 1 р.; волъ 1 р.; корова 2 руб. и 80 коп.; теленокъ 10 к., баранъ 5 коп., овца 10 к., козелъ 20 к., коза 30 к., кабанъ 30 к., свинья 10 к., поросенокъ 5 к., курица 18 к., утка 60 к. гусь 60 к., морская ладья 3 р.; набойная ладья 2 р.; челнокъ 40 к.; стругъ 1 р.; возъ сѣна 10 к.; стогъ сѣна 1 р.; возъ дровъ 10 к. Эти цѣны, конечно, выражаютъ не дешевизну предметовъ, а высокую цѣнность денегъ въ эпоху Р. Правды. По системѣ, принимающей безымянную гривну Р. Правды за серебряную, приведенныя цѣны должны быть увеличены въ $7^1/_2$ разъ.

[2]) Лекціи по исторіи русскаго права, изд. 1892 г. стр. 261.

Андреевскаго: «О договорѣ Новгорода съ Нѣмецкими городами и Готландомъ». Спб. 1855 г.

Соловьева: «Объ отношеніяхъ Новгорода къ великимъ князьямъ» (разработка договоровъ Новгорода съ князьями). Москва. 1846 г. Его же: «Исторія отношеній между русскими князьями Рюрикова дома» (разработка междукняжескихъ договоровъ). Москва. 1847 г.

Тобіена: «Die altesten Gerichts - Ordnungen-Russlands». 1846 г.

Григорьева: «О достовѣрности ханскихъ ярлыковъ». М. 1842 г.

Березина: «Ханскіе ярлыки». Спб. 1850 г.

Неволина: «Объ успѣхахъ государственнаго межеванія въ Россіи». Сочиненія; т. VI (разработаны межевыя грамоты).

Чичерина: «Духовныя и договорныя грамоты великихъ и удѣльныхъ князей». Опыты по исторіи русскаго права. 1858 г.

Горбунова: «Льготныя и жалованныя грамоты монастырямъ и церквамъ XIII—XV вв.» Архивъ Юрид. и Практ. свѣдѣній, Калачова; 1860, 1861 гг. № 1 и 5.

Высоцкаго: «Уставныя, Судебныя и Губныя грам.» 1860 г.

Загоскина: «Уставныя грамоты XIV и XVI вв., опредѣляющія порядокъ мѣстнаго правительственнаго управленія». 1875 г.

Мейчика: «Грамоты XIX и XV вв. Московскаго Архива Министерства Юстиціи». 1883 г.

Мрочекъ-Дроздовскаго: «Древнѣйшіе памятники русскаго права эпохи мѣстныхъ законовъ». Юридическій Вѣстникъ Московскаго Юридическаго Общества. 1884 г. май—іюнь.

Калачова: «Статья о Псковской Судной грамотѣ», Москвитянинъ., 1848 г. кн. I.

Устрялова: «Изслѣдованія Псковской Судной грамоты». 1855 г.

Энгельмана: «Гражданскіе законы Псковской Судной грамоты». 1855 г.

Панова: «Изслѣдованіе о Новгородской Судной грамотѣ». Сборникъ студентовъ Пет. Университ. 1857 г., в. I.

Соотв. отдѣлы въ напечатанныхъ курсахъ лекцій по исторіи русскаго права проф. Бѣляева, Мрочекъ-Дроздовскаго, Сергѣевича, Латкина, Ясинскаго и Владимірскаго-Буданова. Подробный указатель литературы см. у Н. П. Загоскина: Наука исторіи русскаго права. Казань. 1891 г.

№ IX. Содержаніе договоровъ съ Нѣмцами конца XII вѣка и 1229 года.

По договору конца XII в. за убійство посла, заложника и попа взыскивается 20 гривенъ серебра (т. е. 80 гривенъ кунами; статьи 2 и 15); за убійство купца — 10 гривенъ серебра (ст. 3); за самоуправный и неправильный арестъ—10 гривенъ старыхъ кунъ (ст. 4); за рану, сдѣланную оружіемъ или коломъ—6 гривенъ кунъ (ст. 5); за толчокъ и за поврежденіе одежды — 3 гривны кунъ (ст. 6); за побои, нанесенные замужней женщинѣ или дѣвицѣ — въ пользу князя и въ пользу оскорбленной женщины по 40 гривенъ кунами (ст. 71); за сорваніе съ головы женщины повойника—6 гривенъ кунами (ст. 8); насиліе противъ рабы дѣлало ее свободною, а покушеніе на изнасилованіе рабы наказывалось гривною (ст. 14). Въ статьяхъ о порядкѣ судопроизводства опредѣляется, что въ тяжбахъ безъ крови, при равенствѣ свидѣтельскихъ показаній съ той и съ другой стороны, нѣмецкой и русской, жребій рѣшаетъ, кому должно назначить присягу (ст. 9); при взысканіи долга, въ которомъ запирается отвѣтчикъ, истецъ получаетъ свой долгъ по присягѣ 12 представленныхъ имъ свидѣтелей (ст. 10); тяжба не можетъ служить поводомъ къ насильственному задержанію гостей; нерѣшенная тяжба въ первомъ году откладывается на второй годъ, а если и тогда искъ не будетъ удовлетворенъ, то истецъ, объявивъ князю и людямъ, можетъ арестовать имущество отвѣтчика; тяжба Нѣмцевъ съ Русскими изъ городовъ другихъ земель не относится къ Новгороду (истецъ долженъ просить судъ въ тѣхъ земляхъ, а не у Новгорода; ст. 11). По гражданскимъ искамъ запрещается сажать иноземнаго купца въ тюрьму, отвѣчаетъ его имущество (ст. 13). Статья 12 говоритъ о вознагражденіи кормчаго, проводящаго иноземную лодку.

По договору 1229 года за убійство свободнаго человѣка 10 гривенъ серебра, а холопа—одна гривна серебра (статьи 1 — 3); за лишеніе глаза, руки и ноги 5 гривенъ серебра, а за выбитый зубъ 3 гривны серебра (3); за ударъ по уху—3 гривны кунъ, а за ударъ до синяковъ, или раны—полторы гривны серебра (4, 5 и 7); за тѣ же преступленія противъ посла и попа плата вдвое, «два платежа» (6); за прелюбодѣяніе съ чужою женою 10 гривенъ серебра (17); за изнасилованіе свободной честной женщины 5 гривенъ серебра (18), а за изнасилованіе женщины, уже потерявшей честь, и за изнасилованіе рабы одна гривна серебра (18 и 19); за самовольное и незаконное лишеніе свободы 3 гривны (20); воръ, пойманный на

мѣстѣ преступленія хозяиномъ украденнаго, поступалъ въ полное распоряженіе послѣдняго (32). Ссоры Латинянъ на русской землѣ не подлежать вѣдѣнію русскаго князя; и наоборотъ, всякія ссоры Русскихъ между собою на нѣмецкой землѣ не подлежать вѣдѣнію нѣмецкихъ властей (ст. 16). Русскій имѣетъ право звать Латинянина только на судъ смоленскаго князя, а не иныхъ русскихъ князей, и Латинянинъ можетъ звать Русскаго только на судъ въ Ригѣ и на Готскомъ берегу, въ томъ и другомъ случаѣ исключеніе можетъ быть допущено только съ согласія самого отвѣтчика (28). Пересудъ рѣшенныхъ дѣлъ воспрещается: если какое дѣло между Русскимъ и Латиняниномъ рѣшено передъ судьями и добрыми людьми въ Смоленскѣ, его нельзя уже начинать снова въ Ригѣ и на Готскомъ берегу; и наоборотъ, дѣла, рѣшенныя въ Ригѣ и на Готскомъ берегу, не могутъ быть перерѣшаемы въ Смоленскѣ (33). Въ тяжбахъ, основанныхъ на свидѣтельскихъ показаніяхъ, одностороннее свидѣтельство не должно имѣть значенія окончательнаго судебнаго доказательства; такое значеніе имѣютъ только показанія двухъ свидѣтелей, изъ которыхъ одинъ долженъ быть Русскій, а другой Нѣмецъ (13). Не допускается употребленіе горячаго желѣза въ судебныхъ доказательствахъ помимо воли обвиняемаго (14). Запрещается Русскому звать Нѣмца на судебный поединокъ въ русской землѣ, а Нѣмцу звать Русскаго на судебный поединокъ въ Ригѣ и на Готскомъ берегу (15). Въ Ригѣ и на Готскомъ берегу запрещается сажать въ дыбу обвиняемаго Русскаго, а въ Смоленскѣ запрещается сажать въ тюрьму обвиняемаго Нѣмца; но при отсутствіи поручителей за обвиняемаго, дозволяется заковать его въ желѣзо (8 и 9). Русскій, имѣющій тяжбу къ Нѣмцу, не имѣетъ права самовольно задержать его, а долженъ заявить о своей претензіи нѣмецкому старостѣ; если отвѣтчикъ не послушаетъ старосты, то тотъ можетъ обратиться къ помощи пристава. Точно также Нѣмецъ въ Ригѣ и на Готскомъ берегу не имѣетъ права, безъ заявленія старостѣ, приставить бирича къ отвѣтчику Русскому (29). Приставъ назначается къ отвѣтчику, не желающему платить своего долга, съ разрѣшенія князя или тіуна; приставъ правитъ долгъ съ отвѣтчика въ теченіе 8 дней, а если не исправитъ въ этотъ срокъ, то отпускаетъ его на поруки (21 и 22). Долгъ Русскаго Нѣмцу въ Смоленскѣ и долгъ Нѣмца Русскому въ Ригѣ и на Готскомъ берегу уплачиваются прежде другихъ долговъ (10). Изъ имущества должника, преданнаго конфискаціи за преступленіе, сначала уплачивается долгъ Нѣмцу въ Россіи и долгъ Русскому въ Ригѣ на Готскомъ берегу (11). Наслѣдовавшій имущество княжескаго или боярскаго холопа обязанъ уплатить долгъ послѣдняго (12). Нѣмцы и Русскіе имѣютъ право свободнаго дви-

женія между Готскимъ берегомъ и Смоленскомъ, безъ уплаты мыта (42). Рижскій епископъ, магистръ ордена меченосцевъ и владѣльцы земель по Двинѣ дозволяютъ безпрепятственный проѣздъ по Двинѣ отъ вершины до устья всѣмъ нѣмецкимъ и русскимъ торговымъ людямъ (43). Тіунъ волоцкій, услышавъ о пріѣздѣ на волокъ (между Двиною и Днѣпромъ) купца, обязанъ немедленно послать людей съ повозками, чтобъ перевезти товаръ до мѣста назначенія, безъ задержанія и подъ охраною (23); за утрату Волочаниномъ при перевозѣ купеческаго товара отвѣчаютъ всѣ жители волочанской волости (24): если въ одно время съѣдутся на волокѣ нѣмецкіе и смоленскіе купцы, то бросается жребій, кого везти впередъ; купцы изъ другихъ земель перевозятся позже Нѣмцевъ и Смольнянъ (42); въ случаѣ крушенія въ пути, купеческій товаръ, въ водѣ и на берегу, остается собственностію его хозяина; затонувшій товаръ вытаскивается на берегъ хозяиномъ при помощи его дружины, а если потребуется помощь, хозяинъ нанимаетъ ее по вольной цѣнѣ при свидѣтеляхъ (44). По пріѣздѣ въ городъ съ волока, гость обязанъ дать княгинѣ «поставъ частины», а волоцкому тіуну — рукавицы, за доставку товара безъ задержанія (35). Не запрещается нѣмецкому гостю ѣхать изъ Смоленска въ другія русскія земли, а русскому гостю ѣхать изъ Риги и Готскаго берега въ другія нѣмецкія земли (26). Русскіе нѣмецкихъ купцовъ, а Нѣмцы русскихъ купцовъ не имѣютъ права принуждать къ военнымъ походамъ; они могутъ принять въ нихъ участіе только по своей волѣ (31). Нѣмцамъ въ Смоленскѣ, а Русскимъ въ Ригѣ и на Готскомъ берегу дозволяется продавать и покупать, что имъ угодно (25 и 30). Взявшій у гостя товаръ за условленную плату не имѣетъ права возвратить товаръ обратно, а обязанъ за него заплатить (27). За взвѣшиваніе купленныхъ товаровъ въ пользу вѣсовщика взимается: съ двухъ пудовъ воску — смоленская куна, съ гривны золота — смоленская ногата, съ гривны серебра—двѣ векши, съ гривны серебра въ сосудахъ—смоленская ногата (36—40). Повѣрка рыночныхъ вѣсовъ въ Смоленскѣ производится посредствомъ сличенія съ образцовыми вѣсами, одинъ экземпляръ которыхъ долженъ храниться въ церкви св. Богородицы, а другой у нѣмецкой церкви (41).

№ X. Содержаніе междукняжескихъ договоровъ.

Вступленіе междукняжескихъ договоровъ обыкновенно содержитъ въ себѣ такія формулы: «се язъ князь великій Семенъ Ивановичъ всея Руси со своею братьею молодшею со княземъ Иваномъ и съ княземъ Андреемъ цѣловали есмы межи собе крестъ у отца гроба...»; «по благословенію отца нашего Кипріана, митрополита всея Руси,

на семъ братъ старѣйшій князь великій Дмитрій Ивановичъ и братъ твой князь Володимеръ Андреевичъ цѣлуйте ко мнѣ крестъ къ своему брату къ молодшему, ко князю къ великому къ Олгу Ивановичу...» (Рязанскому); «милостью Божьей и Пречистые его Богоматери, и по благословленію отца нашего Филиппа, митрополита всея Руси, и по нашей любви на семъ на всемъ брате молодшій, князь Михайло Андреевичъ (Можайскій) цѣлуй ко мнѣ крестъ, къ своему брату старѣйшему вел. князю Ивану Васильевичу...».

Условія оборонительнаго и наступательнаго союза выражаются обыкновенно слѣдующими формулами: «Быти ны за одинъ до живота»; «а кто будетъ мнѣ другъ, то и тебѣ другъ; а кто будетъ мнѣ недругъ, то и тебѣ недругъ»; «и не канчивати ти, не сосылатися ни съ кѣмъ безъ моего вѣданья; а мнѣ также безъ тебя не канчивати, ни сосылатися ни съ кѣмъ»; «а съ кѣмъ язъ буду въ докончаньи и мнѣ и тебя съ тѣмъ учинити въ докончаньи; а съ кѣмъ будешь ты въ цѣлованьи, и тебѣ къ тому цѣлованье сложити»; «а гдѣ ми пойти на рать, всести ти съ нами самому на конь, безъ хитрости; а пошлемъ воеводъ и тобѣ и своихъ воеводъ послати». Въ частности опредѣляются отношенія союзниковъ къ Литвѣ, Татарамъ и сосѣднимъ русскимъ князьямъ, въ такихъ формахъ: «А не пристати ти къ Татарамъ и къ Литвѣ никоторою хитростью, ни къ иному кому, кто будетъ намъ недругъ, то и тобѣ недругъ; а быти ти съ нами вездѣ за одинъ противу ихъ»; «а къ Литвѣ цѣлованье сложити, а пойдутъ на насъ Литва или на кого на нашю братью, на князей, намъ ся боронити, а тебѣ съ нами всимъ съ одиного; пойдутъ на тобе, и намъ такоже по тебе помогати, и боронитися всимъ съ одиного». «А жити намъ, брате, по сей грамотѣ: съ Татары оже будетъ намъ миръ по душѣ; а будетъ намъ дати выходъ по душѣ же; а будетъ не дати, по душѣ же; а пойдутъ на насъ Татарове или на тебе, битися намъ и тебѣ съ одинаго всѣмъ противу ихъ; или мы пойдемъ на нихъ, и тебѣ съ нами съ одиного пойти на нихъ»; «а изъ русскихъ князей кто мнѣ другъ, то и тебѣ другъ, а кто мнѣ недругъ, то и тебѣ недругъ, идти намъ съ одиного».

Личныя междукняжескія отношенія обусловливаются, напримѣръ, такими формами: «имѣти ти мене собѣ братомъ старѣйшимъ, а князя Володимера, брата моего, братомъ; а добра ти намъ хотѣти во всемъ, вездѣ безъ хитрости; а што ти слыша отъ христіанина или отъ поганина о нашемъ добрѣ или о злѣ, а то ти намъ повѣдати въ правду, по цѣлованью, безъ хитрости».

Въ статьямъ, относящихся къ территоріальнымъ границамъ, обусловливается неприкосновенность и защита владѣній однихъ князей со стороны другихъ въ такихъ формулахъ: «А вотчины ти нашея и всего великаго княженія блюсти, а не обидити; а вотчины

ти нашея и всего княженія не искати и до живота, и твоимъ дѣтемъ, и твоимъ братаничамъ. А имутъ насъ сваживати (ссорить) Татарове и имутъ давати тебѣ нашу отчину великое княженье, и тобѣ ея не имати и до живота; а имутъ давати намъ твою вотчину Тверь, и намъ ея также не имати и до живота; а въ Кашинъ ти ся не вступати, и что потягло къ Кашину, вѣдаетъ то вотчичь князь Василей». «А вотчины вы моее блюсти, а не обидѣти, Москвы и Коломны, и всѣхъ Московскихъ волостей и Коломенскихъ, что ся потягло къ Москвѣ и къ Коломнѣ, по реку по Оку»... и т. д. (слѣдуетъ подробное обозначеніе границъ вел. княж. Московскаго отъ Рязанскаго).

Порядокъ рѣшенія спорныхъ дѣлъ опредѣляется слѣдующими формулами: «А судомъ и данью потягнути по землѣ и по водѣ. А что ся учинитъ межи насъ князей каково дѣло, ино съѣдутся бояре наши на рубежъ, да межи насъ поговорятъ; а не уговорятся, и ѣдутъ на третій, на князя на великаго на Ольга; на кого помолвитъ, виноватый передъ правымъ поклонится, а взятое отдастъ. А чьи судьи на третій не поѣдутъ, или на кого третій помолвитъ, а онъ взятаго не отдастъ, то правому отняти, а то ему не въ измѣну. А цѣлованья не сложити и до живота». «А всему обидному дѣлу межи насъ судъ вопчій отъ перваго нашего цѣлованья, отъ положенья веригъ св. Апостола Петра. А о чемъ судьи наши вопчіи сопрутся, они ѣдутъ на третій, на князя великаго на Ольга. А намъ, княземъ, въ судъ опчій не вступитися, вѣдаютъ то тѣ, на комъ есмы положили. А вывода и рубежа межи себе не замышляти, а хто замыслитъ рубежъ, рубежника по исправѣ выдати. А суженаго не посужати; суженое, положеное, даное, поручное, холопу, рабѣ судъ отъ вѣка; холопа, рабу, татя, разбойника, душегубца выдати по исправѣ».

Юридическое положеніе подданныхъ одного удѣльнаго князя на территоріи другого формулируется въ слѣдующихъ выраженіяхъ: «А людей ти нашихъ блюсти, а не обидити, какъ и своихъ. А закладней ти въ нашей вотчинѣ не держати, ни грамотъ не давати. А кто бояръ и слугъ отъѣхалъ отъ насъ къ тебѣ, или отъ тобе къ намъ, а села ихъ въ нашей вотчинѣ, въ ты села намъ и тобѣ не вступатися. А боярамъ и слугамъ межи насъ вольнымъ воля. А кто служитъ намъ или тобѣ, а живетъ въ нашей вотчинѣ, или въ твоей вотчинѣ, и на тыхъ намъ взяти дань, какъ и на своихъ, по цѣлованью, безъ хитрости; а на полныхъ холопахъ не взяти, на которыхъ ключники цѣлуютъ. А мыта ти держати и пошлины имати по старой пошлинѣ у нашихъ гостей и торговцевъ, а путь имъ дати чистъ, какъ то было при нашемъ дѣдѣ и при моемъ отцѣ. А мытовъ ти новыхъ и пошлинъ не замышляти. А почнутъ твои искати

передъ насъ, или наши передъ тебе, или предъ наши намѣстники, или передъ волостели, хоженаго въ городѣ алтынъ, а на правду вдвое; а дальній ѣздъ верста по рѣзанѣ, а на правду вдвое. А кто отъ насъ пригонится въ твою отчину за холопомъ, или за должникомъ, а изымаетъ самъ, а безъ пристава, да поставитъ передъ тобою, или передъ намѣстники, или передъ волостели, въ томъ вины нѣтъ».

№ XI. Содержаніе договоровъ Новгорода съ князьями.

Во вступленіи и заключеніи именуются стороны, заключившія договоръ, и дается клятвенное обѣщаніе исполнить его ненарушимо.

Въ условіяхъ, опредѣляющихъ права и обязанности князя, какъ правителя, запрещается князю управлять новгородскими дѣлами, оставаясь внѣ предѣловъ Новгородской территоріи, и раздавать оттуда новгородскія волости въ управленіе; раздачу волостей князь обязуется производить вмѣстѣ съ новгородскимъ посадникомъ и только новгородскимъ мужамъ; запрещается князю лишать мужа волости безъ вины; запрещается князю нарушать договорныя грамоты Новгорода съ Нѣмцами; наконецъ, запрещается издавать вѣчевыя грамоты безъ княжескихъ печатей.

Въ условіяхъ, опредѣляющихъ судебное значеніе князя, запрещается князю нарушать судныя грамоты, производить судъ и выдавать судныя грамоты безъ посадника; вѣрить жалобамъ рабовъ на господъ; судить рабовъ и половниковъ въ отсутствіи ихъ господъ; нарушать частные договоры; вѣрить клеветѣ безъ судебнаго разбирательства; посылать судей по волостямъ не въ обычное время и брать судебныя пошлины сверхъ обычныхъ въ Новгородѣ. Для разбирательства дѣлъ между людьми князя и Новгородцами учреждается особый судъ на Городищѣ, состоящій изъ боярина княжескаго и боярина новгородскаго. Недовольные этимъ судомъ могутъ перенести дѣло на судъ самого князя съ новгородскимъ посадникомъ, рѣшеніе котораго окончательно.

Въ условіяхъ, опредѣляющихъ финансовыя права князя, перечисляются новгородскія волости, управляемыя новгородскими мужами, по назначенію князя и посадника; запрещается князю, княгинѣ, ихъ дѣтямъ, боярамъ и дворянамъ пріобрѣтать села въ предѣлахъ новгородской территоріи; «по пошлинѣ», опредѣляются княжескія пожни, право охоты, даръ, судебныя пошлины, погонъ, мытъ и черный боръ; запрещается княжескимъ боярамъ брать у купцовъ повозки въ мирное время.

Въ условіяхъ, опредѣляющихъ отношенія княжеской области къ Новгородской, какъ отдѣльныхъ владѣній, запрещается князю, кня-

гинѣ, ихъ боярамъ и дворянамъ переводить людей изъ новгородской территоріи на свою землю въ значеніи закладчиковъ; опредѣляется размѣръ мыта для Новгородцевъ въ предѣлахъ княжеской области, дозволяется свобода торговли новгородскимъ купцамъ въ княжеской области, и наоборотъ; опредѣляется выдача бѣглыхъ преступниковъ, рабовъ и половниковъ; наконецъ, опредѣляются границы между родовымъ удѣломъ князя и новгородскими владѣніями.

Въ статьяхъ и отдѣльныхъ грамотахъ, опредѣляющихъ временныя и случайныя отношенія, содержатся постановленія о военныхъ союзахъ, о возстановленіи обычныхъ отношеній, нарушенныхъ войною, о вознагражденіи военныхъ издержекъ, объ измѣненіи территоріальныхъ границъ, объ исключительныхъ правахъ князя въ нѣкоторыхъ новгородскихъ волостяхъ.

№ XII. Содержаніе Двинской и Бѣлоозерской уставныхъ грамотъ.

По уставнымъ грамотамъ князь соединяетъ въ себѣ верховную законодательную, правительственную и судебную власть въ государствѣ. Правители областей называются княжескими намѣстниками, назначаются и смѣняются княземъ, а въ управленіи областью обязаны руководствоваться правилами, изложенными въ грамотѣ. Назначеніе намѣстника носитъ характеръ княжескаго пожалованія (кормленіе). Лицо, назначенное въ извѣстную область намѣстникомъ, отвѣчаетъ за свои дѣйствія по управленію и суду только передъ княземъ, по жалобѣ обиженныхъ (Дв., 12, 13; Бѣл., 22, 23). Въ рукахъ намѣстника сосредоточена мѣстная судебная и административная власть. При намѣстникахъ состоятъ ихъ помощники, именуемые тіунами, дьяками, доводчиками, подвойскими, дворянами и слугами. Дворяне и слуги не имѣютъ спеціальныхъ должностей, а исполняютъ, по мѣрѣ надобности, распоряженія намѣстниковъ всякаго рода (Дв., 2, 3, 5, 8, 9). Тіуны — помощники намѣстника въ дѣлахъ суда (судьи); а спеціальная обязанность доводчиковъ и подвойскихъ состояла въ призваніи отвѣтчиковъ и свидѣтелей къ суду и въ исполненіи судебныхъ рѣшеній (судебные приставы). Бѣлозерская грамота точно опредѣляетъ число тіуновъ и доводчиковъ и запрещаетъ смѣнять ихъ до истеченія года (2 тіуна, 10 доводчиковъ; Бѣл., 3, 5). Дьякъ завѣдывалъ письменною частью (Дв., 10). Намѣстникъ получаетъ приношенія въ три срока, по которымъ они назывались въѣзжимъ кормомъ, рождественскимъ кормомъ и петровскимъ кормомъ [1]).

---

[1]) При въѣздѣ намѣстника городскіе и становые или волостные люди приносили намѣстничій кормъ въ неопредѣленномъ количествѣ,

Чины мѣстнаго управленія получали опредѣленныя пошлины съ рѣшаемыхъ дѣлъ, судебныхъ и административныхъ: опредѣленный процентъ съ денежныхъ взысканій за преступленія и гражданскія правонарушенія и опредѣленную пошлину при заключеніи браковъ жителями управляемаго округа, за явку лицъ, пріѣзжавшихъ изъ другихъ округовъ, и за торговыя сдѣлки и перевозъ товаровъ (Б., 7—9, 13, 14, 17, 16. Д., 1, 3, 7, 10, 14). Доводчикъ за каждый призывъ къ суду и за каждое дѣло, требовавшее разъѣздовъ, получалъ опредѣленное вознагражденіе, называвшееся хоженымъ или ѣздомъ, соразмѣрявшееся съ пройденнымъ пространствомъ (Д., 8 Б., 16). Дьякъ получалъ за письмо отъ каждой судной грамоты по 2 бѣлки (Д. 10).

Рядомъ съ опредѣленіемъ обязанностей областного населенія по содержанію чиновъ мѣстнаго управленія въ уставныхъ грамотахъ содержатся постановленія, направленныя къ защитѣ населенія отъ незаконныхъ поборовъ и вымогательствъ со стороны должностныхъ лицъ. Съ этою цѣлью Двинская грамота говоритъ вообще: «а черезъ сю мою грамоту кто ихъ чѣмъ изобидитъ, или кто не иметъ ходити по сей грамотѣ быти тому отъ мене, отъ великаго князя въ казни» (16). Бѣлоозерская грамота повторяетъ: «а чрезъ сю мою грамоту кто что на нихъ возметъ, или чѣмъ изобидитъ быти тому отъ мене, отъ в. князя въ казни» (23). Въ случаѣ какого бы то ни было насилія, или незаконнаго побора со стороны намѣстника, или его помощниковъ обѣ грамоты представляютъ обиженнымъ право жаловаться князю и назначить срокъ обидчику для явки на судъ князя; а если въ этотъ срокъ обвиняемый намѣстникъ, или тіунъ, или доводчикъ не явится на княжескій судъ, то обиженный получалъ отъ князя безсудную грамоту и пристава для ея исполненія (Дв., 13). Съ цѣлью предупредить незаконные поборы съ населенія и зло-

---

по своему усмотрѣнію: „Кто что принесетъ, то имъ взяти“ (Б., 1). На Рождество Христово намѣстникъ получалъ со всѣхъ сохъ, принадлежавшихъ князьямъ, боярамъ, монастырямъ, чернымъ людямъ и грамотникамъ, съ каждой сохи—полоть мяса, или 2 алтына; 10 хлѣбовъ или 10 денегъ; бочку овса, или 10 денегъ; возъ сѣна, или 2 алтына. На Петровъ день съ каждой сохи намѣстникъ получалъ по одному барану или по 8 денегъ; по 10 хлѣбовъ или по 10 денегъ. Кормъ тіуна опредѣляется вполовину менѣе корма намѣстника. Доводчикъ получалъ съ каждой сохи на Рождество Христово ковригу хлѣба, или одну деньгу; часть мяса, или деньгу; зобню овса, или 2 деньги; а на Петровъ день ковригу хлѣба и сыръ, или 2 деньги (Б., 2.). Соцкій (выборная должность) собиралъ кормъ въ станахъ или волостяхъ и отдавалъ его въ городѣ намѣстникамъ, тіунамъ и доводчикамъ (Б., 6).

употребленія властью, запрещается чиновникамъ разъѣзжать безъ нужды по волостямъ, являться безъ приглашенія на пиры и братчины и производить судъ безъ соцкихъ и безъ добрыхъ людей (Б., 19—21, 23). Съ тою же цѣлью запрещается доводчику разъѣзжать по своему стану съ лишнимъ паробкомъ и лишнею лошадью, собирать свой поборъ (кормъ) лично во время разъѣздовъ, а не у соцкаго въ городѣ, разъѣзжать по станамъ, принадлежащимъ другимъ доводчикамъ, обѣдать тамъ, гдѣ ночевалъ, и ночевать тамъ, гдѣ обѣдалъ (Б., ст. 4).

№ XIII. Содержаніе вѣчевой грамоты на Черный боръ.

«Отъ посадника В. Новгорода степеннаго и отъ всѣхъ старыхъ посадниковъ и тысяцкаго степеннаго и отъ всѣхъ старыхъ тысяцкихъ и отъ бояръ и отъ житьихъ людей и отъ купцовъ и отъ черныхъ людей и отъ всего В. Новгорода: *на вѣчѣ*, на Ярославлѣ дворѣ се дахомъ черный боръ на сей годъ в. к. Василію Васильевичу всея Руси. А послалъ князь великій на черный боръ Семена Яковлевича въ Торжокъ; а брати князя великаго черноборцемъ на новоторжскихъ волостяхъ на всѣхъ, куды пошло, по старинѣ, съ сохи по гривнѣ по новой, а писцу княжу мортка съ сохи. А въ соху два коня, да третьее припрятъ; да штанъ кожевнической за соху; неводъ за соху; лавка за соху; лодья за двѣ сохи; срѣнъ за двѣ сохи; а кто сидитъ на исполовьи, на томъ взяти за полсохи; а гдѣ будетъ Ноугородецъ заѣхалъ лодьею, или лавкою торгуетъ, или староста, на томъ не взяти; а кто будетъ одерноватый, емлетъ мѣсячину, на томъ не взяти; а кто поверга свой дворъ, а вбѣжитъ въ боярскій дворъ, или кто иметъ соху таити, а изобличатъ, на томъ взяти вины вдвое за соху. А кормъ съ десяти сохъ князя великаго черноборцамъ взяти тридцать хлѣбцовъ, баранъ, а любо полоть мяса, трое куровъ, сито заспы, два сыра, бѣкарь соли; а коневого корму пять коробей овса въ старую коробью, три возы сѣна съ десяти сохъ, какъ пошло; по двѣ подводы отъ стану до стану. А брати имъ, куды и переже сего черноборцы брали, по старинѣ». А. А. Э.; т. I, № 32, стр. 24.

№ XIV. Составъ содержанія Новгородской Судной Грамоты.

О судѣ владыки, посадника, князя, княжескаго намѣстника, тіуновъ, тысяцкаго и докладчиковъ (ст. 1—5, 25, 20, 26); о «наводкѣ»—возбужденіи народа противъ суда (6); о защитѣ поземельнаго владѣнія противъ самоуправства (7); о судебныхъ пошлинахъ (8, 33); о мѣсячномъ срокѣ для рѣшенія судебныхъ дѣлъ (9); судъ о наѣздѣ и грабежѣ (10, 11); о правѣ владѣнія землею по судной гра-

мотѣ (12); о встрѣчномъ искѣ (13); о крестномъ цѣлованіи въ судебномъ процессѣ (14—19, 25, 27, 38); о судномъ протоколѣ (21); о послухахъ (22, 23); о срокахъ явки на судъ (24, 41); о двухмѣсячномъ срокѣ для рѣшенія поземельныхъ дѣлъ (28, 29); объ обязанности судьи окончить начатое дѣло (30); о срочной грамотѣ для явки въ судъ (31); о повѣренныхъ въ тяжбахъ (32); о расплатѣ по суднымъ грамотамъ въ мѣсячный срокъ (34); о помощи со стороны мѣстныхъ властей истцу въ призывѣ отвѣтчика къ суду (36 и 37); объ обѣтной грамотѣ (39); о задержаніи истца отвѣтчикомъ и выдачѣ безсудной грамоты родственнику или другу перваго (40); «о ятцахъ»—пособникахъ на судѣ (41)...

№ XV. Составъ содержанія Псковской Судной Грамоты.

О судѣ княжескомъ, намѣстника Новгородскаго владыки, посадника, вѣча, пригородныхъ намѣстниковъ, пригородскихъ старостъ и братчины (ст. 1—6, 77, 113); о преступленіяхъ, караемыхъ смертью (7, 8); о давности поземельнаго владѣнія и условіяхъ его обращенія въ собственность (9); судъ о лѣсной землѣ и пошлины съ дѣлъ о землѣ (10—12); о выкупѣ недвижимыхъ имѣній (13); о наслѣдованіи по завѣщанію и по закону (14, 15, 53, 55, 88—91, 100); о поклажѣ (17—19); искъ и судъ о боѣ и грабежѣ (20, 27); о судебномъ поединкѣ (21, 36, 37, 119); о послушествѣ (22—24); о вызовѣ къ суду отвѣтчика позовникомъ и истцомъ (25, 26); о договорѣ займа, долгѣ и поручительствѣ (28—33, 38, 73, 74); искъ о татьбѣ (34, 35, 57); договоръ личнаго найма и найма, связаннаго съ займомъ (39 — 44, 51, 63, 75, 76, 84 — 87); необходимость опредѣленія цѣны иска (45); покупка краденыхъ вещей (46); о находкѣ (47); искъ о взяткахъ (48); о пошлинахъ (49, 50, 64, 65, 81, 82, 83); объ отношеніи уголовнаго наказанія къ частному вознагражденію (52); о сводѣ (54); объ отводѣ обвиненія (56); объ обыскѣ татьбы чрезъ приставовъ (57); отношеніе сторонъ къ суду и судебное представительство (58); о подверникахъ при судѣ (59); оговоръ преступникомъ другихъ лицъ (60); о воспрещеніи перерѣшенія дѣлъ (61); о прекращеніи дѣлъ миромъ (62); о храненіи арестованныхъ вещей (66); о самоуправствѣ по исполненію договоровъ (67); о воспрещеніи чиновникамъ быть адвокатами (68, 69, 71), объ искахъ по церковнымъ имуществамъ (70); о правахъ пожизненнаго владѣльца (72); о процентахъ (73, 74); о межевомъ судѣ (78); о городскомъ и княжимъ дьякахъ (79); о примиреніи по дѣламъ о побояхъ (80); о договорѣ торговаго товарищества (92); о судебныхъ издержкахъ (93); о братскомъ совладѣніи (94, 95); объ убійствѣ, отцеубійствѣ, братоубійствѣ и убійствѣ случайномъ (96—

98); о неявкѣ къ судебной присягѣ; о торговлѣ и порукѣ (101); о платѣ за обученіе мастеру (102); объ отношеніи подсусѣдника къ хозяину (103); о залогѣ (104, 107); объ искахъ чужеземцевъ (105); о сябрномъ совладѣніи (106); о составленіи новыхъ и отмѣнѣ старыхъ законовъ (108); о разграниченіи подсудности церковнаго и свѣтскаго суда (109); о доказательствѣ собственности на домашнія вещи (110); о дракѣ между тяжущимися на судѣ (111); оцѣнка животныхъ (112); о мѣнѣ и куплѣ въ состояніи опьяненія (114); о воспрещеніи княжимъ людямъ держать корчмы (115); о присягѣ при обвиненіи въ поджогѣ (116); о судѣ и наказаніи за поврежденіе бороды (117); о куплѣ и продажѣ (118); о судебномъ поединкѣ между женщинами (119); о солидарной отвѣтственности по дѣламъ о боѣ (120).

№ XVI. Теорія двоевластія въ древней Руси и значеніе вѣча въ княжествахъ и народоправствахъ.

1. Содержаніе теоріи двоевластія и критика ея аргументаціи.

Историкъ С. М. Соловьевъ въ своей диссертаціи «Объ отношеніяхъ Новгорода къ Великимъ Князьямъ» высказалъ мысль, по которой Рюрикъ былъ призванъ «для возстановленія наряда, нарушеннаго усобицами родовъ», а результатомъ этого призванія было «*странное двоевластіе, сопоставленіе власти княжеской и власти вѣча другъ подлѣ друга на правахъ равныхъ*» (стр. 9, 10). Эту мысль повторилъ историкъ Н. И. Костомаровъ въ сочиненіи «Сѣверно-Русскія народоправства во времена удѣльно-вѣчевого уклада»: «Призывавшіе князей народы не отдавались имъ безусловно, но приглашали ихъ «княжить и володѣти по праву»; отсюда и возникло то *двоевластіе,* то *существованіе одна о-бокъ другой двухъ верховныхъ политическихъ силъ,* земской или вѣчевой и княжеской, чѣмъ такъ отличается древняя исторія Руси вообще и Великаго Новгорода въ особенности» (т. I, с. 30). Идея двоевластія въ древней Руси получила спеціальное развитіе въ книгѣ проф. В. И. Сергѣевича «Вѣче и Князь», исходнымъ тезисомъ которой является слѣдующее положеніе: «*Народъ и Князь суть два одинаково существенныхъ элемента древнерусскаго общественнаго быта;* съ одной стороны народъ не можетъ жить безъ князя, съ другой главную силу князя составляетъ тотъ же народъ. Участіе народа въ общественныхъ дѣлахъ проявляется подъ формою вѣча. Во времена князей Рюриковичей форма эта встрѣчается на всемъ пространствѣ княжеской Россіи; гдѣ были князья, тамъ было и вѣче. *Новгородъ не представлялъ въ этомъ отношеніи исключительнаго явленія:* его *бытъ есть бытъ общій всѣмъ городамъ русскимъ*» (с. 1, 2).

Вѣче въ значеніи одного изъ верховныхъ органовъ государственной власти въ древней Руси характеризуется слѣдующими опредѣленіями: «Всякое народное собраніе, едва оно имѣетъ своимъ предметомъ общественныя дѣла и желаетъ, чтобъ его мнѣніе было принято всѣмъ остальнымъ народомъ, есть вѣче. Рѣшеніе вѣча имѣетъ въ своемъ основаніи соглашеніе всѣхъ или соглашеніе подавляющаго большинства; если нѣтъ такого соглашенія, вопросъ рѣшается войною. Участвовать въ вѣчевыхъ собраніяхъ имѣли право всѣ жители области, но участвовать лично, а не чрезъ представителей; никто не былъ обязанъ посѣщать вѣчевыя собранія, бывалъ кто хотѣлъ. Вѣчевыя собранія не были періодическими; они созывались смотря по потребности: въ одну недѣлю могло быть нѣсколько вѣчевыхъ собраній, и наоборотъ, въ цѣлый годъ могло не быть ни одного. Вѣче могло быть созвано какъ самимъ народомъ, такъ и княземъ. Подъ народомъ не должно разумѣть ни всего народа, ни значительной его части; для созванія вѣча довольно было ясно выраженной воли даже двухъ лицъ; но чтобы вѣче дѣйствительно состоялось нужно, чтобы народъ желалъ совѣщаться о томъ или другомъ предметѣ. Составъ вѣча могъ быть очень непостоянный. Назначеннаго мѣста для вѣчевыхъ собраній не было; вѣче могло собраться всюду. Вѣче собиралось на неопредѣленный срокъ, смотря по предмету совѣщанія. Порядокъ совѣщаній былъ словесный и совершенно безформенный» (Вѣче и Князь, с. 23, 53—64, 88).

Въ изложеніи предметовъ вѣдомства вѣча и князя авторъ приходитъ къ заключеніямъ, по которымъ участіе вѣча въ политической сферѣ ограничивалось только призваніемъ и изгнаніемъ князя; въ дѣлахъ же законодательства, суда и администраціи вѣче является только въ исключительныхъ случаяхъ, какъ изъятіе изъ общаго правила. «Вѣче, какъ основная форма быта,—говоритъ авторъ,—вѣдаетъ все, кромѣ тѣхъ предметовъ, которые передаются въ исключительное завѣдываніе князя; къ предметамъ же послѣдняго рода относятся управленіе и судъ». «Вѣчевой формы не было достаточно ни для огражденія предѣловъ государства отъ хищническихъ набѣговъ воинственныхъ сосѣдей, ни для внутренняго управленія и суда. Народъ собирается для совѣщаній, но эти собранія не составляютъ сколько-нибудь удовлетворительнаго органа для постояннаго дѣйствія: самоуправленіе не въ средствахъ вѣча» (66, 67). Въ дальнѣйшемъ, подробномъ исчисленіи предметовъ вѣдомства вѣча авторъ высказываетъ: «Главнѣйшая дѣятельность вѣча состояла въ призваніи и изгнаніи князя, а потомъ слѣдовали: договоръ съ княземъ, законодательная дѣятельность, объявленіе войны и заключеніе мира, распоряженіе ходомъ военныхъ дѣйствій и судъ чрезвычайный и политическій». Но призваніе и изгнаніе князя вѣчемъ не было общимъ

правиломъ въ древней Руси, а избраніе князя народомъ въ исключительныхъ случаяхъ возможно всегда и вездѣ; избраніе и изгнаніе царей народомъ практиковалось у насъ и въ XVII вѣкѣ, когда о «вѣчевомъ бытѣ» не можетъ быть рѣчи. О договорахъ князей съ вѣчемъ въ удѣльныхъ княжествахъ древней Руси намъ ничего неизвѣстно; а разсматривая законодательную дѣятельность вѣча, какъ необходимое дополненіе къ праву призванія (?), авторъ не приводитъ ни одного примѣра ея проявленія въ какомъ бы то ни было актѣ. Приводимые примѣры участія вѣча въ сферѣ судебной взяты изъ исторіи Новгорода и Пскова (67 ср. 89). Излагая предметы вѣдомства князя и его органовъ, г. Сергѣевичъ высказываетъ: «всѣ общественные вопросы были по преимуществу вопросами князя» (99). Но если самоуправленіе было не въ средствахъ вѣча; если законодательство, судъ, администрація, защита государства, по общему правилу, составляли предметы вѣдомства князя, то что же оставалось за вѣчемъ, какъ органомъ государственной власти?

Такимъ образомъ, поставивъ въ началѣ книги дѣятельность народа на первый планъ, признавъ вѣче «могущественнымъ и постояннымъ элементомъ верховной государственной власти», вѣдавшимъ тѣ же предметы, что и князь, почтенный авторъ, при точнѣйшемъ опредѣленіи вѣча и предметовъ его вѣдомства, низводитъ этотъ верховный политическій органъ на степень безформеннаго экстраординарнаго народнаго сходбища, лишеннаго какой бы то ни было юридической компетенціи.

Это самопротиворѣчіе теоріи двоевластія въ древней Руси явилось естественнымъ слѣдствіемъ метода, посредствомъ котораго получено понятіе о всеобщности вѣча и его значеніи въ составѣ политическихъ учрежденій древней Руси.

Существованіе на всемъ пространствѣ древней Руси «вѣчевой формы быта» проф. Сергѣевичъ доказываетъ: 1) свидѣтельствами лѣтописей, изъ которыхъ видно, что въ 24 городахъ древней Руси граждане «творили вѣча», «собирались на вѣча» и «совѣщались на вѣчахъ»; 2) свидѣтельствами лѣтописей, въ которыхъ «высказывается результатъ воли народной», куда принадлежатъ, напримѣръ, слѣдующія выраженія лѣтописцевъ: «въ 1067 г. Мѣняне затворились отъ Изяслава»; «въ 1142 г. Ладожане собираются отражать Емь»; «въ 1150 г. Дорогобужцы, при приближеніи Изяслава, выходятъ къ нему со крестами; въ томъ же году Корчане выходятъ навстрѣчу къ Изяславу и кланяются ему съ радостью»; «въ 1185 г. Римовичи затворяются въ градѣ отъ Половцевъ»; 3) свидѣтельствомъ Суздальскаго лѣтописца, по которому: «Новгородци бо изначала, и Смолняне, и Кіяне, и Полочане, и вся власти, якоже на думу, на вѣча сходятся». Свидѣтельства лѣтописей, по мнѣнію г. Сергѣевича, до-

казываютъ, что народное вѣче дѣйствовало не только въ Новгородѣ, но и во всѣхъ другихъ городахъ, что «вѣчевой бытъ» былъ явленіемъ необходимымъ въ древней Россіи, а потому и всеобщимъ (20).

Основывая на сказанныхъ лѣтописныхъ свидѣтельствахъ «вѣчевой бытъ» древней Руси, авторъ долженъ былъ доказать предварительно, что лѣтописцы всегда и вездѣ употребляютъ слово «вѣче» въ значеніи органа народной государственной власти, дѣйствовавшаго рядомъ съ княземъ и ему равнаго. Такого доказательства не имѣется; да его и не можетъ быть. Слово вѣче имѣетъ въ лѣтописи обширное значеніе: будучи сокращеніемъ существительнаго «свѣщаніе»—совѣщаніе [1]), происшедшаго отъ глагола «вѣщать» — говорить, слово вѣче означаетъ въ лѣтописяхъ всякаго рода народныя собранія и совѣщанія, какъ случайныя, мятежныя, неимѣющія юридическаго значенія, такъ и постоянныя, законныя, опредѣленной компетенціи. О вѣчахъ перваго рода говорятъ, напримѣръ, слѣдующія извѣстія: «всташа простая чадь на архимандрита Есипа и сотвориша вѣче» [2]); военный отрядъ Новгородцевъ «стояша на Невѣ нѣколико дней, и сотвориша вѣче, и хотѣша убити Судомира» [3]); Смоленское ополченіе въ военномъ походѣ, у Кіевскаго города Треполя «почаша вѣче дѣяти» [4]); «начаша Новгородци вѣче дѣяти въ тайнѣ, по дворамъ... княже! дѣютъ людье вѣче ночь, и хотятъ тя яти» [5]); «во градѣ Москвѣ бысть мятна многа и мятежъ великъ зело... всташа вѣчемъ народы мятежницы, не добрыи человѣцы, людіе крамольницы» [6]); «вѣче бысть на бесерменъ по всѣмъ градамъ русскимъ» [7]); Псковичи «учали сильно дѣяти надъ священники... и въ однихъ рубахахъ стояша на вѣчѣ» [8]); и т. д. Вѣча—собранія-совѣщанія такого рода существовали и существуютъ во всѣ времена, у всѣхъ народовъ.

О народныхъ собраніяхъ другого рода говорятъ Суздальскій и другіе лѣтописцы въ извѣстіяхъ о вѣчахъ, какъ исконномъ учрежденіи, дѣйствовавшемъ во всѣхъ городахъ Руси, и судебные акты актовыхъ книгъ Кіевскаго центральнаго архива, по которымъ «вѣча»—народныя собранія общинъ существовали съ незапамятнаго

---

[1]) П. С. Р. Л.; I, 13, 19, 31.
[2]) П. С. Р. Л.; III, 42.
[3]) Тамъ же, XV, 348.
[4]) Тамъ же, II, 132.
[5]) Тамъ же, 97.
[6]) Тамъ же, IV, 85.
[7]) Тамъ же, IV, 39.
[8]) Тамъ же, 59.

времени въ древней Россіи и сохранялись до XVI-го столѣтія [1]). Очевидно, только извѣстія о вѣчахъ второго рода, опредѣленнаго состава, дѣйствовавшихъ постоянно, могутъ служить научнымъ матеріаломъ, годнымъ для опредѣленія истиннаго значенія народныхъ собраній въ составѣ политическихъ учрежденій древней Руси. Свидѣтельства же о вѣчахъ случайныхъ, фактическихъ народныхъ собраніяхъ, существующихъ всегда и вездѣ, во всякомъ обществѣ, во всякомъ государствѣ, не могутъ служить доказательствами «вѣчевого быта» въ древней Руси, какъ опредѣленной государственной формы.

Теорія двоевластія извѣстіе лѣтописи о какомъ бы ни было вѣчѣ почитаетъ годнымъ для доказательства «вѣчевой формы быта» въ данномъ городѣ древней Руси и для характеристики этой формы. Напримѣръ, вѣчевой бытъ въ Смоленскѣ г. Сергѣевичъ доказываетъ свидѣтельствомъ лѣтописи о вѣчѣ смоленскаго ополченія, бывшемъ въ Кіевской области, у Треполя [2]). Вѣчевой бытъ Галича доказывается указаніемъ на вѣче 1231 года [3]), состоявшее изъ 18 отроковъ князя Даніила, т. е. изъ младшихъ членовъ княжеской дружины [4]). Для доказательства вѣчевой формы быта въ Ростовѣ, Суздалѣ, Владимирѣ на Клязьмѣ и Переяславлѣ Залѣсскомъ приводится лѣтописное извѣстіе 1262 года слѣдующаго содержанія: «Вложи Богъ ярость въ сердца крестьянамъ, изволиша вѣчь, и выгнаша поганыхъ» (Татаръ) изъ городовъ Ростова, Суздаля, Владимира и Переяславля [5]). Въ отношеніи Москвы вѣчевой бытъ доказывается указаніемъ на крамольное вѣче 1382 года, когда, по свидѣтельству лѣтописца, «всташа вѣчемъ народы мятежницы, недобрыи человѣцы, людіе крамольницы» [6]); и т. д. Негодны для научнаго опредѣленія роли вѣча въ составѣ политическихъ учрежденій древней Руси и свидѣтельства лѣтописей, въ которыхъ говорится, что граждане такого-то города *предались* непріятелю, *затворились* отъ него, *вышли* навстрѣчу со крестомъ и т. д. Такими свидѣтельствами можно доказать существованіе вѣчевого быта въ какомъ угодно государствѣ и въ какое угодно время. По сказанію нашего лѣтописца во время осады греческаго Корсуня княземъ Владимиромъ «Корсуняне боряхуся крѣпко изъ града», «людье изнемо-

---

[1]) См. Н. Иванишева: О древ. сельск. общинахъ въ Юго-Запад. Россіи; с. 12 и слѣд.; прилож. с. 36, 37.

[2]) Вѣче и князь, 6.

[3]) Тамъ же, 8.

[4]) П. С. Р. Л.; II, 171.

[5]) Вѣче и князь, 13.

[6]) Тамъ же, 13.

гоша водною жажею и предашася»[1]). Значитъ, и въ греческихъ городахъ эпохи князя Владимира существовала «вѣчевая форма быта?» Такими же свидѣтельствами лѣтописей проф. Сергѣевичъ пользуется въ ученіи объ организаціи древнерусскаго вѣча и въ опредѣленіи предметовъ его вѣдомства и отношеній къ князю.

2. Право призванія и изгнанія князя Новгородцами.

Избраніе и изгнаніе князей въ народоправствахъ не было случайнымъ, исключительнымъ фактомъ, каковымъ оно является въ родовыхъ удѣльныхъ княжествахъ древней Россіи, а было безспорнымъ правомъ народа, юридическимъ правиломъ, коренившимся въ грамотахъ князя Ярослава Владимировича, данныхъ Новгороду. Подъ 1173 годомъ въ лѣтописи говорится: «Новгородцы издавна суть свобожены прадѣды князь нашихъ»; а подъ 1196 годомъ: «А Новгородъ выложиша вси князи въ свободу, гдѣ имъ любо, туто собѣ князя поимають»[2]). Въ 1136 году «Новгородцы призваша Плесковичи и Ладожаны и сдумаша изгонити князя своего Всеволода; и всадиша его въ епископь дворъ съ женою, и съ дѣтьми, и съ тещею; и сторожи стрежаху его день и нощь, по 30 мужъ, съ оружіемъ; и сѣде 2 мѣсяца; и пустиша его изъ города, а сына его пріяша. А се вины его творяху: 1) не блюдѣть смердовъ; 2) чему хотѣлъ еси сѣсти въ Переяславли, а къ намъ цѣлова крестъ; 3) ѣхалъ еси изъ полку переди всѣхъ» (всѣхъ прежде бѣжалъ съ битвы въ Суздальской войнѣ[3]). Въ 1141 году «Новгородцы яша Ростислава, и всадиша въ епископь дворъ; сѣдѣвша четыре мѣсяца; въ то же лѣто вниде Святополкъ Новгороду и пустиша Ростислава къ отцу»[4]). Въ 1154 году «выгнаша Новгородцы Ярослава Изяславича и введоша Ростислава сына Мстиславля... иде Ростиславъ изъ Новгорода Кіеву на столъ, оставивъ сына Давида въ Новгородѣ; и вознегодоваша Новгородцы, зане не створи имъ наряда, но болѣ раздра, и показаша путь сынови его по ненъ»[5]). Въ 1170 году «сдумавше Новгородцы, показаша путь князю, а сами послашася къ Андрееви: «на всей волѣ нашей даждь намъ князь»[6]). Въ 1218 году князь Святославъ Мстиславичъ «присла своего тысяцкаго на вѣче, рече:

---

[1]) П. С. Р. Л.; I, 46, 47.
[2]) П. С. Р. Л.; II, с. 105; XV, с. 286.
[3]) Тамъ же, III, стр. 7; XV, стр. 199.
[4]) Тамъ же, III, 9.
[5]) Тамъ же, с. 11.
[6]) Тамъ же, IV, 8; XV, 222.

«не могу быти съ Твердиславомъ, отъимаю посадничество у него». Рекоша же Новгородцы: «есть-ли вина его?» Онъ же рече: «безъ вины». Рече же Твердиславъ: «тому есть радъ, еже вины моея нѣту; а вы, братіе, въ посадничествѣ и въ князѣхъ вольны». Новгородцы же отвѣщаша князю: «оже нѣту вины его, ты къ намъ крестъ цѣловалъ: безъ вины мужа не лишити, а тобѣ ся кланяемъ, а се нашъ посадникъ, а въ то ся не вдадимъ»[1]). Въ 1228 г. «Новгородцы послаша къ князю Ярославу на томъ: поиди къ намъ; забожницы отложи; судье по волости не слати; на всей волѣ нашей и на всѣхъ грамотахъ Ярославлихъ ты намъ князь: или ты собѣ, а мы собѣ»[2]). Въ 1229 году «приде князь Михаилъ... и ради быша Новгородци своему хотѣнію, и цѣлова крестъ на всей воли Новгородской и на всѣхъ грамотахъ Ярославлихъ, и вда свободу смердомъ на 5 лѣтъ даніи не платити; кто сбѣжалъ на чюжу землю, а симъ повелѣ: кто сдѣ живетъ, како уставили передніи князи, тако платите дань»[3]). Въ 1230 году «послаша по Ярослава на всей воли Новгородской. Ярославъ же пріиде въ Новгородъ, и сотвори вѣце и цѣлова св. Богородицу на всихъ грамотахъ Ярославлихъ»[4]). Въ 1339 году Новгородцы говорятъ в. к. Ивану Даниловичу: «ты, господине, цѣловалъ крестъ къ Новгороду по старой пошлинѣ Новгородской, *по грамотамъ прадѣда своего великаго князя Ярослава Володимеровича*»[5]).

3. *Организація управленія въ Новгородѣ.*

Высшими органами управленія въ Новгородѣ были: *владыка, князь, посадникъ и правительственный совѣтъ.*

Правительственная власть новгородскаго владыки и его намѣстника въ Псковѣ, какъ и въ княжествахъ, опредѣлялась Номоканономъ и церковными уставами первыхъ христіанскихъ князей Рюрикова рода. Но въ княжествахъ владыки избирались соборами духовенства съ участіемъ князей, а *въ Новгородѣ и Псковѣ ихъ избирало народное вѣче безъ участія князей*; посвященіе въ архіепископы «нарѣченный владыка», избранный вѣчемъ, получалъ отъ всероссійскаго митрополита, какъ и всѣ русскіе архіепископы и епископы. Не было срока, въ который избранный народомъ владыка обязанъ былъ получить посвященіе митрополита. Въ правительственномъ отношеніи избраніе почиталось важнѣе посвященія. *Наречен-*

---

[1]) Тамъ же, III, 37; XV, 328.
[2]) Тамъ же, III, 44; XV, 351.
[3]) Тамъ же, III, 44.
[4]) Тамъ же, III, с. 47.
[5]) Тамъ же, III, 79; V, 221.

ный немедленно занималъ «владычныя полаты» и *вступалъ во всѣ права владыки;* а архимандриты, игумены и все духовенство становились подъ его власть, хотя бы до избранія онъ былъ и ниже ихъ духовнымъ саномъ. *Управленіе и судъ владыки пользовались полною независимостью отъ власти княжеской.*

По договорнымъ грамотамъ *безъ участія вѣчевыхъ посадниковъ князья не имѣли права дѣлать какія бы то ни было правительственныя распоряженія*: не имѣли права назначать мѣстныхъ правителей и судей въ волости, подвластныя Новгороду; безъ вины и суда лишать новгородскихъ мужей назначенныхъ имъ волостей; выдавать новыя и нарушать прежде состоявшіяся грамоты; наказывать кого бы то ни было и производить судъ. Нѣкоторыя волости были изъяты изъ княжескаго управленія и суда и стояли въ непосредственной зависимости только отъ посадника. Финансовыя права князя были также ограничены вѣчевыми постановленіями и договорами. *Вся земля народоправства почиталась достояніемъ св. Софіи и Великаго Новгорода, а не князя.* По договорамъ постояннымъ мѣстомъ пребыванія новгородскаго князя и его дружины было Городище, предмѣстье Новгорода. Князь, его родственники и его служилые люди не имѣли права пріобрѣтать частныхъ имѣній въ предѣлахъ народоправства и принимать закладниковъ. *За свою службу князь получалъ жалованье отъ Новгорода,* въ видѣ опредѣленныхъ доходовъ съ извѣстныхъ волостей и опредѣленнаго вѣчевымъ закономъ процента изъ судебныхъ и торговыхъ пошлинъ. *Въ дѣлахъ внѣшнихъ князь является только исполнителемъ вѣчевыхъ рѣшеній:* онъ предводительствуетъ войскомъ, собраннымъ по рѣшенію вѣча и идущимъ на войну, рѣшенную вѣчемъ; онъ заключаетъ миръ по рѣшенію вѣча и подписываетъ договоръ, составленный на вѣчѣ. Эти ограниченія княжеской власти въ народоправствахъ имѣли своимъ слѣдствіемъ частую мѣну князей, нарушавшихъ законныя границы своей власти, привыкшихъ въ своихъ родовыхъ удѣлахъ къ другому государственному порядку.

Посадникъ въ княжествахъ имѣлъ значеніе княжескаго намѣстника, назначаемаго и смѣняемаго княземъ. Въ народоправствахъ посадникъ является высшею выборною, вѣчевою правительственною должностью. Посадники избирались вѣчемъ изъ мѣстныхъ боярскихъ родовъ на неопредѣленный срокъ [1]). Посадникъ, оставившій должность,

---

[1]) Въ 1243 году въ Новгородѣ умеръ Степанъ Твердиславичъ, бывшій посадникомъ 13 лѣтъ. (П. С. Р. Л.; Ш., с. 54). Отъ XV вѣка сохранилось извѣстіе, по которому въ это время новгородскіе посадники смѣнялись ежегодно. Лануа, пар. 41.

сохранялъ высшее положеніе въ обществѣ въ значеніи «стараго» посадника. Должностной посадникъ въ отличіе отъ старыхъ назывался «степенный». Въ XV вѣкѣ, при частой смѣнѣ посадниковъ, образовался цѣлый классъ старыхъ посадниковъ, помѣщаемый въ вѣчевыхъ грамотахъ на первомъ планѣ, выше всѣхъ другихъ общественныхъ классовъ. Въ Новгородѣ всегда былъ только одинъ степенный посадникъ; во Псковѣ въ XV вѣкѣ упоминаются одновременно два степенныхъ посадника. Случалось, что одно и то же лицо было посадникомъ нѣсколько разъ; иногда даже въ одинъ и тотъ же годъ смѣнялись и опять возводились въ должность степеннаго посадника одни и тѣ же лица. Въ отсутствіе князя посадникъ соединялъ въ себѣ власть князя и посадника по управленію и суду. Вознагражденіемъ службы посадниковъ служили пошлины отъ рѣшаемыхъ ими дѣлъ, въ количествѣ, опредѣленномъ вѣчевыми грамотами, и опредѣленный доходъ съ волостей, упоминаемый въ источникахъ подъ именемъ «посадническаго поралья».

Власть посадника, подобно власти владыки и князя, простиралась на всю область народоправства, а *по объему стояла не ниже власти княжеской*. Наравнѣ съ княземъ, посадникъ предводительствовалъ военными силами, велъ мирные переговоры и къ грамотамъ, утвержденнымъ вѣчемъ, прикладывалъ свою печать, рядомъ съ печатью князя. *Въ законодательной сферѣ значеніе посадника важнѣе значенія князя*: посадникъ обязанъ былъ слѣдить за потребностями законодательства и докладывать вѣчу объ отмѣнѣ старыхъ законовъ и необходимости изданія новыхъ. *Въ сферѣ управленія дѣятельность посадника равнялась дѣятельности князя*: князь не имѣлъ права дѣлать какія бы то ни было правительственныя распоряженія безъ согласія посадника [1]). *Въ сферѣ суда власть посадника равнялась власти князя*, такъ какъ въ договорныхъ грамотахъ Новгорода съ князьями говорится: а князю или намѣстнику князя «безъ посадника новгородскаго суда не судити» [2]). Согласно съ тѣмъ новгородская судная грамота постановляетъ: «А посаднику судити судъ свой съ намѣстники великаго князя по старинѣ» [3]). По Псковской судной грамотѣ князь и посадникъ «на вѣчи суда не судютъ; судити имъ у князя на сѣнѣхъ, взирая въ правду, по крестному цѣлованію» (ст. 4).

---

[1]) См. Костомарова, Сѣв. Рус. Нар., I, с. 155.

[2]) С. С. Г. и Д.; № 8 и друг.

[3]) См. Костомарова, Сѣв. Рус. Нар., т. II, стр. 48. Бест.-Рюмина, Рус. Ист.; I, 336. Никитскаго, Прав. совѣтъ, въ Ж. М. Н. П. за 1869 г., № 11.

Новгородскій правительственный совѣтъ составляли мѣстные *бояре*, между которыми первое мѣсто занимали *старые посадники*. Указанія источниковъ на этотъ совѣтъ такъ кратки и неясны, что мы не можемъ составить точнаго понятія о его организаціи, компетенціи и порядкѣ дѣлопроизводства. Повидимому, правительственный совѣтъ обсуждалъ предварительно дѣла, поступавшія на окончательное рѣшеніе вѣча.

Послѣ владыки, князя и посадника высшимъ чиновникомъ въ новгородской администраціи былъ *тысяцкій*. *Должность тысяцкаго существовала только въ Новгородѣ; во Псковѣ ея не было.* Въ княжествахъ древней Руси тысяцкій назначался и смѣнялся княземъ, а обязанность его состояла въ предводительствѣ городовыми полками, то есть мѣстными народными ополченіями. Въ Новгородѣ тысяцкій, подобно посаднику, *избирался вѣчемъ* изъ знатнѣйшихъ боярскихъ фамилій; *компетенція же его власти не ограничивалась предводительствомъ новгородскимъ ополченіемъ, но имѣла еще административное и судебное значеніе.* Изъ лѣтописныхъ извѣстій видно, что тысяцкій вмѣстѣ съ княземъ и посадникомъ принималъ участіе въ военныхъ походахъ, вѣроятно, въ значеніи предводителя ополченія города Новгвода, почему иностранцы называли его «*dux*»— *вождь-полководецъ*. Иногда тысяцкій вмѣстѣ съ владыкою и посадникомъ принималъ мѣры къ укрѣпленію Новгорода и велъ переговоры съ сосѣдними государями. *Вмѣстѣ съ посадникомъ тысяцкій открывалъ вѣчевыя совѣщанія и слѣдилъ за ихъ порядкомъ.* Онъ имѣлъ свою особую *печать*, которая прикладывалась къ договорнымъ, жалованнымъ и другимъ вѣчевымъ грамотамъ непосредственно за печатью посадника; во всѣхъ вѣчевыхъ грамотахъ его *имя помѣщалось рядомъ съ именемъ посадника.* Подобно посадникамъ, должностные тысяцкіе назывались «*степенными*», а оставившіе должность—«*старыми*». Старые тысяцкіе составляли одинъ изъ высшихъ классовъ новгородскаго народонаселенія, занимавшій въ вѣчевыхъ грамотахъ мѣсто между старыми посадниками и боярами. *Подобно должностному посаднику*, должностной тысяцкій за свою службу, *кромѣ доходовъ отъ суда, получалъ опредѣленный доходъ съ волостей*, носившій названіе «*поралье*» [1]).

По отношенію къ вѣчу, какъ органу верховной государственной власти, владыка, князь и посадникъ являются органами центральной администраціи, такъ какъ ихъ административная и судебная дѣятельность, по порученію вѣча, проявляется на всемъ пространствѣ государства, какъ въ самомъ Новгородѣ, такъ и въ новгород-

---

[1]) А. И., I, № 26.

скихъ пригородахъ и волостяхъ. *Власть тысяцкаго,* исходя также отъ вѣча, *проявляется только въ предѣлахъ Новгорода, какъ мѣстной общины.* Слѣдовательно, тысяцкій по отношенію къ власти владыки, князя и посадника представлялъ собою *власть мѣстную:* онъ былъ спеціальный *представитель и блюститель интересовъ населенія города Новгорода.* А такъ какъ населеніе города Новгорода составляло преобладавшій элементъ въ составѣ новгородскаго вѣча, какъ власти государственной, то *тысяцкій имѣлъ важное вліяніе на исходъ вѣчевыхъ совѣщаній*; его вліяніе могло дать преобладаніе той или другой вѣчевой партіи [1]).

Народонаселеніе городовъ, пригородовъ и волостей новгородской и псковской земли дѣлилось на *общины*, во главѣ которыхъ стояли *выборные начальники*, называвшіеся *старостами и сотскими.* Старосты представляли собою мѣстную выборную власть, сохранившуюся у русскихъ Славянъ съ глубокой древности. При первыхъ князьяхъ Рюрикова дома упоминаются въ лѣтописи *старѣйшины градскіе*, какъ представители мѣстнаго земства. Старосты новгородскіе упоминаются *въ первый разъ при Ярославѣ Владимировичѣ*, который, побѣдивъ Святополка, отпустилъ домой Новгородцевъ, «давъ *старостамъ по десяти гривенъ*». Старосты различались по различію общинъ, на которыя дѣлилось населеніе городовъ, пригородовъ и волостей. Въ Новгородѣ и Псковѣ высшимъ значеніемъ пользовались старосты, стоявшіе во главѣ народонаселенія частей города. Такія части въ Новгородѣ назывались *концами и улицами*, а ихъ представители именовались *кончанскими и уличанскими старостами.* Кончанскаго или уличанскаго старосту выбирало *вѣче конца или улицы*, какъ мѣстной общины, а потому кончанскій и уличанскій староста былъ представитель всѣхъ жителей данной мѣстности безъ отношенія къ ихъ роду занятій и общественному положенію.

---

[1]) Въ случаяхъ побѣды на вѣчѣ партіи, противной тысяцкому, вѣче становилось къ нему враждебно и лишало его власти. Напримѣръ, въ 1228 году „взмятеся весь городъ, и пошли съ вѣча въ оружіи на тысяцкаго Вячеслава... и отняша тысяцкое у Вячеслава и даша Борису". Если тысяцкій становился враждебно къ князю, то князь, при посредствѣ своей партіи, старался возбудить противъ него новгородское вѣче. Напримѣръ, въ 1215 году князь Ярославъ Всеволодовичъ поднялъ вѣче на тысяцкаго Якуна... Великій князь Иванъ Даниловичъ Калита, желая оказать честь Великому Новгороду и расположить къ себѣ новгородское вѣче, сдѣлалъ пиръ для новгородскихъ владыки, степеннаго посадника и степеннаго тысяцкаго, какъ высшихъ сановниковъ и самыхъ вліятельныхъ членовъ новгородскаго вѣча. См. Костомарова, С. Р. Н.; II, стр. 48.

Рядомъ съ кончанскими и уличанскими старостами существовали въ Новгородѣ и Псковѣ *старосты отъ житьихъ людей и купцовъ*, какъ выборные начальники общинъ, члены которыхъ были связаны не общими интересами по мѣсту жительства, а общими интересами *по общности занятій или промысла*. Въ источникахъ упоминаются общины *Ивановскихъ купцовъ*, *Побережанскихъ*, *Обонѣжскихъ*, *прасоловъ*, *суконниковъ* и проч. *Въ Псковѣ* купцы дѣлились *по рядамъ*, и каждый рядъ имѣлъ своего старосту [1]).

Рядомъ съ старостами повсемѣстно въ древней Руси упоминаются соцкіе. Но какія права и обязанности принадлежали соцкимъ, что въ Новгородѣ значила сотня, какъ она относилась къ концамъ и улицамъ и въ какихъ отношеніяхъ стояли соцкіе къ старостамъ

---

[1]) Въ договорной грамотѣ Новгорода съ Ярославомъ Ярославичемъ 1265 года посылается поклонъ князю отъ посадника, тысяцкаго и „всѣхъ сотскихъ". Въ договорѣ Новгорода съ Казимиромъ IV говорится: „а сведется вира—убьютъ сотскаго въ селѣ, ино тебѣ взяти полтина, а не сотскаго, ино четыре гривны. По смыслу этого постановленія, сотскіе были въ каждомъ селеніи. По Псковской судной грамотѣ, сотскіе исполняютъ полицейскія обязанности, производятъ предварительныя изслѣдованія по дѣламъ, относящимся къ бою, грабежу и спорамъ о границахъ поземельной собственности. Въ Двинской уставной грамотѣ упоминается сотскій, какъ представитель всѣхъ черныхъ людей Двинской земли. Въ уставѣ Всеволода Мстиславича соцкіе и старосты сопоставляются отдѣльно, но поручается имъ общая обязанность; здѣсь говорится: „Язъ князь Всеволодъ созвалъ есмь десять сотскихъ и старосту Болеслава и бирюча Морошку, и старосту Иванского Васюту, и погадавъ со владыкою, и съ своею княгинею, и съ своими боярами, и съ десятью сотскими, и старостами, далъ есмь судъ и мѣрила, которыя на торгу въ Новгородѣ Св. Софіи... А домъ Св. Софіи владыкамъ строити съ сотскими, а старостамъ и торговцамъ, докладывая владыки или кто будетъ нашего роду князей въ Новгородѣ, строить домъ св. Іоанна".

По мнѣнію Н. И. Костомарова „администрація старостъ должна быть другая, чѣмъ сотскихъ", а по мнѣнію В. И. Сергѣевича, „эти два разныя наименованія служатъ для обозначенія одной и той же власти; первое изъ нихъ заимствовано отъ древнѣйшаго военнаго дѣленія на сотни, второе же отъ свойства самыхъ лицъ, которыя избирались въ сотники или сотскіе: это были пожилые люди, старосты". Можетъ быть названіе старосты произошло также отъ древнѣйшаго дѣленія народонаселенія на сотни: старшій въ сотнѣ, старшій отъ сотни, старъ отъ ста—староста, и тогда сотскій и староста будутъ названія однозначащія.

и высшимъ властямъ, — на эти вопросы не отвѣчаютъ сохранившіеся памятники; даже трудно сказать, были ли староста и соцкій разными должностями, одна хозяйственнаго, а другая полицейскаго характера, какъ думаютъ одни ученые, или это была одна должность, какъ думаютъ другіе.

Низшіе исполнители вѣчевыхъ постановленій и распоряженій властей, поставленныхъ вѣчами, назывались пригородными посадниками, княжескими намѣстниками, волостелями, тіунами, дьяками, дворянами, приставами, биричами, подвойскими, позовниками, извѣтниками, межевниками и писцами. Лица, занимавшія эти должности, назначались и смѣнялись тѣми властями, при которыхъ они состояли въ значеніи исполнителей или помощниковъ.

4. Юридическое значеніе вѣча въ княжествахъ и народоправствахъ.

По праву завоевателей первые Рюриковичи господствовали надъ покоренными народами и областями самовластно и передавали свою власть порядкомъ наслѣдованія, въ которомъ воля народа не имѣла юридическаго участія. Въ значеніи завоевателей князья опредѣляли дани, издавали уставы, управляли и судили по своей волѣ, справляясь съ народною волею настолько, насколько сами находили это нужнымъ. Послѣ Ярослава, за дарованіемъ Новгороду политической свободы волею князя и за обращеніемъ остальныхъ областей Руси въ родовыя княжества, вѣче Новгорода является высшимъ и единымъ органомъ государственной власти, призывающимъ князя по своей волѣ и опредѣляющимъ его дѣятельность наравнѣ съ дѣятельностью выборнаго посадника; а въ родовыхъ княжествахъ народное вѣче проявляетъ свою волю только при исключительныхъ обстоятельствахъ, когда на вакантный столъ являлось нѣсколько претендентовъ, обращавшихся къ народной помощи и одинаково опиравшихся въ своихъ распряхъ на родовое право или на силу. Въ концѣ XII и въ началѣ XIII столѣтій народонаселеніе княжествъ, принимая одного изъ князей-соперниковъ, иногда заключало съ нимъ договоръ. Напримѣръ, Мстиславъ Изяславичъ, принятый Кіевлянами въ 1169 году, «взялъ рядъ съ братьею, съ дружиною, и съ Кіяны» [1]). Въ 1175 году Владимирцы призвали Ярополка Ростиславича, «въ св. Богородицѣ весь нарядъ положивше» [2]). О содержаніи этихъ договоровъ ничего неизвѣстно, такъ какъ ни одного договора князей съ народонаселеніемъ родовыхъ княжествъ не сохранилось. Но во всякомъ случаѣ содержаніе этихъ договоровъ не могло

---

[1]) П. С. Р. Л.; II, 96.

[2]) Тамъ же, I, 159.

имѣть ничего общаго съ сохранившимися до насъ договорами Новгорода съ его князьями, по которымъ законодательная власть принадлежала новгородскому вѣчу, а правительственная и судебная дѣятельность князя является ограниченною договорными условіями и властью выборнаго посадника. Содержаніе сохранившихся памятниковъ законодательной дѣятельности князей въ родовыхъ княжествахъ показываетъ, что здѣсь законодательная власть, верховное управленіе и верховный судъ были сосредоточены только въ рукахъ князя, какъ единаго органа верховной государственной власти. Нигдѣ не видно, чтобы вѣче княжествъ имѣло значеніе органа государственной власти, равнаго князю, дѣйствовавшаго съ нимъ въ высшей сферѣ законодательства, управленія и суда. По юридическимъ памятникамъ въ Кіевѣ и во всѣхъ другихъ центральныхъ городахъ родовыхъ княжествъ только князь издавалъ законы и опредѣлялъ наказаніе за ихъ нарушеніе; только князь опредѣлялъ перемѣны въ организаціи суда, въ порядкѣ подсудности и въ правилахъ судопроизводства; только князь назначалъ и смѣнялъ высшихъ чиновниковъ центральнаго и мѣстнаго управленія; только князь опредѣлялъ сферу дѣлъ и правила дѣятельности административнаго и судебнаго персонала.

Какое же значеніе имѣло въ родовыхъ удѣльныхъ княжествахъ народное вѣче, какъ юридическое учрежденіе? Со времени завоеванія Руси Варягами народное вѣче, въ значеніи общественнаго учрежденія, могло дѣйствовать только по порученію князя-завоевателя, съ его соизволенія, и въ сферѣ общественной, а не государственной. Въ видахъ необходимости, обусловленной недостаткомъ личнаго правительственнаго персонала и незнанія условій юридической жизни покоренныхъ народовъ, завоеватель долженъ былъ предоставить подвластнымъ народамъ самоуправленіе, но не въ сферѣ государственнаго управленія, гдѣ интересы завоевателя и покоренныхъ городовъ не могли быть одинаковы, а въ сферѣ интересовъ мѣстныхъ, общинныхъ. Въ значеніи органа мѣстной общины, а не государства, мы встрѣчаемъ народное собраніе—вѣче дѣйствующимъ, какъ учрежденіе постоянное, юридическое, на всемъ пространствѣ древней Руси, какъ въ княжествахъ, такъ и въ народоправствахъ. Въ постановленіяхъ законодательныхъ актовъ о дикой вирѣ ясно проявляется дѣленіе территоріи всѣхъ удѣльныхъ государствъ на участки, населеніе которыхъ было связано круговою порукою по отношенію къ отвѣтственности за убійства, совершонныя на землѣ, принадлежавшей верьи, обязанной отыскать преступника, или заплатить опредѣленный штрафъ князю; судебная дѣятельность мѣстнаго вѣча проявляется въ актахъ, открытыхъ проф. Иванишевымъ; дѣятельность мѣстной общины, предполагающая вѣча,

народныя собранія и совѣщанія, проявляется въ постановленіяхъ удѣльнаго законодательства о правѣ и обязанности волостныхъ общинъ распредѣлять между своими членами дани, кормы, всякаго рода повинности, и въ постановленіяхъ о выборныхъ должностяхъ мѣстной администраціи, старостъ, соцкихъ, подвойскихъ; въ постановленіяхъ о выборныхъ судныхъ мужахъ, добрыхъ или лучшихъ людяхъ и цѣловальникахъ, долженствовавшихъ засѣдать въ судахъ и «правду стеречи» и т. д. Во всѣхъ дѣлахъ этого рода законъ предполагаетъ дѣятельность общиннаго, мѣстнаго народнаго собранія, какъ общественнаго учрежденія, дѣйствующаго юридически, законно и постоянно.

Но рядомъ съ мѣстными вѣчами въ Новгородѣ и Псковѣ дѣйствовало вѣче въ значеніи верховнаго органа государственной власти, соединявшаго въ себѣ права законодателя и верховнаго правителя и судьи, принадлежавшія въ родовыхъ княжествахъ только князю. По сохранившимся памятникамъ вѣчевого законодательства новгородскій и псковскій князь является только высшимъ органомъ центральнаго управленія, дѣйствующимъ въ предѣлахъ власти, опредѣленныхъ договоромъ и пошлиною, подъ которою подразумѣвались льготныя грамоты Ярослава Владимировича и вѣчевое законодательство. Значеніе новгородскаго вѣча, какъ верховнаго органа государственной власти, вполнѣ ясно выражается въ содержаніи сохранившихся памятниковъ вѣчевого законодательства. (Ср. текстъ стр. 238—240).

Слѣдовательно, удѣльныя государства древней Руси не отличались отъ другихъ государствъ «страннымъ двоевластіемъ»; верховная государственная власть принадлежала одному органу: въ удѣльныхъ княжествахъ—князю, а въ народоправствахъ—вѣчу.

№ XVII. Основаніе и факты участія народной воли въ преемствѣ великокняжеской власти до времени монгольскаго завоеванія Россіи.

Факты преемства княжеской власти по смерти Ярослава Владимировича свидѣтельствуютъ, что до Всеволода Ольговича, захватившаго кіевскій столъ въ 1145 году, великокняжеская власть наслѣдуется въ порядкѣ родового старшинства; насильственные захваты столовъ были только временными фактическими нарушеніями законнаго порядка наслѣдованія; воля умиравшаго князя осуществлялась на практикѣ только тогда, когда совпадала съ родовымъ правомъ [1]). При первыхъ Рюриковичахъ и при ближайшихъ

---

[1]) Отъ смерти Ярослава до монгольскаго завоеванія лѣтописи упоминаютъ о 4 завѣщаніяхъ князей, нарушавшихъ родовой порядокъ на-

потомкахъ Ярослава Владимировича, пока родовое старшинство между немногочисленными князьями не представляло сомнѣній, не могло быть рѣчи объ участіи народной воли въ преемствѣ княжеской власти, такъ какъ завоеванный народъ не можетъ имѣть права распоряжаться властью господствующаго надъ нимъ завоевателя [1]).

Но съ размноженіемъ князей родовой порядокъ преемства великокняжеской власти по началу бокового первородства вызвалъ на практикѣ почти безпрерывныя междукняжескія войны. Въ сферѣ гражданской жизни тяжбы между сонаслѣдниками рѣшаются общественнымъ судомъ, стоящимъ надъ гражданами [2]). Въ сферѣ государственной споры за удѣлы въ родовомъ владѣніи рѣшаются или договорами князей, не имѣвшими юридической прочности, или судомъ Божіимъ, посредствомъ войны, такъ какъ надъ князьями другого суда не было.

Войны между князьями за родовое старшинство и за удѣлы въ родовомъ владѣніи имѣли своимъ слѣдствіемъ призваніе воли народа къ участію въ порядкѣ преемства княжеской власти, какъ силы, дававшей преимущество одному изъ соперниковъ, спорившихъ за извѣстный столъ. Населеніе городовъ, склоняясь на сторону того или другого изъ князей - претендентовъ, даетъ ему преобладаніе надъ соперникомъ. Въ первый разъ воля народа была призвана къ

слѣдованія, передававшихъ удѣлъ младшему князю помимо старшаго: Всеволода Ольговича, Юрія Долгорукаго, Всеволода Юрьевича и Ярослава Владимировича (Галицкаго). Но ни одно изъ нихъ по смерти завѣщателей не было признано ни князьями, ни народомъ. Завѣщанные столы были заняты не князьями, какимъ они слѣдовали по завѣщанію, а князьями, имѣвшими на нихъ родовое право. См. П. С. Р. Л.; I, с. 149, 158; II, 136; Лѣт. по Ипат. сп., с. 233; Лѣт. по Ник. сп., ч. II, с. 333.

[1]) Въ 1067 году Кіевляне противъ воли своего князя Изяслава Ярославича освободили изъ темницы князя Всеслава Брячиславича, въ видахъ получить въ немъ предводителя противъ Половцевъ. За это своеволіе тяжко поплатились Кіевляне: Изяславъ ушелъ въ Польшу и возвратился оттуда съ Поляками; Всеславъ бѣжалъ въ Полоцкъ, а Изяславъ „посла предь сына своего Мстислава Кіеву. И пришедъ Мстиславъ, и сѣче, иже бѣша высѣкли (изъ поруба) Всеслава, *числомъ 70 чади*, а другія слѣпиша; другія же безъ вины погуби, не испитавъ. Изяславу же идущю къ граду, придоша людье противъ съ поклономъ, *и пріяша князь свой* Кіяне; и сѣде Изяславъ *на столъ своемъ*". П. С. Р. Л.; I, стр. 72—74.

[2]) По Русской Правдѣ: „Аще братья растяжутся *передъ княземъ*, то который дѣтскій идетъ *ихъ дѣлити*, тому взяти гривна кунъ" (т., 100).

участію въ порядкѣ преемства княжеской власти въ 1145 году. Всеволодъ Ольговичъ, князь черниговскій, овладѣвъ кіевскимъ столомъ силою и желая передать его своему брату, созвалъ Кіевлянъ и заставилъ ихъ присягнуть въ вѣрности Игорю Ольговичу, не имѣвшему на Кіевъ родового права [1]). Со времени Всеволода Ольговича участіе воли народа въ преемствѣ спорныхъ княжескихъ столовъ становится обычнымъ: князья въ борьбѣ за спорные столы вступаютъ въ соглашенія не только съ родственниками своими, но и съ народонаселеніемъ спорныхъ удѣловъ, дававшимъ преобладаніе одному сопернику надъ другимъ.

По смерти Всеволода Ольговича Кіевляне, сознавая незаконность власти Игоря Ольговича, послали извѣстить о смерти Всеволода ближайшаго и способнѣйшаго въ то время Мономаховича переяславскаго князя Изяслава Мстиславича, и сказать ему: «пойди, княже, къ намъ; хощемъ тебе; ты нашъ князь; а Ольговичъ не хочемъ; не хочемъ быти аки въ задничи», — не желаемъ переходить по наслѣдству подобно частному имѣнію [2]). Изяславъ Мстиславичъ занялъ кіевскій столъ; но долженъ былъ выдержать борьбу съ своими дядями, которымъ Кіевъ принадлежалъ по родовому праву. Юрій Долгорукій два раза отнималъ Кіевъ у племянника [3]); наконецъ послѣдній пригласилъ старшаго дядю Вячеслава и правилъ Кіевомъ отъ его имени до своей смерти [4]). Въ 1154 году, по смерти Изяслава, Вячеславъ, опираясь на старость и слабость, пригласилъ въ соправители Ростислава Мстиславича, а Кіевляне съ своей стороны признали Ростислава своимъ княземъ подъ условіемъ, чтобъ онъ почиталъ своего дядю Вячеслава, какъ чтилъ его Изяславъ [5]). По смерти Вячеслава полки Ростислава были разбиты Изяславомъ Давидовичемъ, и Кіевляне, нуждаясь въ защитникѣ противъ Половцевъ, признали побѣдителя своимъ княземъ [6]). Но Юрій Долгорукій отнялъ Кіевъ у Давидовича, какъ свою отчину: «и вниде въ Кіевъ

---

[1]) Лѣт. по Ипат. сп., стр. 229.

[2]) П. С. Р. Л.; II., 22, 23.

[3]) Тамъ же, 45, 48, 49.

[4]) Тамъ же, 60, 61 и сл.

[5]) Тамъ же, 74, 75.

[6]) „Изяславъ же (разбивъ Ростислава) посла Кіяномъ, река: хочю къ вамъ поѣхати. Они же, боячеся Половецъ, зане тогды тяжко бяше Кіяномъ, не осталъ бо ся бяше у нихъ ни единъ князь у Кіевѣ, и послаша Кіяне епископа Демьяна Каневскаго, рекуче: поѣди Кіеву, ать не возмутъ насъ Половцы; ты еси нашъ князь, а поѣди. Изяславъ же въѣхавъ въ Кіевъ, и сѣде на столѣ“. Тамъ же, 76.

и сѣде на столѣ отецъ своихъ и дѣдъ, и прія его съ радостію вся земля русская» [1]). Въ 1157 году, по смерти Юрія Долгорукаго, Кіевляне снова пригласили Изяслава Давидовича [2]); но въ 1159 году Ростиславъ Мстиславичъ отнялъ Кіевъ у Изяслава и княжилъ въ немъ до своей смерти [3]). Въ 1167 году, по смерти Ростислава, сыновья его Рюрикъ и Давидъ, братъ Владиміръ и Кіевляне рѣшили отдать Кіевъ Мстиславу Изяславичу [4]); но въ 1169 году Кіевъ былъ взятъ и разграбленъ войсками Андрея Боголюбскаго; Мстиславъ Изяславичъ былъ изгнанъ, а на его мѣсто Боголюбскій посадилъ младшаго брата своего Глѣба [5]). Самъ же Андрей Юрьевичъ, старшій въ родѣ Мономаха, остался въ землѣ Суздальской, въ городѣ Владимирѣ. Съ этого времени Кіевъ теряетъ значеніе главнаго политическаго центра въ русской землѣ, переходитъ въ разрядъ второстепенныхъ столовъ.

Родъ суздальскихъ князей ведетъ свое начало отъ младшаго сына Владимира Мономаха Юрія Долгорукаго, получившаго отъ отца Ростовскій удѣлъ и избравшаго въ немъ своимъ мѣстопребываніемъ городъ Суздаль. Въ 1155 году Юрій Долгорукій, опираясь на родовое старшинство, отнялъ Кіевъ у Изяслава Давидовича и посадилъ старшаго сына своего Андрея въ Вышгородѣ, подъ Кіевомъ, а Ростово-Суздальскую землю завѣщалъ меньшимъ сыновьямъ [6]). Но Андрей Боголюбскій оставилъ Вышгородъ, возвратился въ Суздальскую землю и поселился въ городѣ Владимирѣ на р. Клязьмѣ. Въ 1157 г., по смерти Юрія Долгорукаго, Ростовцы и Суздальцы предложили старшій столъ въ Суздальской землѣ Андрею Боголюбскому, какъ старшему въ родѣ Долгорукаго и народному любимцу [7]). Получивъ отчій столъ, Ростовъ и Суздаль, Боголюбскій остался жить во Владимирѣ и «хотя единъ быти властель», изгналъ за предѣлы Суздальской земли многихъ бояръ сво-

---

[1]) Тамъ же, 77.

[2]) „Пріѣхаша къ Изяславу Кіяне, рекуче: поиди, княже, Кіеву: Гюрги ти умерлъ“. Тамъ же, 81.

[3]) Тамъ же, 85, 86.

[4]) „По Ростиславли смерти начаша слати по Мстислава братья Володимиръ Мстиславичъ, Рюрикъ, Давидъ; и Кіяне отъ себя послаша, Черные Клобуки отъ себе послаша“. Тамъ же, 96.

[5]) Тамъ же, 90—100.

[6]) П. С. Р. Л.; I, 158.

[7]) „Ростовцы и Суздальци, сдумавше вси, пояша Андрея, сына его (Юрія) старѣйшаго, и посадиша и въ Ростовѣ на отни столѣ и Суздали, занѣже бѣ любимъ всѣми за премудрую его добродѣтель“. П. С. Р. Л.; I, 149.

его отца, меньшихъ братьевъ и двухъ племянниковъ отъ старшаго брата, изгоевъ Мстислава и Ярополка Ростиславичей [1]). Въ 1175 году, по смерти Боголюбскаго, въ Суздальской землѣ не было ни одного князя; а за предѣлами ея оставались въ живыхъ слѣдующіе потомки Долгорукаго: два сына, Михаилъ и Всеволодъ, два внука отъ старшаго его сына Ростислава, малолѣтній внукъ отъ Андрея Боголюбскаго, посаженный отцомъ въ Новгородѣ, и малолѣтніе внуки отъ Всеволода, Глѣба и Мстислава. Явился вопросъ, кто долженъ былъ наслѣдовать Андрею Боголюбскому? Родовое старшинство принадлежало Михаилу Юрьевичу; но населеніе Ростова, Суздаля и Переяславля, уступая давленію сосѣдняго рязанскаго князя Глѣба, рѣшило призвать на столъ Боголюбскаго шурьевъ Глѣба рязанскаго, изгоевъ Мстислава и Ярополка Ростиславичей [2]). Когда это народное рѣшеніе было получено въ Черниговѣ, гдѣ нашли пріютъ изгнанные Боголюбскимъ его братья и племянники, то Юрьевичи и Ростиславичи, дяди и племянники, договорились княжить въ Суздальской землѣ сообща, поручивъ старѣйшинство Михаилу Юрьевичу, которому оно принадлежало и по родовому праву [3]). Это рѣшеніе князей, несогласное съ народнымъ рѣшеніемъ, вызвало междоусобную войну въ Суздальской землѣ. Владимирцы подчинились рѣшенію князей и приняли къ себѣ Михаила Юрьевича, а Ростовцы принудили Владимирцевъ изгнать Михаила и принять младшаго Ростиславича—Ярополка [4]). Михаилъ и Всеволодъ Юрьевичи изгнали Ростиславичей изъ Суздальской земли и раздѣлили ее между собою: Михаилъ сѣлъ во Владимирѣ, а Все-

---

[1]) П. С. Р. Л.; IX, 221.

[2]) П. С. Р. Л.; I. 158.

[3]) „И сдумавше сами, рекоша: „любо лихо, любо добро всѣмъ намъ, пойдемъ вси 4“, Гюргевича два, а Ростиславича два. И поидоста преди два, Михалко Гюргевичъ и Ярополкъ Ростиславичъ, утвердившеся межи собою, давше старѣйшинство Михаилу, и цѣловавше крестъ у епископа черниговскаго изъ руки; и пріѣхаста на Москву“. Тамъ же.

[4]) „Пріѣхаша же со всею силою Ростовская земля на Михалка къ Володимерю... Муромцы и Рязанци приведоша... Володимерци же не терпяче глада, рѣша Михалку: „мирися, а любо, княже, промышляй о собѣ“. Онъ же отвѣщавъ, рече: „прави есте, ци хотите меня дѣля погынуты?“ поѣха въ Русь... Ярополка князя посадиша Володимерцы съ радостью въ городѣ Володимирѣ на столѣ, въ святѣй Богородицѣ весь порядъ положивше. Не противу же Ростиславичема бьяхутся Володимерци, но не хотяще покоритися Ростовцемъ... Ростовци посадиша у собѣ Мстислава Ростовѣ“. Тамъ же, 159.

володъ—въ Переяславлѣ Залѣсскомъ. Ростовъ и Суздаль не получили особаго князя [1]). По смерти Михаила Всеволодъ занялъ Владимиръ, согласно съ родовымъ правомъ и желаніемъ Владимирцевъ [2]). Ростовцы снова пытаются возвратить себѣ главенство между городами Суздальской земли; но Всеволодъ разбилъ войска ихъ и захватилъ въ плѣнъ союзника Ростовцевъ рязанскаго князя Глѣба [3]).

Всеволодъ Юрьевичъ, прозванный Большое Гнѣздо, утвердившись во Владимирѣ, подобно Андрею Боголюбскому, соединилъ въ своихъ рукахъ всю землю Суздальскую, не далъ въ ней удѣловъ своимъ племянникамъ, а надѣлилъ ими только своихъ сыновей. Старшаго изъ нихъ Константина онъ посадилъ въ Ростовѣ. Въ 1212 году, чувствуя приближеніе смерти, Всеволодъ приказалъ старшему сыну Константину явиться во Владимиръ и занять его, а Ростовъ уступить слѣдовавшему за нимъ брату Юрію. Константинъ отвѣчалъ отцу слѣдующею просьбою: «старѣйшаго мя сына имаши, и старѣйшину мя хощеши устроити, то даждь ми старый, начальный градъ Ростовъ, а къ нему Володимиръ; аще ми не хощетъ твоя честность тако сотворити, то даждь ми Володимиръ и къ нему Ростовъ; не презри моленія моего, отче, аще угодно ти есть». Въ дальнѣйшихъ переговорахъ Константинъ поставилъ непремѣннымъ условіемъ прибавленіе Владимира къ Ростову, а потому Всеволодъ лишилъ его благословенія и старшинства, передавъ послѣднее вмѣстѣ съ владимирскимъ столомъ младшему сыну Юрію, и заставивъ Владимирцевъ присягнуть послѣднему, какъ великому князю. Узнавъ объ этомъ, Константинъ «воздвиже брови своя гнѣвомъ на князя Юрья, брата своего, и на всѣхъ думцевъ, иже сдумаша сія сотворити, и много волненія и смущенія бысть о семъ, и многи людіе сюду и сюду отбѣжаху метущеся» [4]). Въ 1216 году Константинъ, побѣдивъ Юрія въ Липецкой битвѣ, занялъ Владимиръ, и «гражане вси придоша противу его со кресты»; а Юрій вынужденъ былъ довольствоваться только даннымъ ему Радиловымъ Городцомъ на Волгѣ [5]). Въ 1217 году Константинъ по-

---

[1]) Тамъ же, 160.

[2]) „Преставися... Михалко... Володимерци же, помянувше Бога и крестное цѣлованье къ великому князю Гюргю, вышедше передъ золотая врата, цѣловаша крестъ ко Всеволоду князю, брату Михалкову, и на дѣтѣхъ его, посадиша и на отни и на дѣдни столѣ въ Володимери“. Тамъ же, 161.

[3]) Тамъ же, 162, 163.

[4]) Никон. Лѣт., ч. II, стр. 310, 311.

[5]) Тамъ же, 331. 333.

мирился съ братомъ Юріемъ и «даде ему по своемъ животѣ Суздаль и Владимиръ» [1]). Въ 1218 году, по смерти Константина, «сяде на великомъ княженіи въ Володимери братъ его Юрій Всеволодовичъ», погибшій въ битвѣ съ Татарами на р. Сити въ 1238 году [2]).

Слѣдовательно, родовой порядокъ преемства государственной власти вызвалъ въ Суздальской землѣ тѣ же слѣдствія, что и въ Кіевской области: безпрерывную борьбу между сонаслѣдниками за родовое наслѣдство, насильственные захваты столовъ князьями, имѣвшими на своей сторонѣ фактическее преобладаніе, и участіе воли народа въ рѣшеніи вопроса о принадлежности стола тому или другому родственнику. Такія же слѣдствія были вызваны родовымъ порядкомъ преемства власти и во всѣхъ другихъ княжествахъ Русской земли, раздробленной на множество удѣльныхъ государствъ и ослабленной княжескими междоусобіями до невозможности отразить внѣшняго завоевателя.

---

[1]) Тамъ же, 336.

[2]) Тамъ же, 337.